
DETECTED
ТАЙНА, ПОКОРИВШАЯ МИР
Культовая трилогия
Стиг Ларссон
ДЕВУШКА,
КОТОРАЯ ИГРАЛА С ОГНЕМ
millennium

Annotation

Поздно вечером в своей квартире застрелены журналист и его подруга – люди, изучавшие каналы поставки в Швецию секс-рабынь из Восточной Европы. Среди клиентов малопочтенного бизнеса замечены представители властных структур. Кажется очевидным, каким кругам была выгодна смерть этих двоих.

Микаэль Блумквист начинает собственное расследование гибели своих коллег и друзей и вдруг узнает, что в убийстве подозревают его давнюю знакомую Лисбет Саландер, самую странную девушку на свете, склонную играть с огнем – к примеру, заливать его бензином. По всей Швеции идет охота на «убийцу-психопатку», но Лисбет не боится бросить вызов кому угодно – и мафии, и общественным структурам, и самой смерти.

Стиг Ларссон
Девушка, которая играла с огнем

Stieg Larsson
FLICKAN SOM LEKTE MED ELDEN

The work is first published by Norstedts, Sweden, in 2006 and the text published by arrangement with Norstedts Agency

*** * ***

Пролог

Она лежала на узкой лавке с рамкой из закаленной стали, крепко привязанная ремнями. Одна из лямок была перехлестнута через грудь. Она лежала на спине с руками, пристегнутыми к рамке вдоль бедер.

Уже давно она прекратила всякие попытки освободиться. Она не спала, но лежала с закрытыми глазами. Открыв их, она не увидела бы ничего, кроме тьмы и единственного источника света – тонкой полоски по верху двери. Во рту чувствовалась горечь и страшно хотелось почистить зубы.

Она инстинктивно прислушивалась к звуку шагов – они означали бы его приход. Она понятия не имела, поздний ли вечер сейчас, но чувствовала, что для его прихода уже слишком поздно. Внезапная вибрация кровати заставила ее открыть глаза. Казалось, в здании заработала какая-то машина. Секундой позже она засомневалась, слышала ли звук, или он ей почудился.

Мысленно она вычеркнула еще один день.

Это был ее сорок третий день в неволе.

Зачесался нос, и она повернула голову потереться о подушку. Она вспотела, лежа в душной и жаркой комнате. На ней была ночная рубашка, сбившаяся на спине. Приподняв бедро, она смогла подцепить край ткани и потянуть подол вниз, сантиметр за сантиметром. Затем повторила процедуру второй рукой. Но под поясницей расправить ткань не удалось – матрас был неровный, неудобный. Находясь в полной изоляции, она воспринимала все мелочи, на которые в других обстоятельствах ей было бы наплевать, особенно остро. Ремень был затянут достаточно слабо, чтобы она могла изменить позу и лечь на бок, но это не имело смысла, потому что тогда одна рука оставалась за спиной и затекала.

Страха не было. Более того, она испытывала все бóльшую злобу.

С другой стороны, она мучилась от собственных мыслей, постоянно переходящих в жуткие фантазии о том, что ей предстоит перенести. Вынужденная беспомощность была ей ненавистна. Как ни пыталась она сосредоточиться на чем-то ином, чтобы убить время и отвлечься от ситуации, отчаяние настигало ее. Оно обволакивало ее, как газовое облако, угрожало проникнуть в ее поры и отравить все вокруг. Она заметила, что лучшим способом отогнать отчаяние было представить себе что-то, рождающее в ней ощущение собственной силы. Она закрыла глаза и

попыталась представить себе, как пахнет бензин.

Он сидел в машине с опущенным дверным стеклом. Она бросилась к автомобилю, плеснула бензина в окно и чиркнула спичкой. Это было делом секунды. Пламя вспыхнуло сразу. Он мучительно корчился, а она слышала его крик, порожденный болью и страхом. Запах горелого мяса, едкий запах пластика и обуглившейся набивки сидений ощущался все сильнее.

Она, вероятно, задремала и не слышала шагов, но проснулась, едва открылась дверь. Свет из дверного проема ослепил ее.

Все же он пришел.

Она не знала, сколько ему лет, но он был явно взрослым человеком высокого роста. У него были лохматые каштановые волосы, очки в черной оправе и редкая бородка, пахнувшая туалетной водой.

Его запах был ей ненавистен.

Он безмолвно стоял у изножия и долго смотрел на нее.

Его молчание было ей ненавистно.

Лицо его находилось в тени света, проникающего из дверного проема, и потому она видела лишь его силуэт. Вдруг он заговорил с ней низким внятным голосом, педантично чеканя слова.

Его голос был ей ненавистен.

Он сообщил, что у нее день рождения и он хочет ее поздравить. Интонации голоса не выражали ни злобы, ни иронии, они оставались нейтральными. Она подозревала, что он улыбается.

Она ненавидела его.

Он подошел ближе и обогнул лавку, встав в изголовье. Затем положил влажную ладонь на ее лоб и провел пальцами по ее волосам жестом, предназначенным для выражения дружелюбия. Это был его подарок ко дню рождения.

Его прикосновения были ей ненавистны.

Он что-то говорил ей, она видела его движущиеся губы, но отключила звук его голоса. Ей не хотелось слушать, не хотелось отвечать. Она поняла, что он повысил голос и в нем появились интонации раздражения из-за ее нежелания реагировать. Он разглагольствовал о взаимном доверии, но через несколько минут умолк. Она же полностью игнорировала его взгляд. Тогда он пожал плечами и стал подтягивать ремни. Затянув петлю у нее на груди потуже, наклонился над ней.

Внезапно она повернулась на левый бок, спиной к нему, так резко, как только позволял ремень. Затем подтянула колени к подбородку и сильно двинула ему в голову. Она целилась в кадык, но попала кончиками пальцев

всего лишь куда-то под подбородком. Он был начеку и уклонился, а она лишь чуть дотронулась до него. Она попыталась снова брыкнуть его, но он уже отошел на безопасное расстояние.

Она снова вытянула ноги.

Простыня свисала на пол, а ночная рубашка задралась еще больше наверх, выше бедер.

Он молча, неподвижно постоял, потом обошел кровать и принялся затягивать ремни на ногах. Когда она попыталась поджать ноги, он схватил ее за лодыжку, придавил колено другой рукой и зафиксировал ремень на ноге. Затем обошел кровать и закрепил вторую ногу.

В эту минуту она стала совершенно беспомощна.

Он подобрал простыню с пола и прикрыл ее. Пару минут безмолвно глядел на нее. Несмотря на темноту, она чувствовала его возбуждение, хотя он не притворялся и не демонстрировал его. Эрекция у него наверняка была, и она знала, как ему хочется протянуть руку и дотронуться до нее.

Он повернулся, вышел и закрыл за собой дверь. Она слышала, как дверь заперли на засов, в чем не было никакой необходимости – выбраться из кровати было совершенно невозможно.

Несколько минут она лежала, устремив взгляд на полоску света над дверью, затем заворочалась, пытаясь понять, до какой степени затянуты ремни. Ей удалось чуть подтянуть колени, но ремень на лодыжках сразу натянулся. Она расслабила ноги, лежа неподвижно, уставившись в никуда.

Она выжидала. Ей виделась канистра с бензином и спички.

Она следила, как его заливает бензин, физически ощущала коробок со спичками в руке. Встряхнув коробок, услышала шорох спичек. Она открыла коробок и выбрала спичку. Ей было слышно, что он что-то сказал, но она отключила слух и не слушала слов. Она видела выражение его лица, когда подносила спичку к коробку, и слышала чиркающий звук головки. Звук этот напоминал долгий раскат грома. Она видела, как вспыхнуло пламя.

Она улыбнулась, стиснув зубы, и внутренне собралась.

Этой ночью ей исполнилось тринадцать лет.

Часть I
Уравнения с особенностями
16–20 декабря

Тип алгебраического уравнения определяется наивысшей степенью входящей в него неизвестной (показателем степени). Если показатель степени равен единице, то это уравнение первого порядка, если показатель двойка, то второго порядка. Неизвестная в уравнениях порядка выше первого имеет несколько значений. Эти значения называются корнями уравнения.

Пример уравнения первого порядка (линейного уравнения): $3x - 9 = 0$. *Корень* $x = 3$.

Глава 1

Четверг, 16 декабря – пятница, 17 декабря

Лисбет Саландер сдвинула солнечные очки на кончик носа и прищурилась из-под полей шляпы от солнца. Она увидела, как обитательница номера 32 появилась из бокового входа гостиницы и пошла в направлении к полосатым бело-зеленым шезлонгам у бассейна. Взгляд женщины был сосредоточен на дорожке перед ней, а шаги казались неуверенными.

Саландер уже видела ее раньше – издали. Ей было, вероятно, лет тридцать пять, но вид у нее был такой, что можно было дать от двадцати пяти до пятидесяти. Каштановые волосы до плеч обрамляли продолговатое лицо, а зрелое тело словно скопировали из каталога дамского белья. На ней были сандалии, черные бикини и солнечные очки с фиолетовым оттенком стекол. Она была американкой, и в ее речи слышался южный диалект. Подойдя к шезлонгу, женщина бросила рядом свою желтую соломенную шляпу и подала знак бармену из бара Эллы Кармайкл.

Лисбет Саландер опустила книгу на колени и сделала глоток кофе из чашки, а затем потянулась за пачкой сигарет. Ей не требовалось поворачивать голову, чтобы перевести взгляд к горизонту. Со своего места на террасе у бассейна она могла видеть проблеск Карибского моря между группой пальм и рододендронов у ограды перед гостиницей. Вдали шла по ветру парусная лодка, курсом на север, к Санта-Лючии или Доминике. А еще дальше виднелись контуры серого грузового судна, направлявшегося на юг к Гайане или какой-то соседней стране. Слабый бриз боролся с утренним зноем, но Лисбет почувствовала, как капля пота медленно стекает к брови. Она не любила загорать до черноты и проводила время по возможности в тени, сидя, как правило, под тентом. И все же ее кожа приобрела цвет ореха. Сегодня на ней были шорты цвета хаки и черная полотняная блузка.

Лисбет прислушалась к необычным звукам музыки в стиле стилпан[1], доносившимся из громкоговорителя у стойки бара. Музыкой она никогда не интересовалась и в жизни не отличила бы Свена Ингвара и Ника Кейва, но стилпан ее очаровал. Казалось невероятным, что можно настроить бачок из-под масла, и еще менее вероятно, что этот бачок станет издавать контролируемый звук, не похожий ни на какой другой. Лисбет этот звук казался волшебным.

Вдруг что-то ее покоробило, и она снова перевела взгляд на женщину, только что получившую стакан с напитком оранжевого цвета.

Лисбет Саландер это, конечно, не касалось, но она не могла понять, почему та женщина остается в гостинице. На протяжении четырех ночей, с самого дня их заезда, Лисбет слышала, как в соседней комнате происходит что-то мучительное. Через стенку доносился плач, сдавленные раздраженные голоса, а иногда и звук пощечин. Лисбет предполагала, что пощечины отвешивает ее муж лет сорока. У него были темные, зачесанные назад волосы со старомодным пробором посередине. Вероятно, он был на Гренаде по делам. Лисбет понятия не имела, что это за дела, но каждое утро мужчина появлялся в баре гостиницы выпить кофе, тщательно одетый в пиджак с галстуком, а затем, прихватив портфель, усаживался в заказанное такси.

Этот человек возвращался в гостиницу вечером, купался и болтал с женой у бассейна. Ужинали они обычно вместе, казалось бы наслаждаясь обществом друг друга в тишине и покое. Женщина выпивала один-два лишних стакана, но опьянение не доставляло беспокойства окружающим и не бросалось в глаза.

Ругань за стеной в гостинице начиналась как по расписанию – между десятью и одиннадцатью вечера. Примерно в это время Лисбет ложилась в кровать с книгой о таинствах математики. Дело не доходило до грубых побоев. Насколько можно было судить, за стеной происходила затяжная, повторяющаяся перебранка. Движимая любопытством, прошлой ночью Лисбет вышла на балкон. Через открытую балконную дверь соседей ей хотелось услышать, о чем у них идет речь. Не меньше часа муж ходил взад-вперед по комнате, признавая себя негодяем, недостойным ее. Он без конца повторял, что она наверняка считает его лжецом. Женщина каждый раз отрицала это и пыталась его успокоить. Он же распалялся до того, что начинал трясти ее. Наконец она уступала и говорила, как он хотел: «Да, ты лжец». Он тут же использовал выжатое из нее признание как предлог для обвинений жены в дурном поведении и скверном характере. Он обозвал ее шлюхой, а этого слова в свой адрес Лисбет никогда бы не стерпела. Но сейчас ее это не касалось, и потому ей было трудно решить, должна ли она как-то реагировать.

Лисбет изумленно прислушивалась к его нытью, внезапно завершившемуся звуком пощечины. Только она решила выйти в коридор и постучать в дверь к соседям, как у них воцарилась тишина.

Сейчас, разглядывая ту женщину у бассейна, она отметила синяк на ее плече и царапину на бедре, но других заметных повреждений не

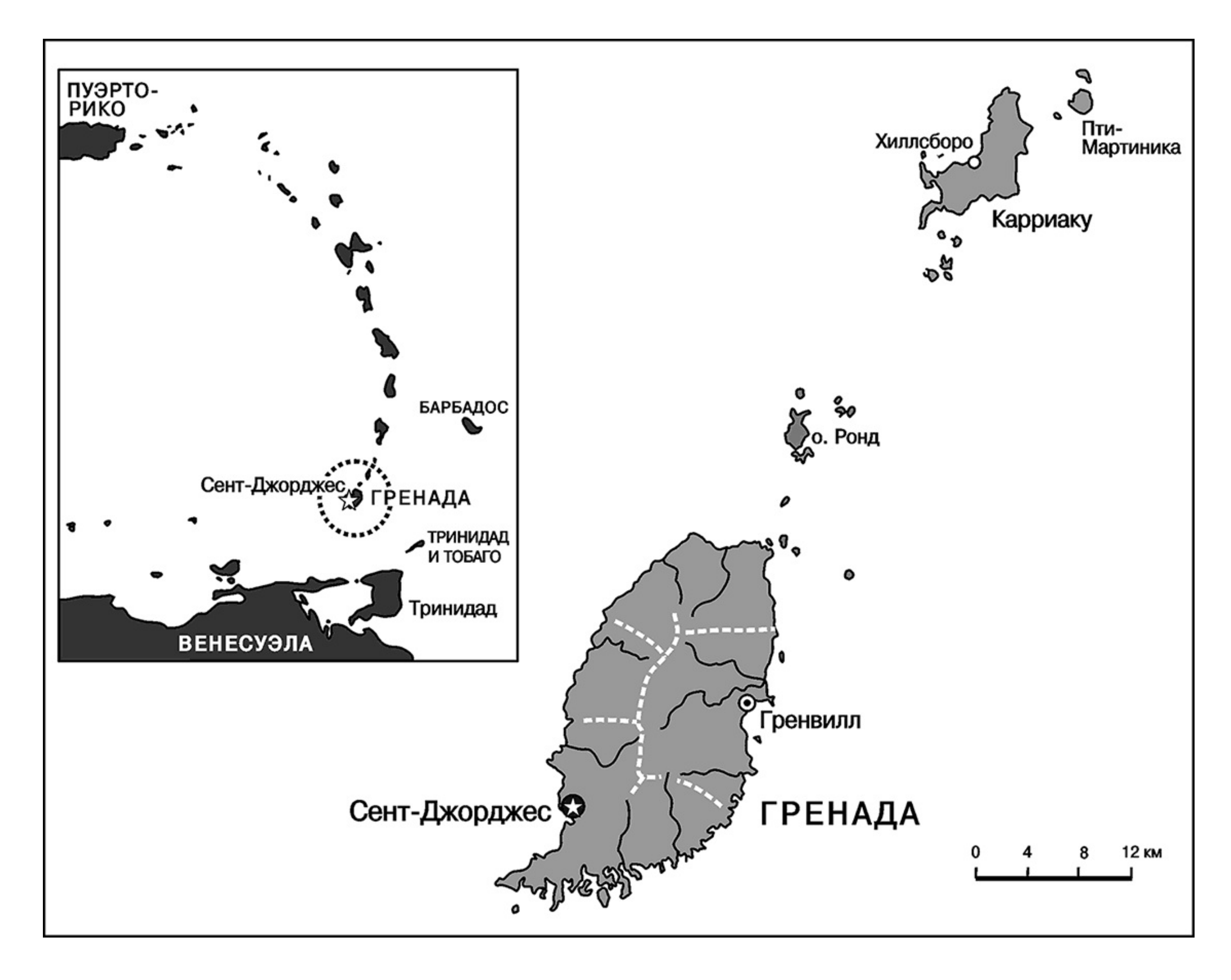
обнаружила.

Девять месяцев назад Лисбет прочитала статью в «Попьюлар сайенс» – журнале, забытом кем-то в аэропорту да Винчи в Риме, – и неожиданно попала под очарование такой далекой от нее области, как сферическая астрономия[2]. Порыв интереса привел ее в университетский книжный магазин в Риме, где она купила несколько трактатов по этой теме. Чтобы разобраться в сферической астрономии, Лисбет была вынуждена засесть за освоение более глубоких тайн математики. В последние месяцы, во время путешествия, она часто заходила в университетские книжные магазины поискать еще что-нибудь нужное.

Бо́льшая часть книг лежала в ее дорожной сумке, а занятия носили бессистемный характер без определенной цели. И вот однажды она забрела в университетский магазин в Майами и вышла из него с книгой «Границы математики» доктора Л. К. Парно (Гарвардский университет, 1999). Книга попалась ей перед тем, как она выбралась на Флорида-Киз и начала бороздить Карибское море от острова к острову.

Лисбет проехала через Гваделупу, проведя двое суток в забытой богом дыре, Доминике, где приятно расслаблялась в течение пяти дней, Барбадос, на котором ей хватило одних суток в негостеприимном американском отеле, и Санта-Лючию. В последнем месте она прожила девять дней и даже осталась бы еще, если бы не местный хулиган-дебил, заправлявший в баре ее дешевого отеля. Под конец Лисбет вышла из себя, хватила его кирпичом по башке, выписалась из отеля и села на паром, направлявшийся в Сент-Джорджес – столицу Гренады. Об этой стране она вообще никогда не слышала, пока не поднялась на борт парома.

Лисбет причалила на Гренаду в десять утра. Был ноябрь, шел тропический ливень. Из справочника «Карибиэн тревелэр» она почерпнула информацию, что Гренаду называют Spice Island, «островом пряностей», и что это один из крупнейших в мире поставщиков муската. Население острова насчитывало 120 000 человек, а еще примерно 200 000 гренадцев жили в США, Канаде и Англии, что давало представление о рынке труда на самом острове. Ландшафт гористый, в центре его – известный потухший вулкан Гранд-Этан.

Когда-то Гренада была одной из многих второстепенных британских колоний. В 1785 году внимание к ней привлек бывший раб Джулиан Федон. Вдохновившись примером Французской революции, он поднял восстание, давшее английской короне повод послать войска, которые порубили, перестреляли, перевешали и изувечили бо́льшую часть повстанцев. Пуще всего колониальные власти были поражены тем, что даже некоторые белые из числа бедняков присоединились к повстанцам Федона, наплевав на традиции и расовые барьеры. Восстание разгромили, но Федон не был захвачен – он исчез в горах Гранд-Этан и стал местной легендой уровня Робин Гуда.

Почти двести лет спустя, в 1979 году, адвокат Морис Бишоп стал во главе новой революции, вдохновленной, как утверждалось в путеводителе, коммунистическими диктаторскими режимами на Кубе и в Никарагуа. Впрочем, у Лисбет Саландер сложилась другая картина происшедшего после встречи с Филиппом Кэмпбеллом – учителем, библиотекарем и проповедником-баптистом, у которого она вначале снимала комнату.

Коротко говоря, Бишоп был подлинно народным лидером, свергнувшим диктатора, он оказался фанатом НЛО и даже потратил часть скудного национального бюджета на поиски летающих тарелок. Бишоп ратовал за экономическую демократию и ввел закон о равноправии полов. Он был убит в 1983 году.

После этого убийства во время резни еще 120 человек поплатились жизнью, включая министра иностранных дел, министра по делам женщин и несколько известных профсоюзных лидеров. Тогда США вторглись в страну и установили демократию. Для Гренады это означало рост безработицы с шести до пятидесяти процентов и возобновление торговли кокаином до такой степени, что она стала важнейшим источником дохода. Филипп Кэмпбелл покачал головой, увидев текст в путеводителе Лисбет, и дал ей практичные советы относительно людей и кварталов, которые ей стоит избегать с наступлением темноты.

Никакого толку для Лисбет в этих советах не было. Устраниться от знакомства с криминальными кругами Гренады ей удалось просто потому, что она без памяти влюбилась в пляж Гранд Анс к югу от Сент-Джорджеса, безлюдную песчаную полосу длиной десять километров, где она могла часами бродить, не нуждаясь в собеседниках и почти никого не встречая. Лисбет перебралась в «Киз», один из немногих американских отелей на Гранд Анс, и прожила там семь недель, главным образом гуляя по пляжу и налегая на местный фрукт чинап, по вкусу напоминавший крыжовник.

Это не было время наплыва отдыхающих, и отель «Киз» заполнился едва на треть. Единственной помехой ее покою и эпизодическим занятиям математикой вдруг стали приглушенные скандалы за стеной.

Микаэль Блумквист нажал указательным пальцем на кнопку звонка в квартиру Лисбет Саландер. Он не ждал, что она откроет, просто у него вошло в привычку проезжать мимо ее дома раз-другой в месяц, проверить, не изменилось ли что-нибудь. Приподняв крышку почтовой прорези в двери, он смутно различил под ней кучу рекламы. Было начало одиннадцатого вечера, и потому слишком темно, чтобы решить, намного ли выросла куча с прошлого раза.

Микаэль нерешительно постоял на лестничной площадке, потом повернулся и вышел из подъезда. Он неторопливо дошел до своего дома на Беллмансгатан, включил кофеварку и развернул газету – при том, что на экране телевизора шли поздние новости. Настроение у него было мрачное, и он недоумевал, куда подевалась Лисбет Саландер. Его одолевало смутное беспокойство, и он терялся в догадках, что же с ней случилось.

Год назад на Рождество Микаэль предложил Лисбет приехать на дачу в Сандхамне. Они часами прогуливались, вполголоса обсуждая последствия тех драматических событий, в которые были вовлечены в течение прошедшего года. Впоследствии Блумквист воспринимал пережитое как кризисный этап в своей жизни. Он был осужден за клевету и провел в тюрьме пару месяцев, его журналистская карьера потерпела крах, и он был вынужден покинуть пост ответственного редактора в журнале «Миллениум», поджав хвост, как пес. Внезапно все изменилось. Задание написать биографию крупного промышленника Хенрика Вангера, которое он воспринял лишь как поразительно высоко оплачиваемую работенку, вдруг обернулось рискованной охотой за неизвестным хитрым серийным убийцей.

Во время этой охоты Микаэль и встретил Лисбет Саландер. Он бессознательно потрогал небольшой шрамик за левым ухом, оставшийся после удавки. Что касается Лисбет, она не только помогла в охоте на убийцу, но и буквально спасла ему жизнь. Сплошь и рядом она поражала его своими способностями: фотографической памятью и феноменальным владением компьютером. Сам Микаэль считал себя весьма компетентным в этом деле, но Лисбет Саландер обходилась с компьютером так, словно у нее заключен пакт с дьяволом. Мало-помалу он понял, что она хакер мирового класса и что в эксклюзивном международном клубе специалистов по взламыванию компьютеров она была легендарной личностью, известной лишь под псевдонимом Wasp[3].

Благодаря ее опыту заходить на чужие компьютеры и выходить из них оказался доступен тот материал, который потребовался, чтобы сделать крутой поворот от журналистского поражения к успеху в расследовании дела Веннерстрёма. Оно стало сенсацией, даже год спустя оставалось темой международных полицейских расследований экономических преступлений и привело к регулярным появлениям Микаэля на телеэкране.

Год назад он относился к этой сенсации с огромным удовлетворением, как к средству осуществить личную месть и восстановить свое журналистское реноме. Но удовлетворение быстро иссякло. В течение нескольких недель Микаэль замучился отвечать на одни и те же вопросы журналистов и финансовой полиции. «К сожалению, я не могу обсуждать свои источники», – повторял он. Когда журналист англоязычной газеты «Азербайджан таймс» приехал в Стокгольм с единственной целью задать ему все те же банальные вопросы, терпению Микаэля пришел конец. Он сократил количество интервью до минимума и за последние несколько месяцев появлялся на телевидении, только если «Та, с четвертого канала»

звонила и упрашивала его выступить, причем происходило это лишь тогда, когда расследование явно входило в новую стадию.

Сотрудничество Микаэля с «Той, с четвертого канала» имело особый обертон. Она была первой журналисткой, клюнувшей на разоблачение, и без ее содействия в тот вечер, когда «Миллениум» опубликовал сенсацию, история, вероятно, не получила бы такого отклика. Лишь позднее Микаэль узнал, что она была готова, если надо, глотку перегрызть, чтобы редакция выделила эфир для этой истории. Тогда многие решительно сопротивлялись возвышению этого «бедолаги из «Миллениума»». До самого момента выхода передачи в эфир было неясно, пропустит ли ее редакционная команда адвокатов. Несколько старших коллег журналистки предрекали ей поражение и предупреждали, что на ее карьере будет поставлен крест, если она ошибется. Но журналистка оказалась настырной, и так появилась история года.

Первую неделю «Та, с четвертого канала» работала ведущей в студии – по существу, она была единственным журналистом, владевшим материалом. Но где-то ближе к Рождеству Микаэль заметил, что все комментарии и новые повороты событий излагались ее коллегами-мужчинами. К новому году, обходными путями, он уже узнал, что ее выставили из программы под тем предлогом, что столь важную историю должны освещать серьезные репортеры по экономике, а не какая-то пигалица с Готланда, Бергслагена или откуда там ее занесло. Когда Микаэлю в очередной раз позвонили с четвертого канала ТВ и попросили о новых комментариях в эфире, он прямо сказал, что будет отвечать на вопросы тележурналистов, только если задавать их станет она. Несколько дней спустя угрюмое молчание четвертого канала было нарушено капитуляцией его парней.

Ослабление интереса Микаэля к делу Веннерстрёма по времени совпало с исчезновением из его жизни Лисбет Саландер. Он не понимал, почему это произошло.

Они распрощались на второй день Рождества и не встречались до Нового года. Тридцатого он позвонил ей, но она не ответила.

Новогодним вечером Блумквист дважды ходил к Лисбет и звонил в дверной звонок. В первый раз он видел свет в окнах ее квартиры, но она не открыла, а во второй там было темно. Первого января он опять пытался связаться с ней по телефону, но безуспешно, а потом и вовсе лишь слышал сообщение, что абонент недоступен.

В последующие дни Микаэль видел ее два раза. Не дозвонившись Лисбет, он отправился к ее квартире и сел на лестнице перед ее входной

дверью. На этот раз он запасся книгой и упорно ждал часа четыре, пока она не вошла в парадную ближе к одиннадцати. В руках у нее была коричневая картонная коробка. Увидев его, она резко остановилась.

– Привет, Лисбет, – сказал он, закрывая книгу.

Она оглядела ее безразличным взглядом, начисто лишенным тепла или дружелюбия, затем обошла его и вставила ключ в замок.

– На кофе не пригласишь? – спросил Микаэль.

Лисбет обернулась к нему и тихо произнесла:

– Уходи. Не хочу тебя больше видеть.

Тут она захлопнула дверь прямо перед носом крайне удивленного Блумквиста, а он услышал, как она запирает дверь изнутри.

Три дня спустя Микаэль увидел ее во второй раз. Он ехал в метро от «Шлюза» к «Т-Сентрален» и, когда поезд остановился на «Гамла стан», увидел ее в окно на платформе, в паре метров от себя. Микаэль заметил ее в тот момент, когда двери вагона закрылись. Секунд пять Лисбет смотрела словно сквозь него, как будто он был из стекла, затем повернулась на каблуках и пропала из вида, когда поезд тронулся.

Смысл этого иносказания был очевиден – Лисбет Саландер не хотела иметь ничего общего с Микаэлем Блумквистом. Она вычеркнула его из своей жизни без объяснений, как будто стерла файл из своего компьютера. Она сменила номер мобильника и не отвечала на электронные письма.

Микаэль вздохнул, выключил телевизор, подошел к окну и стал смотреть на городскую ратушу.

Он задавался вопросом, не совершил ли ошибку, периодически наведываясь к ней в квартиру. Микаэль всегда считал, что должен устраниться, если женщина давала ему знать о своем нежелании даже слышать о нем. Не уважать поданный ему знак было в его глазах все равно что не уважать САМУ ЭТУ ЖЕНЩИНУ.

Микаэль и Лисбет были любовниками. Это произошло по ее инициативе и продолжалось около полугода. Если она решила прекратить их интимные отношения так же внезапно, как и начала их, Микаэль был готов это принять. Выбор оставался за ней. Перейти на роль бывшего бойфренда, если уж таковая была назначена ему теперь, не составляло проблемы для Микаэля. Но то, что Лисбет устранилась от общения полностью, озадачило его.

Он не был влюблен в нее – они не подходили друг другу, как бывает с совершенно разными людьми, – но она ему нравилась, и ему недоставало этой сумасшедшей девчонки. Ему казалось, что их дружеские чувства взаимны, а теперь он чувствовал себя просто-напросто идиотом.

Микаэль еще постоял у окна и наконец принял бесповоротное решение.

Если Лисбет Саландер была о нем столь плохого мнения, что даже не удосужилась кивнуть ему в метро, их дружба подошла к концу. Тут уж ничего не исправить, и не стоит возобновлять контакты с ней.

Лисбет Саландер взглянула на свои наручные часы и констатировала, что вспотела с головы до пяток, хотя неподвижно сидела в тени. Было половина одиннадцатого утра. Она повторила наизусть математическую формулу длиной в три строки и захлопнула книгу «Границы математики», а потом взяла со столика ключи от своего номера и пачку сигарет.

Ее комната была на втором, последнем этаже гостиницы. Там она разделась и пошла в душ.

Со стены под потолком на нее пялилась зеленая ящерица длиной не меньше двадцати сантиметров. Лисбет тоже на нее посмотрела, но не стала спугивать. Ящериц на острове было полно; они пробирались в комнату через жалюзи на открытых окнах, под дверью или через вентиляцию в ванной. Лисбет хорошо чувствовала себя в этой компании, которая ей не докучала. Под прохладной, но не ледяной водой она простояла минут пять под душем – ей хотелось освежиться.

Вернувшись в комнату, обнаженная Лисбет остановилась у гардеробного зеркала и придирчиво подвергла осмотру свое тело. Она все еще весила сорок килограммов при росте около ста пятидесяти сантиметров, тут уж ничего не поделаешь, и это при ее кукольных конечностях, маленьких ладонях и неказистых бедрах.

Но теперь у нее была грудь.

Всю жизнь Лисбет была плоскогрудая, как девочка, не вышедшая из подросткового возраста. Выглядело это так нелепо, что она всегда стеснялась своего обнаженного тела.

И вдруг у нее появилась грудь. Речь не шла о помпезных шарах – их Лисбет не хотела бы иметь, да и выглядели бы они смешно на ее-то щуплом тельце, – но это была крепкая округлая грудь среднего размера. Метаморфоза была произведена осторожно, а пропорции выбраны разумно. Но перемена оказалась разительной – как для внешности девушки, так и для ее личного самоощущения.

Лисбет провела пять недель в клинике неподалеку от Генуи, где ей сделали пересадку ткани, составившей основу ее новой груди. Она выбрала клинику и врача, имевших самую лучшую и серьезную репутацию в Европе. Ее лечащим врачом оказалась Алессандра Перрини – обаятельная,

но трезвомыслящая женщина, констатировавшая, что грудь Лисбет физически недоразвита и что ее наращивание вполне желательно из медицинских соображений.

Нельзя сказать, что операция прошла совершенно безболезненно, однако в результате грудь выглядела и чувствовалась совершенно естественно, а шрамики оказались почти невидимыми. Лисбет ни секунды не жалела о сделанном и осталась довольна. Даже полгода спустя она не могла невозмутимо пройти мимо зеркала с обнаженной грудью, всякий раз с радостью констатируя, что решительно улучшила качество своей жизни.

Лежа в генуэзской клинике, Лисбет также избавилась от одной из своих девяти татуировок – двухсантиметровой осы, сидевшей на правой стороне ее шеи. Лисбет была высокого мнения о всех своих татуировках, а больше всего ценила крупного дракона, занимавшего пространство от лопаток до ягодиц, но все же решила убрать осу – та слишком бросалась в глаза и запоминалась, а Лисбет не хотелось, чтобы она сохранилась в памяти по примете. Татуировку удалили лазером, после чего остался легкий шрамик. Приглядевшись, она увидела, что загар на месте бывшей татуировки чуть светлее, но это оставалось незаметно, если не присматриваться. Лечение в генуэзской клинике стоило ей сто девяносто тысяч крон – эту сумму она могла себе позволить.

Выйдя из мечтательного состояния перед зеркалом, Лисбет надела трусики и бюстгальтер. Два дня спустя после выписки из клиники в Генуе она, впервые за двадцать пять лет своей жизни, зашла в бутик дамского белья и закупила массу того, что ей раньше совершенно не требовалось. Сейчас ей было уже двадцать шесть, и теперь она не без удовлетворения носила бюстгальтер.

Лисбет надела джинсы и футболку с текстом «Считай, что тебя уже предупредили», нашла сандалии и шляпу от солнца и перекинула через плечо черную нейлоновую сумку.

На выходе из гостиницы у стойки администрации что-то обсуждали несколько человек из числа постояльцев. Лисбет замедлила шаг и прислушалась.

– И насколько она опасна? – спросила темнокожая женщина громким голосом, в котором слышался европейский акцент. Лисбет узнала ее, та прилетела с группой туристов чартерным рейсом из Лондона десять дней назад.

Фредди Мак-Бейн, седеющий администратор, обычно встречавший Лисбет дружеской улыбкой, нынче выглядел обеспокоенным. Он объяснил, что все гости отеля будут проинструктированы и что оснований для

беспокойства нет, если инструкции будут скрупулезно выполняться. Его ответ вызвал целый поток вопросов.

Лисбет Саландер нахмурилась и пошла к стойке бара, за которой нашла Эллу Кармайкл.

– А в чем там дело? – спросила она, показывая пальцем на группу людей возле администратора.

– Нас угрожает навестить Матильда.

– Матильда?

– Это название урагана, зародившегося недалеко от Бразилии пару недель назад. Утром он пронесся через Парамарибо – столицу Суринама. Трудно сказать, в каком направлении он будет перемещаться, – возможно, дальше на север, в сторону США. Но если он пойдет на запад, то путь его пройдет через Тринидад и Гренаду. Тогда будет сильный ветер.

– Я думала, что сезон ураганов закончился.

– Вообще-то закончился, у нас штормовые предупреждения выпадают на сентябрь и октябрь. Но теперь из-за парникового эффекта и изменения климата столько неприятностей, что заранее ничего не знаешь.

– О'кей, и когда же ожидается «Матильда»?

– Скоро.

– А нужно мне как-то подготовиться?

– Лисбет, ураганы – дело нешуточное. Один пронесся у нас в семидесятых годах и причинил Гренаде огромные разрушения. Мне тогда было одиннадцать лет, и мы жили в деревне на высоких склонах Гранд-Этана, по пути в Гренвилль. В жизни не забуду ту ночь.

– Да-а…

– Но ты не волнуйся. В субботу держись поблизости от гостиницы; сложи в сумку самое ценное – например, компьютер, с которым ты обычно сидишь, – и будь готова прихватить эту сумку, когда поступит распоряжение прятаться в штормовом убежище в подвале. Вот и всё.

– Ладно.

– Налить тебе что-нибудь?

Лисбет повернулась и ушла, не попрощавшись. Элла Кармайкл устало улыбнулась ей вслед. Понадобилась пара недель, пока она привыкла к странным манерам этой необычной девочки и поняла, что Лисбет Саландер была не наглой, а просто очень неординарной. При этом она исправно платила за выпитое, оставалась сравнительно трезвой, держалась замкнуто и не ввязывалась в скандалы.

Местный транспорт на Гренаде в основном состоял из причудливо разрисованных микроавтобусов, рейсы которых не слишком связывали себя

расписанием и прочими формальностями. Они, как челноки, сновали туда-сюда в светлое время суток. С наступлением темноты было практически невозможно передвигаться, не имея собственного автомобиля.

Лисбет Саландер потребовалось постоять на дороге к Сент-Джорджесу всего несколько минут, прежде чем перед ней затормозил автобус. Судя по одежде, шофер был растафари, а его магнитофон во всю свою мощность выдавал «No Woman No Cry»[4]. Лисбет отключила слух, уплатила за проезд один доллар и протиснулась между крупной седой женщиной и двумя мальчиками в школьной форме.

Сент-Джорджес лежал на берегу подковообразной бухты с внутренней гаванью Каренаж. Вокруг гавани на крутых склонах стояли жилые дома, старые здания колониального периода, а крепость Руперт возвышалась вдали над крутым обрывом у мыса.

Это был компактно и плотно застроенный городок с узкими улочками и множеством переулков. Дома лепились на склонах, забираясь все выше и выше, и найти горизонтальную поверхность можно было с большим трудом, разве что в сочетании с крикетной площадкой или беговыми дорожками на северной окраине города.

Лисбет сошла с автобуса в центре гавани и направилась к магазину электроники Мак-Интайра на вершине короткого крутого склона. Почти вся продукция, продававшаяся на Гренаде, импортировалась из США или Англии и потому стоила вдвое дороже, чем в других местах. Зато в благодарность за посещение владелец установил в магазине кондиционеры.

Запасной аккумулятор, который Лисбет заказала к своему «Эппл Пауэрбук G4 Титаниум», и семнадцатидюймовый монитор наконец пришли. В Майами она купила портативный компьютер со складной клавиатурой для чтения своей электронной почты. Его было легко засунуть в нейлоновую сумку, вместо того чтобы таскать с собой «Пауэрбук», но это была жалкая подмена семнадцатидюймовому экрану. Первоначальный аккумулятор уже выработался и держался около получаса, после чего его вновь надо было заряжать, а это раздражало, когда Лисбет собиралась посидеть на террасе у бассейна. К тому же энергоснабжение на Гренаде оставляло желать лучшего – дважды, пока Лисбет здесь жила, электричество надолго отключали.

Она расплатилась кредиткой, владельцем которой числилась «Восп энтерпрайзис»[5], убрала аккумулятор в нейлоновую сумку и, выйдя из магазина, вернулась в полуденную жару.

Зайдя в банк «Барклайз», Лисбет сняла триста долларов наличными,

потом спустилась к рынку и купила пучок моркови, полдюжины манго и полуторалитровую бутылку минеральной воды. Нейлоновая сумка изрядно потяжелела, а Лисбет, спустившись к гавани, уже ощущала и голод, и жажду. Сначала она направилась в «Мускатный орех», но, увидев у входа в ресторан очередь, пошла дальше. В глубине гавани зашла в более спокойный «Черепаший панцирь», села на веранде и заказала кальмары с жареной картошкой и бутылку местного пива «Кариб». Подвинув к себе забытый кем-то номер местной газеты «Гренадиан войс», полистала ее пару минут. Единственным достойным внимания было предупреждение о возможном приближении «Матильды». Текст сопровождался фотографией разрушенного дома и напоминанием об ущербе, причиненном стране знаменитым ураганом в прошлом.

Лисбет сложила газету, глотнула пива из горлышка и, расслабившись, откинулась на спинку стула. И тут увидела, как из бара на веранду выходит ее сосед, постоялец из тридцать второго номера, с коричневым портфелем в одной руке и большим бокалом кока-колы в другой. Скользнув по Лисбет взглядом и не узнав ее, он направился в противоположный конец веранды, сел и уставился на море, вид на которое открывался из ресторана.

Выражение его лица, видного Лисбет в профиль, было совершенно отсутствующим. Так он неподвижно просидел минут семь, потом взял бокал и сделал три больших глотка. Потом снова поставил его и продолжил пялиться в никуда. Вскоре Лисбет открыла сумку и достала «Границы математики».

Лисбет всегда любила головоломки и загадки. В девять лет она получила в подарок от мамы кубик Рубика. Ее логические способности подверглись серьезному испытанию, и в течение почти сорока минут она напряженно пыталась понять, как его надо собирать, – пока наконец не поняла. После этого у нее уже не было проблем с ним. Она никогда не допускала ошибок в тестах на сообразительность, публикуемых в газетах, и всегда точно определяла, чем пополнить данную серию из пяти причудливо расположенных фигур.

Лисбет еще не пошла в школу, а уже знала, что такое плюс и минус. Естественным продолжением этого стали умножение, деление и задачки по геометрии. Она без труда проверяла счет в ресторане, цифры в квитанциях и могла рассчитать траекторию артиллерийского снаряда, выпущенного с заданной скоростью под определенным углом. Тут все было очевидно. Пока Лисбет не попалась статья в «Попьюлар сайенс», она вообще была равнодушна к математике и даже не задумывалась над тем, что таблица

умножения – это тоже математика. Таблицу умножения она запомнила однажды после уроков в школе и удивилась, почему учитель долдонит о ней целый год.

До нее вдруг дошло, что за рассуждениями и формулами в учебниках стоит неоспоримая логика, и это открытие привело ее к полкам с математической литературой в университетском магазине. Но лишь открыв «Границы математики», Лисбет натолкнулась на новый мир. Математика предстала перед ней в виде логических головоломок, существующих в бесчисленном множестве вариантов и загадок, которые можно отгадывать. Дело вовсе не в том, чтобы решать арифметические задачки. Пятью пять всегда двадцать пять. Суть в том, как найти комбинацию разных правил, чтобы решить ту или иную математическую проблему.

«Границы математики» отнюдь не были учебником. На тысяче двухстах страницах этого кирпича излагалась история математики от древних греков до наших дней, включая исследования в области сферической астрономии. Монография считалась своего рода Библией, значение которой вполне сравнимо с тем влиянием, которое в свое время оказала Диофантова «Арифметика».

Впервые открыв книгу «Границы математики» на террасе гостиницы на пляже Гранд Анс, Лисбет внезапно перенеслась в волшебный мир чисел. Автор был наделен как педагогическим талантом, так и способностью увлекать читателя то историческим анекдотом, то застающей врасплох проблемой. Лисбет могла следить за развитием математики от Архимеда до ее практического применения в современной лаборатории ракетных двигателей «Джет Пропалшн» в Калифорнии. Она поняла, какими методами они решали свои проблемы.

Теорема Пифагора ($x^2 + y^2 = z^2$), сформулированная примерно пятьсот лет до нашей эры, стала для нее настоящим откровением. Она вдруг поняла смысл того, что запомнила в старших классах школы во время одного из редких уроков, которые не прогуляла. «В прямоугольном треугольнике квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов». Еще ее восхитило открытие Евклида, сделанное примерно за триста лет до нашей эры и относящееся к совершенным числам. Совершенными называются натуральные числа, равные сумме всех своих делителей. Открытие Евклида состояло в том, что произведение двух чисел, одно из которых есть степень двойки, а второе представляет собой разность следующей степени двойки и единицы, будет совершенным, если второй множитель – простое число. Лисбет убедилась в справедливости теоремы Евклида на примерах:

$6 = 2^1 \times (2^2 - 1)$
$28 = 2^2 \times (2^3 - 1)$
$496 = 2^4 \times (2^5 - 1)$
$8128 = 2^6 \times (2^7 - 1)$

Именно логика соответствовала ощущению абсолютного у Лисбет. Она с радостью продиралась сквозь труды Архимеда, Ньютона, Мартина Гарднера и дюжины других классиков математики.

Затем Лисбет дошла до главы про Пьера Ферма, чья загадочная теорема озадачила ее на целых семь недель. Вообще-то это был довольно скромный отрезок времени, если учесть, что теорема Ферма сводила математиков с ума почти четыреста лет, пока, наконец, англичанин Эндрю Уайлс не решил ее в 1993 году.

Теорема Ферма формулируется на редкость просто.

Пьер Ферма родился в 1601 году в Бомон-де-Ломань на юго-западе Франции. Как это ни странно, математиком он не был, служил чиновником и предавался математике в свободное время, в качестве необычного хобби. И, тем не менее, он считается одним из самых талантливых математиков-самоучек всех времен и народов. Как и Лисбет Саландер, Ферма любил решать головоломки и загадки. Еще он обожал подшучивать над другими математиками, формулируя проблемы, но не снабжая их решениями. Философ и математик Рене Декарт удостоил его весьма нелестным эпитетом, а английский математик Джон Уоллс и вовсе обозвал «чертовым французом».

В 1630 году вышел французский перевод Диофантовой «Арифметики», содержащий наиболее полную экспозицию теории чисел, сформулированный Пифагором, Евклидом и другими античными математиками. Именно изучение теоремы Пифагора спровоцировало вспышку гениальности у Ферма и привело к формулировке его бессмертной проблемы. Он сформулировал вариант теоремы Пифагора, заменив в формуле $x^2 + y^2 = z^2$ квадраты на кубы: $x^3 + y^3 = z^3$.

Проблема была в том, что новое уравнение, похоже, не имело целочисленных решений *x, y, z*. Тем самым Ферма с помощью незначительных изменений в равенстве перешел от соотношения с бесчисленным множеством решений к соотношению, не имеющему вообще никаких решений. В этом и состояла его теорема: Ферма утверждал, что в безграничной вселенной чисел не существует таких целых чисел, что куб одного может быть представлен как сумма кубов двух других и что это

верно вообще для всех степеней выше двух, то есть случая теоремы Пифагора.

Вскоре другие математики согласились, что дело обстоит именно так. Метод проб и ошибок подсказывал невозможность опровержения теоремы Ферма. Проблема в том, что, даже производя вычисления до окончания века, невозможно перепроверить все числа, ведь их бесконечно много, и потому невозможно быть на сто процентов уверенным, что среди очень больших чисел нет таких, что опровергали бы теорему Ферма. В математике все утверждения должны быть доказаны строго математически, с применением безусловно верных и доказанных формул. Математик должен быть готовым заявить с трибуны: «Это так-то и так-то, потому что…»

По обыкновению, Ферма показал коллегам что-то вроде фиги в кармане. На полях своего экземпляра «Арифметики» Диофанта этот гений написал формулировку задачи и закончил строками на латыни, ставшими бессмертными в истории математики: «Я нашел поистине чудесное доказательство, но эти поля слишком узки, чтобы его вместить».

Если он хотел тем самым привести своих коллег в негодование, то, надо сказать, у него это отлично получилось. Начиная с 1637 года чуть ли не каждый уважающий себя математик уделял время – иногда изрядное – попыткам найти доказательство теоремы Ферма. Несколько поколений ученых потерпели неудачу, пока не появился Эндрю Уайлс со своим эпохальным доказательством в 1993 году.

Лисбет Саландер была поставлена в тупик.

Ответ ее вообще-то не интересовал. Главным было само решение проблемы. Если ей задавали загадку, она ее отгадывала. До того как Лисбет поняла основные принципы рассуждений, разгадка таинства чисел отнимала много времени, но девушка всегда получала правильный результат прежде, чем сверялась с ответом.

Прочитав теорему Ферма, она взяла лист бумаги и начала проверять ее на цифрах, но найти доказательство не удалось.

Подглядывать в ответы ей не хотелось, поэтому Лисбет пропустила ту часть текста, где излагалось доказательство Эндрю Уайлса. Поэтому она дочитала «Границы» до конца и удостоверилась, что ни одна из прочих проблем, сформулированных в книге, не вызвала у нее серьезных затруднений. Впоследствии она все с большим раздражением возвращалась к загадке Ферма, плутая из одного тупика в другой и ломая голову над тем, какое именно «чудесное доказательство» имел в виду математик.

Сосед из тридцать второго номера вдруг встал и пошел к выходу. Покосившись на наручные часы, Лисбет отметила, что он неподвижно просидел здесь два часа и десять минут.

Элла Кармайкл поставила бокал перед Лисбет Саландер, отметив, что девушка не интересуется всякой туфтой типа напитков ярко-розового цвета с бумажными зонтиками в бокале. Она всегда заказывала одно и то же – ром с колой. Только однажды вечером Саландер была в каком-то странном настроении и так напилась, что Элле пришлось просить о помощи отнести ее в номер.

Как правило, Лисбет заказывала кофе с молоком, иногда коктейль или местное пиво «Кариб». Обычно она усаживалась за дальним правым концом стойки и открывала книгу с непонятными математическими формулами, что, по мнению Эллы Кармайкл, было странным чтением для девушки ее возраста.

К тому же Лисбет Саландер не проявляла ни малейшего интереса к тем, кто пытался за ней приударить. Те немногие одинокие мужчины, что пытались к ней подъехать, получали вежливый, но решительный отпор, а с одним она обошлась и вовсе не деликатничая. Отшитый ею парень, Крис Мак-Ален, был местным бездельником и давно заслуживал нагоняй. Поэтому Элла не слишком огорчилась, когда он, весь вечер приставая к Лисбет, вдруг как-то странно споткнулся и свалился в бассейн. К чести Мак-Алена следует отметить, что он не отличался злопамятностью. Уже на следующий вечер Крис появился совершенно трезвым и спросил Лисбет, может ли он угостить ее пивом. Поколебавшись секунду, она согласилась, и с тех пор, случайно столкнувшись в баре, они вежливо здоровались.

– Ну, как, все в порядке? – спросила Элла.

Лисбет кивнула и взяла бокал.

– А что слышно нового про «Матильду»? – поинтересовалась она.

– Движется в нашу сторону. Гадости от нее можно ожидать в выходные.

– А когда будет точно известно?

– Вообще-то, не раньше, чем когда она пройдет мимо. Она может держать курс прямо на Гренаду, а затем, в последний момент, передумать и свернуть на север.

– А часто у вас бывают ураганы?

– Иногда. Обычно они проходят стороной, иначе от острова уже ничего бы не осталось. Но ты не волнуйся.

– Я не волнуюсь.

Внезапно послышался громкий взрыв смеха, и они, повернувшись на

звук, увидели даму из тридцать второго номера, похоже развеселившуюся от рассказа мужа.

– Кто это такие?

– Доктор Форбс и его жена, американцы из Остина, штат Техас.

Слово «американцы» Элла произнесла чуть неприязненно.

– Я знаю, что американцы. Но что они здесь делают? Он работает врачом?

– Нет, он доктор наук, а не врач, работает в фонде Девы Марии.

– А что это за фонд?

– Они финансируют обучение способных детей. Он приличный человек – ведет переговоры с Министерством образования о постройке новой школы для старшеклассников в Сент-Джорджесе.

– Этот приличный человек бьет свою жену, – заметила Лисбет Саландер.

Элла Кармайкл промолчала и, бросив на Лисбет резкий взгляд, ушла к другому концу стойки подать пиво «Кариб» местным посетителям.

Лисбет посидела в баре еще минут десять, уткнувшись в «Границы». Еще не войдя в подростковый возраст, она поняла, что у нее, в отличие от одноклассников, фотографическая память. Она никому не открывала эту свою особенность, только Микаэлю Блумквисту, да и то в минуту слабости. Текст в «Границах» она знала уже наизусть и носила с собой книгу как вещественное звено, связующее ее с Ферма, как будто книга стала талисманом.

Но в тот вечер ей не удавалось сосредоточиться ни на самом Ферма, ни на его теореме. Вместо этого в голове у нее засел образ доктора Форбса, неподвижно сидящего у залива Каренаж, вперив взгляд в одну точку. Лисбет не могла объяснить, почему она вдруг почувствовала, что с ним что-то не так.

Наконец она захлопнула книгу, ушла к себе в комнату и включила лэптоп. Невозможно было даже подумать о том, чтобы шарить в Интернете – в отеле не было интернет-соединения, – но у нее был встроенный модем, который можно подключить к ее мобильнику фирмы «Панасоник» и таким образом пользоваться электронной почтой. Лисбет быстро напечатала письмо на адрес <plague_xyx_666@hotmail.com>[6]:

> Доступа к Интернету нет. Нужна информация о докторе Форбсе, сотруднике фонда Девы Марии, проживающем в городе Остин, Техас. Плачу пятьсот долларов за предоставленные данные. Wasp.

Она приложила ключ своей шифровальной программы, закодировала послание ключом Чумы и отправила сообщение. Взглянув на часы, девушка обнаружила, что полвосьмого уже миновало.

Выключив компьютер и заперев комнату, Лисбет прошла метров четыреста по пляжу, перешла дорогу на Сент-Джорджес и постучала в дверь развалюхи за «Кокосовым орехом». Ее обитателем был шестнадцатилетний Джордж Бленд. Он еще учился в гимназии, собирался стать врачом или адвокатом, а может, астронавтом и был таким же тощим и почти таким же низкорослым, как Лисбет.

Лисбет увидела Джорджа Бленда на пляже во время своей первой недели на Гренаде, на следующий день после того, как приехала в Гранд Анс. Она шла по пляжу и в какой-то момент присела в тени под пальмой. Вдали, у кромки воды, ребятишки играли в футбол. Лисбет раскрыла «Границы математики» и погрузилась в книгу. Тут подошел он, худой чернокожий парнишка в сандалиях, черных брюках и белой рубашке и уселся в нескольких метрах, явно не заметив ее.

Как и она, он раскрыл книгу и с головой ушел в чтение. Это тоже был «кирпич» по математике, четвертый том «Основного курса». Потом его сосредоточенное чтение сменили каракули в задачнике. Минут пять спустя Лисбет кашлянула, тогда Джордж заметил ее и вскочил от удивления. Он начал извиняться за беспокойство и собирался уходить, когда она спросила, трудная ли у него задачка.

Она была по алгебре, и Лисбет нашла основную ошибку в его вычислениях уже через две минуты. А через полчаса они уже покончили с его домашним заданием. Час спустя был готов следующий раздел в задачнике, и Лисбет доходчиво объяснила, в чем суть необходимых вычислений. Парень уставился на нее с почтительным уважением. За два часа он рассказал ей, что его мама живет в Канаде, в Торонто, папа – в Гренвилле, на другом конце острова, а сам он – в развалюхе на пляже чуть подальше отсюда. Еще у него есть три старших сестры.

В его компании Лисбет чувствовала себя на редкость безмятежно. Странное дело. Она почти никогда не вступала в разговор с другими, чтобы просто поболтать. И не потому, что стеснялась. Для нее всякий разговор имел практическое назначение – типа как найти аптеку или сколько стоит комната в гостинице. Еще разговор мог преследовать профессиональные цели. Когда Лисбет собирала материал для Драгана Арманского в фирме «Милтон секьюрити», у нее не было проблем с долгими разговорами при изложении фактов.

Однако Лисбет не выносила личных разговоров, как правило ведущих

к копанию в том, что она считала частным делом, и поэтому диалог обычно получался таким:

– Сколько тебе лет?

– Отгадай.

– Тебе нравится Бритни Спирс?

– А кто это?

– Как тебе картины Карла Ларссона?

– Никогда об этом не задумывалась.

– Ты лесбиянка?

– Это тебя совершенно не касается.

Джордж Бленд был неуклюжий и самоуверенный, но вежливый и старался вести с ней интеллектуальный разговор, не пытаясь переспорить ее или залезть в ее частную жизнь. Похоже, ему, как и ей, нравилось быть отшельником. Удивительно, но он воспринимал ее кем-то вроде математического божества, спустившегося на пляж Гранд Анс, и был счастлив тем, что она готова сидеть рядом в его компании. Проведя на пляже несколько часов, они поднялись – солнце уже спускалось к самому горизонту. Они пошли к гостинице, и Джордж показал ей лачугу, служившую ему жильем, а потом смущенно спросил, не зайдет ли она на чашку чая. Лисбет согласилась, а он, похоже, удивился.

Жилище его было примитивно: оно вмещало потрепанный стол, два стула, кровать и шкафчик для одежды и белья. Освещение состояло из настольной лампы, провод которой тянулся к «Кокосовому ореху», а роль плиты играл походный примус. Джордж накормил Лисбет обедом из риса с овощами, поданным на пластиковых тарелках, и даже храбро предложил ей затянуться местной запрещенной травкой, на что она также согласилась.

Лисбет, конечно, заметила, что произвела на него впечатление и он толком не знает, как себя с ней вести. Она безотчетно решила, что позволит ему себя совратить, однако подготовка к этому шла как-то мучительно и бестолково. Джордж, безусловно, почувствовал ее готовность, но понятия не имел, с чего начать. Он ходил вокруг да около, как кот вокруг сметаны, пока она не потеряла терпение, прижала его к кровати и сдернула с себя одежду.

Лисбет впервые оказалась обнаженной после операции в Генуе, которую покинула с легким чувством паники. Лишь спустя долгое время она поняла, что на нее вовсе никто не глазеет. Обычно Лисбет ничуть не беспокоилась, что о ней думают другие, а тогда удивлялась, что это вдруг она почувствовала себя так неуверенно.

Джордж Бленд отлично подошел для дебютного испытания ее нового

самоощущения. Когда он, не без ее помощи, наконец справился с застежкой лифчика, то тут же погасил свет и только тогда начал сам раздеваться. Лисбет поняла, что он смущается, и снова включила лампу. Она внимательно наблюдала за ним, когда он начал неуклюже до нее дотрагиваться. Позже она совершенно расслабилась и поняла, что он воспринимает ее грудь как вполне настоящую. Хотя сравнивать ему, похоже, было не с чем.

Чего Лисбет не планировала на Гренаде, так это завести себе любовника-тинейджера. Она действовала импульсивно и, уходя от него поздно ночью, не думала возвращаться. Однако уже на следующий день она снова встретила его на пляже и почувствовала, что ей приятна компания этого неуклюжего паренька. За семь недель, что Лисбет провела на Гренаде, Джордж Бленд неизменно оставался в ее обществе. Днем они не виделись, вечером гуляли перед заходом солнца, а затем шли к нему в хижину.

Лисбет понимала, что они, прогуливаясь вместе, выглядели как парочка подростков, милых тинейджеров. Джордж, вероятно, считал, что жизнь стала интереснее – ведь он встретил женщину, учившую его и математике, и эротике.

Он открыл дверь и ласково улыбнулся.

– Не помешаю? – спросила она.

Лисбет ушла от Джорджа ночью вскоре после двух. Чувствуя внутри тепло, решила идти к отелю по пляжу, а не по шоссе. Она шла в темноте в одиночестве, но знала, что Джордж, должно быть, идет позади, метрах в ста от нее. Он всегда так делал, ведь она никогда не оставалась у него на всю ночь, и он резко протестовал против того, чтобы она, одинокая женщина, шла ночью к себе в гостиницу. Это был его долг – проводить ее до отеля. Лисбет обычно слушала его доводы, но в конце концов заканчивала дискуссию твердым «нет».

– Я хожу куда хочу и когда хочу. Разговор окончен. И я не нуждаюсь в провожатых.

Обнаружив, что он следует за ней в первый раз, Лисбет ужасно рассердилась. Но затем сочла, что в его желании охранять ее есть некоторый шарм, и потому стала притворяться, что не знает о том, что он следует за ней и что он повернет домой, как только увидит ее в воротах гостиницы.

«А что бы он сделал, если бы на меня напали?» – подумала Лисбет.

У нее на этот случай был припасен молоток, купленный в магазине

Мак-Интайра и хранившийся во внешнем кармане сумки, висевшей у нее через плечо.

В ту ночь ярко светили звезды и полная луна. Лисбет подняла голову и разглядела Регула в созвездии Льва близко у горизонта. Остановилась, почти дойдя до отеля. Вдруг у самой воды на пляже она различила контуры человека. Впервые Лисбет видела живую душу с наступлением темноты. Хотя между ними было почти сто метров, она без труда опознала человека, освещенного лунным светом.

Это был достопочтенный доктор Форбс из комнаты тридцать два.

Лисбет быстро отошла в сторону, затаившись в тени аллеи. Она оглянулась, но не увидела и Джорджа Бленда. Человек у кромки воды медленно ходил взад-вперед, куря сигарету. Время от времени он останавливался и наклонялся, словно искал что-то на песке. Пантомима продолжалась минут двадцать, как вдруг Форбс изменил направление, быстро двинулся к входу в отель и исчез.

Выждав минуту-другую, Лисбет пошла к тому месту, где, как маятник, вышагивал доктор Форбс. Медленно сделала полукруг, разглядывая песок под ногами, но не увидела ничего, кроме камешков и ракушек. Через пару минут она прекратила осмотр пляжа и пошла в гостиницу.

У себя на балконе Лисбет перегнулась через разделяющую решетку и проскользнула на балкон соседей. Царили тишина и покой. Ежевечерняя перебранка, очевидно, уже закончилась. Потом она вернулась к себе, взяла сумку, достала бумагу и свернула косячок из запасов, которыми поделился с ней Джордж Бленд, села на балконный стул и уставилась на темную воду Карибского моря, покуривая и размышляя.

Лисбет ощущала себя как радарную установку, способную в любой момент уловить сигнал тревоги.

Глава 2

Пятница, 17 декабря

Нильс Эрик Бьюрман, пятидесятипятилетний адвокат, поставил на столик кофейную чашку и стал наблюдать за людьми, движущимися мимо окон «Хедон» на Стюреплан. Он видел их всех как единый поток, не различая по отдельности. Его мысли крутились вокруг Лисбет Саландер. Он часто о ней думал.

От этих мыслей он буквально закипал.

Лисбет Саландер разделалась с ним. Он никогда не забудет тот момент, когда она завладела им и унизила. Она надругалась над ним, оставив буквально неизгладимый след на его теле, а точнее, на двух квадратных дециметрах в нижней части живота, что находится прямо над его членом. Крепко привязав к его собственной постели, она жестоко расправилась над ним и сделала татуировку, текст которой не допускал толкований и возможностей вытравления. Он гласил: Я САДИСТСКАЯ СВИНЬЯ, ПОДОНОК И НАСИЛЬНИК.

В свое время Стокгольмский суд признал Лисбет Саландер юридически недееспособной. Бьюрман же был назначен ее опекуном, что ставило девчонку в прямую зависимость от него. Уже после первой встречи с Лисбет Саландер у него начались связанные с нею эротические фантазии. Он не мог понять, чем же она его провоцировала.

Разумом Нильс Бьюрман понимал, что совершил нечто непозволительное и осуждаемое обществом. Он знал, что допустил грубую ошибку, неприемлемую с юридической точки зрения. Но для его чувств доводы разума не играли никакой роли. Лисбет Саландер свела его с ума с первого момента их встречи два года назад в декабре. Законы, правила, мораль, ответственность утратили всякое значение.

Она была странная девушка: взрослая, но с внешностью подростка. Ее жизнь оказалась у него под контролем, он распоряжался ею. Противостоять такому искушению было невозможно.

Раз она была признана недееспособной, то при ее биографии никто ей не поверил бы, вздумай она протестовать. Кроме того, речь не шла о насилии над невинным ребенком – из ее дела выяснилось, что у нее немалый опыт и она сексуально распущенна. В отчете одного из социальных работников указывалось, что Лисбет Саландер, возможно, предлагала сексуальные услуги за деньги в семнадцатилетнем возрасте.

Поводом к этому донесению стало сообщение полицейского патруля, что неизвестного пьянчугу застали вместе с молодой девушкой на скамейке в парке Тантолунд. Полицейские припарковались и попытались выяснить, кто они такие, но девица отказалась отвечать на вопросы, а пьяный мужик не был способен выражаться членораздельно.

Для адвоката Бьюрмана вывод был очевиден: Лисбет Саландер – шлюха, оказавшаяся на низшей ступени общественной лестницы. И при этом в его власти. Он же ничем не рисковал. Даже если бы она обратилась в управление опекунского совета с жалобой, он, при его-то безукоризненной репутации и заслугах, выставил бы ее лгуньей.

Это была прекрасная игрушка – взрослая, сексуально раскрепощенная, безграмотная в социальном плане и полностью зависящая от его произвола.

Впервые в своей практике Бьюрман злоупотребил отношениями с одним из своих клиентов. Раньше он даже подумать не мог, чтобы эксплуатировать кого-либо из них. Чтобы ублажать себя специальными сексуальными играми, он брал проституток. Это он делал украдкой, осторожно и не скупясь, но с проститутками все было игрой, а не всерьез. Однажды он оплатил услуги профессионалки, которая стонала, охала и играла нужную роль, но все это было очевидной фальшью.

Бьюрман пытался доминировать над женой, когда еще был женат, и она не возражала, но и это было всего лишь притворство.

Лисбет Саландер подходила ему идеально: беззащитная, без родни и друзей, настоящая безответная жертва. На ловца и зверь бежит.

И вдруг она разделалась с ним.

Она нанесла ему удар с такой силой и решительностью, какой он от нее не ожидал. Она унизила его, мучила физически, чуть не уничтожила.

Жизнь Нильса Бьюрмана полностью изменилась за последние два года. Первое время после визита Лисбет Саландер он был словно парализован, не способный ни думать, ни действовать. Он заперся дома, не отвечал по телефону и не поддерживал контактов со своими клиентами. Две недели спустя Бьюрман взял больничный лист. Текущей корреспонденцией занималась секретарша в его конторе, она отменяла назначенные ранее встречи и пыталась отвечать на вопросы раздраженных клиентов.

Каждый день, хотелось ему того или нет, он видел свое тело в зеркале в ванной. В конце концов он снял зеркало.

Нильс Бьюрман вернулся в контору лишь к началу лета. Рассортировав клиентов, он направил большинство из них к коллегам. Себе он оставил предприятия, юридические дела которых можно было вести по переписке,

без личного участия. Фактически его единственным клиентом оставалась Лисбет Саландер – каждый месяц Бьюрман должен был подавать сводку ее экономического положения вместе с общим рапортом в управление опекунского совета. Он делал в точности, как она требовала, – писал вымышленные рапорты, свидетельствующие о том, что она не нуждается в опеке.

Каждый рапорт приносил горечь напоминания о ее существовании. Но что было делать?

Лето и осень Бьюрман провел в размышлениях, сопровождавшихся параличом действия. В декабре он наконец взял себя в руки и отправился в отпуск во Францию, где зарезервировал время для посещения клиники косметической хирургии под Марселем, чтобы посоветоваться с врачом, как лучше всего удалить татуировку.

Доктор удивленно осмотрел его обезображенный живот и наконец предложил способ лечения. Наилучшим вариантом виделась лазерная обработка, но площадь поврежденной кожи оказалась столь велика, а проникновение иглы – столь глубоким, что доктор предложил серию пересадок кожи. Правда, это было дорого и требовало много времени.

За прошедшие два года Бьюрман видел Лисбет Саландер всего один раз.

В ту ночь, когда она напала на него и подчинила себе его жизнь, она также взяла себе запасные ключи от его конторы и квартиры. И сказала, что собирается следить за ним и появляться, когда он меньше всего этого ожидает. Десять месяцев спустя Бьюрман уже почти решил, что это была пустая угроза, но все же не осмелился поменять замки. Ее условие было недвусмысленно четким: если она хоть раз застанет его с женщиной в постели, то сделает достоянием гласности девяностоминутную запись насилия, которое он над ней совершил.

Однажды в середине января, спустя почти год, Бьюрман вдруг проснулся в три часа ночи, не соображая отчего. Он зажег лампу на прикроватной тумбочке и чуть не заорал от ужаса, увидев Лисбет у изножия кровати. Она была словно привидение, внезапно материализовавшееся в его спальне. Ее бледное лицо ничего не выражало, а в руках она держала этот проклятый электрошокер.

– Доброе утро, адвокат Бьюрман, – наконец произнесла она. – Извини, что на этот раз разбудила.

«Господи, неужели она здесь и раньше бывала, пока я спал?» – подумал он.

Нильс Бьюрман так и не понял, был ли это блеф. Он откашлялся и

открыл рот, но она жестом прервала его.

– Я вот почему тебя разбудила. Скоро я уеду на долгое время. Ты же должен продолжать писать рапорты о моем благоденствии по-прежнему каждый месяц, но вместо отправки копий на мой домашний адрес посылай их на мой адрес в Hotmail. – Она достала из кармана куртки сложенный кусок бумаги и положила на край кровати. – Если управление опекунским советом захочет со мной свидеться или мое присутствие зачем-либо понадобится, пиши на этот электронный адрес. Понял?

– Понял…

– Заткнись. Не хочу слышать твой голос.

Бьюрман стиснул зубы. Он вообще не осмеливался с ней связываться, потому что в противном случае она обещала ознакомить с фильмом средства массовой информации. Уже несколько месяцев опекун продумывал, что скажет ей, когда Лисбет с ним свяжется. Ему было ясно, что сказать в свое оправдание фактически нечего, и единственное, что ему оставалось, – это взывать к ее великодушию. Если бы Лисбет дала ему шанс высказаться, он попытался бы убедить ее, что действовал в состоянии временного умопомрачения, что он раскаивается и хочет искупить свою вину. Он был готов ползать перед ней на коленях, лишь бы растрогать ее и тем самым отвести опасность, исходящую от нее.

– Я должен сказать… – жалобно начал он, – я хочу просить у тебя прощения.

Лисбет подозрительно прислушалась к его неожиданной мольбе, потом наклонилась над спинкой кровати и смерила его ненавидящим взглядом.

– Слушай, ты, скотина. Я тебя никогда не прощу. Но если будешь вести себя как надо, отпущу тебя на все четыре стороны в день, когда моя недееспособность будет отменена.

Она выждала, пока опекун не опустил глаза. «Она заставляет меня ползать на коленях», – подумал он.

– Все, что я сказала тебе год назад, остается в силе. Если не подчинишься моим условиям, сделаю фильм достоянием гласности. Попробуешь связаться со мной не так, как я тебе сказала, обнародую фильм. Если погибну от несчастного случая, о фильме станет известно. Тронешь меня еще раз – убью.

Бьюрман верил ей. Места для сомнений или переговоров не оставалось.

– И вот что еще. Когда я тебя отпущу, можешь делать, что хочешь. Но до того дня не смей даже показываться в марсельской клинике. Поедешь

туда и начнешь курс лечения – получишь новую татуировку, только я набью ее тебе на лоб.

«Черт, как она пронюхала?..» – подумал он.

В следующую секунду ее уже не было. Бьюрман услышал легкий щелчок, когда она поворачивала ключ во входной двери. Вот уж точно, будто привидение.

С этого мгновения он возненавидел Лисбет Саландер столь пламенно, словно в его мозгу запылал раскаленный металл. Он стал одержим жаждой уничтожить ее. Он представлял себе, как она умирает, как он заставляет ее ползать перед ним на коленях и как она молит о пощаде. Но он будет неумолим. Он представлял себе, как стиснет руками ее шею и станет душить, пока она не задохнется. Или как выдавит глаза из глазниц, вырвет сердце из грудной клетки. Как он сотрет ее с лица земли.

Удивительно, но в этот самый момент Бьюрман почувствовал, что к нему возвращается способность действовать, что он поразительным образом обрел душевное равновесие. Он все еще был одержим Лисбет Саландер, и на ее существовании фокусировалась каждая секунда его бодрствования. Но он осознал, что вновь способен рационально мыслить. Чтобы уничтожить ее, ему нужно привести в порядок свой разум. Так в его жизни появилась новая цель.

В тот день, когда он перестал представлять ее смерть, но начал планировать ее.

Микаэль Блумквист прошел всего в двух метрах за спиной адвоката Нильса Бьюрмана в кафе «Хедон», лавируя между столиками с двумя стаканами обжигающе горячего кофе с молоком, и направился к Эрике Бергер. Ни он, ни Эрика никогда не слышали об адвокате и не обратили на него никакого внимания.

Сморщив нос, она отодвинула пепельницу, освобождая место для стаканов. Микаэль повесил пиджак на спинку стула, придвинул пепельницу на свой край стола и закурил. Эрика терпеть не могла табачный дым и бросила на мужчину страдальческий взгляд. Тот деликатно выпустил струю дыма в сторону.

– Я думала, ты уже бросил, – сказала она.

– Временный рецидив.

– Я буду избегать сексуальных партнеров, пахнущих дымом, – пообещала она и очаровательно улыбнулась.

– No problem, есть и другие девушки, не столь капризные, – возразил Микаэль и улыбнулся в ответ.

Эрика осуждающе возвела взгляд к потолку.

– Так в чем у тебя дело? Я ведь встречаюсь с Чарли через двадцать минут. Мы идем в театр.

Чарли – это Шарлотта Розенберг, Эрикина подруга детства.

– Меня беспокоит наша практикантка. Она – дочка какой-то твоей подруги, у нас уже две недели и проработает в редакции еще восемь недель. Я ее уже просто не выдерживаю.

– Я заметила, что она бросает на тебя плотоядные взгляды, но надеюсь, что ты, естественно, ведешь себя как джентльмен.

– Эрика, девушке семнадцать лет по паспорту и десять по уму, да и то с лихвой.

– Видимо, она под впечатлением от встречи с тобой, и ей, вероятно, свойственно идолопоклонничество.

– Вчера вечером, в половине одиннадцатого, она позвонила мне в домофон и хотела подняться ко мне с бутылкой вина.

– Ух ты! – воскликнула Эрика.

– Вот так-то. Был бы я лет на двадцать моложе, не мешкал бы ни секунды. Но ты подумай: ей семнадцать, а мне скоро сорок пять.

– И не напоминай. Мы же ровесники.

Микаэль Блумквист откинулся на спинку стула и стряхнул пепел с сигареты. Конечно, он отдавал себе отчет в том, что дело Веннерстрёма придало ему звездный статус. За прошедший год он получал приглашения на разные празднества и помпезные мероприятия из самых невероятных мест. Было очевидно, что его приглашали для того, чтобы вписать в круг своих знакомых. Теперь при встрече с ним обменивались поцелуями те, с кем раньше он едва здоровался за руку, а также те, кто хотел бы изображать из себя его верного друга и соратника.

Это относилось не к его коллегам-журналистам – их он уже хорошо знал и был с ними либо в отличных, либо в плохих отношениях, – а главным образом к так называемым деятелям культуры, актерам, ведущим разных теледебатов и полузнаменитостям. Это было престижно – заполучить Микаэля Блумквиста в качестве гостя на презентации или на частном обеде. Приглашения и попытки вовлечения то в одно, то в другое мероприятие сыпались на него целый год. У Микаэля уже вошла в привычку формулировка: «Был бы очень рад, но, к сожалению, уже занят на другом мероприятии».

Это, конечно, была палка о двух концах. К неприятным моментам относилось усиленное распространение сплетен. Один знакомый вдруг позвонил, озабоченный слухами о том, что Микаэль обращался к врачам за

помощью по поводу наркотической зависимости. На самом деле весь его наркотический опыт сводился к тому, что он подростком выкурил пару сигарет с марихуаной, а лет пятнадцать назад попробовал кокаин вместе с одной голландской девушкой, певшей в рок-группе. У него было больше опыта в потреблении алкоголя, но он напивался всего несколько раз на ужинах или вечеринках. В ресторанах и барах иногда заказывал крепкое пиво, но охотно пил и некрепкое. В домашнем баре держал водку и несколько подаренных бутылок виски, но доставал их до смешного редко.

Микаэль был холост, и о его случайных связях и романах было хорошо известно как в кругу его знакомых, так и за его пределами, что давало повод к сплетням. Его многолетний роман с Эрикой Бергер часто служил поводом для досужих домыслов. За последний год эти байки пополнились новыми: что он порхает из кровати в кровать и пользуется своей известностью, чтобы перетрахать всех, кого встретит в стокгольмских ресторанах. Один малознакомый журналист даже спросил у него как-то, не следует ли Микаэлю обратиться за помощью к сексопатологу, и добавил, что один известный американский актер уже наблюдался в клинике в связи с таким же недугом.

У Микаэля в самом деле было много мимолетных связей, иногда одновременных. Почему – и сам не знал. Он отдавал себе отчет в том, что выглядит неплохо, но к неотразимым себя не причислял. И все же ему часто доводилось слышать, что в нем есть что-то притягательное для женщин. Эрика Бергер как-то объяснила ему, что он излучает уверенность и надежность и обладает способностью внушить женщине, что она привлекательна своей слабостью и безыскусностью. Оказаться с ним в постели было нетрудно, безопасно и необременительно, а кроме того, непритязательно и приятно в эротическом отношении, как это и должно быть, согласно мнению Микаэля.

Вопреки мнению большинства его знакомых, Блумквисту не было свойственно домогаться женщины. Обычно он давал понять, что не прочь, но всегда предоставлял инициативу женщине, и занятие сексом становилось естественным завершением нового знакомства. Женщины, с которыми он оказывался в постели, редко были одноразовыми незнакомками. Хотя такое тоже случалось, результатом оказывались примитивные упражнения без всякого удовольствия. Наилучшие эротические отношения у него складывались с теми, кого он знал и кто был ему симпатичен. Не случайно, что с Эрикой Бергер его связывали двадцатилетние отношения – они были друзьями, их притягивало друг к другу.

Его известность последнего времени возбудила повышенный интерес у женщин. Ему этот интерес казался непостижимо странным. Больше всего Микаэля удивляли молодые женщины, переходившие в импульсивную атаку в совершенно неожиданных обстоятельствах.

Микаэль отнюдь не увлекался восторженными девицами с впечатляющими фигурками в коротеньких юбочках. В молодости его приятельницы часто были старше, а в некоторых случаях существенно старше и опытнее его. Пока он взрослел, одновременно сокращалась и разница в возрасте. Связь с двадцатилетней Лисбет Саландер означала заметное падение по шкале возраста.

Это и было причиной срочной встречи с Эрикой.

Ее знакомая попросила взять в «Миллениум» практиканткой ученицу гимназии с профилем обучения «Средства массовой информации». Ничего необычного в этом не было – каждый год в редакции появлялись несколько практикантов. Микаэль вежливо приветствовал новенькую семнадцатилетнюю девушку, но довольно скоро понял, что к журналистике она питает весьма слабый интерес, если не считать мечты «мелькать на голубом экране». К тому же Микаэль допускал, что числиться в «Миллениуме» теперь стало престижно.

Очень скоро он обратил внимание на то, что девушка всячески старается сойтись с ним поближе. Попытки сделать вид, что он не замечает ее очевидной атаки, привели лишь к ее удвоенным усилиям. Все это уже стало так тягостно…

Эрика Бергер вдруг рассмеялась.

– Душенька, да ты никак стал жертвой сексуальных домогательств на рабочем месте.

– Рикки, дело скверное! Я же не хочу обидеть ее или поставить в неловкое положение. Но она так же «застенчива», как кобыла во время течки. Я просто пугаюсь, что от нее еще можно ожидать.

– Да она просто влюбилась в тебя и не знает, как это выразить, – слишком незрелая.

– Ну нет, ошибаешься. Она чудовищно зрелая по части демонстрации своих намерений, но ведет себя неестественно и раздражается, что я не клюю на крючок. Не хватало еще новой волны слухов, выставляющих меня падким на девочек Миком Джаггером в поисках свежатинки.

– Ладно. Проблема ясна. Итак, вчера вечером она позвонила тебе в дверь…

– Ага, прихватив бутылку вина. Сказала, что просто была на вечеринке у знакомых неподалеку, пытаясь сделать вид, что ее появление – чистая

случайность.

– А что ты ей сказал?

– Во-первых, не впустил, а во-вторых, соврал, что она появилась некстати, у меня в гостях дама.

– И как она к этому отнеслась?

– Страшно разозлилась, но отчалила.

– Ну, и чего ты от меня хочешь?

– Get her off my back[7]. В понедельник я думаю серьезно с ней поговорить. Либо она оставит меня в покое, либо я выставлю ее из редакции.

Эрика Бергер задумалась.

– Нет, не нужно. Я сама с ней поговорю.

– У меня просто нет выбора.

– Мне кажется, она ищет друга, а не любовника.

– Уж не знаю, кого она ищет, но…

– Микаэль, я через это тоже прошла. Я с ней потолкую.

Подобно многим телезрителям или читателям вечерних газет, Нильс Бьюрман слышал о Микаэле Блумквисте. В лицо он его не знал, а если бы и знал, не обратил бы внимания – ведь он не подозревал о существовании связи между «Миллениумом» и Лисбет Саландер.

К тому же он был слишком погружен в собственные мысли, чтобы замечать что-либо вокруг.

Выйдя из ментального паралича, адвокат мало-помалу начал анализировать свое положение и думать над тем, как ему уничтожить Лисбет Саландер.

В этом деле существовал камень преткновения. В руках у Лисбет был девяностоминутный фильм, заснятый ею на скрытую камеру и детально зафиксировавший, как он ее насиловал. Этот фильм Бьюрман видел. Никаких толкований в его пользу эта запись не оставляла. Если этот фильм когда-либо попадет в руки обвинения в суде или, что еще хуже, окажется в когтях средств массовой информации, его карьере, свободе и жизни придет конец. Зная статьи уголовного кодекса, предусматривающие наказание за жестокое насилие, подчинение себе зависящего от него лица и причинение грубых повреждений, он прикинул, что должен получить лет шесть лишения свободы. Какой-нибудь воинственный обвинитель мог бы даже интерпретировать один из эпизодов фильма как попытку убийства.

Насилуя в тот раз, он чуть не задушил ее, от возбуждения прижав ее лицом к подушке. Жаль, что совсем не придушил. Они же не поймут, что

она все время играла продуманную роль, провоцировала его, зыркала своими детскими глазками, соблазняла телом, которое сошло бы за двенадцатилетнее. Она предоставила ему возможность изнасиловать ее. Она сама виновата. Они никогда не поймут, что на самом деле все это было театральным представлением, в котором она оказалась режиссером. Она планировала…

Что бы он ни задумал предпринять, он должен прежде всего заполучить фильм и удостовериться, что других копий не существует. В этом суть проблемы.

Вряд ли можно усомниться в том, что ведьма вроде Лисбет Саландер нажила себе врагов с течением времени. В этом отношении у адвоката Бьюрмана было преимущество. Тем, что ставило его в особое положение по сравнению с другими, кто по той или иной причине мог испытывать к ней злобу, был неограниченный доступ к ее медицинской карте, отчетам социальных работников и психиатрическим заключениям. Бьюрман был одним из немногих в Швеции, кому известны все ее самые потаенные секреты.

Личное дело Лисбет Саландер, переданное ему опекунским советом, когда Бьюрман согласился стать ее опекуном, было кратким, но емким. Всего на пятнадцати страницах уместились ее взрослая жизнь, краткая выписка из диагноза, сделанного психиатрической экспертизой, решение стокгольмского суда о передаче ее под опеку, а также финансовый отчет за прошлый год.

Он снова и снова перечитывал заключение. Затем начал планомерно собирать данные о прошлом Лисбет Саландер.

Как и любой адвокат, Бьюрман хорошо знал, куда надо обращаться, чтобы получить информацию из разных учреждений. У него не было проблем с доступом к ее медицинской карте – на него, опекуна, секретность не распространялась. Он был одним из немногих, кто мог получить любой материал, касающийся Лисбет Саландер.

Однако у него ушло несколько месяцев на то, чтобы составить картину ее жизни, собирая деталь за деталью, начиная с записей, сделанных о ней в младших классах, и кончая рапортами социальных работников, полиции и суда. Он лично встретился с доктором Йеспером Х. Лёдерманом и обсудил ее состояние. Именно этот врач-психиатр рекомендовал Саландер в закрытое лечебное учреждение, когда ей исполнилось восемнадцать лет. Бьюрман тщательно изучил соображения, легшие в основу рекомендации психиатра. Все старались ему помочь, а одна работница социальной службы даже восхитилась рвением, выходившим за пределы стандартного,

с которым Бьюрман вникал во все аспекты жизни Лисбет Саландер.

Но настоящий кладезь информации обнаружился в двух тетрадях с толстым переплетом, лежавших в картонной коробке, пылившейся у одного из сотрудников управления опекунского совета. В этих тетрадях вел записи предшественник Бьюрмана, адвокат Хольгер Пальмгрен. Он-то, очевидно, знал Лисбет Саландер лучше, чем кто-либо. Каждый год Пальмгрен добросовестно представлял короткий рапорт в управление, сопровождая своими собственными соображениями в форме дневника. О последнем, как подозревал Бьюрман, Лисбет Саландер ничего не знала. Это, очевидно, были личные рабочие материалы Пальмгрена. Два года назад с ним случился инсульт, его записи попали в управление опекунского совета и пролежали там, никем не читанные.

Это были оригиналы, и копий не существовало.

Отлично!

Пальмгрен нарисовал совсем другой портрет Лисбет Саландер, не похожий на тот, что вырисовывался из донесений социального ведомства. Теперь он мог проследить мучительный путь Лисбет от неуправляемого подростка к молодой женщине на службе в частном охранном агентстве «Милтон секьюрити» – туда она попала благодаря связям Пальмгрена. Бьюрмана охватывало все большее удивление, когда он узнал, что Лисбет Саландер отнюдь не была умственно отсталой работницей, в обязанности которой входило размножать бумажки на копировальном аппарате да варить кофе. Напротив, она выполняла квалифицированные поручения Драгана Арманского, директора «Милтона», по сбору и анализу информации. Было также очевидно, что Арманский и Пальмгрен знакомы и обменивались новостями о своей подопечной.

Имя Драгана Арманского Нильс Бьюрман взял на заметку. Среди всех людей, принимавших участие в судьбе Лисбет Саландер, только двое в каком-то смысле могли считаться ее друзьями, и оба, похоже, считали ее своей подопечной. Пальмгрен в счет не шел, а от Арманского Бьюрман решил держаться подальше и не разыскивать его.

Записные книжки многое прояснили. Теперь Бьюрман понял, откуда Лисбет Саландер так много о нем знает. Однако он все еще не мог догадаться, как ей удалось узнать о посещении клиники пластической хирургии во Франции, ведь об этой поездке он никому не говорил. Но многое в жизни Лисбет, ранее покрытое мраком, теперь прояснилось. У Арманского она занималась копанием в личной жизни людей. Адвокат сразу понял, что должен соблюдать осторожность в своих собственных

поисках. Раз уж Лисбет Саландер может в любой момент нагрянуть к нему в квартиру, держать там документы, касающиеся ее жизни, неразумно. Он собрал все эти бумаги, сложил в коробку и отвез к себе на дачу в Сталлархольме, где он проводил все больше времени в одиноких раздумьях.

Чем больше Бьюрман читал о Лисбет Саландер, тем крепче становилась его уверенность в том, что она патологически больна. Его пробирала дрожь при воспоминании, как она приковала его наручниками к собственной кровати, полностью подчинив своей власти. Бьюрман не сомневался: случись ему дать хоть какой-то повод, она без колебаний приведет в исполнение свою угрозу убить его.

Для нее не существовало никаких правил, регулирующих поведение в обществе, она жила без тормозов. Это была опасная для окружающих проклятая психопатка, граната с сорванной чекой, шлюха.

Дневник Хольгера Пальмгрена помог найти ключ к последней загадке. Несколько раз опекун оставлял в дневнике записи глубоко личного характера о своих беседах с Лисбет Саландер. Выживший из ума старикашка! В паре записей он ссылался на ее выражение «Когда Случилась Вся Та Жуть». Ясно, что Пальмгрен непосредственно цитировал Лисбет Саландер, но что она вкладывала в это – неясно.

Озадаченный Бьюрман взял на заметку выражение «Вся Та Жуть». Когда и что это было? Годы, проведенные ею в приемной семье? Какое-то конкретное насилие? Что-то об этом должно быть в обширной документации, к которой он уже имел доступ?

Он открыл отчет о судебно-психиатрической экспертизе, выполненной, когда Лисбет Саландер исполнилось восемнадцать лет, и педантично прочел его в пятый или шестой раз. Вдруг он понял, что в его знаниях о жизни Лисбет Саландер есть пробел.

У него имелись выписки из учительских журналов, когда она училась в начальной школе, справка, удостоверяющая, что мать Лисбет неспособна ее воспитывать, отчеты нескольких приемных семей в годы, предшествовавшие совершеннолетию, и заключение психиатра в связи с восемнадцатилетием.

Что-то стало поводом к ее безумию, когда ей было двенадцать лет.

Нашлись и другие пробелы в биографии. Бьюрман с удивлением обнаружил, что у Лисбет Саландер есть сестра-близняшка, о которой ничего не упоминалось в материалах, собранных им ранее. Господи, их было двое! Но каких-либо сведений о судьбе ее сестры он не нашел.

Отец неизвестен, и не было никаких объяснений, почему мать

оказалась не в состоянии ее воспитывать. Раньше Бьюрман исходил из гипотезы, что Лисбет заболела и в связи с этим начался процесс, закончившийся детской психиатрической клиникой. Теперь он уверился в том, что с Лисбет Саландер что-то случилось, когда ей было двенадцать-тринадцать лет, «Вся Та Жуть», какое-то потрясение. Но в чем состояла «Вся Та Жуть», оставалось неясным.

В отчете судебно-психиатрической экспертизы он наконец нашел ссылку на документ, которого нигде не видел. Это был номер рапорта о полицейском расследовании 12 марта 1991 года. Этот номер был приписан от руки на полях копии, найденной им в управлении социального обеспечения. Когда он попытался запросить этот рапорт, то наткнулся на непреодолимое препятствие – расследование оказалось засекречено по указу шведского короля. Это можно было бы обжаловать, но только через правительство.

Нильс Бьюрман был в замешательстве. С одной стороны, нет ничего странного в том, что полицейское расследование, касающееся двенадцатилетней девочки, оказалось засекречено. Это соответствовало охране неприкосновенности личности. С другой стороны, он как опекун Лисбет Саландер мог затребовать любой материал о ней. Непонятно, почему расследование было так засекречено, что доступ к нему можно получить только через запрос в правительство.

Такой запрос Бьюрман сделал на автомате, потом ждал два месяца – и, к своему крайнему изумлению, получил отказ. Он был не в состоянии понять, что такого особенного могло содержаться в полицейском расследовании пятнадцатилетней давности, касавшемся двенадцатилетней девочки. Что делало его таким секретным, как будто это касалось ключей от дома правительства в Росанбаде?

Он вернулся к дневникам Хольгера Пальмгрена, перечитал их строчку за строчкой и постарался понять, что скрывается за словами «Вся Та Жуть». Текст не давал зацепок. Хольгер Пальмгрен и Лисбет Саландер об этом явно говорили, но в записях не осталось следа. Упоминание о «Всей Той Жути» появилось в самом конце пространного дневника. Вероятно, Пальмгрен просто-напросто не успел сделать подробную запись, прежде чем его разбил инсульт.

Все это повернуло мысли Бьюрмана в новое русло. Хольгер Пальмгрен был опекуном Лисбет Саландер с ее тринадцатилетнего возраста до восемнадцатилетия. Это означало, что Пальмгрен был рядом с ней вскоре после того, как случилась «Вся Та Жуть» и Саландер поместили в детскую психиатричку. Значит, он, скорее всего, знал, что с ней произошло.

Бьюрман снова пошел в архив управления опекунского совета. На этот раз он запросил не документы, относящиеся к делу Лисбет Саландер, а описание поручения Пальмгрену в связи с решением, принятым службой социального обеспечения об опекунстве над Саландер. Он получил на первый взгляд совершенно разочаровывающие материалы – всего две страницы. Сообщалось, что мать Саландер не способна воспитывать своих дочерей, и в связи с особыми обстоятельствами девочек необходимо разделить. Камиллу Саландер передали в приемную семью, а Лисбет положили в детскую психиатрическую клинику Святого Стефана. Другие варианты не обсуждались. Но почему?

Формулировка была таинственной: «В связи с событиями, произошедшими 12 марта 1991 года, служба социального обеспечения постановляет…» После этого снова приводился номер рапорта того полицейского расследования, которое засекретили. На этот раз сообщалась одна деталь – имя полицейского, занимавшегося расследованием.

Адвокат Нильс Бьюрман изумленно уставился на это имя. Оно ему было знакомо, слишком хорошо знакомо.

Теперь дело вырисовывалось в совершенно другом свете.

Ему потребовалось еще два месяца, чтобы совсем другими путями получить доступ к материалам расследования. Это был толково написанный рапорт на сорока семи страницах формата А4, сопровождавшийся приложениями почти на шестьдесят страниц, отражавшими последующие шесть лет.

Сначала Бьюрман не понял, как связать концы с концами. Затем снова достал снимки, прилагавшиеся к судебно-медицинскому исследованию, и опять проверил имя.

«Боже мой… этого не может быть», – промелькнуло у него в голове.

Он вдруг понял, почему дело оказалось засекречено. Адвокат Нильс Бьюрман сорвал куш в лотерею.

Внимательно перечитав материалы полицейского еще раз, он понял, что нашел еще одного человека, у которого есть причина ненавидеть Лисбет Саландер так же страстно, как у него самого.

Бьюрман оказался не одинок.

Он раскопал союзника, самого невероятного союзника, какого только можно вообразить.

Тогда он начал неторопливо продумывать план действий.

Размышления Нильса Бьюрмана прервались, когда на его столик в кафе «Хедон» легла тень. Он поднял взгляд и увидел какого-то блондина.

«Великан» – вот единственное слово, которое ему подходило.

На секунду адвокат даже отпрянул, прежде чем снова пришел в себя. С высоты более двух метров на него смотрел вниз мужчина сверхмощного сложения. Явно культурист. Бьюрман не обнаружил ни малейших признаков жира или вялости в его фигуре. В целом он создавал ощущение пугающей физической силы.

Это был блондин с короткой стрижкой и овальным лицом с неожиданно мягкими чертами. Зато голубые, как лед, глаза мягкости не выражали. Одет он был в укороченную черную кожаную куртку и черные брюки, а из-под распахнутого ворота виднелась голубая рубашка с черным галстуком. Последнее, что адвокат Бьюрман отметил для себя, были руки незнакомца. Даже для такого крупного человека они были непомерно огромны.

– Адвокат Бьюрман? – спросил он.

Мужчина говорил с заметным акцентом, но таким неожиданно писклявым голосом, что Бьюрман на секунду усмехнулся, но кивнул.

– Мы получили ваше письмо, – сообщил он.

– А вы кто такой? Я хотел встретиться с…

Мужчина с гигантскими ручищами проигнорировал вопрос и уселся напротив Бьюрмана, прервав его:

– Вместо него вам придется поговорить со мной. Выкладывайте, что вам надо.

Адвокат Бьюрман заколебался. Ему была невыносима мысль о том, чтобы раскрыться перед совершенно чужим человеком. Но ничего не поделаешь. Он вновь напомнил себе, что не одинок в ненависти к Лисбет Саландер. Союзники ему необходимы. И он, предварительно понизив голос, начал объяснять, по какому делу появился.

Глава 3

Пятница, 17 декабря – суббота, 18 декабря

Лисбет Саландер проснулась утром в семь часов, приняла душ и спустилась к стойке администратора в холле. Она спросила сидевшего там Фредди Мак-Бейна, нет ли в гостинице свободного багги[8], чтобы взять на день напрокат. Через десять минут все было готово: залог внесен, сиденье и зеркало заднего вида подогнаны, зажигание и бензин проверены. Лисбет зашла в бар, заказала кофе с молоком и бутерброд на завтрак, а бутылку с минеральной водой – с собой. За завтраком она исписала салфетку каракулями цифр, думая о задаче $x^3 + y^3 = z^3$.

В самом начале девятого в бар спустился доктор Форбс, свежевыбритый, в темном костюме и белой рубашке с голубым галстуком. Он заказал яйца, тост, апельсиновый сок и черный кофе. Ровно в половине девятого поднялся и пошел к ожидавшему его такси.

Лисбет последовала за ним на некотором расстоянии. Доктор Форбс отпустил такси чуть ниже Морской панорамы в начале бухты Каренаж и пошел вдоль набережной. Лисбет проехала вперед мимо него, припарковалась в середине приморского бульвара и терпеливо подождала, пока он пройдет, прежде чем вновь тронуться за ним.

Четыре часа подряд ходила она за ним то вверх, то вниз по улицам Сент-Джорджеса. К часу дня Лисбет уже вся взмокла, а ноги опухли. Прогулка шла в неторопливом темпе, но без остановок, а многочисленные крутые подъемы и спуски уже начинали «откладываться» в мышцах. Оставалось только поражаться энергии Форбса. Допивая последний глоток минеральной воды, Лисбет подумала, уже не бросить ли ей затеянное, как доктор вдруг направился к «Черепашьему панцирю».

Спустя десять минут Лисбет тоже зашла в ресторан и уселась на веранде. Они заняли в точности те же места, что и за день до этого, а он так же тянул кока-колу и не отрывал взгляда от воды в заливе.

На Гренаде Форбс был одним из тех немногих эксцентриков, кто носил пиджак и галстук. Казалось, он не чувствует жары.

Размышления Лисбет прервались в три часа, когда доктор заплатил по счету и покинул ресторан. Сначала он шел прогулочным шагом вдоль бухты Каренаж, а потом вскочил в микроавтобус, направлявшийся в Гранд Анс. Лисбет припарковалась у отеля «Киз» за пять минут до того, как Форбс сошел с автобуса.

У себя в номере она налила в ванну прохладную воду и вытянулась в ней. Ноги ныли, а лоб прочертили морщины.

Сегодняшние физические упражнения кое-что выявили. Каждое утро доктор Форбс покидал отель свежевыбритый, строго одетый, с портфелем под мышкой. Весь день он ровным счетом ничего не делал, только убивал время. Какова бы ни была цель его приезда на Гренаду, к строительству новой школы она явно не имела никакого отношения. Но ведь почему-то он хотел сделать вид, что приехал сюда по делам.

«К чему весь этот театр?» – подумала Лисбет.

Единственным человеком, от которого Форбс хотел что-то скрыть в связи с этим, была его жена. Он хотел произвести на нее впечатление человека, чрезвычайно занятого целый день. Но почему? Неужели дело пошло плохо и он из гордости не мог признаться в этом? А может быть, он приехал в Гренаду с другой целью? Не ждет ли он здесь кого-нибудь или что-нибудь?

При проверке электронной почты оказалось, что Лисбет Саландер получила четыре письма на «Хотмейл». Первое было от Чумы и отправлено примерно через час после его получения. Сообщение было зашифровано и содержало всего два слова: «Ты жива?» Чума никогда не был склонен к длинным задушевным посланиям. Лисбет, впрочем, тоже.

Два следующих письма были отправлены в два часа ночи. Первое из них, тоже от Чумы, содержало зашифрованную информацию о том, что один знакомый по сети по имени Бильбо, живущий в Техасе, клюнул на его запрос. Чума приложил адрес Бильбо и PGP-ключ[9]. А через несколько минут пришло послание, подписанное Бильбо. Оно было коротким и сообщало о намерении выслать информацию о докторе Форбсе в течение суток.

Последнее письмо, также от Бильбо, было послано поздно вечером. Оно содержало зашифрованный номер банковского счета и FTP-адрес. Лисбет зашла по адресу и нашла zip-файл на 390 килобайт. Она сохранила его и раскрыла. Там была папка, содержащая четыре фотографии плохого качества и пять документов в текстовом формате. На двух фотографиях был снят Форбс, один раз с женой на премьере в театре, а на другой – в церкви, говорящим с кафедры.

Первый из документов был отчетом Бильбо на одиннадцати страницах, второй насчитывал восемьдесят четыре страницы и содержал материал, скачанный из Интернета. Следующие два документа содержали сканированные вырезки из местной газеты «Остин америкэн стейтмент», а последний представлял собой обзор деятельности общины Форбса.

Название общины было «Пресвитерианская церковь Южного Остина».

Если не считать Третью Книгу Моисея, которую Лисбет знала вдоль и поперек – в прошлом году у нее были причины штудировать библейский свод законов, – запас ее знаний религиозной истории оставался весьма скромным. Она весьма смутно представляла себе, в чем разница между иудейской, пресвитерианской и католической церковью, хотя еврейская, конечно, должна называться синагогой. «Уж не придется ли входить в тонкости теологии?» – испугалась она сначала. Но потом решила, что ей до лампочки, к какой церкви принадлежит доктор Форбс.

Форбсу, время от времени именуемому преподобным Рихардом Форбсом, было сорок два года. Домашняя страничка церкви Южного Остина информировала, что в церкви семь постоянных служителей. Первым в списке значился преподобный Дункан Клегг, являвшийся, скорее всего, главным богословом церкви. С фотографии смотрел крепкий мужчина с седой копной волос и ухоженной седой бородой.

Рихард Форбс стоял в списке третьим и отвечал за вопросы образования. Рядом с именем в скобках стояло «Фонд святой воды».

Лисбет прочитала вступительную часть церковного обращения:

«Через молитву и благодарение мы будем служить прихожанам Юного Остина, чтобы укоренять стабильность, богословие и идеологию надежды, которые ставит во главу угла Пресвитерианская церковь Америки. Слуги Христовы, мы даем приют страждущим и надежду на прощение через молитву и баптистское благословение. Возрадуемся любви Господа! Долг наш в том, чтобы устранить преграды между людьми, разрушить препятствия на пути любви Господней!»

Непосредственно после вступления указывался номер банковского счета церкви и содержался призыв претворить любовь к Богу в благодеяния.

Бильбо предоставил Лисбет короткую, но прекрасно написанную биографию Рихарда Форбса. Она узнала, что тот родом из Сидарс-Блафф, Невада, работал в сельском хозяйстве, был коммерсантом, завхозом в школе, корреспондентом местной газеты в Нью-Мехико и менеджером христианского рок-ансамбля. В тридцать один год он примкнул к церкви Южного Остина. У него было законченное образование ревизора и незаконченное – архитектора. Никаких следов формально полученного звания доктора Бильбо не отыскал.

Джеральдина Найт была прихожанкой той же церкви и единственной дочерью владельца ранчо Уильяма Найта, одного из тех, кто задавал тон в той церкви Южного Остина. Рихард и Джеральдина поженились в 1997

году, и с тех пор церковная карьера Форбса быстро пошла вверх. Он возглавил фонд Девы Марии, ставивший целью «вкладывать божьи деньги в образовательные проекты для нуждающихся».

Форбса арестовывали дважды. Первый раз, в 1987 году, когда ему было двадцать пять лет, он обвинялся в причинении тяжелых телесных повреждений, нанесенных во время автомобильной аварии. Но суд его оправдал. Судя по газетным вырезкам, Форбс и впрямь был не виноват. В 1995 году он обвинялся в присвоении денег христианской рок-группы, менеджером которой являлся. Но его оправдали и на этот раз.

В Остине Форбс стал весомой фигурой, членом городского совета по образованию. Кроме того, он был членом демократической партии, активно участвовал в благотворительных мероприятиях и собирал средства для оплаты школьного обучения детей из малоимущих семей. В частности, церковь Южного Остина уделяла большое внимание поддержке испаноговорящих семей.

В 2001 году против Форбса выдвигались обвинения в экономических нарушениях, связанных с деятельностью фонда Девы Марии. Согласно одной из газетных статей, Форбс подозревался в том, что вложил в прибыльные фонды бо́льшую часть поступлений, чем это позволялось уставом. Церковь выступила с опровержением этих обвинений, а пастор Клегг твердо встал на сторону Форбса в последовавших дебатах. Официальное обвинение предъявлено не было, а ревизия никаких замечаний не сделала.

Особенно вдумчиво Лисбет изучила отчет о личных доходах Форбса. Его годовой доход составлял шестьдесят тысяч долларов, это была его зарплата. Других источников дохода у него лично не имелось. Финансовую стабильность в семье гарантировала Джеральдина Форбс. В 2002 году умер ее отец, и она стала единственной наследницей состояния в почти сорок миллионов долларов. Детей у нее с мужем не было.

Из этого можно было заключить, что Рихард Форбс зависел от своей супруги. Лисбет нахмурила бровь. Каковы же тогда мотивы избиения жены?

Лисбет зашла в Интернет и послала Бильбо лаконичное зашифрованное послание, поблагодарив за материалы, а также перевела пятьсот долларов на указанный им счет.

Она вышла на балкон и прислонилась к перилам. Солнце склонялось к горизонту. Поднявшийся ветер шелестел кронами пальм, росших вдоль стены вокруг отеля. Гренада лежала на периферии следования «Матильды». Лисбет последовала совету Эллы Кармайкл и уложила

компьютер, «Границы математики», смену одежды и разные мелочи в нейлоновую сумку, а потом поставила ее на полу у кровати. Затем спустилась в бар и заказала на ужин рыбу и бутылку «Кариба».

Ничего примечательного Лисбет не увидела, кроме доктора Форбса, одетого в светлую футболку, шорты и спортивную обувь. Тот задавал Элле Кармайкл вопросы о «Матильде», стоя у бара. Судя по всему, он не тревожился. На шее у него висел крестик на золотой цепочке, а сам он выглядел бодро и привлекательно.

В результате целого дня унылого хождения по Сент-Джорджесу Лисбет Саландер была совершенно вымотана и поэтому после ужина решила чуть-чуть пройтись. Но дуло так сильно и настолько похолодало, что она вернулась к себе в номер и улеглась в постель уже около девяти вечера. За окном бушевал ветер. Лисбет хотела немного почитать, но почти сразу же заснула.

Проснулась она от сильного грохота. Бросив взгляд на наручные часы, увидела, что сейчас четверть двенадцатого. Вылезла из постели и открыла балконную дверь. Ее встретил такой порыв ветра, что она отступила на шаг назад. Держась за дверной косяк, осторожно выдвинулась вперед и огляделась.

Висящие вокруг бассейна лампы раскачивались на ветру, порождая беспокойные тени, мечущиеся по саду. В проеме ворот Лисбет увидела несколько проснувшихся постояльцев, уставившихся в сторону пляжа. Другие сгрудились возле бара. На севере виднелись огни Сент-Джорджеса. Небо затянуло тучами, но дождя не было. Шум волн не видимого в темноте моря доносился намного громче, чем обычно. Заметно похолодало. Впервые с тех пор, как Лисбет оказалась на Карибах, ее охватила дрожь.

Она все еще стояла на балконе, когда кто-то громко постучал ей в дверь. Лисбет завернулась в простыню и открыла. Фредди Мак-Бейн выглядел озабоченным.

– Извините за беспокойство, но, похоже, приближается шторм.

– «Матильда»?

– «Матильда», – подтвердил он. – Ранним вечером она свирепствовала над Тобаго, и мы получили сообщение о больших разрушениях.

Лисбет пошарила в закромах своих познаний по географии и метеорологии. Тринидад и Тобаго находились примерно в двухстах километрах к юго-востоку от Гренады. Тропический ураган может без труда покрыть площадь радиусом сто километров, а центр его – перемещаться со скоростью тридцать-сорок километров в час. Значит, в

данный момент «Матильда» стояла у дверей Гренады и могла постучаться в любую минуту. Все зависело от того, в какую сторону она движется.

– Непосредственной опасности нет, – продолжал Мак-Бейн, – но лучше подстраховаться. Я хочу, чтобы вы собрали самые ценные вещи в сумку и спустились вниз, к стойке регистратора. Можете рассчитывать на кофе и бутерброды за счет отеля.

Лисбет последовала его совету. Она ополоснула лицо, чтобы сбросить остатки сна, надела джинсы, ботинки и фланелевую рубашку, а через плечо перекинула нейлоновую сумку. Прежде чем выйти из номера, подошла к ванной комнате, открыла дверь и зажгла свет. Зеленой ящерицы не было видно – наверное, забилась в какую-то щелку. Вот умница.

В баре Лисбет поплелась к своему обычному месту и оттуда наблюдала, как Элла Кармайкл приказывает персоналу наполнять термосы горячим питьем. Немного спустя она подошла к Лисбет.

– Привет. Недавно проснулась?

– Да, я спала. А что теперь будет?

– Посмотрим. На море шторм, и мы получим предупреждение об урагане из Тринидада. Если будет хуже и «Матильда» пойдет в нашу сторону, спустимся в подвал. Ты не поможешь?

– А что надо делать?

– В подсобке администраторов лежат сто пятьдесят одеял, их нужно снести в подвал. И вообще нужно убрать много всякой всячины.

Все последующее время Лисбет помогала носить одеяла в подвал, собирать цветочные горшки, столики, стулья и прочие мелочи вокруг бассейна. Когда Элла сказала «хватит» и отпустила ее, Лисбет прошла к пляжу, встала в проеме ограды и вгляделась во тьму. Море грозно шумело, а порывы ветра хлестали столь яростно, что ей пришлось упереться ногами, чтобы удержаться. Пальмы вдоль ограды бешено раскачивались.

Лисбет вернулась в гостиницу, заказала в баре кофе с молоком и села у стойки. Полночь уже наступила. На лицах постояльцев отеля и персонала было написано беспокойство. Сидящие за столиками обменивались приглушенными репликами, время от времени всматриваясь в происходившее за окнами. Всего в отеле «Киз» в ту ночь было тридцать два постояльца и несколько человек обслуживающего персонала. Лисбет обратила внимание, что за дальним столиком с бокалом в руке сидит Джеральдина Форбс и на лице у нее застыло напряженное выражение, но мужа ее не было видно.

Лисбет, попивая кофе, только начала раздумывать о теореме Ферма, как Фредди Мак-Бейн вышел из конторки и встал в центре холла.

– Внимание! Я только что получил сообщение, что шторм ураганной силы приблизился к острову Пти-Мартиника. Прошу всех незамедлительно спуститься в подвал.

Пресекая любые попытки задать вопрос или вступить в разговор, Мак-Бейн направлял присутствующих к лестнице, расположенной за стойкой администратора и ведущей в подвал. Пти-Мартиника была небольшим островком, относящимся к Гренаде и находящимся в нескольких морских милях от главного острова страны. Лисбет исподтишка наблюдала за Эллой Кармайкл и навострила уши, когда та подошла к Фредди.

– Ну, что, плохо дело? – спросила Элла.

– Не знаю. Телефонная связь нарушена, – приглушенным голосом ответил Мак-Бейн.

Лисбет спустилась в подвал и положила сумку на одеяло в углу. На секунду задумалась, а потом пошла наверх, против потока спускающихся людей. Она увидела Эллу Кармайкл и спросила, не нужна ли еще помощь. Элла покачала головой. Лицо ее выражало тревогу.

– Посмотрим, что там еще выкинет эта стерва «Матильда», – сказала она.

С улицы торопливо зашли в холл пятеро взрослых с десятком детей. Фредди Мак-Бейн принял их и направил в подвал.

Вдруг Лисбет пришла в голову тревожная мысль.

– Как вы думаете, сейчас все на острове прячутся в подвалы? – спросила она.

Элла Кармайкл проводила взглядом семейство, спускавшееся вниз.

– На Гранд Анс прискорбно мало подвалов, наш – один из немногих. Надо ожидать, что к нам еще подойдут люди – прятаться.

Лисбет пристально взглянула на Эллу:

– А как же другие?

– У кого нет подвала? – с горечью переспросила Элла. – Забаррикадируются у себя дома или поищут какое-нибудь укрытие – и будут уповать на Бога.

Лисбет развернулась, пересекла холл и выбежала наружу.

«Джордж Бленд! – мелькнуло у нее в голове; она слышала, как Элла кричит ей вслед, но не остановилась. – Он живет в захудалой лачуге, которая рассыплется к чертям собачьим от первого же порыва урагана».

Только она вышла на дорогу из Сент-Джорджеса, как зашаталась от ветра, с силой навалившегося на ее тело, но упрямо зашагала вперед. Порывы встречного ветра заставляли ее сгибаться. Почти десять минут ушло на то, чтобы пройти четыреста метров до хижины Джорджа Бленда.

По дороге она не увидела ни души.

Вдруг полил ледяной дождь, хлынул, как из шланга. В этот момент Лисбет уже сворачивала к развалюхе Джорджа. Сквозь щель в окне тускло светила керосиновая лампа. Буквально за секунду девушка промокла до нитки, а видимость понизилась до нескольких метров. Лисбет забарабанила в дверь. Джордж Бленд открыл ее, вытаращив на нее глаза.

– Ты зачем пришла? – заорал он, пытаясь перекричать ветер.

– Пошли. К нам в отель. Там есть подвал.

Джордж потрясенно глядел на нее. Дверь вдруг захлопнулась от порыва ветра, и он несколько секунд пытался отжать ее от косяка. Лисбет схватила парня за рубашку и потянула на себя. Затем отерла воду с лица, мертвой хваткой вцепилась в его ладонь и побежала.

Обратный путь они выбрали по пляжу – это метров на сто короче, чем по шоссе, которое здесь загибалось дугой, уходя от воды. Где-то на полдороге Лисбет поняла, что это, вероятно, было ошибкой – на пляже вообще не было укрытия. Удары ветра и дождя были такой силы, что им пришлось несколько раз останавливаться. В воздух поднялись обломанные ветки и песок, слышался жуткий грохот. Похоже, прошла целая вечность, пока Лисбет наконец увидела ограду гостиницы и прибавила шагу. Было уже рукой подать до ворот и долгожданной безопасности, когда она оглянулась через плечо в сторону пляжа и остолбенела.

Сквозь пелену дождя Лисбет вдруг разглядела две фигуры метрах в пятидесяти на пляже. Джордж Бленд тянул ее за руку – быстрее в ворота, – но она выдернула руку и прислонилась к ограде, пытаясь получше всмотреться. На секунду пара исчезла из вида, скрытая дождем, но вдруг небо ярко осветила молния.

Теперь уже она знала, что это Рихард и Джеральдина Форбс. Они были примерно на том месте, где она видела прошлым вечером расхаживавшего взад-вперед Рихарда Форбса.

Когда молния вновь вспыхнула, она увидела, как Форбс тащит за собой изо всех сил упирающуюся жену.

Тут все куски головоломки легли на свои места. Финансовая зависимость, обвинения в экономических злоупотреблениях в Остине, его безостановочное хождение по городу и погруженное в мысли сидение в «Черепашьем панцире»…

«Он задумал убить ее. Сорок миллионов на кону. Ураган – его прикрытие. И сейчас у него отличный шанс», – пронеслось у нее в голове.

Лисбет Саландер пихнула Джорджа Бленда в ворота отеля, оглянулась вокруг и увидела полосатый пляжный стул, на котором обычно сидел

ночной сторож. Этот стул забыли убрать перед штормом. Она схватила его, с силой ударила по ограде и вооружилась оставшейся в руках ножкой. Изумленный Джордж кричал ей вдогонку, когда она помчалась к пляжу.

Ураганный ветер валил Лисбет с ног, но она держалась, шаг за шагом продвигаясь вперед. Она уже почти добралась до Форбсов, когда в блеске очередной молнии увидела пляж и Джеральдину на коленях у кромки воды. Рихард Форбс навис над нею, рука его была занесена для удара чем-то вроде железного прута. Лисбет видела, как этот прут, описав дугу, обрушился на голову женщины и та перестала барахтаться.

Рихард Форбс так и не успел увидеть Лисбет Саландер. Она засадила ему ножкой стула по затылку, и он повалился ничком.

Нагнувшись, Лисбет ухватила Джеральдину и перевернула ее на спину. Струи дождя хлестали не переставая. Лисбет вдруг увидела кровь у себя на руках – у Джеральдины Форбс была глубокая рана на виске. Тело ее было таким тяжелым, словно налитое свинцом, и Лисбет, оглядевшись безысходным взглядом, стала прикидывать, как ей дотащить это тело до ограды отеля. И тут рядом возник Джордж Бленд. Он что-то крикнул, но Лисбет не расслышала из-за шума ветра.

Она покосилась на Рихарда Форбса, стоявшего к ней спиной на четвереньках. Забросив левую руку Джеральдины вокруг своей шеи, сделала знак Джорджу проделать то же самое с правой рукой женщины, и они поволокли тело по пляжу.

На полпути к гостинице Лисбет почувствовала себя вконец вымотанной, будто силы полностью ее оставили. И тут она вдруг очнулась, ощутив, как ее схватили за плечо. Освободившись от Джеральдины, она развернулась и с силой пнула Рихарда Форбса в промежность. Тот рухнул на колени, и Лисбет, разбежавшись, врезала ему ногой в лицо. Тут она поймала испуганный взгляд Джорджа. Не тратя на него времени, вновь подхватила Джеральдину и потащила ее дальше.

Чуть погодя, оглянувшись назад, Лисбет увидела, как Рихард Форбс плетется сзади шагах в десяти, шатаясь, как пьяный, под шквальным ветром.

Еще одна молния расколола небо, и Лисбет выпучила глаза. Впервые в жизни она почувствовала, что парализована страхом.

За спиной Рихарда Форбса, в ста метрах от берега, над водой высвечивался перст Божий.

В блеске молнии, как на моментальном снимке, возник угольно-черный столб и тут же исчез из поля зрения, взмыв вверх.

«Матильда!»

Быть этого не может!

Ураган – да.

Но торнадо – немыслимо!

Гренада никогда не была в зоне торнадо.

Бредовый шторм в месте, где торнадо не должны проходить.

Торнадо не формируются над водой.

Это против законов природы.

Это что-то невиданное.

Уж не за ней ли оно было послано?

Джордж Бленд тоже увидел торнадо. Они в один голос прокричали друг другу: «Скорей!», но понять, что крикнул другой, были не в состоянии.

Вот уже двадцать метров до ограды. Десять. Лисбет споткнулась и рухнула на колени. Пять. В воротах, бросив последний взгляд через плечо, она увидела, как силуэт Рихарда Форбса исчезает в воде, как будто втянутый невидимой рукой. Совместными усилиями они с Джорджем Блендом втащили Джеральдину в ворота ограды. Когда они, едва волоча ноги, передвигались через задний двор, Лисбет услышала звон разбившихся оконных стекол и жалобный скрип погнутого листового железа. Оторвавшаяся доска пролетела перед самым ее носом. В следующую секунду она ощутила болезненный удар в спину. Напор ветра ослаб, только когда они были у самого входа в вестибюль.

Лисбет придержала Джорджа Бленда, схватив его за ворот, и, пригнув его голову, крикнула ему прямо в ухо:

– Мы нашли ее на пляже. Мужа не видели. Понял?

Он кивнул.

Они протащили Джеральдину Форбс по лестнице вниз, и Лисбет ногой постучала в дверь подвала. Открывший дверь Фредди Мак-Бейн недоуменно уставился на них, затем подхватил их ношу и, впустив, захлопнул за ними дверь.

В один миг рев урагана стих, и вместо невыносимого грохота в подвале были слышны лишь постукивание и приглушенный шорох. Лисбет с облегчением вздохнула.

Элла Кармайкл налила Лисбет кружку кофе, но та чувствовала себя такой изможденной, что была не в состоянии поднять руку. Она сидела на полу, обмякнув и прислонившись к стене. Кто-то закутал Джорджа Бленда в одеяло. Лисбет вымокла до нитки, из раны под коленкой сильно текла кровь. На джинсах зияла десятисантиметровая дыра, но откуда она взялась,

память не сохранила. Безучастным взглядом девушка наблюдала, как Фредди Мак-Бейн и кто-то из постояльцев занимались Джеральдиной Форбс, накладывая повязку ей на голову. До Лисбет долетали обрывки слов, и она поняла, что среди присутствующих есть врач. Отметила, что подвал набит битком и что, кроме гостей отеля, здесь много посторонних.

Наконец Фредди Мак-Бейн подошел к Лисбет и присел на корточки.

– Она будет жить.

Лисбет не отреагировала.

– Что с ней случилось? – спросил он.

– Мы нашли ее на пляже.

– Когда я пересчитал здесь постояльцев гостиницы, не хватало троих – тебя и супругов Форбс. Элла сказала, что ты выскочила как ненормальная, как раз когда начался шторм.

– Я побежала за своим другом Джорджем, – объяснила Лисбет и кивнула в сторону молодого человека. – Он живет в лачуге неподалеку, но от нее, вероятно, ничего не осталось.

– Это, конечно, смело, хотя и безрассудно, – заметил Фредди Мак-Бейн и покосился на Джорджа Бленда. – А ее мужа, Рихарда Форбса, вы не видели?

– Нет, – безучастно ответила Лисбет. Джордж взглянул на нее и тоже покачал головой.

Элла Кармайкл склонила голову к плечу и пристально взглянула на Лисбет, но та не отвела безучастного взгляда.

Джеральдина Форбс пришла в сознание в три часа ночи. В это время Лисбет уже спала, прислонившись к плечу Джорджа Бленда.

Каким-то чудом Гренада уцелела в эту ночь. Ураган затих к рассвету, переродившись в проливной дождь, самый ужасный, какой Лисбет когда-либо довелось видеть.

Фредди Мак-Бейн выпустил всех из подвала.

Гостинице «Киз» требовался основательный ремонт: как и всё на побережье, она подверглась страшным разрушениям. Бар Эллы Кармайкл возле открытого бассейна исчез без следа, так же как и одна из веранд. По всему фасаду зияли пустые окна, а крыша над выдвинутым крылом гостиницы была погнута. В вестибюле валялись кучи хлама.

Прихватив Джорджа Бленда, Лисбет заковыляла к себе в комнату, где занавесила пустой оконный проем одеялом, чтобы уберечься от дождя. Джордж перехватил ее взгляд.

– К нам будет меньше вопросов, если мы не видели ее мужа, – сказала

она, не вдаваясь в обсуждения.

Джордж кивнул. Лисбет стянула с себя одежду и бросила ее кучей на полу, а потом похлопала ладонью по краю кровати. Он понял, снова кивнул, потом разделся и проскользнул к ней под одеяло.

Лисбет проснулась днем, когда солнце уже светило сквозь просветы в тучах. Боль чувствовалась в каждой частичке тела, а колено так распухло, что почти не сгибалось. Она выкарабкалась из постели, встала под душ и поискала глазами зеленую ящерицу. Та уже вернулась обратно. Натянув шорты и майку, Лисбет, прихрамывая, вышла из комнаты, не будя Джорджа.

Элла Кармайкл была все еще на ногах. Выглядела она очень уставшей, но бар уже открыла, устроив его в вестибюле. Лисбет села за столик рядом со стойкой, заказала кофе и бутерброд. Покосившись на окно с выбитыми стеклами рядом со входом, увидела подъехавшую полицейскую машину. Только она получила кофе, как из своей конторы появился Фредди Мак-Бейн, а вслед за ним полицейский в форме. Заметив ее, Мак-Бейн что-то обронил полицейскому, и они направились к столику Лисбет.

– Это констебль Фергюсон. Он хочет задать вам несколько вопросов.

Лисбет вежливо кивнула. Констебль выглядел устало. Вынув блокнот и ручку, он записал имя и фамилию Лисбет.

– Мисс Саландер, мне сообщили, что вы и ваш друг нашли миссис Форбс ночью во время урагана.

Лисбет кивнула.

– Где вы нашли ее?

– На пляже, как только выйдешь из ограды, – ответила Лисбет. – Мы прямо-таки наткнулись на нее.

Фергюсон записал ее слова.

– Она что-нибудь сказала вам?

Лисбет только покачала головой.

– Она была без сознания?

На этот раз Лисбет кивнула.

– У нее глубокая рана на голове, – заметил констебль.

Лисбет снова кивнула.

– Вы не знаете причину происхождения этой раны?

Лисбет покачала головой. Фергюсон казался несколько разочарованным скудностью ее реплик.

– В воздухе носилось видимо-невидимо разных обломков, – произнесла она, стараясь помочь. – Я сама чуть не получила планкой по голове.

Фергюсон кивнул, соглашаясь.

– Вы повредили ногу? – спросил он, показывая пальцем на повязку. – Как это случилось?

– Не знаю. Я увидела рану, только спустившись в подвал.

– Вы были вместе с молодым человеком.

– Да, с Джорджем Блендом.

– Где он живет?

– В лачуге за «Кокосовым орехом», это по дороге на аэропорт. То есть живет, если она еще стоит на месте.

Лисбет решила не уточнять, что в данный момент Джордж Бленд спит в ее постели этажом выше.

– А вы видели ее супруга, Рихарда Форбса?

Лисбет покачала головой.

Казалось, констеблю Фергюсону не приходило в голову больше вопросов, и он захлопнул блокнот.

– Спасибо, мисс Саландер. Я должен написать рапорт о летальном случае.

– Так она умерла?

– Миссис Форбс? Нет, она в больнице в Сент-Джорджесе. Вероятно, своею жизнью она обязана вам и вашему другу. Умер ее муж. Его нашли на автостоянке у аэропорта два часа тому назад.

Это примерно шестьсот метров к югу от гостиницы.

– Он был в плачевном состоянии, – пояснил Фергюсон.

– Печально, – заметила Лисбет, не выказывая ни малейших признаков потрясения.

Когда Мак-Бейн и констебль Фергюсон ушли, появилась Элла Кармайкл и подсела за столик Лисбет. Она поставила две рюмки с ромом и увидела вопросительный взгляд Лисбет.

– После такой ночи следует подзаправиться. Я угощаю, и завтраком тоже.

Женщины обменялись взглядами, подняли рюмки и чокнулись.

«Матильде» надолго суждено было стать объектом научных исследований и дискуссий метеорологов стран Карибского моря и США. Торнадо такого масштаба, которое сопровождало «Матильду», были неизвестны в этом регионе. Теоретически считалось невозможным, чтобы торнадо могло сформироваться над поверхностью воды. Постепенно эксперты пришли к единодушному мнению, что необычное нагромождение и столкновение погодных фронтов привело к возникновению

«псевдоторнадо» – не настоящего торнадо, а его подобия. Инакомыслящие выдвигали теории, базирующиеся на парниковом эффекте и нарушенном экологическом балансе.

Теоретические дискуссии Лисбет Саландер не увлекали. Она помнила то, что видела, и решила в будущем по возможности избегать братьев и сестер «Матильды».

В ту ночь несколько человек получили повреждения, но, как ни удивительно, погиб лишь один.

Постояльцы отеля терялись в догадках, что могло заставить Рихарда Форбса покинуть гостиницу в самый разгар урагана. Вероятнее всего, это было очередным проявлением беспечности, столь свойственной американским туристам. Джеральдина Форбс была не в состоянии пролить свет на случившееся. В результате тяжелого сотрясения мозга у нее остались лишь бессвязные воспоминания о событиях той ночи.

При всем при том она стала безутешной вдовой.

Часть 2
From Russia with Love
10 января – 23 марта

Обычно уравнение содержит одно или несколько так называемых неизвестных, часто обозначаемых буквами x, y, z. Значения этих неизвестных, при которых обе части уравнения тождественно равны, называют решениями уравнения или говорят, что они удовлетворяют уравнению.

Пример: уравнение $3x + 4 = 6x – 2$ имеет решение $x = 2$.

Глава 4

Понедельник, 10 января – вторник, 11 января

Лисбет Саландер приземлилась в аэропорту Арланда в половине седьмого утра. Поездка длилась уже двадцать шесть часов, девять из которых пришлось просидеть в аэропорту Грэнтли Адамс на Барабадосе. «Бритиш эруэйз» не разрешали вылета самолету, в котором сидела Лисбет, пока не была предотвращена потенциальная угроза террористического акта и пассажир с арабской внешностью не был эскортирован для допроса. Прилетев в лондонский аэропорт Гатвик, она узнала, что последний в тот день самолет на Швецию уже в воздухе. Ей поменяли билет на самолет, вылетающий следующим утром, и девушке снова пришлось ждать несколько часов.

Лисбет чувствовала себя как мешок бананов, перележавших на солнце. Ничего, кроме ручного багажа с ноутбуком, «Границами математики» и утрамбованной одеждой, у нее не было. Беспрепятственно пройдя «зеленый коридор» таможни, она вышла к автобусам и сразу почувствовала себя дома – об этом напомнило снежное месиво под ногами.

В нерешительности Лисбет задумалась на секунду. Всю жизнь она должна была довольствоваться самым дешевым и до сих пор не могла привыкнуть к мысли, что у нее есть почти три миллиарда крон. Она присвоила их способом, комбинирующим интернет-грабеж со старым добрым мошенничеством. Минутой позже Лисбет решила пренебречь своими старыми правилами и взяла такси. Сообщив таксисту адрес на Лундагатан, она чуть ли не сразу заснула на заднем сиденье.

Едва такси остановилось на Лундагатан и шофер похлопал ее по плечу, Лисбет поняла, что дала ему неверный адрес. Исправив ошибку, она сказала ему ехать дальше, на Гётгатсбакен. Оставив таксисту хорошие чаевые в американских долларах, вышла из машины и попала ногой прямо в лужу у водосточного люка. Лисбет была одета в джинсы, майку и тонкую курточку, на ногах – сандалии и носочки. Она доплелась до «Севен-илевен»[10], купила шампунь, зубную пасту, мыло, молоко, сыр, яйца, хлеб, замороженные булочки с корицей, кофе, липтоновский чай в пакетиках, маринованные огурцы, яблоки, большую упаковку полуфабриката пиццы и блок сигарет «Мальборо лайт», расплатившись карточкой «Виза».

Выйдя на улицу, Лисбет заколебалась, какой дорогой идти домой. Она могла пойти вверх по Свартенсгатан или выбрать Хёкенсгатан в сторону

Шлюза. Недостатком Хёкенсгатан было то, что на ней располагалась редакция «Миллениума», стало быть, велик риск встретиться лицом к лицу с Микаэлем Блумквистом. Наконец Лисбет решила не ходить в обход только ради того, чтобы не встретиться с ним. Она поспешно направилась в сторону Шлюза, хотя вообще-то этот путь был чуть длиннее, а потом свернула направо и по Хёкенсгатану дошла до площади Мосебакке. Пройдя наискосок мимо статуи Сестер у «Южного театра», она поднялась по ступенькам к Фискаргатан. Там остановилась и невесело взглянула на дом. Но ощущения «вот я и дома» у нее не возникло.

Она оглянулась по сторонам. Это был тихий закоулок в центре Сёдермальма, одного из самых престижных районов Стокгольма. Здесь не было широких проезжих улиц, что ее очень устраивало. Здесь было легко следить за тем, что делается в округе. Летом эта улица являлась популярным местом прогулок, но зимой по ней ходили лишь те, кто жил здесь или кого приводили сюда дела. Обычно тут не было ни души, а главное – никого, кого она бы знала или кто мог знать ее. Лисбет поставила пакет с покупками прямо в снежную слякоть и поискала ключи. Затем доехала на лифте до последнего этажа и открыла дверь с табличкой «В. Кюлла».

Одной из первых забот Лисбет, когда она стала обладательницей большой суммы денег и тем самым обеспечила себе финансовую независимость на всю оставшуюся жизнь (или пока не подойдут к концу три миллиарда крон), было найти себе подходящее жилье. Квартирные дела стали для нее совершенно новым опытом. Никогда раньше ей не приходилось вкладывать деньги во что-то большее, чем отдельные потребительские товары, за которые она платила наличными или в рассрочку, если та была необременительна. Наибольшие затраты в ее «бухгалтерии» относились к разного рода компьютерам и легкому мотоциклу «Кавасаки». Последний она купила по бросовой цене – за семь тысяч крон. Почти столько же выложила за запчасти, а затем потратила несколько месяцев на то, чтобы полностью перебрать его и привести в порядок. Ей хотелось бы иметь машину, но она не решалась на подобную покупку, так как не знала, как собрать такие деньги.

Войдя в подробности, Лисбет осознала, что покупка квартиры – дело намного более сложное. Сначала она просматривала объявления о продаже квартир в газете «Дагенс нюхетер», выложенной в Сети, но вскоре поняла, что даже это для нее – китайская грамота.

Объявления содержали совершенно непостижимые обозначения и сокращения, так что Лисбет, почесав в затылке, решила позвонить по

нескольким объявлениям, даже не зная, как и о чем расспрашивать. Вскоре она осознала, что это полная глупость, и прекратила свои попытки. Следуя новой тактике, в первое воскресение января Лисбет посетила две квартиры, где был день открытых дверей. Одна располагалась на острове Реймерсхольм, на улице Виндрагавеген, а вторая находилась на улице Хеленеборгсгатан, в районе Хорнстюль. Первая квартира оказалась четырехкомнатной, светлой, в здании, выходящем на Лонгхольмен и Эссинген. Пожалуй, она бы ей подошла. Вторая, на Хеленборгсгате, оказалась просто убогой каморкой с видом на соседний дом.

Проблема была в том, что Лисбет сама не знала, где хочет жить, как должна выглядеть квартира и какие требования она может предъявлять при покупке. Никогда раньше Лисбет не задумывалась о жилье лучшем, чем ее сорок семь «квадратов» на Лундагатан, где она провела детство и на которую стараниями Хольгера Пальмгрена получила права собственности по исполнении восемнадцати лет. Приземлившись на продавленный диван в комнате, совмещавшей функции гостиной и кабинета, Лисбет задумалась.

Квартира на Лундагатан выходила окнами во двор, была тесной и безрадостной. К тому же из окна спальни была видна лишь пожарная лестница на торцовой стене другого дома. Окна кухни смотрели на заднюю часть соседнего дома, стоящего фасадом на улицу, и на вход в подвал. Оставалась гостиная, из которой можно было рассмотреть уличный фонарь и несколько веток березы.

Поэтому первым ее требованием к будущему жилью стало наличие привлекательного вида.

Ей не хватало балкона: она всегда завидовала более состоятельным соседям с верхнего этажа, которые имели возможность в жаркие летние дни посидеть под маркизой на балконе, попивая холодное пиво. Итак, вторым требованием к новому жилью стал балкон.

Как же должна выглядеть квартира? Лисбет вспомнилось жилье Микаэля Блумквиста на Беллмансгатан. Перестроенная мансарда представляла собой единую большую комнату площадью шестьдесят пять квадратных метров с видом на Ратушу и Шлюз. Там было бесподобно. Ей хотелось иметь уютную, не захламленную мебелью квартиру, которую было бы легко убирать. Это стало ее третьим требованием.

Лисбет годами жила в тесноте. В кухне площадью десять квадратных метров хватало места лишь на кухонный стол и два стула. Гостиная была размером двадцать квадратных метров, а спальня – двенадцать. Ее четвертым требованием стала просторность квартиры и множество встроенных гардеробов. Еще желательно иметь впечатляющий кабинет и

большую спальню, чтобы было где развернуться.

Ее нынешняя ванная комната представляла собой конуру без окон, с полом, выложенным дешевой серой плиткой, с малоудобной сидячей ванной и обоями из пластика, которые никогда не выглядели чистыми, сколько их ни скреби. Ей хотелось кругом кафель и большую ванну и чтобы в ванной приятно пахло и работала вентиляция. А еще хорошо бы, чтобы стиральная машина стояла в квартире, а не в занюханном подвале для общего пользования жильцами подъезда.

Итак, поразмыслив, Лисбет зашла в Интернет и посмотрела список контор, предлагавших услуги маклеров по недвижимости. Встав пораньше на следующий день, она направилась в контору агентства «Нобель», считавшегося многими лучшим в Стокгольме. Одетая в потертые черные джинсы, грубые сапоги и черную кожаную куртку, она остановилась у одной из стоек и сначала рассеянно наблюдала за тридцатипятилетней блондинкой, выкладывавшей снимки квартир на домашней страничке «Нобель». Наконец к ней подошел толстячок лет сорока с поредевшими рыжеватыми волосами. Когда она спросила, какие квартиры есть у них в наличии, он на секунду недоуменно уставился на нее, а затем произнес тоном доброго дядюшки:

– А что, милая барышня, ваши родители знают о вашем намерении покинуть отчий кров?

Лисбет смерила его холодным взглядом, пока он не закончил хихикать, и выразилась более четко:

– Мне нужна квартира.

Он кашлянул и покосился на свою коллегу.

– Я понимаю. И какого же типа?

– Мне нужна квартира в районе Сёдер, с балконом, видом на воду, не менее четырех комнат, ванная желательно с окном, и еще нужно место для стиральной машины. Кроме того, необходимо помещение для мотоцикла с замком в двери.

Женщина за компьютером прервала свою работу и, повернув голову, с любопытством уставилась на Лисбет.

– Мотоцикл? – переспросил рыжеволосый толстяк.

Лисбет Саландер кивнула.

– Простите, – запинаясь, начал мужчина, – а как вас зовут?

Лисбет представилась и тоже спросила его имя. Оказалось, Иоаким Перссон.

– Тут вот какое дело, квартира в Стокгольме чего-то да сто́ит, – продолжил он.

Эту реплику Лисбет оставила без внимания – она ведь спросила, какие у них предлагаются квартиры, а напоминание, что они стоят денег, вообще излишне и неуместно.

– А кем вы работаете?

Лисбет на секунду задумалась. Формально она единоличный предприниматель, а фактически она работала только у Драгана Арманского в «Милтон секьюрити», да и то в последний год совершенно нерегулярно, а последние три месяца вообще ничем у него не была занята.

– Сейчас у меня нет определенной работы, – начистоту ответила она.

– Та-ак… наверное, ходишь в школу?

– Нет, не хожу.

Иоаким Перссон обогнул стойку, за которой стоял, дружелюбно обхватил Лисбет за плечи и учтиво повернул к двери на выход.

– Вот что, юная дама: милости просим к нам через несколько лет, но тогда тебе нужно иметь в распоряжении немного больше денег, чем помещается в свинье-копилке. Тут, видишь ли, карманных денег не хватит, – пояснил он и добродушно ущипнул ее за щеку. – Так что возвращайся когда-нибудь, мы и тебе квартирку подыщем.

Лисбет Саландер постояла на улице перед агентством «Нобель» несколько минут, задумчиво прикидывая, как понравилось бы этому Иоакиму Перссону, если бы ему в витрину засадили бутылку с коктейлем Молотова. Потом пошла домой и включила компьютер.

Десять минут спустя она уже зашла во внутреннюю сеть агентства «Нобель», использовав пароль, который нечаянно увидела, когда женщина за конторкой набирала его перед размещением фотографий. А еще через три минуты обнаружила, что компьютер, на котором работала та дама, в сущности, выполнял работу сервера всего агентства. «Вот дебилы», – подумала Лисбет. Ей понадобилось еще три минуты, чтобы получить доступ ко всем четырнадцати компьютерам, составлявшим локальную сеть. Через два часа, прочесав бухгалтерию Иоакима Перссона, она заключила, что он утаил от налоговой службы почти семьдесят пять тысяч крон черного нала за последние два года.

Скачав все необходимые файлы, она послала их в налоговую службу с анонимного электронного адреса, сервер которого размещался в США. Вслед за тем она раз и навсегда выбросила из головы Иоакима Перссона.

Теперь Лисбет могла посвятить остаток дня изучению реестра элитного жилья, предлагаемого «Нобелем». Самым дорогим оказался небольшой замок около Марнефреда, где у нее не было ни малейшего желания обосноваться. Решив пойти ва-банк, она выбрала следующий по

дороговизне объект – шикарную квартиру у площади Мосебакке.

Лисбет долго разглядывала фотографии и планировку. Наконец она пришла к заключению, что квартира на Мосебакке с избытком удовлетворяет всем требованиям ее списка. Раньше квартирой владел один из директоров компании АВВ, но он отошел в тень вскоре после того, как покинул пост и получил отступные чуть ли не в миллиард крон, что привлекло много внимания и вызвало возмущение в средствах массовой информации.

Вечером Лисбет позвонила по телефону Джереми Мак-Миллану, совладельцу адвокатской конторы «Мак-Миллан и Маркс» в Гибралтаре. Ей уже доводилось иметь дело с Мак-Милланом. В свое время он хорошо заработал на том, что основал ряд фиктивных предприятий, открывших счета для того, чтобы заправлять состоянием, которое она увела у финансового олигарха Ханса Эрика Веннерстрёма.

Ей снова понадобились услуги Мак-Миллана. На этот раз она дала ему указание вступить в переговоры с агентством «Нобель» от имени ее предприятия «Уосп энтерпрайзис» о покупке той самой вожделенной квартиры на Фискаргатан у Мосебакке. Переговоры продолжались четыре дня, и от окончательной цены, проставленной в документах, у Лисбет глаза полезли на лоб. Плюс еще пять процентов Мак-Миллану за посредничество. К концу недели Лисбет уже перевезла две картонные коробки с одеждой, постельное белье, матрас и кухонную утварь. Почти три недели она спала на матрасе в новой квартире, а тем временем искала клиники пластической хирургии и завершала незаконченные дела (включая ночной разговор с адвокатом Нильсом Бьюрманом), а еще платила вперед за жилье, электричество и по другим текущим расходам.

Доведя все дела до конца, Лисбет заказала билет и уехала в клинику в Италии. Закончив лечение и выписавшись из клиники Генуе, она отправилась в Рим, где сидела в своей комнате в отеле и размышляла, что ей делать дальше. Надо бы вернуться в Швецию и как-то устроить свою жизнь, но ей даже думать не хотелось о Стокгольме, и тому было несколько причин.

Во-первых, у нее не было профессии. Никакого будущего в «Милтон секьюрити» она для себя не видела. Вины Драгана Арманского в этом не было: он-то хотел взять ее в штат, ведь она была проверенным и ценным винтиком в структуре его фирмы. Но ей было уже двадцать пять, и ее отнюдь не привлекала перспектива до пятидесяти лет копаться в разных данных о жуликах на высоких постах. Это годилось как хобби, а не как жизнедеятельность.

Второй причиной нежелания возвращаться в Стокгольм был Микаэль Блумквист. Так она точно рискует наткнуться на «чертова Калле Блумквиста»[11], а этого ей хотелось бы в последнюю очередь. Ведь он обидел ее. Следует честно признать, что сделал он это неумышленно. Это был отличный мужик, и ее вина, что она в него «влюбилась». Даже самое это слово звучало как бред собачий, когда оно относилось к этой «чертовой курице Лисбет Саландер».

Микаэль Блумквист имел репутацию дамского угодника. Лисбет была для него милой забавой, к которой он снизошел, когда она была рядом и никого лучше под рукой не оказалось, но кого он быстро выбросил из головы, когда попал в более интересное общество. Она винила саму себя за то, что ослабила самозащиту и впустила его в свою жизнь.

Когда Лисбет опомнилась и взяла себя в руки, все контакты с Микаэлем были прерваны. Не так легко ей это далось, но она держалась железно. В последний раз Лисбет видела его, стоя на перроне в метро на станции «Гамла стан», когда он сидел в вагоне на пути к центру. Она смотрела на него целую минуту и сказала себе, что у нее не осталось ни капли чувств к нему, так как иначе наступил бы конец от полной потери крови. «Пошел ты…» – подумала она. Микаэль заметил ее в тот момент, когда закрывались двери, и непрерывно глядел на нее, пока она не повернулась и не ушла, а поезд все еще не тронулся.

Лисбет не понимала, почему он так упрямо пытается установить с ней контакт, как будто исходил из сугубо общественных побуждений. Она была в бешенстве от того, что он столь недогадлив, и каждый раз, когда она получала от него письма по электронной почте, удаляла их не читая, стиснув зубы.

Итак, Стокгольм ничуть ее не привлекал. Кроме почасовой работы на «Милтон секьюрити», нескольких бывших сексуальных партнеров и участниц рок-группы «Персты дьявола», она никого и ничего не знала во всем родном городе.

Единственным человеком, к которому Лисбет питала уважение, был Драган Арманский. Трудно сказать, какие чувства она испытывала к нему. Ее даже несколько удивляло, что ее к нему немного тянет. Не будь он женатым, таким старым и в придачу консервативным в своих взглядах на общество, она бы, пожалуй, попробовала пойти на сближение.

Подводя черту под размышлениями, Лисбет достала календарь и открыла раздел с картами. Она никогда не была в Австралии и Африке, читала, но не видела пирамид и храма в Ангкор-Ват, не ездила на пароме «Стар ферри» между Коулуном и Викторией в Гонконге, не плавала с

маской в Карибском море, не загорала на пляжах в Таиланде. Кроме нескольких коротких командировок по работе в Прибалтику, соседние скандинавские страны, а еще в Цюрих и Лондон, она за всю жизнь почти никуда не ездила за пределы Швеции.

Лисбет посмотрела в окно своей комнаты. Гостиница находилась на улице Гарибальди. Рим напоминал груду развалин. Она решилась, надела куртку, спустилась в вестибюль и спросила у администратора, нет ли недалеко туристического агентства. Потом заказала билет до Тель-Авива в одну сторону и ближайшую ночь провела, бродя по Старому городу в Иерусалиме, прогуливаясь к мечети Аль-Акса и Стене Плача, с недоумением поглядывая на вооруженных солдат на перекрестках.

Затем она вылетела в Бангкок и продолжала путешествовать весь остаток года.

У нее оставалось еще одно дело, в связи с которым она дважды летала в Гибралтар. В первый раз для того, чтобы присмотреться к человеку, которому доверила управление своими финансами, а второй раз – проконтролировать, как он с этим справляется.

Открывать ключом дверь собственной квартиры после долгого отсутствия было как-то не по себе.

Лисбет поставила сумку с продуктами в прихожей и набрала четырехзначный код для отключения сигнализации. Затем стянула с себя всю мокрую одежду и бросила кучей на полу. Зайдя в кухню, включила холодильник и расставила в нем продукты, а потом прошла в ванную, пустила душ и простояла под ним минут десять. Потом, разогрев пиццу в микроволновке, заела ее дольками яблок, раскрыла коробку и достала подушку, простыню и одеяло, от которых слегка попахивало после года хранения в нераспакованном виде, и постелила себе на матрасе в комнате, смежной с кухней.

Прислонив голову к подушке, Лисбет почти тотчас заснула и проспала почти двенадцать часов, до полуночи. Проснувшись, она включила кофеварку, обмоталась одеялом и, подложив подушку, уселась на подоконнике. Затянувшись сигаретой, устремила взгляд к Юргордену и Сальтшё. Зачарованная огнями и темнотой, Лисбет задумалась над своей жизнью.

Следующий день у нее был полностью расписан. В семь утра она уже повернула ключ в замке своей входной двери, а на лестничной площадке открыла окно и примотала запасной ключ на медной проволоке к задней

стенке водосточной трубы. По опыту Лисбет знала, как удобно иметь под рукой запасной ключ на всякий случай.

На улице ее обдало ледяным холодом. Лисбет была одета в старые, заношенные джинсы, прохудившиеся под задним карманом, так что можно было разглядеть голубые трусики. Поверх майки она надела джемпер со стоячим воротником, но тот уже вытянулся и не облегал шею. Помимо этого, Лисбет отыскала свою старую кожаную куртку с заклепками на плечах. Надевая ее, она отметила про себя, что куртку надо бы отнести в починку: заменить продранную, почти исчезнувшую подкладку в карманах. Теплые чулки и ботинки грели ноги. «В общем, все это обеспечит мне приличное тепло», – подумала она.

Лисбет прошла по Санкт-Паульсгатан в сторону Цинкенсдамм, а потом к Лундагатан, где была ее старая квартира. Там прежде всего проверила, на месте ли ее «Кавасаки» в подвале. Похлопав стального коня по седлу, она пошла по лестнице наверх, к своей бывшей квартире, и смогла зайти в прихожую, лишь переступив через огромную кучу рекламы у двери.

Лисбет колебалась относительно того, что ей делать с квартирой. Накануне отъезда из Швеции она наконец решила, что проще всего заказать автоматические выплаты за коммунальные услуги. Здесь у нее оставалась вся ее мебель, по-хозяйски подобранная в разных мусорных контейнерах, а также выщербленные чашки, два старых компьютера и кучи бумаги. В общем, ничего ценного.

Лисбет принесла из кухни черный пластиковый мешок для мусора и минут пять сортировала кучу на две: почту и рекламу. Подавляющее большинство составляла реклама, и она летела сразу в черный мешок. Почта на ее имя состояла в основном из банковских выписок, копий данных, передаваемых в налоговое управление в связи с ее работой в «Милтон секьюрити», и разного рода скрытой рекламы. Одним из преимуществ иметь опекуна было в том, что ей не надо было заполнять налоговую декларацию – такого рода бумаги ей не приходили. В целом, за весь год она получила всего три личных письма.

Первое прислал адвокат Грета Моландер, доверенное лицо ее матери. Письмо коротко информировало, что оставшиеся от матери деньги были разделены пополам между Лисбет и ее сестрой Камиллой и что каждой причитается по девять тысяч триста двенадцать крон. Эта сумма переведена на банковский счет фрёкен Саландер, и ее просят подтвердить получение. Лисбет убрала это письмо во внутренний карман куртки.

Второе письмо пришло от госпожи Микаэльссон, заведующей домом для престарелых в Эппельвикене. Это письмо напоминало, что у них все

еще хранится коробка с вещами, оставшимися после ее матери, и содержало просьбу связаться с дирекцией дома для престарелых и дать указания, как поступить с этими вещами. Заведующая сообщала, что содержимое коробки будет выброшено, если Лисбет или ее сестра, адресом которой они не располагают, не дадут о себе знать до конца года. Письмо было датировано июнем, и поэтому Лисбет решила сразу отреагировать по мобильнику. Через две минуты она уже знала, что коробка цела. Лисбет извинилась за то, что не дала о себе знать раньше, и пообещала забрать вещи завтра же.

Последнее личное письмо было от Микаэля Блумквиста. Поколебавшись секунду, Лисбет решила не открывать его и метким броском направила в мешок с мусором.

Наполнив большую картонную коробку разрозненными предметами и всякой дребеденью, которую ей хотелось сохранить, она взяла такси и вернулась на квартиру у Мосебакке. Там нанесла макияж, надела очки, светлый парик с волосами до плеч и прихватила норвежский паспорт на имя Ирене Нессер. Бросив взгляд в зеркало, отметила, что Ирене Нессер, с одной стороны, здорово похожа на Лисбет Саландер, а с другой – кажется совершенно другим человеком.

Наскоро перекусив багетом с сыром бри и кофе с молоком в кафе «Эдем» на Гётгатан, Лисбет направилась к агентству на Рингвеген, предоставляющему машины напрокат. Взяв «Ниссан Микра», Ирене Нессер поехала в ИКЕА в районе «Кунгенс курва» и не заметила, как провела там три часа. Она прошлась чуть ли не по всему ассортименту, записывая номера необходимых ей товаров. Часто она принимала мгновенные решения.

Чего только не было куплено: два дивана модели «Карланда» песочного цвета, пять мягких кресел с низкой посадкой, два круглых лакированных столика из березы, журнальный столик «Свансбу», а также несколько причудливых столиков марки «Лак». В отделе полок и шкафов ей приглянулась пара закрытых гарнитуров и две книжные полки, а также тумба для телевизора и закрытые полки. Этот список пополнили трехстворчатый гардероб «Пакс нексус» и два небольших комода «Мальм».

Выбору кровати Лисбет отвела много времени и в конце концов остановилась на широченной «Хемнес» с матрасом и всеми полагающимися принадлежностями. На всякий случай она купила кровать поменьше модели «Миллехаммер» в гостевую комнату. Лисбет не рассчитывала когда-либо принимать гостей, но, имея гостевую комнату, почему бы не обставить и ее?

Ванная в новой квартире ей досталась полностью оборудованной, включая настенный шкафчик, полки для полотенец и стиральную машину, оставшуюся от прежнего владельца. Единственное, что она докупила, была корзина для грязного белья.

Кухня, напротив, требовала меблировки. Взвесив все «за» и «против», Лисбет приобрела массивный кухонный стол из бука марки «Росфорс», поверхность которого покрывало толстое закаленное стекло, и четыре ярких кухонных стула.

Конечно, ей нужна была мебель для кабинета, и она, раскрыв глаза, разглядывала «рабочие установки» с замысловатыми приставками для компьютеров и клавиатуры. Наконец покачала головой и остановилась на обычном письменном столе «Галант», облицованном буком, с наклонной поверхностью и скругленными углами, а также шкафе для бумаг. Особенно долго она выбирала стул – в нем ей придется провести немало часов, – и наконец выбрала самую дорогую модель «Верксам».

Под конец Лисбет совершила завершающий круг и сделала приличный запас простыней, наволочек, полотенец, покрывал, одеял, подушек, столовых приборов, кухонной посуды, кастрюль, разделочных досок, а кроме того, три больших ковра, несколько настольных ламп и солидный ассортимент канцелярских принадлежностей, в частности папок, корзин для бумаги, ящиков и прочего.

Закончив путешествие по отделам, Лисбет направилась со своим списком к кассе, где расплатилась карточкой, выписанной компанией «Уосп энтерпрайзис» на имя Ирене Нессер. Доставку и сборку мебели она тоже оплатила. Все вместе стоило ей чуть больше девяноста тысяч крон.

К себе в район Сёдер Лисбет вернулась около пяти часов вечера и успела заглянуть в магазин домашней электроники Аксельссона, где купила восемнадцатидюймовый телевизор и радиоприемник. Уже под самое закрытие она проскользнула в магазин электроприборов и приобрела пылесос. Универсам «Мариахаллен» был открыт, и Лисбет купила щетку и ведро для мытья полов, моющие средства, мыло, зубные щетки и большую упаковку рулонов туалетной бумаги.

В результате этого бешеного магазинного разгула Лисбет страшно устала, но была довольна. Запихав мелкие покупки в «Ниссан», она как сноп свалилась на верхнем этаже кафе «Ява» на Хорнгатан. Подвинув к себе газету, оставленную на соседнем столике, уяснила, что правящей партией по-прежнему являются социал-демократы и что ничего существенного за время ее отсутствия в стране вроде не произошло.

Она была дома около восьми вечера, в темноте выгрузила из машины

все, что загрузила, и подняла в лифте в квартиру, на которой значилось «В. Кюлла». Скинув все в одну кучу в прихожей, вернулась в машину и потратила полчаса, прежде чем смогла припарковаться в соседнем переулке. Дома она пустила воду в джакузи, в которой чувствовали бы себя вполне просторно не меньше трех человек.

Ей вдруг пришел в голову Микаэль Блумквист. Лисбет не вспоминала о нем несколько месяцев, пока ей не попалось в глаза его письмо сегодня. Интересно, он сейчас дома или вместе с Эрикой Бергер?

Через секунду она глубоко вздохнула, повернулась лицом вниз и ушла с головой под воду. Положив руки на грудь и крепко сжав соски, задержала дыхание на три минуты, пока не почувствовала боль в легких.

Редактор Эрика Бергер покосилась на часы, когда Микаэль Блумквист появился с пятнадцатиминутным опозданием на освященный традицией редакционный совет, заседания которого проходили в десять утра каждый второй вторник месяца. На этих заседаниях обсуждалось приблизительное содержание следующего номера, а также планировалось вперед несколько номеров «Миллениума».

Микаэль Блумквист извинился за опоздание и пробормотал что-то в свое оправдание, но этого никто не слышал и уж во всяком случае не запомнил. Кроме Эрики, участниками заседания были секретарь редакции Малин Эрикссон, совладелец и художественный редактор Кристер Мальм, репортер Моника Нильссон и занятые неполный день Лотта Карим и Хенри Кортес.

Микаэль Блумквист сразу отметил, что семнадцатилетней практикантки среди присутствующих нет, но что группа пополнилась совершенно незнакомым лицом, сидящим за столом для совещаний. Это было тем более странно, что Эрика не допускала посторонних к обсуждению будущих номеров «Миллениума».

– Это Даг Свенссон, – представила Эрика мужчину. – Он внештатный журналист. Мы собираемся прибрести его текст.

Микаэль кивнул и пожал руку мужчине, голубоглазому, коротко подстриженному блондину с трехдневной щетиной на щеках. Ему было лет тридцать, и он выглядел явно хорошо тренированным.

– Каждый год мы обычно выпускаем два-три тематических номера, – продолжала Эрика. – Вашу вещь я хочу дать в майский номер. Типография принимает наши заказы до двадцать седьмого апреля. Значит, у нас есть три месяца на подготовку текста.

– А о чем текст? – спросил Микаэль и налил себе кофе из термоса на

столе.

– На прошлой неделе Даг Свенссон принес мне аннотацию, и я пригласила его на редакционное заседание. Может быть, сами расскажете? – предложила Эрика.

– Доставка секс-услуг, – сказал Даг Свенссон, – то есть торговля сексом и девочками. У меня материал главным образом по поставкам из Прибалтики и Восточной Европы. Мой первоначальный замысел – написать об этом книгу. Вот почему я обратился к Эрике, ведь у вас теперь свое небольшое издательство.

Все оживились. В издательстве «Миллениум» до сих пор вышла только одна книга – прошлогодний «кирпич» Микаэля Блумквиста, разоблачавший финансовую империю миллиардера Веннерстрёма. В Швеции книга выдержала шесть изданий и была переведена на норвежский, немецкий и английский языки. Сейчас заканчивался перевод на французский. Цифры продаж были просто невообразимыми, принимая во внимание, что материал уже был известен по бесчисленным газетным публикациям.

– Размах нашего книгопечатания не столь уж большой, – осторожно вставил Микаэль.

Даг Свенссон улыбнулся:

– Знаю. Но ведь у вас есть свое издательство.

– Есть более крупные, – возразил Микаэль.

– Безусловно, – согласилась Эрика Бергер. – Но мы уже год обсуждаем, не создать ли нам издательскую нишу помимо нашей основной деятельности. Эту тему мы уже затрагивали на двух заседаниях правления, и все были настроены позитивно. Мы пришли к соглашению об издательской деятельности малого объема – три-четыре книги в год, главным образом репортажного характера. Другими словами, решили выпускать типичную журналистскую продукцию, а это – хорошая книга для начала.

– Доставка секс-услуг… – повторил Микаэль Блумквист. – Расскажите.

– Я уже четыре года копаю в этой области. Я влез туда с подачи моей подруги Миа Бергман. Она занимается криминологией и гендерными исследованиями, раньше работала в совете по предотвращению преступности и проводила расследования по обвинению в сексуальной эксплуатации.

– Я с ней встречалась, – вмешалась вдруг Малин Эрикссон, – брала у нее интервью два года назад, когда она сделала сообщение, содержащее сравнительный анализ того, как в судах рассматриваются дела мужчин и

женщин.

Даг Свенссон кивнул и улыбнулся.

– Да, это вызвало недовольство, – сказал он. – Но вот уже пять или шесть лет она исследует доставку секс-услуг. Это нас и познакомило. Я писал очерк о торговле сексуальными услугами в Интернете, и мне подсказали, что она кое-что знает об этом. А она действительно знала. Короче, мы начали работать вместе – я как журналист, а она как исследователь; часто встречались, а через год съехались. Она пишет докторскую диссертацию и весной будет защищаться.

– Значит, она пишет докторскую, а ты…

– А я пишу популярную версию на основе диссертации и моих собственных «раскопок». Кроме того, готовлю короткую версию в виде статьи, которую уже отдал Эрике.

– Ладно, вы работаете единой командой. И каков же ваш сюжет?

– Наше правительство ввело закон, запрещающий приобретение сексуальных услуг, наша полиция следит за тем, чтобы закон соблюдался, и наши суды, осуждающие преступников, вовсю заседают. Клиентов, покупающих секс-услуги, мы называем секс-преступниками, потому что покупка сексуальных услуг карается законом, и наши средства массовой информации публикуют тексты, выражающие моральное возмущение в связи с этим. Вместе с тем Швеция принадлежит к числу стран, покупающих наибольшее количество проституток, приезжающих из России и Прибалтики, на душу населения.

– И вы можете подкрепить это цифрами?

– Это отнюдь не секрет и даже не новость. Ново здесь совсем другое. Мы встречались и разговаривали с дюжиной девушек вроде героини фильма «Лилия навсегда». Большинство из них в возрасте пятнадцати-двадцати лет, из неблагополучных семей, родом из восточноевропейских стран. Их заманивают в Швецию обещанием какой-то работы, но попадают они в когти отпетой секс-мафии. То, что пережили эти девушки, не идет ни в какое сравнение с «Лилией навсегда», на их фоне фильм – просто развлечение для семейного круга. Точнее говоря, пережитое этими девушками не годится вообще ни для какого фильма.

– Ясно.

– На этом сфокусирована диссертация Миа, но не моя книга.

Слушатели в ожидании затаили дыхание.

– Миа брала у девушек интервью, а я систематически изучал поставщиков и потребителей.

Микаэль улыбнулся. Он никогда раньше не встречал Дага Свенссона,

но сразу понял, что это журналист близкого ему стиля, пристально вглядывающийся в суть дела. Для Микаэля одно из основных журналистских правил гласило, что в любом деле есть те, кто несет ответственность, the bad guys[12].

– И вы добыли интересные факты?

– Могу, например, привести документированные доказательства, что один чиновник министерства юстиции, привлекавшийся к разработке закона о покупке секс-услуг, сам использовал по крайней мере двух девушек, попавших сюда через посредничество секс-мафии, причем одной из них было пятнадцать лет.

– Вот это да!

– Уже три года я отдаю часть своего рабочего времени этой теме. В книге будут описываться конкретные покупатели секса. Например, трое полицейских, один из которых работает в военной службе безопасности, а другой – в отделе полиции по борьбе с проституцией; пять адвокатов, один прокурор и один судья. Кроме того, трое журналистов, один из которых опубликовал несколько заметок о секс-торговле. В частной жизни он развлекается играми в насилие с несовершеннолетней проституткой из Таллинна. Вряд ли речь здесь идет об играх по обоюдному согласию. Я собираюсь назвать их всех по имени, ведь у меня все задокументировано.

Микаэль Блумквист даже присвистнул, и улыбка сошла с его лица.

– Раз уж я снова стал ответственным редактором, то хочу тщательно просмотреть, как задокументирован материал, – сказал он. – В прошлый раз моя халатность в отношении источников стоила мне трех месяцев тюрьмы.

– Если вы решите публиковать мой очерк, то получите любую документацию, какую пожелаете. Но у меня есть условие, при котором я соглашусь продать свой материал «Миллениуму».

– Даг хочет, чтобы мы издали его книгу, – разъяснила Эрика Бергер.

– Точно! Нужно, чтобы публикация произвела эффект разорвавшейся бомбы, а сейчас «Миллениум» – самый незапятнанный и независимый журнал в стране. Сомневаюсь, что у нас нашлось бы много других издательств, способных набраться храбрости и выпустить книгу такого рода.

– Итак, не только статья, но и книга, – подытожил Микаэль.

– По-моему, это замечательно, – воскликнула Малин Эрикссон, а Хенри Кортес что-то одобрительно пробурчал.

– Бремя, связанное с публикацией статьи и книги, принципиально разное. В первом случае ответственность ложится на Микаэля, а во

втором – на автора, – заметила Эрика.

– Я знаю, – заверил Даг Свенссон. – Меня это не тревожит. Как только книга выйдет из печати, Миа заявит в полицию на всех тех, кого я называю в книге поименно.

– Представляю, какой переполох начнется, – заметил Хенри Кортес.

– Но это еще только половина материала, – продолжил Даг Свенссон. – Я также постарался разобраться с сетью, или хотя бы ее частью, которая зарабатывает на секс-торговле. А это значит, что речь идет об организованной преступности.

– И кого вы там нашли?

– В том-то и дело, что секс-мафия – это убогая кучка шестерок. Уж не знаю, чего я ожидал в начале своих поисков, но почему-то все мы – во всяком случае, я – введены в соблазн представлять себе «мафию» шикарной бандой, затесавшейся в верхи общества и разъезжающей в элегантных лимузинах. Скорее всего, этому способствовали американские фильмы. Ваша публикация о Веннерстрёме, – Даг Свенссон покосился на Микаэля, – показывает, что такое вполне может быть. Но Веннерстрём в каком-то смысле исключение. Я-то наткнулся на шайку грубых садистов, ни на что не годных, едва умеющих читать и писать, полных кретинов в организационных и стратегических вопросах. В какой-то степени они связаны с байкерами и другими, чуть более организованными кругами, но в целом секс-торговлей пробавляется какая-то кучка придурков.

– Это отчетливо прочитывается в вашей статье, – заметила Эрика Бергер. – У нас есть законодательство, полицейский корпус, органы правосудия, ежегодно получающие миллионы из налоговых отчислений для того, чтобы разобраться с секс-торговлей… А в итоге они не могут справиться даже с кучкой каких-то недоумков.

– Это неслыханное нарушение прав человека, и девчонки, которые в это втянуты, находятся на столь низкой ступени общества, что правовая система их не замечает. Они не голосуют, почти не говорят по-шведски, если не считать словарного запаса, необходимого им по роду занятий. Девяносто девять целых и девять десятых процента всех преступлений, относящихся к секс-торговле, не предаются огласке, о них не заявляют в полицию, а если и заявляют, дело до суда обычно не доходит. Это наверняка самый крупный айсберг в шведском криминальном мире. Будь это ограбление банка, о подобном отношении к происшедшему даже подумать было бы нельзя. Я пришел к заключению, что такую ситуацию не потерпели бы ни дня, если бы правосудие действительно хотело бы с ней покончить. Насилие над несовершеннолетними девчонками из Таллинна и

Риги не относится к числу проблем первостепенного значения. Шлюхи есть шлюхи – это компонент системы.

– Да об этом каждый дурак знает, – заметила Моника Нильссон.

– Ну, что скажете? – спросила Эрика Бергер.

– Мне нравится, – откликнулся Микаэль Блумквист. – Эта публикация поднимет волну, а разве не ради этого мы когда-то запустили «Миллениум»?

– Ради этого я и работаю до сих пор в нашем журнале. Ответственный редактор должен время от времени делать сальто, – сказала Моника Нильссон.

Все, кроме Микаэля, засмеялись.

– Он единственный, кто стал ответственным редактором по глупости, – заметила Эрика Бергер. – Мы пустим ваш материал в майский номер и одновременно издадим книгу.

– А книга готова? – спросил Микаэль.

– Нет, – ответил Даг, – готова подробная аннотация, но книга написана лишь наполовину. Если вы согласны на ее издание и готовы выдать мне аванс, я мог бы работать над ней все свое время. Исследовательская работа уже почти закончена. Осталось лишь кое-что изменить – главным образом подтвердить то, что я уже знаю, – а также встретиться с покупателями секс-услуг, которых я собираюсь выставить на обозрение.

– Давайте сделаем так же, как с книгой о Веннерстрёме, – предложил Кристер Мальм. – Одна неделя необходима для создания макета книги, две – для печати тиража. Встречи с секс-потребителями проведем в марте и апреле и подготовим пятнадцать завершающих страниц. Значит, рукопись должна быть полностью готова к пятнадцатому апреля, так что мы успеем проверить все источники.

– А как насчет контракта и тому подобного? – спросил Даг.

– Я еще ни разу не готовила контракт на книгу, так что сначала поговорю с адвокатом, – сказала Эрика, сосредоточенно сморщив лоб. – Но я предлагаю оформить вас на четырехмесячный проект с февраля по май. Повышенных ставок у нас нет.

– Ладно, я согласен. Мне нужна стабильная зарплата, чтобы я мог сконцентрироваться на работе над текстом, не отвлекаясь, – отозвался Даг Свенссон.

– Что касается гонорара, то наше основное правило – делить прибыль, оставшуюся после вычета всех расходов на публикацию, пополам. Вам это подходит? – спросила Эрика.

– Да это просто потрясающе! – согласился Даг.

– Теперь переходим к распределению обязанностей, – продолжила Эрика Бергер. – Малин, я предлагаю тебе быть редактором тематического выпуска. Это будет твоей главной работой начиная со следующего месяца. Ты будешь работать с Дагом Свенссоном и редактировать его статью. Лотта, для тебя это будет означать, что с марта по май ты станешь исполнять обязанности секретаря редакции. Ты сможешь работать на полную ставку, а Малин или Микаэль, если надо, окажут тебе помощь.

Малин Эрикссон согласно кивнула.

– Микаэль, я хочу, чтобы ты был редактором книги, – начала Эрика и взглянула на Дага Свенссона. – Микаэль – классный редактор и, как никто, умеет анализировать информацию, хотя и не любит выставлять свои способности напоказ. Он посмотрит под микроскопом каждый слог в вашей книге, в каждую деталь вцепится, как ястреб. Мне льстит ваше намерение издать книгу у нас, но у «Миллениума» есть специфические проблемы: враги, которые спят и видят, как сжить нас со свету. Уж если мы высунемся с публикацией, она должна быть стопроцентно безошибочной. Погрешности недопустимы.

– Да и я не хочу ничего другого, – согласился Даг.

– Хорошо. Но сможете ли вы продержаться всю весну, когда у вас все время будут стоять над душой и постоянно критиковать ваш текст?

Даг ухмыльнулся и взглянул на Микаэля:

– Заметано.

Тот кивнул.

– Раз уж мы планируем тематический номер, нам нужно больше статей. Тебе, Микаэль, я хочу поручить заметку об экономической стороне секс-торговли. Каков их ежегодный оборот в кронах? Кто главным образом зарабатывает на секс-торговле и где оседают деньги? Возможно ли, что часть денег попадает в государственную казну? Моника, тебя я прошу заняться обзором по сексуальному насилию в целом. Обратись в дежурные кризисные женские центры, пообщайся с учеными, врачами и представителями власти. Вы двое и Даг даете основные тексты. Хенри, я хочу, чтобы ты взял интервью у подруги Дага Миа Бергман, самому Дагу этого не следует делать. Подготовь ее портрет: кто она, какова область ее исследований, каковы их выводы. Кроме того, ознакомься с полицейскими расследованиями и изучи конкретные случаи. Кристер, фотографии за тобой. Не знаю, как это все проиллюстрировать. Подумай сам.

– Ну, для иллюстраций это простая тема. Без проблем.

– Я вот что еще хотел добавить, – вмешался Даг Свенссон. – Среди полицейских есть исключительно добросовестные. Можно получить

интересный материал, если взять интервью у кого-нибудь из них.

– А у вас есть фамилии? – спросил Хенри Кортес.

– И номера телефонов, – подтвердил Даг, кивнув.

– Отлично, – подытожила Эрика Бергер. – Тема майского номера – торговля сексуальными услугами. Основной лейтмотив в том, что поставка секс-услуг – преступление против прав человека, а значит, организаторов и исполнителей надо вывести на чистую воду и установить с них спрос как с военных преступников, как с участников эскадронов смерти, как с палачей. За дело!

Глава 5

Среда, 12 января – пятница, 14 января

Эппельвикен казался чужим и незнакомым, когда Лисбет впервые за восемнадцать месяцев подъезжала к нему на взятой в прокате «Ниссан Микра». С пятнадцати лет она не меньше двух раз в год приезжала в приют, куда поместили ее мать, после того как случилась «Вся Та Жуть». Хотя она редко там бывала, Эппельвикен занимал особое место в жизни Лисбет. Именно здесь ее мать прожила последние десять лет и, наконец, скончалась от кровоизлияния в мозг всего лишь в сорок три года.

Ее звали Агнета София Саландер. Все последние четырнадцать лет жизни она страдала от многократных слабых кровоизлияний, которые привели ее к неспособности заботиться о себе в повседневной жизни. Временами мать становилась некоммуникабельной и с трудом узнавала Лисбет.

Мысли о матери порождали ощущение беспомощности и беспросветного мрака. В юности Лисбет часто мечтала, что мать выздоровеет и у них наладятся какие-то отношения. Но разумом она понимала, что этому не бывать.

Мать была маленького роста, худенькой, но отнюдь не такой щуплой, как Лисбет. Можно сказать, что она была по-настоящему красивой и хорошо сложенной, прямо-таки как сестра Лисбет.

Камилла…

Думать о сестре Лисбет не хотелось. Есть в этом какая-то ирония судьбы, что она и ее сестра так поразительно непохожи, при том что они двойняшки, появившиеся на свет с интервалом двадцать минут.

Лисбет была первой, а Камилла – красивой.

Из-за полного несходства казалось невероятным, что они зародились в одном и том же чреве. Если бы не какой-то дефект в генетическом коде Лисбет, она могла бы стать такой же потрясающей красавицей, как сестра.

И, возможно, такой же глупенькой.

С раннего детства Камилла была общительной, всеми любимой отличницей в школе. Лисбет же оказалась тихой, замкнутой и неохотно отвечающей на вопросы учителей, что не замедлило отразиться на ее оценках самым неблагоприятным образом. Уже в младших классах Камилла старалась отделаться от Лисбет; дошло до того, что девочки ходили в школу разными дорогами. Как учителя, так и одноклассники

обратили внимание на то, что сестры не общаются и рядом никогда не садятся. Начиная с третьего учебного года они учились в параллельных классах. С двенадцати лет, когда случилась «Вся Та Жуть», они воспитывались в разных приемных семьях. С тех пор как им исполнилось по семнадцать лет и их встреча закончилась синяком под глазом у Лисбет и разбитой губой у Камиллы, Лисбет понятия не имела, где сейчас находится сестра, и даже не пыталась это выяснить.

Любви между близняшками Саландер не было.

Лисбет считала Камиллу лживой, испорченной девчонкой, склонной манипулировать людьми. Впрочем, судебное решение о психическом отклонении от нормы относилось именно к Лисбет.

…Она поставила машину на парковке для посетителей и застегнула на все пуговицы потрепанную кожаную куртку – шел дождь. Направляясь к главному входу, остановилась у той самой садовой скамейки, где в последний раз сидела с матерью восемнадцать месяцев назад. В тот раз поездка в Эппельвикен была незапланированной; они заехали по пути на север, собираясь помочь Микаэлю Блумквисту в преследовании расчетливого, но параноидального серийного убийцы. Тогда мать была в беспокойном состоянии и словно не узнавала дочь, но все же не хотела ее отпускать. Она крепко держала Лисбет за руку и недоуменно смотрела на нее. Время уже поджимало. Лисбет вырвала руку, обняла мать, и они с Микаэлем унеслись прочь на мотоцикле.

Похоже, директриса Агнес Микаэльссон была рада видеть Лисбет. Она приветливо поздоровалась и проводила девушку в кладовку, где они нашли картонную коробку. Лисбет подняла ее и почувствовала, что там веса не больше двух килограммов.

Не слишком много скопила мать за всю свою жизнь.

– Я не знала, что делать с вещами твоей мамы, – сказала директриса, – но я всегда интуитивно чувствовала, что ты когда-нибудь сюда заедешь.

– Я уезжала далеко отсюда, – пояснила Лисбет.

Она поблагодарила за то, что коробку сохранили, отнесла ее в машину и покинула Эппельвикен навсегда.

В начале первого Лисбет вернулась к себе в квартиру на Мосебакке и внесла коробку с вещами. Оставив ее в кладовке в прихожей, снова вышла.

Открывая дверь подъезда, она увидела полицейскую машину, медленно проехавшую мимо. Лисбет остановилась и опасливо взглянула на представителей власти, появившихся рядом с ее местом жительства. Но полиция не проявила подозрительных намерений, и Лисбет решила про

себя: «Пусть катятся колбаской…»

Время после обеда она провела в магазинах «Хеннес и Мауритц» и «КапАль» в поисках новой одежды. Закупила кучу самой обычной одежды – брюк, джинсов, кофт и носков. Дорогая фирменная одежда ее не интересовала, но она почувствовала явное удовольствие от того, что может не задумываясь купить разом полдюжины джинсов. Экстравагантнее всего она отоварилась в магазине нижнего белья «Твильфит». Сначала опять накупила базовую подборку трусиков и бюстгальтеров, а еще через полчаса робкого блуждания поддалась соблазну и купила комплект, показавшийся ей «сексуальным», если не сказать «порнографическим». Раньше Лисбет и в голову не пришло бы покупать такое. Примеряя этот комплект дома вечером, она почувствовала себя донельзя глупо. Зеркало отражало загорелую татуированную девчонку в каком-то бредовом наряде. Лисбет сняла это белье и выбросила в мусорное ведро.

В обувном магазине «Дин ску» Лисбет купила пару крепких зимних сапог и две пары туфель. Под настроение она приобрела еще пару черных сапожек на высоком каблуке, делавшем ее на несколько сантиметров выше. Под конец облюбовала теплую зимнюю куртку из коричневой замши.

Оставив дома покупки и подкрепившись кофе с бутербродами, Лисбет поехала возвращать машину в агентство около Рингена. Домой она шла пешком, а потом, поздно вечером, сидела на подоконнике, глядя на воду залива Сальтшё.

Миа Бергман, докторантка в сфере криминологии, резала чизкейк и украшала его сверху малиновым вареньем. Сначала она протянула порции Эрике Бергер и Микаэлю Блумквисту, а потом взяла себе и Дагу Свенссону. Малин Эрикссон решительно отклонила предложенный десерт и довольствовалась черным кофе, поданным в оригинальных старинных чашках в цветочек.

– Этот сервиз мне достался от бабушки, – пояснила Миа, заметив, что Малин рассматривает чашку.

– Она панически боится разбить эти чашки и достает их только к приходу особо важных гостей, – заметил Даг Свенссон.

Миа улыбнулась.

– Я росла у бабушки несколько лет, и этот сервиз – единственное, что у меня от нее осталось.

– Какие славные! – восхитилась Малин. – У меня-то в кухне стопроцентная ИКЕА.

Интереса к кофейным чашкам с цветочками Микаэль Блумквист не

разделял, зато чизкейк притягивал его взгляд все сильнее. Он уже подумывал, не ослабить ли ремень на одну дырочку. Эрику Бергер, очевидно, мучил тот же соблазн.

– Ну просто нет сил, хотя мне стоило бы воздержаться от десерта, – сказала она, виновато покосившись на Малин, но решительно взялась за ложку.

Вначале планировалось устроить простой рабочий ужин, отчасти чтобы закрепить начатое сотрудничество, а с другой стороны, продолжить обсуждение тематического номера «Миллениума». Даг Свенссон предложил собраться у него дома и скромно поужинать. Но Миа Бергман приготовила такую вкусную курицу в кисло-сладком соусе, какой Микаэлю в жизни не приходилось пробовать. За ужином были выпиты две бутылки красного испанского вина, а к десерту Даг Свенссон припас «Талламор Дью»[13]. Все согласились, а Эрика Бергер сглупила и отказалась. Даг достал рюмки.

Даг Свенссон и Миа жили в двухкомнатной квартире в Эншеде, южном пригороде Стокгольма. Они встречались год, а потом решились и съехались. В Эншеде они жили уже год.

Все собрались в шесть вечера, но до десерта, поданного в половине девятого, не было сказано ни слова о том, что было целью их встречи. Микаэль при этом понял, что Даг Свенссон и Миа Бергман ему нравятся и что их общество ему приятно.

Наконец Эрика Бергер направила разговор в нужное русло и заговорила о том, что они планировали обсудить. Миа Бергман принесла отпечатанный экземпляр своей диссертации и положила на стол перед Эрикой. Название работы было неожиданно ироничным – «From Russia with love»[14], что, естественно, напоминало название классического романа Яна Флеминга об агенте 007. В подзаголовке стояло: «Поставка секс-услуг, организованная преступность и ответные меры общества».

– Следует различать мою диссертацию и книгу, которую пишет Даг, – начала она. – Книга Дага – крик возмущения, направленного против тех, кто наживается на трафикинге[15]. Моя диссертация содержит статистику, личные наблюдения, цитаты из законов и анализ того, как общество и суды обращаются с жертвами.

– То есть с девушками.

– Молоденькими, обычно пятнадцати-двадцати лет, из рабочих семей, малообразованными. Довольно часто это выходцы из неблагополучных семей, и в той или иной форме они подвергались насилию уже в детстве.

Их заманивают в Швецию с помощью лжи и дутых обещаний.

– И занимаются этим торговцы сексом.

– В этом отношении есть гендерный момент, и ему я уделяю внимание в диссертации. Это большая редкость, чтобы роли участников распределялись так четко: девушки – жертвы, мужчины – преступники. За исключением нескольких случаев, когда именно женщины получали доход от торговли сексом, ни одна разновидность противозаконной деятельности не содержит гендерных предпосылок для преступлений.

– И все же, насколько я знаю, в Швеции довольно жесткое законодательство в отношении трафикинга и торговли сексом, – заметила Эрика.

– Да это же курам на смех. Точной статистики нет, но примерно несколько сотен девушек ежегодно перевозят в Швецию для занятий проституцией, то есть для предоставления своего тела систематическому насилию. С тех пор как был введен закон, карающий за трафикинг, обвинения доходили до суда считаное количество раз. Первый раз это произошло в апреле две тысячи третьего года, когда судебное разбирательство касалось одной придурковатой бандерши, хирургически сменившей пол. И, разумеется, ее оправдали.

– Погодите, мне кажется, ее осудили.

– Да, признали виновной в содержании борделя, но оправдали по обвинению в трафикинге. Дело в том, что девушки, бывшие ее жертвами, дали свидетельские показания в ходе расследования, а потом уехали обратно в Прибалтику. Власти пытались их вернуть для выступлений в суде, даже подключили Интерпол. Их искали несколько месяцев, но не смогли найти.

– А что с ними случилось?

– Ничего. Телевизионная программа «Взгляд изнутри» решила провести собственные поиски и послала своих репортеров в Таллинн. В результате всего пары часов интенсивного поиска они обнаружили, что две девушки живут со своими родителями, а третья перебралась в Италию.

– Другими словами, таллиннская полиция оказалась не слишком эффективной.

– После этого была еще пара случаев, закончившихся обвинительными приговорами суда, но они относились исключительно к лицам, арестованным за другие преступления, или же к столь придурковатым прохвостам, что их не могли не задержать. Закон – это только дымовая завеса, он не применяется.

– Ясно.

– Все дело в том, что преступление здесь – грубое насилие, часто сопровождающееся телесными повреждениями, тяжкими увечьями и угрозой убийства, а в некоторых случаях и незаконным насильственным заточением, – пояснил Даг Свенссон. – Будни многих девушек состоят в том, что их, сильно накрашенных и одетых в мини-юбки, отвозят куда-нибудь на виллу в пригороде. Проблема в том, что у них нет выбора: либо они едут и трахаются с пьяными мужиками, либо рискуют быть избитыми и искалеченными сутенером. Сбежать они не могут: не зная языка, законов и порядков, они понятия не имеют, куда им обращаться. Домой им тоже не уехать: первым делом у них отбирают паспорта, а в случае бандерши их заперли в квартире.

– Похоже на лагерь для рабов. А девушки что-то получают за работу?

– Не без этого, – вмешалась Миа Бергман. – В утешение за мучения им кое-что достается с барского стола. Приходится отпахать несколько месяцев, прежде чем им разрешат вернуться домой. Случается, что они увозят с собой изрядную сумму денег – двадцать, а то и тридцать тысяч крон, что в российской валюте целое состояние. Но при этом они обзаводятся тяжкими привычками к алкоголю или наркотикам, а также к стилю жизни, когда деньги мгновенно проматываются. Из-за этого вся система функционирует на самоокупаемости: какое-то время спустя девушки возвращаются к старому ремеслу, можно сказать, добровольно подчиняясь своим мучителям.

– А каков годовой доход в этой области? – спросил Микаэль.

Миа Бергман покосилась на Дага Свенссона, подумала, а потом ответила:

– Трудно дать правильный ответ на ваш вопрос. Мы много раз считали и пересчитывали, но многие наши цифры приблизительны.

– Ну, хотя бы грубая прикидка.

– Ладно. Известно, например, что бандерша, осужденная за сводничество и оправданная по обвинению в трафикинге, за два года вывезла тридцать пять женщин из Восточной Европы. Они пробыли здесь разное время: от нескольких недель до нескольких месяцев. Во время судебного разбирательства установили, что за два года они заработали около двух миллионов крон. Это значит, что вклад каждой девушки – почти шестьдесят тысяч крон в месяц. Из этой суммы нужно вычесть примерно пятнадцать тысяч на поездки, одежду, жилье и прочее. Живут они далеко не в роскошных условиях, ютятся в тесноте в какой-нибудь квартире, арендуемой бандой. Из оставшихся сорока пяти тысяч у них забирают от двадцати до тридцати тысяч. Половину суммы берет себе главарь банды, а

остальные распределяются между прочими пособниками: шоферами, охранниками и другими. Девчонкам достается десять-двенадцать тысяч крон.

– А если в месяц?..

– Допустим, на шайку работают две или три девушки. Тогда они приносят доход почти двести тысяч в месяц. Каждая группировка состоит в среднем из двух-трех человек, живущих за счет этого. Таков примерный бюджет у насильников.

– И сколько человек заняты этим… я имею в виду, если взять по максимуму?

– Можно считать, что в каждый конкретный момент существует примерно сотня девушек, в той или иной степени ставших жертвами сексуального рабства. Это значит, что общий оборот во всей Швеции каждый месяц достигает почти шесть миллионов крон. При этом речь идет только о девушках, задействованных через трафикинг.

– Ну, просто мелочь…

– Да, мелочь. И чтобы получить эту, в общем-то, небольшую сумму, почти сотню девушек насилуют. Меня это приводит в ярость.

– Объективное исследование в ваших словах трудно различить. Но если на одну девушку приходится три бандита, значит, за счет этого бизнеса в целом кормится пятьсот-шестьсот человек.

– Вероятно, меньше. Я думаю, примерно три сотни мужчин.

– Не такая уж неразрешимая проблема, – отметила Эрика.

– Мы принимаем законы, возмущаемся в средствах массовой информации, но почти никто никогда не говорил с проституткой из Восточной Европы и понятия не имеет, как она живет.

– А как это все осуществляют на практике? Не так уж легко вывезти из Таллинна шестнадцатилетнюю девушку, чтобы это осталось незамеченным. И что происходит после ее приезда сюда? – спросил Микаэль.

– В начале исследования мне представлялось, что делом заправляет какая-то невероятно хорошо организованная группа, что-то вроде мафии, каким-то искусным образом переправляющая девушек через границу.

– А оказалось иначе? – спросила Малин Эрикссон.

– Их деятельность хорошо организована, но понемногу я поняла, что речь идет о нескольких мелких плохо управляемых группах. Какие там костюмы от Армани и спортивные машины, забудьте о них! Обычная банда состоит из двух-трех членов, половина из них – русские или прибалты, а половина – шведы. Главарь выглядит так: сорок лет, сидит в нижней

рубашке, пьет пиво и чешет пузо. Он без образования, может считаться социально неполноценным, и всю жизнь его преследуют проблемы.

– До чего романтично!

– У него допотопный взгляд на женщин, он склонен к грубому насилию, часто пьян и врежет всякому, кто будет перечить. В банде царит кулачное право, и подчиненные часто боятся его.

Мебель, купленную Лисбет, доставили из ИКЕА через три дня, утром в половине десятого. Два парня недюжинной силы пожали руку блондинке по имени Ирене Нессер, заговорившей по-норвежски. Затем они сделали несколько челночных поездок вверх-вниз на тесном лифте и стали собирать столы, шкафы и кровати. Дело спорилось у них в руках; чувствовалось, что они занимались этим и раньше. Ирене Нессер спустилась в магазин «Сёдерхалларна» и купила греческой еды на вынос, а потом позвала всех на обед.

К пяти вечера парни из ИКЕА закончили, а Лисбет Саландер смогла снять парик и походить по квартире, прикидывая, будет ли ей хорошо в новом доме. Кухонный стол оказался слишком элегантным, чтобы быть в ее вкусе. Комната, примыкающая к кухне, вход в которую был как из холла, так и из кухни, стала ее новой гостиной, где разместились современные диваны и группа кресел вокруг журнального столика у окна. Спальней она осталась довольна. Осторожно уселась на край кровати «Хемнес» и пощупала матрас.

Зайдя в кабинет, откуда открывался вид на Сальтшё, Лисбет сказала себе: «Отлично. То, что надо. Здесь можно и поработать».

В сущности, она не знала, над чем будет работать, да и в отношении мебели у нее зародились некоторые сомнения, когда она огляделась.

«Ладно, там видно будет».

Остаток вечера ушел на распаковку и раскладывание приобретенного. Лисбет застелила постель, разложила полотенца, простыни и наволочки в бельевой шкаф. Потом открыла пакеты с одеждой и развесила все в гардеробах. Хотя она накупила массу всего, места оставалось еще много. Поставив где надо лампы, Лисбет занялась кухней: разместила кастрюли, каждодневную посуду и столовые приборы в кухонных шкафах.

Окинув голые стены критическим взглядом, она поняла, что не хватает постеров, картин или чего-нибудь подобного – того, что обычно висит у людей. Наверное, горшок с цветами тоже не помешал бы.

Следующими на очереди стояли коробки, привезенные с Лундагатан. Лисбет рассортировала книги, журналы, вырезки и записи, относящиеся к

старым расследованиям, хотя их-то, вероятно, стоило выбросить в мусор. Широким жестом она выкинула старые поношенные кофты и дырявые носки. Неожиданно наткнулась на фаллоимитатор, все еще нераспакованный. Лисбет криво усмехнулась – этот дурацкий подарок на день рождения она получила от Мимми, целиком и полностью забыла о его существовании и даже ни разу не попробовала его. Теперь она решила исправить ошибку и поставила игрушку на комод у кровати.

Тут Лисбет задумалась. Вспомнив Мимми, она почувствовала укол совести. Целый год они были близки, а потом Лисбет предпочла ей Микаэля Блумквиста и даже ничего не объяснила, не попрощалась и не сказала, что уезжает из Швеции. Точно так же, не попрощавшись и не известив, она рассталась с Драганом Арманским и девицами из «Перстов дьявола». Они, возможно, решили, что она умерла, или просто забыли о ней – она в этой группе никогда не была центральной фигурой. Она просто-напросто повернулась спиной ко всем. Лисбет вдруг вспомнила, что не попрощалась с Джорджем Блендом на Гренаде, и подумала, уж не ходил ли он искать ее на пляже. Ей пришли на ум слова, сказанные как-то раз Микаэлем Блумквистом о том, что дружба строится на уважении и доверии. «Я разбрасываюсь друзьями, – рассудила она. – Интересно, как там Мимми? Может быть, мне дать о себе знать?»

Поздним вечером и ночью Лисбет сортировала свои бумаги в кабинете, устанавливала компьютер и блуждала по Интернету. Проверила, как окупаются ее вклады, и обнаружила, что за прошедший год стала еще богаче.

Ставший рутинным контроль за компьютером адвоката Нильса Бьюрмана ничего интересного в его корреспонденции не выявил, и Лисбет сделала вывод, что он оставался в предписанных рамках.

Она не нашла никаких признаков поисков опекуном контактов с клиникой в Марселе. Похоже, что Бьюрман свел свою профессиональную и личную жизнь к нулю. Электронной почтой он пользовался редко, а если и выходил в Интернет, то главным образом посещал порносайты.

Где-то ближе к двум часам ночи Лисбет отключилась от Сети. Пройдя в спальню, она разделась и положила одежду на стул. Потом пошла в ванную помыться. Там, в углу у входа, было зеркало от пола до потолка. Лисбет долго разглядывала себя, сначала присмотревшись к угловатому лицу с неправильными чертами, затем к новой груди и большой татуировке на спине. Это были красивые очертания длинного извивающегося дракона, сделанные красной и зеленой тушью, начинавшиеся у плеча, продолжавшиеся через правую ягодицу и заканчивавшиеся на бедре. Пока

она путешествовала, ее волосы отросли до плеч, но в последнюю неделю на Гренаде Лисбет взяла ножницы и коротко подстриглась. Волосы все еще торчали в разные стороны.

Внезапно она подумала, что в ее жизни произошло – или происходит прямо сейчас – какое-то серьезное изменение. Может быть, все дело в том, что она внезапно стала обладательницей миллиардов и ей не нужно считать каждую крону? Или мир старших наконец-то вторгся в ее мир? А может быть, смерть матери означала конец ее детству?

За год путешествий она избавилась от пирсинга в нескольких местах. В частности, в клинике в Генуе ей убрали кольцо из соска на груди по чисто медицинским соображениям перед операцией. Затем убрали еще одно, на нижней губе, а на Гренаде – кольцо, сидевшее на левой половине половых губ. Оно только и делало, что натирало, и она сама не знала, для чего ей его насадили.

Лисбет открыла рот и вывинтила колышек, которым ей проткнули насквозь язык семь лет назад, а потом положила его в мисочку на полке у раковины. Во рту стало как-то пустовато. Итак, кроме сережек в ушах, у нее оставалось лишь два пирсинга: одно кольцо в левой брови и второе – в пупке.

В конце концов она ушла в спальню и заползла под новое одеяло. Оказалось, что купленная ею кровать – просто гигантских размеров и что ей нужна лишь малая часть всей поверхности, как будто она лежала у края футбольного поля. Лисбет обмотала одеяло вокруг себя и долго лежала, размышляя.

Глава 6

Воскресенье, 23 января – суббота, 29 января

Агентство «Милтон секьюрити» разместилось на трех верхних этажах пятиэтажного офисного здания около Шлюза. Лисбет Саландер поднялась на лифте из гаража на пятый этаж. Ступив в темный коридор, она машинально взглянула на свои часы и отметила, что сейчас десять минут четвертого в ночь на воскресенье. Ночной дежурный всегда сидел у пульта охранной сигнализации на третьем этаже, и Лисбет знала, что на пятом этаже наверняка будет одна.

Она в очередной раз изумилась, как профессиональное охранное агентство может быть столь беспечным в отношении собственной безопасности.

За прошедший год коридор пятого этажа мало изменился. Сначала Лисбет подошла к бывшему своему кабинету – небольшому кубу со стеклянной дверью, куда ее поместил в свое время Драган Арманский. Дверь оказалась незаперта. Уже через несколько секунд Лисбет могла сделать заключение, что в ее комнате ничего не изменилось, если не считать картонной коробки с бумажным мусором, выставленной у двери. В комнате были рабочий стол, стул, корзина для бумаг и пустая книжная полка. Из технических средств стоял только старый компьютер «Тошиба» 1997 года с ничтожным по объему жестким диском.

Похоже, Драган никому не передал эту комнату, что, с одной стороны, можно было трактовать как добрый знак, но, с другой, ничего особенного это не значило. Для конуры площадью около четырех квадратных метров трудно найти какое-то разумное применение.

Лисбет прикрыла дверь и потихоньку пошла по коридору проверить, не заработался ли здесь какой-нибудь полуночник. Но она была одна. Остановившись у кофейного автомата, налила капучино в пластмассовый стаканчик и пошла дальше, к кабинету Драгана Арманского. Дверь она открыла пиратской копией ключа.

Как всегда, кабинет Арманского поражал непереносимо идеальным порядком. Лисбет быстро обошла его, заглянула на полку и села за письменный стол.

Включив компьютер, она вынула компактный диск из своей новой замшевой куртки и вставила в дисковод. Затем запустила программу «Асфиксия 1.3». Программу она написала сама, и ее единственной

функцией было снабжение браузера «Интернет Эксплорер» на жестком диске компьютера новой, современной версией. Эта процедура заняла всего пять минут.

Закончив, Лисбет вынула компактный диск и перезапустила компьютер вместе с новой версией «Эксплорера». Обновленный браузер вел себя так же, как его предшественник, был чуть больше по объему, но работал на микросекунду медленнее. Все параметры оставались прежними, включая дату инсталляции, так что от нового файла не осталось и следа.

Лисбет набрала FTP-адрес сервера в Голландии и получила окно с промптом. Дав команду копирования, она написала имя «Armanskij/MiltSec» и нажала OK. Компьютер тут же начал копировать жесткий диск Арманского на сервер в Голландии. Часы на экране показывали, что этот процесс займет тридцать четыре минуты.

Пока шло перекачивание, Лисбет достала запасной ключ к столу Арманского из декоративной вазы на книжной полке. Следующие полчаса она провела, штудируя папки, лежавшие в верхнем правом ящике письменного стола, где всегда хранились текущие и срочные дела. Когда компьютер пискнул в знак завершения операции, она вернула папки в точности на их прежние места.

Лисбет выключила компьютер, погасила настольную лампу, прихватила пустой стаканчик из-под капучино и покинула агентство «Милтон секьюрити» точно так же, как зашла в него. На часах было четыре двенадцать, когда она вышла из лифта.

Домой на Мосебакке Лисбет вернулась пешком, включила свой «Пауэрбук» и подсоединилась к серверу в Голландии. Там она запустила копию «Асфиксии 1.3». Когда программа была запущена, открылось окно, где спрашивалось, какой жесткий диск открыть. У Лисбет был выбор из примерно сорока дисков, стоявших по списку. Просматривая этот список, она прошла мимо диска «Нильс Бьюрман», который обычно проверяла примерно раз в два месяца. На секунду она поколебалась у дисков «Мик. Блум./лэптоп» и «Мик. Блум./рабочий кабинет». Эти диски она не открывала больше года и даже подумывала, не стереть ли их вовсе. Однако из принципиальных соображений решила сохранить их: когда-то она вскрывала компьютеры в поисках информации, и теперь было бы глупо стирать то, что, может быть, понадобится в будущем. То же самое касалось и ресурса «Веннерстрём», который она уже давным-давно не открывала. Человек с этим именем был мертв. Последней иконкой в списке была «Арманский/Милт. Сек.». По времени создания она стала последней.

Лисбет могла клонировать его жесткий диск когда угодно ранее, но не

давала себе труда сделать это, потому что работала на «Милтон» и имела доступ к информации, которую Арманский хотел бы скрыть от внешнего окружения. Ее вторжение в его компьютер не имело злого умысла: Лисбет просто хотелось знать, над чем сейчас работает агентство и как идут его дела. Она кликнула мышью и открыла папку с новой иконкой «Armanskij HD». Проверив жесткий диск, поняла, что все файлы на месте.

За компьютером Лисбет просидела до семи утра, читая докладные Арманского, финансовые отчеты, электронную почту. Под конец она задумчиво кивнула и выключила компьютер. В ванной почистила зубы, а потом пошла в спальню, разделась, бросив одежду прямо на пол, заползла в постель и проспала до половины первого пополудни.

Ежегодное отчетное собрание правления «Миллениума» происходило всегда в последнюю пятницу января. Среди присутствующих были кассир издательства, внешний ревизор и четыре совладельца: Эрика Бергер (тридцать процентов), Микаэль Блумквист (двадцать процентов), Кристер Мальм (двадцать процентов) и Харриет Вангер (тридцать процентов). На собрание также пригласили секретаря редакции Малин Эрикссон, как представителя персонала и председателя профсоюза издательства. Членами этого профсоюза, кроме нее, были Лотта Карим, Хенри Кортес, Моника Нильссон и Соня Магнуссон – менеджер по маркетингу. Малин впервые принимала участие в заседании правления.

Собрание началось в четыре часа и закончилось часом позже. Большую часть времени заняли доклады об экономическом состоянии дел в издательстве и отчет ревизора. Доклады свидетельствовали о стабильной экономической основе «Миллениума», в особенности по сравнению с кризисной ситуацией, в которой предприятие находилось два года назад. Ревизионный отчет продемонстрировал, что издательство получило прибыль в размере двух миллионов ста тысяч крон, из которых примерно миллион составил доход от продажи книги Микаэля Блумквиста о Веннерстрёме.

По инициативе Эрики Бергер было принято решение отложить один миллион на случай возможных кризисов в будущем, ассигновать двести пятьдесят тысяч крон на необходимые расходы по ремонту редакционных помещений, закупку новых компьютеров и другого технического оснащения, а триста тысяч крон выделить на увеличение фонда зарплаты и перевод сотрудника редакции Хенри Кортеса на полную ставку. Из оставшейся суммы предлагалось выдать по пятьдесят тысяч каждому из совладельцев издательства, а еще сто тысяч разделить поровну между

четырьмя постоянными работниками редакции независимо от того, заняты они на полной или неполной ставке. Шефу по маркетингу бонуса не полагалось: по условиям ее контракта, она получала определенный процент от доходов, приносимых рекламой, что время от времени делало ее самым высокооплачиваемым сотрудником. Предложение было принято единогласно.

Микаэль Блумквист высказал мнение, что следовало бы сократить бюджет на оплату материалов от независимых журналистов в пользу найма дополнительного репортера на полставки. Про себя Микаэль имел в виду Дага Свенссона, который мог бы использовать «Миллениум» как базу для своей деятельности независимого журналиста, а позже, возможно, получить постоянное место. Но эта идея вызвала возражения Эрики Бергер, считавшей, что журнал нуждается в большом количестве внештатной корреспонденции. Мнение Эрики поддержала Харриет Вангер, а Кристер Мальм воздержался от дискуссии. В конце концов было решено не трогать бюджет на внештатных корреспондентов, но посмотреть, нельзя ли несколько сократить другие расходы. Всем хотелось бы заполучить Дага Свенссона хотя бы на неполную ставку.

Вслед за короткой дискуссией о стратегических направлениях и темпах их развертывания в будущем пришло время выбора председателя правления на следующий год. Эрика Бергер была единогласно переизбрана. На этом заседание закрылось.

Малин Эрикссон не сказала на собрании ни слова. Она подсчитала в уме, что сотрудники получат от прибыли бонус на сумму двадцать пять тысяч крон, что превышает ее месячную зарплату, а значит, у нее не было причин выражать несогласие с решением правления.

Сразу после заседания Эрика Бергер попросила совладельцев остаться на внеочередное совещание. В конференц-зале остались Эрика, Микаэль, Кристер и Харриет. Едва закрылась дверь за вышедшими сотрудниками, как Эрика приступила к делу:

– На повестке дня один-единственный пункт. Согласно договоренности с Хенриком Вангером, он становится совладельцем на двухлетний срок. Сейчас этот срок истекает. Поэтому мы должны решить, как быть дальше с твоим положением – а точнее, с положением Хенрика – в качестве совладельца.

Харриет кивнула.

– Мы все хорошо знаем, что решение о партнерстве Хенрика было принято под влиянием лихорадки, вызванной особой ситуацией, – напомнила она. – Эта ситуация уже в прошлом. Что вы предлагаете сейчас?

Кристер Мальм раздраженно заерзал. В комнате он был единственным, кто понятия не имел, в чем заключалась та особая ситуация. Ему было ясно, что Микаэль и Эрика скрывают он него какую-то историю, но Эрика объяснила, что речь идет о сугубо личном деле, касавшемся Микаэля, и что он ни за что на свете не станет его обсуждать. Кристер был не настолько глуп, чтобы не понять, что причина молчания Микаэля включала что-то относящееся к Хедестаду и Харриет Вангер. Он считал, что ему не обязательно знать правду для принятия главных решений, и достаточно уважал Микаэля, чтобы устраивать шум из-за этого.

– После обсуждения втроем мы пришли к общему мнению, – начала Эрика, сделала паузу и встретилась глазами с Харриет. – Прежде чем мы изложим нашу точку зрения, хотелось бы узнать, что ты сама думаешь по этому вопросу.

Взгляд Харриет поочередно переместился на Эрику, Микаэля и Кристера. На секунду он задержался на Микаэле, но она ничего не могла прочитать на их лицах.

– Если вы хотите выкупить мою долю, то это будет стоить издательству около трех миллионов крон – это то, что семья Вангер вложила в «Миллениум», – и к этому надо прибавить проценты с прибыли. Вам такое по карману? – добродушно спросила Харриет.

– Вполне, – ответил, улыбаясь, Микаэль.

От Хенрика Вангера он получил пять миллионов за работу по поручению этого старого промышленника. Как ни странно, часть этой работы состояла в поисках Харриет Вангер.

– В таком случае решение вопроса за вами, – сказала Харриет. – В контракте написано, что вы можете выкупить долю Вангеров хоть сегодня. Я бы в жизни не составила контракт так непродуманно, как это сделал Хенрик.

– Мы можем выкупить твою долю, если потребуется, – сказала Эрика. – Вопрос именно в том, что ты собираешься делать. Ты управляешь промышленным концерном, даже двумя. Весь наш годовой бюджет соответствует вашим затратам на ежедневный кофе для служащих. Что тебе за интерес тратить время на такое второстепенное по размаху предприятие, как «Миллениум»? Мы созываем правление раз в квартал, и ты тратишь на это время и пунктуально являешься каждый раз с тех пор, как сменила на посту Хенрика.

Харриет Вангер дружелюбно улыбнулась председательнице совета, потом помолчала, посмотрела на Микаэля Блумквиста и наконец ответила:

– С момента рождения я всегда чем-то владею, и все мои дни проходят

в управлении концерном, где плетут столько интриг, сколько не найдешь на четырехстах страницах любовного романа. Когда я начала заседать в вашем правлении, то выполняла свой долг – обязанность, от которой не имела права отказаться. Но представьте себе, за прошедшие восемнадцать месяцев я заметила, что мне приятнее сидеть в этом правлении, чем во всех остальных, вместе взятых.

Микаэль одобрительно кивнул. Харриет переключила взгляд на Кристера.

– Правление в «Миллениуме» игрушечное. Здесь все проблемы маленькие, понятные и прозрачные. Как и всякое предприятие, вы, естественно, хотите получать прибыль, зарабатывать деньги – это предпосылка деятельности. Но у вас совсем другая цель – вы хотите чего-то добиться.

Она выпила глоток минеральной воды «Рамлёса» и устремила взгляд на Эрику.

– Неясно, чего именно вы хотите добиться. Ваши цели попросту не определены. Вы не политическая партия и не клуб по интересам. Вам не требуется соблюдать лояльность чему-то в большей степени, чем просто лояльность друг к другу. Но вы критикуете недостатки общества и охотно точите зуб на те официальные лица, которых не любите. Часто вы хотите что-то изменить или на что-то повлиять. Даже когда вы изображаете циников и нигилистов, мне ясно, что журналом управляет определенная мораль, и я в нескольких случаях убеждалась, что она весьма своеобразна. Не знаю, как это выразить, но у «Миллениума» есть душа. Ваше правление единственное, работой в котором я горжусь.

Она замолчала, и это молчание продолжалось так долго, что Эрика рассмеялась и сказала:

– Звучит приятно, но на наш вопрос ты так и не ответила.

– Я прекрасно себя чувствую в вашей компании, и сидеть в вашем правлении для меня удовольствие. Это одно из самых сумасбродных, даже странных занятий, к которым я была причастна. В общем, если вы хотите иметь меня рядом и впредь, я останусь.

– Ладно, – отозвался Кристер. – Мы все обсудили и пришли к единодушному мнению. Мы разрываем с тобой контракт и выкупаем твою долю.

Глаза Харриет чуть расширились.

– Вы хотите избавиться от меня?

– Когда подписывался контракт, мы лежали головой на плахе и ждали удара топора. У нас не было выбора. Мы с самого начала считали дни,

когда сможем выкупить долю Хенрика Вангера. – Эрика открыла папку и достала документ, который она подвинула Харриет вместе с чеком в точности на ту сумму, которая была названа той как выкуп ее доли.

Харриет мельком пробежала глазами бумагу и, не проронив ни слова, достала ручку и поставила свою подпись.

– Ну что ж, все прошло безболезненно, – прокомментировала Эрика. – Я хочу поблагодарить Хенрика за все прошедшее и за помощь, которую он оказал «Миллениуму». Я надеюсь, ты ему это передашь.

– Конечно, – безразлично ответила Харриет Вангер. Лицо не выдавало ее чувств, но она ощущала обиду и глубокое разочарование – ведь она сказала, что хотела бы остаться в правлении, а они с такой легкостью выставили ее вон. Как чертовски сильно она открылась…

– В то же время я надеюсь заинтересовать тебя совершенно другим контрактом, – продолжила Эрика Бергер.

Она достала новую пачку документов и протянула их через стол Харриет.

– Мы хотим задать вопрос: не хочешь ли ты лично стать совладельцем «Миллениума»? Сумма пая в точности та же, что ты только что получила. Разница в том, что новый контракт не содержит никаких временны́х ограничений или дополнительных условий. Ты вступаешь как равноправный совладелец предприятия с той же ответственностью и обязанностями, как и все остальные.

Харриет удивленно подняла брови:

– А к чему была вся эта хитроумная процедура?

– Потому что эту проблему рано или поздно нужно было решить, – сказал Кристер Мальм. – Старый контракт мы могли бы продлевать каждый год на итоговом заседании владельцев – или до первого серьезного разногласия в правлении, а тогда выставить тебя вон. Но всякий раз дело упиралось бы в контракт.

Харриет оперлась на ручки кресла и внимательно посмотрела на него, затем перевела взгляд на Микаэля и Эрику.

– Вышло так, что мы подписали контракт с Хенриком под давлением экономических обстоятельств, – сказала Эрика. – Теперь мы хотим подписать контракт с тобой, потому что хотим этого. И характерное отличие нового контракта в том, что в будущем тебя будет нелегко выставить из правления.

– В этом большая разница и для нас, – мягко заметил Микаэль. За всю дискуссию это была его единственная реплика.

– Просто-напросто мы считаем, что ты привносишь в «Миллениум»

нечто большее, чем экономические гарантии, обеспеченные именем Вангер, – сказал Эрика Бергер. – Ты человек разумный, понимающий и предлагающий конструктивные решения. До сих пор ты в основном держалась в тени, вроде гостя с кратким визитом. Но ты придаешь нашему правлению устойчивость и упорство, которых нам до тебя недоставало. Ты опытна в деловых вопросах. Однажды ты спросила, доверяю ли я тебе, и я про себя подумала, доверяешь ли ты мне. Теперь мы обе знаем ответ. Ты мне симпатична, и я тебе доверяю – и не я одна, мы все. Мы не хотим, чтобы ты присутствовала здесь как исключение из правил, в искусственно созданных пределах… Ты нужна нам как партнер и полноценный совладелец.

Харриет пододвинула контракт поближе и стала читать его, сточку за строчкой. Так продолжалось минут пять. Наконец она подняла голову.

– Так это ваше единодушное предложение? – спросила она.

Все трое кивнули. Харриет взяла ручку и подписалась. Чек она отодвинула от себя, а Микаэль его порвал.

Совладельцы «Миллениума» ужинали в «Чан Самира» на Тавастгатан. Новое партнерство отпраздновали простым застольем с хорошим вином под кускус с ягненком. Беседа текла спокойно, хотя Харриет Вангер была заметно взволнована. Чем-то это напоминало первое свидание, когда оба подозревают, что что-то должно случиться, но не знают, что именно.

Уже в половине восьмого Харриет сказала, что ей пора покинуть компанию, поскольку нужно вернуться в гостиницу и лечь пораньше. Эрика Бергер собралась домой к мужу и предложила Харриет немного пройтись – им было по пути. У Шлюза они расстались. Оставшись одни, Микаэль и Кристер еще немного посидели, а потом последний тоже сказал, что ему пора домой.

Приехав на такси в отель «Шератон», Харриет Вангер поднялась в свой номер на седьмом этаже. Она разделась, приняла ванну и завернулась в гостиничный банный халат. Устроившись у окна, выходившего на Риддорхольм, открыла пачку «Данхилла» и зажгла сигарету. За день Харриет обычно выкуривала три-четыре сигареты, и это было так мало, что она считала себя почти некурящей и могла наслаждаться озорными затяжками без угрызений совести.

В девять часов раздался стук в дверь. Харриет открыла и впустила Микаэля Блумквиста.

– Ну и стервец! – сказала она.

Микаэль улыбнулся и поцеловал ее в щеку.

– На секунду я решила, что вы и в самом деле собираетесь меня вышвырнуть.

– Мы бы никогда не сделали этого в таком виде. Ты ведь понимаешь, почему мы решили переделать контракт?

– Да, это разумно.

Микаэль приоткрыл ее халат, положил ей руку на грудь и легонько сжал.

– Ну и стервец! – повторила Харриет.

Лисбет Саландер остановилась перед дверью с табличкой «Ву». С улицы она проверила, что горит свет, а теперь слышала звуки музыки, долетавшие из-за двери. Фамилия тоже была правильная. Из всего этого Лисбет заключила, что Мириам Ву по-прежнему живет в старой однокомнатной квартире на Томтебугатан у Санкт-Эриксплан. Был вечер пятницы, и Лисбет думала, что Мимми, скорее всего, не дома, а где-нибудь развлекается, а в квартире будет темно. Сейчас оставалось разобраться, захочет ли Мимми по-прежнему знаться с ней, одна ли она и доступна ли для общения.

Лисбет нажала на кнопку звонка.

Мимми открыла дверь и изумленно взметнула брови, затем прислонилась к дверному косяку и подбоченилась.

– Саландер, да это ты! А я уже думала, ты умерла или что-то вроде того.

– Вроде того, – подтвердила Лисбет.

– А чего тебе надо?

– На этот вопрос есть много ответов.

Мириам Ву оглядела лестничную площадку и снова взглянула на Лисбет.

– Ну, дай хоть один ответ.

– Да вот, думала узнать, по-прежнему ли ты одна и не нужна ли тебе компания на ночь.

Мимми изумленно вытаращила глаза, а потом начала дико хохотать.

– Ну, ты даешь! Ты же единственная из всех моих знакомых, кому может прийти в голову позвонить мне в дверь после полуторалетнего отсутствия и просто-напросто спросить, не хочу ли я потрахаться.

– А ты хочешь, чтобы я ушла?

Мимми перестала смеяться, секунду постояла молча, а потом сказала:

– Лисбет… да ты никак всерьез.

Та выжидающе молчала.

В конце концов Мимми вздохнула и впустила гостью:

– Заходи. Уж на чашку кофе можешь рассчитывать.

Лисбет зашла в квартиру и села на одну из двух табуреток, стоявших возле обеденного стола. Сам стол находился в прихожей, почти вплотную к входной двери. Квартира жилой площадью двадцать четыре квадратных метра состояла из тесной комнатушки и безалаберно обставленной прихожей. Роль кухни играл закуток в одном из углов прихожей, а вода туда поступала через шланг, протянутый из туалета.

Лисбет следила взглядом за Мимми, пока та наливала воду в кофейник. Мать девушки была из Гонконга, а отец – из Будена на севере Швеции. Еще Лисбет знала, что родители Мимми живут в Париже. Мимми изучала социологию в Стокгольме, а ее старшая сестра училась на антрополога в США. Материнские гены проявились у Мимми в черных как вороново крыло, прямых волосах, которые она коротко стригла, и в легком восточном налете, запечатлевшемся на ее лице. Что касается отца, то от него ей достались ясные голубые глаза. Все это вместе делало ее внешность весьма своеобразной. В кого у нее большой рот и ямочки на щеках – неясно, но не в маму с папой.

Мимми был тридцать один год. Она любила наряжаться в одежду из латекса, любила тусоваться по клубам, где показывали стрип-шоу. Она и сама иногда в них выступала. Лисбет перестала ходить в клубы с тех пор, как ей исполнилось шестнадцать лет.

Помимо учебы, раз в неделю Мимми подрабатывала продавщицей в «Домино фэшн» на одной из улиц, пересекающих Свеавеген. Покупатели обычно интересовались моделями одежды типа формы санитарки, сделанной из резины, или комплектами одежды для ведьмы из черной кожи. Такие наряды «Домино» кроило и шило. Мимми и несколько ее подружек были совладельцами магазина, что означало небольшую прибавку в размере нескольких тысяч крон в месяц. Впервые Лисбет Саландер увидела Мимми на одном нетрадиционном шоу во время гей-фестиваля пару лет назад и в тот же вечер встретила ее в пивной палатке. Мимми была одета в необычный лимонно-желтый костюм из облегающего пластика, так что он обнажал больше, чем прикрывал. Лисбет не врубилась в эротические нюансы этого наряда, и она была достаточно пьяна, чтобы вдруг начать заигрывать с девицей, одетой под цитрусовый фрукт. Изумлению Лисбет не было предела, когда цитрус уставился на нее, захохотал, бесцеремонно поцеловал ее и сказал: «Вот тебя-то я и хочу!» Потом они пошли домой к Лисбет и всю ночь занимались сексом.

– Какая есть, такая есть, – заметила Лисбет. – Я уехала, чтобы сбежать от всего и всех. Конечно, надо было попрощаться.

– Я думала, с тобой что-то случилось. Когда ты была здесь, мы не так уж тесно общались.

– Я была занята.

– Ты вся покрыта тайнами: никогда не рассказываешь о себе. Я не знаю ни где ты живешь, ни куда звонить, если твой мобильник не отвечает.

– Сейчас я нигде не работаю. А потом, ты такая же «таинственная», как я. Секс тебя интересовал, а отношения – не слишком. Разве не так?

Мимми посмотрела на Лисбет.

– Вообще-то так, – ответила она наконец.

– Так же было и со мной. Я тебе никогда ничего не обещала.

– Но ты изменилась, – заметила Мимми.

– Не слишком.

– Ты выглядишь старше, более зрелой. Ты по-другому одета. И ты что-то напихала в бюстгальтер.

Лисбет не возражала, только поерзала на табуретке. Мимми коснулась темы, которая была для нее чувствительна, и она не представляла себе, как ей объяснить суть дела. Мимми раньше видела ее обнаженной, и она не может не заметить происшедших изменений. Наконец Лисбет поникла головой и пробормотала:

– Я обзавелась грудью.

– Что-что?

Лисбет подняла голову и повысила голос, не отдавая себе отчета в том, что его тон стал вызывающим:

– Я ездила в клинику в Италию и прооперировалась. У меня настоящая, не искусственная грудь. Поэтому я и исчезла. А потом я продолжала ездить. Теперь я снова вернулась.

– Ты шутишь?

Лисбет безучастно взглянула на Мимми.

– Ну и дура же я. Ты ведь никогда не шутишь.

– Я не собираюсь извиняться, и тебе я говорю только правду. Хочешь, чтобы я ушла, – только скажи.

– И у тебя действительно новая грудь?

Лисбет кивнула. Мимми прыснула от смеха, а гостья помрачнела.

– Во всяком случае, не уходи, пока я не увидела, как она выглядит. Ну, пожалуйста. Please.

– Мимми, мне всегда нравился секс с тобой. Тебе было до лампочки, чем я занимаюсь, и если у меня был кто-то, ты находила себе другую.

И тебе наплевать с высокой колокольни, что о тебе думают.

Мимми кивнула. То, что она лесбиянка, она поняла еще в старших классах школы и после серии робких, мучительных попыток была наконец посвящена в таинства эротики в возрасте семнадцати лет, когда чисто случайно пошла со знакомой на праздник, проводившийся в Гётеборге Союзом за права гомо-, би– и транссексуальных личностей. С тех пор она не думала меняться. Как-то раз, когда ей было двадцать три, она попробовала секс с мужчиной. Мимми механически выполнила все, что от нее ожидалось, но удовольствия не получила. К тому же она принадлежала к тому меньшинству людей, которые ничуть не интересуются брачными узами, верностью и домашними вечерами в уютном семейном гнездышке.

– Я вернулась в Швецию несколько недель назад, и мне интересно, доступна ли ты, или мне надо кого-то себе пригласить.

Мимми поднялась и подошла к Лисбет, склонилась над ней и поцеловала в губы.

– Я думала позубрить кое-что по программе.

Потом она расстегнула верхнюю пуговицу на блузке Лисбет.

– Тогда чего ты…

Мимми поцеловала ее снова и расстегнула следующую пуговицу.

– Это я обязательно должна увидеть.

И снова ее поцеловала.

– Добро пожаловать обратно.

Харриет Вангер заснула ближе к двум часам ночи, а Микаэль Блумквист так и не задремал, а лежал, прислушиваясь к ее дыханию. Наконец он встал, вытащил пачку «Данхилла» из ее сумочки и, сев на стул у кровати, стал наблюдать за спящей.

Становиться любовником Харриет Вангер никак не входило в его планы. После всего пережитого в Хедестаде Микаэль ощущал едва ли не необходимость держаться от семейства Вангер подальше. Он пересекался с Харриет на заседаниях правления прошлой весной, но соблюдал вежливую дистанцию. Они знали тайны друг друга, и потому каждый из них был в руках другого, но помимо обязанностей Харриет в правлении «Миллениума» их отношения практически прекратились.

Год назад на Троицу Микаэль впервые за несколько месяцев поехал на свою дачу в Сандхалене – побыть одному, посидеть на причале, почитать детектив. В пятницу пополудни, вскоре после приезда, он направился в киоск за сигаретами, и вдруг ему навстречу попалась Харриет. Ей хотелось отвлечься от Хедестада, и она забронировала себе номер в отеле в

Сандхамне на выходные. Это было место, куда она не возвращалась с детства. Швецию Харриет покинула в шестнадцать лет, а вернулась в пятьдесят три. Именно Микаэль разыскал ее.

После вежливых взаимных приветствий Харриет стыдливо замолчала. Микаэль знал ее историю. Она же знала, что он пожертвовал своими принципами, чтобы утаить страшные тайны семейства Вангер. В известной степени он сделал это ради нее.

Вежливый Микаэль предложил ей посмотреть его дом. Он сварил кофе, и они просидели на открытой веранде несколько часов, разговаривая не умолкая. Это было их первое серьезное общение с тех пор, как она вернулась в Швецию. Микаэль не сдержался и спросил:

– А что вы сделали с тем, что нашли в подвале Мартина Вангера?

– А вы в самом деле хотите знать?

Он кивнул.

– Я все убрала там сама: сожгла все, что только горело, а затем наняла рабочих снести дом. Я не смогла бы жить в нем и не могла бы продать его, чтобы там кто-то обосновался. Для меня этот дом – олицетворение жестокости. Я думаю построить на том участке дом поменьше, дачу.

– И никто не пришел в изумление, когда дом сносили? Ведь это была роскошная современная вилла.

Усмехнувшись, Харриет объяснила:

– Дирк Фруде распустил слух, что дом так безнадежно поражен грибком, что его санитарная обработка обойдется дороже.

Дирк Фруде был адвокатом семейства Вангер.

– А как поживает Фруде?

– Ему скоро семьдесят, и я забочусь о том, чтобы он не сидел без дела.

Ужинали они вместе, и Микаэль вдруг отметил про себя, что Харриет делится с ним самыми интимными деталями своей жизни. Когда он прервал ее, спросив, почему она это делает, она задумалась, а потом сказала, что, пожалуй, на всем свете нет никого другого, от кого ей нечего скрывать. Вдобавок к чему ей защищаться от мальчонки, которого она нянчила почти сорок лет назад?

За всю жизнь у нее был секс с тремя мужчинами. Первым был ее отец, вторым – ее брат. Папашу она убила, а от брата убежала. Все же ей удалось как-то выжить, встретить мужчину, ставшего ее мужем, и начать новую жизнь.

– Муж был нежный и любящий человек, надежный, благородный. С ним я была счастлива. Мы прожили почти двадцать лет, пока он не заболел.

– Почему же вы больше не вышли замуж?

Харриет пожала плечами:

– Я жила в Австралии одна с тремя детьми, и на мне было огромное фермерское хозяйство. Ради романтического свидания я не могла бы удрать даже на уик-энд. А отсутствие секса меня не волновало.

Они помолчали.

– Ну что ж, уже поздно, мне пора возвращаться в гостиницу.

Блумквист кивнул.

– Ты хочешь меня соблазнить.

– Да, – ответил Микаэль.

Он поднялся, взял ее за руку и повел наверх в спальню. Вдруг Харриет остановила его.

– Я даже толком не знаю, как себя вести, – сказала она, – так давно я это не делала.

Выходные дни они не разлучались, а потом встречались раз в три месяца, когда она приезжала на заседания правления «Миллениума». Нельзя сказать, что это были продуманные или особенно крепкие отношения. Харриет Вангер работала круглые сутки и часто уезжала. Каждый второй месяц она проводила в Австралии. Но, безусловно, стала дорожить своими редкими, случайными встречами с Микаэлем.

Через пару часов Мимми варила кофе, а Лисбет лежала на кровати, обнаженная и вспотевшая, курила сигарету и поглядывала на Мимми через приоткрытую дверь. Как она завидовала фигуре Мимми! Особенно впечатляющим мускулам. Тренировки в спортзале на снарядах два раза в неделю, а еще тайский бокс или какая-то разновидность карате раз в неделю привели к тому, что ее тело было в отличной форме.

Она просто классно выглядела: не как фотомодель, а как привлекательная здоровая женщина. В ее характере была склонность провоцировать и дразнить других. Приодевшись на праздник, она могла обратить на себя внимание кого угодно. Лисбет не могла взять в толк, почему Мимми вообще есть дело до такой клуши, как она.

Но Лисбет была рада, что Мимми к ней не безразлична. Секс с ней был такой раскрепощающий, что Лисбет наслаждалась сама и доставляла удовольствие ей.

Мимми подошла к кровати с двумя кружками и поставила на табуретку у кровати. Затем снова залезла в постель, нагнулась и потрогала соски Лисбет.

– Порядок, вполне годятся, – заверила она.

Лисбет ничего не сказала, засмотревшись на грудь Мимми, оказавшуюся у нее прямо перед глазами. У Мимми тоже были довольно маленькие груди, но они выглядели очень естественно на ее теле.

– Честно говоря, Лисбет, ты выглядишь просто офигенно.

– Глупости. Грудь мне ничего не прибавляет и ничего не убавляет, просто теперь она у меня хотя бы есть.

– Да ты зациклилась на своем теле.

– Как бы не так; сама, вон, тренируешься как чокнутая.

– Я тренируюсь, потому что получаю от этого удовольствие. Это мне в кайф, почти как секс. Ты бы тоже попробовала!

– Я же хожу на бокс, – возразила Лисбет.

– Ерунда! Ты приходишь побоксировать раз в месяц, от случая к случаю, да и то потому, что тебе захотелось отделать наглых мальчишек, а не для того, чтобы хорошо себя чувствовать.

Лисбет пожала плечами, а Мимми уселась на нее сверху.

– Лисбет, ты неумеренно занята собой и своим телом. До тебя доходит, что мне нравится с тобой в постели не из-за твоей внешности, а от того, как ты себя ведешь? Ты мне кажешься ужасно сексуальной.

– И ты мне тоже. Я потому к тебе и вернулась.

– А не потому, что ты меня любишь? – притворно-обиженным голосом спросила Мимми.

Лисбет покачала головой.

– У тебя есть кто-нибудь сейчас?

Мимми секунду поколебалась, а потом кивнула:

– Может быть. Вроде того. По-видимому. В общем, это непросто.

– Я не выпытываю.

– Я знаю, но могу и рассказать. Это женщина из университета, старше меня, замужем с двадцатилетнего возраста. Мы встречаемся втайне от ее мужа: в пригороде, на вилле – в таком духе. Она скрытая лесбиянка.

Лисбет кивнула.

– Ее муж довольно много ездит, и тогда мы видимся. Это у нас началось еще осенью, и мне уже чуть наскучило. Но она очень хороша собой. А еще я общаюсь со старой компашкой.

– Я как раз хотела тебя спросить, будем ли мы с тобой дальше встречаться.

Мимми кивнула:

– Я с удовольствием.

– Даже если я опять исчезну на полгода?

– А ты будь в контакте. Мне ведь не безразлично, жива ты или нет.

Я даже твой день рождения помню.

– Никаких условий друг другу не ставим?

Мимми улыбнулась и вздохнула.

– Вообще-то, ты именно такая телка-лесбиянка, с которой я ужилась бы вместе. Ты бы ко мне не лезла, когда я этого не хочу.

Лисбет молчала.

– Если не считать того, что ты вообще-то не лесбиянка. Возможно, ты бисексуалка. Но главное – ты сексуальна: любишь секс и плюешь на пол партнера. Ты – образчик энтропии и хаоса.

– Не знаю, какая я, – заметила Лисбет, – но я вернулась в Стокгольм. Что я знаю, так это что я бездарна в отношениях с людьми. По правде говоря, я вообще в городе ни с кем не знакома; ты первая, с кем я разговариваю после приезда.

Мимми серьезно на нее посмотрела:

– Тебе в самом деле не нужны знакомые? Ты ведь самая замкнутая и неприступная из всех, кого я знаю.

Они немного помолчали.

– Но твоя грудь – это нечто! – Мимми подцепила сосок подружкиной груди и оттянула его. – Она тебе под стать: не маленькая и не большая.

Лисбет облегченно вздохнула от очередного одобрительного заключения.

– И на ощупь как натуральная.

Она так сильно щипнула сосок, что у Лисбет дух захватило, и она открыла рот. Они посмотрели друг на друга, потом Мимми наклонилась и взасос поцеловала Лисбет. Та ответила и обхватила Мимми руками. Кофе так и остался нетронутым.

Глава 7

Суббота, 29 января – воскресенье, 13 февраля

Верзила-блондин свернул на Свавельшё между Ерна и Вагнхерад в субботу в одиннадцать утра. Населенный пункт состоял из примерно пятнадцати домов. Блондин остановился у последнего строения, метрах в ста пятидесяти от самой деревни. Это была старая обшарпанная постройка, вмещавшая раньше типографию, а теперь извещавшая вывеской, что здесь располагается мотоклуб «Свавельшё МК». Хотя улица была совершенно безлюдна, верзила тщательно огляделся, прежде чем открыть машину и выйти. Было прохладно. Он натянул коричневые кожаные перчатки и вынул из багажника черную спортивную сумку.

Он не особенно беспокоился, видит ли его кто. Старая типография размещалась так, что было почти невозможно припарковать машину без того, чтобы это было заметно. Если бы какая-то государственная служба хотела бы установить наблюдение за зданием, ей потребовалось бы одеть своих сотрудников в камуфляж и снабдить телескопом где-нибудь в канаве по другую сторону поля. А это очень скоро обнаружили бы жители деревни и разнесли в сплетнях, а поскольку тремя домами в поселке владели члены «Свавельшё», это стало бы известно всему клубу.

Входить в здание он не собирался. Полиция уже несколько раз делала обыск в помещении клуба, и потому не было уверенности в том, что никакого подслушивающего устройства тайно не установили. Это означало, что традиционно разговоры в клубе касались машин, баб и выпивки, иногда обсуждались акции, куда стоит вложить средства, и очень редко – темные дела с возможным драматическим исходом.

Вот почему верзила-блондин терпеливо ждал, пока Карл Магнус Лундин выйдет во двор. Магге Лундин, тридцати шести лет, был председателем клуба. Вообще-то он был довольно костлявый, но с годами набрал немалый вес и теперь выделялся заметным пивным брюшком. Белокурые волосы, завязанные конским хвостом, тяжелые сапоги, черные джинсы и солидная зимняя куртка составляли его внешний облик. В его послужном списке числилось пять судимостей: две – за незначительные нарушения в связи с наркотиками, одна – за сбыт краденого в крупных размерах, еще одна – за угон машины и управление ею в нетрезвом виде. Пятая судимость была самая серьезная, по ней он получил восемнадцать месяцев за причинение тяжких телесных повреждений. Это случилось

несколько лет назад, когда он, выпив, начал дебоширить в одном пивной в Стокгольме.

Магге Лундин и верзила пожали друг другу руки и не спеша пошли вдоль изгороди вокруг усадьбы.

– Последний раз дело было несколько месяцев назад, – заметил Магге.

Верзила-блондин кивнул.

– Есть классная фишка: три тысячи шестьдесят граммов амфетамина.

– Делимся, как и в прошлый раз?

– Пополам.

Магге Лундин вынул пачку сигарет из нагрудного кармана и кивнул. Ему нравилось вести дела с верзилой. Розничная цена амфетамина была сто шестьдесят – двести тридцать крон за грамм в зависимости от спроса. Значит, три тысячи шестьдесят граммов могут в среднем потянуть на шестьсот тысяч крон. Мотоклуб «Свавельшё» мог бы поделить три килограмма на порции по двести пятьдесят граммов и распределить среди своих постоянных продавцов. Тогда цена упадет до ста двадцати – ста тридцати крон за грамм, а значит, общий доход уменьшится.

Этот бизнес был исключительно выгоден для мотоклуба. Достоинством сделок с верзилой было то, что предоплаты не требовалось и никакого базара о твердых ценах не возникало. Верзила поставлял товар и забирал себе пятьдесят процентов выручки, что было вполне приемлемо. Они примерно знали, сколько им принесет продажа килограмма амфетамина, но реальный доход зависел от того, насколько прибыльно раскрутит дела Магге Лундин. Сумма всей выручки может отклониться на несколько тысяч в минус или плюс, но по окончании операции верзила-блондин должен получить примерно сто девяносто тысяч крон – столько же, сколько и мотоклуб «Свавельшё».

За последние годы они много раз были партнерами в этом деле. Магге Лундин понимал, что верзила мог бы удвоить свой доход, если бы сам командовал посредниками. Он также знал, почему тот считал за лучшее оставаться в тени: так он оставался на заднем плане, тогда как весь риск ложился на байкеров. При таком раскладе верзила получал меньший, но сравнительно надежный доход. В отличие от других поставщиков, о которых Магге Лундин доводилось слышать, их партнерство имело в основе деловой подход, кредит и доверие. Между ними не было ни ссор, ни пререканий, ни угроз.

Случилось раз, что верзила-блондин погорел на сто тысяч крон, когда сорвалась поставка оружия. Сам Магге Лундин не знал никого в их бизнесе, кто понес бы такой убыток. Он был в панике, когда надо было

докладывать, как это произошло. Он в деталях рассказал, почему все провалилось и как случилось, что полицейский из Центра профилактики преступности провел обыск у одного из членов общества «Арийское братство» в Вермланде. Но верзила даже бровью не повел. И чуть ли не посочувствовал: всякое, мол, бывает. Магге Лундин никакой выручки не получил: пятьдесят процентов от нуля равны нулю. Но и долга не было – его списали.

Магге Лундин был неглуп. Он понимал, что с точки зрения бизнеса меньший доход, сопряженный с меньшим риском, – здравый принцип. Ему даже в голову не приходила идея надуть партнера. Это было бы делом дурного пошиба: верзила и его компаньоны соглашались на меньшую выручку, если расчеты велись без обмана. Случись Лундину обжулить верзилу, он бы вряд ли остался в живых после очередного приезда партнера. Так что думать об этом не стоило.

– А когда привезешь продукт?

Верзила-блондин поставил спортивную сумку на землю.

– Уже привез.

Магге Лундин даже не потрудился открыть сумку и проверить ее содержимое. Вместо этого он протянул руку для рукопожатия в знак того, что будет безоговорочно следовать договору.

– Есть еще одна работенка, – сказал верзила.

– Какая?

– Мы хотим нанять тебя для одного специального дела.

– Ну, говори.

Верзила-блондин достал конверт из внутреннего кармана куртки и протянул Магге. Там лежала фотография паспортного размера и листок с личными данными. Лундин вопросительно взглянул на верзилу.

– Ее зовут Лисбет Саландер, живет на улице Лундагатан в районе Сёдермальм в Стокгольме.

– Так.

– Может быть, сейчас она за границей, но рано или поздно снова появится.

– Так.

– Мой заказчик хочет поговорить с ней спокойно и без помех, так что ее нужно доставить живой. Есть предложение привезти ее на склад в Ингерн. Затем нужно, чтобы кто-нибудь прибрал там после разговора. Она должна бесследно исчезнуть.

– Это мы можем. А как мы узнаем, что она вернулась домой?

– Я тебе дам знать, когда надо будет.

– Сколько?

– Как насчет десяти кусков за все? Работа ведь простая: съездить в Стокгольм, забрать ее и привезти ко мне.

И они снова обменялись рукопожатием.

Вторично приехав на Лундагатан, Лисбет села на свой продавленный диван и задумалась. Ей нужно было принять ряд стратегических решений, и одно из них касалось этой квартиры: оставлять ее за собой или нет.

Закурив, она выпустила дым в потолок и стряхнула пепел в банку из-под кока-колы. У нее не было оснований любить эту квартиру. Сюда она въехала с мамой и сестрой, когда ей было четыре года. Гостиную заняла мама, а они с Камиллой делили маленькую спальню. Когда ей было двенадцать и случилась «Вся Та Жуть», ее поместили в детскую клинику, а позже, когда ей исполнилось пятнадцать лет, они стали жить в разных приемных семьях. Квартиру сдавал съемщикам ее опекун Хольгер Пальмгрен, и он же позаботился о том, чтобы жилплощадь вернулась к ней в восемнадцать лет, когда Лисбет нуждалась в крыше над головой.

Квартира была надежным оплотом ее существования на протяжении последних лет. Несмотря на то что Лисбет в ней больше не нуждалась, мысль избавиться от нее была неприятна. Это означало бы, что чужие люди расхаживали бы по ее полу.

Оставалась чисто техническая проблема: вся ее почта, если она к ней вообще поступала, приходила на Лундагатан. Расставшись с этой квартирой, Лисбет должна будет завести себе новый почтовый адрес. А она отнюдь не хотела быть гражданским лицом, завязанным на разных ведомствах. У нее была параноидальная боязнь списков и регистраций и не было особых причин доверять каким-то учреждениям, да и кому-либо вообще.

Выглянув в окно, Лисбет увидела пожарную лестницу со стороны заднего двора, ту самую лестницу, что видела всю свою жизнь. Вдруг она почувствовала облегчение от того, что решила распрощаться с квартирой. Здесь она никогда не чувствовала себя в безопасности. Каждый раз, сворачивая на Лундагатан и приближаясь к своей парадной, будучи трезвой или в подпитии, Лисбет осматривалась вокруг, приглядывалась к припаркованным машинам и прохожим. Она была внутренне убеждена, что где-то есть люди, желавшие ей зла, и что, вздумай они наброситься на нее, то, скорее всего, выбрали бы момент, когда она входит к себе в дом или выходит из него.

Однако до сих пор на нее никто не нападал. Это, конечно, не значит,

что можно расслабиться: адрес на Лундагатан был указан в любом официальном списке. Но за все прошедшие годы у Лисбет никогда не было денег на то, чтобы упрочить свою безопасность – помимо того, чтобы всегда оставаться начеку. Теперь все было иначе. Лисбет хотела, чтобы ни одна живая душа не знала ее адрес на Мосебакке. Инстинкт подсказывал ей по возможности соблюдать анонимность.

Но эти мысли не решали проблему, что ей делать с квартирой. Она еще пораскинула мозгами, потом взяла мобильный телефон и позвонила Мимми.

– Привет, это я.

– Привет, Лисбет. Неужели на этот раз ты надумала мне позвонить уже через неделю после встречи?

– Я на Лундагатан.

– Ну и?..

– Хотела спросить у тебя, не хочешь ли перебраться в мою квартиру.

– Перебраться?

– Из твоей конуры.

– Мне и тут хорошо. А ты переезжаешь?

– Уже переехала, и эта квартира стоит пустая.

Мимми затихла на другом конце провода.

– Что толку спрашивать, не хочу ли я в нее перебраться? Лисбет, она мне же не по карману.

– Права на квартиру полностью выкуплены. Ежемесячная плата за обслуживание и ремонт всего тысяча четыреста восемьдесят крон, а это, наверное, меньше, чем ты платишь за свою конуру. К тому же все это проплачено на год вперед.

– Может, ты хочешь ее продать? Скорее всего, она стоит немного больше миллиона.

– Почти полтора, если верить газетным объявлениям.

– Но у меня нет денег.

– Я не собираюсь ее продавать. Можешь перебираться, когда хочешь, хоть сегодня, и жить сколько хочешь, а платить ничего не надо целый год. Я не могу сдавать ее внаем, но могу вписать тебя в контракт как свою сожительницу, тогда у тебя не будет заморочек с домоуправлением.

– Лисбет, ты что, делаешь мне предложение руки и сердца? – хихикнула Мимми.

Лисбет хранила мрачную серьезность.

– У меня нет нужды в квартире, но я не хочу ее продавать.

– Хочешь сказать, что я могу в ней жить типа бесплатно? Ты что,

серьезно?

– Да.

– А долго?

– Сколько хочешь. Ну как, ты согласна?

– Еще бы! Не каждый день мне преподносят бесплатную квартиру в таком районе, как Сёдер.

– Есть одно требование.

– Я так и знала!

– Живи сколько хочешь, но я по-прежнему зарегистрирована здесь, и мне может приходить почта. От тебя лишь потребуется откладывать присланное мне и давать знать, если это может представлять интерес.

– Лисбет, ты самая странная девица из всех, кого я знаю. Ты чем вообще занимаешься и где собираешься жить?

– В другой раз расскажу, – уклончиво ответила Лисбет.

Они договорились встретиться в тот же день после обеда, чтобы Мимми могла как следует посмотреть квартиру.

Закончив разговор, Лисбет сразу почувствовала облегчение. Она взглянула на часы и отметила, что времени до прихода Мимми полным-полно. Из дома она направилась к «Хандельсбанку» на Хорнгатан, там взяла талончик с номером и стала терпеливо ждать своей очереди.

Предъявив удостоверение личности, Лисбет объяснила, что какое-то время провела за границей, а теперь хочет посмотреть, каков баланс на ее счете. Оказалось, что ее накопления составляют восемьдесят две тысячи шестьсот семьдесят крон. Сумма на счете оставалась неизменной весь год за исключением поступления девяти тысяч трехсот двенадцати крон осенью. Это было наследство ее матери.

Лисбет Саландер сняла наличную сумму, равную наследству, и на минуту задумалась. Она хотела найти этим деньгам такое применение, какое порадовало бы ее мать. Раздумывая над тем, что бы подошло, она дошла до почты на Розенлундсгатан и там отослала деньги в один из стокгольмских женских кризисных центров от анонимного отправителя. Она и сама не знала, зачем это сделала.

Было восемь часов вечера в пятницу, когда Эрика выключила компьютер и потянулась. Последние девять часов она провела за доработкой мартовского номера «Миллениума». Малин Эрикссон была полностью занята подготовкой тематического номера вместе с Дагом Свенссоном, так что бóльшую часть редакторской работы Эрике пришлось

взять на себя. Хенри Кортес и Лотта Карим сделали попытку помочь, но они были не слишком опытными редакторами, потому что в основном собирали материал и писали статьи.

Эрика Бергер чувствовала страшную усталость и боль в спине, но испытывала удовлетворение от сделанного в течение дня, да и в жизни целом. Финансовая ситуация в журнале была стабильна, кривые популярности издательства шли вверх, тексты поступали к оговоренному сроку, а если и запаздывали, то не катастрофически, сотрудники были довольны и даже год спустя после дела Веннерстрёма сохраняли душевный подъем.

Немного помассировав затылок, Эрика поняла, что больше всего ей сейчас нужен душ. Она подумала, не воспользоваться ли ей душевой кабинкой возле кухонного уголка, но чувствовала себя такой разбитой, что просто положила ноги на письменный стол. Через три месяца ей стукнет сорок пять, а пресловутое будущее стало все больше чувствоваться где-то позади. Даже обзаведясь тонкой сеточкой морщин в уголках глаз и возле рта, Эрика выглядела хорошо – это она знала. Два раза в неделю она изнуряла себя в гимнастическом зале, и все же стала замечать, что ей все труднее взбираться на мачту, когда они с мужем ходят под парусом. Именно ей приходилось лазать, потому что Грегер страдал головокружениями.

Эрика решила, что первые сорок пять лет ее жизни, при всех взлетах и падениях, вышли в целом счастливыми. У нее были деньги, положение в обществе, отличный дом и любимая работа. Еще – заботливый и любящий муж, все еще влюбленный в нее после пятнадцати лет брака. А кроме того – приятный и неутомимый любовник, который услаждал если не ее душу, так тело, когда ей требовалось.

При мысли о Микаэле Блумквисте Эрика улыбнулась. Интересно, когда он соберется с силами посвятить ее в тайну своих отношений с Харриет Вангер? Ни Микаэль, ни Харриет не обмолвились ни словом о своей связи, но Эрика была не лыком шита. Она догадалась, что между ними что-то есть, на одном из заседаний правления в августе, когда подметила, как переглянулись Микаэль и Харриет. От отчаяния она попыталась дозвониться им обоим на мобильник и не слишком удивилась, что они оказались отключены. Это, конечно, нельзя считать решающим доказательством, но и после следующего заседания правления Микаэль был недоступен весь вечер. Внутренне Эрика даже посмеивалась над тем, как быстро Харриет ушла с ужина после годового отчетного собрания, сославшись на необходимость вернуться в гостиницу и лечь спать. Эрика не стала их выслеживать – она не была ревнива, – но решила при случае

как-нибудь подпустить им шпильку.

Она совершенно не вмешивалась в романы Микаэля с другими женщинами и надеялась, что его связь с Харриет не приведет к проблемам в правлении. Тут не о чем беспокоиться. У Микаэля был уже целый ряд завершившихся романов, но он оставался в дружеских отношениях с бывшими любовницами и очень редко попадал в неприятные ситуации.

Сама Эрика Бергер была бесконечно рада иметь такого друга и верного соратника, как Микаэль. В некоторых ситуациях он вел себя глупо, зато иногда проявлял такое чутье, что открывал себя в роли оракула. Чего он никогда не мог понять, так это ее чувств к мужу. До него совершенно не доходило, почему она воспринимает Грегера как удивительного человека, теплого, обаятельного, великодушного, а главное – лишенного тех недостатков, которые терпеть не могла в других мужчинах. Грегер был именно тем мужчиной, с которым ей хотелось прожить в старости. Эрика хотела иметь детей от него, но раньше это было невозможно, а теперь – поздно. И все же в выборе спутника жизни она не видела лучшей и более надежной альтернативы. На него она могла безоговорочно положиться, и он всегда был рядом, когда она нуждалась в нем.

Микаэль был мужчиной совершенно другого склада. При столь переменчивом характере он производил впечатление человека, в котором совмещаются несколько личностей. В профессиональной деятельности Микаэль был упрям и проявлял почти патологическую способность сосредотачиваться на своем деле. Он вгрызался в сюжет какой-то истории и работал над ним, пока не добивался совершенства и не оставлял ни одного вопроса без ответа. Его лучшие публикации были блестящими, в худших он все же оставался на уровне выше среднего. Он обладал талантом интуитивно угадывать, в какой истории есть изюминка, а в какой не обнаружится ничего, кроме второстепенных банальностей. Эрика ни разу не пожалела, что начала сотрудничать с Микаэлем.

О чем она также не жалела, так это о том, что стала его любовницей.

Единственным, кто понимал страсть Эрики Бергер к сексу с Микаэлем Блумквистом, был ее муж. И все потому, что она осмелилась обсудить с ним свою сексуальную тягу. Речь шла не об измене, а о вожделении. Секс с Микаэлем давал ей такой мощный импульс, какого ей не мог дать ни один мужчина, включая Грегера.

В жизни Эрики Бергер секс играл важную роль. Потеряв невинность в четырнадцать лет, она провела большую часть юности в поисках наслаждений. Чего только не перепробовала: от грубых приставаний одноклассников и скорой связи с немолодым учителем до секса по

телефону и бархатного секса с психически неуравновешенным мужчиной. В эротике она перепробовала все самое интересное. Ее практика включала членство в клубе «Экстрим», где устраивались развлечения, не вполне одобряемые общественностью. Несколько раз она пробовала секс с женщинами, но была всякий раз разочарована и поняла, что это не для нее и что женщины не вызывали в ней и десятой доли того возбуждения, которое у нее возникало с мужчиной. Или двумя. На пару с Грегером они пробовали секс втроем. Вторым мужчиной был один известный владелец художественной галереи. Оказалось, что у ее мужа сильная склонность к бисексуальности, да и сама она чуть ли не теряла сознание от блаженства, когда двое мужчин одновременно ласкали и удовлетворяли ее. Другое, трудноописуемое возбуждение возникало у нее, когда она наблюдала, как ее мужа услаждает другой мужчина. Встряски такого рода они затем повторяли с двумя другими регулярно приходящими партнерами.

В общем, ее сексуальную жизнь с Грегером нельзя назвать скучной или неудовлетворительной, но Микаэль Блумквист доставлял ей совершенно особое переживание. У него был талант. Он просто-напросто занимался с ней ФС – феноменальным сексом. Столь феноменальным, что Эрика достигла оптимального баланса с Грегером как мужем и Микаэлем как любовником. Она не могла жить без них обоих и не собиралась никому из них отдавать предпочтение. Ее муж оказался способен понять, что у Эрики есть и другие потребности помимо тех, которые он сам мог бы ей предложить, – например, в виде хитроумных акробатических поз в джакузи.

В отношениях с Микаэлем Эрика больше всего ценила отсутствие желания контролировать ее. Он ни капли не был ревнив, и хотя у нее самой несколько раз разгорались вспышки ревности, когда их отношения еще только завязывались двадцать лет назад, она быстро поняла, что ревновать его бессмысленно. Их отношения строились на дружбе, а в дружбе Микаэль был безгранично верен. У них были отношения, способные выдержать самые тяжелые испытания.

Эрика Бергер прекрасно понимала, что принадлежит к кругу людей, чей образ жизни вряд ли получил бы одобрение членов союза христианок-домохозяек из Шёвде, но ее это ничуть не волновало. Еще в юности Эрика решила: что бы она ни вытворяла в постели и как бы ни строила свою жизнь, это касается только ее, и никого другого. Однако ее раздражало, что многие знакомые шептались и судачили о ее отношениях с Микаэлем Блумквистом, причем всегда за ее спиной.

Будучи мужчиной, Микаэль мог перемещаться из одной постели в

другую – никто и бровью не поведет. Эрика же была женщиной, имевшей единственного любовника, остававшейся верной ему в течение двадцати лет, причем с полного согласия своего мужа. Это, конечно, становилось темой досужих разговоров.

«А пошли вы все…» – решила она, затем подняла телефонную трубку и позвонила мужу:

– Привет, милый. Что делаешь?

– Пишу.

Грегер Бекман был не только художником, но и преподавателем – доцентом по истории искусства, а также автором нескольких книг в этой области. Он часто принимал участие в общественных дебатах и приглашался для консультаций архитектурными бюро. Последний год Грегер работал над книгой о важности художественного оформления зданий и анализировал причины, почему людям нравятся одни здания и не нравятся другие. Книга начала превращаться в яростное обличение функционализма, и Эрика почувствовала, что это может вызвать беспокойство среди эстетов-дебатёров.

– Ну, и как движется?

– Отлично! Как по маслу. А что у тебя?

– Я как раз закончила последний выпуск, он пойдет в типографию в четверг.

– Поздравляю.

– Я совершенно выдохлась.

– Похоже, у тебя что-то на уме.

– Ты что-нибудь запланировал для нас на вечер или ты не слишком обидишься, если я не буду ночевать сегодня дома?

– Передай Блумквисту, что он искушает судьбу, – произнес Грегер.

– Не думаю, что этим его припугнешь.

– Ладно. Тогда передай, что ты ведьма, которую невозможно удовлетворить, и что поэтому он состарится раньше времени.

– Это он и так знает.

– Значит, мне только остается покончить с собой. Буду писать, пока не засну, а ты отвлекись.

Попрощавшись, Эрика позвонила Микаэлю. Тот был в доме у Дага Свенссона и Миа Бергман в Эншеде. Они как раз подводили итоги обсуждения некоторых сложных деталей в книге Дага. Эрика спросила, занят ли он сегодня ночью или будет в настроении помассировать одну усталую спину.

– Ключи у тебя есть, – ответил Микаэль. – Чувствуй себя как дома.

– Отлично. Увидимся через часок.

Идти до Беллмансгатан было всего десять минут. Эрика разделась, приняла душ и сделала себе эспрессо в кофемашине. Потом забралась в постель Микаэля и стала нетерпеливо ждать.

Наибольшее удовлетворение она бы наверняка получила от секса втроем – с мужем и Микаэлем, но почти со стопроцентной гарантией этого никогда не произойдет. Все дело в том, что Микаэль был слишком правильный. Эрика даже поддразнивала его, обвиняя в гомофобии. Но мужчинами он совершенно не интересовался. Как жаль, что нельзя иметь все на свете сразу.

Верзила-блондин раздраженно хмурил брови, осторожно правя машиной на скорости около пятнадцати километров в час по такой отвратительной дороге, что он даже подумал, все ли правильно в описании маршрута. Только начало темнеть, как дорога вдруг стала шире, и он разглядел домик впереди. Остановился, выключил мотор и огляделся. До домишки оставалось еще метров пятьдесят.

Он находился недалеко от Сталлархольмена, поблизости от Мариефреда. Перед ним, прямо посреди леса, стоял простой домик, построенный в пятидесятых годах. Сквозь деревья поблескивала светлая полоса льда на озере Меларен.

Он не мог взять в толк, почему кому-то захотелось проводить свободное время в безлюдном лесном массиве. Ему даже стало как-то не по себе, когда он закрыл за собой дверцу машины. Лес ощущался враждебным и давящим. Казалось, что за ним наблюдают. Он пошел к усадьбе, но вдруг замер, услышав треск.

Он пристально всматривался в чащу. Вечер был тихий, безветренный. Проведя пару минут в нервном напряжении, он краем глаза приметил какое-то существо, осторожно кравшееся между деревьями. Сфокусировав взгляд, он различил это существо, неподвижно застывшее метрах в тридцати и уставившееся на него.

Верзила-блондин слегка запаниковал. Он постарался разобрать побольше деталей и увидел темное узловатое лицо. Казалось, что перед ним карлик ростом не больше метра, одетый в маскировочный костюм, чем-то похожий на наряд из веток и мха. Кто это мог быть: баварский лесовичок или его ирландский аналог лепрекон? Опасны ли они?

Верзила-блондин затаил дыхание; он почувствовал, как у него волосы встают на голове.

Тут он резко поморгал и потряс головой. Вновь открыв глаза, отметил,

что существо переместилось метров на десять правее. «Никого там нет, – сказал он себе. – Это померещилось». И все же между деревьями явно кто-то был. Внезапно существо зашевелилось и стало приближаться. Казалось, оно движется быстро и резко, описывая полукруг, чтобы занять позицию для нападения.

Верзила-блондин припустил на всех парах остаток пути до дома. Он постучал в дверь чуть сильнее и чуть настойчивее, чем требовалось. Едва расслышав звуки человеческих шагов в домике, почувствовал, как страх отступил. Он обернулся через плечо и заключил: ничего там не было.

Но дыхание он перевел, лишь когда дверь открылась. Адвокат Нильс Бьюрман вежливо поздоровался и предложил войти.

Оттащив в подвал, в комнату для крупногабаритного мусора, последний мешок с барахлом Лисбет Саландер, предназначенным на выброс, Мириам Ву поднялась в квартиру и с облегчением вздохнула. Комната была стерильно чистой, в ней чувствовался запах мыла, краски и свежезаваренного кофе. Последним занималась Лисбет. Она сидела на табуретке и задумчиво глядела на опустевшую квартиру. Из нее уже как-то таинственно исчезли занавески, коврики, купоны на скидку, валявшиеся на холодильнике, обычный хлам в прихожей. Она даже удивилась, какой большой оказалась квартира.

Вкусы Мириам Ву и Лисбет Саландер были разными, касалось ли это одежды, обстановки в квартире или интеллектуальных потребностей. Точнее, у Мириам Ву были определенный вкус и взгляды на то, как ее жилище должно выглядеть, какую мебель ей бы хотелось иметь, какие платья покупать. По мнению Мимми, у Лисбет вообще никакого вкуса не было.

Походив по ее квартире на Лундагатан и придирчиво все осмотрев, Мимми пришла к выводу, что почти все нужно выбросить – и, уж конечно, захудалый грязно-коричневого цвета диван в гостиной. Она спросила Лисбет, хочет ли та что-нибудь сохранить, и в ответ услышала «нет». Вслед за тем Мимми провела несколько выходных, а также несколько вечерних часов в течение двух недель, выбрасывая старую мебель, подобранную когда-то в мусорных контейнерах, вычищая внутри кухонных шкафов, отскребая и вымывая ванну, перекрашивая стены на кухне, в гостиной, спальне, прихожей и покрывая лаком паркет в гостиной.

Лисбет эта возня совершенно не интересовала, но иногда она, проходя мимо, заглядывала и с изумлением разглядывала Мимми. Когда все было готово, квартира стояла пустой, за исключением маленького потертого

кухонного столика из массивного дерева, который Мимми не поленилась ошкурить и покрыть лаком, двух прочных табуреток, которые Лисбет прихватила, когда с чердака выбрасывали хлам, и внушительного книжного стеллажа, стоявшего в гостиной, который Мимми собиралась как-то использовать в будущем.

– Я перееду сюда на выходных. Ты точно ни о чем не жалеешь?

– Эта квартира мне не нужна.

– Но это же потрясная квартира. Конечно, бывают побольше и получше, но она же шикарно расположена, в самом центре Сёдера, и плата ничтожная. Лисбет, ты упустишь целое состояние, если не продашь ее.

– Денег мне хватает.

Мимми замолчала, не зная, как понимать лаконичные комментарии подруги.

– А где ты будешь жить?

Лисбет не ответила.

– А к тебе можно как-нибудь заглянуть?

– Позже.

Открыв сумку, Лисбет вынула бумагу и передала ее Мимми.

– Я переписала контракт и уладила все с домоуправлением. Самое простое было вписать тебя как мою сожительницу, и еще я указала, что продала тебе полквартиры, цена – одна крона. Вот, подпиши.

Мимми взяла ручку, подписалась и проставила дату своего рождения.

– И это всё?

– Да.

– Лисбет, я вообще-то всегда считала тебя слегка с приветом, но ты хоть сейчас понимаешь, что подарила мне полквартиры? Я рада получить ее, но боюсь оказаться в ситуации, когда ты вдруг передумаешь и между нами начнется сутяжничество.

– Никаких свар между нами не будет. Я хочу, чтобы ты здесь жила. Мне это приятно.

– Но задаром, без компенсации… Ты же сумасшедшая.

– Ты будешь присматривать за моей почтой. Это было условием.

– Это будет отнимать у меня четыре секунды в неделю. Ты хоть думаешь иногда приходить сюда ради секса?

Лисбет пристально посмотрела на Мимми и помолчала, потом сказала:

– Буду, и с удовольствием, но это не входит в контракт. Можешь дать мне от ворот поворот, когда захочешь.

Мимми вздохнула:

– А я-то размечталась, что смогу почувствовать себя в роли

содержанки… Ну, знаешь, когда тебя держат в квартире, платят за нее, время от времени тайком наведываются и кувыркаются в постели.

Они помолчали. Затем Мимми решительно поднялась, пошла в гостиную и погасила лампочку, висевшую без плафона под потолком.

– Иди сюда, – приказала она.

Лисбет пошла.

– Мне еще никогда не приходилось заниматься сексом на полу в свежевыкрашенной квартире без мебели. Я видела однажды фильм с Марлоном Брандо про одну пару, которая именно этим занималась в Париже.

Лисбет покосилась на пол.

– Мне охота поиграть. А тебе?

– Почти всегда.

– Сегодня я собираюсь быть доминирующей хозяйкой. Я решаю все. Раздевайся.

Лисбет криво ухмыльнулась и разделась. Это отняло секунд десять.

– Теперь ложись на пол. На живот.

Лисбет сделала как было приказано. Паркет был прохладный, и кожа тут же покрылась пупырышками. Мимми связала руки Лисбет за спиной, используя ее же майку с текстом «You have the right to remain silent»[16].

Лисбет вспомнилось, что похожим образом ее связал почти два года назад Нильс Чертов Сморчок Бьюрман.

На этом сходство закончилось.

С Мимми Лисбет испытывала возбужденное ожидание. Она подчинилась, когда подруга перевернула ее на спину и раздвинула ее ноги.

Мимми стянула и свою майку, и Лисбет в полутьме восхищенно разглядывала ее нежную грудь. Затем майкой Мимми были завязаны глаза Лисбет, слышавшей лишь шорох ткани. А через несколько секунд Лисбет ощутила прикосновения языка к своему животу и пальцев к внутренней стороне бедер. Она давно не испытывала такого сильного возбуждения. Крепко зажмурившись под повязкой, она позволила Мимми диктовать темп.

Глава 8

Понедельник, 14 февраля – суббота, 19 февраля

Услышав легкий стук в дверь, Драган Арманский поднял голову и увидел Лисбет Саландер в дверях с двумя кружками кофе из автомата. Он не спеша положил ручку и отодвинул в сторону бумаги с рапортом.

– Привет, – сказала Лисбет.

– Привет, – откликнулся Арманский.

– Визит доброй воли, – продолжила она. – Можно войти?

Драган на секунду зажмурился, потом указал на кресло для посетителей. Покосившись на часы, Лисбет увидела, что сейчас половина седьмого вечера. Одну из кружек она протянула Арманскому и опустилась в кресло. Они посмотрели друг на друга.

– Уже больше года, – заметил он.

Лисбет кивнула.

– Сердишься?

– А мне есть за что?

– Я не попрощалась.

Драган пошевелил губами. Он был ошеломлен, но в то же время испытал облегчение, что Лисбет Саландер все же жива. Еще он почувствовал глухое раздражение и сильную усталость.

– Не знаю, что тебе сказать, – продолжил он. – Ты ведь не обязана докладывать мне, чем занимаешься. Что тебе нужно?

Голос его звучал холоднее, чем он того хотел.

– Я и сама не знаю. Просто хотела поздороваться.

– Тебе нужна работа? Я больше не хочу тебя нанимать.

Лисбет покачала головой.

– Ты где-нибудь работаешь?

Она опять покачала головой. Казалось, она подыскивает слова, чтобы сказать что-то. Драган ждал.

– Я путешествовала, – наконец сказала Лисбет. – Вернулась в Швецию недавно.

Арманский задумчиво кивнул и оглядел ее. Лисбет Саландер изменилась. В ней проглядывали какие-то… признаки злости, что ли, особенно если судить по ее одежде и манере поведения. И она явно запихнула что-то себе в лифчик.

– Ты изменилась. Где ты была?

– Везде понемногу, – уклончиво ответила Лисбет, но продолжила, заметив его раздраженный взгляд: – Я поехала в Италию, потом – в Израиль, оттуда – в Гонконг через Бангкок. Ненадолго съездила в Австралию и Новую Зеландию, а потом поколесила по островам Тихого океана. Месяц провела на Таити, потом оказалась в США и последние месяцы жила на Карибах.

Он кивнул.

– Сама не знаю, почему не попрощалась.

– Потому что тебе всегда было наплевать на других, – спокойно прокомментировал Арманский.

Лисбет закусила губу и задумалась. Может быть, он и прав, но укор все равно казался ей несправедливым.

– Просто всем, как правило, наплевать на меня.

– Глупости, – возразил Арманский. – У тебя неправильный подход к людям. Людей, которые пытаются быть твоими друзьями, ты считаешь просто дерьмом. Это яснее ясного.

Наступило молчание.

– Хочешь, чтобы я ушла?

– Делай как хочешь. Ты только так всегда и делала. Но если ты сейчас уйдешь, сюда больше не возвращайся.

Лисбет вдруг растерялась. Человек, которого она всегда уважала, собирался его выставить. Она не знала, что и сказать.

– Прошло уже два года, как Хольгер Пальмгрен перенес удар. А ты его за все это время ни разу не навестила, – беспощадно продолжал Арманский.

Лисбет изумленно уставилась на него.

– Он жив?

– Ты даже не знаешь, жив ли он или мертв.

– Врачи говорили, что он…

– Тогда врачи много чего говорили, – перебил ее Арманский. – Сначала он был очень плох и не мог общаться, но за последний год произошло существенное улучшение. Ему еще трудно говорить, и нужно внимательно прислушиваться, чтобы понять, что он сказал. Он часто нуждается в помощи, но может все-таки сам дойти до туалета. Люди, которым он небезразличен, навещают его.

Лисбет сидела оцепенев. Два года назад именно она обнаружила Пальмгрена, когда с ним случился удар, и вызвала «Скорую помощь». Врачи качали головой, и их прогноз не обнадеживал. Первую неделю Лисбет не выходила из больницы, потом один из врачей сказал, что

больной в коме и что он вряд ли очнется. С этого момента она перестала тревожиться и вычеркнула его из своей жизни. Просто встала и ушла из больницы, не оглядываясь. И даже не перепроверив информацию.

Лисбет нахмурила брови. Примерно тогда ей на голову свалились новые заботы из-за адвоката Нильса Бьюрмана и потребовали много внимания. И ведь никто, включая Арманского, не передал ей, что Пальмгрен жив, а тем более не сообщил, что ему лучше. То, что такое возможно, вообще не приходило ей в голову.

Лисбет почувствовала, что на глаза ее навернулись слезы. Никогда в жизни она не чувствовала себя такой эгоистичной скотиной. И никогда раньше ее не распекали таким чудовищным тоном. Она опустила голову.

Короткое молчание прервал Арманский:

– Как у тебя дела?

Лисбет пожала плечами.

– На что ты живешь? Работаешь?

– Нет, работы у меня нет, и я не знаю, кем хотела бы работать. Но деньги у меня есть, мне хватает.

Арманский изучающе поглядел на нее.

– Я просто шла мимо, решила поздороваться… но работу я не ищу. Не знаю… для тебя я, может быть, и согласилась бы поработать, если ты во мне будешь нуждаться, но только если это покажется мне интересным.

– Подозреваю, что ты не станешь мне рассказывать, что там случилось в Хедестаде в прошлом году…

Лисбет хранила молчание.

– Что-то произошло. Мартин Вангер погиб после того, как ты заявилась сюда и взяла приборы для наблюдения, а кто-то угрожал вас убить. К тому же его сестра воскресла из мертвых. Это, мягко говоря, стало сенсацией.

– Я обещала ничего не рассказывать.

Арманский кивнул.

– И я подозреваю, что ты также ничего не расскажешь мне о том, какую роль сыграла в деле Веннерстрёма.

– Я помогала Калле Блумквисту собирать материалы, – сказал Лисбет заметно суше. – Вот и всё. Я не хочу быть в этом замешана.

– Микаэль Блумквист искал тебя днем с огнем. Он являлся сюда по крайней мере раз в месяц и спрашивал, не слышно ли что-нибудь о тебе. Он тоже о тебе беспокоится.

Лисбет молчала, но Арманский заметил, как ее губы сжались в узкую полоску.

– Не уверен, что он мне симпатичен, – продолжал Арманский. – Но он-то о тебе беспокоится. Я встретил его как-то осенью. Он тоже отказался говорить о Хедестаде.

Обсуждать Микаэля Блумквиста Лисбет не хотелось.

– Я только зашла поздороваться и сказать, что я снова в городе. Не знаю, надолго ли я здесь останусь. Вот номер моего мобильника и новый электронный адрес на случай, если я понадоблюсь.

Она протянула Арманскому кусок бумаги и поднялась. Он взял этот листок. Лисбет была уже в дверях, когда он ее окликнул:

– Подожди-ка. Что собираешься делать?

– Поеду проведаю Хольгера Пальмгрена.

– Ладно. Но я имел в виду… где ты будешь работать?

Она задумчиво посмотрела на него.

– Не знаю.

– Тебе же надо как-то зарабатывать на жизнь.

– Я же сказала, что обойдусь.

Арманский откинулся на спинку кресла и задумался. Когда речь шла о Лисбет Саландер, он никогда не был уверен, как понимать ее слова.

– Я так разозлился из-за твоего исчезновения, что почти решил никогда тебя не нанимать. – Он поморщился. – На тебя нельзя полагаться. Но материал ты собираешь отлично. Пожалуй, у меня есть текущая работа, которая тебе подойдет.

Она покачала головой, но вернулась к его письменному столу.

– Я не хочу брать у тебя работу. В смысле, деньги мне не нужны. Я серьезно говорю, экономически я справляюсь.

Драган Арманский поднял брови в знак сомнения. Наконец он кивнул:

– Ладно, ты справляешься, что бы это ни значило. Я верю тебе на слово. Но если тебе нужна работа…

– Драган, ты второй человек, которого я навестила, вернувшись домой. Мне не нужны твои деньги. Но на протяжении нескольких лет ты был одним из немногих, кого я уважаю.

– Ладно, но на жизнь-то всем надо зарабатывать.

– Сожалею, но мне уже неинтересно заниматься расследованиями. Дай знать, если у тебя действительно будут проблемы.

– Какие еще проблемы?

– Такие, в которых тебе не удастся разобраться. Если все застопорится и будет неизвестно, что делать. Хочешь, чтобы я на тебя работала, – дай мне что-нибудь интересное для меня. Может быть, даже в плане оперативной работы.

– Оперативной? Для тебя? Да ты же бесследно исчезнешь, когда тебе вздумается.

– Глупости. Разве я хоть раз запорола работу, за которую взялась?

Драган Арманский беспомощно глядел на нее. Выражение «оперативная работа» на их жаргоне означало целый спектр обязанностей, начиная от функций телохранителя и кончая охраной выставок художественных произведений. Его оперативниками были надежные опытные ветераны, часто бывшие полицейские. Причем девяносто процентов из них приходилось на мужчин. Лисбет Саландер не удовлетворяла ни одному критерию подбора персонала для оперативного отдела в «Милтон секьюрити».

– М-да… – протянул он с сомнением.

– Не стоит мучиться зря. Я все равно соглашусь только на ту работу, которая будет мне интересна, так что, скорее всего, я откажусь. Дай мне знать, если появится действительно заковыристое дело. Я хорошо разгадываю загадки.

Она повернулась и исчезла в проеме двери. Драган Арманский покачал головой. «Она чокнутая, действительно чокнутая», – подумал он.

В следующую секунду Лисбет опять появилась в дверях.

– Да, еще… Тут у вас двое парней целый месяц занимались тем, что охраняли актрису Кристину Ратерфорд от идиотов, посылавших ей анонимные письма с угрозами. Ты решил, что это кто-то из ее узкого круга знакомых, потому что автору писем известно много подробностей ее личной жизни…

Драган Арманский удивленно уставился на Лисбет Саландер. Его словно током ударило. «Она опять взялась за свое», – подумал он. Она заговорила о деле, про которое ровным счетом ничего не могла знать. «Ей неоткуда было это узнать».

– Что?..

– Забудь об этом деле. Все это фальшивка. Она сама и ее приятель написали все эти письма, чтобы привлечь внимание. В ближайшие дни она должна получить очередное письмо, и тогда, на следующей неделе, они сольют информацию в средства массовой информации. Вычеркни ее из списка своих клиентов.

Драган Арманский и слова не успел сказать, как Лисбет исчезла. Он сидел, уставившись на открытую дверь. Об этом деле она точно не могла ничего знать. Может быть, в «Милтон секьюрити» кто-то проболтался и держал ее в курсе дела? Но в агентстве об актрисе знали всего четыре-пять человек: сам Арманский, начальник оперативного отдела и кое-кто из

сотрудников, расследовавших угрозы. И все они были проверенные, ответственные профессионалы…

Арманский почесал подбородок и взглянул на письменный стол. Папка с делом Ратерфорд лежала в ящике письменного стола, закрытом на ключ. В офисе работала сигнализация. Покосившись на часы, Арманский понял, что Харри Франссон, шеф технической службы, закончил рабочий день. Он включил компьютер, открыл почтовую программу и послал письмо Франссону с просьбой появиться у него завтра в офисе и установить скрытую камеру наблюдения.

Лисбет Саландер пошла прямо домой, в квартиру на Мосебакке. Она прибавила шагу, чувствуя, что надо спешить.

Она позвонила в больницу Сёдера и после нескольких перебросок с одного коммутатора на другой выяснила, где лежит Хольгер Пальмгрен. Четырнадцать месяцев назад его перевели в реабилитационный центр Ерштавикена, находящийся в Эльте. Лисбет сразу мысленно увидела Эппельвикен. Позвонив туда, она узнала, что сейчас пациент спит, но она может навестить его завтра.

Остаток вечера Лисбет провела, вышагивая взад-вперед по квартире. Настроение было ужасное. В постель она легла рано и почти сразу заснула. В семь утра проснулась, затем приняла душ и поела в супермаркете. В восемь она уже стояла у агентства по прокату машин на Рингвеген. «Мне нужна своя собственная машина», – подумала Лисбет, усаживаясь за руль той же самой «Ниссан Микра», что и в прошлый раз, когда ездила за вещами матери в Эппельвикен несколько недель назад.

Паркуясь у реабилитационного центра, она вдруг занервничала, но, взяв себя в руки, вошла в приемную и сказала, что хочет навестить Хольгера Пальмгрена.

Сидевшую в приемной женщину звали Маргит, о чем извещал бейджик на ее груди. Она заглянула в свои бумаги и сказала, что больной находится на лечебной физкультуре и освободится не раньше одиннадцати. Лисбет предложили посидеть в комнате ожидания или зайти попозже. Она вернулась на парковку, села в машину и в ожидании выкурила три сигареты. В одиннадцать она снова стояла в приемной. Ей сказали идти в столовую: по коридору направо, а затем налево.

Лисбет остановилась в дверях полупустой столовой и увидела Хольгера Пальмгрена. Он сидел лицом к ней, сосредоточив все свое внимание на тарелке. Вилку он неуклюже сжимал всей ладонью, сосредоточенно неся ее ко рту. Примерно каждая третья попытка

оказывалась неудачной, и еда падала на стол.

Поникший всем телом, он выглядел лет на сто. Лицо его было странно застывшим. Он сидел в кресле-каталке. Тут до Лисбет наконец дошло, что он действительно жив и что Арманский не обманул.

Хольгер Пальмгрен выругался про себя, в третий раз пытаясь подцепить пудинг из макаронов на вилку. Он свыкся с тем, что не может как следует ходить и что многое он не способен делать сам. Но ему была омерзительна эта неспособность как следует есть и то, что у него, как у младенца, иногда текут слюни.

Головой он прекрасно понимал, что нужно сделать: направить вилку под прямым углом, подцепить еду, поднять и направить в рот. Но что-то нарушилось в самой координации, словно рука жила сама по себе. Когда Пальмгрен давал ей распоряжение подняться, рука уклонялась куда-то в сторону. Когда он посылал вилку ко рту, рука в последний момент меняла направление и тыкала в щеку и подбородок.

И все же Хольгер знал, что реабилитация дала некоторые результаты. Еще шесть месяцев назад рука тряслась так сильно, что он ничего не мог донести до рта. Теперь, хотя процесс еды был долгим, Пальмгрен все же справлялся сам. Он решил не сдаваться и продолжить упражнения, пока не сможет управлять своими конечностями.

Только он опустил вилку, как вдруг кто-то, стоявший за спиной, мягко забрал ее. Хольгер увидел, как чужая рука подхватила на вилку порцию макаронной запеканки и подняла вверх. Он тут же узнал этот кукольный кулачок, повернул голову и встретился глазами с Лисбет Саландер, стоявшей в нескольких сантиметрах. Она выжидающе уставилась на него с робким выражением лица.

Пальмгрен долго оставался неподвижным, только разглядывал ее лицо. Сердце вдруг страшно забилось. Наконец он открыл рот и принял еду.

Лисбет кормила его кусочек за кусочком. Вообще говоря, Пальмгрен терпеть не мог, чтобы его кормили за столом, но он понял, что Саландер ощутила потребность в этом. Она делала это не потому, что он стал беспомощным овощем. Кормление было для нее жестом сочувствия, которое ей вообще не было свойственно. Она отделяла порции подходящего размера, давала ему и ждала, пока он полностью не прожует. Когда Хольгер показал на стакан молока с соломинкой, она поднесла его так, чтобы ему было удобно пить.

За все время они не обменялись ни словом. Когда Пальмгрен проглотил последнюю порцию, Лисбет положила на стол вилку и вопросительно посмотрела на него. Он отрицательно покачал головой,

показывая, что добавки не надо.

Хольгер откинулся на спинку кресла-каталки и глубоко вздохнул. Лисбет взяла салфетку и промокнула ему рот. Тут он почувствовал себя как глава мафии в каком-нибудь американском фильме, этаким capo di tutti capi[17], которому оказывают уважение. Мысленно он представил себе, как она целует ему руку, и улыбнулся этой абсурдной фантазии.

– Как думаете, здесь можно где-нибудь разжиться чашкой кофе? – спросила Лисбет.

Хольгер что-то пробормотал. Его язык и губы не создавали правильного звука.

– Серврстик зыгглм.

«Сервировочный столик за углом», – догадалась Лисбет.

– Вы будете? С молоком и без сахара? Как раньше? – спросила она.

Пальмгрен кивнул. Лисбет забрала поднос с посудой и вскоре вернулась с двумя чашками кофе. Он отметил, что она пьет черный кофе, который раньше не любила. Увидев, что Лисбет сохранила соломинку, через которую он пил молоко, Хольгер улыбнулся. Они посидели молча. Пальмгрен хотел бы рассказать ей уйму всего, однако не мог выговорить ни слова. Но глаза их все время встречались. У Лисбет было страшно виноватое выражение лица.

– Я думала, вы уже умерли, – сказала она. – Я не знала, что вы живы. Если бы знала, я бы никогда не… я бы уже давно навестила вас.

Хольгер кивнул.

– Простите меня.

Он снова кивнул и улыбнулся, но улыбка вышла кривая, губы перекосились.

– Вы были в коме, и врачи сказали, что вы, наверное, умрете. Они думали, что жить вам не больше суток, и я тогда ушла. Мне так жаль. Простите.

Он поднял руку и положил на ее крошечный кулачок. Лисбет крепко сжала его ладонь и вздохнула.

– Тычезла. – «Ты изчезла».

– Вы говорили с Драганом Арманским?

Пальмгрен кивнул.

– Я путешествовала, была вынуждена уехать. Ни с кем не попрощалась, просто уехала. Вы за меня беспокоились?

Он отрицательно покачал головой.

– Обо мне никогда не беспокойтесь.

– Я за тя нында спокся. Ты фсяга спрасся. Но Армен спокся. – «Я за

тебя никогда не беспокоился. Ты всегда и со всем справишься. Но Арманский беспокоился».

Лисбет впервые улыбнулась, и Хольгер Пальмгрен наконец почувствовал, как у него отлегло от сердца. Это была ее обычная кривоватая улыбка. Он разглядывал ее, сравнивая лицо, хранившееся в памяти, с девушкой, сидевшей перед ним. Она изменилась: была собранной, чистой и хорошо одетой. Из губы исчезло кольцо, и ее… хм… татуировка на шее с изображением осы тоже исчезла. Она выглядела взрослее. Впервые за много недель Пальмгрен рассмеялся, но звук его смеха был похож на кашель.

Лисбет улыбнулась, рот ее еще больше скривился, и она вдруг почувствовала, как тепло, давно не ощущавшееся ею, наполняет ее сердце.

– Ты хршо справас («Ты хорошо справилась»), – сказал он и показал пальцем на ее одежду. Она кивнула.

– Я всегда отлично справляюсь.

– Кк тво новы пеки? – «Как тебе новый опекун?»

Хольгер Пальмгрен заметил, как лицо Лисбет помрачнело. Губы ее вдруг чуть сжались, но она посмотрела на него невинным взглядом.

– Он ничего… я с ним справляюсь.

Брови Пальмгрена недоуменно поднялись. Лисбет огляделась по сторонам и сменила тему:

– Вы здесь давно?

Пальмгрен был отнюдь не глуп. Он перенес удар, говорил с трудом, ему плохо давалась координация движений, но способность мыслить не пострадала, и его «радары» тотчас уловили фальшь в тоне Лисбет. За годы их знакомства он пришел к выводу, что она ни разу напрямую не солгала ему, но и далеко не всегда была откровенна. Ее способ солгать ему состоял в том, чтобы отвлечь его внимание. Что-то явно было не так с ее новым опекуном, и Хольгера это не удивило.

Он ощутил вдруг глубокое раскаяние. Сколько раз он подумывал, что надо бы связаться с коллегой Нильсом Бьюрманом, узнать, как обстоят дела у Лисбет Саландер, и каждый раз откладывал это на потом. А почему он ничего не предпринял по поводу ее недееспособности, пока еще был опекуном? Пальмгрен знал почему: просто, как эгоист, хотел сохранить с нею полноценный контакт. Он полюбил эту чертову невозможную девчонку как родную дочь, которой у него никогда не было, и ему хотелось иметь основания сохранить их отношения. Теперь же ему, старому губошлепу из центра реабилитации, было слишком сложно и трудно что-либо сделать для нее, когда еле-еле удается даже расстегнуть штаны в туалете. Ему казалось,

что на самом деле это он предал Лисбет Саландер. «Но она выживет, несмотря ни на что… Она самая ловкая из всех, кого я встречал», – подумал он.

– Суд.

– Непонятно.

– Суд.

– Суд? Что вы имеете в виду?

– Ндо отмни ршн о тыоей недееспос…

Лицо Хольгера Пальмгрена покрылось красными пятнами и перекосилась, потому что он не мог издавать нужные звуки. Лисбет положила ладонь на его руку и легонько пожала.

– Хольгер… не беспокойтесь за меня. Я придумала план, как мне разобраться с моим состоянием недееспособности в ближайшее время. Сейчас это не ваша забота, но, вполне вероятно, мне понадобится ваша помощь. Хорошо? Вы сможете быть моим адвокатом, если потребуется?

Он покачал головой.

– Сшк стры. – Он постучал костяшками пальцев по поверхности стола. – Стры… маразмтык.

– Да уж точно, дубовая голова, если вы так считаете. Мне нужен адвокат, и я хочу, чтобы им были вы. Может, в суде вы и не сможете произносить пламенные речи в мою защиту, но дать мне совет, когда понадобится, сможете. Договорились?

Он снова отрицательно помотал головой, но потом кивнул.

– Рабш?

– Не поняла.

– Де ты рабш? Не Рманск? – «Где ты работаешь? Не у Арманского?»

Лисбет помолчала, прикидывая, как объяснить ему свою нынешнюю ситуацию. Не так-то это просто.

– Хольгер, я больше не работаю у Арманского. Мне больше не требуется работать у него, чтобы зарабатывать на жизнь. Деньги у меня есть, мне хватает, и у меня все в порядке.

Пальмгрен снова поднял брови.

– Впредь я часто буду вас навещать. Я вам все расскажу… но пока не будем спешить. Сейчас же предлагаю заняться кое-чем другим.

Лисбет нагнулась, поставила на стол сумку и вытащила шахматную доску.

– Мы с вами уже два года не баловались шахматами.

Хольгер уступил, не настаивал. Должно быть, девчонка задумала какую-то аферу и не хочет о ней рассказывать. Он, скорее всего, эту аферу

не одобрил бы, но он знал Лисбет достаточно хорошо, чтобы быть уверенным: что бы она ни затеяла, даже если и юридически нечистое, это не будет делом, идущим вразрез с божьими законами. Что отличало Лисбет Саландер в глазах Хольгера Пальмгрена от многих других, так это то, что она была действительно порядочным человеком. Загвоздка была в том, что ее личная мораль не всегда увязывалась с предписаниями закона.

Лисбет расставила перед ним шахматные фигуры, и Пальмгрен изумлением обнаружил, что это его собственная доска. «Должно быть, она прихватила ее из моей квартиры, когда я попал в больницу. На память, что ли?» – подумал он. Ему достались белые фигуры. Он вдруг почувствовал себя счастливым, как ребенок.

Лисбет Саландер просидела у Хольгера Пальмгрена два часа. Она обыграла его три раза, а во время четвертой партии явилась медсестра и прервала их баталию напоминанием, что пора на вечернюю лечебную физкультуру. Лисбет собрала фигуры и сложила доску.

– А как идут занятия лечебной физкультурой? – поинтересовалась она у медсестры.

– Упражнения, которые он делает, развивают мышечную силу и координацию. И у нас уже есть успехи, правда?

Последний вопрос предназначался Хольгеру Пальмгрену. Он кивнул.

– Вы уже можете пройти несколько метров, а к лету будете в состоянии самостоятельно гулять в парке. Это ваша дочь?

Лисбет и Хольгер Пальмгрен переглянулись.

– Прмн дчь. – «Приемная дочь».

– Как славно, что вы пришли его навестить. – Что означало: «Где же вы, черт побери, раньше были?» Лисбет сделала вид, что не почувствовала укора. Она нагнулась и поцеловала его в щеку.

– Я приду навестить вас в пятницу.

Хольгер Пальмгрен неуклюже поднялся с инвалидного кресла, и она проводила его, поддерживая, до лифта, где они расстались. Едва двери лифта закрылись, Лисбет пошла в приемную и спросила, нельзя ли поговорить с лечащим врачом. Ее послали к доктору А. Сиварнандану, кабинет которого находился в конце коридора. Она представилась и объяснила, что Хольгер Пальмгрен ее приемный отец.

– Мне хотелось бы знать ваше заключение о его состоянии и о прогнозе на будущее.

Доктор А. Сиварнандан раскрыл медицинский журнал Хольгера Пальмгрена и прочел первые страницы. У него было смугло-рябоватое лицо и тонкие усики, действовавшие Лисбет на нервы. Наконец он поднял

голову. Как ни странно, доктор говорил с явным финским акцентом.

– В бумагах отсутствуют сведения о дочери или приемной дочери. И вообще, его ближайшей родственницей значится двоюродная сестра восьмидесяти шести лет, проживающая в Емтланде.

– Я была под его опекой с тринадцати лет и до того дня, когда его разбил удар. Тогда мне было двадцать четыре.

Лисбет порылась во внутреннем кармане куртки, достала ручку и перебросила ее доктору А. Сиварнандану через письменный стол.

– Меня зовут Лисбет Саландер. Запишите мое имя в его журнал. Я и есть его ближайшая родственница, ближе нет никого в целом свете.

– Может быть, это и так, – непреклонно заметил А. Сиварнандан. – Но, как ближайшая родственница, что-то уж очень долго вы не давали о себе знать. Насколько мне известно, до сих пор его иногда навещал один человек, не состоящий с ним в родственных отношениях, но именно он указан в качестве лица, с которым надо связаться, если состояние больного ухудшится или он умрет.

– Это, наверное, Драган Арманский.

Доктор А. Сиварнандан удивленно поднял брови и медленно кивнул.

– Верно. Я вижу, вы его знаете.

– Вы можете позвонить ему и проверить, кто я такая.

– В этом нет надобности. Я вам верю. Мне сказали, что вы два часа играли в шахматы с господином Пальмгреном. Но я не имею права обсуждать состояние его здоровья с вами без его согласия.

– А своего согласия этот упрямый баран ни за что не даст, потому что стал жертвой навязчивой идеи, что меня нельзя обременять своими напастями и что он до сих пор несет ответственность за меня, а не я за него. Тут вот какое дело: вот уже два года я думала, что он умер. Вчера я узнала, что он жив… ну, в общем, это трудно объяснить, но мне нужно знать, каков прогноз и поправится ли он.

Доктор А. Сиварнандан взял ручку и аккуратно вписал имя Лисбет Саландер в медицинский журнал Хольгера Пальмгрена. Он попросил также ее идентификационный номер и телефон.

– Так. Ну, а теперь вы формально его приемная дочь. Возможно, это и не строго по правилам, но раз уж вы первый человек, посетивший его после Рождества, когда сюда заезжал господин Арманский… В общем, вы сами видели его сегодня и наблюдали, что у него проблемы с координацией движений и ему трудно говорить. Он же перенес удар.

– Я знаю. Это я нашла его после удара и вызвала неотложку.

– А… Тогда вы знаете, что он три месяца провел в отделении

интенсивной терапии и долго был без сознания. Часто пациенты вообще не выходят из комы, но иногда это случается. Очевидно, не судьба ему была умереть сейчас. Сначала его перевели в отделение для хронических больных деменцией – тех, кто не способен обойтись без посторонней помощи. Вопреки прогнозам он стал проявлять признаки улучшения, и тогда его перевели сюда, в реабилитационный центр, девять месяцев назад.

– А какие у него перспективы?

Доктор А. Сиварнандан развел руками.

– Есть у вас магический кристалл волшебнее моего? Сказать по правде, не знаю. Он может умереть от кровоизлияния в мозг хоть сегодня ночью. Или может сравнительно нормально прожить еще двадцать лет. Не знаю. Тут, как говорится, на все воля божья.

– А если он проживет еще двадцать лет?

– Реабилитация у него проходит тяжело. Лишь в самые последние месяцы наступили заметные улучшения. Шесть месяцев назад он еще не мог есть без посторонней помощи. А месяц назад едва вставал с инвалидного кресла, что частично обусловлено атрофией мышц от долгого лежания в постели. Теперь же он даже может самостоятельно ходить, пусть и немного.

– А будет у него улучшение?

– Да, причем заметное. Первый этап был очень трудным, а теперь мы, что ни день, отмечаем новые успехи. Он потерял два года жизни, но через несколько месяцев, к лету, я думаю, сможет гулять у нас в парке.

– А как с речью?

– Здесь сложность в том, что у него поражены как речевой, так и двигательный центр. Долгое время он был вял, как парниковый овощ. С тех пор мы постарались, чтобы он научился управлять своим телом и говорить. Иногда ему трудно вспомнить нужное слово, и нужно заново учить его словам. В то же время это отнюдь не то же самое, что учить ребенка говорить, – он понимает значения слов, но не может их выговорить. Дайте ему еще пару месяцев, и вы увидите, насколько лучше его речь станет по сравнению с сегодняшней. То же самое касается его способности ориентироваться. Девять месяцев назад он не различал право от лева и верх от низа.

Лисбет задумчиво кивнула и на пару минут задумалась. Теперь ей даже нравился доктор А. Сиварнандан со своей индийской внешностью и финским акцентом.

– А что значит «А» перед вашей фамилией? – неожиданно спросила она.

Он улыбнулся и ответил:
– Андерс.
– Андерс?
– Я родился в Шри-Ланке, но меня усыновили приемные родители из Турку, когда мне было всего несколько месяцев.
– Ну, хорошо, Андерс, а чем я могу помочь?
– Навещайте его. Стимулируйте интеллектуально.
– Я могу приходить каждый день.
– Приходить каждый день не нужно. Если он вас любит, то я хочу, чтобы он ждал ваших приходов, но не был ими пресыщен.
– Есть ли какое-нибудь специальное лечение, способное ему помочь? Я оплачу его стоимость.
Доктор улыбнулся словам Лисбет, но тут же снова посерьезнел.
– Боюсь, что мы и есть те, кто обеспечивает специальное лечение. Конечно, я был бы рад иметь больше средств, а также чтобы у нас не было сокращения штатов, но уверяю вас, он получает очень квалифицированную помощь.
– А если бы вам не грозило сокращение штатов, что вы могли бы ему предложить?
– Для такого пациента, как Хольгер Пальмгрен, идеальным выходом было бы прикрепление личного тренера на полный рабочий день. Но таких ресурсов в Швеции давно уже нет.
– Наймите ему тренера.
– Что-что?
– Наймите личного тренера для Хольгера Пальмгрена. Найдите самого лучшего. Сделайте это завтра же. И позаботьтесь, чтобы у него было все необходимое оборудование – в общем, все, что требуется. Я прослежу за тем, чтобы вам выделили необходимые средства уже к концу этой недели, на зарплату тренеру и на закупку оборудования.
– Да вы шутите.
Лисбет взглянула на доктора Андреса Сиварнандана жестким недвусмысленным взглядом.

Миа Бергман нажала на тормоз своего «Фиата» у тротуара возле станции метро «Гамла стан». Даг Свенссон открыл дверь и протиснулся на переднее место около водителя прямо на ходу. Он наклонился и поцеловал ее в щеку, а она тем временем выводила автомобиль из-за рейсового автобуса.
– Привет, – сказала Миа, не спуская глаз с транспорта по соседству. –

У тебя такой озабоченный вид. Случилось что-нибудь?

Даг Свенссон вздохнул и пристегнул ремень безопасности.

– Ничего серьезного. Просто есть несуразности с текстом.

– А какие?

– До сдачи книги остался месяц. Я уже провел девять из двадцати двух запланированных встреч. А с Бьёрком из Службы безопасности ничего не получается. Чертовски не везет: он сел на больничный, но к домашнему телефону не подходит.

– А он не в больнице?

– Не знаю. Ты когда-нибудь пыталась получить информацию в Службе безопасности? Они даже не хотят подтвердить, что он у них работает.

– А ты не пробовал связаться с его родителями?

– Оба умерли. И он не женат. Есть брат, но тот живет в Испании. Я просто не знаю, как его найти.

Миа Бергман покосилась на своего бойфренда, лавируя по Шлюзу по направлению к Нюнесвеген.

– В крайнем случае, придется вырезать кусок о Бьёрне. Блумквист требует, чтобы все те, кого мы обвиняем, получили возможность прокомментировать разоблачение, прежде чем мы сделаем их имена достоянием гласности.

– Жаль было бы остаться без сотрудника тайной полиции, который таскается по проституткам. Что думаешь делать?

– Поищу его как следует. А ты сама как себя чувствуешь? Нервничаешь? – Даг шутливо ткнул ее пальцем в бок.

– Нет, пожалуй. В следующем месяце у меня защита, а я спокойна, как лед.

– Ты же знаешь свою тему. Чего же тогда нервничать?

– Посмотри, что лежит на заднем сиденье.

Даг Свенссон обернулся и увидел пластиковый мешок.

– Миа! Она уже напечатана! – воскликнул он. – «Из России с любовью. Трафикинг, организованная преступность и меры, принимаемые обществом. Миа Бергман». Я-то думал, она будет готова не раньше следующей недели. Класс! Надо будет открыть бутылку вина, когда окажемся дома. Поздравляю, доктор наук!

Он наклонился и поцеловал ее в щеку.

– Спокойно. Доктором я стану через три недели, а ты держи руки при себе, пока я за рулем.

Даг захохотал, но вскоре посерьезнел.

– Кстати, вот тебе ложка дегтя в бочку меда… или что-то вроде…

Помнишь, как примерно с год назад ты брала интервью у девушки по имени Ирина П.?

– Да, Ирина П., двадцати двух лет, из Санкт-Петербурга. Впервые приехала сюда в девяносто девятом году, потом возвращалась несколько раз. А что?

– Сегодня я встретил Гульбрандсена – полицейского, который расследовал деятельность борделя в Сёдертелье, на юге Стокгольма. Ты читала на прошлой неделе, что в Сёдертельском канале выловили утопленницу? Об этом писали в вечерних газетах. Оказалось, что это Ирина П.

– Какой ужас!

Они помолчали. Машина проезжала Сканстуль.

– Я пишу о ней в диссертации, – сказала наконец Миа. – Она упоминается под псевдонимом Тамара.

Даг Свенссон раскрыл диссертацию на разделе «Интервью» и отыскал Тамару. Он углубился в чтение, а Миа тем временем проехала через площадь Гульмарсплан и мимо «Глобен-арены».

– Ее привез сюда некто по имени Антон.

– Это тоже псевдоним. Я не могу приводить настоящие имена. Меня предупредили, что это может повлечь критические замечания на защите, потому что девушки рискуют жизнью. Я также не могу приводить имена их клиентов, так как тогда они могут вычислить, с кем из девушек я говорила. Вот почему во всех приводимых случаях я использую лишь псевдонимы или неназываемые персонажи и не даю никаких специфических деталей.

– А кто этот Антон?

– Есть предположение, что его имя Зала. Его личность установить не удалось, но мне кажется, он поляк или югослав, и, скорее всего, его зовут как-то иначе. Я разговаривала с Ириной П. четыре или пять раз, и лишь в самый последний раз она назвала его по имени. Она собиралась изменить свою жизнь, покончить с нынешней, и жутко боялась его.

– М-да… – буркнул Даг.

– Что ты хочешь сказать?

– Тут вот что… Мне довелось слышать это имя с неделю назад.

– А в связи с чем?

– У меня был острый разговор с неким Сандстрёмом. Он один из интересующих нас сексуальных клиентов, по профессии журналист. Мерзавец, каких мало.

– А в чем дело?

– В сущности, он даже не журналист. Так, делает рекламные буклеты

для предприятий. И он одержим дикими фантазиями на тему насилия, которые воплощал с помощью той девушки…

– Я знаю. Я же разговаривала с ней.

– А ты отметила, что он компоновал информационный буклет для Института здравоохранения о болезнях, передаваемых половым путем?

– Вот этого я не знала.

– Я с ним говорил на прошлой неделе. Он был совершенно сломлен, когда я выложил перед ним всю собранную документацию и спросил, почему он связывается с несовершеннолетними проститутками из стран Восточного блока, чтобы воплощать свои жестокие фантазии.

– Ну и…

– Он оказался в положении не только потребителя секс-услуг, но и человека, сотрудничавшего с сексуальной мафией. Он назвал мне несколько известных ему имен, в том числе и Зала. Ничего особенного он про него не рассказывал, но я запомнил необычное имя.

Миа покосилась на Дага.

– И ты знаешь, кто он? – спросил тот.

– Нет. Мне так и не удалось выяснить это. Он так и остался именем, всплывавшим там и сям. Похоже, девушки ужасно его боятся, и никто не стал ничего рассказывать.

Глава 9

Воскресенье, 6 марта – пятница, 11 марта

Доктор А. Сиварнандан замедлил шаг, подходя к столовой и видя, что Хольгер Пальмгрен и Лисбет Саландер сидят за шахматной доской. Девушка приезжала раз в неделю, обычно по воскресеньям. Она появлялась около трех часов и пару часов проводила с ним за шахматами. Уезжала она около восьми вечера, когда больному уже было пора ложиться спать. Доктор А. Сиварнандан обратил внимание на то, что она не нянчится с ним, как с тяжелобольным и даже просто как с больным. Более того, они, казалось, все время препираются по пустякам, а она еще и позволяет ему оказывать ей знаки внимания – например, приносить кофе.

Доктор А. Сиварнандан нахмурился. Он не мог уяснить себе, что это за странная девушка, выдающая себя за приемную дочь Хольгера Пальмгрена. Внешне она выглядела несколько эксцентрично, ко всему вокруг относилась с нескрываемой подозрительностью, а шуток вообще не понимала. Обычный вежливый разговор с нею тоже как-то не получался. Однажды доктор спросил ее, кем она работает, но девушка ушла от ответа.

Через несколько дней после своего первого посещения она приехала с пачкой бумаг, касающихся создания особого фонда, деятельность которого имела целью помочь больнице в реабилитации Хольгера Пальмгрена. Председателем правления фонда значился адвокат из Гибралтара. Правление включало еще одного члена, тоже адвоката с конторой в Гибралтаре, и ревизора по имени Хуго Свенссон из Стокгольма. Правление выделяло два с половиной миллиона крон, которые доктор А. Сиварнандан мог расходовать по своему усмотрению, но с исключительной целью обеспечить Хольгеру Пальмгрену наилучший уход. Чтобы использовать средства, доктор А. Сиварнандан должен обращаться к ревизору, в обязанности которого входила выплата денег.

Контракт был необычный, если не сказать невиданный.

Несколько дней Сиварнандан размышлял, нет ли чего неэтичного в таком способе действий. Не найдя никаких претензий, он принял решение взять на ставку Иоханну Каролину Оскарссон, тридцати девяти лет, в качестве личного ассистента и тренера Хольгера Пальмгрена. Она была дипломированным специалистом по лечебной гимнастике с дополнительной квалификацией в области психологии и большим опытом работы в реабилитационных центрах. Формально она была нанята

правлением фонда и, к немалому удивлению Сиварнандана, получила авансом месячную зарплату, едва подписав контракт. До этого момента его посещало смутное подозрение, не блеф ли все это.

Результаты не заставили себя ждать. Прошел месяц, и координация движений Хольгера Пальмгрена, да и его общее состояние заметно улучшились, о чем свидетельствовали и данные обследований, проводимых каждую неделю. «Трудно сказать, – думал Сиварнандан, – в какой степени это улучшение связано с тренировками и насколько это заслуга лично Лисбет Саландер». Сомнений не было: Хольгер Пальмгрен старался изо всех сил и ждал ее посещений с энтузиазмом ребенка. Похоже, его радовали даже регулярные проигрыши в шахматы.

Однажды доктор Сиварнандан подсел к ним и стал наблюдать за ходом игры. Партия оказалась необычайно интересной. Хольгер Пальмгрен играл белыми – была разыграна сицилианская защита – и действовал очень разумно.

Над каждым ходом он надолго задумывался. Несмотря на нарушения, вызванные перенесенным ударом, его интеллектуальные способности нисколько не пострадали.

При этом Лисбет Саландер сидела рядом и читала книгу на столь странную тему, как частотная калибровка радиотелескопов в условиях невесомости. Чтобы быть вровень со столом, она подложила на стул подушку. Когда Пальмгрен сделал свой очередной ход, она, оторвав глаза от книги, передвинула фигуру, казалось без всякого обдумывания, и снова уткнулась в книгу. На двадцать седьмом ходу Пальмгрен объявил, что сдается. Саландер подняла взгляд на доску, наморщила лоб и на пару секунд задумалась.

– Нет, – твердо сказала она, – у вас есть шанс на ничью.

Пальмгрен вздохнул и на пять минут застыл, вперившись в доску. Наконец он пристально взглянул на Лисбет Саландер и потребовал:

– Ну-ка, докажи это.

Она развернула доску и стала играть его фигурами. На тридцать девятом ходу возникло ничейное положение.

– Боже мой! – воскликнул Сиварнандан.

– Она такая, – согласился Пальмгрен и прибавил: – На деньги с ней лучше не играть.

Сам Сиварнандан играл в шахматы с детства и подростком участвовал в чемпионате школьников Турку, когда там жил, причем занял второе место. Себя он считал знающим шахматистом-любителем, а Лисбет Саландер казалась ему неотесанной самоучкой: вряд ли она когда-либо

играла за какой-нибудь клуб. Упомянув как-то, что развитие очередной партии напоминает вариант Ласкера, он понял по ее лицу, что для нее это совершенно не дошло. Возможно, она вообще не слыхала про Эммануила Ласкера. Его искушало желание понять, врожденный ли у нее талант, и если так, каковы ее другие способности. Интересный объект для психолога.

Но доктор ни о чем не спросил. Он просто видел, что Хольгеру Пальмгрену стало намного лучше, с тех пор как его привезли в Ерштy.

Адвокат Нильс Бьюрман вернулся домой поздно вечером, проведя целых четыре недели на даче возле Сталлархольмена. Настроение было хуже некуда: до сих пор не произошло ничего, предвещавшего изменение его мерзкой ситуации, если не считать того, что верзила-блондин привез ему сообщение: его предложение вызвало интерес, и исполнение обойдется ему в сто тысяч крон.

На полу под почтовой щелью в двери скопилась целая куча корреспонденции. Подняв ее, адвокат положил все на кухонный стол. У него развилась полная индифферентность к тому, что касалось его работы, да и ко всему на свете, так что лишь поздно вечером взгляд его упал на горку бумаг.

Бьюрман начал рассеянно перебирать их. Одно из писем пришло из «Хандельсбанка». Вскрыв конверт, он испытал нечто вроде шока при виде копии документа, извещавшего, что Лисбет Саландер сняла со своего счета девять тысяч триста двенадцать крон.

Значит, она вернулась.

Зайдя в кабинет, он положил этот документ на письменный стол и несколько минут не спускал с него ненавидящего взгляда, собираясь с мыслями. Нужный телефонный номер пришлось долго искать. Наконец он поднял трубку и позвонил на мобильный номер. Ответил верзила-блондин, как всегда, с легким акцентом:

– Да?

– Это Нильс Бьюрман.

– Что вам надо?

– Она снова в Швеции.

На другом конце повисло молчание.

– Хорошо, но больше по этому номеру не звоните.

– Но…

– Вам скоро сообщат.

К неудовольствию Бьюрмана, разговор на этом прервался. Беззвучно выругавшись, он подошел к домашнему бару, налил сто граммов бурбона

«Кентукки» и в два глотка опорожнил стакан. «Надо бы поменьше пить», – подумал он и налил еще двести граммов. Взяв стакан, вернулся к письменному столу и снова уставился на сообщение из банка.

Мириам Ву массировала спину и шею Лисбет Саландер. Вот уже двадцать минут она интенсивно мяла ей мышцы, а Лисбет тем временем наслаждалась, время от времени блаженно постанывая. Массаж Мимми был потрясающе приятным, и Лисбет чувствовала себя как котенок, которому не остается ничего другого, кроме как мурлыкать и махать лапками.

Она недовольно вздохнула, когда Мимми шлепнула ее по заду и сказала, что сеанс закончен. Еще несколько секунд Лисбет полежала в бесплодной надежде на продолжение, но, услышав, как Мимми потянулась за бокалом вина, перевернулась и легла на спину.

– Спасибо, – сказала она.

– Наверняка сидишь целыми днями перед компьютером. Вот у тебя спина и болит.

– Я мышцу немного потянула.

Они лежали голые на кровати Мимми в квартире на Лундагатан, пили красное вино и были слегка навеселе. Возобновив знакомство с Мимми, Лисбет словно не могла насытиться ею. У нее вошло в привычку – возможно, дурную – звонить Мимми почти каждый день – наверняка слишком часто. Глядя на подругу, Лисбет напомнила себе, что ей не стоит ни к кому слишком сильно привязываться. Ведь это может кончиться тем, что ты ранишь кого-то.

Мариам Ву вдруг свесилась с кровати и открыла ящик у прикроватного столика. Вытащив маленький плоский пакет, завернутый в подарочную бумагу с розеткой из золотистой ленточки, она кинула его Лисбет.

– Это что?

– Подарок ко дню рождения.

– Но ведь он у меня только через месяц.

– А это за прошлый год. Тогда тебя было не найти. Я обнаружила его, когда паковала вещи для переезда.

Лисбет выжидательно помолчала.

– Можно открыть?

– Ясное дело, если хочешь.

Поставив бокал с вином на столик, Лисбет потрясла сверток и осторожно его развернула. В ее руках оказался красивый портсигар с

крышкой из черно-синей эмали, украшенной к тому же китайскими иероглифами.

– Тебе бы лучше бросить курить, – воскликнула Мириам Ву, – но если уж будешь продолжать, так хоть держи сигареты в красивой упаковке.

– Спасибо, – отозвалась Лисбет. – Ты единственный человек, от кого я получаю подарки ко дню рождения. А что значат иероглифы?

– Откуда мне знать? Китайским я не владею. Это же просто безделушка, на которую я наткнулась на блошином рынке.

– Красивый портсигар.

– Да что там – дешевка. Но мне показалось, что он просто создан для тебя… Вино кончилось. Может, сходить купить пива?

– Значит, надо вылезать из постели и одеваться?

– Боюсь, что так. Но что за удовольствие жить в районе Сёдер, если время от времени не ходишь по кабакам?

Лисбет вздохнула.

– Пошли, – предложила Мириам Ву, тыкая пальцем в кольцо на пупке Лисбет. – После кабака можем вернуться сюда.

Лисбет снова вздохнула, спустила ногу на пол и потянулась за трусиками.

Сидя за столом во временно отгороженном углу «Миллениума», Даг Свенссон услышал звук открываемой двери. Часы показывали уже девять вечера. Микаэль Блумквист удивился не меньше, застав кого-то в редакции.

– Вот, сижу тут, сгораю на работе. Привет, Микке. Листал книгу, да так и позабыл о времени. А ты зачем зашел?

– Забыл одну книгу и заскочил за ней. Ну, как дела?

– Ничего, но… Вот уже три недели пытаюсь напасть на след этого мерзавца Бьёрка из Службы безопасности. Пропал, как сквозь землю провалился или как будто его похитила иностранная разведка.

Даг в подробностях рассказал о своих бедах. Микаэль придвинул к себе стул, уселся и на секунду задумался.

– А ты пробовал фокус с лотереей?

– А что это за фокус?

– Придумай себе какую-нибудь фамилию и сообщи ему письмом, что он выиграл мобильник с GPS-навигатором или что-то в этом роде. Напечатай письмо так, чтобы оно выглядело прилично и убедительно, и пошли на его почтовый адрес. Сообщи, что он выиграл приз и вошел в число двух десятков счастливчиков, которые теперь разыграют призовую сумму сто тысяч крон. От него лишь требуется принять участие в

исследовании рыночного потенциала нескольких продуктов. Анкетирование займет всего лишь около часа и будет проводиться профессиональным социологом. Ну, а потом…

Даг уставился на Микаэля, раскрыв рот.

– Ты что, серьезно?

– Почему бы и нет? Ты же все перепробовал. Но ведь даже непутевый сотрудник Службы безопасности может решить, что шансы выиграть сто тысяч крон из расчета один к двадцати не такие уж и маленькие.

Даг захохотал:

– Ты спятил. А это законно?

– А что незаконного в том, что ты подаришь кому-то мобильник?

– Нет, ты просто чокнутый.

Свенссон все хохотал и хохотал. Микаэль на секунду задумался. Вообще-то он собирался домой. В пивных он бывал редко, но компания Дага Свенссона его привлекала.

– Не хочешь пойти выпить пива? – неожиданно для себя спросил он.

Даг посмотрел на часы.

– С удовольствием, – согласился он, – по одной. Мне только нужно позвонить Миа. Она встречается с приятельницами и собиралась прихватить меня по дороге домой.

Они пошли в пивную «Мельница» неподалеку от редакции. Даг Свенссон посмеивался, мысленно сочиняя письмо Бьёрку из Службы безопасности. Микаэль слегка иронично поглядывал на своего сотрудника, которого оказалось столь легко развеселить. Им повезло: прямо у входа освободился столик; они заказали по большой кружке крепкого пива и, склонив головы друг к другу, начали обсуждать тему, занимавшую все последнее время Дага Свенссона.

Микаэль не подозревал, что там же, у стойки бара, стоят Лисбет Саландер и Мириам Ву. Лисбет, заметив их, отступила назад, так, чтобы Мимми оказалась между нею и Микаэлем Блумквистом. Через плечо подруги она могла наблюдать за ним.

В пивную она зашла впервые после возвращения в Стокгольм, и вот тебе на – наткнулась на него, «чертова Калле Блумквиста». Она не видела его уже больше года.

– Что там у тебя? – спросила Мимми.

– Ничего, – отмахнулась Лисбет.

Они продолжали болтать, точнее, Мимми рассказывала историю своей встречи с одной лесбиянкой во время поездки в Лондон несколько лет

назад. Речь шла о посещении выставочного зала и о том, в каком дурацком положении оказалась она, начав клеиться к той девушке. Лисбет время от времени кивала, хотя, как обычно, пропускала самое главное мимо ушей.

Она подумала, что Микаэль Блумквист, в сущности, не изменился и выглядел просто недопустимо великолепно: беззаботный, непринужденный и в то же время серьезный. Он слушал своего собеседника и время от времени кивал. Похоже, они говорили о чем-то важном.

Лисбет перевела взгляд на спутника Микаэля, светловолосого, коротко стриженного мужчину, по виду младше Микаэля на несколько лет. Тот говорил с сосредоточенным выражением лица, словно объясняя что-то. Лисбет его раньше не видела и не имела понятия, кто это.

К столику Микаэля вдруг подошла целая компания, и все начали пожимать ему руку. Его потрепала по щеке женщина, чьей шутке все вдруг рассмеялись. Похоже, что Микаэля это смутило, но он тоже засмеялся.

Лисбет Саландер нахмурилась.

– Да ты меня вообще не слушаешь, – обиделась Мимми.

– Да что ты, слушаю.

– Что за удовольствие ходить с тобой в кабак? Хватит с меня. Может, вернемся домой и перепихнемся?

– Чуть позже, – ответила Лисбет.

Она придвинулась поближе к Мимми и положила руку ей на бедро. Та нежно взглянула на подругу:

– Мне хочется поцеловать тебя.

– Не сто́ит.

– Боишься, что тебя примут за лесбиянку?

– Просто сейчас не хочу привлекать внимание.

– Пошли домой.

– Не сейчас. Погоди немного.

Ждать долго не пришлось. Уже через двадцать минут после их прихода спутнику Микаэля позвонили на мобильник. Допив пиво, мужчины одновременно поднялись.

– Смотри-ка, – воскликнула Мимми, – это же Микаэль Блумквист. После дела Веннерстрёма он стал знаменитостью покруче рок-звезды.

– Разве? – удивилась Лисбет.

– Ты что, не знала? Это было примерно в то время, когда ты уехела за границу.

– Что-то я об этом слышала.

Лисбет подождала еще минут пять, а потом взглянула на Мимми:

– Ты же хотела меня поцеловать.

Та удивленно уставилась на нее.

– Я тебя просто дразнила.

Лисбет встала на цыпочки, приблизила к себе лицо Мимми и поцеловала ее долгим поцелуем взасос. Оторвавшись друг от друга, они услышали аплодисменты.

– Ну, ты и чокнутая, – сказала Мимми.

В свою квартиру Лисбет Саландер вернулась только около семи часов утра. Принюхавшись к вороту майки, она подумала, что не мешало бы принять душ, но решила наплевать на это, разделась, бросая одежду в кучу на пол, и легла спать. Проснулась она днем в четыре часа, встала, спустилась вниз и позавтракала в торговом комплексе «Сёдерхалларна».

В голове крутились Микаэль Блумквист и ее собственная реакция на неожиданную встречу с ним в пивной. Ее взбудоражило его присутствие, но она поняла, что видеть его перестало быть для нее мучительным. Он превратился в крошечную точку на горизонте, в незначительный раздражитель ее существования.

В ее жизни были раздражители и похуже.

Лисбет вдруг захотелось набраться смелости, подойти и поздороваться с ним.

Или, может быть, переломать ему ноги. Она и сама не знала, чего хотела бы больше.

В любом случае ей вдруг стало любопытно, чем он сейчас занимается.

Покончив с несколькими делами, она вернулась домой около семи вечера, включила компьютер и запустила программу «Асфиксия 1.3». Иконка «Мик. Блум./лэптоп» все еще хранилась на сервере в Голландии. Дважды щелкнув мышкой, девушка открыла копию жесткого диска Микаэля Блумквиста. С тех пор как она уехала из Швеции больше года назад, Лисбет впервые зашла в компьютер Микаэля. Она с облегчением отметила, что он не обновлял оперативную систему своего компьютера. Случись это, «Асфиксия» была бы удалена, а ее отслеживание прекратилось бы. Она подумала, что ей стоит переписать программное обеспечение так, чтобы обновление компьютера Блумквиста не нанесло ей ущерба.

Объем информации на жестком диске увеличился примерно на 6,9 гигабайта со времени ее последнего захода. Большая часть прироста произошла за счет pdf-файлов и документа с названием «Кварк». Сам документ много места не занимал; намного больше были папки с

картинками, хотя хранились они в сжатом виде. Вновь заняв должность ответственного редактора, Блумквист, очевидно, хранил каждый номер «Миллениума» у себя в архиве.

Лисбет выстроила содержимое жесткого диска в хронологическом порядке, начиная с самых старых файлов, и обратила внимание на то, что последние месяцы Микаэль много обращался к папке «Даг Свенссон», очевидно содержащей рукопись книги. Затем она открыла почту Микаэля и внимательно просмотрела список его корреспондентов.

Один адрес заставил ее вздрогнуть: двадцать шестого января Микаэль получил электронное письмо от треклятой Харриет Вангер. Лисбет открыла сообщение и прочла несколько коротких строк о предстоящем годовом собрании в издательстве «Миллениум». Письмо заканчивалось информацией, что Харриет зарезервировала номер в той же гостинице, что и прошлый раз.

Лисбет потребовалось несколько секунд, чтобы проверить эту информацию. Затем, пожав плечами, она скачала почту Микаэля Блумквиста и рукопись книги Дага Свенссона с рабочим названием «Пиявки» для первой редакции и «Столпы общества во главе индустрии проституции» для второй. Еще она нашла копию диссертации «Из России с любовью», автора которой звали Миа Бергман.

Отсоединив компьютер от розетки, Лисбет пошла на кухню и включила кофеварку, затем устроилась с ноутбуком на новом диване в гостиной. Из портсигара, подаренного Мимми, достала сигарету «Мальборо лайт» и весь вечер просидела, читая.

Диссертация Миа Бергман была прочитана к девяти часам. Лисбет задумчиво кусала нижнюю губу.

В половине одиннадцатого она покончила с книгой Дага Свенссона и поняла, что скоро «Миллениум» произведет фурор.

Было уже половина двенадцатого, когда Лисбет, заканчивая просматривать электронную почту Микаэля Блумквиста, вдруг встрепенулась и раскрыла глаза. Оно почувствовала, как по спине побежали мурашки, когда открыла письмо Дага Свенссона Микаэлю Блумквисту.

В письме Свенссон мельком упоминал, что он размышлял об одном восточноевропейском гангстере по имени Зала, который заслуживает отдельной главы, но опасался, что у него слишком мало времени, чтобы завершить эту работу. На письмо Свенссона ответа Блумквиста не последовало.

Зала!

Лисбет сосредоточенно застыла в размышлениях, пока не погас экран.

Даг Свенссон отложил записную книжку и почесал затылок. Он сумрачно глянул на единственное слово, стоявшее вверху раскрытой страницы. В слове было четыре буквы.

Зала.

В течение трех минут он рассеянно чертил круги вокруг этих букв, пока они не образовали лабиринт. Затем встал и принес себе чашку кофе из буфетного угла. Покосившись на наручные часы, отметил, что пора бы идти домой спать, но признался себе, что ему все больше нравится засиживаться в «Миллениуме», работать допоздна, когда кругом тишина и покой. Время сдачи рукописи неумолимо приближалось. Он прекрасно владел материалом книги, но сейчас, впервые с начала всего проекта, чуть засомневался. Не погрешил ли он тем, что упустил одну важную деталь?

Зала.

До сих пор Свенссон горел нетерпением закончить рукопись и поскорее опубликовать книгу. Теперь же ему хотелось, чтобы оставалось побольше времени.

Даг снова вспомнил протокол вскрытия, который ему разрешил прочитать инспектор полиции Гульбрандсен. Тело Ирины П. нашли в канале в Сёдертелье со следами страшных побоев, увечий на лице и груди.

Причиной смерти стал перелом шейных позвонков, по крайней мере еще два повреждения оценивались как смертельно опасные. У девушки были сломаны шесть ребер и проколото левое легкое. Разрыв селезенки тоже был следствием жестоких побоев. Паталогоанатом высказал гипотезу, что использовалась деревянная дубинка, обернутая в ткань. Зачем убийце потребовалось завернуть орудие убийства в кусок материи, осталось неясно, но повреждений, характерных для обычных ударов кулаком, не обнаружили.

До сих пор убийство оставалось нераскрытым, и Гульбрандсен считал, что больших надежд на его раскрытие возлагать не приходится.

Имя Зала всплывало на поверхность из материалов, собранных Миа Бергман, четыре раза за последние годы, но всякий раз оно оказывалось на заднем плане, мелькая, словно привидение. Никто не знал, кто этот человек, да и существует ли он вообще. Некоторые девушки описывали его как какую-то неодушевленную угрозу, которая настигнет их в случае непослушания. Даг целую неделю пытался собрать сведения о Зале, выспрашивая о нем полицейских, журналистов и даже обращаясь к ряду информаторов из среды секс-мафии, с которыми ему довелось иметь дело.

Он вновь встретился с журналистом Пером-Оке Сандстрёмом, которого собирался безжалостно разоблачить в книге. К тому времени тот уже начал осознавать всю серьезность ситуации, в которой оказался. Он буквально умолял Свенссона о милосердии и даже предлагал деньги. Но Даг не имел ни малейшего желания отказаться от намерения вывести журналиста на чистую воду. Однако он использовал свою власть над Сандстрёмом, чтобы надавить и вытащить из него информацию о Зале.

Результат оказался разочаровывающим. Продажная тварь, будучи у секс-мафии на побегушках, никогда не встречался с Залой и лишь говорил с ним по телефону. Однако он знал, что Зала существует. Скорее всего, так. Нет, номера телефона у него нет. Нет, он не может сказать, кто установил с ним контакт.

Даг Свенссон почувствовал, что Пером-Оке Сандстрём испуган. Но это не был лишь страх предстоящего разоблачения. Это был страх за свою жизнь.

Почему?

Глава 10

Понедельник, 1 марта – воскресенье, 20 марта

Поездки к Хольгеру Пальмгрену в реабилитационный центр у залива Ерштавикен на общественном транспорте отнимали страшно много времени, а брать машину напрокат каждый раз тоже было канительно. Вот почему в середине марта Лисбет Саландер решила купить машину. Но сначала она занялась поиском места для парковки, что представляло собой существенно бо́льшую проблему, чем сам автомобиль.

У нее было место в гараже под домом у Мосебакке, где она жила, но ей не хотелось, чтобы по машине можно было выследить ее квартиру на Фискаргатан. Несколько лет назад она записалась в очередь на место в гараже по своему старому месту жительства на Лундагатан. Решив выяснить, какой у нее теперь номер в очереди, Лисбет позвонила и, к своей радости, узнала, что стоит первой на получение. Мало того, начиная со следующего месяца освобождается место. Везет же ей! Она позвонила Мимми и попросила немедленно подписать контракт на это место, а сама уже на следующий день занялась покупкой автомобиля.

Имея кучу денег, она могла бы купить роскошный «Роллс-Ройс» цвета мандарина или «Феррари», но привлекать к себе внимание отнюдь не было в ее интересах. Лисбет побывала в двух магазинах, торгующих автомобилями в Накке, и остановилась на четырехлетней «Хонде» винного цвета с автоматической коробкой передач. Она потребовала, чтобы продавец проверил вместе с ней каждую деталь мотора, что отняло примерно час, и довела беднягу почти до судорог. Сбив цену на несколько тысяч из принципиальных соображений, она расплатилась наличными.

Доехав на только что купленной машине до Лундагатан, Лисбет наведалась к Мимми и оставила у той запасной ключ зажигания. Она разрешила подруге пользоваться автомобилем – разумеется, заранее предупредив. Место в гараже еще не освободилось, так что до конца месяца машину припарковали на улице.

Мимми собиралась идти в кино с приятельницей, о которой Лисбет никогда раньше не слышала. Судя по яркому макияжу и вызывающей одежде, включавшей что-то напоминавшее собачий ошейник вокруг горла, Лисбет предположила, что речь идет о какой-то пассии Мимми. На вопрос, не хочет ли она присоединиться, Лисбет ответила отрицательно – у нее не было ни малейшего желания оказаться в «треугольнике» вместе с какой-

нибудь длинноногой подружкой Мимми, наверняка умопомрачительно сексуальной, по сравнению с которой она чувствовала бы себя последней идиоткой. К тому же у Лисбет было дело в центре города, и они доехали вместе на метро до «Хёторва», где и расстались.

Лисбет прошла по Свеавеин до магазина «Он-офф» и успела проскользнуть в дверь за пару минут до закрытия. Она купила тонер для своего лазерного принтера и попросила вытащить покупку из картонной упаковки, чтобы поместить в рюкзачке.

Выйдя из магазина, Лисбет почувствовала жажду и голод. Дошла до Стюренланда и, не размышляя, решила зайти в кафе «Хедон», в котором раньше никогда не бывала и о котором не слышала. Едва оказавшись внутри, она увидела адвоката Нильса Бьюрмана, сидевшего вполоборота к ней. Лисбет тут же развернулась обратно. Пристроившись у окна кафе, выходящего на улицу, она вытянула шею и так могла наблюдать за адвокатом, оставаясь скрытой от него сервировочным столиком.

Никаких сильных чувств, вроде злости или страха, вид Бьюрмана у Лисбет не пробудил. Лично для нее мир стал бы намного привлекательнее без него, но он был жив, потому что она сочла, что живым он может оказаться ей полезен. Лисбет перевела взгляд на мужчину, сидящего напротив Бьюрмана, и раскрыла глаза, когда тот встал. Щелк – мысленно сделала она снимок.

Это был мужчина высокого роста, не меньше двух метров, с мощным телом, даже мощным сверх всякой меры. Лицо, оказавшееся невыразительным, завершалось коротким бобриком белобрысых волос, но в целом от него исходило впечатление мощи.

Лисбет видела, как верзила-блондин нагнулся и что-то сказал Бьюрману, на что тот кивнул. Они пожали друг другу руки, и Лисбет отметила, что опекун поспешил отдернуть свою.

«Это что еще за личность и что у него за дела с Бьюрманом?» – подумала она.

Отойдя от витрины, Лисбет сделала несколько поспешных шагов вниз по улице и остановилась у входной двери в табачный магазин. Она уставилась на выставленную в витрине газету, когда блондин вышел из кафе и, не оглядываясь, свернул налево. Он прошел сантиметрах в тридцати от ее спины. Дав ему пройти метров пятнадцать, Лисбет направилась за ним.

Дойдя до спуска в метро на улице Биргер Ярлсгатан, верзила-блондин направился прямо туда, внизу купил билет и вышел на платформу. Он сел на поезд, шедший в южном направлении, на Норсборг, что было по пути и

Лисбет. Затем высадился у Шлюза и пересел на зеленую линию в сторону Фарста, но вышел на станции «Сканстуль». Затем дошел до кафе «Блумберг» на Гётгатан.

Лисбет Саландер осталась снаружи, изучая мужчину, возле которого верзила опустился на стул. Щелк – сделала она мысленно снимок. Лисбет сразу почувствовала, что тут замышляется что-то подозрительное. Незнакомец отличался избыточным весом, основательным пивным брюхом, но худощавым лицом. Портрет дополняли волосы, собранные в конский хвост, и светлые усы. Одет он был в черные джинсы и джинсовую куртку, на ногах – сапоги с высокими каблуками. На внешней стороне правой ладони виднелась татуировка, но Лисбет не могла разглядеть, что там изображено. На запястье болталась золотая цепочка, особенно заметная, когда он подносил ко рту сигарету «Лаки страйк». Остекленевший взгляд выдавал человека, часто бывавшего под кайфом. Под курткой у него Лисбет заметила жилет, и хотя он был виден лишь частично, она догадалась, что мужчина – байкер.

Верзила-блондин ничего не заказал. Он явно что-то объяснял собеседнику. Тот время от времени кивал, но сам рта не открывал. Лисбет подумала, что ей пора бы уже обзавестись кое-чем полезным вроде подслушивающего устройства.

Пять минут спустя верзила-блондин поднялся и вышел из кафе. Лисбет попятилась в сторону, но тот даже не взглянул в ее сторону. Пройдя метров сорок, он поднялся по ступеням уличной лестницы к Альхельгонагатан, где подошел к белому «Вольво» и открыл дверцу. Заведя мотор, медленно отъехал от тротуара. Лисбет едва успела запомнить номер, как машина исчезла на ближайшем перекрестке.

Лисбет повернулась и поспешила назад к кафе «Блумберг». Прошло не больше трех минут, но столик был уже пуст. Она свернула за угол и огляделась по сторонам, однако мужчины с конским хвостом не увидела. Но тут она бросила взгляд на противоположную сторону улицы и заметила, как он мелькнул в дверях «Макдоналдса».

Чтобы держать его под наблюдением, ей пришлось зайти внутрь. Байкер сидел в глубине зала в компании другого мужчины, одетого похожим образом, но на этот раз жилет красовался поверх джинсовой куртки. Лисбет прочитала слова «Свавельшё МК» и разглядела рисунок: стилизованное мотоциклетное колесо, по виду похожее на кельтский крест с топором.

Покинув «Макдоналдс», Лисбет, раздумывая, постояла на Гётгатан, а потом пошла в северном направлении. У нее появилось отчетливое

ощущение, что стрелка ее внутренней сигнализации вдруг встала на самой верхней отметке опасности.

Лисбет остановилась у магазина «Севен-илевен» и закупила продуктов на неделю вперед: большую упаковку пиццы «Билли Пэн», три коробки замороженной рыбной запеканки, три пирога с ветчиной, килограмм яблок, два батона белого хлеба, полкило сыра, молоко, кофе, блок сигарет «Мальборо лайт» и вечерние газеты. Пройдя по Свартенсгатан до Мосебакке, она осмотрелась вокруг и только тогда набрала код на двери парадной на Фискаргатан.

Один пирог с беконом Лисбет поставила разогреваться в микроволновку, а тем временем попила молока прямо из упаковки. Затем, сварив кофе в кофеварке, села за компьютер и запустила программу «Асфиксия 1.3». Введя нужные данные, зашла на жесткий диск адвоката Бьюрмана и с полчаса занималась его прочесыванием.

Ничего заслуживающего внимания она не обнаружила. Похоже, Бьюрман редко пользовался электронной почтой, и она нашла лишь дюжину коротких сообщений от его знакомых и ответы им. Не было ни одного письма, которое хотя бы как-то касалось Лисбет Саландер.

Однако появилась новая папка с сюжетами жесткого порно, что свидетельствовало о его неиссякаемом интересе к садистскому непотребству с женщинами. С формальной точки зрения, это не было нарушением ее запрета на реальные сексуальные контакты.

Она раскрыла папку с документами, относящимися к его обязанностям опекуна Лисбет Саландер, и просмотрела несколько ежемесячных отчетов. Они полностью соответствовали тем копиям, которые он по ее приказу высылал на разные указанные ею электронные адреса.

Вроде все нормально…

Все, кроме одной странности. Обычно Бьюрман приступал к созданию документа в «Ворде» в первых числах месяца, в среднем затрачивая часа четыре на его редактирование, и отсылал в опекунский совет с педантичной точностью в один и тот же день – двадцатого числа каждого месяца. Сейчас была середина марта, а он еще и не начинал. В чем тут дело? Халатность? Замешкался? Занят чем-то другим? Затеял что-то каверзное? Лисбет наморщила лоб.

Она выключила компьютер, села у окна и открыла портсигар, подаренный Мимми. Закурив сигарету, уставилась во тьму. Ослабить контроль над Бьюрманом – недопустимая небрежность, ведь он скользкий, как угорь.

Лисбет овладела тревога. Сначала «чертов Калле Блумквист», потом имя Зала, теперь Чертов Старпер Нильс Бьюрман с довеском в виде объевшегося анаболиками альфа-самца, у которого имеются контакты в полукриминальном мотоклубе… В том упорядоченном мире, который Лисбет Саландер пыталась создать вокруг себя, за несколько суток возникло несколько непредвиденных осложнений.

Ночью, в половине третьего, Лисбет открыла ключом дверь на Уипландсгатан, где жил адвокат Нильс Бьюрман. Она осторожно прикрыла почтовую щель его квартиры и просунула вниз невероятно чувствительный микрофон, купленный в магазине шпионской техники в районе Мэйфэр в Лондоне. Она никогда не слышала об Эббе Карлссоне[18], купившем прослушивающую технику в том же магазине в конце 80-х годов и успешно использовавшем ее в Швеции, благодаря чему министр юстиции был вынужден поспешно уйти в отставку. Лисбет вставила себе в ухо конец с наушником и отрегулировала громкость.

Она различила глухое урчание холодильника и отчетливое тиканье по крайней мере двух часов, из которых одни висели на стене в гостиной слева от входа. Девушка снова покрутила звук и стала слушать, затаив дыхание. Она слышала разные потрескивания и скрипы, но никаких признаков человеческой активности. Минутой позже Лисбет уловила слабый звук глубокого равномерного дыхания.

Нильс Бьюрман спал.

Вытащив из щели микрофон, Лисбет спрятала его во внутренний карман кожаной куртки. Одета она была в темные джинсы и спортивные туфли на резиновой подошве. Бесшумно вставила ключ в замок и чуть приоткрыла дверь. Прежде чем открыть ее как следует, достала электрошокер из наружного кармана куртки. «Другого оружия не стоило брать, я и так справлюсь с Бьюрманом», – решила она заранее.

Зайдя в прихожую, Лисбет закрыла за собой входную дверь и, бесшумно ступая, направилась в спальню. Увидев свет зажженной лампы, замерла, но тут же услышала храп. Тогда она прошла дальше, в глубину спальни. Зажженная лампа стояла на подоконнике. «Уж не страх ли темноты у Бьюрмана?» – подумала Лисбет.

У кровати она остановилась и, приглядевшись, отметила, что он состарился и как-то опустился. Судя по запаху в комнате, опекун не следил за своей гигиеной.

Никакого сочувствия к нему Лисбет не испытывала, на секунду в ее глазах даже промелькнула искра ненависти. Заметив стакан на

прикроватной тумбочке, она нагнулась и понюхала. Пахло алкоголем.

Выйдя из спальни, Лисбет сначала зашла на кухню, но не заметила там ничего примечательного. Потом, пройдя гостиную насквозь, остановилась в дверях кабинета. В кармане куртки у нее были припасены кусочки хрустящего хлебца. Она осторожно раскрошила их на паркете, не зажигая света. Если он крадучись пересечет гостиную, она услышит хруст крошек.

Лисбет уселась за письменный стол адвоката Бьюрмана, положив на его поверхность электрошокер в пределах досягаемости, и приступила к методичному обследованию ящиков. Она ознакомилась с динамикой его личного банковского счета и финансовой документацией. Вскоре девушка пришла к выводу, что он стал неряшливее и утратил четкую регулярность в ведении дел, но ничего интересного для себя не нашла.

Нижний ящик стола оказался закрыт на ключ. Лисбет нахмурилась: во время ее прошлого визита год назад все ящики были открыты. Рассеянно уставившись в темноту, она попыталась мысленно восстановить картину содержимого. Тогда там лежали фотоаппарат, телеобъектив, маленький кассетный плеер «Олимп», альбом фотографий в кожаном переплете, коробочка с ожерельем, драгоценностями и золотым кольцом, на внутренней поверхности которого было выгравировано: «Тильда и Якоб Бьюрман. 23 апреля 1951 г.». Лисбет знала, что это имена его родителей, уже покойных. Она поняла, что это их обручальное кольцо, хранившееся на память.

Так, значит, он запирает вещи, которые считает ценным.

Теперь Лисбет перешла к разбору содержимого шкафчика позади письменного стола. Она извлекла оттуда две папки с документами, относящимися к опекунству над ней, и минут пятнадцать она перебирала страницу за страницей. Отчеты были безукоризненными и свидетельствовали о том, что Лисбет Саландер хорошая, старательная девушка. Четыре месяца назад он выказал мнение, что она стала вполне разумным и положительным членом общества, что создает предпосылки к обсуждению, необходимо ли ей попечительство. Такое обсуждение можно было бы провести в следующем году. Заключение адвоката было сформулировано не без элегантности и служило первым шагом на пути отмены ее недееспособности.

В папке также были написанные от руки заметки Бьюрмана в связи с беседой с некой Ульрикой фон Либенсталь из управления по опеке, наводившей справки об общем состоянии Лисбет. Слова «необходимо заключение психиатра» были подчеркнуты.

Лисбет сжала губы, поставила папки на место и огляделась.

Прицепиться было вроде не к чему. Казалось, Бьюрман держался в рамках ее инструкций. Она закусила нижнюю губу. Все же ее не покидало чувство надвигавшейся опасности.

Уже встав из-за стола и собираясь погасить настольную лампу, Лисбет передумала, опять достала папки и начала перелистывать их по новой. Что-то ее тревожило.

В папках чего-то недоставало. В прошлый раз, год назад, она видела резюме ее формирования с детских лет и до начала опеки. Теперь этой бумаги не было. Зачем понадобилось Бьюрману вынимать это резюме из текущей документации? Лисбет хмурила брови, не представляя себе причины. Может быть, он собрал еще какие-то документы и положил их в другое место? Она снова оглядела шкафчик и нижний ящик письменного стола.

Отмычек у нее с собой не было, поэтому она на цыпочках вернулась в спальню Бьюрмана и извлекла связку ключей из пиджака на деревянной вешалке. В нижнем ящике лежали те же вещи, что и год назад. Но к ним добавилась плоская коробка с изображенным на ее крышке револьвером «Кольт .45 магнум»[19].

Она припомнила данные, собранные ею о Бьюрмане два года назад. Он упражнялся в стрельбе и был членом стрелкового клуба. Согласно официальному реестру, у него была лицензия на право владения «Кольтом .45 магнум».

Ей пришлось неохотно признать, что ничего неестественного в запертом ящике нет.

Находка не слишком понравилась Лисбет, но у нее не находилось причины будить Бьюрмана и ставить его к стенке.

Миа Бергман проснулась в половине седьмого. До нее доносилась негромкая болтовня утренней передачи по телевизору из гостиной, и она ощущала запах свежесваренного кофе. Еще до нее доносилось постукивание клавиш на клавиатуре компьютера Дага. Она улыбнулась.

Никогда раньше он не работал так много над текстом. «Миллениум» дал ему мощный импульс. Раньше Даг проявлял страшное упрямство, но, видно, общение с Блумквистом и Бергер оказало на него благотворное влияние. Он часто приходил домой расстроенный после того, как Блумквист указывал ему на слабые места или разносил в пух и прах какое-нибудь его рассуждение. Зато потом работал с особым упорством.

«Подходящий ли сейчас момент, чтобы отвлекать его?» – подумала Миа. Ее месячные задержались на три недели. Полной уверенности у нее

не было, и тест на беременность она еще не делала.

Миа задумалась, не пора ли уже.

Ей скоро тридцать, и меньше чем через месяц у нее защита. Доктор Бергман. Она улыбнулась и решила ничего не говорить Дагу, пока сама не будет знать точно, а возможно, подождет, пока он не закончит книгу, а она не отпразднует защиту.

Миа повалялась еще минут десять, потом встала и вышла в гостиную, завернувшись в простыню. Даг поднял взгляд.

– Еще семи нет, – заметила она.

– Блумквист опять цеплялся, – сказал он.

– Ругался? Так тебе и надо. Тебе ведь он нравится?

Даг откинулся на спинку дивана и, встретив ее взгляд, кивнул.

– «Миллениум» – отличное место для работы. Вчера вечером я говорил с Микаэлем, когда мы сидели в «Мельнице», прежде чем ты меня забрала. Он спросил, что я думаю делать дальше, когда закончу книгу.

– Ну, и что ты сказал?

– Что я не знаю. Я уже столько лет валандаюсь внештатным журналистом… Хотел бы найти что-то стабильное.

– «Миллениум».

Даг снова кивнул.

– Микке уже зондировал почву в редакции и спросил меня, заинтересован ли я в работе на полставки, на тех же условиях, что имеют сейчас Хенри Кортес и Лотта Карим. Тогда я получил бы письменный стол и твердую зарплату в «Миллениуме», а подрабатывать мог бы как раньше.

– А ты согласился?

– Если они обратятся ко мне с конкретным предложением, я отвечу «да».

– Ладно. Но ведь на часах еще нет семи, и сегодня суббота.

– Эх, я думал немного заняться текстом…

– А я думаю, тебе надо вернуться в постель и заняться чем-то другим.

Миа улыбнулась ему и приоткрыла край простыни. Даг перевел компьютер в режим ожидания.

Бóльшую часть следующих суток Лисбет Саландер просидела у компьютера в поисках материала. Изыскания проводились в разных направлениях, и подчас она сама не знала, что ищет.

Частично просмотр не представлял проблем. Из архива средств массовой информации она извлекла сведения об истории мотоклуба «Свавельшё МК». Впервые этот клуб, называвшийся раньше «Тэлье Хог

Райдерс», упоминался в газетах в 1991 году в связи с полицейским рейдом. В то время она занимали заброшенное здание школы в окрестностях Сёдертелье, и рейд был вызван жалобой встревоженных соседей, услышавших звуки выстрелов около старой школы. Полиция мобилизовала большие силы и положила конец пивной пирушке, перешедшей в соревнование по стрельбе из автомата «АК-4»[20], похищенного, как выяснилось позже, в начале 80-х годов, из расформированного стрелкового полка 420 в Вестерботтене.

Из сообщений одной вечерней газеты следовало, что «Свавельшё МК» насчитывал шесть или семь членов и с дюжину «шестерок». Все постоянные члены привлекались к судебной ответственности, в основном за весьма заурядные преступления, но иногда и в связи с грубым насилием. Особое место в коллективе занимали два человека. Клуб «Свавельшё МК» возглавлял Карл-Магнус, или «Магге», Лундин, чья фотография публиковалась газетой «Афтонбладет» в Сети в связи с проверкой полицией помещения клуба в 2001 году. За период с конца 80-х до начала 90-х годов Лундин был осужден пять раз. Три судимости он отбывал за кражи, укрывательство краденого и торговлю наркотиками. Одна, связанная с серьезными преступлениями, включая тяжкие телесные повреждения, повлекла восемнадцать месяцев тюремного заключения. Выйдя на свободу в 1995 году, он вскоре стал председателем клуба «Тэлье Хог Райдерс», позже переименованного в «Свавельшё МК».

По данным полиции, вторым по важности в клубе был некий Сонни Ниеминен, тридцати семи лет, фигурировавший в реестре уголовных наказаний двадцать три раза. Его карьера уголовника началась уже в шестнадцать лет, когда он был осужден за нанесение тяжких телесных повреждений и кражу и приговорен к постоянному полицейскому надзору. На протяжении последующих десяти лет Сонни пять раз был судим за воровство, один раз – за воровство в особо крупных размерах; дважды – за незаконные угрозы, дважды – за преступления, связанные с торговлей наркотиками; за вымогательство, за насилие в отношении полицейских; дважды – за незаконное владение оружием, один раз – за незаконное владение оружием, сопровождавшееся отягчающими обстоятельствами, один раз – за вождение в нетрезвом виде и шесть раз – за причинение телесных повреждений. По совершенно не понятным для Лисбет судебным соображениям, его осуждали к постоянному полицейскому наблюдению, штрафам, одному-двум месяцам тюрьмы до тех пор, пока в 1989 году не упекли в тюрьму на десять месяцев за причинение тяжких телесных повреждений и ограбление. Уже через несколько месяцев он был на

свободе, но выдержал лишь до октября 1990 года, когда ввязался в драку в пивной в Сёдертелье. Драка закончилась убийством, а Сонни угодил в тюрьму на шесть лет. Оказавшись на свободе в 1995 году, он вскоре стал лучшим другом Магге Лундина.

В 1996 году его арестовали за участие в вооруженном ограблении инкассаторской машины. Непосредственно в ограблении он не был задействован, но снабдил трех молодых людей оружием, необходимым для этой цели. Это стало его вторым большим сроком. Сонни дали четыре года тюрьмы, и он вышел в 1999 году. Как ни удивительно, с тех пор Ниеминена ни разу не арестовали. Согласно газетной публикации 2001 года, где имя Сонни не было названо, но детали его жизни давались столь полно, что можно было легко догадаться, о ком идет речь, он подозревался в соучастии убийства одного из членов конкурирующего клуба.

Лисбет отыскала фотографии Ниеминена и Лундина паспортного формата. Ниеминен был красавец хоть куда, с темными кудрями и суровым взглядом, в то время как Магге Лундин выглядел как законченный дурак. В Лундине она опознала человека, с которым встречался верзила в кафе «Блумберг», а Ниеминен сидел и ждал в «Макдоналдсе».

С помощью базы данных зарегистрированных автомобилей Лисбет установила владельца белого «Вольво», на котором уехал верзила-блондин. Оказалось, что машина числится за фирмой «Автоэкспорт» в Эскильстуне. Набрав номер телефона фирмы, она попала на некоего Рефика Альбу.

– Меня зовут Гунилла Ханссон. Вчера мою собаку задавила машина, скрывшаяся с места преступления. Номер машины, за рулем которой был тот мерзавец, свидетельствует о том, что машина взята напрокат у вас. Это был белый «Вольво». – И она продиктовала регистрационный номер.

– Я вам сочувствую.

– Этого недостаточно. Я хочу знать имя того негодяя, чтобы потребовать возмещение.

– А вы заявили в полицию?

– Нет, я хочу договориться по-хорошему.

– Сожалею, но мы не сообщаем имен наших клиентов, если не было заявлено в полицию.

Голос Лисбет Саландер приобрел суровые нотки. Она спросила, в интересах ли фирмы, если на их клиента поступит заявление в полицию, и не лучше ли для их репутации уладить дело бесконфликтно. Рефик Альба снова выразил сожаление и сказал, что ничем не может помочь. Еще пара минут уговоров оказались безуспешными – имени верзилы-блондина

Лисбет так и не узнала.

Имя Зала тоже завело в тупик. Лисбет провела у компьютера сутки с двумя перерывами на поглощение пиццы «Вилли Пэн». Ее единственной компанией оставалась полуторалитровая бутылка кока-колы. Она обнаружила несколько сотен людей по имени Зала начиная с итальянского спортсмена элитной категории и кончая аргентинским композитором, но не нашла того, кого искала.

Лисбет попробовала фамилию Залаченко, но никто подходящий не попался.

Разочарованная девушка доплелась до кровати в спальной и проспала двенадцать часов подряд. Когда она проснулась, на часах было одиннадцать утра. Включив кофеварку, Лисбет открыла воду в джакузи и добавила туда пену. Кофе и бутерброды стали ее завтраком в ванной. Вот если бы Мимми оказалась рядом… Но ведь она еще не раскрыла ей, где живет.

К двенадцати Лисбет вылезла из ванны, вытерлась полотенцем и надела банный халат. Затем снова включила компьютер.

Имена Дага Свенссона и Миа Бергман сообщили ей намного больше сведений. С помощью «Гугла» она быстро смогла подытожить, чем они занимались последние годы. Лисбет скачала несколько статей Дага и не нашла его фотографии. Ничего удивительного, что это именно он сидел в компании Микаэля Блумквиста в «Мельнице» несколько дней назад. У имени появилось лицо и наоборот.

Еще она нашла несколько текстов, написанных Миа Бергман или посвященных ей. Несколько лет назад внимание средств массовой информации было привлечено ее исследованиям о неравном обращении с женщинами и мужчинами в судейских инстанциях. Это привело к появлению нескольких передовиц и резких высказываний женских организаций. Миа Бергман тоже публиковалась на эту тему. Все это Лисбет Саландер внимательно прочитала. Одни феминистки считали заключения Бергман важными, другие критиковали за «распространение буржуазных иллюзий». В чем они состояли, эти «буржуазные иллюзии», было невозможно понять.

В два часа дня Лисбет запустила программу «Асфиксия 1.3», но на этот раз вместо «Мик. Блум./лэптоп» она набрала «Мик. Блум./офис», то есть компьютер Микаэля в редакции «Миллениум». По опыту она знала, что редакционный компьютер Блумквиста вряд ли содержит что-то важное. Если не считать, что рабочим компьютером Микаэль пользовался большей частью, чтобы шарить по Интернету, он обходился в основном своим

ноутбуком. Однако в рабочем компьютере хранилась информация обо всей административной деятельности в «Миллениуме». Лисбет быстро нашла необходимую информацию, зная пароль компьютерной сети редакции.

Чтобы проникнуть в другие компьютеры «Миллениума», одного лишь «зеркала», находящегося на сервере в Голландии, было недостаточно. Нужно, чтобы сам оригинал, то есть «Мик. Блум./офис», был включен и запущен во внутренней сети редакции. Ей повезло: очевидно, Блумквист пришел на работу и включил его. Подождав минут десять, Лисбет не уловила никаких следов его активности; это могло означать, что Микаэль запустил компьютер, возможно, пошарил по Интернету и оставил машину включенной, а сам занялся чем-то другим или достал ноутбук.

Действуя очень осторожно, Лисбет за час «прогулялась» по редакционным компьютерам и скачала почту Эрики Бергер, Кристера Мальма и неизвестной ей сотрудницы по имени Малин Эрикссон. Наконец она нашла рабочий компьютер Дага Свенссона. Согласно системной информации, это был старенький «Макинтош Пауэр ПиСи» с объемом жесткого диска всего 750 мегабайт, то есть рухлядь, используемая, скорее всего, для работы над текстами временными сотрудниками. Он тоже был включен, значит, Даг Свенссон в данный момент находился в редакции. Скачав его почту, Лисбет зашла на его жесткий диск, где отыскала папку, коротко и ясно названную «Зала».

Верзила-блондин был не в настроении. Только что он получил двести три тысячи крон наличными, больше, чем рассчитывал выручить за три килограмма амфетамина, которые доставил Магге Лундину в конце января. Неплохая пожива за несколько часов работы: взять товар у курьера, подержать у себя короткое время, передать байкеру и положить в карман пятьдесят процентов прибыли. Можно не сомневаться, что «Свавельшё МК» способен делать оборот примерно на такую же сумму каждый месяц, при том что банда Магге Лундина была лишь одной из трех ей подобных – еще две функционировали в районе Гётеборга и Мальмё. Все вместе это могло приносить более полумиллиона чистого дохода ежемесячно.

И тем не менее на душе было так паршиво, что он съехал на обочину, остановился и заглушил мотор. Вот уже тридцать часов блондин не спал и потому чувствовал себя будто ударенным пыльным мешком. Он открыл дверцу, размял ноги и помочился у края дороги. Ночь была прохладной, небо – ясным и полным звезд. Он стоял неподалеку от Ерны.

Конфликт был чуть ли не идеологического характера. Источник амфетамина находился меньше чем в четырехстах километрах от

Стокгольма. Спрос на шведском рынке, безусловно, велик. Остальное было вопросом доставки: как переправить товар из пункта А в пункт Б, а именно из подвального помещения в Таллинне в стокгольмский порт Фрихамп.

Проблема возникала снова и снова: как осуществить регулярные перевозки из Эстонии в Швецию? В этом и состояла основная трудность и действительно слабое звено в цепи, потому что даже при всех многолетних усилиях каждый раз дело сводилось к импровизации и временным решениям.

Последнее время все чаще возникали какие-нибудь нестыковки. Верзила-блондин гордился своими организаторскими способностями. С течением времени он создал надежно отлаженный механизм контактов, управляемый продуманными порциями кнута и пряника. Здесь ему приходилось потрудиться: он сам подбирал партнеров, вел переговоры об условиях сделки, проверял, чтобы товар доходил до места назначения.

Пряником служили условия, сулившие промежуточному звену типа Магге Лундина солидную прибыль и небольшой риск. Лучшего и пожелать невозможно. Лундину не приходилось и пальцем шевелить, чтобы получить товар: ни тягостных закупочных поездок, ни неизбежных переговоров то с полицейскими из отдела по борьбе с наркотиками, то с представителями русской мафии, которые запросто могут кинуть. Лундин твердо знал, что верзила сначала доставит ему товар, а потом возьмет свои пятьдесят процентов.

Кнут требовался при разного рода осложнениях, которые в последнее время возникали все чаще. Один уличный распространитель оказался любителем потрепаться и при этом знал довольно много о функционировавшей цепочке. Из опасения, что он подставит «Свавельшё МК», верзиле пришлось вмешаться и наказать болтуна.

Поквитаться у него хорошо получилось.

Он вздохнул.

Его деятельность уже так разрослась, что ее все труднее стало держать под контролем, слишком многосторонней она стала.

Блондин закурил сигарету и пошел размяться вдоль обочины.

Амфетамин был отличным, неприметным и легким в обращении товаром, приносящим хорошую прибыль при небольшом риске. Торговля оружием тоже шла гладко, если удавалось избежать ловушек и защититься от опасности. С точки зрения фактора риска, было совершенно невыгодно продавать за несколько тысяч пару единиц ручного огнестрельного оружия двум малолетним придуркам, собирающимся ограбить киоск по соседству. В какой-то степени экономически оправдывали себя контрабанда на Восток

электронных компонент и отдельные заказы по промышленному шпионажу, хотя этот рынок заметно сузился в последнее время.

Что касается поставок проституток из Прибалтики, то они сопровождались экономически неоправданным риском. Прибыль была небольшой, а сложностей – масса. В любой момент они могли спровоцировать полные лицемерия публикации в средствах массовой информации, дебаты в этом несуразном политическом учреждении, которое называется шведский риксдаг, где правила игры, с точки зрения верзилы, были по меньшей мере туманными. Преимуществом секс-бизнеса было то, что юридически он почти безопасен. Проституток любят все: адвокаты, судьи, ребята из полиции, да и некоторые депутаты риксдага. Так что глубоко копать в этом роде деятельности никто бы не стал.

А уж мертвая проститутка никак не может быть причиной политических скандалов. Если полиции удастся схватить бесспорно подозрительную личность спустя несколько часов после преступления, причем этот подозреваемый все еще ходит с пятнами крови на одежде, тогда, конечно, дело закончится обвинительным приговором и несколькими годами тюрьмы или поселением под надзором. Но если никакого подозреваемого не нашли за первые сорок восемь часов, то полиция скоро переключится на другие, более важные дела – это верзила знал по опыту.

Сам он торговлю проститутками не любил. Его тошнило от их наштукатуренных лиц и резкого пьяного хохота. Они были грязные. В этом бизнесе прибыль почти равнялась затратам. Имея дело с человеческим товаром, всегда рискуешь: у кого-нибудь из них может поехать крыша, созреть решение бросить это занятие, настучать полицейским, журналистам или просто посторонним. В таком случае ему пришлось бы вмешаться и приструнить виновную. Если разоблачения окажутся неоспоримыми, это заставит полицейских и юристов действовать, иначе в этом чертовом риксдаге поднимется визг. Так что секс-торговля – это сущая морока.

Примером такой мутотени были братья Атхо и Харри Ранта. Эта парочка бестолковых паразитов была слишком хорошо осведомлена о данном бизнесе. Лучше всего, если бы он мог связать их одной цепью и утопить в заливе, но вместо этого блондин отвез их на эстонский паром и терпеливо ждал, пока они не очутились на борту. Отпуск начался с того, что какой-то журналистишка начал вынюхивать про их дела, и потому было решено, что эстонцы должны залечь на дно, пока не минует опасность.

Верзила снова вздохнул.

Больше всего ему не хотелось заниматься этим «левым» делом с

Лисбет Саландер. Ему она была нисколько не интересна, никакой от нее выгоды.

Адвокат Нильс Бьюрман ему не нравился, и было совершенно неясно, с какой стати надо выполнять его поручения. Но ничего не поделаешь, мяч уже в игре. Указания даны, поручение принято посредниками из «Свавельшё МК».

Но задание блондину не нравилось, его беспокоили тяжелые предчувствия.

Он поднял взгляд, посмотрел на темную почву поля и выбросил сигарету в канаву. Краем глаза вдруг уловил какое-то движение и замер, затем прищурился. Освещения не было, если не считать света луны, но он все же мог различить очертания какого-то черного существа, ползущего в его сторону метрах в тридцати от дороги. Оно перемещалось медленно и делало короткие остановки.

Верзила-блондин ощутил холодную испарину на лбу. Он чувствовал отвращение к существу, ползущему по полю.

Прошло не меньше минуты, как он, парализованный, простоял, зачарованно наблюдая за медленным, но целеустремленным передвижением существа. Когда оно оказалось столь близко, что можно было различить блеск его глаз во тьме, верзила остановился и повернул назад к машине. Рванув дверцу, он нашарил ключи. Паника не исчезла до тех пор, пока он наконец не завел мотор и не зажглись фары. Существо уже приблизилось к дороге, и верзила наконец мог разглядеть детали в свете фар. Оно походило на гигантского ската, ползущего по суше. А еще у него было жало, как у скорпиона.

Ясно, что это существо не было обитателем нашей планеты. Это было чудовище, явившееся из-под земли.

Включив передачу, он рванул с места. Проезжая, увидел, что чудовище подскочило в страшном прыжке, но не достигло машины. Лишь через несколько километров верзила перестал дрожать.

Всю ночь Лисбет Саландер изучала материалы, собранные Дагом Свенссоном и «Миллениумом» о трафикинге. Постепенно у нее сложилась довольно цельная картина, хотя ей пришлось собирать ее по кусочкам из разных электронных писем.

Эрика Бергер спрашивала Микаэля Блумквиста, как у него проходили встречи и интервью. Тот лаконично отвечал, что возникли проблемы с поисками человека из «Чека». Она интерпретировала это так: кто-то из лиц, намеченных к разоблачению в репортаже, работает в Службе безопасности.

Малин Эрикссон послала краткую справку о результатах смежных исследований, снабдив копиями Микаэля Блумквиста и Эрику Бергер. В ответ как Даг Свенссон, так и Блумквист прокомментировали текст и предложили некоторые дополнения. Микаэль и Даг обменивались электронными письмами по нескольку раз в день. Даг Свенссон отчитался о своей встрече и разговоре с журналистом по имени Пер-Оке Сандстрём.

Из электронной почты Дага Свенссона Лисбет также выяснила, что он ведет переписку с человеком по имени Гульбрандсен, у которого есть адрес на «Яху». Вскоре она поняла, что Гульбрандсен, скорее всего, полицейский и что обмен информацией происходит неофициально, что называется, *off the record*, через частный, а не служебный полицейский адрес Гульбрандсена. Очевидно, это был источник информации.

Папка под названием «Зала» оказалась разочаровывающе тощей и содержала всего три документа в «Ворде». Самый большой из них, объемом 128 килобайт, назывался «Ирина П.» и содержал фрагментарное описание жизни этой женщины. Было установлено, что она умерла. Протокол вскрытия кратко излагался Дагом Свенссоном. Из него Лисбет выяснила, что Ирина П. стала жертвой столь грубого насилия, что из всех нанесенных ей увечий три имели смертельный характер.

Одну формулировку в тексте Лисбет узнала, потому что та дословно совпадала с куском текста из диссертации Миа Бергман. Там женщину звали Тамарой, и Лисбет поняла, что Ирина П. и Тамара – одно и то же лицо, и потому прочитала отрывок из интервью в диссертации с большим вниманием.

Второй документ по имени «Сандстрём» был существенно короче. Он содержал то же резюме, которое Даг Свенссон послал Блумквисту и которое сообщало о том, что журналист по имени Пер-Оке Сандстрём был одним из покупателей услуг девушек из Прибалтики и что он, кроме того, оказывал мелкие услуги секс-мафии, а вознаграждение получал наркотиками или сексом. Лисбет с изумлением узнала, что, помимо сотрудничества в печатных изданиях различных предприятий, Сандстрём также написал несколько внештатных заметок, в которых с негодованием осуждал секс-торговлю и разоблачал, не называя имени, одного шведского бизнесмена, посетившего бордель в Таллинне.

Имя Зала не упоминалось ни в документе «Ирина П.», ни в «Сандстрёме», но оба они лежали в папке «Зала», так что какая-то связь с ним здесь должна существовать. Последний, третий документ назывался собственно «Зала». Он был короткий и составлен по пунктам.

Даг Свенссон обнаружил, что имя Зала фигурирует в девяти случаях в

связи с торговлей наркотиками, оружием и проституцией начиная с середины 90-х годов. Кто такой этот Зала, вроде никто не знал, но разные источники считали его то югославом, то поляком, то чехом. Все сведения были получены из вторых рук; никто из тех, с кем пришлось общаться Дагу Свенссону, никогда не встречался с Залой.

Даг Свенссон подробно обсуждал Залу с источником Г. (Гульбрандсен?) и выдвинул предположение, что Зала нес ответственность за убийство Ирины П. Из записей не было ясно, как источник Г. расценивал теорию Дага, но он сообщил, что год назад тема Залы находилась в центре обсуждения на заседании «специальной группы по расследованию деятельности организованной преступности». Тогда это имя выплывало на поверхность столько раз, что полиция начала задавать вопросы и попыталась выяснить, существует ли вообще Зала.

Дагу Свенссону удалось раскопать, что имя Зала всплыло впервые в связи с ограблением инкассаторов в Эркельюнге в 1996 году. Грабители присвоили три и три десятых миллиона крон, но потом наделали столько глупостей, что полиция уже через сутки смогла установить их личности и арестовать. А еще одни сутки спустя был схвачен их сообщник – рецидивист Сонни Ниеминен, член клуба «Свавельшё МК», который, как оказалось, оснастил грабителей оружием и позднее получил за это четыре года тюрьмы.

Через неделю после ограбления инкассаторов еще три человека были арестованы как соучастники. Таким образом, всего были вовлечены восемь человек, семь из которых отказывались разговаривать с полицией. Восьмой, мальчишка всего лишь девятнадцати лет по имени Биргер Нордман, раскололся и заговорил на допросе в полиции. Процесс прошел без сучка и задоринки, а Биргер Нордман, не вернувшийся из побывки домой, разрешенной тюремной администрацией, был найден закопанным в песчаном карьере в Вермланде.

Согласно источнику Г., полиция подозревала, что главарем всей шайки был Сонни Ниеминен и что Нордман был убит по указу Сонни Ниеминена, но доказательств этому не было. Ниеминен считался чрезвычайно опасным и безжалостным типом. В тюрьме ходили слухи, что Сонни Ниеминен имеет какое-то отношение к «Арийскому братству» – организации заключенных нацистского типа, которая, в свою очередь, имела связи с «Братством волчьей стаи» и с другими маргинальными клубами байкеров, а также разного рода воинствующими придурками нацистского типа вроде шведского «Движения сопротивления».

Но Лисбет интересовало в основном другое. На одном из допросов в

полиции покойный участник ограбления Биргер Нордман рассказал, что оружие, применявшееся при нападении и полученное от Ниеминена, было, в свою очередь, доставлено неизвестным Ниеминену югославом по имени Зала.

Отсюда Даг Свенссон сделал вывод, что речь идет о некой пресловутой фигуре в криминальных кругах. В регистре населения имя Зала не значилось, из чего Даг сделал заключение, что это кличка. Однако речь могла идти и о каком-то особо изощренном мошеннике, сознательно прятавшемся под фальшивым именем.

Самый последний пункт содержал сведения о Зале, почерпнутые у журналиста Сандстрёма. Было их не слишком много. Даг Свенссон сообщал, что Сандстрём говорил по телефону с человеком по имени Зала всего один раз. О чем шел разговор, в заметках Дага не сообщалось.

В четыре часа утра Лисбет выключила компьютер, села на подоконник и устремила взгляд на Сальтшё. Она неподвижно просидела два часа, задумчиво куря сигарету за сигаретой, продумывала стратегические решения и анализировала их последствия.

Наконец Лисбет пришла к выводу, что ей надо выследить Залу – и раз и навсегда покончить со всеми их проблемами.

В субботу вечером, за неделю до Пасхи, Микаэль Блумквист был в гостях у давней приятельницы на улице Слипгатан возле Хорнстулла. Он решил нарушить свою традицию и на этот раз принял приглашение. Бывшая подруга была теперь замужем и нисколько не интересовалась интимными отношениями с Микаэлем, но она тоже работала в средствах массовой информации, и они всегда здоровались, случайно пересекаясь. Она только что закончила книгу, которую писала не меньше десяти лет, на столь примечательную тему, как женщины в журналистике. Однажды Микаэль помог ей в подборе материала, что стало причиной нынешнего приглашения.

Тогда роль Блумквиста сводилась к поискам материала по одному вопросу. Он разыскал планы по развитию женского равноправия, которым так хвастались «Тигнингарнас телеграмбюро», «Дагенс нюхетер», «Раппорт» и другие издания, а потом пометил галочками, сколько мужчин и женщин занято на управляющих должностях выше секретаря редакции. Результат оказался плачевным. Директора – мужчины, председатели правления – мужчины, главные редакторы – мужчины, заведующие иностранными редакциями – мужчины, шефы редакций – мужчины… и так далее, а единственная женщина могла возникнуть лишь как исключение, к

которым относились Кристина Ютгерстрём и Амелия Адамо.

Вечеринка устраивалась для узкого круга, главным образом для тех, кто так или иначе помогал хозяйке в работе над книгой.

Компания оказалась веселой, еда – вкусной, а разговоры – непринужденными. Сначала Микаэль планировал уйти домой немного пораньше, но оказалось, что многие гости – его старые знакомые, с которыми он давно не встречался. К тому же здесь никто не надоедал ему с разговорами о деле Веннерстрёма. Вечеринка сильно затянулась, и лишь к двум часам ночи основная масса гостей собралась уходить. Всей компанией дошли до Лонгхольмсгатан, а потом разошлись кто куда.

Микаэль видел, как мимо остановки проходит автобус, но не успевал добежать. Ночь была теплой, и он решил пройтись, а не дожидаться следующего автобуса. Дойдя до церкви по Хёгалидсгатан, он свернул и пошел вверх по Лундагатан, что пробудило в нем воспоминания.

Микаэль соблюдал обещание, данное себе в декабре, не ходить на Лундагатан, теша себя глупой надеждой, что Лисбет Саландер все равно появится на его горизонте. Теперь он остановился напротив ее подъезда на другой стороне улицы. Как бы ему ни хотелось пересечь улицу и позвонить ей в дверь, он понимал, что у него мало шансов на то, что он ее застанет, и еще меньше, что она станет с ним разговаривать.

Наконец Микаэль пожал плечами и пошел дальше в направлении Цинкенсдалема. Он прошел уже почти шестьдесят метров, когда какой-то звук заставил его обернуться, а сердце – бешено забиться. Невозможно было ни с кем спутать эту хрупкую фигурку. Лисбет Саландер только что вышла на улицу, направилась в противоположную от него сторону и остановилась у припаркованной машины.

Микаэль открыл было рот, чтобы позвать ее, но крик замер у него в груди. Внезапно он заметил чью-то фигуру, отошедшую от одного из автомобилей, припаркованных вдоль тротуара. Это был мужчина высокого роста с заметно выпирающим животом и прической «конский хвост». Он бесшумно приближался к Лисбет Саландер со спины.

Она уже собиралась вставить ключ в дверцу своей вишневой «Хонды», как услыхала легкий звук и краем глаза зафиксировала какое-то движение. За секунду до того, как он настиг ее сзади, Лисбет обернулась и тотчас узнала в нем Карла Магнуса, то есть Магге Лундина, тридцатишестилетнего члена «Свавельшё МК», несколько дней назад встречавшегося с верзилой-блондином в кафе «Блумберг».

Лисбет быстро сообразила, что весит Магге Лундин примерно сто

двадцать килограмм и что он наделен грубой силой. Зажав в руке ключи как кастет, она, не раздумывая ни секунды, с быстротой рептилии подскочила и нанесла ему глубокую рану, пересекшую лицо от переносицы до уха. Пока он приходил в себя, глотая воздух, Лисбет словно сквозь землю провалилась.

Микаэль Блумквист видел, как Лисбет Саландер замахнулась и ударила мужчину кулаком. Попав в лицо нападавшего, она уже в следующее мгновенье бросилась на асфальт и закатилась под днище ближайшего автомобиля.

Секундой позже Лисбет уже поднималась на ноги по другую сторону машины, раздумывая, драться ли дальше или бежать. Встретившись взглядом с противником через разделяющий их капот, она тут же решила, что второе предпочтительнее. По щеке у него текла кровь. Не успел он сосредоточить на ней взгляд, как она уже пересекла Лундагатан и бросилась по направлению к Хёгалидской церкви.

Микаэль все еще стоял, раскрыв рот, словно парализованный. Тут он увидел, что нападавший очухался и припустил вслед за Лисбет. Картина напоминала Микаэлю погоню танка за игрушечной машинкой.

Лисбет достигла уличной лестницы, ведущей вверх по Лундагатан, и преодолела ее, перепрыгивая через две ступеньки зараз. Наверху она обернулась через плечо и увидела, что противник уже оказался у подножья лестницы. «Быстро же он бегает», – подумала она. Споткнувшись, увидела в последнюю секунду дорожные треугольники предупреждения и кучи песка на раскопанном участке улицы, где велись работы.

Магге Лундин уже почти добежал до верха лестницы, когда Лисбет Саландер снова попалась ему на глаза. Он успел разглядеть, что она что-то бросила, но, не успев среагировать на бросок, получил крупным булыжником в висок. Попадание было не слишком метким, но камень был довольно тяжелый и оставил вторую рану у него на лице. Магге почувствовал, как ноги теряют опору и как все вокруг завертелось, когда он спиной полетел вниз по лестнице. Ему удалось задержать падение, схватившись рукой за лестничные перила, но он потерял на этом несколько секунд.

Микаэль вышел из оцепенения, когда мужчина несся вверх по лестнице. Он заорал тому: «Прекрати, придурок!»

Лисбет пересекала площадку наверху, когда до нее донесся голос Микаэля Блумквиста. «Что за наваждение?» – подумала она, изменила направление движения и побежала к перилам, обрамлявшим площадку. И увидела Микаэля на улице в трех метрах ниже ее. Секунду поколебавшись, она пустилась бежать дальше.

Пока Микаэль бежал в направлении лестницы, он заметил, как от тротуара у подъезда Лисбет Саландер отъехал фургон «Додж», до того стоявший вплотную за машиной, которую она собиралась открыть. Фургон проехал мимо Микаэля в направлении Цинкедсдамма, в окошке мелькнуло неузнаваемое лицо водителя, а номер машины в ночной тьме был неразличим.

Проводив автомобиль нерешительным взглядом, Блумквист продолжил преследование мужчины, напавшего на Лисбет. Он нагнал его наверху лестницы. Тот стоял неподвижно спиной к Микаэлю и смотрел по сторонам.

Едва Микаэль настиг мужчину, тот развернулся и отвесил ему сильный удар по лицу. Застигнутый врасплох, Блумквист покачнулся и полетел с лестницы головой вперед.

Лисбет услышала сдавленный крик Микаэля и замедлила бег: «Что там за дьявольщина творится?» – подумала она и, обернувшись, увидела Магге Лундина метрах в сорока, припустившего в ее сторону. «Он быстро бегает и нагонит меня», – промелькнуло у нее в голове.

Отбросив размышления, Лисбет свернула влево и во весь дух помчалась вверх по следующей уличной лестнице, выходящей на расположенный террасой двор между домами. Она оказалась на площадке, где не было ни одного места для укрытия, а затем бросилась к следующему углу дома со скоростью, которая могла бы внушить уважение само́й Каролине Клюфт[21]. Свернув направо, она увидела, что оказалась в тупике, и развернулась на сто восемьдесят градусов. Добежала до торца следующего дома и тут заметила Магге Лундина на верхней ступеньке лестницы, ведущей на площадку. Она рванула вперед и через несколько метров нырнула в разросшиеся кусты рододендрона, разместившиеся на клумбе вдоль всего торца здания.

Лисбет слышала глухой звук шагов бегущего Магге Лундина, но видеть его не могла. Она сидела, едва дыша, в кустарнике, прижавшись спиной к стене дома.

Лундин проскочил мимо и остановился метрах в пяти от нее. Выждав

секунд десять, он вернулся и трусцой обежал двор. Вскоре появился снова и застыл на том же месте, где раньше. На этот раз он простоял, замерев, секунд тридцать. Лисбет собиралась с силами, готовая немедленно броситься наутек, если он ее заметит. Затем байкер снова пришел в движение и прошел от нее в двух метрах. Она слышала, как его шаги затихают во дворе.

Когда Микаэлю все же удалось подняться на ноги, он почувствовал тяжелое головокружение и боль в затылке и челюсти. Из разбитой губы сочилась кровь, вкус которой ощущался во рту. Он попробовал сделать несколько шагов, но закачался.

И все же он вновь поднялся наверх лестницы и огляделся. Внизу, метрах в ста от него, легкой трусцой убегал нападавший. На секунду мужчина остановился, присмотрелся к проходу между домами и снова продолжил бег вдоль улицы. Микаэль подошел к краю площадки и посмотрел ему вслед. Перейдя на другую сторону Лундагатан, тот вскочил в фургон «Додж», который раньше стоял у подъезда Лисбет, и машина тут же свернула за угол, направляясь к Цинкенсдамму.

Микаэль медленно брел вдоль верхней части Лундагатан, шаря взглядом в поисках Лисбет Саландер. Ее нигде не было видно. Кругом ни души, и он поразился, какой пустынной может оказаться стокгольмская улица в три часа воскресным мартовским утром. Он решил вернуться к подъезду дома Лисбет в нижней части Лундагатан. Проходя мимо машины, где случилось нападение, наступил на что-то и обнаружил ключи Лисбет. Нагнулся за ними и увидел под машиной ее сумку.

Постояв и подумав, что ему делать, он наконец подошел к парадной и попробовал все ключи из связки. Ни один не подошел.

Лисбет Саландер неподвижно просидела в кустарнике пятнадцать минут, лишь поглядывая на часы время от времени. В самом начале четвертого она услышала, как дверь сначала открылась, потом закрылась, а затем раздались шаги в направлении стоянки для велосипедов.

Когда все звуки смолкли, она медленно встала на колени и высунула голову из куста. Внимательно изучила каждый угол двора, но не увидела Магге Лундина. Ступая как можно бесшумнее, вернулась на улицу, в любой момент готовая развернуться и броситься бежать. Дойдя до угла дома, замедлила шаг, осмотрела улицу впереди и увидела Микаэля Блумквиста у своего подъезда. В руках он держал ее сумку.

Она замерла, встав за уличным фонарем, едва Микаэль направил

взгляд в сторону ее угла, но не увидел ее.

Он простоял у ее подъезда минут тридцать. Лисбет терпеливо следила за ним, оставаясь неподвижной, пока он не ушел в сторону Цинкенсдамма, оставив надежду. Дождавшись, пока он не скроется из виду, она еще постояла и задумалась над тем, что произошло.

Микаэль Блумквист.

Лисбет никак не могла взять в толк, как это он тут очутился. С другой стороны, само нападение можно истолковать однозначно.

Чертов Карл Магнус Лундин.

Магге Лундин встречался с верзилой-блондином, а того она видела вместе с адвокатом Нильсом Бьюрманом.

Чертов старпер Нильс Бьюрман!

Этот проклятый лузер нанял гнусного альфа-самца, чтобы разделаться с нею, хотя она четко объяснила ему, что его ждет, если он ослушается.

Лисбет Саландер просто кипела от ярости. Она так озлобилась, что ощутила во рту вкус крови. Ну, теперь она ему покажет!

Часть 3
Уравнения, не имеющие решений
23 марта – 2 апреля

Существуют уравнения, не имеющие решений ни при каких значениях неизвестных, например

$(x + y)(x - y) = x^2 - y^2 + 1.$

Глава 11

Среда, 23 марта – четверг, 24 марта

Красной ручкой Микаэль Блумквист поставил восклицательный знак и обвел его кружком на полях рукописи Дага Свенссона. Он хотел, чтобы рассуждение в этом месте было подкреплено ссылкой на источник.

Был вечер в среду, накануне Великого четверга, и почти все сотрудники «Миллениума» наметили себе пасхальные каникулы на неделю. Моника Нильссон была за границей, Лотта Карим уехала с мужем в горы, Хенри Кортес оставался на месте и отвечал на телефонные звонки, но Микаэль отпустил его домой, так как последнее время никто не звонил, а он сам все равно собирался посидеть в редакции. Хенри умчался к своей нынешней подружке с улыбкой на лице.

Дага Свенссона не было видно. Микаэль, сидя в одиночестве, прочесывал его текст. В книге планировалось двенадцать глав общим объемом двести девяносто страниц. Девять глав из двенадцати были полностью подготовлены Дагом, и Микаэль Блумквист прочитал их слово за словом, возвращая автору текст, когда требовались разъяснения или другие формулировки.

Микаэль считал Дага Свенссона способным журналистом, и его собственные замечания сводились в основном к незначительным пометкам на полях. Приходилось напрячься, чтобы найти что-нибудь требующее вмешательства. За все недели, пока пачка с рукописью росла на письменном столе Микаэля, они поспорили всерьез только раз – по поводу текста, занимавшего не больше страницы. Микаэль хотел вычеркнуть этот кусок, а Даг боролся за то, чтобы его сохранить. Но это, в сущности, пустяк.

Короче говоря, «Миллениуму» досталась великолепная книга, и вскоре она попадет в типографию. Микаэль не сомневался, что ее выход в свет спровоцирует кучу кричащих заголовков статей. Даг Свенссон был столь беспощаден в разоблачении людей, пользующихся услугами проституток, и так убедительно излагал материал, что сомнений не оставалось: в обществе что-то не так. Одной из сильных сторон книги было писательское дарование Дага. Другой служили факты, положенные в основу изложения. Это было журналистское расследование высшего класса.

За прошедшие месяцы Микаэль сделал три основных заключения о Даге. Во-первых, он был добросовестный журналист, не позволявший себе

недоделок. Во-вторых, ему не свойственна глубокомысленная риторика, переходящая в словоблудие, столь типичная для репортажей на общественные темы. Книга была скорее объявлением войны, чем репортажем. Микаэль одобрительно улыбнулся. В-третьих, Даг, хоть и моложе Микаэля почти на пятнадцать лет, испытывал такую же страсть, как когда-то и он сам, бросившись на борьбу с ничтожествами из числа экономических журналюг и выпустив скандальную книгу, которую ему до сих пор не могут простить в некоторых редакциях.

Важно, чтобы книга Дага Свенссона ни в чем не давала слабину. Если уж репортер вылезает с такой тематикой, у него в книге не должно быть недочетов, а иначе не стоит и публиковать ее. Сейчас доказательная база была готова процентов на девяносто восемь, но все еще оставались слабые места, требовавшие полировки и утверждения, не подкрепленные документами в той мере, какую Микаэль счел бы достаточной.

В половине шестого он выдвинул ящик письменного стола и извлек сигарету. Эрика Бергер ввела полный запрет на курение в редакции, но сейчас он был в одиночестве, а на выходных здесь никто не появится. Блумквист поработал еще минут сорок, собрал прочитанную главу в папку и положил на стол Эрике для просмотра. Последние три главы Даг Свенссон обещал прислать по электронной почте завтра утром, чтобы Микаэль мог поработать над текстом на праздниках. Во вторник после Пасхи планировалось совещание, на котором Даг, Эрика, Микаэль и секретарь редакции Малин Эрикссон собирались утвердить окончательный текст как книги, так и статьи для «Миллениума». После этого оставалось подготовить макет, что входило в обязанности Кристера Мальма, и послать рукопись в типографию. Микаэль решил не заниматься поиском типографии, а снова заключить договор с «Халльвигс Реклам» в местечке Моргонгова. Они печатали его книгу о деле Веннерстрёма, предложив ему такие финансовые условия и качество исполнения, с которыми мало какая из типографий могла конкурировать.

Взглянув на часы, Микаэль решил побаловать себя еще одной сигаретой, сел у окна и стал смотреть на Гётгатан. Он непроизвольно провел языком по внутренней стороне губы. Рана уже заживала. В который раз Микаэль задумывался над тем, что же такое произошло у двери дома на Лундагатан, где жила Лисбет Саландер.

Наверняка было только ясно, что она жива и вернулась в Стокгольм.

Ежедневно после случившегося Микаэль пытался установить с ней контакт – посылал электронные письма на тот адрес, который у нее был год назад, но ответа не получал. Еще он ходил на Лундагатан. Надежды что-

либо узнать о ней иссякали.

Дверная табличка с именем поменялась. Теперь там стояло «Саландер – Ву». В регистре населения страны значились двести тридцать человек по фамилии Ву, из которых почти сто сорок проживали в Стокгольме и окрестностях, но ни одного – на Лундагатан. Микаэль не представлял себе, кто из этих Ву переехал к Саландер, был ли это ее бойфренд или Лисбет сдала кому-то квартиру. Никто не открыл, когда он постучал.

Наконец Блумквист сел и написал ей простое, немного старомодное письмо.

Здравствуй, Салли!

Не знаю, что случилось год назад, но к настоящему времени даже до такого отпетого тугодума, как я, дошло, что ты решила порвать со мной все контакты. Бесспорно, у тебя полное право решать, с кем тебе общаться, и я не собираюсь ныть по этому поводу. Хочу только сказать, что все еще считаю тебя своим другом, что мне недостает тебя и что я с удовольствием посидел бы с тобой за чашкой кофе, если ты будешь в настроении.

Не знаю уж, в какие передряги ты попала, но разборка на Лундагатан внушает тревогу. Если тебе нужна помощь, можешь звонить когда угодно. Я, как известно, перед тобой в долгу.

Кроме того, у меня твоя сумка. Дай знать, если она тебе нужна. Не хочешь встречаться – тогда просто сообщи, на какой адрес ее послать. Я не стану тебя искать, раз уж ты четко дала мне понять, что не хочешь знать меня.

Микаэль

Никакого ответа, разумеется, не пришло.

Вернувшись домой утром того дня, когда случилось происшествие на Лундагатан, Блумквист открыл сумку Лисбет и выложил ее содержимое на кухонный стол. Бумажник, в котором лежали квитанция, примерно шестьсот шведских крон, двести американских долларов и месячная проездная карточка по Стокгольму и окрестностям. Далее – начатая пачка «Мальборо лайт», три зажигалки «Бик», упаковка таблеток от горла, открытая пачка бумажных носовых платков, зубные щетка и паста, три

гигиенических тампона в боковом кармашке, закрытый пакет презервативов с этикеткой лондонского аэропорта Гатвик, блокнот формата А5 в твердом черном переплете, пять шариковых ручек, баллончик со слезоточивым газом, косметичка с губной помадой и косметикой, а также радио с наушниками, но без батареек, и вчерашний номер газеты «Афтонбладет».

Самый неожиданный предмет лежал в легкодоступном наружном отделении. Это был молоток. Но внезапно атакованная Лисбет не успела достать ни молоток, ни баллончик со слезоточивым газом. Что она, очевидно, использовала, так это связку ключей вместо кастета: на них даже остались следы крови и кожи.

В связке болтались шесть ключей. Три из них были типичными квартирными: от парадной, от квартиры и от французского замка. Но к замкам на Лундагатан они не подошли.

Микаэль раскрыл блокнот и пролистал страницу за страницей. Он сразу узнал четкий аккуратный почерк Лисбет и тут же почувствовал, что это отнюдь не дневник с девичьими секретами. Три четверти его объема заполняли математические каракули. На самом верху первой страницы стояло уравнение, знакомое даже Микаэлю:

$$x^3 + y^3 = z^3$$

Трудностей со счетом у Блумквиста никогда не было. Гимназию он окончил с высшими баллами по математике, что, конечно, не означало, что он хороший математик, а просто свидетельствовало об усвоении школьной программы. Но страницы блокнота Лисбет Саландер содержали записи, которые он не только не понимал, но не стал бы и пытаться осмыслить. Одно уравнение растянулось на целый разворот и закончилось перечеркиваниями и правкой. Трудно было определить, реальны ли эти формулы и вычисления, но, насколько Микаэль знал Лисбет Саландер, он рискнул предположить, что уравнения реальны и что они имеют некий потаенный смысл.

Он долго листал блокнот. Уравнения были ему понятны не более, чем китайская грамота, но он догадался, над чем она размышляла: $x^3 + y^3 = z^3$. Ее увлекала загадка Ферма, классическая проблема, о которой слышал даже Микаэль Блумквист. Он глубоко вздохнул.

На последней странице Микаэль обнаружил несколько кратких и в высшей степени загадочных записей, не имевших никакого отношения к математике, но все же похожих на формулу, например:

(Блондин + Магге) = НЭБ

Некоторые заметки были подчеркнуты и обведены кружками, что не делало их понятнее. В самом низу страницы стоял телефон автомобильной фирмы «Автоэкспорт» в Эскильстуне.

Микаэль даже не пытался интерпретировать эти записи. Он подумал, что это просто каракули, сделанные в задумчивости.

Затушив окурок и надев пиджак, Блумквист включил редакционную сигнализацию и пошел к автобусной станции у Шлюза. Там он сел на автобус, шедший маршрутом на Стэкет, резервацию пижонов в Лэннерсте. Он был приглашен на ужин к сестре, Аннике Блумквист, в замужестве Джаннини, которой исполнилось сорок два года.

Эрика Бергер начала свои праздничные выходные с тяжелой, мучительной трехкилометровой пробежки, заканчивавшейся у пароходного причала в Сальтшёбадене. Последние месяцы она пропустила много занятий в гимнастическом зале и теперь чувствовала, что мышцы задеревенели. Обратно она возвращалась шагом. У мужа была лекция на выставке в Музее современного искусства, и домой раньше восьми он не попадет. Тогда она откроет бутылку хорошего вина, приготовит ванну и соблазнит мужа. Это могло отвлечь ее от мыслей о проблеме, которая ее мучила.

Четыре дня назад ее пригласил на деловой ланч замдиректора одного из крупнейших предприятий в сфере массовой информации. Уже за салатом он самым серьезным тоном высказал намерение предложить ей пост главного редактора крупнейшей газеты, которой владело предприятие. «Правление обсудило несколько кандидатур, и мы пришли к выводу, что именно вы принесли бы газете наибольшую пользу. Мы хотим вас», – объявил он. Предложение включало зарплату, рядом с которой ее вознаграждение в «Миллениуме» было просто смехотворным.

Предложение настигло Эрику как гром среди ясного неба, и на время она утратила дар речи.

– Почему именно я? – наконец спросила она.

Замдиректора темнил, пытался уйти от ответа, но под конец сказал, что Эрика известный, уважаемый и, как свидетельствуют многие, прекрасный руководитель. Умение, с которым она вытащила «Миллениум» из болота, в котором журнал находился два года назад, получило признание. К тому же Большой Дракон нуждался в модернизации. Налет старины привел к тому, что число молодых подписчиков стало заметно и постоянно снижаться. Сделать зубастую женщину, к тому же феминистку, главным редактором в самой консервативной газете мужского населения Швеции было вызывающе и нагло. В общем, это было единодушное решение, или, скажем, почти единодушное. По крайней мере, так решили те, с кем нужно считаться.

– Но я не разделяю основных политических позиций газеты, – возразила Эрика.

– Кому какое дело? Вы же не записная оппозиционерка и будете шефом, а не политруком, а руководство само все решит.

Чего он не коснулся, так это классового смысла вопроса. Эрика имела нужное происхождение и среду воспитания.

Она ответила, что интуитивно чувствует притягательность этого предложения, но не может согласиться сразу. Ей нужно все тщательно обдумать. Они договорились, что Эрика ответит, по возможности не откладывая. Замдиректора заметил, что, если причиной ее сомнения служит размер зарплаты, они могут продолжить обсуждение соответствующих цифр. К тому же ей предлагается исключительный по масштабам «золотой парашют»[22].

«А ведь пора подумать и о пенсии», – пришло Эрике в голову. Ей скоро сорок пять. Сколько воды на ней возили, пока она была начинающей или замещающей сотрудницей… Именно она взрастила «Миллениум», стала главным редактором лишь благодаря собственным заслугам. Неумолимо приближался момент, когда ей придется снять трубку и сказать «да» или «нет», а она все еще не решила, что ей делать. Всю последнюю неделю Эрика собиралась обсудить это с Микаэлем Блумквистом, но так и не удосужилась. Она чувствовала, что подспудно хотела скрыть от него данную ситуацию, а из-за этого ее мучила совесть.

Предложение имело явные недостатки. Положительный ответ означал бы конец сотрудничества с Микаэлем. Он бы никогда не последовал за ней к Большому Дракону, чем бы она ни подсластила подобное предложение. Деньги ему не нужны, и он был вполне доволен возможностью в спокойной обстановке кропать свои тексты.

Эрика была довольна ролью главного редактора «Миллениума». Она

давала ей определенный статус в журналистских кругах, который ей самой казался почти незаслуженным. Она работала редактором, а не поставщиком новостей. То была не ее стезя, она считала себя посредственным журналистом. Но у нее хорошо получались беседы на радио и телевидении, а главное – она была классным редактором. Тем более что ей, как главному редактору, доводилось прикладывать руку и к текущему редактированию.

Конечно, Эрика Бергер испытывала соблазн. И даже не столько из-за высокой зарплаты, сколько оттого, что благодаря новой должности она станет одной из самых влиятельных фигур в медиабизнесе. «Такое предложение дважды не делают», – заметил директор в разговоре.

Где-то у «Гранд-отеля» на берегу Сальтшёбадена она осознала, что, к сожалению, не сможет сказать «нет». На секунду ей стало страшно оттого, что придется выложить эту новость Микаэлю Блумквисту.

Обед в семье Джаннини, как всегда, проходил в обстановке легкого хаоса. У сестры Микаэля Анники было двое детей: Моника тринадцати лет и Дженни десяти лет. Ее муж Энрико Джаннини, возглавлявший скандинавское отделение международной биотехнологической компании, имел на своем попечении сына Антонио от предыдущего брака. Другие гости включали маму Энрико Антонию, брата Пьетро с женой Евой-Лоттой и детьми Петером и Никола. Кроме того, в том же квартале жила сестра Энрико с четырьмя детьми. На ужин пригласили также тетушку Энрико, Анджелину, которую родня числила просто-напросто сумасшедшей, или, во всяком случае, невероятно эксцентричной особой, а вместе с ней и ее нового бойфренда.

Уровень хаоса, царившего за обеденным столом весьма внушительных размеров, был немаленьким. Разговор шел на трескучей смеси шведского и итальянского, иногда всеми разом; ситуацию усугубила Анджелина, на весь вечер затеявшая разговор, почему это Микаэль до сих пор холостяк, и предлагавшая на выбор несколько подходящих кандидатур из числа дочерей ее знакомых. Наконец Микаэль пояснил, что и рад бы жениться, да его любовница, к сожалению, замужем. Это заставило Анджелину ненадолго примолкнуть.

В половине восьмого вечера зазвонил мобильник Микаэля. Он-то думал, что отключил телефон и пропустит разговор, но успел выудить его из внутреннего кармана пиджака, который кто-то забросил на шляпную полку. Это был Даг Свенссон.

– Не помешал?

– Не особенно. Я ужинаю у сестры вместе с кучей ее родственников со стороны мужа. А что случилось?

– Тут вот какое дело. Я попытался дозвониться до Кристера Мальма, но он не берет трубку.

– Он со своим бойфрендом в театре.

– Вот не везет. Я пообещал встретиться с ним завтра утром в редакции, показать фотографии и иллюстрации для книги. Он хотел заняться ими в праздник. Но Миа вдруг надумала ехать к родителям в Даларну, показать им диссертацию. Поэтому мы должны выехать завтра рано утром.

– Ну, хорошо.

– Но у меня все иллюстрации на бумаге, я не могу переслать их по электронной почте. Ничего, если я передам фотографии тебе сегодня вечером?

– Но… Слушай, я сейчас в Лэннерста, побуду тут еще немного, а потом двинусь в город. К тебе в Эншеде мне только сделать небольшой крюк с дороги. Ближе к одиннадцати подойдет?

Даг Свенссон не имел ничего против.

– У меня еще одно дело. Только, боюсь, тебе это не понравится.

– Ну, давай, говори.

– У меня тут одна непонятка, которую я хотел бы прояснить, пока книга не пошла в печать.

– А о чем речь?

– Зала. Пишется через «З».

– Что еще за Зала?

– Зала – это гангстер, вроде из Восточной Европы, может быть, из Польши. Я упоминал о нем в электронном письме тебе с неделю тому назад.

– Извини, что-то не припомню.

– Он появляется в материалах то там, то сям. Его, похоже, все боятся, и никто не хочет о нем говорить.

– Вот оно как…

– Пару дней назад я снова на него наткнулся. Я думаю, он сейчас в Швеции. Его надо включить в список клиентов проституток, который у меня в седьмой главе.

– Даг, ты не можешь заняться сбором материала за три недели до отправки рукописи в типографию.

– Я знаю. Но тут особое дело. Я разговаривал с одним полицейским, который тоже слышал про Залу… В общем, мне кажется, стоит потратить несколько дней на следующей неделе, чтобы поискать его.

– Зачем? У тебя разве мало гадов в тексте?

– Похоже, что это особый негодяй. Никто толком не знает, кто он.

Чутье подсказывает мне, что тут еще стоит покопать.

– Чутью необходимо доверять, – отозвался Микаэль. – Но если говорить серьезно, то передвинуть срок сдачи книги совершенно невозможно. У нас договор с типографией, и книга должна выйти одновременно с номером «Миллениума».

– Я знаю, – грустно ответил Даг.

Только Миа Бергман заварила кофе и налила его в термос, как в дверь позвонили. Часы показывали почти девять. Дагу было ближе идти к двери, и он, в уверенности, что это Микаэль Блумквист пришел раньше, чем планировал, открыл, даже не посмотрев в дверной глазок. Но вместо Микаэля Блумквиста перед ним стояла невысокого роста девица, по возрасту несовершеннолетняя.

– Мне нужно видеть Дага Свенссона и Миа Бергман, – начала она.

– Я и есть Даг Свенссон.

– Я должна с вами поговорить.

Даг машинально взглянул на часы. Миа тоже вышла в прихожую и с любопытством разглядывала незнакомку из-за плеча Дага.

– Не слишком ли позднее время для визита? – поинтересовался тот.

Девушка смотрела на него, храня терпеливое молчание.

– Поговорить о чем?

– О книге, которую вы собираетесь публиковать в «Миллениуме».

Даг и Миа переглянулись.

– А ты кто такая?

– Эта тема и меня волнует. Можно мне войти или мы будем разговаривать на площадке?

Свенссон на секунду заколебался. Девушка, конечно, была ему совершенно не знакома, да и время для визита выбрала неподходящее, но выглядела она достаточно безобидно, чтобы ее впустить. Даг проводил ее к столу в гостиной.

– Может быть, хочешь кофе? – спросила Миа.

Даг недовольно покосился на свою подругу.

– Как насчет того, чтобы ответить на мой вопрос – кто ты такая?

– Да, спасибо. В смысле кофе. Меня зовут Лисбет Саландер.

Миа пожала плечами и открыла термос. Она уже расставила на столе чаши, готовясь к приходу Микаэля Блумквиста.

– А откуда тебе известно, что я думаю публиковать книгу в «Миллениуме»? – спросил Даг.

Внезапно в нем проснулась подозрительность. Девушка,

проигнорировав его вопрос, посмотрела на Миа Бергман. Кривую ухмылку при некотором усилии можно было истолковать как улыбку.

– Интересная диссертация, – сказала она.

Миа удивленно раскрыла глаза.

– Откуда тебе известно о моей диссертации? – спросила она.

– Случайно попался экземпляр, – туманно ответила девушка.

Раздражение Дага Свенссона усиливалось.

– Давай-ка лучше объясни, чего тебе надо, – потребовал он.

Девушка выдержала его взгляд. Он вдруг обратил внимание на цвет ее радужной оболочки. Он был таким темным, что ее глаза на свету казались черными как уголь. Еще он подумал, что, скорее всего, ошибся в ее возрасте и она старше, чем ему показалось вначале.

– Я хочу знать, почему вы ходите, задаете вопросы о Зале, Александре Зале, – сказала Лисбет Саландер. – И прежде всего я хочу понять, что вам о нем известно.

«Александр Зала», – ошеломленно подумал Даг Свенссон. Он еще ни разу не слышал, чтобы Залу назвали по имени.

Даг Свенссон внимательно посмотрел на девушку, стоявшую перед ним. Она взяла чашку и отпила глоток кофе, не спуская с него взгляда, начисто лишенного тепла. Ему даже стало как-то не по себе.

В отличие от Микаэля и других присутствующих взрослых, а также несмотря на свой день рождения, Анника Джаннини пила только легкое пиво, а от вина и водки воздержалась. К половине одиннадцатого она была практически трезвой. Считая своего старшего брата в некоторых отношениях порядочным оболтусом, за которым надо присматривать, Анника великодушно предложила подвезти его до Эншеде. Она планировала только подбросить его до автобусной остановки в Вэрмдёвеген, тогда до Стокгольма оставалось бы не так далеко.

– Почему ты не покупаешь себе машину? – укоризненно спросила она, пока Микаэль пристегивал ремень безопасности.

– Потому что, в отличие от тебя, я живу так близко от работы, что хожу пешком, и машина мне бывает нужна примерно раз в год. Кроме того, я все равно не мог бы сесть за руль, потому что твой благоверный поил меня водкой из Сконэ.

– Он понемногу «ошведывается». Лет десять назад предложил бы что-нибудь итальянское.

По дороге они могли пообщаться как брат с сестрой. Если не считать назойливой тетушки с отцовской стороны, двух менее назойливых тетушек

с материнской да нескольких дальних кузин и кузенов, у Микаэля и Анники не оставалось близких родственников. Трехлетняя разница в возрасте, дававшая о себе знать, когда они были подростками, лишь сблизила их, когда они повзрослели.

Анника окончила юридический факультет, и Микаэль считал, что из них двоих сестра определенно талантливее. Она без устали училась, по окончании университета несколько лет проработала в суде, затем получила место помощника одного из самых известных в Швеции адвокатов и, наконец, открыла собственную контору. Ее специализацией было семейное право, и со временем сфера ее интересов сместилась в сторону защиты женского равноправия. Анника часто выступала в роли адвоката женщин, подвергшихся насилию, написала об этом книгу и приобрела известность. В довершение всего она, находясь в рядах социал-демократов, активно участвовала в политической деятельности своей партии, за что Микаэль прозвал ее Политрук.

Сам Блумквист еще в ранней молодости принял решение не совмещать партийную принадлежность с журналистской честностью. Он даже избегал голосования на выборах, и в тех случаях, когда все же голосовал, отказывался рассказывать любопытствующим, включая Эрику Бергер, кому он отдал свой голос.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила Анника, когда они проезжали по мосту Скуруброн.

– Хорошо, в общем-то.

– Тогда что не так? Микке, тебя-то уж я знаю. Весь вечер был какой-то хмурый.

Микаэль помолчал.

– Не так уж все просто. В данный момент меня мучают две проблемы. Одна связана с девушкой, которая помогла мне в ходе дела Веннерстрёма два года тому назад, а потом безо всяких объяснений бесследно исчезла с моего горизонта. Больше года о ней не было ни слуху ни духу, пока я не увидел ее на прошлой неделе.

Микаэль рассказал о нападении на Лундагатан.

– А ты заявил в полицию? – сразу спросила Анника.

– Нет.

– Почему?

– Эта девушка очень нелюдимая. К тому же на нее напали – ей и подавать заявление.

Уж это-то, насколько мог судить Микаэль, вряд ли входило в ближайшие планы Лисбет Саландер.

– Вот упрямый осел, – добродушно заметила Анника и потрепала Микаэля по щеке. – Вечно все хочешь сделать сам. А в чем вторая проблема?

– В «Миллениуме» мы готовим публикацию, которая вызовет бум. Я весь вечер думал, не посоветоваться ли с тобой. Я имею в виду совет адвоката.

Анника удивленно воззрилась на брата.

– Посоветоваться со мной? Это что-то новое.

– Тема публикации – секс-трафикинг и насилие над женщинами. Ты же работаешь в этом направлении как адвокат. Ясно, что ты не имеешь отношения к вопросам свободы печати, но мне бы очень хотелось, чтобы ты почитала тексты, прежде чем мы отправим их в типографию. Речь идет как о журнальных статьях, так и о книге, поэтому получается большой объем чтения.

Анника хранила молчание, свернув на Хаммарбю-фабриксвег, проехав мимо Сикла-шлюза. Она кружила по мелким улицам, продвигаясь параллельно Нюнесвеген, пока не свернула на Эншедевеген.

– Знаешь, Микаэль, я только раз в жизни на тебя рассердилась.

– А я и не знал, – заметил он.

– Это случилось, когда против тебя возбудил иск Веннерстрём и тебя приговорили к трехмесячному заключению за оскорбление клеветой. Я так на тебя рассердилась, что готова была лопнуть от злости.

– Почему? Я же допустил ошибку.

– Ты и раньше допускал ошибки. Но на этот раз ты нуждался в адвокате – и не подумал обратиться ко мне. Вместо этого ты сел, а тебя поливали грязью в печати и на суде. Ты вообще не защищался. Мне чуть конец не пришел.

– Там были особые обстоятельства, и ты ничего не смогла бы поделать.

– Да, но это я поняла лишь год спустя, когда «Миллениум» поднялся с колен и растоптал Веннерстрёма. А до тех пор я на тебя была очень обижена.

– Ты все равно ничего не смогла бы сделать, чтобы выиграть процесс.

– Ничего ты не понимаешь, а еще старший брат! Я-то кое-что соображаю – дело было безнадежное. Приговор я тоже читала. Но все дело в том, что ты не связался со мной, не попросил о помощи. А мог бы, вроде: «Слушай, сестренка, мне нужен адвокат». Поэтому я и на суд не пошла.

Микаэль задумался.

– Прости. Мне надо было так и сделать.

– Вот именно.

– Я на целый год был выбит из колеи. Не мог ни с кем разговаривать. Хотел только лечь и умереть.

– Ничего, обошелся без этого.

– Прости…

Анника Джаннини вдруг улыбнулась.

– Отлично. Попросил прощения два года спустя… Ладно, прочитаю я твои тексты. Это срочно?

– Да, мы вот-вот сдадим их в типографию. Сверни здесь налево.

Анника Джаннини припарковала машину через дорогу от подъезда, где жили Даг Свенссон и Миа Бергман на улице Бьёрнеборгсвеген.

– Я быстро, – заверил ее Микаэль, перебежал через дорогу и набрал код в подъезде.

Зайдя в парадную, он тут же понял, что наверху творится что-то странное. На лестничной клетке слышались взволнованные голоса, и Микаэль поспешил на третий этаж к Дагу Свенссону и Миа Бергман. Тут он понял, что неладное происходит именно в их квартире, – дверь в нее стояла открытой и пять человек соседей столпились перед ней на лестничной площадке.

– Что случилось? – спросил Микаэль, скорее удивившись, чем встревожившись этой картиной.

Голоса смолкли. На него смотрели пять пар глаз, трое мужских и двое женских, все люди пенсионного возраста. Одна из женщин была в ночной рубашке.

– Отсюда раздавались выстрелы, – ответил мужчина лет семидесяти в коричневом банном халате.

– Выстрелы? – недоуменно переспросил Микаэль.

– Да, только что. Буквально минуту назад в квартире стреляли. Дверь была открыта.

Микаэль протиснулся вперед, позвонил, но одновременно зашел в квартиру.

– Даг? Миа? – крикнул он.

Никто не ответил.

Внезапно Микаэль почувствовал, как у него мороз пробежал по коже. А еще он ощутил запах серы. Зашел в гостиную – и первое, что он увидел, было тело Дага Свенссона, лежавшего лицом в метровой луже крови рядом с обеденным столом, за которым они с Эрикой обедали несколько месяцев назад. О господи!..

Микаэль бросился к Дагу, на ходу вынул мобильник и набрал номер

экстренной помощи 112. Трубку взяли сразу.

– Меня зовут Микаэль Блумквист. Срочно требуется «неотложка» и полиция. – Он продиктовал адрес.

– Что случилось?

– Мужчина. Похоже, ему выстрелили в голову, не подает признаков жизни.

Он нагнулся и попробовал нащупать пульс на шее. Увидев огромный кратер в затылке Дага и заметив, что стоит на чем-то похожем на мозговое вещество, он медленно отвел руку.

Ни одна «неотложная помощь» на свете не смогла бы спасти Дага Свенссона.

Внезапно Микаэлю попались на глаза черепки кофейных чашек, которые Миа Бергман унаследовала от бабушки и которые очень берегла. Он торопливо выпрямился, огляделся по сторонам и крикнул:

– Миа!

Сосед в коричневом халате последовал за ним в прихожую. Микаэль обернулся с порога гостиной и ткнул в его сторону пальцем.

– Не заходите сюда! Возвращайтесь на лестничную площадку.

Сосед, казалось, хотел вначале возразить, потом последовал приказанию. Микаэль немного постоял, затем обошел лужу крови, обогнул тело Дага Свенссона и подошел к спальне.

Миа Бергман лежала на спине, на полу в изножье кровати. «Нет, господи! И Миа тоже!..» Пуля попала ей в лицо, войдя снизу под челюстью ниже левого уха. Выходное отверстие крупное, как апельсин; правая глазница пуста. Крови натекло едва ли не больше, чем у Дага. Сила, с которой вылетела пуля, была настолько мощной, что стена у изголовья кровати, в нескольких метрах от Миа Бергман, оказалась забрызгана кровью.

Микаэль вдруг заметил, что продолжает судорожно сжимать в руке мобильник и что линия экстренной помощи еще не отсоединилась. Он сделал глубокий вдох и поднес телефон ко рту:

– Срочно требуется полиция. Два человека застрелены. Похоже, убиты. Поторопитесь!

Он слышал голос оператора службы спасения, но смысл слов до него не доходил. Ему показалось, что ему изменил слух. Вокруг стояла тишина. Микаэль даже не услышал звука собственного голоса, хотя что-то говорил. Опустив руку с мобильником, он попятился из квартиры. Оказавшись у лестницы, почувствовал, что его колотит дрожь, а сердце странно стучит. Не произнося ни слова, он протиснулся сквозь неподвижно сгрудившихся

соседей и сел на верхней ступеньке. Откуда-то издалека до него доносились голоса соседей, спрашивавших: «Что случилось? Они сами погибли? С ними что-то случилось?» Голоса доносились до него словно из какого-то туннеля.

Микаэль сидел, застыв, как наркоман. Он понял, что находится в состоянии шока. Пригнув голову к коленям, он начал думать. «Боже мой. Да их же убили. Только что застрелили. Может быть, убийца все еще в квартире… Нет… Я бы его увидел. Там площади всего пятьдесят пять квадратных метров». Микаэль не мог совладать с дрожью. Даг лежал лицом вниз, и он не видел его лица, но искаженное лицо Миа словно вплавилось в сетчатку его глаз.

Внезапно Микаэль снова обрел слух, как будто кто-то повернул выключатель. Он беспокойно встал на ноги и поглядел на соседа в коричневом халате.

– Вы стойте тут и никого не пропускайте в квартиру. Полиция и «неотложка» вот-вот прибудут. Я спущусь вниз и открою им дверь в подъезд.

Микаэль бросился вниз, перескакивая через три ступеньки зараз. Внизу он случайно бросил взгляд на лестницу, ведущую в подвал, и застыл на месте, потом шагнул вниз. На полдороге к подвалу отчетливо виднелся револьвер. Похоже, это был «Кольт .45 магнум» – оружие такого же типа, из какого был убит Улоф Пальме[23].

Микаэль подавил импульсивное намерение поднять его и оставил лежать на лестнице. Пройдя к двери, он открыл ее и встал, почувствовав ночной воздух. Лишь услышав короткий сигнал клаксона, вспомнил, что это его сестра и что она его ждет. Он пересек дорогу и подошел к ней.

Анника Джаннини уже открыла было рот, намереваясь съязвить по поводу его долгого отсутствия, как вдруг увидела выражение его лица.

– Ты никого не видела, пока сидела и ждала меня? – спросил Микаэль.

Его голос звучал хрипло и неестественно.

– Нет. А кто это мог быть? Что случилось?

Микаэль немного помолчал, шаря вокруг взглядом. На улице было тихо. Порывшись в пиджаке, он нашел мятую пачку с единственной оставшейся в ней сигаретой, закурил – и услышал далекий звук сирены, приближавшийся к ним. Взглянув на часы, он увидел, что они показывают 23.17.

– Анника, боюсь, эта ночь будет длинной, – произнес Микаэль, не глядя на нее. Из-за поворота появилась полицейская машина.

Первыми на место прибыли полицейские Магнуссон и Ульссон. Они только что были на Нюнесвеген, но вызов туда оказался ложным. За ними начальство – комиссар наружной службы Освальд Мартенссон; он находился неподалеку от Сканстулла, когда поступил вызов из центральной диспетчерской. Они появились почти одновременно, хотя и с двух разных сторон, и увидели мужчину в джинсах и черном пиджаке посреди улицы с поднятой в знак остановки рукой. Из припаркованной машины – в нескольких метрах от мужчины – вышла женщина.

Прибывшие полицейские чуть помедлили. Диспетчерский центр передал сообщение о двух убитых, а человек перед ними держал что-то темное в левой руке. Несколько секунд ушло на то, чтобы понять, что это мобильник. Из машин они вышли одновременно, поправили ремни и подошли поближе к двум фигурам. Мартенссон сразу взял командование в свои руки.

– Это вы сообщили в службу экстренной помощи о выстрелах?

Мужчина кивнул. Он явно находился в состоянии шока. Рука его тряслась, когда он подносил сигарету ко рту.

– Как вас зовут?

– Микаэль Блумквист. Всего несколько минут назад вон там, в квартире, были убиты двое. Их зовут Даг Свенссон и Миа Бергман. Они на третьем этаже. У их двери стоит несколько соседей.

– Боже мой! – воскликнула женщина.

– А кто вы?

– Меня зовут Анника Джаннини.

– Вы здесь живете?

– Нет, – ответил за нее Микаэль. – Я должен был заехать к паре, которую убили. А это моя сестра, она подвозила меня с ужина у нее дома, где я был в гостях.

– Так вы говорите, что двоих застрелили. А вы видели, как это произошло?

– Нет, я нашел их убитыми.

– Пойдем наверх, посмотрим, – сказал Мартенссон.

– Стойте, – прервал Микаэль. – Соседи утверждают, что выстрелы раздались перед самым моим приездом, а я позвонил в службу экстренной помощи вскоре как вошел, может, через пару минут. В общем, всего прошло меньше пяти минут. Значит, убийца неподалеку.

– Но вы не знаете, как он выглядит?

– Мы никого не видели. Может быть, кто-то из соседей и видел…

Мартенссон сделал знак Магнуссону, тот достал рацию и

приглушенным голосом начал докладывать в управление.

– Покажите, куда идти, – попросил Мартенссон.

Войдя в подъезд, Микаэль остановился и молча ткнул пальцем в сторону подвальной лестницы. Мартенссон наклонился и поглядел на револьвер, затем спустился до конца и потрогал дверь в подвал. Она была заперта.

– Ульссон, останься и посмотри тут, – скомандовал Мартенссон.

Кучка соседей у квартиры Дага и Миа уменьшилась. Двое вернулись к себе, но мужчина в коричневом халате все еще стоял на своем посту. Он явно почувствовал облегчение, увидев полицейских.

– Я никого не впустил внутрь, – продолжил он.

– Очень хорошо, – в один голос одобрили его Микаэль и Мартенссон.

– Мне кажется, на лестнице есть следы крови, – сказал полицейский Магнуссон.

Все посмотрели на отпечатки, а Микаэль взглянул на свои итальянские мокасины.

– Возможно, следы мои, – заметил он. – Я был в квартире, а крови там немало.

Мартенссон пристально посмотрел на Микаэля. Приоткрыв дверь в квартиру с помощью авторучки, он увидел следы крови также в прихожей.

– Направо. Даг Свенссон в гостиной, а Миа Бергман в спальне.

Мартенссон быстро осмотрел всю квартиру и вышел через несколько секунд. Переговорив по рации, он попросил прислать дежурных криминалистов. В это время появились сотрудники «неотложки». Мартенссон закончил разговор и поздоровался с медиками.

– Там два человека. Насколько я могу судить, медицинская помощь им уже не нужна. Может кто-нибудь из вас туда заглянуть, постаравшись по возможности не затоптать следы?

Чтобы убедиться в том, что медикам здесь уже нечего делать, много времени не потребовалось. Дежурный врач «Скорой помощи» принял решение не отвозить тела в больницу. Надежд не было, заключил он. Внезапно Микаэль почувствовал острый приступ тошноты и повернулся к Мартенссону.

– Я выйду на улицу, подышать.

– К сожалению, я не могу вас отпустить.

– Не беспокойтесь, – заверил Микаэль, – я только посижу на ступенях подъезда.

– Предъявите, пожалуйста, ваши документы.

Блумквист раскрыл бумажник, где лежало его удостоверение, передал

Мартенссону и, не говоря ни слова, повернулся и пошел вниз по лестнице. Присев на ступеньках перед подъездом, он увидел Аннику вместе с полицейским Ульссоном. Она подошла и села рядом.

– Что случилось, Микке?

– Два очень дорогих мне человека убиты: Даг Свенссон и Миа Бергман. Это его рукопись я собирался тебе показать.

Анника почувствовала, что сейчас не время задавать Микаэлю вопросы. Она обняла брата за плечи и прижала к себе.

Тем временем появились новые полицейские машины. На противоположной стороне улицы уже скопилась небольшая кучка любопытствующих ночных прохожих. Микаэль молча взглянул на них. Полицейские стали молча устанавливать заграждение. Расследование убийства началось.

Ранним утром, в начале четвертого, Микаэль и Анника смогли наконец покинуть дежурных в уголовном розыске. Целый час они просидели в машине Анники напротив подъезда в Эншеде, ожидая приезда дежурного следователя для ведения предварительного расследования.

Поскольку Микаэль был добрым другом убитых и именно он обнаружил их и вызвал полицию, его с сестрой попросили приехать в Кунгсхольмен, в крупнейший полицейский участок Стокгольма, чтобы, как говорят в таких случаях, оказать помощь следствию.

Им пришлось долго ждать, пока их не допросила дежурный следователь Анита Нюберг, по виду девица лет двадцати с пшеничного цвета волосами.

«Наверное, я старею», – подумал Микаэль.

К половине третьего утра он выпил уже столько чашек мерзкого на вкус кофе, что чувствовал себя абсолютно трезвым и больным. Ему даже пришлось невольно прервать допрос и броситься в туалет, где его мучительно вытошнило. Мысленно он так и видел изуродованное лицо Миа Бергман. Выпив несколько стаканов воды и как следует ополоснувшись, Микаэль вернулся на допрос. Он попытался собраться с мыслями и отвечать как можно обстоятельнее на вопросы Аниты Нюберг.

– Были ли у Дага Свенссона и Миа Бергман враги?

– Нет, насколько мне известно.

– Какие у них были отношения?

– Похоже, они любили друг друга. Как-то раз Даг упомянул, что они хотят завести ребенка, когда Миа защитится.

– Они употребляли наркотики?

– Понятия не имею. Но не думаю. Разве что в какой-то особой, приятельской компании…

– Как случилось, что вы так поздно к ним приехали?

Микаэль объяснил обстоятельства.

– Разве это не странно, что вы явились так поздно?

– Да, конечно, но это произошло впервые.

– Откуда вы их знали?

– По работе, – ответил Микаэль и объяснил в подробностях.

Снова и снова звучали вопросы по поводу столь странного времени для посещения.

Выстрелы слышали во всем доме. Они прогремели с интервалом меньше чем пять секунд. Семидесятилетний мужчина в коричневом халате был ближайшим соседом, вышедшим на пенсию майором береговой артиллерии. После второго выстрела он поднялся с дивана, на котором смотрел телевизор, и тотчас вышел на лестничную площадку. Учитывая его болезненные тазобедренные суставы и связанные с этим затруднения, когда он вставал дивана, по его оценке, выходило, что он открыл входную дверь своей квартиры не раньше, чем через тридцать секунд. Ни он и никто другой из соседей не видели злоумышленника.

Согласно оценке соседей, Микаэль появился у квартиры меньше чем через две минуты после выстрелов.

Считая, что улица была у него и Анники перед глазами не меньше тридцати секунд, пока Анника искала нужный им подъезд, парковала машину и перебрасывалась парой слов с Микаэлем, а он затем переходил улицу и поднимался по лестнице, можно было подумать о тридцати-сорокасекундном зазоре. В течение этого времени убийца успел покинуть квартиру, сбежать по лестнице, бросить оружие на лестнице в подвал, выйти из подъезда и скрыться из виду до того, как Анника заглушила мотор машины. И это все при том, что ни одна душа не видела даже тени преступника.

Получалось, что Микаэль и Анника разминулись с убийцей за считаные секунды.

У Микаэля появилось мимолетное подозрение, что инспектор Анита Нюберг допускает мысль, что убийцей мог быть он сам: что он просто спустился на этаж ниже и притворился, что только что появился, когда собрались соседи. Но у Микаэля было алиби: показания его сестры и бесспорный расклад времени. Все его действия, включая телефонный разговор с Дагом Свенссоном, могли подтвердить многочисленные гости семейства Джаннини.

Наконец вмешалась Анника. Она сказала, что Микаэль оказал следствию всю возможную разумную помощь, что он, очевидно, устал и плохо себя чувствует. Пора прекращать допрос. Надо дать ему возможность поехать домой. Она напомнила, что является адвокатом своего брата и что у него есть определенные права, установленные если не Богом, то риксдагом.

Оказавшись на улице, они помолчали, стоя у машины Анники.

– Иди домой, поспи, – посоветовала она.

Микаэль покачал головой.

– Я должен съездить к Эрике, – возразил он. – Она их тоже знала. Нельзя просто позвонить ей и рассказать по телефону, и я не хочу, чтобы она проснулась и услышала о них в новостях.

Анника на секунду засомневалась, но потом поняла, что брат прав.

– Значит, едем к Сальтшёбаден? – спросила она.

– А ты еще в силах?

– Зачем же еще нужны младшие сестры?

– Если подбросишь меня до Накка-центра, я могу взять там такси или подожду автобус.

– Глупости. Садись, я тебя отвезу.

Глава 12

Великий четверг, 24 марта

Разумеется, Анника Джаннини очень устала, и Микаэлю удалось уговорить ее не делать часовой объезд вокруг Леннерстасунда, а высадить его у Накка-центра. Чмокнув ее в щеку, он поблагодарил за помощь ночью, подождал, пока она развернется и исчезнет из виду, а потом вызвал по телефону такси.

Прошло два года с тех пор, как Микаэль в последний раз появлялся в районе Сальтшёбаден. Он был у Эрики и ее мужа всего несколько раз. «Наверное, это признак инфантилизма», – решил он.

О подробностях семейной жизни Эрики и Грегера Микаэль не был осведомлен. Сам он знал Эрику с начала 80-х годов и был готов продолжать эту связь до глубокой старости, когда будет не способен вылезти из кресла-каталки. На короткое время их отношения прервались в конце 80-х, когда он женился, а она вышла замуж. Перерыв длился чуть больше года, а затем они оба изменили своим супругам.

У Микаэля это закончилось разводом. Муж Эрики, Грегер Бекман, рассудил, что многолетняя сексуальная страсть, вероятно, оказалась столь сильной, что ни условности, ни общественная мораль не способны развести их по разным постелям. Он также объяснил Эрике, что не хочет потерять ее, как Микаэль потерял свою жену.

Когда Эрика призналась мужу в неверности, Грегер Бекман решил наведаться к Микаэлю Блумквисту. Тот ждал и боялся его прихода: он чувствовал себя негодяем. Но вместо того, чтобы заехать Микаэлю по физиономии, Грегер предложил ему пошататься по кабакам. После третьей пивной на Сёдермальме они достаточно набрались и созрели для настоящего разговора, который произошел уже ближе к рассвету на парковой скамейке у площади Марияторгет.

Не веря ушам своим, Микаэль выслушал предупреждение Грегера: если Микаэль попытается разрушить его брак с Эрикой, он нагрянет к нему на трезвую голову и с дубинкой; но если это всего лишь зов плоти, который дух не способен смирить и образумить, тогда для него это терпимо.

Теперь связь Микаэля и Эрики продолжалась с санкции Грегера. Они даже не пытались скрывать ее от него. Насколько было известно Микаэлю, брак у Грегера и Эрики оставался благополучным. Его устраивало, что Грегер без возражений смирился с их связью до такой степени, что Эрике

было достаточно снять телефонную трубку и известить мужа, что она собирается провести ночь у Микаэля, причем случалось это весьма регулярно.

Грегер Бекман никогда слова плохого не сказал о Микаэле. Напротив, он вроде даже считал, что отношения Эрики и Микаэля – это к лучшему, что его собственная любовь к Эрике лишь усилилась и что она никогда от него не уйдет.

Микаэль, напротив, всегда чувствовал себя неловко в обществе Грегера, что можно истолковать в духе «за все надо платить», в данном случае за отношения вне предрассудков. Вот почему он посещал Сальтшёбаден в основном по случаю званых обедов, когда его отсутствие могло восприниматься как демонстративное.

Теперь он стоял перед их виллой площадью двести пятьдесят квадратных метров. Как ни мучительно было являться сюда с тяжелыми новостями, он решительно нажал кнопку звонка и не отпускал секунд сорок, пока не услышал шаги. Открыл Грегер Бекман, с недовольным заспанным видом придерживая полотенце вокруг бедер. Но при виде любовника жены его сонливость мигом исчезла, уступив место недоумению.

– Привет, Грегер, – произнес Микаэль.

– Доброе утро, Блумквист. Какого черта? Ты соображаешь, который час?

Грегер Бекман был худощавый блондин с грудью, заросшей густыми волосами, и почти лысой головой. Лицо его покрывала недельная щетина, правую бровь пересекал заметный шрам – след серьезной аварии во время плавания на парусной яхте несколько лет назад.

– Начало шестого, – ответил Микаэль. – Ты не разбудишь Эрику? Мне нужно с ней поговорить.

Грегер рассудил, что раз уж Микаэль Блумквист преодолел свое нежелание появляться в Сальтшёбадене и встречаться с ним, значит, случилось что-то невероятное. К тому же, судя по его виду, сопернику сейчас не помешала бы кружка грога, да и кровать – основательно выспаться. Он открыл дверь пошире, впустил Микаэля и спросил:

– Что случилось?

Не успел Микаэль ответить, как появилась Эрика Бергер, спускаясь сверху по лестнице и на ходу завязывая пояс белого банного халата. Увидев в прихожей Микаэля, она встала как вкопанная.

– Что такое?

– Даг Свенссон и Миа Бергман, – ответил Микаэль.

Лицо его явно говорило о том, с какой новостью он пришел.

– Нет! – вскрикнула Эрика, закрыв рот рукой.

– Я прямо из полиции. Сегодня ночью они оба были убиты.

– Убиты? – в один голос воскликнули Эрика и Грегер.

Эрика недоверчиво вытаращилась на Микаэля.

– Ты что, серьезно?

Тот молча кивнул.

– Кто-то зашел в их квартиру в Эншеде и застрелил их. Это я нашел их тела.

Эрика села на ступеньку.

– Мне не хотелось, чтобы ты узнала об этом из утренних новостей, – пояснил Микаэль.

Без одной минуты семь утром Великого четверга Микаэль и Эрика уже были в редакции «Миллениума». Бергер дозвонилась и разбудила Кристера Мальма и секретаря редакции Малин Эрикссон и рассказала им, что Даг и Миа были убиты ночью. Оба, Кристер и Малин, жили намного ближе к редакции, так что они приехали первыми и уже включили кофеварку.

– Черт знает что! Как это случилось? – спросил Кристер.

Малин зашикала на него и прибавила громкости в выпуске новостей.

Двое, мужчина и женщина, были застрелены поздно вечером в квартире в районе Эншеде. Полиция считает, что речь идет о двойном убийстве. Ни один из погибших не был ранее известен полиции. Что кроется за этим убийством – неизвестно. Наш репортер Ханна Улофссон сообщает с места событий:

«Незадолго до полуночи в полицию поступил сигнал, что в одном из домов по Бьёрнеборгсвеген в районе Эншеде прозвучали выстрелы. По словам одного из соседей, были произведены несколько выстрелов в квартире. О мотивах ничего не известно и в связи с убийством пока никто не задержан. Полиция оцепила квартиру, в которой работают криминалисты-техники.

– Слишком короткое сообщение, – заметила Малин, уменьшила звук и расплакалась. Эрика подошла и обняла ее за плечи.

– Вот черт! – выругался Кристер, ни к кому персонально не обращаясь.

– Усаживайтесь, – скомандовала Эрика. – Микаэль…

Блумквист снова рассказал о случившемся ночью. Он говорил монотонным голосом, сухим языком журналистской прозы описав, как он

нашел Дага и Мию.

– Вот черт! – снова выругался Кристер Мальм. – Это же просто дикость.

Малин не могла пересилить эмоции, она снова начала плакать, даже не пытаясь скрыть слезы.

– Извините, – только и выдавила она.

– И я чувствую то же самое, – сказал Кристер.

Микаэль удивлялся, что сам он не способен плакать. Он лишь чувствовал внутри огромную пустоту, словно был оглушен.

– Получается, что на настоящий момент мы знаем не слишком много, – сказала Эрика Бергер. – Нам надо обсудить две проблемы. Первая состоит в том, что до сдачи материала Дага Свенссона в типографию остается три недели. Будем ли мы его публиковать? Вторую мы обсудили с Микаэлем по дороге сюда.

– Мы не знаем, почему совершено убийство, – начал тот. – Может быть, это как-то связано с личной жизнью Дага и Миа, а может быть, это был психопат. Но мы также не можем исключить, что это связано с их работой.

За столом повисло молчание. Наконец Микаэль откашлялся и продолжил:

– Итак, мы собираемся опубликовать чрезвычайно острый сюжет, назвав по имени людей, которым меньше всего хотелось бы «светиться» в подобных историях. Даг начал встречаться с этими лицами пару недель назад. Я подумал, а может, кто-то из них…

– Подожди! – воскликнул Малин Эрикссон. – Мы собираемся выставить напоказ трех полицейских, один из которых служит в тайной полиции, а один – в отделе по борьбе с проституцией, нескольких адвокатов, одного прокурора, одного судью и пару падких на клубничку журналистов. Неужели кто-то из них мог совершить двойное убийство, чтобы предотвратить публикацию?

– Н-да… не знаю, – задумчиво пробормотал Микаэль. – Им, конечно, есть что терять, но интуитивно мне кажется, что было бы глупо с их стороны надеяться не допустить публикацию, убив журналиста. Но мы также разоблачаем нескольких сутенеров и, даже не называя их настоящих имен, даем возможность догадаться, кто они такие. Некоторые из них уже имели срок за грубое насилие.

– Ладно, – согласился Кристер. – Но ты описал убийство как чистой воды расправу. Если я правильно интерпретирую материал Дага Свенссона, речь идет о не слишком умных субъектах. Разве такие способны совершить

двойное убийство и скрыться?

– Много ли ума надо, чтобы выстрелить два раза? – возразила Малин.

– Сейчас мы рассуждаем о делах, в которых ничего не понимаем, – прервала ее Эрика Бергер. – Но мы должны подумать о следующем. Если работа Дага, а может, и исследования, изложенные в диссертации Миа, стали причиной убийства, мы должны усилить меры безопасности в нашей редакции.

– Есть еще одна, третья проблема, – присовокупила Малин. – Надо ли нам идти в полицию с известными по материалам именами? Что ты сказал ночью полицейским?

– Я ответил на все полученные вопросы. Я рассказал, над какой темой работал Даг, но меня не спрашивали о деталях, и я не назвал никаких имен.

– Возможно, это следовало бы сделать, – вмешалась Эрика Бергер.

– Не уверен, что следовало бы, – ответил Микаэль. – Допустим, мы дадим полиции список имен. Но что нам делать, если полиция начнет спрашивать, как мы узнали имена пожелавших остаться анонимными? Это относится к нескольким девушкам, с которыми говорила Миа.

– Как тут все запутано! – воскликнула Эрика. – Значит, мы возвращаемся к первой проблеме: публиковать или нет?

– Подожди. Мы, конечно, можем поставить этот вопрос на голосование, но ведь именно я – ответственный редактор, и поэтому впервые собираюсь принять решение целиком на свое усмотрение. Мое решение – «нет». Мы не будем публиковать материал в следующем номере. Не годится делать все так, будто ничего не произошло.

Установилась тишина.

– Я с удовольствием опубликую этот материал, но в нем надо сделать некоторые изменения. Вся документация была в руках Дага и Миа, и существенно то, что Миа собиралась заявить в полицию на тех, кого мы назовем. Она обладала профессиональными знаниями в том, чем занималась. А есть ли они у нас?

Хлопнула входная дверь, и на пороге вдруг появился Хенри Кортес.

– Это были Даг и Миа? – задыхаясь, спросил он.

Все кивнули.

– Черт возьми! С ума сойдешь!

– Как ты узнал об этом?

– Мы с моей девушкой возвращались домой и услышали в такси, по радиосвязи. Полиция собирала информацию о таксистах, ездивших на ту улицу. Я узнал знакомый адрес.

У Хенри Кортеса был такой потерянный вид, что Эрика встала и

обняла его. Он сел за стол, и они возобновили обсуждение.

– Мне кажется, Даг хотел бы, чтобы мы опубликовали его материал.

– Думаю, нам так и надо сделать. Именно книгу. Но сейчас ситуация такова, что публикацию надо сдвинуть по времени.

– Так что же делать? – спросила Малин. – Дело ведь не в одной статье, которую надо заменить, – у нас же тематический выпуск, и значит, все надо переделывать.

Эрика сначала молчала, потом улыбнулась первой за день утомленной улыбкой.

– Ты собиралась отдохнуть на Пасху, Малин? – спросила она. – Забудь об этом. Вот как мы сделаем… Малин, ты я и Кристер сядем и спланируем совершенно новый выпуск без Дага Свенссона. Посмотрим, нельзя ли использовать несколько текстов, намеченных к публикации в июньском номере. Микаэль, сколько материала ты уже получил от Дага Свенссона?

– В окончательном виде у меня есть девять глав из двенадцати, а также предварительная версия десятой и одиннадцатой глав. Даг обещал послать их мне по электронной почте – надо посмотреть ее. Но из последней главы он прислал мне небольшой кусок, а именно там он собирался подвести итоги и сформулировать выводы.

– Но вы с Дагом обсуждали все главы?

– Если ты имеешь в виду, знаю ли я, о чем он собирался писать, то ответ «да».

– Ладно, ты займешься текстами и книги, и статьи. Я хочу знать, сколько там не хватает и возможно ли воспроизвести то, что Даг не успел дописать. Можешь сделать приблизительную оценку этого сегодня в течение дня?

Микаэль кивнул.

– Еще я хочу, чтобы ты продумал, что нам говорить полиции. Что можно сказать, а что грозит нарушением права источников на анонимность. Никто из сотрудников журнала не должен ничего говорить без твоего одобрения.

– Звучит разумно, – согласился Микаэль.

– Допускаешь ли ты всерьез, что работа Дага могла послужить причиной убийства?

– И диссертация Миа… не знаю. Но этого нельзя исключать.

Эрика задумалась.

– Нет, нельзя. Тебе придется взяться за это.

– Взяться за что?

– За расследование.

– Какое расследование?

– Наше расследование, черт побери, – повысила голос Бергер. – Даг Свенссон был журналист и работал на «Миллениум». Если мотивом убийства была его работа, я хочу это знать. Так что придется нам раскапывать, что же произошло. Эта часть расследования будет твоей. Пройдись по всему материалу, оставленному Дагом, и подумай, мог ли он послужить мотивом убийства.

Она перевела взгляд на Эрикссон.

– Малин, если ты поможешь мне приготовить набросок нового выпуска сейчас, мы с Кристером возьмем на себя грубую работу. Но раз уж ты много работала с материалом Дага Свенссона и другими текстами тематического выпуска, я хочу, чтобы ты занималась расследованием убийства вместе с Микаэлем.

Малин кивнула.

– Хенри, ты сможешь сегодня поработать?

– Конечно.

– Начни с оповещения по телефону всех остальных сотрудников «Миллениума» о происшедшем. Затем свяжись с полицией и постарайся узнать, что у них нового. Узнай, не планируют ли они пресс-конференцию или что-то подобное. Мы должны быть в курсе событий.

– Ладно. Сначала я обзвоню сотрудников, потом заеду домой, приму душ и позавтракаю. Вернусь минут через сорок пять, если не заезжать прямо из дома в полицейское отделение в Кунгсхольмене.

– Будь на связи весь день.

За столом повисло молчание.

– Ладно, – подытожил Микаэль. – Пока все?

– Думаю, да, – отозвалась Эрика. – Ты куда-то спешишь?

– Ага. Надо позвонить одному человеку.

Харриет Вангер сидела на застекленной веранде в доме Хенрика Вангера в Хедебю и завтракала. На столе стояли кофе, тосты, сыр и апельсиновый мармелад. Зазвонил ее мобильник. Она ответила, не проверяя на дисплее, кто там.

– Доброе утро, Харриет, – сказал Микаэль Блумквист.

– Слыханное ли дело! Я-то думала, ты раньше восьми не встаешь.

– Конечно, не встаю, кроме тех случаев, когда я вообще не ложился, а сегодня именно такой случай.

– Что-то случилось?

– Ты новости не слушала?

Микаэль в нескольких словах рассказал о событиях дня.

– Какой ужас, – сказала Харриет. – Как ты себя чувствуешь?

– Спасибо за заботу. Бывало и получше. Я позвонил тебе, потому что ты член правления «Миллениума», хотел известить тебя. Думаю, какой-нибудь журналист скоро пронюхает, что это я обнаружил Дага и Мию, возникнут разные предположения, а когда просочится информация, что Даг работал над крупным разоблачением, начнут задавать массу вопросов.

– И ты подумал, что я должна быть к этому подготовлена. Хорошо. Что мне следует говорить?

– Говори все как есть. Тебе рассказали, что произошло. Тебя, разумеется, потрясло жестокое убийство, но ты не в курсе текущей редакционной работы и потому не можешь ничего комментировать. Расследование убийства – дело полиции, а не «Миллениума».

– Спасибо, что предупредил. Я могу быть чем-либо полезна?

– Пока нет. Я извещу тебя, если что-то будет нужно.

– Ладно. И пожалуйста, Микаэль, держи меня в курсе дела.

Глава 13

Великий четверг, 24 марта

Было семь часов утра Великого четверга, когда прокурору Рихарду Экстрёму положили на стол официальное распоряжение о том, что он возглавит следствие по делу о двойном убийстве в Эншеде. Дежурный прокурор, сравнительно молодой и неопытный юрист, понял, что убийство в Эншеде – что-то особенное. Он позвонил и разбудил помощника прокурора своего лена, а тот, в свою очередь, связался с заместителем начальника ленной полиции. Вместе они решили поручить дело добросовестному и опытному прокурору, и таковым они сочли Рихарда Экстрёма, сорока двух лет.

Худощавый, подвижный мужчина с жидкими светлыми волосами и эспаньолкой был ростом сто шестьдесят семь сантиметров, поэтому носил ботинки на каблуках повыше и всегда безупречно одевался. Начав карьеру помощником прокурора в Уппсале, Экстрём был затем переведен в департамент юстиции, где стал экспертом по согласованию шведского законодательства и законодательства Европейского Сообщества, и так преуспел, что некоторое время занимал пост начальника отдела. Он обратил на себя особое внимание, расследуя организационные недостатки в осуществлении юридического правосудия и ратуя за усиление эффективности, а не за увеличение ресурсов, как обычно требовали полицейские службы. После четырех лет в департаменте юстиции Рихард перебрался в прокуратуру Стокгольма, где занимался несколькими делами в связи с нашумевшими ограблениями и преступлениями, сопряженными с грубым насилием.

В кругах государственной администрации Экстрём считался социал-демократом, но на самом деле партийно-политические вопросы его совершенно не интересовали. Средства массовой информации уже уделяли ему некоторое внимание, и в коридорах власти считалось, что начальство держит его на примете. Он был явно потенциальным кандидатом на более высокие должности, у него установились обширные связи в политических и полицейских кругах. Среди полицейских мнение о способностях Экстрёма не было единодушным. Разбирательства, которыми он занимался в департаменте юстиции, оттолкнули от него тех полицейских, которые считали увеличение личного состава полиции наилучшим способом укрепления правопорядка. С другой стороны, он был известен как человек,

которому палец в рот лучше не класть, если он готовит дело к суду.

Когда Экстрём получил краткий доклад дежурных криминалистов о событиях прошедшей ночи в Эншеде, он сразу почувствовал, что это дело имеет большой потенциал и, безусловно, наделает много шума. Это не какое-то там примитивное убийство. Убитыми оказались ученый-криминолог в канун защиты диссертации и журналист. Последних он, в зависимости от ситуации, любил или ненавидел.

В начале восьмого Экстрём кратко переговорил по телефону с начальником уголовной полиции лена. В четверть восьмого он снял трубку и разбудил инспектора уголовного розыска Яна Бублански, известного среди коллег по прозвищу Констебль Бубла, то есть Пузырь. Собственно говоря, сейчас он был выходной на все праздники за счет скопившейся за прошлый год кучи переработанных часов, но сейчас его попросили прервать отдых и немедленно явиться в полицейское управление, чтобы возглавить расследование в Эншеде.

Пятидесятидвухлетний Бублански проработал в полиции больше половины жизни, с двадцати трех лет. Шесть лет он колесил в патрульной полицейской машине, работал в отделах по борьбе с торговлей оружием и воровством, а потом, после курсов повышения квалификации, был переведен в отдел по борьбе с насилием уголовной полиции лена. Скрупулезный подсчет показывал, что за последние десять лет он участвовал в расследовании тридцати трех убийств, умышленных или непредумышленных. В семнадцати из этих случаев Бублански возглавлял расследование, четырнадцать из них были раскрыты, два считались не вызывающими сомнения с полицейской точки зрения, что означало нехватку доказательств для суда, при полной уверенности полиции в отношении убийцы. Оставался еще один случай, теперь уже шестилетней давности, когда Бублански и его сотрудники потерпели неудачу. Имеется в виду дело об убийстве известного алкоголика и скандалиста, зарезанного у себя в квартире в Бергсхамре. Место преступления было эдаким компотом из отпечатков пальцев и следов ДНК, оставленных дюжиной собутыльников, которые в течение года выпивали и дебоширили в квартире. Бублански и его сотрудники были уверены, что убийцу надо искать в обширном кругу знакомых убитого, среди пьяниц и наркоманов, но, несмотря на их упорные усилия, убийце удалось ускользнуть от полиции. По сути дела, расследование было прекращено.

В общем и целом Бублански имел хорошие показатели раскрываемости и явно снискал уважение коллег.

В то же время сослуживцы считали, что он не без странностей.

Отчасти это было связано с тем, что он был еврей и в отдельные праздники являлся в полицию в ермолке. Это повлекло за собой комментарий впоследствии уволившегося полицейского о том, что ермолка неуместна в той же мере, в какой был бы странен вид сотрудника, бегающего по коридору в тюрбане. Однако дебатов по этому поводу не последовало. Один журналист придрался к этому высказыванию и начал задавать вопросы, но полицейский поспешил убраться восвояси в служебный кабинет.

Бублански принадлежал к общине района Сёдер и заказывал вегетарианскую еду, если кошерная была недоступна. Однако он был не настолько ортодоксален, чтобы не работать по субботам. Бублански тоже быстро понял, что двойное убийство в Эншеде не относится к числу обыденных. Едва он появился на службе в начале девятого, как его тотчас отозвал в сторонку Рихард Экстрём.

– Дрянная история, похоже, – без предисловий начал Экстрём. – Убита пара: журналист и криминолог. Вдобавок нашел их тоже журналист.

Бублански кивнул. Это означало, что расследование будет под неусыпным надзором и контролем средств массовой информации.

– А если уж продолжать наступать на больную мозоль, то скажу, что обнаружил их Микаэль Блумквист из «Миллениума».

– Ну и ну, – отозвался Бублански.

– Тот самый, что наделал шума во время дела Веннерстрёма.

– А что известно о мотиве преступления?

– На данный момент ничего. Личности убитых в полицейских регистрах не фигурируют. Пара вполне пристойная. Девушка должна была защищать докторскую через несколько недель. Это расследование должно стать для нас первоочередным.

Бублански кивнул. Для него расследование убийства всегда было делом, не терпящим отлагательств.

– Мы создадим группу. Тебе нужно взяться за работу как можно скорее, а я позабочусь, чтобы ты был обеспечен всем необходимым. Твоими помощниками будут Ханс Фасте и Курт Свенссон. Еще к тебе перейдет Еркер Хольмберг. Он работает над убийством в Ринкебю, но там преступник, судя по всему, скрылся за границей. Он блестящий эксперт-криминалист, опытный специалист по сбору и анализу улик на месте преступления. Если нужно, можешь привлекать следователей из Главного управления уголовной полиции.

– Я хочу привлечь Соню Мудиг.

– Не слишком ли она молода?

Бублански вскинул брови и удивленно посмотрел на Экстрёма.

– Ей тридцать девять, то есть она всего несколькими годами моложе тебя. К тому же она очень сообразительная.

– Ладно, сам решай, кого тебе брать в группу, только не затягивай. Руководство уже интересовалось нами.

Это Бублански счел некоторой фантазией. В столь ранний час руководство еще вряд ли покончило с завтраком.

Всерьез полицейское расследование началось в девять, когда инспектор Бублански собрал свою группу в конференц-зале уголовной полиции лена. Оглядев собравшихся, он понял, что состав группы не вполне удовлетворителен.

Больше всего надежд он возлагал на Соню Мудиг, работавшую в полиции уже двенадцать лет. Четыре из них она была занята в отделе по расследованию насильственных преступлений; некоторые из этих расследований проводились под руководством Бублански. Тщательный и методичный работник, она, как заметил Бублански, обладала качествами, незаменимыми при расследовании самых сложных дел: воображением и ассоциативным мышлением. По крайней мере, в двух каверзных расследованиях Соне Мудиг удалось найти странные и даже притянутые за уши связи, на которые другие не обратили внимания и которые привели к прорыву в расследовании. А еще Соня Мудиг обладала тем прохладно-интеллектуальным типом чувства юмора, который особенно ценил Бублански.

Его также радовало, что в группу вошел Еркер Хольмберг, пятидесятипятилетний сотрудник родом из Онгерманланда. Это был неуклюжий зануда, полностью лишенный фантазии, делавшей Соню Мудиг бесценной. Однако Хольмберг был, по мнению Бублански, лучшим в Швеции экспертом-криминалистом. В минувшие годы они работали вместе над различными делами, и Бублански был твердо убежден в том, что Хольмберг всегда найдет следы преступления на месте, где оно совершено, если хоть какие-нибудь были оставлены. Вот почему главной задачей сейчас было начать работу в квартире в Эншеде.

Курт Свенссон был, в сущности, не знаком Бублански. Молчаливый, крепкого сложения мужчина, с такой короткой стрижкой белокурых волос, что казался лысым. Ему было тридцать восемь, и он недавно перешел сюда из полицейского отделения Хюддинге, где много занимался организованной преступной деятельностью. По слухам, он обладал грубым чувством юмора и тяжелой рукой, что могло служить образным описанием методов, возможно применяемых к подследственным и не вполне

совместимых с полицейским уставом. Однажды, лет десять назад, Курта Свенссона обвинили в применении грубых мер воздействия, что привело к расследованию, которое, однако, признало его невиновным по всем пунктам.

Но известность пришла к нему в связи с совершенно другим случаем. В октябре 1999 года Курт Свенссон с напарником поехал в Альбу за местным дебоширом, которого надо было привезти на допрос. Этот хулиган уже был известен полиции: в течение нескольких лет он держал соседей в страхе, и на него много раз жаловались за угрожающее для соседей поведение. Теперь в полицию поступил сигнал, что он якобы ограбил видеомагазин в Норсборге. Это совершенно рядовое задержание получило злополучное развитие, когда хулиган, вместо того чтобы послушно следовать за полицейскими, выхватил нож. Защищаясь, напарник получил несколько ножевых ран в ладони и лишился большого пальца левой руки. Затем преступник переключил внимание на Курта Свенссона, и тот впервые за всю свою профессиональную жизнь пустил в ход служебное оружие. Он сделал три выстрела: первый был предупредительный, второй дан на поражение. Как ни странно, он промахнулся, хотя их разделяло не больше трех метров. Третья пуля, к несчастью, угодила в середину корпуса и разорвала артерию. Через несколько минут задержанный умер от потери крови. Расследование происшедшего затянулось, но в конце концов сняло всю ответственность с Курта Свенссона, что привело к полемике в средствах массовой информации, в особенности к обсуждению монопольного права государства на насилие. Тогда имя Курта Свенссона ставилось в один ряд с именами двух полицейских, забивших насмерть Осмо Валло[24].

Сначала у Бублански были некоторые сомнения по поводу Курта Свенссона, но по прошествии шести месяцев у него не появилось никаких оснований для нареканий. Более того, Бублански зауважал Свенссона за его немногословный профессионализм.

Последним членом команды Бублански стал Ханс Фасте, сорокасемилетний ветеран отдела борьбы с насилием, отработавший в нем уже пятнадцать лет. Именно из-за него Бублански был не вполне доволен составом группы. Подключение Ханса имело свои плюсы и минусы. К плюсам относилась опытность Фасте, его умение работать над сложными делами. Минусами Фасте Бубласки считал эгоцентризм и привычку громко хохотать, действующую на нервы любому нормальному человеку, а больше всего самому Бублански. Некоторые черты характера и привычки Фасте он просто не выносил. Ладно, если держать его в узде, он – вполне

квалифицированный следователь. К тому же Фасте был кем-то типа ментора для Курта Свенссона, которому гогот Ханса вроде не докучал. Они часто становились напарниками в ходе расследований.

На собрание группы также позвали дежурного криминального инспектора Аниту Нюберг, чтобы проинформировать собравшихся о допросе Микаэля Блумквиста прошедшей ночью, а также комиссара полиции Освальда Мортенссона – сообщить о том, что было на месте преступления, когда они приехали по вызову. Оба были измотаны, им не терпелось поскорее попасть домой и поспать, но Анита Нюберг уже достала фотографии с места происшествия и пустила их по кругу среди сидящих.

После тридцатиминутного совещания ход событий был в основном ясен. Бублански подытожил информацию:

– Отдавая отчет в том, что техническое обследование места преступления продолжается, можно предположить, что события развивались следующим образом… Неизвестный, не замеченный ранее соседями или другими свидетелями, проник в квартиру в Эншеде и убил пару, Свенссона и Бергман.

– Пока не установлено, является ли найденный там револьвер орудием убийства, но он уже направлен в государственную криминалистическую лабораторию, – вторглась Анита Нюберг. – Это сейчас первоочередное. Мы также нашли часть пули, выпущенной в Дага Свенссона, в сравнительно неповрежденном состоянии в стене между гостиной и спальней. А вот от пули, поразившей Мию Бергман, остались одни фрагменты, так что их практически невозможно использовать.

– Спасибо за сообщение. «Кольт», эту проклятую ковбойскую «пушку», надо просто запретить. Известен его серийный номер?

– Пока нет, – ответил Освальд Мортенссон. – Я послал оружие и фрагмент пули в государственную криминалистическую лабораторию прямо с места преступления. Уж лучше они возьмутся за это, чем я начну их трогать.

– Хорошо. Я еще не успел съездить на место преступления, но вы двое там были. Какие у вас заключения?

Анита Нюберг и Освальд Мортенсон переглянулись, и Нюберг предоставила старшему коллеге говорить за них двоих.

– Прежде всего, мы считаем, что убийца – одиночка и что это чистой воды расправа. У меня такое чувство, что у преступника была серьезная причина для убийства Свенссона и Бергман и что он действовал решительно.

– А на чем основано ваше чувство? – спросил Ханс Фасте.

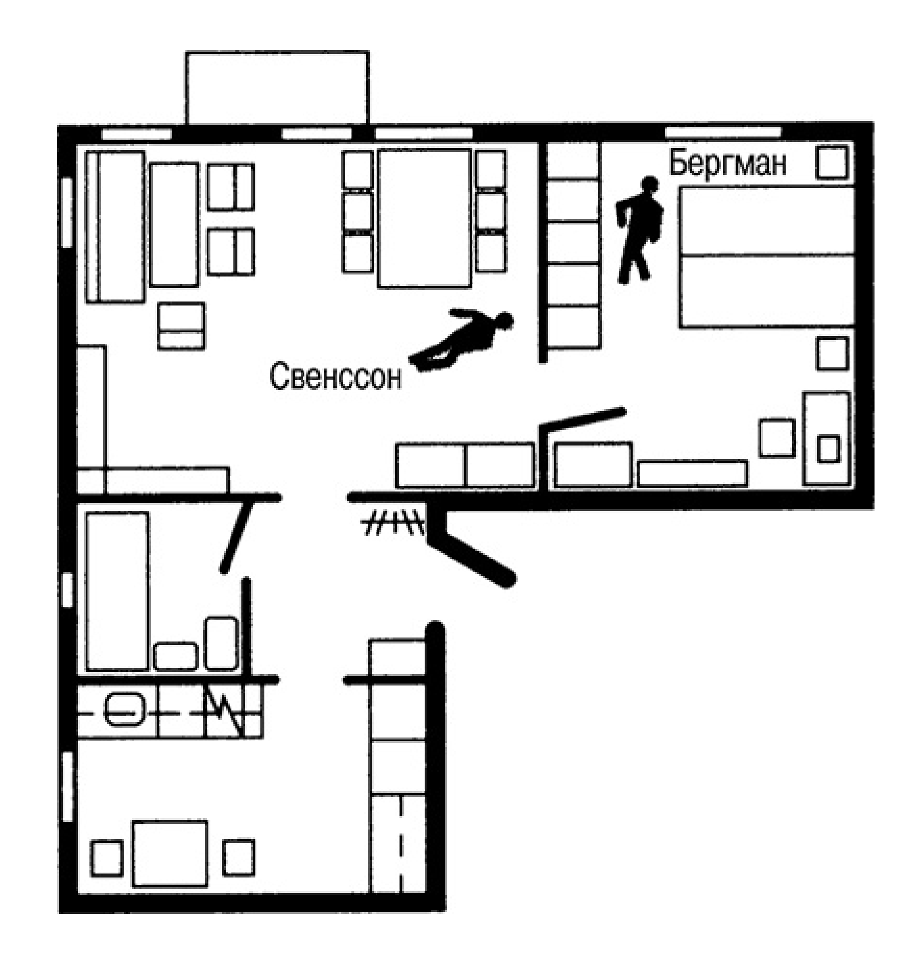
– В квартире полный порядок, все прибрано. Не могло и речи быть об ограблении, рукоприкладстве или чем-то подобном. А главное – было сделано всего два выстрела, оба нацелены в голову и попали точно в цель. Значит, стрелявший – человек, хорошо владеющий оружием.

– Так.

– Если взглянуть на схему, реконструирующую события, то получается, что мужчина, Даг Свенссон, был убит с очень близкого расстояния; возможно, ствол револьвера упирался ему в голову. Вокруг входного отверстия видны следы ожогов. Скорее всего, он погиб первым. Выстрелом его отбросило в сторону мебели. Убийца стоял, вероятно, на пороге в прихожей или же при входе в гостиную.

– Ясно.

– По свидетельству соседей, выстрелы последовали один за другим с интервалом в несколько секунд. В Мию Бергман стреляли из холла. Вероятно, она стояла в дверях спальни и пыталась увернуться. Пуля вошла под ухом и вышла прямо над правым глазом. Выстрел отбросил ее в спальню, где ее и нашли. Она упала головой к спинке кровати и сползла на пол.

– Выстрел, сделанный уверенной рукой, – подтвердил Фасте.

– Более того, не найдено следов, указывающих на то, что убийца зашел в спальню проверить, убил ли он женщину. Точно зная, что попал в цель, он повернулся и вышел из квартиры. Итак: два выстрела, двое убитых – и сразу давать деру. Еще…

– Что?

– Не хотелось бы забегать вперед результатов технической экспертизы, но мне кажется, убийца пользовался охотничьими боеприпасами. Смерть, по всей вероятности, наступила мгновенно. У обоих жертв страшные повреждения.

На короткое время воцарилось молчание. Никому из присутствующих не хотелось начинать дискуссию по этому поводу. Дело в том, что существует два типа пуль. Первый – твердые оболочечные – проходят тело насквозь и производят сравнительно небольшие повреждения. Второй тип – мягкие пули – разрываются в теле и вызывают обширные повреждения. Между попаданием девятимиллиметровой пули и той, что разворачивается в теле на два-три сантиметра, большая разница. Пули второго типа называются охотничьими, или экспансивными, их цель –

вызвать обширное кровотечение, что считается гуманным, например, при охоте на лосей, так как добыча умирает довольно быстро и безболезненно. Международное законодательство запрещает использовать подобные пули в военных целях, поскольку пораженный разрывной пулей человек почти всегда умирает, куда бы он ни был ранен.

Два года назад шведская полиция рассудила, что ей необходимо ввести такие пули в свой арсенал. Неясно, для чего это было сделано. Ясно лишь, что, например, если бы известный на всю страну демонстрант Ханнес Вестберг, раненный в живот во время демонстрации в Гётеборге в 2001 году, получил охотничью пулю, он не выжил бы.

– Значит, стреляли, чтобы убить, – произнес Курт Свенссон.

Он, конечно, имел в виду случившееся в Эншеде, но в то же время выражал точку зрения в безмолвной дискуссии, шедшей за столом.

Оба, Анита Нюберг и Освальд Мортенссон, кивнули.

– Оттого и невероятный временной расклад, – заметил Бублански.

– Точно. Выстрелив, убийца сразу покинул квартиру, сбежал по лестнице, бросил оружие и скрылся в ночи. Тотчас же – речь шла, наверное, о нескольких секундах – приехал на машине Микаэль Блумквист с сестрой.

– Хм-м, – пробормотал Бублански.

– Может быть, убийца скрылся через подвал? Там есть боковая дверь. Он мог выйти на задний двор, пересечь газон и выйти на параллельную улицу. Но это при условии, что у него был ключ от подвала.

– Есть ли основания предполагать, что он исчез этим путем?

– Нет.

– И у нас нет ни малейшей зацепки, из которой можно было бы исходить, – заметила Соня Мудиг. – Вопрос: зачем он бросил оружие? Возьми он его с собой или выбрось где-то подальше от дома, мы бы не скоро его нашли.

Все пожали плечами, на этот вопрос никто не мог ответить.

– А можно ли доверять сказанному Блумквистом? – спросил Ханс Фасте.

– Он был явно в шоке от случившегося, – сказал Мортенссон, – но действовал правильно и разумно. Он производит впечатление человека, слова которого достоверны. Сестра подтвердила телефонный звонок, разговор и поездку на машине. Не думаю, что он замешан в убийстве.

– Он знаменитый журналист, – заметила Соня Мудиг.

– Пресса еще устроит из этого представление, – согласился Бублански. – Тем больше у нас оснований раскрыть это дело как можно

быстрее. Ладно… Еркер, тебе, конечно, придется заняться обследованием места преступления и соседями. Фасте и ты, Курт, будете работать с информацией о жертвах: кто они такие, чем занимались, каков круг их знакомых, у кого мог быть повод убить их. Соня, мы с тобой посмотрим показания свидетелей, полученные ночью. Затем ты скомпонуешь почасовую роспись того, чем занимались Даг Свенссон и Миа Бергман в течение последних суток перед убийством. Наше следующее совещание состоится в четырнадцать тридцать.

Микаэль Блумквист начал с того, что сел за тот письменный стол в редакции, который этой весной был предоставлен в пользование Дага Свенссона. Некоторое время он неподвижно просидел, как будто не мог собраться с силами и заняться делом, затем включил компьютер.

У Дага Свенссона был свой собственный лэптоп, и он чаще всего работал на нем дома. Но в редакции он тоже сидел, обычно пару раз в неделю, в последнее время чаще. В «Миллениуме» у него был старенький «Макинтош G3», стоявший на столе и предназначенный для работы временных сотрудников. Микаэль включил его. Там было много всякого разного материала, с которым работал Даг. В основном он использовал компьютер, чтобы лазать по Интернету, но были там и папки, в которые он копировал материал из лэптопа. Еще у Свенссона хранились два диска с полным архивом сделанного, запертые в ящике письменного стола. Каждый день Даг делал копию нового и обновленного материала. Последние дни он не заходил в редакцию, поэтому запасные копии заканчивались на субботе, то есть недоставало еще трех дней.

Микаэль сделал копию диска и запер ее в сейфе в своем кабинете. Затем он потратил минут сорок пять на то, чтобы просмотреть содержимое оригинального диска. Там было не менее тридцати папок и несчетное число подпапок. Все вместе это составляло собрание данных, накопленных Дагом Свенссоном за четыре года по теме «Трафикинг». Микаэль просмотрел названия документов в поисках того, который мог бы содержать явно засекреченный материал, а именно, имена источников информации. Он обратил внимание на то, что Даг был педантично аккуратен с источниками – весь материал такого рода был собран в папке под названием «Источники. Секретно». В ней было сто тридцать четыре документа разного объема, обычно малого. Микаэль пометил их все и затем уничтожил, но не посредством мусорной корзины, а с помощью программы «сжечь», которая уничтожала всю информацию байт за байтом.

Затем он принялся за электронную почту. В «Миллениуме» у Дага был

свой собственный временный электронный адрес с окончанием millenium.se, которым он пользовался как в редакции, так и со своего лэптопа. Был у него и свой собственный пароль, но с этим Микаэль справился без труда, так как права администратора давали ему мгновенный доступ ко всему почтовому серверу издательства. Он скачал всю электронную почту Дага Свенссона на CD-диск.

В довершение всего Микаэль занялся кучей бумаг, скопившихся за все время у Дага. Это были разные ссылки, заметки, газетные вырезки, судебные решения и просто письма. Чтобы заведомо подстраховаться, Блумквист пошел к копировальной машине и снял копию со всего, что выглядело важным. Получилось около тысячи страниц, что отняло у него почти три часа времени. Из всего материала Микаэль отобрал то, что могло иметь отношение к секретным источникам. Так образовалась пачка страниц в сорок, в основном записи из блокнота формата А4, хранившегося в запертом ящике его письменного стола. Весь этот материал Микаэль положил в конверт и отнес к себе в кабинет. Весь остальной материал, относящийся к проекту Дага Свенссона, остался на письменном столе.

Только теперь, переведя дух, Микаэль спустился в «Севен-илевен», выпил кофе и съел кусок пиццы. Он ошибочно полагал, что в любой момент может появиться полиция и исследовать рабочий стол Дага Свенссона.

О первом неожиданном прорыве в ходе расследования Бублански узнал в начале одиннадцатого утра, когда позвонил доцент Леннарт Гранлунд из Государственной криминально-технической лаборатории в Линчёпинге.

– Я звоню по поводу двойного убийства в Эншеде.

– Так быстро?

– Мы получили оружие сегодня рано утром, и хотя мой анализ не готов полностью, я хочу сообщить вам кое-что интересное.

– Отлично. Расскажите, что выяснили, – вежливо попросил Бубла.

– Это револьвер марки «Кольт .45 магнум», изготовлен в США в 1981 году.

– Так.

– Отпечатки пальцев и, возможно, ДНК сохранились, но их анализ займет некоторое время. Мы также изучили пули, которыми была убита пара. Как и можно было ожидать, пули соответствовали револьверу. Так часто бывает, если оружие найдено на лестнице неподалеку от места убийства. От пуль остались только кусочки, но один фрагмент оказался

достаточен для сравнения. Так что с большой вероятностью это орудие убийства.

– Револьвер, вероятно, нелегальный? Серийный номер прочитывается?

– Оружие вполне легально. Его владелец – адвокат Нильс Эрик Бьюрман, купивший револьвер в 1983 году. Он член Полицейского стрелкового клуба и проживает на улице Уппландсгатан около Уденплана.

– Слушайте, что за чертовщина?

– Мы также обнаружили несколько отпечатков пальцев на оружии. Они принадлежат, по крайней мере, двум лицам.

– Вот как?

– Можно предположить, что одни из них принадлежат Бьюрману, разве что револьвер был украден или продан, но информацией об этом мы не располагаем.

– Ага. Значит, у нас, выражаясь полицейским языком, появилась зацепка.

– Отпечатки пальцев другого лица нашлись в полицейском регистре. Там были указательный и большой пальцы правой руки.

– И кто это?

– Женщина, дата рождения тридцатое апреля семьдесят восьмого года. Ее взяли в связи с дракой в Старом городе в Стокгольме в 1995 году, и тогда же сняли отпечатки пальцев.

– Имя есть?

– Конечно. Лисбет Саландер.

Констебль Бубла, удивленно подняв брови, записал имя и личный номер, продиктованный ему, в блокноте на письменном столе.

Микаэль Блумквист вернулся в редакцию с позднего ланча, прошел в свой кабинет и плотно прикрыл дверь в знак того, что ему нельзя мешать. Пока что у него не было времени разобраться с информацией, содержащейся в электронной почте и заметках Дага Свенссона. Теперь он был вынужден просмотреть как книгу, так и статьи совершенно другими глазами, зная, что их автор мертв, а значит, не сможет ответить на заковыристые вопросы.

Ему надо было решить, годится ли книга к изданию в будущем. Еще ему предстояло выяснить, было ли что-то в материалах, что могло послужить поводом для убийства. Включив свой компьютер, он засел за работу.

У Яна Бублански состоялся короткий разговор с начальником

следственного отдела Рихардом Экстрёмом, во время которого шеф был проинформирован о результатах экспертизы Государственной криминалистической лаборатории. Они приняли решение, что Бублански и Соня Мудиг посетят адвоката Бьюрмана для беседы, которая может перейти в допрос или даже арест, если того потребует ситуация. Тем временем сотрудники Ханс Фасте и Курт Свенссон должны сосредоточиться на Лисбет Саландер и попытаться выяснить, как ее отпечатки пальцев могли оказаться на орудии убийства.

Поиск Бьюрмана не предвещал особых проблем. Его адрес был вписан в регистры налогоплательщиков, владельцев оружия и автомашин. К тому же он просто-напросто был указан в телефонном каталоге. Бублански и Мудиг поехали к Уденплан и успели проскочить в подъезд по Упплантсгатан, когда туда вошел молодой человек, появившийся одновременно с ними.

На этом везение кончилось. Они позвонили в дверь, но никто не открыл. Тогда они отправились в контору Бьюрмана на площади Сакт-Эриксплан и повторили попытку с тем же успехом.

– Может быть, он в суде, – предположила Соня Мудиг.

– А может, смылся в Бразилию, пристрелив двоих, – парировал Бублански.

Соня кивнула и искоса взглянула на коллегу. Ей нравилось работать с ним в паре. Не будь они оба счастливы в семейной жизни и не имей она к тому же парочку детей, можно было бы и пофлиртовать с ним.

Поглядев на латунные таблички с именами на соседних по площадке дверях, Соня выяснила, что ближайшие соседи – это зубной врач Нурман, некая контора под названием «Н-Консалтинг» и адвокат Руне Хоканссон.

Они постучались к Хоканссону.

– Здравствуйте. Моя фамилия Мудиг, а это инспектор уголовного розыска Бублански. Мы из полиции, по делу к вашему коллеге адвокату Бьюрману. Вы случайно не знаете, где его можно застать?

Хоканссон покачал головой.

– Последнее время я его редко видел. Два года назад он серьезно заболел и почти положил конец работе. Табличка все еще висит на двери, но он бывает здесь не чаще, чем раз в два месяца.

– Он что же, серьезно болен? – спросил Бублански.

– Точно не знаю. Всегда был полон энергии, а потом вдруг заболел. Может быть, рак или что-то подобное… Я с ним едва знаком.

– Вы думаете или знаете, что у него рак? – спросила Соня Мудиг.

– В общем… не знаю. У него была секретарша Бритт Карлссон, а

может, Нильссон, как-то так. Пожилая женщина. Он ее уволил. Так вот, она мне рассказала, что он заболел, но чем именно, я не знаю. Это случилось весной две тысячи третьего года. Когда я повстречал его уже в конце года, он постарел почти на десять лет, выглядел измученным и стал совсем седой. Ну, вот я и подумал… А что? У него неприятности?

– Нет, не думаю, – ответил Бублански. – Нам он нужен по срочному делу.

Они вернулись к квартире на Уденплан и снова понажимали дверной звонок. Безрезультатно. Наконец Бублански достал свой мобильник и набрал номер мобильного телефона Бьюрмана. В ответ он услышал: «Вызываемый абонент в настоящее время недоступен, пожалуйста, позвоните позже».

Он попробовал домашний номер телефона. На лестничной площадке послышались слабые звонки, затем телефонный ответчик попросил оставить сообщение. Переглянувшись, оба пожали плечами.

Был час дня.

– Может быть, кофе?

– Уж лучше гамбургер.

Они прогулялись до «Бургер Кинг» на Уденплан. Соня Мудиг заказала воппер, а Бублански взял вегетарианский бургер. Затем они вернулись в полицейское управление.

Прокурор Экстрём назначил совещание на два часа дня в своем кабинете. Расселись за столом: Бублански и Мудиг сели рядом, спиной к окну, Курт Свенссон пришел через пару минут и расположился напротив них. Еркер Хольмберг принес поднос, уставленный бумажными стаканчиками с кофе. Он съездил ненадолго в Эншеде и собрался вернуться туда позже, во второй половине дня, когда техники закончат свою работу.

– А где Фасте? – спросил Экстрём.

– Он в социальном ведомстве, звонил минут пять назад, сказал, что немного задержится, – ответил Курт Свенссон.

– Ладно. Тогда начнем. Что у нас есть? – без церемоний открыл обсуждение Экстрём и кивнул Бублански.

– Мы искали адвоката Нильса Бьюрмана. Ни дома, ни в конторе его не было. Его коллега-адвокат рассказал, что тот заболел два года назад и с тех пор практически свернул адвокатскую практику.

Соня Мудиг продолжила:

– Бьюрману пятьдесят шесть лет, в уголовных регистрах не числится. Как адвокат, он обслуживает предпринимателей. Узнать о нем больше

подробностей я не успела.

– Но он владелец оружия, использовавшегося в Эншеде.

– Это так. У него есть лицензия на право владения оружием, и он член Полицейского стрелкового клуба, – добавил Бублански. – Я разговаривал с Гуннарссоном из оружейного отдела – он председатель клуба и хорошо знает Бьюрмана. Тот вступил в клуб в 1978 году и исполнял обязанности казначея в правлении клуба в период с 1984 по 1992 год. Гуннарссон отзывается о Бьюрмане как об отличном стрелке, спокойном, здравомыслящем человеке, без каких-либо странностей.

– Оружием интересовался?

– Гуннарссон сказал, что Бьюрмана, похоже, больше интересовало общение в клубе, чем сама стрельба. Ему нравилось стрелять по мишени, но оружие не было для него культом. В 1983-м он участвовал в Национальном стрелковом чемпионате и занял тринадцатое место. Последние десять лет забросил стрельбу, появляясь лишь на ежегодных собраниях и тому подобных встречах.

– А у него есть еще оружие?

– С момента зачисления в стрелковый клуб он получил лицензии на владение четырьмя единицами ручного оружия. Кроме «Кольта», у него были «Беретта», «Смит-энд-Вессон» и спортивный пистолет марки «Рапид». Десять лет назад все три пистолета были проданы в клубе, и лицензии перешли к другим членам. Здесь полная ясность.

– Но нам неизвестно, где он находится.

– Верно. Но мы начали искать его сегодня в десять утра, а он, возможно, пошел погулять в Юргорден или лежит в больнице.

В этот момент в дверях показался запыхавшийся Ханс Фасте.

– Извините за опоздание. Можно сразу к делу?

Экстрём жестом разрешил.

– Имя Лисбет Саландер представляет для нас большой интерес. Я провел все время в социальном ведомстве и опекунском совете. – Он стянул с себя кожаную куртку и повесил ее на спинку стула, а потом сел и открыл блокнот.

– В опекунском совете? – переспросил Экстрём, нахмурив брови.

– Это на редкость непутевая девица, – объявил Ханс Фасте. – Она объявлена недееспособной, и над нею учреждено опекунство. Угадайте, кто ее опекун. – Он сделал рассчитанную на эффект паузу. – Адвокат Нильс Бьюрман, чьим оружием совершено убийство в Эншеде.

Брови поднялись от удивления буквально у всех.

Минут пятнадцать Ханс Фасте делился с присутствующими

информацией, собранной о Лисбет Саландер.

– Вот что мы имеем, – суммируя, сказал Экстрём, когда Фасте закончил. – Отпечатки пальцев на орудии убийства принадлежат женщине, в юности помещавшейся в психиатрические клиники и, вполне возможно, зарабатывавшей на жизнь проституцией, признанной судом недееспособной и склонной к насилию, что подтверждается документально. Какого черта она вообще разгуливает по улицам?

– Еще в начальной школе у нее была замечена склонность к насилию, – пояснил Фасте. – Ее уже тогда считали психически неуравновешенной.

– Но пока мы не видим прямой связи между нею и парой в Эншеде. – Экстрём постучал по столу кончиками пальцев. – Ну, ладно, может быть, это двойное убийство и не окажется супертрудным. Есть у нас адрес Саландер?

– Она зарегистрирована по адресу на Лундагатан в Сёдермальме. Налоговое управление располагает сведениями, что она время от времени получала зарплату в охранном агентстве «Милтон секьюрити».

– А что, черт возьми, она для них делала?

– Понятия не имею. Выплачиваемое ими вознаграждение было весьма скромным. Наверное, работала уборщицей или кем-то в том же роде.

– Хм, – кашлянул Экстрём. – Это легко выяснить. Но сейчас у меня такое чувство, что нам надо срочно найти Саландер.

– Согласен, – отозвался Бублански. – Детали обсудим потом. Мы уже продвинулись настолько, что у нас есть подозреваемый. Фасте, поезжайте с Куртом на Лундагатан и постарайтесь задержать Саландер. Будьте осторожны, мы ведь не знаем, есть ли у нее еще оружие и насколько она опасная психопатка.

– Ладно.

– Бубла, – прервал Экстрём. – Директора «Милтон секьюрити» зовут Драган Арманский. Я встречал его несколько лет назад в связи с одним расследованием. Он парень что надо. Поезжай к нему и лично поговори о Саландер. Ты еще можешь успеть застать его до конца рабочего дня.

Бублански недовольно поморщился: во-первых, Экстрём употребил в обращении к нему прозвище, а во-вторых, его предложение звучало как приказ. Но он коротко кивнул и перевел взгляд на Соню Мудиг.

– Мудиг, тебе придется продолжать поиски адвоката Бьюрмана. Постучи к его соседям. Я считаю, его тоже надо поскорее найти.

– Хорошо.

– Надо раскопать, что связывало Саландер и пару в Эншеде. Еще надо

выяснить, как Саландер перемещалась в Эншеде до и после убийства. Еркер, возьми ее фотографии и поговори с соседями убитых. Зайди к ним вечером. Возьми в помощь несколько ребят в форме.

Бублански на секунду замолк и почесал в затылке.

– Черт побери! Еще немного удачи, и мы покончим с этим делом уже вечером. А я-то думал, это будет долгая морока…

– Да, вот еще что… – добавил Экстрём. – Журналисты наседают. Я пообещал провести пресс-конференцию в три часа. Я справлюсь, если мне поможет кто-нибудь из полицейской пресс-службы. Возможно, часть журналистов будет названивать прямо вам. Так вот, про Саландер и Бьюрмана пока ни слова.

Все кивнули.

Драган Арманский думал уйти с работы пораньше. Был Великий четверг, и они с женой планировали на все пасхальные праздники уехать на дачу в Блидё. Он уже застегнул портфель и надел пальто, как вдруг ему позвонили из приемной внизу и сказали, что его ищет инспектор уголовного розыска Ян Бублански. Арманский не был знаком с Бублански, но уже одного того факта, что явился полицейский, искавший встречи с ним, было достаточно, чтобы, вздохнув, повесить пальто обратно. У Драгана не было ни малейшего желания принимать посетителя, но «Милтон секьюрити» не могла себе позволить игнорировать полицию. Он вышел встретить Бублански в коридоре у лифта.

– Спасибо, что вы готовы уделить мне время, – начал инспектор. – Мой шеф, прокурор Рихард Экстрём, передает вам привет.

Они пожали руки.

– С Экстрёмом мне доводилось сотрудничать пару раз, теперь уже несколько лет тому назад. Может быть, кофе?

Арманский задержался у кофейного автомата и наполнил два стаканчика, затем открыл дверь своего кабинета и предложил Бублански занять место в удобном кресле для посетителей у столика перед окном.

– Арманский… русская фамилия? – полюбопытствовал Бублански. – У меня ведь тоже на «ски».

– Мои предки приехали из Армении. А ваши?

– Из Польши.

– Чем могу быть полезен?

Бублански вынул блокнот и раскрыл его.

– Я работаю над расследованием убийства в Эншеде. Полагаю, вы слышали об этом сегодня в новостях?

Арманский кивнул.

– Экстрём сказал, что вы не станете разглашать информацию.

– При моей работе не стоит ссориться с полицией. Я умею молчать.

– Хорошо. В настоящее время мы разыскиваем одного человека, который раньше работал у вас. Ее имя Лисбет Саландер. Вы знаете ее?

Арманский почувствовал спазм в животе, но виду не понял.

– А почему вы ищете фрёкен Саландер?

– Можно сказать, что она представляет интерес для расследования.

Спазм в животе Арманского усилился и причинял физическую боль. Уже с первого дня встречи с Лисбет Саландер у него зародилось ощущение, что вся ее жизнь устремлена к какой-то катастрофе, но Драган всегда представлял себе Лисбет в роли жертвы, а не преступницы. Его лицо все еще не выдавало эмоций.

– Значит, вы подозреваете Лисбет Саландер в двойном убийстве в Эншеде? Я правильно уловил?

Бублански, поколебавшись, кивнул.

– Что вы можете рассказать о Саландер?

– А что вы хотите знать?

– Во-первых, как ее найти?

– Она живет на Лундагатан. Точный адрес у меня записан. Еще у меня есть номер ее мобильного телефона.

– Адрес мы знаем, а вот номер мобильника представляет интерес.

Арманский подошел к письменному столу, нашел номер телефона и громко продиктовал. Бублански записал.

– Она у вас работает?

– Она выполняла для меня работу время от времени как индивидуальный предприниматель. Это началось в 1998 году, и вот уже года полтора она ничего для меня не делает.

– Какого рода работа ей поручалась?

– Сбор сведений.

Бублански приподнял голову от блокнота и удивленно приподнял брови.

– Сбор сведений? – повторил он.

– Точнее, изучение обстоятельств, связанных с той или иной личностью.

– Послушайте… а мы говорим об одной и той же девушке? – спросил Бублански. – Лисбет Саландер, которую мы ищем, не получала даже аттестата об окончании школы и признана недееспособной.

– Теперь это уже не называется недееспособностью, – мягко исправил

Арманский сказанное гостем.

– Наплевать на то, как это называется. Девица, которую мы ищем, характеризуется в документах как психически неуравновешенная и склонная к насилию. Социальное ведомство ознакомило нас с рапортом, где указано, что в конце девяностых годов она занималась проституцией. Ничто в ее бумагах не свидетельствует о том, что она способна выполнять квалифицированную работу.

– Одно дело бумаги, другое – люди.

– То есть вы хотите сказать, что она способна изучать обстоятельства, связанные с другими личностями?

– Более того. Она, безусловно, была лучшим работником по сбору сведений – лучшим из всех, кого я когда-либо встречал.

Бублански медленно положил ручку и нахмурился.

– Уж не значит ли это, что вы… уважаете ее?

Арманский опустил голову, разглядывая свои руки. Этот вопрос обозначал рубеж. Он всегда знал, что рано или поздно Лисбет Саландер попадет в какую-нибудь заваруху. Он решительно был не способен представить себе, как она могла оказаться замешанной в двойном убийстве в Эншеде – в роли убийцы или еще кого-то, – но отдавал себе отчет в том, что очень мало знает о ее личной жизни. В чем она оказалась замешанной? Арманский вспомнил ее неожиданное появление у него в кабинете, когда она туманно оповестила, что у нее есть деньги на жизнь и что в работе она не нуждается.

Единственным разумным и удобоваримым в данный момент было бы отмежеваться от Лисбет Саландер – как ему лично, так и «Милтон секьюрити». У Арманского промелькнула мысль, что Лисбет едва ли не самый одинокий человек из всех, кого он знает.

– Я уважаю ее способности. О них вы ничего не найдете в аттестатах и характеристиках.

– Значит, вам известно ее прошлое?

– Знаю, что над ней назначено опекунство и что у нее было тяжелое детство.

– А вы все равно взяли ее на работу.

– Именно поэтому и взял.

– Поясните.

– Ее прежний опекун, Хольгер Пальмгрен, был адвокатом старика Ю. Ф. Милтона. Он взял ее под свое крыло, еще когда она была подростком, и это он уговорил меня дать ей работу. Сначала я поставил ее сортировать почту, работать на копировальной машине и тому подобное. Затем у нее

обнаружились скрытые таланты. А рапорт в социальное ведомство о том, что она, возможно, занималась проституцией, вообще можете забыть. Это полная чушь. В подростковом возрасте у нее были трудности, и характер у нее малость несдержанный, но ведь это еще не преступление. А уж проституция – последнее, чем она бы занялась.

– Ее нового опекуна зовут Нильс Бьюрман.

– Я его никогда не встречал. Два года назад у Пальмгрена произошло кровоизлияние в мозг, а вскоре после этого Лисбет Саландер перестала на меня работать. Последнее задание для меня она выполнила полтора года назад.

– Почему вы перестали давать ей поручения?

– Это не я перестал. Она оборвала со мной все контакты и уехала за границу без всяких объяснений.

– Уехала за границу?

– Да, ее не было почти год.

– Этого не может быть. Адвокат Бьюрман посылал ежемесячные отчеты о ней весь год. У нас в полицейском управлении в Кунгсхольмене есть их копии.

Арманский пожал плечами и ухмыльнулся.

– Когда вы видели ее в последний раз?

– Примерно два месяца назад, в начале февраля. Явилась вдруг, как из-под земли, с визитом вежливости, а я о ней уже больше года не слышал. Весь прошлый год она провела за границей, путешествовала по Азии и району Карибов.

– Простите, но я несколько озадачен. Направляясь сюда, я был убежден, что Лисбет Саландер – психически нездоровая девушка, не получившая даже аттестата об окончании средней школы и находящаяся под опекой. Потом вы рассказали, что наняли ее для сбора сведений и она проявила себя высококвалифицированным сотрудником, что она индивидуальный предприниматель, заработавший достаточно денег, чтобы уйти на год в отпуск и поездить вокруг света, – а ее опекун даже не начал волноваться! Что-то тут не сходится.

– Когда речь идет о Лисбет Саландер, много чего не сходится.

– Хочу вас спросить: а что вы сами о ней думаете?

Арманский на секунду задумался.

– Она из тех редких людей, которые способны вывести вас из себя своей непреклонностью, – сказал он наконец.

– Непреклонная?

– Она не сделает абсолютно ничего такого, что ей не хочется делать.

Ей совершенно наплевать на то, что о ней думают другие. У нее чрезвычайно острый ум, и она ни на кого не похожа.

– Сумасшедшая?

– Какой смысл вы вкладываете в это слово?

– Способна ли она умышленно убить двух человек?

Арманский надолго задумался.

– Мне очень жаль, – сказал он наконец, – но я – циник. Я думаю, каждый человек обладает врожденной способностью убить другого: от отчаяния, из ненависти или при самозащите.

– То есть вы не считаете, что в ее случае это исключено.

– Лисбет Саландер ничего без причины не делает. Если она кого-то убила, значит, считала, что у нее для этого веские основания. Позвольте спросить… на чем основываются подозрения, что она замешана в убийстве в Эншеде?

Бублански секунду колебался, потом посмотрел в глаза Арманскому.

– Абсолютно конфиденциально.

– Безусловно.

– Орудие убийства принадлежит ее опекуну, и на нем имеются отпечатки ее пальцев.

Арманский стиснул зубы. Да, это было очень серьезно.

– Я слышал об убийстве лишь в утренней программе новостей. Из-за чего оно? Наркотики?

– А она имеет отношение к наркотикам?

– Понятие не имею. Но, как я уже говорил, у нее были проблемы в подростковом возрасте и ее несколько раз находили пьяной. Вероятно, в ее медицинском журнале есть информация, имела ли она дело с наркотиками.

– Трудность в том, что мотив убийства неизвестен. Пара была приличной: она – криминолог, у которой скоро защита диссертации, а он – журналист. Их звали Даг Свенссон и Миа Бергман. Вам эти имена что-нибудь говорят?

Арманский покачал головой.

– Мы пытаемся выяснить, какая связь между ними и Лисбет Саландер.

– Я о них никогда не слыхал.

Бублански поднялся.

– Спасибо, что уделили мне время, это был интересный разговор. Не знаю, что мне сможет дать эта беседа, но я надеюсь, она останется полностью между нами.

– Не беспокойтесь.

– Если понадобиться, я еще зайду к вам. И, разумеется, если Лисбет

Саландер даст о себе знать…

– Само собой разумеется, – ответил Драган Арманский.

Они уже пожали руки, и Бублански стоял у двери, когда он остановился и обернулся.

– Вы случайно не знаете, с кем Лисбет Саландер водит знакомство? Друзья, приятели…

Арманский покачал головой.

– Я совершенно ничего не знаю о ее частной жизни. Один из немногих, кто что-то значит в ее жизни, это Хольгер Пальмгрен. Должно быть, она с ним в контакте. Он на лечении в реабилитационном центре в Эрсте.

– А к ней никто не заходил, пока она здесь работала?

– Нет. Она работала из дома и здесь появлялась главным образом для отчета о сделанном. Она почти никогда, за редким исключением, не встречалась с клиентами. Может быть…

Арманскому вдруг пришла в голову одна мысль.

– Что?

– Возможно, есть еще один человек, сохранивший с ней контакт. Это журналист, с которым она водила знакомство два года назад и который разыскивал ее, когда она была за границей.

– Журналист?

– Да, его зовут Микаэль Блумквист. Помните дело Веннерстрёма?

Бублански отпустил ручку двери и медленно вернулся к Драгану Арманскому.

– Именно Микаэль Блумквист обнаружил убитую пару. Вот вы и установили связь между Саландер и жертвами убийства.

Арманский вновь ощутил сильный спазм в желудке.

Глава 14

Великий четверг, 24 марта

Соня Мудиг уже три раза в течение получаса пыталась дозвониться адвокату Нильсу Бьюрману, и каждый раз автоответчик сообщал, что тот недоступен.

В половине четвертого она села в машину и поехала на Уденплан. Звонок в дверь дал тот же разочаровывающий результат, что и утром. Тогда она посвятила следующие двадцать минут звонкам в соседние квартиры и расспросам, не известно ли что-нибудь о местонахождении Бьюрмана.

Из девятнадцати квартир, в которые наведалась Соня, в одиннадцати никого не было дома. Очевидно, время дня было выбрано неудачно, да и в сами пасхальные праздники лучше не будет. В восьми квартирах, где ей открыли, все старались помочь, как могли. В пяти из них знали, кто такой Бьюрман, – вежливый, обходительный господин с четвертого этажа. Но где он находится сейчас, никто не знал. Постепенно Мудиг удалось разузнать, что Бьюрман, возможно, был несколько ближе с одним из своих соседей, бизнесменом по фамилии Шёман. Но у Шёмана на ее звонок никто не открыл.

Приунывшая Соня достала свой мобильник и снова позвонила на автоответчик Бьюрмана. Она представилась, оставила номер своего мобильного телефона и попросила адвоката срочно с ней связаться.

Вернувшись к его квартире, Мудиг открыла блокнот и написала записку с просьбой позвонить ей. К записке она приложила свою визитку и бросила в почтовую щель на его двери. В тот момент, когда Соня собиралась опустить крышку на щели, в квартире послышался телефонный звонок. Она наклонилась и напряженно прислушалась. Прозвучали четыре сигнала, затем она услышала автоответчик, но разобрать сообщение не удалось.

Закрыв щель, Мудиг посмотрела на дверь. Трудно сказать, что за импульс двигал ею, когда она нажала на ручку – и, к своему изумлению, поняла, что дверь не заперта. Открыв ее, Соня заглянула в прихожую.

– Эй, есть кто-нибудь? – осторожно крикнула она и прислушалась. В ответ не последовало ни звука.

Мудиг шагнула в прихожую и в нерешительности замерла. То, что она только что сделала, можно квалифицировать как незаконное вторжение в чужое жилище. У нее не было ордера на обыск и не было права находиться

в квартире адвоката Бьюрмана, даже несмотря на открытую дверь. Бросив взгляд налево, она увидела часть гостиной и уже было собралась выйти из квартиры, как ее взгляд упал на бюро в прихожей. Там стояла картонная коробка от револьвера марки «Кольт .45 магнум».

Внезапно у Сони Мудиг засосало под ложечкой. Она распахнула куртку и вытащила служебное оружие, чего раньше ей почти не доводилось делать.

Сняв пистолет с предохранителя и направив его дулом вниз, Соня подошла к гостиной и заглянула в дверной проем. Ничего примечательного она не увидела, но неприятное ощущение лишь усилилось. Попятившись, Мудиг заглянула в кухню. Там было пусто. Она прошла по коридору и толкнула дверь в спальню.

Адвокат Нильс Бьюрман стоял на коленях перед кроватью, голова его лежала на постели. Вид у него был такой, будто он собирался прочесть перед сном молитву. Одежды на нем не было.

Соня видела его сбоку и, уже стоя у порога, поняла, что он мертв – убит выстрелом в затылок. Половина лба была снесена.

Соня попятилась и вышла из квартиры, по-прежнему сжимая в руке револьвер. На лестничной площадке она достала мобильник и позвонила инспектору Бублански. Тот не отвечал. Она позвонила прокурору Экстрёму и взглянула на часы. Было восемнадцать минут пятого.

Ханс Фасте наблюдал за дверью подъезда того дома по Лундагатан, где квартировала, согласно переписи населения – а следовательно, и жила, – Лисбет Саландер. Он покосился на Курта Свенссона, а затем на свои ручные часы. Было десять минут пятого.

Узнав код подъезда в домоуправлении, они уже побывали в доме и постояли под дверью, на которой стояло «Саландер – Ву». Никаких звуков изнутри не доносилось, и никто им не открыл, когда они позвонили. Вернувшись в машину, полицейские устроились так, чтобы держать дверь под наблюдением.

По телефону, сидя в машине, они навели справки о том, кто недавно был включен в контракт на владение квартирой по Лундагатан. Оказалось, что это некая Мириам Ву, 1974 года рождения, ранее проживавшая на площади Санкт-Эриксплан.

Над радиопередатчиком у них была закреплена клейкой лентой фотография Лисбет Саландер паспортного формата. Фасте вслух высказал мысль, что она похожа на сороку.

– Вот проклятье. Проститутки выглядят все безобразнее. Такую

снимешь, только если уж совсем припрет.

Курт Свенссон промолчал.

В двадцать минут пятого позвонил Бублански и передал, что только что вышел от Арманского и находится на пути в «Миллениум». Он попросил Фасте и Свенссона вести наблюдение на Лундагатан. Лисбет Саландер следует доставить на допрос, но прокурор пока не считает, что ее можно связать с убийством в Эншеде.

– Ага, – сказал Фасте, – Бубла говорит, что прокурор хочет сначала получить признание, а только потом арестовать.

Курт Свенссон ничего не сказал. Они лениво поглядывали на тех, кто прогуливался неподалеку.

Без двадцати пять на мобильник Ханса Фасте позвонил прокурор Экстрём.

– Тут кое-что произошло. Адвокат Бьюрман найден у себя в квартире убитым. Он мертв по крайней мере сутки.

Ханс Фасте распрямил спину на сиденье.

– Вас понял. Что делать нам?

– Я решил объявить Лисбет Саландер в розыск. Она заочно арестована и подозревается в трех убийствах. Мы объявляем сигнал тревоги по всему лену. Ее нужно схватить. По нашим оценкам, она опасна и, возможно, вооружена.

– Понял.

– Я посылаю пикет на Лундагатан. Они имеют право вторгнуться в квартиру и обеспечить прикрытие.

– Понял.

– Вы на связи с Бублански?

– Он в «Миллениуме».

– Очевидно, его мобильник отключен. Постарайтесь дозвониться до него и проинформировать.

Фасте и Свенссон переглянулись.

– Итак, что нам делать, если она появится? – спросил Курт.

– Если она будет одна и обстановка благоприятствует, возьмем ее сами. Если она успеет зайти в квартиру, то ворвется пикет. Эта девица совершенно ненормальная и просто жаждет кого-то убить. У нее в квартире может быть и другое оружие.

Положив тяжеленную пачку с рукописью на стол Эрики Бергер, Микаэль Блумквист почувствовал, что смертельно устал, и тяжело опустился в ее кресло для посетителей у окна с видом на Гётгатан. Все

время после полудня он потратил на то, чтобы понять, что же делать с незаконченной книгой Дага Свенссона.

Это был деликатный вопрос. Даг был мертв всего несколько часов, а его работодатель уже сидел и обдумывал, как поступить с его журналистским наследием. Постороннему это могло бы показаться циничным и бесчувственным. Но сам Микаэль воспринимал это совершенно иначе. Он чувствовал, что словно находится в состоянии невесомости. Каждому работающему с новостями журналисту известен этот особый синдром, начинающий работать во время кризисов. Когда другие переживают горе, журналисты лент новостей особенно эффективны. Несмотря на парализующий шок, который пережили все нынешние члены редакции «Миллениума» утром Великого четверга, профессиональные обязанности возобладали, и все окунулись в работу.

Для Микаэля это было само собой разумеющимся. Даг Свенссон был плоть от плоти их братии и поступил бы так же, если бы роли поменялись, – спросил бы себя, что он мог бы сделать для Микаэля. Даг оставил после себя рукопись книги, содержание которой было подобно бомбе. Несколько лет он собирал материал, сортировал факты, вложив в эту работу всю свою душу. Но ему не довелось довести дело до конца.

А главное, он работал в «Миллениуме».

Убийство Дага Свенссона и Миа Бергман не имело характера национальной трагедии, как, например, убийство Улофа Пальме, и национальный траур по ним не объявят. Но для сотрудников «Миллениума» удар был даже сильнее: он затронул их лично. К тому же у Дага обширная сеть знакомых в журналистских кругах, и они потребуют ответа на вопросы.

Теперь Микаэлю и Эрике было суждено закончить работу Свенссона над книгой и ответить на вопросы «кто» и «почему».

– Я смогу восстановить текст, – сказал Микаэль Эрике. – Мне с Малин нужно пройтись по нему, строка за строкой, и пополнить сведениями так, чтобы имелись ответы на все вопросы. В основном нам потребуются собственные записи Дага, но в четвертой и пятой главах у нас есть лакуны, возникшие из-за интервью, взятых Миа, где мы попросту не знаем, кто служил источником информации. И все же, с незначительными исключениями, мы сможем пользоваться ее диссертацией как первоисточником.

– У нас нет последней главы.

– Верно, но Даг оставил ее набросок, и мы столько раз ее обсуждали, что мне хорошо известно, что он хотел сказать. Я предлагаю отказаться от

главы «Выводы», а вместо этого написать послесловие, где я разъясню его рассуждения.

– Хорошо, но я хочу все видеть, прежде чем одобрить. Не стоит вкладывать ему в рот наши слова.

– Не беспокойся. Я напишу главу со своими собственными размышлениями и поставлю свою подпись. Тогда будет ясно, что писал я, а не он. Я расскажу, как он начал работать над книгой, что за человек он был, а закончу кратким пересказом того, о чем было говорено-переговорено в течение дюжины наших встреч в последние месяцы. В его наброске последней главы есть многое, что можно процитировать. По-моему, это будет вполне достойно.

– Знаешь… сейчас мне больше, чем когда-либо, хочется выпустить эту книгу, – сказала Эрика.

Микаэль кивнул – он прекрасно понимал, что она имела в виду.

– Что-нибудь нового слышно? – спросил он.

Эрика положила очки на стол и покачала головой. Она поднялась, налила из термоса две чашки кофе и села напротив Микаэля.

– Мы с Кристером продумали содержание следующего номера. Возьмем две статьи, предназначенные для более позднего выпуска, и добавим тексты внештатных журналистов. Но все равно номер получится лоскутный, без настоящего стержня.

Они помолчали.

– Ты слушал новости? – спросила Эрика.

Микаэль покачал головой.

– Нет. Я и так знаю, что там скажут.

– Во всех новостях убийство – главная тема. Вторая тема – неожиданный маневр центристских партий.

– То есть в стране ничего больше не произошло.

– Полиция пока не назвала имен Дага и Миа. Они упоминаются как «приличная пара». И пока хранится молчание о том, что именно ты их нашел.

– Думаю, полиция сделает все, чтобы скрыть это. Хотя бы это нам на пользу.

– А зачем полиции это скрывать?

– Затем, что она на дух не переносит журналистов. Те для нее – паяцы. С точки зрения новостной ленты я представляю собой некоторую ценность, и потому для полиции только лучше, что никто не знает, что это я их нашел. Спорю, что это скоро просочится – сегодня ночью или завтра утром.

– Такой молодой, а уже циничный.

– Мы уже не такие и молодые, Рикки. Мне это пришло в голову, когда меня допрашивала ночью женщина в полиции. Она выглядела как школьница старших классов.

Эрика тихо засмеялась. Хоть ей и удалось поспать несколько часов ночью, она уже чувствовала усталость. Вскоре она преподнесет сюрприз, став главным редактором одной из крупнейших в стране газет. «Нет, сейчас не время делиться этой новостью с Микаэлем», – подумала она.

– Недавно звонил Хенри Кортес, сказал, что руководитель расследования по фамилии Экстрём дал что-то вроде пресс-конференции в три часа.

– Рихард Экстрём?

– Да. Ты его знаешь?

– Ну, это политик, стопроцентный позер перед журналистской братией. Убиты ведь не какие-то торговцы-палаточники, так что звона будет немало.

– Во всяком случае, он утверждает, что полиция напала на след и надеется раскрыть дело в скором времени. Но по существу он ничего не сказал. А журналистов собралось – яблоку негде упасть.

Микаэль пожал плечами и потер веки.

– Не могу отвязаться от картины мертвой Миа. Я же только-только с ними познакомился.

Эрика мрачно кивнула.

– Наберись терпения. Думаю, это какой-то чертов чокнутый…

– Не знаю. У меня это весь день из головы не идет.

– Что именно?

– В Мию стреляли сбоку. Я видел входное отверстие сбоку на шее, а выходное – на лбу. Дагу попали прямо в лоб, и пуля вышла через затылок. Насколько я знаю, были выпущены всего две пули. Не похоже на стрельбу чокнутого.

Эрика сосредоточенно посмотрела на Микаэля.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Если стрелял не психопат, значит, был какой-то мотив, и чем больше я над этим думаю, тем больше склоняюсь к подозрению, что мотивом была рукопись.

Микаэль показал пальцем на груду бумаг на письменном столе Эрики. Та перевела взгляд туда, а потом – снова на Микаэля.

– Может быть, дело не в книге как таковой. Не слишком ли они далеко зашли в своих поисках и им удалось?.. Не знаю. Кто-то почуял опасность…

– И нанял киллера? Микке, это тебе не американский боевик. Это

книга о тех, кто пользуется сексуальными услугами, называющая по имени полицейских, политиков, журналистов… Уж не думаешь ли ты, что кто-то из них убил Дага и Мию?

– Не знаю, Рикки. Но мы собирались через три недели передать в типографию самый зубодробительный материал о трафикинге, который когда-либо публиковался в Швеции.

В этот момент в дверь просунулась голова Малин Эрикссон, и они узнали, что криминальный инспектор Ян Бублански хочет поговорить с Микаэлем Блумквистом.

Пожав руки Эрике Бергер и Микаэлю Блумквисту, Бублански расположился в третьем кресле у стола перед окном. Оглядев Микаэля, он увидел перед собой человека с запавшими глазами и суточной щетиной на щеках.

– Появилось что-то новое? – спросил Блумквист.

– Возможно. Как я понимаю, это вы нашли пару в Эншеде и вызвали полицию прошлой ночью?

Микаэль устало кивнул.

– Я знаю, что вы ночью уже отвечали на вопросы дежурного следователя, но мне хотелось бы прояснить некоторые детали.

– Что именно?

– Как случилось, что вы приехали к Свенссону и Бергман так поздно вечером?

– Какая же это деталь? Это целый роман, – устало улыбнулся Микаэль. – Я ужинал в гостях у сестры, она живет в «гетто» новых вилл в районе Стэкет. Мне позвонил на мобильный Даг Свенссон и объяснил, что не сможет заехать в редакцию в Великий четверг, то есть сегодня, хотя ранее мы договорились с ним именно об этом. Он планировал завезти туда фотографии для Кристера Мальма. Дело в том, что он и Миа решили поехать на Пасху к ее родителям и выехать надо было рано утром. Он спросил, не против ли я буду, если он утром проедет мимо меня. Я ответил, что нахожусь довольно близко и мог бы заглянуть к нему и забрать фотографии на пути от сестры домой.

– Итак, вы поехали в Эншеде за фотографиями?

Микаэль кивнул.

– Как вы думаете, каков мог быть мотив убийства Свенссона и Бергман?

Микаэль и Эрика переглянулись и промолчали.

– Ну, так что?

– Мы, конечно, говорили сегодня об этом, но мнения у нас не совсем совпадающие. Точнее, не то что несовпадающие, а скорее бездоказательные. Не хотелось бы говорить о предположениях.

– Все же расскажите.

Микаэль описал содержание будущей книги Дага Свенссона и объяснил, что они с Эрикой подумали о возможной связи этого содержания и убийства. Бубладски молчал, продумывая полученную информацию.

– Значит, Даг Свенссон намеревался прижать к ногтю полицейских?

Ему не нравилось, какой оборот принимал разговор, и живо представил себе, как «полицейский след» будут вынюхивать в ближайшее время во всех газетах и журналах.

– Нет, – возразил Микаэль, – Даг Свенссон намеревался прижать к ногтю преступников, среди которых оказались и полицейские. Среди них есть и представители моей профессии – журналисты.

– И вы собирались предать гласности эту информацию сейчас?

Микаэль покосился на Эрику.

– Нет, – ответила та. – Мы целый день потратили сегодня на то, чтобы изменить содержание следующего номера. По всей вероятности, мы опубликуем книгу Дага Свенссона, но это произойдет не раньше, чем мы узнаем, что с ними случилось, а сейчас часть книги подвергнется переработке. Не волнуйтесь, мы не собираемся ставить полиции палки в колеса, когда речь идет об убийстве двух наших товарищей.

– Я должен осмотреть рабочее место Дага Свенссона, а раз уж это редакция, было бы неделикатно проводить здесь обыск.

– Весь материал находится в его личном лэптопе, – сказала Эрика.

– Ага, – кивнул Бублански.

– Я уже разобрал письменный стол Дага, – сказал Микаэль. – Убрал из его записей то, что раскрывает имена источников, которые хотели сохранить анонимность. Все остальное находится в вашем распоряжении. К тому же я положил на стол записку с просьбой ничего не трогать и не перекладывать. Проблема с книгой Дага Свенссона заключается в том, что ее содержание должно оставаться в секрете, пока она не будет отпечатана. Поэтому нам не хотелось бы, чтобы рукопись распространялась в полиции, в особенности из-за того, что в ней будут разоблачены полицейские.

«Черт, – подумал Бублански, – и как меня угораздило «зевнуть» и не послать кого-нибудь сюда утром?» Он кивнул, соглашаясь, и оставил эту тему.

– Хорошо. Существует еще одно лицо, о котором нам хотелось бы кое-что узнать в связи с убийством. Есть основания верить, что это лицо вам

знакомо. Мне необходимо знать, что вам известно о женщине по имени Лисбет Саландер.

На секунду Микаэль Блумквист стал похож на наделенный плотью и кровью вопросительный знак. Бублански заметил, что Эрика Бергер бросила на Микаэля косой взгляд.

– Я что-то не понял.

– Вы знакомы с Лисбет Саландер?

– Да, знаком.

– Насколько близко вы знакомы?

– А почему вы спрашиваете?

Бублански раздраженно отмахнулся.

– Я же сказал, что хочу задать вопросы в связи с убийством. Насколько вы с ней знакомы?

– Но… это же не имеет к делу отношений. Лисбет Саландер никак не связана с Дагом Свенссоном и Миа Бергер.

– Вот мы и собираемся исследовать это, – терпеливо ответил Бублански. – Но мой вопрос остался неотвеченным: как вы познакомились с Лисбет Саландер?

Микаэль погладил щетину и потер веки, пытаясь собраться с мыслями. Наконец он встретился взглядом с Бублански.

– Я нанял Лисбет Саландер для сбора материала по совершенно другому делу два года назад.

– Что это было за дело?

– Сожалею, но теперь мы находимся в рамках действия конституционных гарантий, защиты источников информации и тому подобного. Поверьте мне, это не имело ни малейшего отношения к Дагу Свенссону и Миа Бергман. Это было совершенно другое, давно законченное расследование.

Бублански взвесил сказанное. Ему отнюдь не нравилось, когда кто-нибудь заявлял, что есть секреты, которые нельзя открывать даже в связи с расследованием убийства. Но он решил не встревать – до поры до времени.

– Когда вы видели Лисбет Саландер в последний раз?

Микаэль продумал ответ.

– Дело вот как обстоит: осенью прошлого года я общался с Лисбет Саландер. Все закончилось к Рождеству того же года. Затем она исчезла из города. Я вообще не видел ее больше года, пока не напал на ее след неделю назад.

Эрика Бергер подняла брови, из чего Бублански сделал заключение, что это для нее новость.

– Расскажите, как вы встретились.

Микаэль вдохнул побольше воздуха и коротко описал, что случилось возле ее парадной по улице Лундагатан. Бублански слушал, все больше и больше удивляясь, пытаясь одновременно понять, не сочинил ли все это Блумквист.

– Значит, вы с ней не разговаривали?

– Нет, она скрылась из виду между домами по Лундагатан. Я ждал, ждал, но она так и не появилась. Тогда я написал ей письмо, уговаривая дать о себе знать.

– И вы ничего не знаете, есть ли какая-то связь между нею и парой из Эншеде?

– Нет.

– А вы можете описать человека, напавшего на нее?

– Не думаю. Когда он набросился на нее, она сначала защищалась, потом побежала. Я видел его с расстояния в сорок – сорок пять метров. К тому же дело было ночью, кругом темно.

– Вы перед этим выпили?

– Немного, но отнюдь не был пьян. Я помню, что это был блондин, с прической «конский хвост», одетый в темную куртку до пояса, с заметным пивным животиком. Взбегая по лестнице на Лундагатан, я видел его лишь в спину, но он развернулся ко мне лицом, когда приготовился пнуть меня. Передо мной промелькнуло худое лицо с близко посаженными глазами.

– Почему ты раньше молчал об этом? – вмешалась Эрика Бергер.

Микаэль пожал плечами.

– Сначала были выходные, потом ты уехала в Гётеборг участвовать в тех дурацких теледебатах. В понедельник тебя не было, во вторник мы виделись впопыхах. Это как-то отодвинулось.

– Но в связи с тем, что случилось в Эншеде… почему вы об этом ничего не рассказывали в полиции? – спросил Бублански.

– С чего бы мне рассказывать об этом в полиции? С тем же успехом я мог бы рассказать, что схватил за руку карманного вора, пытавшегося обчистить меня в метро на станции «Т-сентрален» месяц назад. Между случившимся на Лундагатан и убийством в Эншеде нет никакой разумной связи.

– Но вы не сделали заявление в полицию?

– Нет. – Микаэль поколебался и продолжил: – Лисбет Саландер очень замкнутый человек. Я подумывал, не пойти ли мне в полицию, но решил, что это ее дело, подавать заявление или нет. Я хотел сначала поговорить с нею.

– Но вы этого не сделали?

– С Рождества позапрошлого года я с ней не разговаривал.

– Почему же ваши отношения – если, конечно, «отношения» – правильный термин – подошли к концу?

Микаэль помрачнел и наконец, тщательно взвешивая слова, ответил:

– Не знаю. Она прервала все контакты со мной.

– Что-то случилось?

– Нет, ничего. Никаких ссор, если вы это имеете в виду. Только что были друзьями – и вдруг она перестала снимать телефонную трубку, а потом совсем исчезла из моей жизни.

Обдумывая ответ Микаэля, Бублански решил, что он звучит правдиво и подтверждается сказанным Драганом Арманским о ее исчезновении из «Милтон секьюрити» почти в тех же выражениях. Что-то, очевидно, случилось с Лисбет Саландер зимой полтора года назад. Бублански повернулся к Эрике Бергер.

– А вы тоже знакомы с Лисбет Саландер?

– Я видела ее всего один раз. Вы не могли бы объяснить, почему занимаетесь ею в связи с убийством в Эншеде?

Бублански покачал головой.

– Она имеет отношение к месту убийства. Это все, что я могу сказать. Должен признать, что чем больше я слышу о Лисбет Саландер, тем больше она меня озадачивает. Что она вообще за человек?

– В каком отношении? – спросил Микаэль.

– Как бы вы ее описали?

– В профессиональном плане она одна из лучших исследователей материала, кого я когда-либо встречал.

Эрика Бергер покосилась на Микаэля Блумквиста и закусила губу. Бублански был уверен, что ему чего-то не договаривают.

– Ну, а как человек?

Микаэль помолчал.

– Она очень одинокий и своеобразный человек. Она необщительна, не любит говорить о себе. При этом обладает сильной волей и моральными принципами.

– Моральными принципами?

– Да. Своими собственными. Ее невозможно заставить поступиться тем, во что она верит. В ее внутреннем мире все делится на правильное и неправильное.

Бублански снова пришло в голову, что Микаэль Блумквист описал ее примерно в тех же выражениях, что и Драган Арманский. Два знавших ее

человека высказали о ней чрезвычайно похожие соображения.

– Вы знакомы с Драганом Арманским? – спросил Бублански.

– Встречал его пару раз. Прошлой осенью мы вместе пошли выпить пива, когда я зашел к нему выяснить, куда девалась Лисбет.

– И вы утверждаете, что она квалифицированный исследователь, – припомнил Бублански.

– Лучший из всех, кого я знаю, – повторил Микаэль.

Бублански постучал кончиками пальцев по столу и покосился в окно, сквозь которое можно было видеть людей, спешащих по Гётгатан. В том, что он узнал, было полно несоответствий. Документы судебно-медицинской экспертизы, скопированные Хансом Фасте в опекунском совете, утверждали, что у Лисбет Саландер имеются серьезные психические нарушения, что она склонна к насилию и чуть ли не умственно недоразвита. Отзывы Арманского и Блумквиста рисовали картину, решительно отличавшуюся от той, что создавалась из заключений психиатров, наблюдавших за ней в течение нескольких лет. Эти оба описывали ее как своеобразного человека, но в голосе обоих слышался оттенок восхищения.

Блумквист сказал, что он «общался» с нею какое-то время, что вполне могло означать отношения сексуального характера. Бублански задумался, какие правила существуют в отношении лиц, признанных недееспособными. Может быть, Блумквист погрешил против закона, сексуально используя лицо, находящееся под защитой опеки?

– А как вы относитесь к ее социальной ущербности? – спросил он.

– Ущербности? – удивился Микаэль.

– К опеке над нею и ее психическим проблемам.

– К опеке? – переспросил Блумквист.

– К психическим проблемам? – пришла в изумление Бергер.

Бублански удивленно перевел взгляд с Микаэля на Эрику и обратно. «Они не знали. Действительно ничего не знали», – подумал он. Внезапно инспектор почувствовал сильнейшее раздражение к Арманскому и Блумквисту, а больше всего к Эрике Бергер с ее элегантной одеждой и шикарным видом на Гётгатан. «Расселась тут и поучает, что другим следует думать, а что – нет», – про себя возмутился он, но направил свою досаду на Микаэля.

– Не пойму, что случилось с вами и Арманским, – заметил он.

– В каком смысле?

– Лисбет Саландер то и дело попадала в психушку в подростковом возрасте. Судебно-медицинское заключение и гражданский суд пришли к

выводу, что она не способна сама вести дела. Она была объявлена недееспособной. Документально удостоверено, что она склонна к насилию и всю свою жизнь имела неприятности с властями. Сейчас она подозревается в… причастности к двойному убийству. А вы с Арманским изображаете ее как какую-то принцессу.

Блумквист безмолвно уставился на Бублански.

– Я вот как могу возразить, – продолжил инспектор. – Мы искали связь между Лисбет Саландер и парой из Эншеде. Оказалось, что вы, нашедший убитых, – и есть это связующее звено. Можете как-то это прокомментировать?

Микаэль откинулся на спинку кресла, закрыл глаза и попытался привести мысли в относительный порядок. Лисбет Саландер подозревается в убийстве Дага и Миа… Это немыслимо, невероятно. Способна ли она на убийство? Внезапно Микаэль вспомнил выражение лица, с которым Лисбет набросилась на Мартина Вагнера с клюшкой в руке два года назад. «Она бы убила его, не задумываясь. Она этого не сделала, потому что ей надо было спешить спасать мою жизнь, – мелькнуло у него в голове. Он машинально потрогал шею, вокруг которой Мартином Вагнером была наброшена удавка. – Но Дага и Мию… В этом нет ни малейшего смысла».

Микаэль знал, что Бублански пристально наблюдает за ним. Как и Драган Арманский, он стоял перед выбором. Рано или поздно ему придется решать, на чьей он стороне, когда Лисбет Саландер обвинят в убийстве. На стороне тех, кто считает ее виновной, или на стороне тех, кто убежден, что она невиновна.

Прежде чем он успел что-нибудь сказать, на столе Эрики зазвонил телефон. Она взяла трубку и протянула ее Бублански.

– Вас спрашивает некий Ханс Фасте.

Бублански внимательно слушал, что ему говорили. Микаэль и Эрика обратили внимание на то, что выражение его лица изменилось.

– Когда они заходят внутрь?

Молчание.

– Какой там адрес? Лундагатан… Ладно, я неподалеку, скоро буду. – Бублански торопливо поднялся с места. – Извините, что вынужден прервать беседу. Нынешний опекун Лисбет Саладер только что найден застреленным. Она объявлена в розыск по подозрению в трех убийствах.

Эрика открыла рот от удивления. Микаэль стоял как громом пораженный.

Захват квартиры в тактическом отношении был довольно простой

операцией.

Ханс Фасте и Курт Свенссон прислонились к капоту своей полицейской машины, наблюдая, как вооруженный до зубов полицейский пикет занял лестничную клетку и пристройку во дворе.

Через десять минут вооруженный пикет мог констатировать то, что Фасте и Свенссон и без того прекрасно знали: на звонки в дверь никто не открывал.

Ханс бросил взгляд вдоль Лундагатан. К досаде пассажиров автобуса номер 66, улица была перекрыта на участке от Цинкенсдама до Хёгалидской церкви. Один автобус застрял непосредственно перед заграждением вверх по склону и не мог двинуться ни вперед, ни назад. Наконец Фасте подошел и приказал стоявшему там полицейскому отойти в сторону и пропустить автобус. В верхней части склона скопилось много любопытствующих, наблюдавших сверху за суматохой внизу.

– Неужели нельзя было сделать проще? – заметил Фасте.

– Что проще?

– Действовать проще, когда всего-то и требуется, что арестовать какую-то гопницу?

Курт Свенссон воздержался от обсуждения.

– Там всех-то дел, что девчонка ростом полтора метра и весом сорок килограммов, – добавил Фасте.

Было решено, что необходимости высаживать дверь кувалдой нет. Бублански успел подойти, когда они ожидали, пока слесарь не высверлит замок и не отойдет в сторону, чтобы бойцы могли захватить квартиру. Примерно восьми секунд оказалось достаточно, чтобы осмотреть сорокасемиметровую жилплощадь и удостовериться, что Лисбет Саландер не спряталась под кроватью, в гардеробе или ванной. Затем Бублански дал знать помощникам, что можно зайти.

Трое полицейских с любопытством осмотрели безупречно убранную и со вкусом обставленную квартиру. В комнатах на стенах красовались вставленные в рамки художественные черно-белые фотографии. В прихожей обнаружили полку с CD-проигрывателем и большой коллекцией компакт-дисков. Бублански рассмотрел среди них как тяжелый рок, так и оперу. Все выглядело эстетически приятно, декоративно и со вкусом.

Курт Свенссон обследовал кухню и не нашел ничего примечательного. Он просмотрел кипу газет, проверил раковину, посудный шкаф и морозильную камеру в холодильнике.

Фасте занялся гардеробом и бюро в спальне. Он присвистнул,

наткнувшись на наручники и приспособления для сексуальных игр. В гардеробе обнаружил комплекты одежды из латекса, от одного вида которых его мама смутилась бы.

– Здесь любят повеселиться, – громко произнес он, поднимая вверх наряд из блестящей кожи, пошитый, согласно торговой метке, каким-то «Домино-фэшн».

На бюро, стоявшем в прихожей, Бублански обнаружил небольшую пачку невскрытых писем, адресованных Лисбет Саландер. Просмотрев пачку, он убедился в том, что она состояла в основном из счетов и банковских выписок. Из личных писем там было только одно – от Микаэля Блумквиста. Это соответствовало рассказу самого Блумквиста. Затем инспектор нагнулся и поднял с полу почту, лежавшую у почтовой щели в квартире и сохранившую следы полицейских ботинок. Все, что там было, это журнал «Новости Сёдермальма» и три конверта с письмами, адресованными Мириам Ву.

Бублански поразило неприятное подозрение. Он зашел в ванную и открыл там настенный шкафчик. Все, что там было, это упаковка с таблетками от головной боли «Альведон» и полтюбика с «Цитодоном». Последнее средство выдавалось по рецепту и было выписано на Мириам Ву. Кроме того, в шкафчике лежала только одна зубная щетка.

– Фасте, почему на двери стоит «Саландер – Ву»? – спросил он.

– Понятия не имею, – ответил Ханс.

– Ладно, спрошу еще: почему в прихожей на полу лежит почта, адресованная Мириам Ву, почему средство «Цитодон» в шкафчике в ванной выписано по рецепту на Мириам Ву? Почему там только одна зубная щетка? Почему кожаные брюки, которые ты держишь в руках, подходят тому, у кого рост 175 сантиметров, а не пигалице Лисбет Саландер?

В квартире установилось смущенное молчание.

– Проклятье! – воскликнул Фасте.

Глава 15

Великий четверг, 24 марта

После внепланового рабочего дня Кристер Мальм, вернувшись домой, чувствовал себя усталым и вымотанным. Он почувствовал пряный запах из кухни, зашел туда и обнял своего бойфренда.

– Как чувствуешь себя? – спросил Арнольд Магнуссон.

– Как выжатый лимон, – ответил Кристер.

– Я слышал об этом убийстве по новостям весь день. Имени не назвали, но картина ужасающая.

– Это действительно ужас. Даг работал для нас; хороший парень, мне он очень нравился. Я не был знаком с его подругой Миа, но Микке и Эрика встречали ее.

Кристер огляделся в кухне. Они купили эту квартиру на Алльхельгонагатан и переехали три месяца назад. Сейчас она показалась ему чужой.

Когда зазвонил телефон, Кристер и Арнольд посмотрели друг на друга и решили не отвечать. Включился автоответчик, и они услышали хорошо знакомый голос.

– Кристер, ты на месте? Возьми трубку.

Звонила Эрика Бергер. Она сообщила новости: теперь по подозрению в убийстве Дага и Миа полиция разыскивает бывшую помощницу Микаэля Блумквиста, делавшую для него анализ данных.

При этом известии Кристера охватило чувство нереальности происходящего.

Хенри Кортес пропустил сумятицу на Лундагатан по той простой причине, что все время находился за пределами полицейского пресс-центра в Кунгсхольмене и до него не дошло никакой информации. Ничего нового с тех пор, как провели поспешную пресс-конференцию днем, не поступало. Он устал, был голоден и зол – все, с кем он пытался установить контакт, отклоняли его попытки получить ответы на вопросы. Только к шести вечера, когда закончился обыск квартиры Лисбет Саландер, до него дошли слухи, что у полиции появился подозреваемый. Досада брала оттого, что информацию он получил от коллеги из вечерней газеты, у которого имелся налаженный постоянный контакт со своей редакцией. Вскоре Хенри посчастливилось выведать номер личного мобильного телефона прокурора

Рихарда Экстрёма. Представившись, он задал важнейшие вопросы: кто, как и почему.

– Какой журнал вы представляете? – в свою очередь спросил Рихард Экстрём.

– Журнал «Миллениум». Я был знаком с одним из убитых. По слухам, полиция разыскивает определенное лицо. Что это значит?

– В данный момент ничего не могу вам сообщить.

– А когда сможете?

– Возможно, сегодня, позднее вечером, мы проведем еще одну пресс-конференцию.

Все это звучало очень туманно. Хенри Кортес дернул себя за толстую сережку в ухе.

– Пресс-конференцию созывают для журналистов новостной ленты. Я же работаю в ежемесячном журнале, и у нас чисто человеческое желание узнать, что происходит.

– Ничем не могу помочь. Придётся вам, как и другим, побороть нетерпение.

– Согласно моим источникам, разыскивается женщина. Кто она?

– Об этом сейчас я не могу распространяться.

– Вы можете опровергнуть информацию о том, что это женщина?

– Нет, я имею в виду, что не могу высказываться…

Инспектор криминальной полиции Еркер Хольмберг стоял на пороге спальни и озадаченно смотрел на огромную лужу крови на полу, где была найдена Миа Бергман. Повернув голову, он мог из дверного проема видеть похожую лужу на месте, где находилось тело Дага Свенссона. Обильное кровотечение заставляло задуматься. Крови было намного больше, чем ему доводилось видеть при пулевых ранениях. Это говорило о том, что используемые пули вызвали чудовищные повреждения, а значит, прав был комиссар Мортенссон, предположив, что убийца использовал охотничьи пули. Кровь, свернувшаяся в черно-бурую массу, покрывала бо́льшую часть пола, поэтому работники «Скорой помощи» и техники-криминалисты неизбежно наступали на нее, а потом разносили следы по всей квартире. У самого Хольмберга были голубые бахилы поверх кроссовок.

Он считал, что настоящий осмотр места преступления начинается только сейчас. Тела убитых вынесены из квартиры, последние два техника попрощались и ушли. Он остался один. Техники сделали снимки убитых, замеры брызг на стенах и обсудили площади распространения всплесков и скорость разлетания капель. Хольмберг знал смысл этих терминов, но

следил за действиями техников с рассеянным вниманием. Работа криминалистов завершится подробным отчетом, в котором будет детально расписано, где стоял убийца по отношению к жертвам, на каком расстоянии, в каком порядке были произведены выстрелы, какие отпечатки пальцев могут представлять интерес. Все это находилось в стороне от задачи Еркера Хольмберга. В техническом анализе не будет ни слова о том, кто убийца, каков его – или ее, поскольку выяснилось, что главная подозреваемая является женщиной, – мотив убийства.… На все эти вопросы предстояло дать ответ именно ему.

Зайдя в спальню, Хольмберг поставил на стул старенький портфель и вытащил из него карманный магнитофон, цифровую камеру и блокнот.

Он начал с того, что открыл ящики комода у двери спальни. В двух верхних лежало нижнее белье, джемперы и шкатулка для драгоценностей, принадлежащие Миа Бергман. Еркер разложил все предметы на кровати и осмотрел содержимое шкатулки, но ничего особенного там не обнаружил. В нижнем ящике лежали два альбома с фотографиями и две папки с разными хозяйственными счетами. Он включил магнитофон и начал диктовать:

– Опись предметов, изъятых в квартире по адресу Бьёрнеборьсвеген, дом 8В. Спальня, нижний ящик комода. Два фотоальбома в переплетах размера А4. Папка с черным корешком с пометкой «Хозяйство», папка с синим корешком с пометкой «Документация по покупке квартиры», содержащая бумаги по кредиту и выплате займа. Небольшая картонная коробка с личными письмами, открытками и мелочами.

Все это он отнес в прихожую и сложил в большую сумку. Затем осмотрел ящички прикроватных тумбочек, стоявших по обе стороны двуспальной кровати. Открыв гардеробы, просмотрел одежду, прощупал все карманы и осмотрел обувь, проверяя, нет ли каких-то забытых или припрятанных предметов, а затем перешел к верхним полкам гардеробов. Он открывал все картонки и ящики для хранения галантереи. Время от времени ему попадались бумажки или разные предметы, которые он по тем или иным соображениям включал в протокол изъятого.

В спальне стоял втиснутый в угол письменный стол, крохотное рабочее место со стационарным компьютером марки «Компак» и стареньким монитором. Под столом помещалась тумба на колесиках, а сбоку от стола – низкий стеллаж. Еркер Хольмберг знал, что, вероятнее всего, самые важные находки ждали его у рабочего места – если хоть что-нибудь удастся найти. Поэтому письменный стол он оставил напоследок, а сначала пошел в гостиную продолжать осмотр. Открыв застекленный

буфет, осмотрел каждую вазочку, ящичек, полочку. Затем переключился на большие книжные полки, стоявшие углом с одной стороны к наружной стенке, а с другой – к стенке ванной комнаты. Он взял стул и начал сверху, проверив, нет ли чего поверху. Затем прошел, полка за полкой, сверху вниз, вынимая книги пачками, перелистывая и проверяя, нет ли чего за книгами. Спустя сорок пять минут он вернул последнюю книгу на место. На обеденный стол выложил небольшую стопку книг, которые почему-то привлекли его внимание, включил магнитофон и продолжил диктовать:

– С книжных полок в гостиной. Книга Микаэля Блумквиста «Банкир мафии», книга на немецком «Государство и автономия», книга на шведском «Революционный терроризм» и книга на английском «Исламский джихад».

Книгу Микаэля Блумквиста он включил в список машинально, раз уж писатель появлялся в материалах предварительного следствия. Три другие книги не казались столь очевидным выбором. Еркер Хольмберг не представлял себе, могло ли убийство быть хоть как-то связано с политикой. У него не было никаких сведений о политической активности Дага Свенссона и Миа Бергман. Книги могли просто демонстрировать общеполитический интерес или оказались на полке как побочный продукт журналистской работы. С другой стороны, стоит отметить, что в квартире, где совершено двойное убийство, есть литература о политическом терроризме. Поэтому отложенные книги переместились в сумку к другим изъятым предметам.

Несколько минут Еркер потратил на осмотр ящиков обветшалого старомодного комода черного цвета.

Сверху стоял CD-проигрыватель, а в ящиках были собраны диски. Хольмбергу пришлось открыть каждый футляр и удостовериться, что надпись на нем соответствует содержанию. Несколько дисков были без обложки, откуда он заключил, что это диски, записанные дома, или же пиратские копии. Каждый из них он поставил в проигрыватель и убедился в том, что ничего, кроме музыки, на них нет. Довольно много времени у него отняла тумба под телевизором, стоявшая у входа в спальню. В ней было собрано большое количество видеокассет. Хольмберг поставил несколько кассет на выбор и удостоверился, что на них есть все, от боевиков до записей программы новостей и репортажей типа «Голые факты», «Инсайдер», «Задание: выяснить». Он изъял тридцать шесть кассет и внес их в протокол. На кухне открыл крышку термоса и выпил кофе, сделав короткую паузу, прежде чем продолжить.

На одной из полок кухонного шкафа Еркер собрал все имевшиеся там пузырьки и баночки, очевидно составлявшие запас семейных лекарств,

сложил их в пластиковый пакет и отправил в одно из отделений своей рабочей сумки. Он извлек все продукты гастрономии с кухонных полок и холодильника, открыл каждую банку, каждый пакет, каждую вскрытую бутылку. В горшке на подоконнике Хольмберг обнаружил тысячу двести крон и квитанции. Вероятно, это была «наличка» на продукты. Ничего представляющего особый интерес не попалось. В ванной он не нашел ничего для изъятия, но заметил, что корзина для белья полна, и разобрал все, что в ней лежало. Гардероб в прихожей тоже требовал проверки, особенно карманы одежды.

Во внутреннем кармане пиджака Хольмберг нашел бумажник Дага Свенссона и отложил его для протокола изъятого. Содержимое бумажника составляла годовая карта в фитнес-клуб «Фрискис и Светтис», расчетная карта «Хандельсбанка» и чуть меньше четырехсот крон наличными. Он также отыскал сумку Миа Бергман и рассортировал ее содержимое. У нее тоже была годовая карта в «Фрискис и Светтис», кредитная карточка, карта покупателя магазина «Консул» и еще одна – «Клуб Горизонт» с логотипом глобуса. Кроме того, у нее лежали две тысячи пятьсот крон наличными – довольно большая, но все же вполне приемлемая сумма ввиду планировавшейся поездки на праздник. Тот факт, что деньги остались в бумажнике, уменьшало вероятность убийства с целью ограбления. Он заговорил в диктофон:

– В сумочке Миа Бергман, лежавшей на полке в гардеробе в прихожей, обнаружены карманный календарь типа ежедневника, адресная книжка и блокнот в черном переплете.

Хольмберг сделал еще один перерыв на кофе и отметил нетипичное для его опыта наблюдение, что в доме пары Свенссон – Бергман не нашлось пока что никаких постыдных или интимных предметов: ни припрятанных приспособлений для сексуальных игр, ни вызывающего нижнего белья, ни порнофильмов. Он не наткнулся на спрятанные сигареты с марихуаной, да и вообще не обнаружил никаких признаков незаконной деятельности. Они производили впечатление обычной пары из пригорода, с точки зрения полицейских, возможно, даже занудной.

Под конец Еркер вернулся в спальню и сел за письменный стол, около часа сортируя бумаги, найденные в верхнем ящике стола. Очень быстро он пришел к выводу, что ящики стола и стеллажа рядом содержали в основном материал по анализу и источникам к докторской диссертации Миа Бергман «Из России с любовью». Материал был тщательно классифицирован, как бывает в хороших полицейских отчетах, и Хольмберг зачитался некоторыми кусками текста. «Нам бы в отдел такую, как Миа Бергман», –

подумал он. Одна из секций стеллажа была полупустой и содержала явно материал Дага Свенссона. Это были главным образом вырезки его собственных статей и другие интересовавшие его вырезки.

Теперь Хольмберг занялся стационарным компьютером, жесткий диск которого был всего на пять гигабайт и содержал всё – от программного обеспечения до скачанных статей и pdf-файлов. Ясно, что за вечер Еркеру все это было не прочитать, поэтому он включил в число изъятых предметов сам компьютер, лежавшие по соседству компакт-диски и штук тридцать zip-дисков.

Теперь Хольмберг сидел, досадливо задумавшись. Материал в компьютере, как ему предоставлялось, принадлежал Миа Бергман. Журналист Даг Свенссон нуждался в компьютере как важнейшем рабочем инструменте, но в настольном компьютере у него не было даже электронной почты. Значит, у Свенссона где-то есть свой собственный компьютер. Еркер Хольм-берг встал и задумчиво обошел квартиру. В прихожей лежал черный рюкзак с пустым отделением для компьютера и несколькими блокнотами, принадлежащими Дагу Свенссону. Если бы лэптоп запихнули куда-нибудь в квартире, он бы его нашел. Взяв ключи, Хольмберг спустился во двор и обнаружил машину Миа Бергман, а затем и кладовку в подвале. Компьютера нигде не было.

«Странность той собаки, дорогой Ватсон, в том, что она не лаяла», – вспомнилось ему.

Итак, в списке изъятого явно недостает компьютера.

Прокурор Экстрём вызвал к себе в кабинет Бублански и Фасте в половине седьмого, сразу после того, как те вернулись с Лундагатан. Курту Свенссону было поручено ехать в Стокгольмский университет поговорить с научным руководителем Миа Бергман по докторской диссертации. Еркер Хольмберг все еще работал в квартире в Эншеде. Соня Мудиг занималась осмотром места преступления на площади Уденплан. Прошло десять часов с тех пор, как Бублански был назначен руководителем следствия, и семь часов с момента начала поисков Лисбет Саландер. Бублански кратко проинформировал, как все прошло на Лундагатан.

– А кто такая Мириам Ву? – спросил Экстрём.

– О ней известно довольно мало. В полицейском регистре ее нет. Хансу Фасте поручается начать ее поиски завтра с утра пораньше.

– Но Саландер на Лундагатан не оказалось?

– По всем признакам похоже, что она там не живет. Во всяком случае, одежда в гардеробе совершенно не ее размера.

– Одежда, да еще какая! – вставил Ханс Фасте.

– И какая? – заинтересовался Экстрём.

– Не такая, какую дарят на именины.

– На данный момент мы ничего не знаем о Мириам Ву, – сказал Бублански.

– Да чего там еще знать? У нее весь гардероб забит униформой для проституток.

– Униформой? – переспросил Экстрём.

– А как же. Всякая там кожа, лак, корсеты, а в комоде фетишистские безделушки и игрушки для секса. Похоже, вся эта дребедень не дешевого пошиба.

– Вы имеете в виду, что Мириам Ву проститутка?

– На данный момент мы ничего не знаем о Мириам Ву, – с некоторым нажимом повторил Бублански.

– Несколько лет назад расследование социальной службы пришло к заключению, что Лисбет Саландер – потаскуха, – сказал Экстрём.

– Социальная служба знает, что говорит, – заметил Фасте.

– Отчет социальной службы не имеет своей основой задержание или расследование, – сказал Бублански. – Когда ей было лет шестнадцать-семнадцать, ее застали в парке Тантолунден в обществе мужчины существенно старше ее. В тот же год она была задержана в пьяном виде. И опять в обществе мужчины явно старше ее.

– Хочешь сказать, чтобы мы не делали поспешных выводов? – уточнил Экстрём. – Ладно. Но мне пришло в голову, что диссертация Миа Бергман посвящена трафикингу и проституции. Значит, есть шанс, что в ходе работы она связывалась с Саландер и этой самой Мириам Ву, чем-то их спровоцировала и тем самым как-то породила мотив для убийства.

– Очень может быть, что Бергман установила контакт с ее опекуном и колесо завертелось, – предположил Фасте.

– Возможно, – отозвался Бублански. – Это и должно установить следствие. Сейчас важно отыскать Лисбет Саландер. Раз она, очевидно, не живет на Лундагатан, значит, надо найти Мириам Ву и спросить ее, как она оказалась в квартире и какое отношение она имеет к Лисбет Саландер.

– Ну, а как же мы найдем Саландер?

– Она где-то поблизости. Все дело в том, что единственный адрес, которым мы располагаем, – это по Лундагатан. Перемена адреса не зарегистрирована.

– Не забудь, что ее клали в больницу Святого Стефана и что она жила в приемных семьях.

– Я все понимаю, – отозвался Бублански и сверился со своими записями. – Когда ей было пятнадцать лет, она сменила три приемные семьи. Со всеми у нее что-то не ладилось. С шестнадцати до восемнадцати лет она жила в Хегерстене, в семье Фредрика и Моники Гулльберг. Курт Свенссон навестит их сегодня вечером после встречи с научным руководителем в университете.

– А как насчет пресс-конференции? – спросил Фасте.

Атмосфера в кабинете Эрики Бергер царила безрадостная. Было семь часов вечера, а Микаэль Блумквист все сидел, не издав ни звука и почти оцепенев после ухода инспектора Бублански. Малин Эрикссон поехала на велосипеде на Лундагатан, где следила за действиями штурмовой группы. Вернувшись, она отчиталась о последствиях: никого, судя по всему, не задержали и движение транспорта по улице возобновилось. В редакцию позвонил Хенри Кортес и доложил, что, по слухам, полиция разыскивает одну женщину, не выдавая ее имя. Бергер выложила ему, о какой женщине идет речь.

Эрика и Малин обсудили, что еще стоило бы сделать, но не придумали ничего разумного. Ситуация осложнялась тем, что Микаэль и Эрика знали о той роли, какую сыграла Лисбет Саландер в деле Веннерстрёма: будучи первоклассным хакером, она поставляла Микаэлю бесценную секретную информацию. Малин Эрикссон об этом знать не знала и имени Лисбет Саландер никогда раньше не слышала. Из-за этого в разговоре между ней и Эрикой время от времени возникали плохо объяснимые паузы.

– Я пошел домой, – неожиданно произнес Микаэль, вставая с кресла. – Так устал, что голова не варит. Я должен выспаться.

Он перевел взгляд на Малин.

– У нас столько дел… Завтра Страстная пятница, и я думаю только спать и разбирать бумаги. Малин, ты можешь поработать в субботу-воскресенье?

– А что еще мне остается?

– Верно. Тогда начнем в субботу в двенадцать. Что, если мы устроимся не в редакции, а у меня дома?

– Ладно.

– Мне кажется, надо откорректировать задание, сформулированное сегодня утром, над которым нам всем придется работать. Разоблачения, сделанные Дагом Свенссоном, имели какое-то отношение к убийству. Наша задача – выяснить, кто убил Дага и Мию.

Как это осуществить, Малин было совершенно неясно, но она

промолчала. Микаэль помахал рукой Малин с Эрикой и исчез без дальнейших разъяснений.

Было четверть восьмого, когда руководитель следственной группы Бублански неохотно последовал за начальником следственного отдела Экстрёмом на подмостки полицейского пресс-центра. Пресс-конференция, назначенная на семь, запаздывала на пятнадцать минут. В отличие от Экстрёма, Бублански не испытывал никакого желания появляться в свете прожекторов перед дюжиной телекамер. Попав в центр внимания, он чуть ли не впадал в панику и чувствовал, что никогда не привыкнет и уж тем более не полюбит свое изображение на экране телевизора.

Экстрём же, напротив, чувствовал себя как дома. Он поправил очки и уселся, напустив на себя соответствующую моменту серьезную мину. Позволив фотокорреспондентам минуту-другую пощелкать камерами, поднял руки, призывая собравшихся к порядку, а затем заговорил как по писаному.

– Добро пожаловать на эту импровизированную конференцию, посвященную убийству в Эншеде, произошедшему вчера поздно вечером. Я собираюсь поделиться с вами новой поступившей информацией. Для тех, кто не знает, сообщаю, что я – прокурор Рихард Экстрём, а это – инспектор криминальной полиции Ян Бублански из отдела насильственных преступлений Стокгольмского лена. Он руководит следственной группой. Начну с сообщения, которое я зачитаю, а затем предоставлю вам возможность задавать вопросы.

Экстрём помолчал, оглядывая журналистов, собравшихся здесь полчаса назад. Убийство в Эншеде было заметной новостью и обещало стать еще заметнее. Он удовлетворенно отметил присутствие представителей телепрограммы «Актуэльт», «Раппорт», канала «ТВ-4», а также репортеров из ТТ и других газет, как вечерних, так и утренних. Еще он обратил внимание, что пришло много незнакомых журналистов. В зале было не меньше двадцати пяти человек.

– Как известно, вчера за несколько минут до полуночи были зверски убиты двое в Эншеде. При осмотре места преступления обнаружено оружие – «Кольт .45 магнум». Государственная криминально-техническая лаборатория сегодня установила, что это орудие убийства. Владелец оружия установлен, и полиция сделала все возможное, чтобы его отыскать.

Экстрём сделал театральную паузу.

– Сегодня, около семнадцати часов, владелец револьвера был обнаружен мертвым в своей квартире около площади Уденплан. Он был

застрелен и, вероятно, мертв к моменту двойного убийства в Эншеде. У полиции, – тут Экстрём сделал жест в сторону Бублански, – есть все основания считать, что речь идет об одном и том же преступнике, который, следовательно, разыскивается по подозрению в трех убийствах.

Среди присутствующих журналистов послышался гул. Тем более что некоторые начали приглушенно наговаривать что-то в свои мобильники. Экстрём слегка повысил голос.

– Есть ли у вас подозреваемый? – выкрикнул журналист с радио.

– Если меня не прерывать, мы скоро к этому подойдем. В настоящий момент имеется вполне определенное лицо, которое полиция хочет допросить в связи с этими тремя убийствами.

– Кто он?

– Это не он, а она. Полиция разыскивает женщину двадцати шести лет, имеющую отношение к владельцу оружием, которая, как мы установили, была на месте убийства в Эншеде.

Бублански нахмурил брови и стиснул зубы. Они подошли к тому пункту в повестке дня, по которому у них с Экстрёмом не было единодушия, а именно, должно ли руководство следствием раскрывать имя подозреваемого в тройном убийстве. Бублански хотел еще потянуть волынку, а Экстрём считал, что ждать ни к чему.

Аргументы Экстрёма были неоспоримы. Полиция разыскивала женщину, про которую было известно, что она психически больна и небезосновательно подозревается в трех убийствах. В течение дня она была объявлена в розыск сначала в лене, а затем по всей стране. Экстрём считал, что Лисбет Саландер представляет опасность и потому ее скорейшее задержание – в интересах общества.

Что касается аргументов Бублански, то они были слабее. По его мнению, следовало, по крайней мере, дождаться результатов обследования квартиры Бьюрмана, прежде чем сосредотачиваться лишь на одном подозреваемом.

Экстрём аргументировал свою позицию тем, что Лисбет Саландер, согласно имеющейся в их распоряжении документации, психически больна, склонна к насилию и ее, очевидно, что-то спровоцировало к вспышке бешенства и убийству. Кто может гарантировать, что ее жажда крови иссякнет?

– А что, если завтра она ворвется еще в одну квартиру и застрелит еще пару человек? – риторически спрашивал Экстрём.

На это у Бублански не было ответа, и Экстрём напомнил, что прецедентов имеется с избытком. Когда убийцу троих Юху Вальяккала из

Омселе искали вдоль и поперек всей страны, полиция объявила его в розыск, опубликовав имя и фотографию, именно по той причине, что он представляет опасность для окружающих. Те же рассуждения приложимы и к Лисбет Саландер, и потому Экстрём решил огласить ее имя.

Прокурор поднял руку, призывая собравшихся прекратить шум. Сообщение о том, что в тройном убийстве подозревается женщина, должно иметь эффект разорвавшейся бомбы. Он сделал жест, предоставляющий слово Бублански. Пару раз кашлянув и поправив очки, тот вперил взгляд в бумажку с заранее согласованными формулировками.

– Полиция разыскивает женщину по имени Лисбет Саландер, двадцати шести лет. Будет доступна ее фотография из паспортного регистра. В настоящее время ее местонахождение неизвестно, но мы предполагаем, что она находится в пределах большого Стокгольма. Чтобы как можно быстрее найти эту женщину, полиция обращается к общественности за помощью. Лисбет Саландер имеет худощавое телосложение и рост сто пятьдесят сантиметров.

Он нервно перевел дыхание, чувствовал, что вспотел и что рубашка под мышками намокла.

– В свое время Лисбет Саландер находилась на лечении в психиатрической клинике. Считается, что она может представлять опасность как для себя самой, так и для окружающих. Хотим подчеркнуть: на данный момент мы не можем категорически утверждать, что она убийца, но в свете определенных обстоятельств нам необходимо допросить ее о том, что ей известно об убийстве в Эншеде и около Уденплана.

– Так не пойдет! – выкрикнул репортер одной из вечерних газет. – Либо вы подозреваете ее в убийстве, либо нет.

Бублански обратил беспомощный взгляд на прокурора Экстрёма.

– Полиция проводит масштабное расследование и работает над несколькими версиями. Имеются некоторые подозрения в отношении названной женщины, и для полиции крайне желательно допросить ее. Подозрения в отношении нее основаны на технических данных, полученных при осмотре места преступления.

– Какого типа эти данные? – немедленно последовал вопрос.

– В данный момент мы не можем обсуждать детали технического анализа.

Несколько журналистов заговорили одновременно. Экстрём поднял руку и указал на репортера «Дагенс эко», с которым он уже имел дело и которого считал довольно выдержанным.

– Инспектор криминальной полиции Бублански упомянул, что она

содержалась в психиатрической клинике. В связи с чем?

– У этой женщины было… трудное детство и вообще целый ряд проблем. Она находилась под опекой; ее опекун и был владельцем оружия, из которого совершены убийства.

– Кто он?

– Это мужчина, застреленный в своей квартире в районе Уденплан. В настоящий момент мы не хотим сообщать его имя, поскольку его родственники еще не оповещены о случившемся.

– Какой у нее был мотив для убийства?

Бублански взял микрофон.

– В настоящее время полиция воздерживается от высказываний по поводу мотивов.

– Попадало ли ее имя в полицейский регистр?

– Да.

Затем последовал вопрос журналиста, чей зычный голос был слышен поверх других:

– Представляет ли она опасность для общества?

Экстрём, поколебавшись, кивнул.

– Мы располагаем информацией, что в безвыходных ситуациях она способна прибегать к насилию. Мы публично объявляем ее в розыск, потому что хотим как можно быстрее вступить с ней в контакт.

Бублански закусил губу.

Было уже девять часов вечера, а Соня Мудиг все еще находилась в квартире адвоката Бьюрмана. Она позвонила домой и сказала мужу, что задерживается. За одиннадцать лет брака ее муж уже смирился с тем, что рабочего дня с девяти до пяти ей не видать. Сидя за письменным столом в кабинете Бьюрмана, Соня разбирала бумаги, извлеченные из ящиков, когда услыхала стук в дверной косяк и увидела констебля Бублански, пытавшегося сохранить равновесие, нагрузившись двумя кружками кофе и синим пакетом с булочками с корицей, купленными в ближайшем киоске «Пресс-бюро». Она устало помахала ему, предлагая войти.

– Что тут нельзя трогать? – машинально спросил Бублански.

– Здесь техники уже закончили, но они все еще заняты в спальне и на кухне. Тело тоже здесь.

Бублански выдвинул стул и расположился напротив Сони. Она открыла пакет и вынула булочку.

– Спасибо. Мне просто до смерти хотелось кофе.

Они молча занялись перекусом.

– Я слышала, особого толка от квартиры на Лундагатан не было, – сказала Соня, прожевав остатки последней булочки и облизав пальцы.

– Дома никого не было. Нашли невскрытую почту на имя Саландер, но живет там некая Мириам Ву. Ее мы тоже пока не нашли.

– А кто она такая?

– Пока не знаю. Сведения о ней собирает Фасте. Оказалось, что она была вписана в контракт месяц назад, но в квартире, похоже, живет одна. Вероятно, Саландер переехала, не сообщив об изменении адреса.

– Возможно, она все заранее спланировала.

– Что? Тройное убийство? – Бублански печально покачал головой. – С этой заварухой нам еще разбираться и разбираться. Экстрём настоял на пресс-конференции, и теперь средства массовой информации заставят нас поплясать. А как ты, нашла что-нибудь?

– Если не считать Бьюрмана в спальне… нашла коробку из-под револьвера. Она сейчас в лаборатории, в поисках отпечатков пальцев. Тут у Бьюрмана есть папка с копиями ежемесячных отчетов о Саландер, отсылаемых в опекунский совет. Если верить этим отчетам, то Саландер просто ангел небесный.

– И он туда же, – возмутился Бублански.

– Куда именно?

– Еще один почитатель Лисбет Саландер.

Инспектор в двух словах рассказал, *что* услышал о ней от Драгана Арманского и Микаэля Блумквиста. Соня слушала, не прерывая. Когда он закончил, она провела рукой по волосам, потерла глаза и заметила:

– Ну просто фантастика.

Бублански задумчиво покусывал нижнюю губу. Соня Мудиг взглянула на него и с трудом подавила улыбку. Черты лица у инспектора были грубые, почти устрашающие. Но когда он недоумевал или сомневался в чем-то, его лицо принимало выражение обиженного ребенка. В такие минуты Соня про себя называла его Констеблем Бублой. Вслух она никогда не употребляла это прозвище и не знала, как оно возникло, но оно прекрасно соответствовало инспектору.

– Ладно, – сказала она. – А мы опираемся на что-нибудь солидное?

– Прокурор, кажется, уверен в себе. С сегодняшнего вечера Саландер объявлена в розыск по всей стране, – пояснил Бублански. – Весь прошлый год она провела за границей и, что не исключено, попытается сбежать из страны.

– А основания для ареста серьезные?

Бублански пожал плечами.

– Мы арестовывали людей и при меньших подозрениях, – ответил он.

– Отпечатки ее пальцев найдены на револьвере в Эншеде. Убит ее опекун. Не хочу забегать вперед, но думаю, что орудие убийства то же самое. Об этом мы узнаем завтра – техники нашли прилично сохранившийся фрагмент пули в кровати.

– Отлично.

– В нижнем ящике письменного стола лежит несколько патронов к револьверу. У пули урановый сердечник и никелевая оболочка.

– Так.

– У нас довольно большой набор бумаг, подтверждающих, что Саландер чокнутая. При этом Бьюрман был ее опекуном – и владельцем оружия.

– М-м-м, – промычал Бубла с кислым выражением лица.

– Еще у нас есть связующее звено между Саландер и парой в Эншеде – Микаэль Блумквист.

– М-м-м, – продолжал мычать Бубլански.

– Ты вроде сомневаешься?

– У меня как-то не складывается представление о Саландер. По бумагам получается одно, а Арманский и Блумквист говорят другое. Документация свидетельствует о том, что она фактически недоразвитая психопатка, а эти двое описывают ее как компетентного исследователя. Слишком большой разнобой в этих двух версиях. В отношении Бьюрмана мы не располагаем никаким мотивом и не имеем никаких свидетельств ее знакомства с парой в Эншеде.

– А нужны ли мотивы психопатке?

– Я еще не был в спальне. Как там обстоит дело?

– Я нашла Бьюрмана, уткнувшегося головой в кровать, стоящего на коленях, словно перед вечерней молитвой. Он был голый. Выстрел сделан в затылок.

– Ровно один выстрел? Точно как в Эншеде.

– Насколько я видела, выстрел был один. Такое впечатление, что Саландер, если это действительно была она, заставила его встать на колени перед кроватью, а потом выстрелила. Пуля вошла сбоку через затылок и вышла через лицо.

– Выстрел в затылок. Выглядит как устранение.

– Точно.

– Я подумал… может быть, кто-то слышал выстрел?

– Окно его спальни выходит во двор, а соседи сверху и снизу уехали на Пасху. Окно было закрыто. К тому же она воспользовалась подушкой,

чтобы приглушить звук.

– Очень предусмотрительно.

В этот момент из-за двери выглянул техник-криминалист Гуннар Самуэльссон.

– Мудиг, мы собирались увозить тело и перевернули его. Вам надо кое на что посмотреть.

Они прошли в спальню. Тело Нильса Бьюрмана уже положили на спину, на каталку, чтобы доставить затем к патологоанатому. Причина смерти была очевидной. Весь лоб представлял собой сплошную рану в десять сантиметров шириной, причем кусок лобной кости свободно свисал на лоскуте кожи. Брызги крови над кроватью и на стене говорили сами за себя.

Бублански выпятил губы, как ребенок.

– А на что нам надо смотреть? – спросила Мудиг.

Гуннар Самуэльссон приподнял покрывало и обнажил нижнюю часть живота Бьюрмана. Бублански водрузил на нос очки и вместе с Соней подошел поближе, чтобы прочитать текст, вытатуированный на животе Бьюрмана. Буквы были сделаны кое-как, неровно. Ясно, что их наносил непрофессиональный татуировщик. Но текст прочитывался во всей своей нежелательной очевидностью: Я – САДИСТСКАЯ СВИНЬЯ, ПОДОНОК И НАСИЛЬНИК.

Мудиг и Бублански изумленно воззрились друг на друга.

– Может быть, перед нами намек на мотив? – вопросительно пробормотала Соня.

По дороге домой Микаэль Блумквист купил четырехсотграммовую упаковку полуфабрикатных макарон с соусом. Пока они разогревались в микроволновке, он постоял под душем минуты три. Когда еда было готова, съел ее прямо из вскрытой упаковки – так он был голоден. Никакого удовольствия от еды Микаэль не получил, просто затолкал ее в себя как можно быстрее. Покончив с макаронами, он открыл бутылку легкого пива «Вестфюн», выпил ее прямо из горлышка и, не зажигая света, встал у окна с видом на Старый город и постоял минут двадцать, стараясь отогнать от себя всякие мысли.

Ровно сутки назад он был в гостях у сестры, и Даг Свенссон позвонил ему на мобильник. Миа и Даг были тогда еще живы.

Микаэль не спал уже тридцать шесть часов, а возраст у него уже не тот, когда можно запросто провести бессонную ночь. Он знал, что не сможет заснуть и что мысли его будут все время крутиться вокруг

увиденного. Было такое чувство, что картины происшедшего в Эншеде запечатлелись в его сознании навсегда.

В конце концов Микаэль отключил мобильник и залез в постель под одеяло. Было уже одиннадцать, а сон все не шел. Тогда он встал, включил кофеварку и, запустив проигрыватель, поставил компакт-диск с Дебби Харри, поющей про Марию. Потом, завернувшись в одеяло, сел на диван в гостиной с чашкой кофе и начал думать о Лисбет Саландер.

Что он вообще о ней знал? Почти ничего.

Микаэлю было известно, что она обладает фотографической памятью, что она высококлассный хакер. Что она необычная и замкнутая женщина, неохотно говорившая о себе, что она не испытывала доверия к властям.

Он знал, что она способна на грубое насилие. Именно благодаря этому он остался в живых.

Но он понятия не имел, что она была признана недееспособной, находилась под опекой, а в подростковом возрасте кочевала по психбольницам.

Надо было выбирать, чью сторону он принимает.

Где-то за полночь Микаэль решил для себя: вопреки выводам полиции, он не желает верить в то, что убийство Дага и Миа – дело рук Лисбет.

Когда его сморил сон, Микаэль и сам не знал, но в половине пятого утра он проснулся на диване. Переместившись в кровать, тут же заснул.

Глава 16

Страстная пятница, 25 марта – предпасхальная суббота, 26 марта

Малин Эрикссон откинулась на спинку дивана в гостиной Микаэля Блумквиста и, сама того не сознавая, положила ноги на журнальный столик перед собой, но тут же спохватилась и убрала их. Микаэль добродушно улыбнулся.

– Ничего страшного, не смущайся. Расслабься и будь как дома.

Она улыбнулась в ответ и положила ноги обратно.

В пятницу Микаэль забрал из редакции «Миллениума» копии всех бумаг, оставшихся после Дага Свенссона, и перевез их домой, а затем рассортировал на полу в гостиной. В субботу они с Малин потратили восемь часов на то, чтобы тщательно просмотреть его электронную почту, записи в блокноте и, самое главное, текст будущей книги.

Утром к Микаэлю заехала сестра Анника Джаннини, прихватив с собой вечерние газеты с «фронтовыми сводками» и паспортной фотографией Лисбет Саландер, распечатанной на всю первую полосу. Одна газета придерживалась фактов и дала заготовок: РАЗЫСКИВАЕТСЯ В СВЯЗИ С ТРОЙНЫМ УБИЙСТВОМ. Другая газета накаляла страсти заголовком: ПОЛИЦИЯ ИЩЕТ СУМАСШЕДШУЮ СЕРИЙНУЮ УБИЙЦУ.

В течение часового разговора Микаэль объяснил свое отношение к Лисбет Саландер и причины, по которым не верит в ее виновность. Под конец он спросил, согласится ли сестра быть адвокатом Лисбет Саландер, если ее поймает полиция.

– Я представляла интересы женщин в делах о насилии и грубом обращении, но среди них не было подозреваемых в убийстве, – ответила Анника.

– Ты – самый толковый адвокат из всех, кого я знаю, а Лисбет понадобится кто-то, кому она могла бы доверять. Мне кажется, она примет твою кандидатуру.

Анника подумала с минуту и наконец не без колебаний сказала, что могла бы при необходимости обсудить это с Лисбет Саландер.

В час дня позвонила инспектор уголовной полиции Соня Мудиг и попросила разрешения без промедления зайти за сумкой Лисбет. Очевидно, полиция вскрыла и прочла письмо Микаэля, отосланное на Лундагатан.

Мудиг появилась через двадцать минут, и Микаэль предложил ей и

Малин Эрикссон присесть у обеденного стола в гостиной. Сам он пошел на кухню и достал сумку Лисбет, стоявшую на полке рядом с микроволновкой. После секундного колебания открыл сумку и вынул молоток и газовый баллончик. «Сокрытие вещественных доказательств» – вот что это было. Баллончик со слезоточивым газом классифицировался как оружие, его ношение могло повлечь наказание. Молоток, безусловно, мог вызвать некоторые ассоциации со склонностями Лисбет к насилию. Это ни к чему, решил Микаэль.

Он предложил кофе Соне Мудиг.

– Можно задать вам несколько вопросов? – спросила она.

– Пожалуйста.

– В вашем письме к Саландер, которое мы нашли на Лундагатан, вы пишете, что находитесь перед ней в долгу. Что вы имеете в виду?

– Что Лисбет помогла мне.

– А в чем?

– Это была помощь сугубо личного характера, и я не собираюсь о ней говорить.

Соня Мудиг пристально взглянула на него.

– Речь идет о расследовании убийства.

– И я надеюсь, что вы как можно быстрее поймаете убийцу Дага и Миа.

– Вы не верите, что это Саландер?

– Нет.

– Кто же тогда убил ваших друзей?

– Не знаю, но Даг Свенссон собирался припереть к стенке целый ряд людей, которым было что терять. Кто-то из них мог быть убийцей.

– А почему этому лицу понадобилось убивать адвоката Нильса Бьюрмана?

– Не знаю. Пока что.

Взгляд его был непреклонен. Соня Мудиг улыбнулась. Она знала, что его прозвищем было Калле Блумквист, как у персонажа книги Астрид Линдгрен, и вдруг поняла почему.

– Вы собираетесь с этим разобраться?

– Если смогу. Можете передать это Бублански.

– Обязательно. А если Лисбет Саландер даст о себе знать, надеюсь, вы нам сообщите.

– Не думаю, что она даст о себе знать и признается в убийстве, но если это произойдет, я сделаю все, чтобы убедить ее сдаться полиции. В этом случае я собираюсь помочь ей любым способом – ведь ей понадобится

друг.

– А если она будет утверждать, что невиновна?

– Тогда я надеюсь, что она сможет пролить свет на происшедшее.

– Господин Блумквист… строго между нами и не раздувая эмоций… надеюсь, вы понимаете, что Лисбет Саландер должна быть арестована. Я также надеюсь, что вы не наделаете глупостей, если она даст о себе знать. Если же вы ошибаетесь и она преступница, ситуация может быть сопряжена со смертельной опасностью, если не отнестись к ней со всей серьезностью.

Микаэль кивнул.

– Надеюсь, за вами нам нет необходимости устанавливать слежку. Вы знаете, что, содействуя разыскиваемому лицу, вы нарушаете закон. В этом случае последний предусматривает наказание за укрывательство преступника.

– А я надеюсь, что вы найдете время подумать о других возможных преступниках.

– Обязательно. Следующий вопрос: знаете ли вы, на каком компьютере работал Даг Свенссон?

– У него был подержанный «Мак Айбук 500», белый, с экраном четырнадцать дюймов. Напоминает мой, но с экраном побольше.

– А где хранился его ноутбук, вы знаете?

– Даг обычно носил его в своем черном рюкзаке. Должно быть, он у него дома.

– Там его нет. Может быть, он на его рабочем месте?

– Нет. Я осмотрел его письменный стол, и компьютера там не было.

Они помолчали.

– Значит, компьютер Дага Свенссона пропал? – спросил наконец Блумквист.

Микаэль и Малин составили немалый список лиц, теоретически способных иметь мотив убийства Дага Свенссона. Записав каждое имя крупными буквами на отдельном листе бумаги, Микаэль развесил их все на стене в гостиной. Список состоял из мужчин, бывших либо клиентами проституток, либо сутенерами и упоминавшихся в книге. К восьми вечера у них образовался список из тридцати семи имен, из которых двадцать девять можно было идентифицировать, а восемь фигурировали лишь под псевдонимами в изложении Дага. Двадцать поименованных мужчин были клиентами, пользовавшимися услугами девушек.

Микаэль и Малин также обсудили, насколько книга Дага Свенссона

готова к печати. Реальная проблема состояла в том, что многие утверждения основывались на фактах, доступ к которым имели только Даг или Миа. Они могли бы дать разъяснения. А любой другой, пишущий об этом, с меньшими знаниями предмета, должен все проверить и как следует выяснить.

Они пришли к заключению, что приблизительно восемьдесят процентов рукописи можно публиковать без проблем, но оставшиеся двадцать процентов требуют дополнительных исследований, предваряющих журнальную публикацию. Их неуверенность проистекала вовсе не из сомнений в правильности содержания книги, а из того, что они недостаточно владели материалом. Будь Даг жив, они бы опубликовали книгу, ни секунды не сомневаясь, ведь Даг и Миа могли бы разобраться с критикой и парировать возможные возражения.

Взглянув в окно, Микаэль отметил, что уже стемнело и идет дождь. Он спросил Малин, не хочет ли она еще кофе, но та не хотела.

– Ладно, – подытожила Малин. – С рукописью все понятно, но след убийцы Дага и Миа мы пока не нашли.

– Его имя, может быть, висит у нас на стене, – сказал Микаэль.

– Это может быть кто-то не имеющий отношения к книге. Или же твоя приятельница.

– Лисбет, – напомнил Микаэль.

Малин покосилась на него. Она работала в «Миллениуме» уже полтора года, начав посреди того хаоса, который царил в редакции во время дела Веннерстрёма. После нескольких лет, когда она замещала постоянных сотрудников или работала временно, Малин наконец получила постоянную должность в «Миллениуме». Как ей тут нравилось! К тому же работать здесь было престижно. С Эрикой Бергер и другими сотрудниками у нее сложились близкие отношения, но Микаэля Блумквиста она всегда немного стеснялась. Особых причин для этого не было, но из всех сотрудников Малин считала Микаэля самым замкнутым и строгим. Весь прошлый год он являлся на работу поздно, сидел один у себя в кабинете или у Эрики Бергер. Часто его вообще не было на месте, и в первые месяцы Малин казалось, что его можно чаще видеть на экране телевизора, чем живьем в редакции. Он часто разъезжал или, судя по всему, был занят где-то еще. Он не предрасполагал к добродушному общению, и со слов других сотрудников она сделала заключение, что Микаэль изменился, стал молчаливее и сдержаннее.

– Чтобы заниматься поиском причин, по которым были убиты Даг и Миа, мне нужно больше знать о Саландер. Я даже не знаю, с какого конца

подступиться к делу, если…

Конец фразы повис в воздухе. Микаэль покосился на нее, потом сел в кресло перпендикулярно к ней и тоже положил ноги на столик.

– Как тебе нравится в «Миллениуме»? – неожиданно спросил он. – Я хочу сказать, что ты у нас работаешь уже полтора года, а я все это время мотался, как белка в колесе, и даже не успел как следует с тобой познакомиться.

– Мне очень нравится, – ответила Малин. – А ты мною доволен?

Микаэль улыбнулся.

– Мы с Эрикой все время радуемся, что нам достался на редкость толковый секретарь редакции. Ты – просто находка для нас. Мне жаль, что я не сказал тебе этого раньше.

На лице Малин появилась довольная улыбка. Похвала от Микаэля Блумквиста была в высшей степени лестна.

– Но я ведь не об этом спросила, – напомнила она.

– Ты спрашиваешь, какое отношение имеет Лисбет Саландер к «Миллениуму»?

– Об этом вы с Эрикой молчите.

Микаэль кивнул и встретился с ней взглядом. И он, и Эрика полностью доверяли Малин Эрикссон, но кое-что не могли с ней обсуждать.

– Согласен, – сказал он. – Если уж раскапывать убийство Дага и Миа, тебе нужно знать больше. Я – первоисточник всей информации и к тому же связующее звено между Лисбет и Дагом с Миа. Можешь начать задавать мне вопросы, а я отвечу, как смогу. А когда не смогу, скажу об этом.

– С чего это такая завеса секретности? Кто такая Лисбет Саландер и какое отношение она имеет к «Миллениуму»?

– Дело обстоит вот как. Два года назад я нанял Лисбет Саландер для сбора материала в одном чрезвычайно сложном деле. Проблема в том, что я не могу рассказать тебе, что именно делала для меня Лисбет. Эрика в курсе дела, но она связана обещанием хранить все в тайне.

– Два года назад… Значит, до того, как ты вывел Веннерстрёма на чистую воду. Так я могу взять за основу, что она занималась исследованием, предшествующим именно этому делу?

– Нет, не можешь. Я не собираюсь ни подтверждать, ни отрицать твое предположение. Все, что я могу сказать, это что я нанял Лисбет для дела, с которым она великолепно справилась.

– Ладно. Сам ты жил тогда в Хедестаде, насколько я знаю, отшельником. Так что тем летом Хедестад еще отсутствовал на карте журналистского интереса. Харриет Вагнер воскресла из мертвых и так

далее. Странно, что «Миллениум» ни словом не обмолвился о воскрешении Харриет.

– Как уже было сказано, об этом я не издам ни звука. Можешь гадать до бесконечности, но вероятность того, что угадаешь, по-моему, близка к нулю. – Микаэль улыбнулся. – К тому же мы не писали о Харриет, поскольку она член правления. Пусть другие журналы уделяют ей внимание, если хотят. Что касается Лисбет – поверь мне, работа, которую она делала тогда для меня, не имеет ни малейшего отношения к тому, что произошло в Эншеде. Никакой связи тут нет.

– Ладно.

– Хочу дать тебе совет: не гадай, не делай выводов. Просто имей в виду, что она работала для меня и что я не могу обсуждать, чем она занималась. Скажу еще, что она вдобавок кое-что сделала для меня. Был случай, когда она буквально спасла мне жизнь. Я перед ней в неоплатном долгу.

Малин удивленно вздернула брови. Об этом она в «Миллениуме» ничего не слышала.

– Выходит, ты знаешь ее очень хорошо?

– Наверное… В той мере, в какой вообще можно знать Лисбет Саландер, – ответил Микаэль. – Она, кажется, самый скромный человек из всех, кого я знаю. – Он поднялся и бросил взгляд в темноту сквозь окно. – Решай сама, а я думаю налить себе водки с лаймом.

– Давай. Уж лучше водка, чем снова кофе.

Пасхальные выходные Драган Арманский проводил на даче на острове Блидё, целиком погрузившись в размышления о Лисбет Саландер. Дети его уже выросли и проводили выходные отдельно от родителей. После двадцати пяти лет брака его жена Ритва без труда угадала, что сейчас мысли его находятся далеко. Драган погрузился в молчаливое раздумье и отзывался невпопад, когда она к нему обращалась. Каждый день он брал машину и ехал в продуктовую лавку, где продавались и газеты. Потом садился у окна на веранде и читал статьи об охоте на Лисбет Саландер.

Драган Арманский был недоволен собой. Недоволен оттого, что так грубо ошибся в Лисбет. О том, что у нее проблемы с психикой, ему было давно известно. Он допускал мысль, что она способна на насилие и может перейти к решительным действиям в случае угрозы. Можно даже как-то понять, что Лисбет пришла в ярость от своего опекуна, которого она, безусловно, воспринимала как человека, вмешавшегося в ее личные дела и поступки. Все попытки регулировать ее жизнь воспринимались ею как

провокационное или даже враждебное посягательство на ее свободу.

Но в сознании Арманского просто не укладывалось, *что* могло заставить ее поехать в Эншеде и застрелить двух людей, которых она, судя по всему, совершенно не знала.

Драган все время ожидал, что всплывет какая-то связь между Саландер и парой в Эншеде: может быть, кто-то из них имел с ней дело или совершил нечто разъярившее ее. Но по газетным сообщениям такая связь не просматривалась. Вместо этого было полно гипотез о том, что у психически больной Лисбет Саландер произошла вспышка агрессии.

Дважды Арманский звонил инспектору криминальной полиции Бублански, расспрашивал, как идет расследование, но даже руководитель следствия не мог прояснить, какова связь между Саландер и парой в Эншеде – кроме того, что Микаэля Блумквист знал их всех. Однако тут следствие оказалось в тупике. Микаэль Блумквист знал как Саландер, так и пару в Эншеде, но каких-либо доказательств того, что Лисбет знала или хотя бы слышала о Даге Свенссоне и Миа Бергман, не существовало. Вот почему следствие было не способно восстановить разные события. Не будь ее отпечатков пальцев на орудии убийства и ее несомненной связи с первой жертвой, адвокатом Бьюрманом, полиция до сих пор не сдвинулась бы с мертвой точки.

Вернувшись из ванной комнаты, Малин Эрикссон снова уселась на диван у Микаэля Блумквиста.

– Давай подведем итог, – предложила она. – Наша цель – выяснить, убила ли Лисбет Саландер Дага и Мию, как утверждает полиция. С чего нам начать – понятия не имею.

– Смотри на это как на журналистское расследование, – сказал Микаэль. – Не наше дело вести полицейское расследование, но мы можем следить за их расследованием и извлекать факты, известные им. Это как любое разбирательство, с той лишь разницей, что мы не обязательно станем публиковать результаты наших находок.

– Но если убийца – Саландер, должна же быть какая-то связь между всеми троими, а единственное связующее звено – это ты.

– Никакое я не звено в этом деле. Больше года я не видел Лисбет и не представляю себе, откуда она могла узнать об их существовании.

Тут Микаэль вдруг приумолк. В отличие от других, ему было известно, что Лисбет Саландер – опытнейший хакер. Ему вдруг пришло в голову, что его ноутбук полон перепиской с Дагом Свенссоном и разными версиями книги Дага, а кроме того, там есть копия диссертации Миа Бергман.

Микаэль не знал, забиралась ли Лисбет в его компьютер или нет, но именно так она могла обнаружить, что он знаком с Дагом Свенссоном.

Проблема была в том, что Микаэль представить себе не мог, каким побуждением могла руководствоваться Лисбет, чтобы поехать в Эншеде и убить Дага с Миа. Напротив, ведь они работали над проблемой насилия над женщинами, а такое Лисбет могла только всячески поддержать, насколько Микаэль знал ее.

– У тебя такое выражение лица, будто тебе что-то пришло в голову, – заметила Малин.

Микаэль и не помышлял рассказывать о талантах Лисбет в компьютерной сфере.

– Нет, я просто устал, и у меня голова кругом идет, – возразил он.

– Теперь она подозревается не только в убийстве Дага и Миа, но и в том, что застрелила своего опекуна, а здесь уж связь налицо. Ты знаешь о нем что-нибудь?

– Ровным счетом ничего. Я вообще не слышал об адвокате Бьюрмане и не подозревал, что у нее есть опекун.

– Слишком маловероятно, чтобы кто-то другой мог убить всех троих. Даже если кто-то и убил Дага с Миа из-за их материалов, с какой стати убивать еще и опекуна Лисбет Саландер?

– Это ясно, и у меня это из головы не идет. Но меня посещала мысль об одной возможной версии, когда кто-то посторонний мог убить Дага, Мию и опекуна Лисбет.

– И что это за версия?

– Допустим, что Дага и Мию убили за то, что они раскопали правду о деятельности секс-мафии и что Лисбет как-то оказалась во все это замешана. Раз Бьюрман был опекуном Лисбет, она могла доверить ему какую-то важную информацию, и таким образом он превращался в свидетеля или просто обладателя информации о чем-то, за что и поплатился жизнью.

Малин задумалась.

– Я понимаю, что ты имеешь в виду, – с сомнением сказала она, – но у этой теории нет никакого основания.

– Да, основания недостает.

– А как ты сам думаешь: виновна она или нет?

Микаэль долго думал, прежде чем ответить.

– Если вопрос стоит так: способна ли она на убийство? Тогда я бы ответил – да. Лисбет Саландер способна применить насилие. Я видел ее в деле, когда…

– Когда она спасла тебе жизнь?

Микаэль кивнул.

– Не могу тебе рассказывать, что произошло, но один мужчина собирался меня убить и был очень близок к этому. Она вовремя вмешалась и отделала его как следует клюшкой для гольфа.

– И ты не сообщил об этом в полицию?

– Нет. Это должно остаться между нами.

– Ладно.

Он строго взглянул ей в глаза.

– Малин, на тебя можно положиться?

– Я никому не расскажу, о чем мы сегодня говорили, даже Антону. Ты не только мой шеф, ты отличный парень, и я не собираюсь тебя подводить.

Микаэль кивнул.

– Извини, – сказал он.

– Хватит извиняться.

Он рассмеялся, а потом посерьезнел.

– Я уверен, что она при необходимости убила бы его, чтобы защитить меня.

– Ясно.

– В то же время я воспринимаю ее как вполне здравого человека. Немного странного, это точно, но разумного в рамках своих собственных принципов. Она применила силу, потому что это было необходимо, а не из удовольствия. Чтобы убить, ей нужна весомая причина – скажем, если ей грозит страшная опасность.

Он снова задумался. Малин терпеливо наблюдала.

– Мне нечего сказать о ее опекуне. Я о нем ничего не знаю. Но даже вообразить себе не могу, чтобы она убила Дага и Мию. Я в это не верю.

Наступило молчание. Малин покосилась на часы и увидела, что уже половина десятого.

– Время позднее. Мне пора домой, – сказала она.

Микаэль кивнул.

– Мы просидели целый день. Завтра утром продолжим думать. Нет уж, посуду оставь, я все вымою.

В ночь на Пасхальное воскресенье Арманский не спал, прислушиваясь к посапыванию Ритвы. У него так и не появилось ясности в произошедшей драме. Тогда Драган встал, надел тапочки, халат и вышел в гостиную. Было прохладно; он положил несколько поленьев в камин, потом откупорил легкое пиво, сел и уставился в темноту на фарватер Фурусунда.

– Что же мне известно? – спросил он себя.

Драган Арманский мог с уверенностью утверждать, что Лисбет Саландер – человек необычный и непредсказуемый. В этом не было сомнений.

Он знал, что зимой 2003 года что-то случилось, ведь тогда она неожиданно прекратила на него работать и исчезла, на год отправившись в путешествие по свету. Он подозревал, что Блумквист имеет к этому какое-то отношение; но, оказывается, Микаэль тоже не знал, что случилось.

Вернувшись и навестив его, Лисбет утверждала, что не нуждается в деньгах, и Арманский истолковал в том смысле, что она перебьется еще некоторое время.

Весной она регулярно навещала Хольгера Пальмгрена, но с Блумквистом контакт не возобновила.

Она убила троих, двое из которых были, как видно, ей совершенно не знакомы.

«Что-то здесь не то. Совершенно нелогично», – думал он.

Арманский глотнул еще пива из горлышка бутылки и закурил сигарету. Его мучила совесть, что усугубляло его плохое настроение в выходные.

Во время посещения Бублански Драган без колебаний выдал тому всю возможную информацию для поимки Лисбет Саландер. Он не сомневался в том, что ее надо поймать, и чем быстрее, тем лучше. Но его мучала совесть, что он был о ней столь низкого мнения, что без рассуждений принял известие о ее вине. Арманский всегда был реалистом. Если к тебе является полиция и заявляет, что некто подозревается в убийстве, то с большой вероятностью так оно и есть. То есть Лисбет Саландер виновна. Но полиция не принимала во внимание, что Лисбет, может быть, считала себя вправе так поступить. Могли существовать смягчающие обстоятельства или хотя бы какое-то разумное объяснение ее взрыва. Задача полиции в том, чтобы поймать ее и доказать, что стреляла она, а не в том, чтобы копаться в ее душе и объяснять, почему она это сделала. Им-то было достаточно найти мало-мальски подходящий мотив убийства, а при отсутствии такового они будут готовы списать все на приступ безумия. Лисбет Саландер вроде Маттиаса Флинка[25]… Драган покачал головой.

Нет, такое объяснение его не устраивало.

Лисбет Саландер никогда ничего не делала по принуждению или не продумав последствия.

«Необычная – да, сумасшедшая – нет».

Значит, должно быть какое-то объяснение, каким бы странным или недопустимым оно ни было для посторонних.

Часа в два ночи Арманский принял решение.

Глава 17

Пасхальное воскресенье, 27 марта – вторник, 29 марта

Несмотря на ночь, проведенную в мучительных размышлениях, Драган Арманский встал в воскресенье утром рано. На цыпочках, чтобы не разбудить жену, он спустился вниз, сварил кофе и сделал бутерброды. Затем достал лэптоп и начал писать.

Он воспользовался готовой формой рапорта, которая была в ходу в «Милтон секьюрити», когда там занимались анализом данных о каком-то лице. Он включил в этот рапорт все существенные базовые факты о Лисбет Саландер, какие мог припомнить.

В девять спустилась Ритва и налила себе кофе из кофеварки. На вопрос, чем он занимается, Драган уклончиво ответил и продолжил методично писать. Она знала своего мужа достаточно хорошо, чтобы понять, что это воскресенье для них потеряно.

Микаэль Блумквист ошибся в скорости распространения информации. Вероятно, это объяснялось тем, что наступила Пасха и в помещении полиции было малолюдно. Только к Пасхальному воскресенью средства массовой информации узнали, что это он обнаружил Дага и Мию. Первым его отловил репортер из «Афтонбладет», старый знакомый.

– Привет, Блумквист. Это Никласон.

– Привет, Никласон.

– Значит, это ты обнаружил пару в Эншеде.

Микаэль подтвердил.

– У меня есть источник, который утверждает, что они работали в «Миллениуме».

– Твой источник прав наполовину. Даг Свенссон писал для «Миллениума» как внештатный корреспондент, а Миа Бергман – нет.

– Вот черт, да это же сенсация!

– Наверное, – устало согласился Микаэль.

– А вы почему не выступили с чем-нибудь?

– Даг Свенссон был добрым другом и товарищем по работе. Мы думали, что деликатнее не вылезать, пока родственники погибших не узнают о случившемся. А потом подготовим публикацию.

Микаэль знал, что эти слова не будут процитированы.

– Ладно. А над чем работал Даг?

– Над публикацией для «Миллениума».

– А о чем?

– А что вы у себя в «Афтонбладет» собираетесь завтра подать как сенсацию?

– Так это, значит, сенсация?

– Никласон, иди к черту.

– Ладно, Блумман, остынь. Как думаешь, убийство как-то связано с материалом, над которым работал Даг Свенссон?

– Если назовешь меня снова Блумман[26], закончим разговор, и я с тобой не общаюсь до конца года.

– Ладно, прости. Как ты считаешь, не убили ли Дага Свенссона из-за исследования, над которым он работал?

– Понятие не имею, почему убили Дага.

– А не имела тема, над которой работал Даг, какого-нибудь отношения к Лисбет Саландер?

– Нет. Ни малейшего.

– Ты не знаешь, Даг был знаком с этой психичкой?

– Нет.

– У Дага было много публикаций о преступлениях, имеющих отношение к компьютерам. Он не про это писал для «Миллениума»?

«Вот пристал», – подумал Микаэль. Он уже чуть было не послал Никласона куда подальше, как вдруг его осенило; он даже привскочил с кровати. Тем временем Никласон все говорил и говорил.

– Постой, Никласон, не отключайся. Я сейчас вернусь.

Микаэль встал, прикрыв микрофон ладонью, – и словно оказался на другой планете.

С тех самых пор, как произошло убийство, он не переставая ломал голову над тем, каким способом ему связаться с Лисбет Саландер. Вероятность того, что Лисбет прочтет его высказывание, была немаленькой, независимо от того, где она находилась. Стань он отрицать знакомство с ней, она истолкует это как предательство, как то, что он продался. Если он будет защищать ее, другие решат, что он знает об убийстве больше, чем рассказывает. Но если он найдет правильный тон, это может побудить Лисбет к контакту с ним. Случай был благоприятный, и упустить его было бы глупо. Он должен что-то сказать. Но что именно?

– Извини, я снова здесь. Что ты сказал?

– Я спросил, не писал ли Даг Свенссон о преступлениях в компьютерной сфере?

– Если хочешь услышать от меня заявление, можешь получить его.

– Выкладывай.

– Но ты должен процитировать меня точно.

– А как еще я мог бы процитировать?

– Лучше бы мне не отвечать на этот вопрос.

– Так что ты собираешься сказать?

– Я пришлю тебе электронное письмо через пятнадцать минут.

– Что-о?

– Проверь свою почту через пятнадцать минут, – сказал Микаэль и отключился.

Усевшись за письменный стол, он включил свой ноутбук, запустил программу «Ворд» и спустя пару минут, после сосредоточенного обдумывания, начал писать.

«Главный редактор журнала «Миллениум» глубоко потрясена убийством внештатного корреспондента и нашего сотрудника Дага Свенссона. Она надеется, что убийство будет скоро раскрыто.

В ночь на Великий четверг ответственный редактор «Миллениума» Микаэль Блумквист обнаружил тела убитого коллеги и его подруги.

«Даг Свенссон был прекрасный журналист и человек, которого я очень уважал. У него было несколько идей новых репортажей, в том числе он работал над большой публикацией о незаконных проникновениях в компьютеры и компьютерные сети», – сообщил «Автонбладет» Микаэль Блумквист.

Ни он, ни Эрика Бергер не хотят строить предположения о том, кто совершил убийство и какие мотивы за этим скрываются».

Закончив, Микаэль набрал номер телефона Эрики Бергер.

– Привет, Рикки! Ты только что дала интервью «Автонбладет».

– Неужели?

Он быстро прочитал заявление.

– А зачем это?

– Потому что все это правда. Даг десять лет работал внештатным корреспондентом, и одной из сфер его исследований была информационная безопасность. Я много раз говорил с ним на эту тему, и мы подумывали подготовить его текст об этом, когда будет покончено с очерком о трафикинге. – Он помолчал несколько секунд. – Ты знаешь еще кого-нибудь, кто интересуется вопросами проникновения в чужие компьютеры?

Эрика Бергер немного помолчала, а потом поняла, что Микаэль пытается сделать.

– Умница, Микки. Вот светлая голова… Давай, жми!

Никласон перезвонил минуту спустя после получения электронного послания Микаэля.

– Не такая уж это и сенсация.

– Это все, что я могу тебе дать, и это больше, чем досталось любой другой газете. Ты либо приводишь весь текст целиком, либо не печатаешь ничего.

Едва отослав электронное письмо Никласону, Микаэль снова уселся за свой ноутбук и, недолго думая, написал короткое сообщение:

> *Дорогая Лисбет,*
>
> *Я пишу это письмо и оставляю его на своем жестком диске в полной уверенности, что рано или поздно ты прочтешь его. Я помню, как два года назад ты полностью освоила жесткий диск Веннерстрёма, и подозреваю, что ты заходила и в мой компьютер. В настоящее время ты, очевидно, не хочешь иметь со мной дела. Не знаю, почему ты решила порвать всякую связь со мной таким вот образом, но я не стану спрашивать, а ты не обязана объяснять.*
>
> *К несчастью, хочешь ты того или нет, но события последних дней опять свели нас вместе. Полиция утверждает, что ты, не дрогнув, убила двух очень дорогих мне людей. Мне не приходится сомневаться в том, было ли убийство чудовищным, ведь это я обнаружил Дага и Миа спустя несколько минут после того, как их застрелили. Все дело в том, что я не верю в то, что убила их ты. По крайней мере, надеюсь, что не ты. Если, как утверждает полиция, ты убийца-психопат, то либо я ничего в тебе не понимал, либо ты совершенно изменилась за последний год. Если же убийца не ты, значит, полиция охотится не за тем, кем надо.*
>
> *В нынешних условиях мне, возможно, следовало бы склонять тебя к добровольной сдаче полиции. Но думаю, что это напрасный труд. И все же реальность такова, что ты беззащитна и полиция рано или поздно схватит тебя. Когда тебя арестуют, тебе понадобится друг. Если ты не хочешь иметь дела со мной, то имей в виду, что у меня есть сестра Анника Джаннини и что она адвокат. Я говорил с ней, и она готова быть твоим защитником, если ты вступишь с нею в контакт.*

На нее вполне можно положиться.

Мы в «Миллениуме» начали собственное расследование причин убийства Дага и Миа. Сейчас я занимаюсь составлением списка людей, у которых были причины заставить замолчать Дага Свенссона. Не знаю, на верном ли я пути, но собираюсь разобраться с каждым.

Что мне абсолютно не ясно, какое отношение ко всему этому имеет адвокат Нильс Бьюрман. Его имени нет в материалах Дага, и я не вижу никакой связи между ним и Дагом с Миа.

Помоги мне. Please! Где тут связь?

Микаэль.

P.S. Тебе бы лучше поменять фотографию в паспорте. Нынешняя тебя не заслуживает.

Немного подумав, он решил назвать документ «Для Салли», потом открыл новую папку, присвоил ей имя «Лисбет Саландер» и оставил на видном месте рабочего стола своего ноутбука.

Во вторник утром Драган Арманский созвал совещание за круглым столом в своем кабинете в «Милтон секьюрити», пригласив трех сотрудников.

Юхан Фрэклунд, бывший инспектор уголовной полиции в пригороде Стокгольма Сульна, шестидесяти двух лет, работал в должности начальника оперативного отдела «Милтон секьюрити». На нем лежала основная ответственность за планирование и анализ. Арманский, сманив его к себе с государственной службы десять лет назад, вскоре понял, что Фрэклунд – его наилучшее кадровое приобретение.

Двое других были Сонни Боман, сорока восьми лет, и Никлас Эрикссон, двадцати девяти лет. Боман, тоже бывший полицейский, начинал в отделении северного Стокгольма Норрмальм в 1980 году, откуда был переведен в уголовный отдел и там прошел через дюжину драматических расследований. В начале 90-х годов Боман был одной из ключевых фигур в этом деле, а в 1997 году после продолжительных переговоров и обещания существенно лучшей зарплаты перешел в «Милтон».

Никлас Эрикссон все еще считался «новобранцем». Он учился в школе полиции и в самый последний момент, перед выпускными экзаменами,

узнал, что у него врожденный порок сердца, который мало того, что требовал серьезной операции, означал и конец полицейской карьеры.

Фрэклунд, служивший с отцом Эрикссона, попросил Арманского дать парню шанс. В то время в аналитическом отделе как раз было вакантное место, и поэтому Арманский пошел ему навстречу и взял новенького. Ему не пришлось жалеть об этом. Теперь Эрикссон работал в «Милтоне» уже пять лет. Если у него пока и не было опыта оперативной работы, то уж интеллектуальных способностей хватало с избытком. Это заметно выделяло его из массы других сотрудников отдела.

– Всем доброе утро. Садитесь, читайте, – начал Арманский.

Он вручил каждому по папке с копиями газетных вырезок об охоте на Лисбет Саландер. Их было примерно страниц на пятьдесят. К этому было добавлено примерно трехстраничное резюме о Лисбет. Арманский провел почти весь понедельник, чтобы написать его.

Эрикссон закончил чтение первым и отложил папку. Арманский подождал, пока дочитают Боман и Фрэклунд.

– Вероятно, никто из вас не пропустил главных заголовков вечерних газет в минувшие выходные, – произнес он.

– Лисбет Саландер, – мрачно подтвердил Фрэклунд.

Сонни Боман только кивнул.

Никлас Эрикссон смотрел перед собой с загадочным выражением лица и намеком на печальную улыбку.

Драган Арманский внимательно оглядел тройку.

– Она была у нас в штате, – заметил он. – Насколько близко вы познакомились с ней за те годы, пока она у нас работала?

– Попробовал я как-то подшутить над ней, – вспомнил Никлас Эрикссон с легкой улыбкой на губах. – Ничего хорошего из этого не вышло. Я думал, что Лисбет мне голову оторвет. Она была такая дикарка, что я с ней десяти фраз не сказал за все время.

– Да, она всегда была сама по себе, – согласился Фрэклунд.

Боман пожал плечами.

– Да она точно была сумасшедшая. А какой му́кой было иметь с ней дело! Я знал, что она с приветом, но не знал, что она вообще съехала с катушек.

Арманский кивнул.

– Лисбет всегда шла своей дорогой, – сказал он. – С нею было нелегко. Но я нанял ее, потому что лучше ее никто не мог собрать материал. Она всегда показывала результат выше среднего.

– Вот это до меня просто не доходит, – заметил Фрэклунд. – Как

можно быть такой чертовски умной и одновременно безнадежно бездарной в плане общения?

Все трое согласно кивнули.

– Объяснение, конечно, кроется в типе ее психики, – пояснил Арманский и ткнул пальцем в папку. – Она была признана недееспособной.

– А я и не подозревал об этом, – удивился Эрикссон. – В смысле, на лбу это у нее не написано, а ты об этом не говорил.

– Не говорил, – согласился Арманский. – Не хотел принижать ее больше, чем она уже была. Всем нужно давать шанс.

– А результат этого эксперимента налицо в Эншеде, – заметил Боман.

– Может быть, – сказал Арманский.

Он помедлил, не решаясь продолжить. Обнаружить свою слабость перед этими тремя профессионалами, в ожидании разглядывавшими его, отнюдь не хотелось. Во время разговора они выдерживали весьма нейтральный тон, но он-то знал, что все трое – как, впрочем, и все остальные служащие «Милтон секьюрити» – терпеть не могли Лисбет. Он не должен выглядеть перед ними ни слабым, ни растерянным. Нужно было так подать дело, чтобы оно дало толчок энтузиазму и профессиональной заинтересованности его сотрудников.

– Впервые за все время деятельности «Милтон секьюрити» я хочу выделить средства на финансирование сугубо внутреннего проекта, – сказал он. – Не предусматривается никаких грандиозных бюджетных затрат, но вас двоих, Боман и Эрикссон, я хочу освободить от текущей работы. Ваша задача, в довольно расплывчатой формулировке, состоит в том, чтобы «узнать правду» о Лисбет Саландер.

Двое специалистов недоуменно посмотрели на Арманского.

– Я хочу, чтобы ты, Фрэклунд, участвовал и возглавлял расследование. Я хочу знать, что же произошло и что побудило Лисбет Саландер убить своего опекуна и пару в Эншеде. Должно быть какое-то внятное объяснение.

– Извини, но это же задача исключительно полиции, – вмешался Фрэклунд.

– Ясное дело, – немедленно парировал Арманский. – Но перед полицией у нас есть одно преимущество. Мы знали Лисбет Саландер и имеем представление о ее образе действий.

– Мда-а, – с сомнением промычал Боман. – Не думаю, что в нашей фирме кто-нибудь знал Саландер или мог догадываться, что происходит в ее головке.

– Какое это имеет значение? Саландер работала на «Милтон

секьюрити», и я считаю, что наш долг – установить истину.

– Саландер уже не работает на нас примерно… сколько там… почти два года, – заявил Фрэклунд. – Я не считаю, что мы несем ответственность за то, что она может выкинуть. А еще я не думаю, что полиция будет счастлива, если мы влезем в полицейское расследование.

– Ничего подобного, – возразил Арманский. И это был его козырь, который следовало хорошо разыграть.

– Почему же? – удивился Боман.

– Вчера у меня было два продолжительных разговора с начальником предварительного следствия прокурором Экстрёмом и инспектором уголовного розыска Бублански. Экстрём в тяжелом положении. Это не просто рядовая гангстерская разборка, а происшествие, привлекшее огромное внимание средств массовой информации, когда убитыми оказались адвокат, криминолог и журналист. Я объяснил им, что, поскольку главная подозреваемая – бывшая сотрудница «Милтон секьюрити», мы решили также провести расследование.

После паузы Арманский продолжил:

– Экстрём и я придерживаемся того мнения, что сейчас самое главное – как можно быстрее задержать Лисбет Саландер, пока она не успела навредить ни себе, ни другим. Мы знаем ее лучше, чем полиция, и поэтому можем внести свой вклад в расследование. С Экстрёмом у нас договоренность, что вы двое, – он показал на Бомана и Эрикссона, – переместитесь в Кунгсхольм и пополните группу, возглавляемую Бублански.

Все трое удивленно смотрели на Арманского.

– Извини за дурацкий вопрос, но ведь сейчас мы гражданские лица, – произнес Боман. – Неужели ты думаешь, что полиция допустит нас до расследования без всяких возражений?

– Работать вы будете под руководством Бублански, но отчитываться придется и передо мной. У вас будет полный доступ к материалам следствия. Ему будете передавать весь материал, имеющийся в нашем распоряжении, и все, что вы раскопаете. Для полиции это просто значит, что Бублански получил бесплатное подкрепление. А ведь вы не какие-то там гражданские с улицы. Фрэклунд и Боман много лет прослужили полицейскими, прежде чем оказались здесь, да и ты, Эрикссон, учился в полицейской школе.

– Но ведь это идет вразрез с принципами…

– Ничего подобного. Полиция часто использует гражданских консультантов в разных расследованиях. В преступлениях сексуального

характера – психологов, при расследовании дел, в которых замешаны иностранцы, – переводчиков. И вы будете использоваться как гражданские консультанты со специальными знаниями о главной подозреваемой.

Фрэклунд медленно кивнул.

– Ясно. «Милтон» подключается к полицейскому расследованию и старается способствовать поимке Саландер. Это всё?

– Вот еще что: ваше поручение от «Милтона» состоит в том, чтобы установить истину, и ничего другого. Я хочу, чтобы вы выяснили, застрелила ли Саландер этих троих, и если да, то почему.

– Неужели есть какие-то сомнения в том, что это она? – спросил Эрикссон.

– В распоряжении полиции имеются косвенные улики, неблагоприятные для нее. Но я хочу знать, нет ли в этой истории каких-то дополнительных моментов: например, какого-то соучастника, неизвестного нам, возможно, применившего оружие, или каких-то других обстоятельств.

– Мне кажется, найти смягчающие обстоятельства, когда речь идет о тройном убийстве, не так-то просто, – заметил Фрэклунд. – В таком случае нужно допустить возможность ее полной невиновности. А в это я не верю.

– Я тоже, – согласился Арманский. – Но ваша задача – всеми возможными средствами помогать полиции и способствовать скорейшей поимке Саландер.

– А каков бюджет? – спросил Фрэклунд.

– Дневная зарплата плюс текущие расходы. Держите меня в курсе того, сколько вам это стоит, и если затраты окажутся чрезмерными, мы прекратим это дело. Исходите из того, что будете работать полный рабочий день, по крайней мере, одну неделю, начиная с сегодняшнего дня.

Поколебавшись, он добавил:

– Здесь, в агентстве, я лучше всех знаю Саландер. Это значит, что вы можете рассматривать меня как лицо, имеющее к ней касательство, и как лицо, подлежащее допросу.

Припустив по коридору, Соня Мудиг успела зайти в комнату для дознаний как раз в тот момент, когда прекратился скрип передвигаемых стульев, и сесть рядом с Бублански. Тот созвал всю следовательскую группу, кроме начальника предварительного следствия. Ханс Фасте раздраженно покосился на Соню и перешел к вступительному слову. Ему было поручено председательствовать на этом собрании.

Он продолжал раскапывать данные, отражающие многолетнее противостояние социальных служб и Лисбет Саландер, как он сам называл,

этот «психопатический след». В этом Фасте, безусловно, преуспел, собрав обширный материал.

Он откашлялся.

– Сегодня наш гость – доктор Петер Телеборьян, главный врач психиатрической клиники больницы Святого Стефана в Уппсале. Он любезно согласился приехать в Стокгольм, чтобы способствовать расследованию, поделившись информацией о Лисбет Саландер.

Соня Мудиг перевела взгляд на Петера Телеборьяна, курчавого брюнета небольшого роста, в очках со стальной оправой и небольшой бородкой-эспаньолкой. Одежду его нельзя было счесть формальной: бежевый вельветовый пиджак, джинсы и светлая рубашка в полоску с застегнутым воротником. У него были тонкие черты лица, а в его облике чувствовалось что-то мальчишеское. Соня уже видела раньше Петера Телеборьяна – он появлялся по делам в полиции, – но разговаривать с ним ей не доводилось. Когда она училась в Школе полиции, в последнем полугодии он читал лекции о психических нарушениях. Затем, на курсах повышения квалификации, тоже читал лекции, на этот раз о психопатах и психопатическом поведении подростков. Еще Соня присутствовала на суде во время процесса над серийным насильником, куда Телеборьян был приглашен экспертом. После ряда лет участия в общественных дебатах он стал одним из самых известных психиатров страны. С особой настойчивостью он занимался критикой сокращения средств, ассигнуемых психиатрическим учреждениям. Такие сокращения приводили к закрытию психиатрических больниц, так что пациенты, нуждавшиеся в квалифицированной помощи, оказывались на улице и были обречены стать бездомными бродягами, отбросами общества. После убийства министра иностранных дел Анны Линд[27] Телеборьян был назначен членом государственной комиссии, подвергшей анализу упадок системы психиатрического лечения в стране.

Петер Телеборьян кивком приветствовал собравшихся и налил себе минеральной воды «Рамлёса» в пластиковый стаканчик.

– Посмотрим, могу ли я быть вам полезен, – осторожно начал он. – Терпеть не могу выступать в качестве ясновидящего в таких обстоятельствах.

– Ясновидящего? – переспросил Бублански.

– Вот именно, в ироническом смысле слова. Именно в тот вечер, когда произошло убийство в Эншеде, я выступал в теледебатах и обсуждал ту бомбу замедленного действия, которая тихонько тикает где-то в нашем обществе. В этом весь ужас. Тогда я, конечно, не имел в виду Лисбет

Саландер, но дал ряд примеров – разумеется, анонимных – тех пациентов, которые, попросту говоря, должны были бы пребывать в лечебных заведениях закрытого типа, вместо того чтобы разгуливать по улицам. Вполне возможно, что вам, полицейским, придется расследовать по меньшей мере полдюжины случаев умышленных или непредумышленных убийств, совершенных именно этой – возможно, небольшой – группой пациентов.

– И вы считаете, что Лисбет Саландер – одна из этих психов? – спросил Ханс Фасте.

– Слово «псих» – не то, которое нам следовало бы употреблять. Но в общем, да, она принадлежит к числу тех несчастных, от которых отвернулось общество. Безусловно, она одна из тех горемык, которых я, будь на то моя воля, не выпустил бы в свободное общество.

– Вы имеете в виду, что она должна была бы сидеть за решеткой, прежде чем совершила преступление? – спросила Соня Мудиг. – Это не вполне согласуется с принципами правового общества.

Ханс Фасте поморщился и метнул раздраженный взгляд в ее сторону. «Почему Фасте всегда ощетинивается против меня?» – подумала Соня.

– Вы совершенно правы, – согласился Телеборьян. – Это не согласуется с принципами правового общества – во всяком случае, нынешнего. Это вопрос балансирования между уважением к личности и уважением к потенциальным жертвам психически больного человека. Аналогичных случаев тут не бывает, к каждому пациенту требуется сугубо индивидуальный подход. Конечно, психиатры тоже могут ошибаться и выпустить на свободу человека, которому не следовало бы появляться на улицах города.

– По-видимому, углубляться в вопросы социальной политики сейчас не время, – осторожно вмешался Бублански.

– Разумеется, – согласился Телеборьян. – Сейчас перед нами вполне определенный случай. Я хотел бы только сказать, насколько важно понимать, что Лисбет Саландер – больной человек, нуждающийся в медицинской помощи в той же мере, что и пациент с зубной болью или пороком сердца. Она могла бы выздороветь, если бы получала надлежащую помощь, когда еще была в руках медиков.

– Короче, вы были ее лечащим врачом, – вставил Ханс Фасте.

– Я был одним из многих, кому довелось иметь дело с Лисбет Саландер. Она была моей пациенткой в раннем подростковом возрасте, и я был одним из врачей, дававших о ней заключение, когда принималось решение об опекунстве при наступлении ее восемнадцатилетия.

– Вы не могли бы рассказать о ней? – переспросил Бублански. – Как вам кажется, что могло побудить ее поехать в Эншеде и убить там двух не знакомых ей людей, а также что могло спровоцировать ее на убийство своего собственного опекуна?

Петер Телеборьян засмеялся.

– Нет, этого я не могу сказать. Я не слежу за ее развитием вот уже несколько лет и не знаю, на какой стадии психоза она сейчас находится. Зато могу сказать, что сомневаюсь в том, что пара из Эншеде была ей не знакома.

– Что заставляет вас так думать? – спросил Ханс Фасте.

– Одна из трудностей в лечении Лисбет Саландер состояла в том, что ей не был поставлен настоящий диагноз. А это, в свою очередь, определялось тем, что она не шла навстречу тем, кто ее лечил. Она всегда отказывалась отвечать на вопросы или участвовать в какой-либо форме терапии.

– Значит, вы не знаете, больна она или нет? – спросила Соня Мудиг. – Имея в виду, что у нее нет диагноза.

– Дело вот как обстояло, – пустился в объяснения Петер Телеборьян. – Лисбет Саландер попала ко мне, когда ей почти исполнилось тринадцать лет. Она переживала психотические состояния, была одержима навязчивыми представлениями и страдала обостренной манией преследования. Когда ее принудительно поместили в больницу Святого Стефана, она оставалась моей пациенткой в течение двух лет. В свою очередь, причиной принудительной госпитализации стало то, что по отношению к одноклассникам и знакомым Саландер проявляла очевидную способность к грубому насилию. В ряде случаев на нее поступали рапорты о нанесении побоев. Но во всех известных случаях расправе подвергался кто-то из круга ее знакомых, то есть кто-то, по ее представлениям, нанесший ей обиду, сказав или сделав что-то. Не было случая, чтобы она напала на совершенно незнакомого человека. Вот почему я думаю, что между нею и парой в Эншеде есть какая-то связь.

– Если не считать нападения в метро, когда ей было семнадцать лет, – добавил Ханс Фасте.

– В этом случае было точно выяснено, что напали на нее, а она лишь защищалась, – сказал Телеборьян. – Нападающий оказался известным сексуальным маньяком. И все же это демонстрирует, каков ее обычный способ поведения. Саландер могла бы убежать оттуда или позвать на помощь других пассажиров вагона, а вместо этого она дала отпор методом грубого рукоприкладства. Если она чувствует опасность, то реагирует на

нее насилием.

– Так что же все-таки с ней не так? – задал вопрос Бублански.

– Как я сказал, точного диагноза нет. Я бы сказал, что Саландер шизофреник и постоянно балансирует на грани психоза. Она не способна к сочувствию и по многим параметрам может быть классифицирована как социопат. Должен признать, что удивлен, настолько хорошо она продержалась с восемнадцати лет до сих пор. Она просуществовала в обществе, хотя и под опекой, восемь лет, не совершив ничего, что повлекло бы заявление в полицию или арест. Но ее прогноз…

– Прогноз?

– За все это время она не проходила никакого лечения. Полагаю, что болезнь, которую можно было излечить полностью или держать под контролем десять лет назад, теперь стала нерасторжимой частью ее личности. Могу предсказать, что после ареста Саландер приговорят не к тюремному заключению, а к принудительному психиатрическому лечению.

– Тогда почему суд выдал ей пропуск на жизнь в обществе? – проворчал Ханс Фасте.

– Тут, скорее всего, сошлись несколько обстоятельств: у нее оказался адвокат с хорошо подвешенным языком, а решение суда определялось всеобщей склонностью к либерализации и экономии средств. Во всяком случае, я решительно возражал, когда со мной консультировался представитель судебной медицины. Но в этом некого винить.

– Но ведь тот прогноз, о котором вы говорили, чисто гипотетический, – вмешалась Соня Мудиг. – Я имею в виду… что вы вообще-то ничего не знаете о ней со дня ее восемнадцатилетия.

– Это больше, чем просто догадка. Это мой опыт.

– Есть ли у нее тенденции к саморазрушению? – спросила Соня Мудиг.

– Вас интересует, может ли она совершить самоубийство? Нет, в этом я сомневаюсь. Скорее, она психопат, отличающийся эгоманией. Важно лишь то, что связано с нею, остальные люди не имеют значения.

– Вы сказали, что она скора на расправу, – заметил Ханс Фасте. – Значит, ее можно считать опасной?

Петер Телеборьян смерил его должным взглядом, затем опустил голову и потер лоб, прежде чем ответить.

– Вы понятия не имеете, как трудно точно предсказать реакцию человека. Я не хочу, чтобы Лисбет Саландер покалечили, когда ее схватят… но, конечно, принимая во внимание ее случай, я постарался бы, чтобы арест происходил с максимальными предосторожностями. Если Саландер вооружена, есть большой риск, что она пустит оружие в ход.

Глава 18

Вторник, 29 марта – среда, 30 марта

Каждое из трех параллельных расследований убийства в Эншеде неспешно продвигалось вперед. Преимущество группы Констебля Бублы состояло в том, что она была частью властной структуры. При поверхностном взгляде казалось, что всё само собой плывет к ним в руки: у них была подозреваемая и орудие убийства с привязкой к подозреваемой. Существовала несомненная связь с первой жертвой убийцы и возможная связь – через Микаэля Блумквиста – с двумя другими жертвами. Практически Бублански оставалось только найти Лисбет Саландер и поместить ее в одну из камер следственной тюрьмы Круноберг.

Расследование Драгана Арманского формально подчинялось полицейскому розыску, но имело и собственные задачи. Намерением Арманского было по возможности защитить интересы Лисбет Саландер – обнаружить истину, желательно со смягчающими обстоятельствами.

Расследование «Миллениума» выглядело самым непростым. Здесь и в помине не было тех ресурсов, которыми располагали полиция и Арманский. Однако, в отличие от полиции, Микаэль Блумквист не ставил своей целью установить надлежащую мотивацию появления Лисбет Саландер в Эншеде и убийства двух его друзей. В какой-то момент в пасхальные выходные он решил для себя, что не верит в теорию полиции. Если Саландер и замешана каким-то образом в убийстве, то совсем не так, как представлялось официальному следствию: оружием воспользовался кто-то другой, или же произошло что-то, чему Лисбет была не силах помешать.

Всю дорогу на такси от Шлюза до полицейского отделения в Кунгсхольме Никлас Эрикссон просидел молча. Он был ошеломлен тем, что наконец-то, причем совершенно неожиданно, оказался включен в настоящее полицейское расследование. Никлас покосился на Сонни Бомана, в который раз читавшего резюме Арманского. И тут он вдруг улыбнулся своей собственной мысли.

Нынешнее задание совершенно неожиданно представляло ему возможность реализовать свою старую задумку, о которой не подозревали ни Арманский, ни Сонни Боман. Внезапно ему выпал шанс обломать рога этой Лисбет Саландер. Он надеялся помочь в ее розыске и поимке и

рассчитывал, что ей дадут пожизненный тюремный срок.

В «Милтон секьюрити» ни для кого не было секретом, что Лисбет Саландер не пользуется популярностью. Большинство сотрудников, имевших с ней дело, воспринимали ее как му́ку мученическую. Но ни Боман, ни Арманский не подозревали, что Никлас Эрикссон ненавидел ее всей душой.

Судьба несправедливо обошлась с Никласом. Он хорошо выглядел, был в расцвете сил и к тому же весьма неглуп. И все же он был навсегда лишен возможности стать тем, кем всегда мечтал быть, – полицейским. Корнем зла была микроскопическая дырочка в сердечной сумке, которая посвистывала и ослабляла стенку одного из желудочков. В результате операции проблема была устранена, но из-за порока сердца он был раз и навсегда отодвинут в сторону, признан человеком второго сорта.

Когда представилась возможность работать на «Милтон секьюрити», Эрикссон согласился, но без всякого энтузиазма. Он воспринимал «Милтон» как своего рода свалку для неудачников – состарившихся полицейских, не способных оставаться на высоте. Он был одним из тех, кем побрезговали, и даже не по его вине.

Одним из его первых поручений в «Милтоне» стало снабжение оперативного отдела анализом мер по обеспечению безопасности одной всемирно известной пожилой певицы. Она подверглась угрозам со стороны одного не в меру пылкого поклонника, к тому же бежавшего из психиатрической лечебницы. Это поручение Никлас получил во время подготовительного этапа своей работы в «Милтоне». Певица жила одна на вилле в Сёдертёрне, и «Милтон» занимался установкой камер наблюдения, сигнализации и обеспечивал клиентку телохранителями в течение полугода. Однажды поздно ночью пылкий поклонник попытался проникнуть в дом. Телохранитель быстро одолел полезшего. Позднее тот был осужден за незаконные угрозы и вторжение на чужую территорию, а затем и водворен обратно в психбольницу.

В течение двух недель Никлас Эрикссон и несколько других сотрудников «Милтона» появились на вилле в Сёдертёрне. Престарелая певица показалась ему спесивой и чванной старухой, смерившей его презрительным взглядом, когда он попытался продемонстрировать свое обаяние. Радовалась бы лучше, что хоть какой-то пылкий поклонник помнил о ней.

Эрикссон с презрением отмечал, как персонал «Милтона» старался ей угодить, но ни слова хулы не слетело с его языка.

Днем, накануне той ночи, когда схватили поклонника, певица и двое

сотрудников находились у небольшого бассейна позади дома, а сам Никлас делал снимки окон и дверей в доме, чтобы продумать для них меры защиты. Он переходил из одной комнаты в другую, пока не дошел до спальни, где не смог побороть искушение и открыл ящик комода. Он нашел дюжину фотоальбомов. Там певица была запечатлена на пике своей славы в 70–80-е годы, когда вместе со своим оркестром объездила весь свет. Еще он увидел коробку с сугубо личными фотографиями певицы. Фотографии были весьма невинными, но при избытке фантазии могли считаться «с эротическим налетом». «Ну и дура же», – подумал Эрикссон. Он украл пять наиболее смелых снимков, очевидно сделанных каким-то любовником и сохраненных из сентиментальных побуждений.

Сделав копии, Никлас положил оригиналы обратно, а потом, выждав несколько месяцев, продал снимки английской бульварной газете. Публикация принесла ему девять тысяч фунтов и наделала немало шума.

Как об этом пронюхала Лисбет Саландер, Эрикссон до сих пор не понимал. Вскоре после публикации снимков она явилась к нему в офис. Девчонка знала, что фотографии продал он, и пригрозила все рассказать Арманскому, если он еще хоть раз позволит себе что-то подобное. Саландер бы, наверное, разоблачила его, имей она в руках доказательства, но их, очевидно, у нее не было. С этого дня Никлас чувствовал, что она не спускает с него глаз. Он видел ее поросячьи глазки всякий раз, стоило ему обернуться.

Эрикссон чувствовал себя загнанным в угол, просто не в своей тарелке. Единственным способом лягнуть ее было подорвать к ней доверие, поливая ее грязью в кофейной комнате на работе. Но даже это было не особенно эффективно. Ему не хотелось слишком высовываться, потому что по какой-то непонятной причине Арманский ей покровительствовал. Он недоумевал, на какой крючок ей удалось подцепить их директора, разве что старый черт трахал ее втихую. Хотя в «Милтоне» никто не был в восторге от Лисбет Саландер, Арманского все уважали и потому терпеливо сносили ее присутствие. Постепенно она стала все чаще исчезать из поля зрения и наконец перестала работать на «Милтон». Вот тут-то Никлас испытал колоссальное облегчение.

Сейчас же появилась возможность поквитаться с ней, причем не подвергаясь риску. Теперь, какие бы обвинения против него она ни выдвигала, ей никто не поверит. Даже у Арманского не будет доверия к патологически больной убийце.

Инспектор криминальной полиции Бублански увидел Ханса Фасте,

выходящего из лифта вместе с Боманом и Эрикссоном из «Милтон секьюрити». Фасте ходил за ними на пропускной пункт. Бублански не был в большом восторге при мысли о том, что приходится допускать посторонних к расследованию убийства, но решение было принято у него за спиной… Наплевать. Боман, во всяком случае, настоящий полицейский, за много лет на этих делах собаку съел. Да и Эрикссон окончил Школу полиции и, скорее всего, не был полным идиотом. Бублански жестом указал им на конференц-зал.

Охота на Лисбет Саландер шла шестые сутки, и пора уже было подводить основные итоги. Прокурор Экстрём в совещании не участвовал. Группа Бублански включала инспекторов полиции Соню Мудиг, Ханса Фасте, Курта Свенссона и Еркера Хольмберга. В подкрепление они получили четырех сотрудников сыскного отдела уголовной полиции Швеции. Сначала Бублански представил присутствующим сотрудников «Милтон секьюрити» и спросил, не хочет ли кто-нибудь что-то сказать. Боман откашлялся и кивнул.

– Прошло какое-то время с тех пор, как я был в этом здании, но некоторые из вас знают меня и помнят, что много лет я был полицейским, пока не ушел в частную фирму. Причина того, что мы здесь находимся, в том, что Лисбет Саландер проработала у нас несколько лет, поэтому мы чувствуем ответственность за нее. Наше рабочее задание состоит в том, чтобы способствовать скорейшей поимке Лисбет Саландер. Наш вклад будет выражаться еще и в том, что мы ее, в общем-то, знаем лично. Так что мы здесь не для того, чтобы путаться у вас под ногами или ставить палки в колеса.

– А как вам с ней работалось? – спросил Фасте.

– Да она никому не пришлась по душе, – ответил Никлас Эрикссон и умолк, заметив, что Бублански поднял руку.

– У нас еще будет возможность поговорить обо всем в деталях. Давайте придерживаться определенного порядка и подытожим, чем мы располагаем. После совещания вы двое пойдете к прокурору Экстрёму и дадите подписку о неразглашении. Первой будет докладывать Соня.

– В настоящий момент все глухо. В течение нескольких первых часов после убийства нам удалось установить личность Саландер. Мы нашли место ее жительства – во всяком случае, мы думали, что она там живет. Потом – никаких следов. Мы получили не меньше тридцати сообщений, что ее видели то там, то сям, но все они оказались безрезультатными. Она точно в воду канула.

– Странно это как-то, – заметил Курт Свенссон. – Внешность у нее

примечательная, татуировки… Неужели так трудно ее найти.

– Вчера полиция Уппсалы получила сигнал и выступила с оружием наперевес. Они окружили и перепугали четырнадцатилетнего подростка, сильно похожего на Саландер. Его родители очень недовольны.

– Да, очень сложно искать кого-то похожего на четырнадцатилетнего подростка. Она ведь может просто раствориться в толпе молодежи.

– Но при том внимании, которое ей уделяют средства массовой информации, кто-то может заприметить ее, – заметил Свенссон. – На этой неделе она будет показана в телепрограмме «Разыскивается», так что подождем; может быть, и появится что-нибудь новое.

– В это мне верится с трудом, если иметь в виду, что ее фотография уже печаталась на первых страницах ведущих шведских газет, – возразил Ханс Фасте.

– Это значит, что нам, вероятно, нужно еще раз все как следует продумать, – сказал Бублански. – Может быть, ей удалось скрыться за границей, но также есть вероятность, что она где-то затаилась и выжидает.

Боман поднял руку, и Бублански кивком дал ему слово.

– У нас сформировалось такое впечатление, что она не склонна к саморазрушению. У нее есть стратегическая жилка, и она планирует каждый свой шаг, не делая ничего без просчитывания последствий. Так, во всяком случае, считает Драган Арманский.

– Ее бывший врач-психиатр того же мнения. Но не будем пока торопиться с ее характеристикой, – предложил Бублански. – Рано или поздно она где-нибудь закопошится. Еркер, какими средствами она располагает?

– Тут тоже есть над чем поломать голову, – отозвался Еркер Хольмберг. – Уже несколько лет у нее есть счет в «Хандельсбанке». Это те самые деньги, которые она приводит в налоговой декларации. Точнее, деньги, которые адвокат Бьюрман приводил за нее в налоговой декларации. Год назад на ее счету было примерно сто тысяч крон. Осенью 2003 года она сняла всю сумму.

– Осенью 2003 года ей нужны были наличные. Тогда она, со слов Арманского, бросила работу на «Милтон секьюрити», – пояснил Боман.

– Может, так оно и есть. Сумма на счете оставалась на нуле примерно две недели, а потом та же сумма вновь была внесена на счет.

– Она думала, что деньги ей на что-то нужны, но не использовала их и снова положила в банк?

– Звучит разумно. В декабре 2003 года Саландер брала деньги со счета для различных платежей, в частности, для квартирной платы за год вперед.

Тогда сумма на счете уменьшилась до семидесяти тысяч крон. Потом он оставался неизменным один год, пока на него не было помещено примерно девять тысяч крон. Я проверил: это ей досталось в наследство от матери.

– Ладно.

– В марте этого года Саландер сняла со счета в точности сумму наследства, 9312 крон. И все, больше счет не трогали.

– А на что же она тогда живет?

– Послушайте. В январе этого года она открыла новый счет, на этот раз в «Стокгольмском частном банке», и положила на него два миллиона крон.

– Что?

– Откуда такие деньги? – спросила Соня Мудиг.

– Деньги переведены со счета в одном английском банке, зарегистрированном на одном из Нормандских островов в Ла-Манше.

В комнате воцарилась полная тишина.

– Я ничего не понимаю, – наконец сказала Соня Мудиг.

– Значит, эти деньги она не заявляла в декларации? – спросил Бублански.

– Нет, но она и не должна делать этого до следующего года. Интересно, что эта сумма не фигурировала в финансовых отчетах адвоката Бьюрмана о ее доходах и расходах. А такие отчеты он отсылал каждый месяц.

– Итак, либо он ничего не знал об этих деньгах, либо они вместе что-то скрывали. Еркер, а что у нас получено от техников?

– Вчера я встречался с начальником следственного управления. Вот что известно на данный момент. Во-первых, установлена связь Саландер с обоими местами преступления. Найдены ее отпечатки пальцев, как на орудии убийства, так и на осколках разбитой чашки в Эншеде. Мы ждали заключения об анализе ДНК-теста, но сомневаться не приходится – она была в квартире.

– Ясно.

– Во-вторых, ее отпечатки пальцев есть на коробке от оружия в квартире адвоката Бьюрмана.

– Ясно.

– В-третьих, наконец-то у нас появился свидетель, узнавший ее в Эншеде. Это продавец в табачном магазинчике. Он позвонил и сообщил, что Лисбет Саландер заходила и купила у него пачку «Мальборо лайтс» в тот вечер, когда было совершено убийство.

– И это он сообщил через несколько дней после того, как мы обратились с просьбой сообщить нам любую информацию?

– На празднике его не было дома, как и многих других. Как бы то ни было, – продолжал Еркер, показывая пальцем на карте, – табачный магазинчик находится на углу, примерно в ста девяносто метрах от места преступления. Саландер зашла ровно в десять вечера, когда магазин закрывался. Продавец смог дать довольно точное ее описание.

– С татуировкой на шее? – спросил Курт Свенссон.

– С этим у него определенности не было. Ему кажется, что он ее видел. Но в чем он уверен, так это в том, что у нее был пирсинг на брови.

– У вас есть что-нибудь еще?

– Представленных технических доказательств не так много, но они убедительны.

– Фасте, что у вас по квартире на Лундагатан?

– Мы нашли отпечатки ее пальцев, но, думаю, она там не живет. Мы там всё перетряхнули, но вещи, похоже, принадлежат Мириам Ву. Она была вписана в контракт недавно, в феврале этого года.

– А что о ней известно?

– Полицией не зарегистрирована, лесбиянка, участвует в различных шоу и тому подобном на гей-парадах. Делает вид, что учится на социолога, совладелица порнобутика на улице Тегнергатан «Домино фэшн».

– Порнобутика? – удивленно переспросила Соня Мудиг.

Однажды она, на радость своего мужа, приобрела себе сексуальное нижнее белье в «Домино фэшн», но собравшимся в комнате мужчинам отнюдь не собиралась об этом докладывать.

– Типа. Они продают наручники, одежду для шлюх и все в таком роде. Может, тебе плетка нужна?

– В общем, это не порнобутик, а бутик для любителей смелого нижнего белья, – уточнила Соня.

– Мне это по барабану.

– Продолжайте, – сухо напомнил Бублански. – Следов Мириам Ву так и не нашли?

– Ни малейших.

– Может, и она уехала куда-то на праздники, – предположила Мудиг.

– Или Саландер ее тоже прикончила, – парировал Фасте. – Она, может, решила провести чистку среди всех своих знакомых.

– Итак, Мириам Ву – лесбиянка. А мы можем сделать заключение, что они с Саландер – пара?

– Мне кажется, они почти наверняка находятся в сексуальных отношениях, – вставил Курт Свенссон. – Я основываюсь на нескольких наблюдениях. Во-первых, мы обнаружили отпечатки пальцев Саландер на

кровати и вокруг нее. Кроме того, ее отпечатки есть на наручниках, очевидно использовавшихся в сексуальных играх.

– Тогда ей, наверное, придутся по вкусу наручники, которые я для нее уже приготовил, – влез Ханс Фасте.

Соня Мудиг испустила вздох.

– Продолжайте, – предложил Бублански.

– Поступила информация, что Мириам Ву была в «Мельнице» и там тискалась с какой-то девицей, по описанию похожей на Саландер. Это было недели две назад. Информатор сообщил, что знает, кто такая Саландер, и что он уже видел ее раньше в «Мельнице», но это было больше года назад. С тамошним персоналом я еще не успел поговорить, займусь этим после обеда.

– В ее журнале, который ведет социальная служба, нет ничего о том, что Саландер лесбиянка. В подростковом возрасте она несколько раз сбегала от приемных родителей и приставала к мужчинам, шатавшимся по кабакам. Несколько раз ее заставали в компании пожилых мужчин.

– Ну, это еще не значит, что она потаскуха, – заметил Бублански. – А что известно о круге ее знакомых, Курт?

– Почти ничего. С восемнадцатилетнего возраста в полицию она не попадала. Что она знакома с Драганом Арманским и Микаэлем Блумквистом, мы знаем. Ну, и конечно, Мириам Ву. Информатор, сообщивший, что видел Саландер и Ву в «Мельнице», упомянул, что раньше она появлялась там в компании девиц. Это группа под названием «Персты дьявола».

– «Персты дьявола»? Что за группа? – спросил Бублански.

– Что-то оккультное. Они собирались вместе и бузили.

– Нам только недоставало, чтобы Саландер оказалась сатанисткой, – отозвался Бублански. – Журналисты ошалеют от счастья.

– Группа лесбиянок-сатанисток, – нашелся Фасте.

– Хассе, у тебя средневековый взгляд на женщин, – возразила Соня Мудиг. – Даже я слышала о «Перстах дьявола».

– Да ну? – удивленно воскликнул Бублански.

– В конце девяностых была такая рок-группа. Не суперзвезды, но какое-то время держались на сцене.

– А, значит, рок-группа лесбиянок-сатанисток, – предложил Ханс Фасте.

– Ладно, кончайте трепаться, – приказал Бублански. – Хассе, ты и Курт займетесь «Перстами дьявола». Выясните, кто у них в составе, и поговорите с ними. Есть у Саландер еще знакомые?

– Немного, если не считать ее прежнего опекуна Хольгера Пальмгрена. Но тот лежит в больнице для хроников после кровоизлияния в мозг и явно болен. Честно говоря, не могу сказать, что нашел у нее хоть какой-то круг знакомых. Словом, мы не нашли место реального проживания Саландер и не обнаружили какой-нибудь записной книжки с адресами, но близкого круга знакомых у нее, видно, нет вообще.

– Не может же человек бродить как привидение, не оставляя следов!.. А как там Микаэль Блумквист?

– Слежки мы за ним не устанавливали, но на праздниках связывались с ним – на тот случай, если Саландер даст о себе знать, – сообщил Фасте. – Из редакции он поехал домой, а в выходные, видимо, вообще никуда не выходил.

– Не думаю, что он имел хоть какое-то отношение к убийству, – сказала Соня Мудиг. – В его изложении событий нет противоречий, и все, что он делал в тот вечер, можно проверить.

– Но он знаком с Саландер и является связующим звеном между нею и парой в Эншеде. Кроме того, он заявил, что был свидетелем нападения на Саландер за неделю до убийства. Что это может значить? – спросил Бублански.

– Кроме Блумквиста, нет других свидетелей нападения… если оно действительно произошло, – сказал Фасте.

– А ты считаешь, что Блумквист все это придумал или наврал?

– Не знаю. Вся эта история кажется мне какой-то туфтой. Будто бы здоровый мужик не смог одолеть девчонку весом сорок килограммов.

– Но зачем Блумквисту врать?

– Может, чтобы отвлечь внимание от Саландер?

– Тут концы с концами не сходятся. Блумквист выдвинул теорию, по которой пару в Эншеде убили из-за книги, которую писал Даг Свенссон.

– Чепуха, – отозвался Фасте. – Конечно, это Саландер. С какой стати убивать ее опекуна, если нужно заставить молчать Дага Свенссона? И кто бы это мог быть… полицейский?

– Если Блумквист обнародует свою версию, затаскают нас с этим «полицейским следом» в хвост и в гриву, – заметил Курт Свенссон.

Все закивали.

– Ладно. Так почему она убила Бьюрмана? – спросила Соня Мудиг.

– И что значит татуировка? – полюбопытствовал Бублански, показывая пальцем на фотографию живота Бьюрмана: Я – САДИСТСКАЯ СВИНЬЯ, ПОДОНОК И НАСИЛЬНИК.

Все молчали.

– А что говорят врачи? – спросил Боман.

– Татуировка двух-трехлетней давности. Как-то это связано с тем, в каком состоянии находится кровоснабжение кожи, – пояснила Соня Мудиг.

– Есть предположение, что Бьюрман сделал эту татуировку не сам.

– Тату-салонов существует в избытке, но к числу их стандартных мотивов этот текст вряд ли относится.

Соня Мудиг покачала указательным пальцем.

– Патологоанатом говорит, что татуировка ужасного качества, да я и сама это видела. Значит, ее нанес явный любитель. Игла проходила на разную глубину, и это очень крупная татуировка на чрезвычайно чувствительной части тела. В целом это была наверняка болезненная процедура, которую можно поставить вровень с причинением тяжких телесных повреждений.

– Однако Бьюрман никогда не заявлял об этом в полицию, – заметил Фасте.

– Я бы тоже воздержался от заявления, если бы кто-то наваял подобное на моем животе, – добавил Курт Свенссон.

– Я могу еще кое-что добавить, – сказала Соня Мудиг. – Возможно, это может подтвердить истинность татуировки – что Бьюрман был свинья и садист. – Она открыла папку с распечаткой фотографий и послала ее по кругу. – Я отпечатала только случайный образец, взятый из папки на жестком диске Бьюрмана. Картинки скачаны из Интернета, а всего в компьютере не меньше двух тысяч подобных изображений.

Фасте присвистнул и поднял, чтобы всем было видно, фотографию женщины, связанной в мучительно неудобной позе.

– Это, пожалуй, в стиле «Домино фэшн» или «Перстов дьявола», – сказал он.

Бублански раздраженно замахал на Ханса, призывая того заткнуть рот.

– И как это надо понимать? – спросил Боман.

– Татуировка сделана примерно два года назад, – сказал Бублански. – Именно тогда Бьюрман вдруг заболел. Ни патологоанатом, ни медицинская карточка не указывают на какую-то серьезную болезнь, если не считать высокого давления. Так что можно предположить какую-то связь между этими двумя событиями.

– В тот год Саландер изменилась, – заметил Боман. – Она вдруг бросила работу в «Милтон секьюрити» и исчезла, уехав за границу.

– Следует ли предположить какую-то связь между этими событиями? Если текст татуировки соответствует истине, значит, Бьюрман кого-то насиловал. Саландер подходит как нельзя лучше. В таком случае, это был

бы достаточный мотив для убийства.

– А что, если было совсем по-другому? – предположил Ханс Фасте. – Возможно и такое развитие событий, когда Саландер и китаянка промышляют эскортными услугами с садомазохистским отливом. Возможно, Бьюрман – один из тех чокнутых, что возбуждаются, когда их хлещут девочки. Может быть, так он оказался в какой-то зависимости от Саландер, а потом они перессорились.

– Но это же не объясняет, зачем она поехала в Эншеде.

– Если Даг Свенссон и Миа Бергман собирались разоблачить торговлю сексуальными услугами, они могли наткнуться на Саландер и Ву. И тогда у Саландер мог появиться мотив для убийства.

– Все это всего лишь гипотезы, – сказала Соня Мудиг.

Обсуждение продолжалось еще примерно час. Был затронут вопрос об исчезновении лэптопа Дага Свенссона. Когда подошло время обеденного перерыва, все ощущали какое-то неудовольствие. В расследовании появилось больше вопросов, чем было раньше.

Придя в редакцию во вторник утром, Эрика Бергер первым делом позвонила Магнусу Боргшё, председателю правления «Свенска моргонпостен».

– Я заинтересована, – сказала она.

– Мы так и думали.

– Я намеревалась сообщить о своем решении сразу после пасхальных праздников, но тут, как вы понимаете, в редакции заварилась такая каша…

– Убийство Дага Свенссона. Сочувствуем вам, история неприятная.

– Тогда вы понимаете, что сейчас мне просто невозможно объявить, что я покидаю корабль.

Боргшё помолчал.

– Тогда у нас проблема, – сказал он наконец.

– Какая?

– Когда мы разговаривали в прошлый раз, то договорились, что вы начинаете работать у нас первого августа. Но проблема в том, что у главного редактора Хокана Морандера, которого вы замените, плохое состояние здоровья. У него больное сердце, и он должен сократить нагрузку на него. Пару дней назад Морандер говорил со своим врачом, и в выходные я узнал, что он увольняется с первого июля. Сначала мы планировали, что он останется до осени и вы сможете работать с ним параллельно весь август и сентябрь. Но теперь положение становится критическим. Эрика, вы необходимы нам с первого мая, в крайнем случае с

пятнадцатого.

– Господи! Да это же всего несколько недель.

– И вы по-прежнему заинтересованы?

– Конечно… но у меня остается всего лишь месяц на то, чтобы завершить дела в «Миллениуме».

– Я знаю и сожалею, Эрика, но вы должны поднапрячься. К тому же одного месяца вполне достаточно, чтобы закончить дела в редакции, где всего полдюжины сотрудников.

– Но как я могу оставить их в самый разгар сумятицы?

– Вам придется оставить их в любом случае. Все дело в том, чтобы передвинуть срок на несколько недель.

– У меня есть несколько условий.

– Слушаю вас.

– Я хочу остаться в правлении «Миллениума».

– Это кажется мне неразумным. «Миллениум» – журнал небольшого масштаба, ежемесячный – и, можно сказать, наш конкурент.

– Ничего не поделаешь. Я не буду участвовать в редакционной работе журнала, но не хочу продавать свою долю совладельца, то есть остаюсь в правлении.

– Хорошо, об этом мы можем договориться.

Они условились встретиться с правлением на первой неделе апреля, обсудить детали контракта и подписать его.

Еще раз посмотрев список подозреваемых, которых они с Малин составили в выходные, Микаэль Блумквист испытал разочарование от «уже виденного». Список насчитывал тридцать семь человек, которых Даг Свенссон разоблачал в своей книге. Двадцать один из них, названные по имени, были заказчиками сексуальных услуг.

Тут Микаэлю вспомнилось, как два года назад он начал искать убийцу в Хедестаде и нашел ни много ни мало почти пятьдесят подозреваемых. Проанализировать, кто из них виновен, было безнадежным занятием.

В десять утра во вторник он махнул рукой Малин Эрикссон, делая знак зайти к нему в кабинет редакции, закрыл дверь и предложил ей сесть.

Помолчали. Выпили кофе. Наконец Микаэль протянул ей список из тридцати семи имен, составленный им в праздники.

– Что будем делать?

– Минут через десять давай посмотрим список с Эрикой. Затем постараемся обсудить одного за другим. Может быть, кто-то из списка имеет отношение к убийству.

– А как мы будем их отбирать?

– Думаю, нам надо сконцентрироваться на тех двадцати одном клиенте, что приведены в книге под своими именами. Им больше, чем другим, есть что терять. Я думаю пойти по следам Дага и встретиться с каждым из них.

– Ладно.

– Для тебя у меня есть два поручения. Во-первых, вот семь лиц, которые не идентифицированы, – два потребителя и пять торговцев. Твоя задача на ближайшее время – постараться выяснить, кто они такие. Кто-то из них фигурирует в диссертации Миа. Может быть, у нее есть ссылки, по которым можно установить, как их зовут.

– Хорошо.

– Во-вторых, мы слишком мало знаем о Бьюрмане, опекуне Лисбет. В газетах есть его краткая биография, но я подозреваю, что половина ее – вранье.

– Значит, надо покопаться в его подноготной.

– Именно. Копай везде, где сможешь.

В пять часов вечера раздался звонок от Харриет Вангер.

– Микаэль, ты можешь говорить?

– Могу, но недолго.

– Та девушка, что объявлена в розыск… это та самая, что помогла тебе меня найти?

Харриет Вангер и Лисбет Саландер никогда не встречались.

– Да, – ответил Микаэль. – Извини, что не выкроил время позвонить тебе и пересказать новости. Это действительно она.

– И что это предвещает?

– Для тебя… надеюсь, ничего.

– Но ведь она все обо мне знает и знает все, что произошло два года назад.

– Да, она знает все.

Харриет Вангер хранила молчание.

– Послушай, Харриет… Я не верю, что это она. Я не могу допустить ничего, кроме того, что она невиновна. Я полагаюсь на Лисбет Саландер.

– Но если верить тому, что пишут в газетах…

– Не надо в это верить. Тут все просто: она дала слово не выдавать тебя – и, я думаю, останется верна этому слову до конца жизни. Я считаю ее человеком твердых принципов.

– А если нет?

– Не знаю, Харриет. Я делаю все, что в моих силах, чтобы выяснить, что же произошло.

– Ладно.

– Не беспокойся.

– Я не беспокоюсь, но хочу быть готова к худшему. А как ты себя чувствуешь?

– Хуже некуда. С тех пор как произошло убийство, у меня ни минуты покоя.

Харриет Вангер опять помолчала.

– Микаэль… я сейчас в Стокгольме, улетаю завтра в Австралию на месяц.

– Вот как.

– Я остановилась в том же отеле.

– Просто не знаю. Я на части разрываюсь. Мне нужно всю ночь работать, и я вряд ли составлю тебе веселую компанию.

– Мне не требуется веселая компания. Приезжай, отдохни немного.

Домой Микаэль вернулся около часа ночи. Усталый, он подумал, не плюнуть ли на все и поспать, но включил ноутбук и зашел в свою почту. Ничего интересного не пришло.

Открыв папку «Лисбет Саландер», он обнаружил там новый документ, названный «Мику Блуму». Тот лежал рядом с документом «Для Салли».

Увидев документ, Микаэль испытал что-то вроде шока. «Она здесь. Лисбет Саландер заходила в мой компьютер. Может быть, она и сейчас подсоединена к нему», – пронеслось у него в голове, и он дважды щелкнул мышкой.

Блумквист и сам не знал, что ожидал увидеть: письмо, ответ, клятвы в невиновности, объяснения… Отклик Лисбет Саландер был обескураживающе короток и состоял из четырех букв.

Зала.

Микаэль уставился на это имя.

Даг Свенссон говорил о Зале в их последнем телефонном разговоре за два часа до того, как был убит.

«Что она хочет этим сказать? Что Зала – связующее звено между Бьюрманом, Дагом и Миа? Каким образом? Почему? Кто он? Откуда он известен Лисбет Саландер? Какое отношение ко всему этому имеет она?» – размышлял Микаэль.

Он проверил информацию о документе и обнаружил, что тот создан около пятнадцати минут назад. Создателем документа значился Микаэль Блумквист. Значит, Лисбет создала документ в его компьютере при помощи его же лицензионной программы. Это было лучше, чем электронная почта, и не оставляло после себя адреса отправителя, по которому его можно было бы выследить. Хотя Микаэль и так был совершенно уверен, что выследить Лисбет Саландер в Сети никому не под силу. Это служило доказательством того, что сама Лисбет осуществила только что «насильственный захват» его компьютера – это был ее собственный термин.

Микаэль встал у окна, из которого открывался вид на ратушу, не в силах избавиться от ощущения, что в этот момент Лисбет Саландер наблюдает за ним, чуть ли не присутствует в комнате и смотрит на него с экрана компьютера. В принципе, она могла находиться в любом уголке земного шара, но он подозревал, что она в нескольких шагах. Где-нибудь в районе Сёдермальма, в радиусе километра от него.

Подумав, Микаэль снова сел за компьютер, создал новый документ в «Ворде» под названием «Салли-2» и поместил его на рабочем столе. Текст он составил в сильных выражениях.

> Лисбет!
>
> Будь ты неладна. Кто этот Зала, черт возьми? Он связующее звено? Ты знаешь, кто убил Дага и Мию? Если «да», скажи мне, и мы сможем освободиться от этого проклятья и вернуться к нормальной жизни.
>
> *Микаэль.*

Она действительно забралась к нему в ноутбук, потому что ответ пришел уже через минуту. На его рабочем столе появился новый документ, на сей раз под именем «Калле Блумквист», с текстом:

> Ты – журналист. Ищи.

Микаэль поморщился. Лисбет поманила его пальцем и использовала прозвище, которое он терпеть не мог, что ей было хорошо известно. И при этом никаких наводок. Он быстро набрал текст следующего документа, «Салли-3», и оставил его на рабочем столе.

> Лисбет!

Журналист занимается расследованием, задавая вопросы тем, кто что-то знает. Я задаю вопрос тебе: знаешь ли ты, кто убил Дага и Мию, и почему? Если знаешь, скажи мне. Дай мне хоть что-то, от чего я мог бы оттолкнуться.

Микаэль.

Ответа Микаэль впустую прождал несколько часов. В четыре часа утра, махнув рукой, он лег спать.

Глава 19

Среда, 30 марта – пятница, 1 апреля

Ничего примечательного в среду не произошло. Весь день Микаэль прочесывал материалы, оставленные Дагом Свенссоном, разыскивая ссылки на имя Зала. Как и Лисбет Саландер до него, он нашел папку «Зала» в компьютере Дага Свенссона и прочитал все три имевшихся там документа: «Ирина П.», «Сандстрём» и «Зала». Подобно Лисбет, он обнаружил, что у Дага Свенссона был в полиции источник по фамилии Гульбрандсен. Он напал на его след в криминальной полиции Сёдертелье, но по телефону выяснил, что Гульбрандсен находится сейчас в служебной командировке и вернется в ближайший понедельник.

Микаэль обратил внимание на то, что Даг Свенссон много времени уделил судьбе Ирины П. Прочитав протокол вскрытия, он узнал, что эта женщина была убита мучительным способом после долгих истязаний. Убийство произошло в конце февраля. Никаких догадок о том, кто убийца, у полиции не было, но ввиду того, что убитая была проституткой, считалось, что убийцу надо искать среди ее клиентов.

Микаэль недоумевал, почему документ об Ирине П. лежал у Дага в папке «Зала». Это свидетельствовало о том, что тот тип как-то связан с Ириной П., но никаких подтверждений этому в тексте не нашел. Значит, эта связь была лишь умозаключением Дага Свенссона.

Документ, озаглавленный «Зала», был такой куцый, что походил скорее на временное место для рабочих заметок. Микаэль узнал, что Зала, если он действительно существовал, в криминальных кругах представлялся чуть ли ни призраком. Было в нем что-то лишённое реальности, а в тексте документа отсутствовали указания на источники.

Закрыв документ, Микаэль почесал затылок. Расследование убийства Дага и Миа оказалось существенно более трудным делом, чем ему казалось. Кроме того, его все время преследовали сомнения. Все дело в том, что у него не было никаких гарантий тому, что Лисбет действительно непричастна к убийству. Он опирался всего лишь на подсознательную невозможность допустить мысль, что Лисбет могла поехать в Эншеде и убить двух его друзей.

Блумквист знал, что Лисбет вряд ли испытывала недостаток средств. Воспользовавшись своими хакерскими способностями, она украла баснословную сумму в несколько миллиардов крон. Даже сама Лисбет не

подозревала, что ему это известно. Если не считать того случая, когда Микаэль, с согласия Лисбет, был вынужден рассказать Эрике Бергер о ее компьютерных талантах, он никогда никому не открывал этой тайны.

Блумквисту не хотелось верить в причастность Лисбет к убийству. Сам он был перед ней в неоплатном долгу. Она спасла ему не только жизнь, когда Мартин Вангер собирался убить его, но и его профессиональную карьеру, а может быть, и журнал «Миллениум», поднеся ему на блюде голову финансиста Ханса Веннерстрёма.

Подобное обязывает. Микаэль чувствовал себя преданным Лисбет Саландер. Виновна она или нет, он сделает все возможное, чтобы помочь ей, когда, рано или поздно, ее схватит полиция.

С другой стороны, Микаэль признавал, что ничего о ней не знает. Многословные психиатрические заключения, тот факт, что она принудительно была госпитализирована в одну из самых известных психиатрических лечебниц Швеции и что ее даже признали недееспособной, являлись весомыми признаками того, что с нею не все в порядке. Высказываниям Петера Телеборьяна, главного врача психиатрической клиники Святого Стефана в Уппсале, было уделено много места в печати. Из соображений врачебной этики он не высказывался конкретно о Лисбет Саландер, а много говорил о недостатках в лечении психически больных. Он считался признанным экспертом-психиатром не только в Швеции, но и в мире. Его высказывания были очень убедительны и проникнуты симпатией к жертвам и их семьям. Не вызывало сомнения, что он озабочен благополучием Лисбет Саландер.

Микаэль подумал, не связаться ли ему с Петером Телеборьяном и не заручиться ли как-то его помощью. Но потом отказался от этой идеи, решив, что Телеборьян еще будет иметь возможность помочь Лисбет Саландер, когда ее поймают.

Он пошел в кофейный уголок, налил себе кофе в кружку с логотипом партии умеренных и направился в кабинет Эрики Бергер.

– Я составил длинный список клиентов и сутенеров, с которыми надо поговорить, – начал он.

Эрика озабоченно кивнула.

– Потребуется одна-две недели, чтобы пройти по всему списку. Они сильно рассеяны, от Стренгнеса до Норрчёпинга. Мне нужна машина.

Она открыла сумочку и вынула ключи от своего «БМВ».

– Тебе это не доставит неудобств?

– Конечно, нет. Я часто езжу на метро, а если уж понадобится, возьму машину Грегера.

– Спасибо.

– С одним условием.

– Каким?

– Некоторые из этих типов – настоящие подонки. Если ты собираешься обвинять сутенеров в убийстве Дага и Миа, то я хочу, чтобы ты взял и всегда держал у себя в кармане куртки вот это.

Тут она положила на стол аэрозольный баллон со слезоточивым газом.

– Откуда это?

– Купила осенью в США. Не ходить же мне безоружной по ночам.

– Ну, мне мало не покажется, если я это использую, а потом попадусь за незаконное владение оружием.

– Лучше это, чем твой некролог, который мне придется писать. Микаэль… не знаю, понимаешь ли ты, как я иногда беспокоюсь за тебя.

– Ну что ты…

– Ты часто рискуешь и упрям, как осел, не желающий отступиться от своих глупостей.

Микаэль улыбнулся и подвинул баллончик обратно к Эрике.

– Спасибо за заботу, но мне это не нужно.

– Микке, я требую.

– Не беспокойся, я уже подготовился.

Сунув руку в карман, он что-то вытащил. Это был баллончик со слезоточивым газом, тот самый, что он нашел в сумке Лисбет Саландер и с тех пор держал при себе.

Бублански постучал в дверную раму открытого кабинета Сони Муберг, вошел и сел в кресло для посетителей у ее письменного стола.

– Ноутбук Дага Свенссона, – сказал он.

– Я тоже о нем думала, – отозвалась она, – и уже составила почасовую роспись последних суток в жизни Свенссона и Бергман. Там все еще остаются пробелы. Даг Свенссон в тот день не был в «Миллениуме», но много ездил по городу, а в четыре часа встретился со своим однокурсником. Это была чисто случайная встреча, и они посидели в кафе на Дроттнингатан. Приятель с уверенностью утверждает, что у Дага Свенссона был компьютер в рюкзаке. Он видел его и даже что-то сказал в связи с этим.

– В одиннадцать вечера, после убийства, компьютера в квартире не оказалось.

– Именно так.

– Какие отсюда выводы?

– Может, он был еще где-то и по какой-то причине оставил там компьютер.

– А велика ли вероятность этого?

– Мала. Но он мог отдать его в починку или на техобслуживание. А может быть, у него было еще одно место для работы, о котором мы не знаем. К примеру, раньше он арендовал письменный стол для внештатных корреспондентов в районе Санкт-Эриксплан.

– Допустим.

– Еще есть шанс, что компьютер унес убийца.

– Арманский говорил, что Саландер прекрасно владеет компьютерной премудростью.

– Ага, – кинула Соня Мудиг.

– М-м… Блумквист считает, что Даг Свенссон и Миа Бергман были убиты из-за расследования, над которым работал Свенссон, а значит, оно хранилось в его компьютере.

– Что-то мы запаздываем. Три убийства оставляют много нитей для исследования, и мы не успеваем со всеми ними. Даже еще не произвели обыск на рабочем месте Дага Свенссона в «Милленуиме».

– Сегодня утром я говорила с Эрикой Бергер. Она вообще-то удивлена, что мы у них еще не были и не просмотрели его бумаги.

– Мы слишком сконцентрировались на поимке Саландер, причем скорейшей, так что о мотиве всё еще ничего не знаем. Ты не мог бы…

– Я договорилась с Бергер посетить «Миллениум» завтра утром.

– Спасибо.

В четверг Микаэль сидел за письменным столом и разговаривал с Малин Эрикссон, когда в редакции раздался телефонный звонок. В дверной проем он видел, что Хенри Кортес сидит ближе к телефону, и потому не стал реагировать. Но тут его вдруг пронзила мысль, что звонил телефон на столе Дага Свенссона. Оборвав разговор, он вскочил на ноги и рявкнул:

– Стой, не трогай телефон!

Хенри Кортес только-только положил ладонь на телефонную трубку. Микаэль в несколько прыжков пересек комнату. «Вот черт, какое там было название?..» – мелькнуло у него в голове.

– «Индиго», исследования маркетинга. Говорит Микаэль. Чем могу помочь?

– Э-э… здравствуйте, меня зовут Гуннар Бьёрк. Я получил письмо с сообщением, что выиграл мобильный телефон.

– Поздравляю, – ответил Микаэль Блумквист. – Это «Сони Эрикссон»

последней модели.

– И он ничего не будет мне стоить?

– Ничего. Но чтобы получить подарок, вам надо ответить на ряд вопросов. Мы проводим маркетинговые исследования и углубленный анализ рынка для различных фирм. Интервью с вами займет примерно час. В случае вашего согласия уровень участия поднимается – разыгрывается сто тысяч крон.

– Ясно. А можно ответить на вопросы по телефону?

– К сожалению, нет. Во время интервью вы должны посмотреть на логотипы разных предприятий и опознать их. Нас будет интересовать, какой тип рекламных изображений вы находите более привлекательным, предложив вам несколько вариантов. Мы должны послать одного из наших сотрудников.

– Вот как… А почему был выбран именно я?

– Наши исследования проводятся два раза в год. На этот раз мы сосредоточили внимание на группе респектабельных мужчин вашей возрастной категории. А затем наугад выбрали идентификационные номера.

В конце концов Гуннар Бьёрк дал согласие на посещение сотрудника фирмы «Индиго». Он рассказал, что находится на больничном, поэтому отдыхает на даче в Смодаларё, и пояснил, как туда добраться. Было решено встретиться в пятницу утром.

– Ура! – радостно завопил Микаэль, положив трубку и вскинув сжатый кулак.

Малин Эрикссон и Хенри Кортес недоуменно переглянулись.

Паоло Роберто приземлился в Арланде в четверг в половине двенадцатого. Большую часть перелета из Нью-Йорка он проспал и на этот раз не почувствовал смены часовых поясов.

За месяц, проведенный в США, он успел обсудить проблемы бокса, походить на показательные матчи, а главное, обсудить формат телевизионной передачи, которую хотел запустить на «Стрикс телевижн». Он с грустью сознавал, что с профессиональной карьерой покончено и что решение об этом было принято как после деликатных уговоров семьи, так и попросту из-за возраста. Что тут еще можно было поделать, кроме как поддерживать себя в форме, интенсивно тренируясь по меньшей мере раз в неделю? Паоло Роберто оставался крупной фигурой в мире бокса и собирался так или иначе оставаться в спорте до конца своих дней.

Он взял свою сумку с багажного транспортера и пошел на выход.

На таможенном контроле его остановили для выборочного досмотра, но один из таможенников узнал его.

– Надо же, Паоло! Надеюсь, кроме боксерских перчаток, в сумке ничего нет?

Паоло Роберто подтвердил, что никакой контрабанды не везет, и был пропущен в королевство Швеция.

Он вышел из зала прибытия и направился к эскалатору, ведущему к арландскому экспрессу, но вдруг остановился, увидев на первых станицах газет фотографию Лисбет Саландер. Сначала он не понял, что было перед его глазами, и подумал, что разница во времени все же сказывается. Затем прочитал заголовок еще раз:

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ЛИСБЕТ САЛАНДЕР

Переведя взгляд на другую газету, он увидел:

РАЗЫСКИВАЕТСЯ НЕВИДАННАЯ ПСИХОПАТКА, УБИЙЦА ТРОИХ ЧЕЛОВЕК

Неуверенной походкой он направился в киоск «Пресс-бюро» и купил как вечерние, так и утренние газеты, а потом пошел в кафе и стал читать с нарастающим изумлением.

Микаэль Блумквист пришел с работы домой на Беллмансгатан в одиннадцать вечера усталым и подавленным. Он думал пораньше лечь спать и хоть немного сбросить накопившийся недосып, но не удержался и включил ноутбук, чтобы проверить электронную почту.

Там не было ничего заслуживающего интереса, но на всякий случай он открыл папку «Лисбет Саландер». Пульс его мгновенно подскочил, едва он увидел новый документ «МБ2». Щелкнув мышкой два раза, он прочел:

> Прокурор Э. сливает информацию журналистам. Спроси его, почему он ничего не говорит о старом расследовании.

Микаэль удивленно уставился на это загадочное послание, пытаясь его понять. Что она имеет в виду? Какое старое расследование? Он не мог понять, что у нее на уме. Чертова заговорщица! С какой стати нужно

посылать ребусы вместо нормального текста? Вскоре он создал новый документ, назвав его «Шифровка».

> Привет, Салли. Я полностью вымотан, работая не переставая со времени убийства. Мне совершенно не интересна игра «Угадайка». Может быть, тебе на все наплевать или ты не воспринимаешь положения всерьез, но я хочу знать, кто убил моих друзей.

Он подождал, сидя у экрана. Ответ «Шифровка» пришел через минуту.

> Что ты будешь делать, если это я?

Он ответил «Шифровкой 3»:

> Лисбет, если у тебя совсем крыша потекла, помочь тебе, наверное, сможет только Петер Телеборьян. Но я не верю, что это ты убила Дага и Мию. Надеюсь и молюсь о том, чтобы мое предчувствие оказалось верным.
>
> Даг и Миа собирались разоблачить мафию в торговле сексом. Моя гипотеза в том, что это каким-то образом послужило мотивом их убийства. Но у меня нет доказательств.
>
> Не знаю, с чего ты встала на дыбы против меня, но я помню, как мы как-то раз говорили о дружбе. Я сказал тогда, что дружба основывается на двух принципах: уважении и доверии. Даже если я тебе противен, ты можешь доверять мне и полагаться на меня. Я твоих секретов никогда не выдавал, даже того, что произошло с миллиардами Веннерстрёма. Верь мне – я тебе не враг.
>
> *М.*

Ответа не было так долго, что Микаэль уже потерял надежду, но по прошествии пятидесяти минут на экране вдруг появилась «Шифровка 4»:

> Я подумаю.

Микаэль перевел дух; он вдруг почувствовал, как забрезжил луч надежды. Ответ означал буквально то, что в нем было написано. Она подумает. Впервые со времени исчезновения из его жизни Лисбет хоть как-то общалась с ним. Сказав, что подумает, она тем самым допускала, что

захочет с ним говорить. Он написал следующее послание «Шифровка 5»:

Ладно. Я жду, но не тяни слишком долго.

Инспектору криминальной полиции Хансу Фасте позвонили на мобильник в пятницу утром, когда он ехал в машине по Лонхольмсгатан возле моста Вестербун по дороге на работу. У полиции не было средств обеспечить круглосуточное наблюдение за квартирой на Лундагатан, и поэтому условились, что за ней будет присматривать сосед, бывший полицейский.

– Китаянка появилась, только что вошла в подъезд, – доложил сосед.

Лучшего места, чем то, где сейчас находился Ханс Фасте, трудно было себе представить. Сделав запрещенный поворот у автобусной остановки по Хеленеборгсгатан, прямо перед мостом Вестербрун, он выехал на Хёгалидсгатан, а оттуда – на Лундагатан. Всего две минуты спустя после телефонного звонка он уже припарковался, перебежал дорогу и вошел в подъезд через пристройку.

Мириам Ву все еще стояла у двери в квартиру и удивленно смотрела на просверленный замок и полоски клейкой ленты поверх двери, когда услышала шаги на лестнице. Она обернулась и увидела крепко сбитого, спортивного вида мужчину, пристально уставившегося на нее. Почувствовав угрозу, девушка бросила сумку на пол и приготовилась занять стойку для тайского бокса, если возникнет необходимость.

– Вы Мириам Ву? – спросил Ханс и, к ее немалому удивлению, раскрыл полицейское удостоверение.

– Да, – ответила она. – А в чем дело?

– Где вы были последнюю неделю?

– Уезжала. А что такое случилось? Ограбление?

Фасте не спускал с нее взгляда.

– Я должен просить вас проехать со мной в полицейское отделение в Кунгсхольмене, – произнес он и опустил руку на ее плечо.

В комнате для допросов уже сидели Бублански и Мудиг, когда туда вошла порядком сердитая Мириам Ву в сопровождении Фасте.

– Садитесь, пожалуйста. Меня зовут инспектор криминальной полиции Ян Бублански, а это моя коллега Соня Мудиг. Сожалею, что пришлось доставить вас таким образом, но у нас есть ряд вопросов, на которые нам необходимо получить ответ.

– Вот как? А почему? Вот он был не слишком разговорчив. – Мимми

показала пальцем на Фасте.

– Мы искали вас больше недели. Вы можете объяснить, где находились?

– Конечно могу, но не испытываю желания делать это и вообще не считаю, что вас это касается.

Бублански удивленно вскинул брови.

– Прихожу домой, обнаруживаю свою дверь взломанной и заклеенной полицейской лентой, а потом напичканный анаболиками мужлан тащит меня сюда… Может, мне что-то объяснят?

– Значит, не нравятся мужики? – спросил Ханс Фасте.

Мириам Ву вытаращила на него глаза, а Бублански и Мудиг строго взглянули в его сторону.

– Означает ли это, что вы всю неделю не читали газет? Вы были за границей?

Мириам Ву была сбита с толку и почувствовала себя менее уверенно.

– Нет, газет я вообще не читала. Я ездила на две недели в Париж повидаться с родителями. Я прямо с Центрального вокзала.

– Ездили поездом?

– Летать самолетом я не люблю.

– И вы не видели заголовок первых страниц сегодняшних шведских газет?

– Я сошла с ночного поезда и поехала домой на метро.

Констебль Бублански задумался. Первые страницы сегодняшних утренних газет не содержали ничего о Саландер. Он встал, вышел из комнаты и вернулся с воскресным номером газеты «Афтонбладет», на первой странице которого во весь лист была напечатана паспортная фотография Лисбет.

Мириам Ву чуть кондрашка не хватила.

Следуя дорожным указаниям Гуннара Бьёрка, Микаэль Блумквист доехал до Смодаларё. Припарковавшись, он отметил, что «дачка» представляла собой современную виллу, пригодную для обитания круглый год с видом на Юнгфрюфьерден. К дому вела дорожка, посыпанная гравием. На звонок открыл шестидесятидвухлетний Гуннар Бьёрк, весьма похожий на паспортную фотографию, добытую Дагом Свенссоном.

– Здравствуйте, – сказал Микаэль.

– Ага! Нашли дорогу?

– Без проблем.

– Заходите. Мы сядем на кухне.

– Хорошо.

Гуннар Бьёрк казался вполне здоровым человеком, он лишь немного прихрамывал.

– Я на больничном, – пояснил он.

– Надеюсь, ничего серьезного.

– Я стою в очереди на операцию на мениске. Хотите кофе?

– Нет, спасибо, – ответил Микаэль, сел на кухонный стул, открыл сумку и достал папку. Бьёрк сел напротив него.

– Ваше лицо мне чем-то знакомо. Мы не встречались?

– Нет.

– Но лицо очень знакомое.

– Может быть, вы видели меня в газетах.

– Как, вы сказали, вас зовут?

– Микаэль Блумквист. Я журналист и работаю в журнале «Миллениум».

Гуннар Бьёрк опешил, а потом вспомнил: Калле Блумквист. Дело Веннерстрёма. Но он еще не догадывался о последствиях.

– «Миллениум»… А я и не знал, что вы занимаетесь маркетинговыми исследованиями.

– Иногда. В виде исключения. Я хочу, чтобы вы взглянули на три фотографии и решили, какая модель кажется вам наилучшей.

Микаэль положил на стол отпечатанные фотографии. Одна была скачана с порносайта в Интернете, а две другие – увеличенные паспортные фотографии.

Внезапно Гуннар Бьёрк побледнел.

– Не понял.

– Неужели? Вот это – Лидия Комарова, шестнадцати лет, из Минска. А рядом – Мьянг Со Чин, известная также как Йо-Йо, из Таиланда. Ей двадцать пять. Ну и, наконец, Елена Барасова, из Таллинна, девятнадцати лет. Вы оплатили сексуальные услуги всех троих, и меня интересует, которая понравилась вам больше всех. Отнеситесь к этому как к маркетинговому исследованию.

Бублански недоверчиво смотрел на Мириам Ву, отвечавшей ему презрительным взглядом.

– Подводя итог, можно сказать следующее. Вы утверждаете, что знакомы с Лисбет Саландер около трех лет. Этой весной она, не взяв с вас ни кроны, вписала вас в контракт как совладелицу и куда-то съехала. Время от времени, когда она появляется, вы занимаетесь с ней сексом, но не

знаете, где она живет, чем занимается и на что существует. Я что, должен этому верить?

– Плевала я, верите вы или нет. Ничего противозаконного я не совершала, а как я живу и с кем занимаюсь сексом, не касается ни вас, ни кого-либо еще.

Бублански вздохнул. Услышав утром, что Мириам Ву неожиданно объявилась, он испытал большое облегчение. «Ну, наконец-то прорыв», – подумал он. Однако рассказанное ею ничего не проясняло. Все было весьма странно. К тому же, как бы там ни было, инспектор верил Мириам Ву. На вопросы она отвечала четко и не колеблясь, без запинки называла место и время встреч с Саландер и столь подробно описала, как вышло, что она переехала на Лундагатан, что и Бублански, и Мудиг сделали вывод, что эта странная история – не что иное, как правда.

Ханс Фасте прислушивался к допросу Мириам Ву со все возрастающим раздражением, но, не желая сглупить, молчал. Он считал, что Бублански пасовал перед «китаёзой», державшейся нагло и слишком много болтавшей, чтобы избежать четкого ответа на единственно важный поставленный вопрос, а именно, в какой чёртовой тьмутаракани прячется Лисбет Саландер.

Но Мириам Ву не знала, где сейчас находится Саландер. Она не знала, где она работает, никогда не слыхала о «Милтон секьюрити», никогда не слыхала о Даге Свенссоне или Миа Бергман и вообще не могла ответить ни на один из существенных вопросов. Она понятия не имела о том, что у Саландер был опекун и что в подростковом возрасте ее помещали на принудительное лечение в больницу, что о ней написаны пространные психиатрические заключения.

Однако она подтвердила, что они с Лисбет были в «Мельнице» и целовались, а потом пошли на Лундагатан и расстались рано утром на следующий день. Несколькими днями позже Мириам Ву отправилась на поезде в Париж и пропустила все кричащие заголовки в шведских газетах. Единственный раз после вечера в «Мельнике» она видела Саландер, когда та заскочила взять ключи от машины.

– Ключи от машины? – удивился Бублански. – Но ведь у Саландер нет машины.

Мириам Ву объяснила, что подруга купила винно-красную «Хонду» и припарковала ее на улице перед домом. Бублански поднялся, взглянув на Соню Мудиг.

– Можешь заменить меня? – спросил он, выходя из комнаты.

Пришлось ему поискать Еркера Хольмберга и затем попросить о

техническом анализе винно-красной «Хонды». Он нуждался в одиночестве и возможности спокойно подумать.

Гуннар Бьёрк, находящийся на больничном, по должности замначальника отдела по делам иностранцев тайной полиции, сидел бледный, как покойник, в кухне с красивейшим видом на Юнгфруфьёрд. Микаэль скользил по нему терпеливым взглядом. На данный момент он был убежден в том, что Бьёрк не имел никакого отношения к убийству в Эншеде. Даг Свенссон не успел встретиться с ним лично, и поэтому Бьёрк понятия не имел, что его имя и фотография должны были вот-вот появиться в обличительном репортаже о потребителях секс-услуг.

Одну существенную деталь от Бьёрка он все же узнал. Оказалось, что тот лично знаком с адвокатом Нильсом Бьюрманом. Они виделись в стрелковом полицейском клубе, куда Бьёрк входил уже на протяжении двадцати восьми лет. Какое-то время он даже состоял в правлении клуба вместе с Бьюрманом. Знакомство было весьма поверхностным, но несколько раз они встречались в нерабочее время и вместе ужинали.

Нет, он не видел Бьюрмана уже несколько месяцев. Если ему не изменяет память, последний раз они виделись в конце прошлого лета. Тогда они взяли по пиву в кафе под открытым небом. Он сожалел, что Бьюрмана убила та психопатка, но на похороны идти не собирался.

Микаэль упорно думал над этим совпадением, но о чем еще спросить, не знал. Бьюрман, должно быть, был знаком с сотнями людей, с которыми сталкивался в рамках профессии, союзов или клубов. То, что ему довелось быть знакомым с человеком, фигурировавшим в материалах Дага Свенссона, не было невероятным или статистически недостоверным. Даже у самого Микаэля был дальний знакомый журналист, попавший в исследование Дага Свенссона.

Пора было заканчивать. Бьёрк прошел через все ожидаемые фразы: сначала все полностью отрицал, затем, когда Микаэль показал ему часть документированного материала, обозлился, перешел к угрозам, попыткам дать взятку и, наконец, к мольбам. Все это Микаэль игнорировал.

– Неужели вы не понимаете, что покалечите всю мою жизнь, если опубликуете это? – спросил под конец Бьёрк.

– Понимаю.

– И все равно сделаете это?

– Конечно.

– Зачем? Неужели вам не свойственно сочувствие? Ведь я же болен.

– Странно, что теперь вы апеллируете к сочувствию.

– Что вам стоит проявить человечность?

– Вот именно! Вот вы хнычете, что я собираюсь покалечить вам жизнь, а сами не задумываясь калечили жизни молоденьких девушек, совершали преступления… Три таких случая мы можем подтвердить документально. А сколько еще их было, один бог знает. Где тогда была ваша человечность? – Он поднялся со стула, собрал свои материалы и убрал в сумку. – Дорогу я сам найду.

Уже по дороге на выход Микаэль остановился и вновь повернулся к Бьёрку.

– Вы слышали когда-нибудь о человеке по имени Зала? – спросил он.

Бьёрк смотрел на него, не отрывая взгляда. Он все еще был в шоке и почти не слышал слов Микаэля. Имя Зала ему ничего не говорило. Но вдруг глаза его расширились.

Зала!

Не может быть!

Бьюрман.

Возможно ли это?

Микаэль заметил, как изменилось выражение лица Бьёрка, и сделал шаг обратно в кухню.

– Почему вы спросили про Залу? – пробормотал потрясенный Бьёрк.

– Потому что он меня интересует, – ответил Микаэль.

В кухне воцарилось напряженное молчание. Микаэль чуть ли не ощущал, как мысли роятся в голове у Бьёрка. Наконец тот подвинул к себе пачку сигарет, лежавшую на подоконнике. Это была первая, которую он собирался закурить с момента появления Блумквиста.

– А если я знаю что-то о Зале… какова будет этому цена?

– Это зависит от того, что вы знаете.

Бьёрк раздумывал. Множество чувств и мыслей одолевали его.

«Откуда, черт возьми, Микаэль Блумквист мог что-то узнать о Залаченко?» – думал он.

– Давненько мне не доводилось слышать это имя, – произнес он наконец.

– Так вы знаете, кто он такой? – спросил Микаэль.

– Я этого не говорил. А что вам нужно?

Поколебавшись, Блумквист сказал:

– Это одно из имен, попавших в список Дага Свенссона. Он его откопал.

– Как вы готовы мне заплатить?

– Заплатить за что?

– За то, что я выведу вас на Залу… Вы готовы тогда забыть обо мне в своем репортаже?

Микаэль опустился на стул. После того что произошло в Хедестаде, он решил, что никогда в жизни не будет вступать в торг из-за журналистского материала. Не собирался он торговаться и с Бьёрком – что бы ни случилось, Микаэль был готов вывести его на чистую воду. Однако он считал, что без зазрения совести может вести двойную игру и заключить сделку с Бьёрком. Совесть его не мучила. Бьёрк совершил преступление и при этом был полицейским. Если он знает имя возможного убийцы, то его долг вмешаться, а не использовать информацию как предмет купли-продажи для своей выгоды. Итак, пусть Бьёрк надеется себе, что выйдет сухим из воды, заложив другого преступника. Микаэль сунул руку в карман пиджака и включил магнитофон, который выключил, вставая из-за стола.

– Рассказывайте, – распорядился он.

Соня Мудиг была вне себя от злости на Ханса Фасте, но не выдала этого выражением лица. Продолжение допроса Мириам Ву после ухода Бублански из комнаты было совершенно беспорядочным, а Фасте полностью игнорировал ее сердитые взгляды.

Мудиг просто поразилась. Хотя ей и был неприятен мачизм Ханса Фасте, она считала его опытным полицейским. Но сегодня никаким опытом и не пахло. Он явно чувствовал себя не в своей тарелке рядом с красивой, умной женщиной, открыто высказывающейся о своих лесбийских наклонностях. Не вызывало сомнения и то, что Мириам Ву чувствовала его раздражение и безжалостно уязвляла его.

– Значит, нашли вы в моем комоде искусственный член. И о чем начали фантазировать? – с ухмылкой полюбопытствовала Мириам Ву.

У Фасте был такой вид, будто он вот-вот лопнет от злости.

– Хватит трепаться. Отвечайте на вопрос! – рявкнул он.

– Вы спросили, пользовалась ли я им в наших играх с Лисбет Саландер. И вот мой ответ: не ваше собачье дело.

Соня Мудиг подняла руку.

– Допрос Мириам Ву прерван в одиннадцать часов двенадцать минут. – Она выключила микрофон. – Пожалуйста, посидите, Мириам. Фасте, можно тебя на пару слов?

Мириам Ву одарила Фасте нежнейшей улыбкой в ответ на злобный взгляд, который он бросил на нее, выходя в коридор. Соня резко обернулась и оказалась носом к носу с Хансом.

– Бублански поручил мне вести допрос вместо него. А от тебя

никакого прока.

– А чё, если эта чёртова шлюха скользкая, как угорь?

– А что, в этом сравнении есть фрейдистский намек?

– Чего?

– Ладно, забудь. Пойди поищи Курта Свенссона, сыграй с ним в крестики-нолики, или спустись в подвал, постреляй из пистолета в клубе, или займись еще чем-нибудь. Только держись подальше от этого допроса.

– Чего это ты на меня взъелась, Соня?

– Ты губишь мне весь допрос.

– А ты что, тащишься от нее и потому хочешь допрашивать ее наедине?

Соня даже не успела отдать себе отчет в том, что делает, как рука ее поднялась и влепила пощечину Хансу Фасте. В тот же момент она пожалела о сделанном, но было уже поздно. Оглянувшись, она поняла, что в коридоре, слава богу, свидетелей не оказалось.

Ханс Фасте выглядел сначала недоуменно, затем злобно ухмыльнулся, накинул куртку на плечо и ушел. Еще мгновение, и Соня Мудиг окликнула бы его и извинилась, но она передумала и промолчала. Постояв минуту, стараясь успокоиться, пошла к автомату, прихватила две чашки кофе и вернулась к Мириам Ву.

Они немного помолчали. Наконец Мудиг посмотрела на Мириам.

– Извините. Это был, наверное, самый неудачный допрос за всю историю этого полицейского отделения.

– Да, с таким парнем на работе не соскучишься. Не удивлюсь, если он гетеросексуал, разведен и в кофейной комнате не прочь отпустить шуточку о «голубых».

– Он… пережиток… не знаю чего. Вот всё, что я могу сказать.

– А вы – нет?

– Я, во всяком случае, не страдаю гомофобией.

– Ладно.

– Мириам, я и мы все тут работаем круглосуточно уже десять дней. Мы устали и раздражены, пытаясь расследовать чудовищное двойное убийство в Эншеде и столь же мрачное убийство в районе Уденплана. Ваша приятельница каким-то образом имеет отношение к обоим местам преступления. Об этом свидетельствует техническая экспертиза, и поэтому она объявлена в розыск. Вы должны понять, что нам надо во что бы то ни стало найти ее, пока она не нанесла вред другим, а может быть, и себе.

– Я знаю Лисбет Саландер… и не могу поверить, что она кого-то убила.

– Не можете или не хотите поверить? Мириам, мы не объявляем национальный розыск, не имея на то серьезных оснований. Но все же могу сказать, что мой шеф, инспектор криминальной полиции Бублански, тоже не на сто процентов убежден, что виновата она. Мы рассматриваем версию, что у нее был сообщник или что она каким-то образом оказалась втянута в те события. Но мы должны ее отыскать. Вы думаете, Мириам, что она невиновна; ну а если вы ошибаетесь? Вы сами сказали, что не так уж много знаете о Лисбет Саландер.

– Просто не знаю, что и думать.

– Помогите нам докопаться до правды.

– А я задержана за что-то?

– Нет.

– Значит, я могу уйти, когда захочу?

– Формально – да.

– А неформально?

– С вами все еще связано много вопросов.

Мириам задумалась над этими словами.

– Ладно. Задавайте их. Если они будут не ко мне, не стану отвечать.

Соня Мудиг снова включила магнитофон.

Глава 20

Пятница, 1 апреля – воскресенье, 3 апреля

Мириам Ву еще час отвечала на вопросы Сони Мудиг. Под конец допроса появился Бублански, молча сел и стал слушать, не говоря ни слова. Мириам Ву вежливо кивнула ему, продолжая разговаривать с Соней.

Под конец Мудиг взглянула на Бублански и спросила, есть ли у него вопросы. Тот покачал головой.

– Тогда я объявляю допрос Мириам Ву законченным. Сейчас тринадцать часов девять минут.

Соня выключила микрофон.

– Мне кажется, что у вас с инспектором Фасте возникло какое-то недопонимание. Это верно? – спросил Бублански.

– Он не мог сосредоточиться, – хладнокровно заметила Соня Мудиг.

– Он просто дурак, – сообщила Мириам Ву.

– У инспектора Фасте вообще-то много профессиональных достоинств, но для допроса молодой женщины он не самая лучшая кандидатура из наших работников, – пояснил Бублански, глядя прямо в глаза Мириам Ву. – Не надо было мне поручать ему это дело. Прошу прощения.

Мириам изумленно глядела на него.

– Принимаю ваши извинения. Я и сама была с вами не слишком дружелюбна вначале.

Бублански только отмахнулся.

– Не возражаете, если я вас еще о чем-то спрошу под конец, с выключенным микрофоном?

– Пожалуйста.

– Чем больше я слышу о Лисбет Саландер, тем больше недоумеваю. Портрет, который создается со слов знающих ее людей, никак не согласуется с тем, что вырисовывается из бумаг социального ведомства и судебно-медицинских заключений.

– Да?

– Не могли бы вы ответить мне начистоту?

– Ладно.

– Психиатрическая экспертиза, проведенная, когда Лисбет Саландер исполнилось восемнадцать лет, утверждает, что она умственно отсталая и ее рассудок неполноценен.

– Бред! Лисбет, может быть, поумнее нас с вами.

– Она не закончила школу, и у нее нет табеля с оценками даже по чтению и письму.

– Лисбет Саландер читает и пишет намного лучше, чем я. А еще она любит сидеть и выводить математические формулы. Из алгебры. А я и понятия не имею, с чем ее едят, эту алгебру.

– Математические формулы?

– Это у нее хобби.

Бублански и Мудиг приумолкли.

– Хобби? – еще раз переспросил инспектор.

– Какие-то уравнения. Я даже не знаю, что обозначают те значки.

Бублански вздохнул.

– Работник социальной службы написал заключение после того, как ее задержали в Тантолундине в обществе пожилого мужчины, когда ей было семнадцать. Там дается понять, что она зарабатывала проституцией.

– Лисбет – проститутка? Бред собачий. Не знаю, где она работает сейчас, но нисколько не удивилась, когда узнала, что она работала на «Милтон секьюрити».

– А чем она зарабатывает? На что живет?

– Не знаю.

– Она лесбиянка?

– Нет. Мы занимались сексом, но это не значит, что она лесбиянка. Мне кажется, она и сама не знает, к кому у нее склонность. Я бы предположила, что она бисексуальна.

– А то, что вы пользовались наручниками и всяким таким… не значит ли, что у Лисбет Саландер садистские наклонности? Как на ваш взгляд?

– Мне кажется, в этом деле у вас недопонимание. Наручники используются при ролевой игре и не имеют отношения к садизму, насилию или агрессии. Это просто игра.

– А она когда-нибудь проявляла насилие по отношению к вам?

– Куда там. Это скорее у меня доминирующая роль в наших играх.

И Мириам Ву мило улыбнулась.

Собрание, проведенное в три часа дня, выявило первые серьезные разногласия в расследовании. Бублански подвел краткий итог достигнутого до сих пор, а затем заявил, что чувствует необходимость в расширении рамок следствия.

– С первого же дня мы сконцентрировали все усилия на поисках Лисбет Саландер. Подозрения к ней в высшей степени серьезны по

объективным причинам, но наше представление о ней встает в серьезное противоречие с тем, что говорят о ней знающие ее лица. Ни Арманский, ни Блумквист, ни Мириам Ву не признают, что она может быть психически больной убийцей. Поэтому я хочу, чтобы мы несколько расширили границы своих представлений и начали размышлять о двух совершенно разных преступниках или о возможности, что у Саландер был сообщник или что она лишь присутствовала при убийствах.

Предположение Бублански вызвало бурные дебаты, в которых непримиримыми оппонентами инспектора выступили Ханс Фасте и Сонни Боман из «Милтон секьюрити». Оба апеллировали к тому, что самое простое объяснение чаще всего оказывается правильным и что гипотеза об альтернативном подозреваемом попахивает конспирологией.

– Может быть, Саландер и не была одна в этом деле, но у нас нет абсолютно никаких следов соучастника.

– Можно, конечно, пойти по «полицейскому следу» Блумквиста, – кисло предложил Ханс Фасте.

Единственным, кто поддержал Бублански в этих дебатах, была Соня Мудиг. Курт Свенссон и Еркер довольствовались краткими замечаниями, а Никлас Эрикссон из «Милтон» молчал как рыба во время всей дискуссии. Наконец поднял руку прокурор Экстрём.

– Бублански, я правильно вас понял, что вы не собираетесь исключать Саландер из числа подозреваемых?

– Конечно нет. У нас же есть отпечатки ее пальцев. Но до сегодняшнего дня мы только и делали, что искали ее мотив, да так ничего и не придумали. Теперь я хочу, чтобы мы начали думать и в других направлениях. Может быть, было замечено несколько лиц? Может, как оно ни странно, это имеет отношение к книге о секс-торговле, которую писал Даг Свенссон? Блумквист прав, что несколько лиц в книге могли бы иметь мотив для убийства.

– И что вы хотите сделать? – спросил Экстрём.

– Хочу, чтобы два человека начали поиски других возможных убийц. Пусть этим займутся Соня и Никлас.

– Я? – удивленно переспросил Никлас Эрикссон.

Бублански решил, что тот подходит как самый молодой из группы и, возможно, самый способный к нестандартному мышлению.

– Ты будешь работать с Мудиг. Посмотрите снова всё, что имеется в нашем распоряжении, и попробуйте поискать что-то, что мы пропустили. Фасте, Курт Свенссон и Боман будут продолжать поиски Саландер. Это – главная задача.

– А что делать мне? – спросил Еркер Хольмберг.

– Занимайся адвокатом Бьюрманом. Еще раз осмотри его квартиру. Посмотри, не пропустили ли мы чего-то. Вопросы есть?

Вопросов не было.

– И еще. Мы не будем оповещать, что появилась Мириам Ву. Может быть, она еще что-нибудь сможет рассказать, а я не хочу, чтобы в нее вцепились журналисты.

Прокурор Экстрём объявил решение, что они все будут работать согласно плану Бублански.

– Что ж, – сказал Никлас Эрикссон, взглянув на Соню Мудиг, – раз ты из полиции, решай, что мы должны делать.

Они стояли в коридоре у конференц-зала.

– Мне кажется, надо еще раз переговорить с Микаэлем Блумквистом, – ответила она. – Но сначала я должна кое-что обсудить с Бублански. Сегодня у нас пятница, скоро конец рабочего дня. В субботу и воскресенье я выходная, так что приступим к работе в понедельник. Подумай в выходные над материалом расследования.

Попрощавшись, Соня пошла к Бублански, который в этот момент прощался с прокурором Экстрёмом.

– Можно к вам на минутку?

– Садись.

– Я так обозлилась на Фасте, что была просто вне себя.

– Он сказал, что ты его ударила. Я так понял, что у вас что-то случилось, потому и пришел к вам с Ву извиниться.

– Он утверждал, что я хочу остаться наедине с Мириам Ву, потому что «тащусь» от нее.

– Я думаю, что не слышал этого, но могу классифицировать это как оскорбление сексуальными домогательствами. Будешь писать заявление?

– Нет, он уже получил от меня плюху, с него достаточно.

– Ладно. Я рассматриваю это как провокацию с его стороны.

– А то как же!

– У Ханса Фасте трудности с сильными женщинами.

– Это заметно.

– А ты женщина сильная и отменный полицейский.

– Спасибо.

– Но лучше бы тебе не распускать руки с коллегами.

– Это больше не повторится. Я пока что не успела просмотреть письменный стол Дага Свенссона в «Миллениуме».

– С этим мы и так затянули. Иди лучше домой, отдохни, а в

понедельник мы займемся этим с новыми силами.

Николас Эрикссон остановился у Центрального вокзала и выпил кофе в «Джордже». Теперь он совсем пал духом. Всю неделю он только и надеялся, что Лисбет Саландер не сегодня завтра схватят. Окажи она сопротивление при задержании, глядишь, все могло бы кончиться тем, что какой-нибудь ретивый полицейский ее застрелил бы.

Это был предел его мечтаний.

Но Саландер все еще на свободе. Мало того, Бублански начал говорить об альтернативных преступлениях. Хорошего в таком развитии событий мало.

Сначала не повезло оказаться под началом у Сонни Бомана, самого большого зануды во всем «Милтоне», лишенного какой-либо фантазии, а теперь командовать им будет Соня Мудиг. Пожалуй, она больше всех сомневалась, что убийца – Саландер. Возможно, и Бублански от нее этим зарядился. «Интересно, Констебль Бубла дрючит эту чертову куклу? Меня бы это не удивило. Он же просто бобиком перед нею скачет. Из всей следственной группы у одного Фасте хватает пороху говорить то, что он думает», – мелькало у него в голове.

Утром они с Боманом съездили на короткое совещание с Арманским и Фрэклундом в «Мильтоне». Поиски шли уже неделю и не принесли никаких результатов, и Арманский был раздосадован тем, что никаких объяснений убийствам, похоже, не найдено. Фрэклунд предложил хорошенько подумать, нужно ли «Милтон секьюрити» и дальше участвовать в расследовании – у Бомана и Эрикссона могли бы быть и другие задания вместо бесплатной помощи полиции.

Подумав минуту, Арманский решил: пусть Боман и Эрикссон продолжат действовать одну неделю. Если и она окажется безрезультатной, задание полностью прекращается.

Значит, у Никласа Эрикссона оставалась еще неделя, прежде чем доступ к расследованию для него будет закрыт. Он не знал, чем бы теперь заняться.

Через минуту он достал мобильник и позвонил Тони Скала, внештатному журналисту, обычно поставлявшему всякую белиберду в мужской журнал, которого Никлас пару раз встречал. Эрикссон поздоровался и сказал, что располагает информацией о расследовании убийств в Эншеде, пояснив, как случилось, что он внезапно оказался в центре одного из самых напряженных полицейских расследований последних лет. Скала, как и ожидалось, тут же клюнул, потому что мог

воспользоваться случаем и продать сенсационный материал в какую-нибудь крупную газету. Они условились встретиться за чашкой кофе через час в кафе «Авеню» на Кунгсгатан.

Главной внешней особенностью Тони Скала была невероятная тучность.

– Ты можешь получить от меня информацию, если выполнишь два условия.

– Валяй, начинай.

– Прежде всего, в тексте не должно быть упоминаний о «Милтон секьюрити». В расследовании мы на роли консультантов, и если «Милтон» будет упомянут, могут заподозрить, что это я слил информацию.

– Вообще-то, это тоже новость, что Саландер работала на «Милтон».

– Ну, уборщицей или кем-то в таком роде, – отмахнулся Эрикссон. – Никакая это не новость.

– Дальше.

– Второе условие в том, что своим текстом ты должен создать впечатление, что источник информации – женщина.

– А это зачем?

– Чтобы увести подозрения от меня.

– Ладно. А что у тебя есть рассказать?

– Только что объявилась одна лесбиянка – подружка Саландер.

– Ух ты! Та, что прописана на Лундагатан и которая столько времени пропадала?

– Да, Мириам Ву. Ну как, сто́ит это чего-нибудь?

– А то! И где она пропадала?

– За границей, и утверждает, что об убийстве вообще ничего не слышала.

– А она входит в число подозреваемых?

– В настоящее время – нет. Сегодня она была на допросе, ее отпустили три часа назад.

– Вот как… А ты ей веришь?

– Врет, как сивый мерин. Что-то она знает.

– Ладно.

– Поройся в ее прошлом. Она и Саландер занимались садомазохистским сексом.

– А это точно?

– На допросе она сама призналась. А при обыске в ее квартире мы нашли наручники, кожаную амуницию, плетку и другие прибамбасы.

Плетка была небольшим преувеличением, даже, можно сказать,

ложью, но китаеза наверняка и с плетками поигрывала.

– Ты не шутишь? – спросил Тони Скала.

Паоло Роберто был в числе последних посетителей библиотеки, когда та закрывалась. Всю вторую половину дня он просидел, изучая от первой до последней строчки все, что было написано об охоте за Лисбет Саландер.

Павший духом и растерянный, Паоло Роберто шел по Свеавеген. Голод привел его в «Макдоналдс», где он заказал гамбургер и уселся в углу.

Лисбет Саландер – убийца трех человек? Это не укладывалось в голове. Уж никак не эта маленькая, щуплая, странная девчонка. Весь вопрос в том, должен ли он что-то предпринять в связи с этим. И что именно.

Мириам Ву добралась до квартиры на Лундагатан на такси. Глазам ее предстал разгром, учиненный в ее недавно отремонтированной квартире. Посудные шкафы, гардеробы, коробки и ящики комодов были полностью опустошены, а их содержимое рассортировано. По всей квартире оставались следы порошка, применяемого для снятия отпечатков пальцев. Ее интимные сексуальные игрушки горой лежали на кровати. Насколько можно было предположить, ничего не пропало.

Прежде всего Мириам позвонила в дежурную мастерскую по замкам в Сёдермальме и заказала новый замок. Рабочие обещали прийти через час.

Она включила кофеварку и покачала головой.

«Лисбет, Лисбет, во что тебя угораздило влипнуть?» – подумала она.

Достав мобильник, Мириам набрала номер Лисбет, но услышала лишь, что абонент недоступен. Она долго сидела за кухонным столом и все пыталась посмотреть в лицо реальности. Та Лисбет Саландер, которую она знала, не была психом и убийцей, но, с другой стороны, Мириам не слишком хорошо ее знала. В кровати Лисбет была, конечно, страстной, но иногда, в зависимости от настроения, могла быть холодной, как рыба.

Мириам решила не делать никаких выводов, пока не встретит Лисбет и не получит от нее разъяснения. Почувствовав, как подступают слезы, она решила заняться уборкой, и на это у нее ушло несколько часов.

К семи часам вечера у нее уже был новый дверной замок, а квартира выглядела жилой. Мириам приняла душ и только уселась на кухне в халате восточного типа, с черно-золотым рисунком, как в дверь позвонили. Открыв дверь, она увидела необычайно полного небритого мужчину.

– Здравствуйте, Мириам. Меня зовут Тони Скала, я журналист. Вы не могли бы ответить на несколько вопросов?

Стоявший рядом фотограф тут же ослепил ее лицо вспышкой.

Она подумывала, не применить ли ей удар двумя ногами в прыжке – то, что называют дропкик, – и одновременно нанести удар локтем в лицо, но сообразила, что фотографии ее действий будут еще более эффектны.

– Вы были за границей с Лисбет Саландер? Вы знаете, где она?

Мириам Ву захлопнула дверь и закрыла на новый замок в то время, как Тони Скала приподнял крышку почтовой щели и просунул палец.

– Мириам, рано или поздно вам придется иметь дело с прессой. Я могу вам помочь.

Она сжала ладонь в кулак и треснула по почтовой щели, а затем услышала, как Тони Скала завыл от боли. Затем закрыла и внутреннюю дверь, легла в кровать и зажмурилась. «Ну, Лисбет, я тебя придушу, как только доберусь до тебя».

Во второй половине того дня, когда Микаэль ездил в Смодаларё, он посетил еще одного потребителя секс-услуг, которых Даг Свенссон назвал по имени в своей книге. Всего за неделю Блумквист навестил шесть из тридцати семи человек. Последний, кого он видел, судья на пенсии, жил в Тумбе. В свое время он председательствовал на нескольких процессах, касавшихся проституции. Этот отошел от шаблона: ничего не отрицал, не угрожал и не умолял о пощаде. Он без обиняков признал, что да, трахался с восточноевропейскими шлюхами. Нет, раскаяния он не испытывает. Проституция – вполне достопочтенная профессия, и сам он лишь оказал услугу девушкам, став их клиентом.

Когда в десять вечера Микаэль проезжал через Лильехольм, раздался звонок от Малин Эрикссон.

– Привет, – поздоровалась Малин. – Ты видел в Сети утренние завтрашние газеты?

– Нет. А что?

– Домой вернулась подруга Лисбет Саландер.

– Что ты говоришь? Кто?

– Мириам Ву – лесбиянка, что живет в квартире на Лундагатан.

«Ву», – подумал Микаэль. На двери стояло «Саландер – Ву».

– Спасибо. Я нахожусь по дороге домой.

Мириам Ву наконец-то сняла жакет и выключила мобильник. Новость о ней появилась в завтрашних утренних газетах на Сети в половине восьмого вечера. Вскоре ей уже звонили из «Афтонбладет», а через три минуты – из «Экспрессен» с просьбой о комментариях. Телевизионная

программа новостей «Актуэльт» упомянула ее, не называя по имени, а к девяти вечера уже не меньше шестнадцати репортеров из различных средств массовой информации попытались хоть что-нибудь из нее вытянуть.

Два раза ей звонили в дверь. Мириам Ву дверь не открыла и погасила все лампы в квартире. Следующему журналисту, собравшемуся приставать к ней с вопросами, она была готова заехать по физиономии. Наконец, включив мобильник, она позвонила приятельнице, жившей неподалеку у Хорнстулли, и попросилась переночевать.

Мириам проскользнула через дверь подъезда на Лундгатан минут за пять до того, как к нему подъехал Микаэль Блумквист и впустую позвонил в квартиру.

Бублански позвонил Соне Мудиг в субботу утром в начале одиннадцатого. Она спала до девяти, потом немного поиграла с детьми, пока муж не взял их на прогулку – купить, как обычно, субботнюю карамель.

– Ты читала сегодняшние газеты?

– Нет еще. Я проснулась с час назад и занималась детьми. А что случилось?

– Кто-то из следственной группы сливает информацию прессе.

– Да это все время случается. Несколько дней назад кто-то разгласил результат судебно-медицинского заключения Саландер.

– Это был прокурор Экстрём.

– Ну да?

– Да, ясно как божий день, даже если он этого никогда не признает. Он старается подогреть интерес к этому делу, потому что ему оно выгодно. Но на этот раз – не он. Какой-то журналист по имени Тони Скала говорил с одним из полицейских, и тот разболтал ему кучу всего о Мириам Ву. В том числе детали, о которых шла речь на допросе вчера. Мы ведь договорились об этом до поры помолчать, а теперь Экстрём весь кипит.

– Вот черт!

– Имя источника журналист не выдает, лишь характеризует его как человека, «занимающего одно из центральных мест в расследовании».

– Вот дерьмо, – выругалась Соня Мудиг.

– В одном месте статьи источник назван местоимением «она».

Соня секунд двадцать молчала, пока смысл сказанного не стал очевиден. В следственной группе она была единственной женщиной.

– Бублански… Я ни слова не сказала ни одному журналисту. За

пределами коридора отделения полиции я ни с кем расследование не обсуждала, даже с мужем.

– Я тебе доверяю и ни на секунду не поверю, что информацию сливаешь ты. Но, к сожалению, в это верит прокурор Экстрём. Ханс Фасте в выходные на дежурстве и вовсю подкидывает намеки.

Соня Мудиг почувствовала, что ее покидают силы.

– Что же теперь будет?

– Экстрём требует отстранить тебя от расследования, пока не прояснятся обвинения против тебя.

– Но это же дикость. Как я могу доказать?..

– Тебе ничего не надо доказывать. Это будет делать тот, кому поручено разобраться.

– Я знаю, но… вот черт. А сколько времени займет это разбирательство?

– Разбирательство уже проведено.

– Что?

– Я спросил. Ты ответила, что информацию не разглашала. Значит, мое расследование закончено, и мне только остается написать рапорт. Увидимся в понедельник в девять утра в кабинете Экстрёма и зададим вопросы.

– Спасибо, Бублански!

– Ладно, мелочи.

– Но проблема остается.

– Знаю.

– Если информацию слила не я, значит, это сделал кто-то другой из группы.

– У тебя есть кто-то на подозрении?

– Чисто инстинктивно я бы назвала Фасте… но все же не думаю, что это он.

– Я, пожалуй, с тобой одного мнения. Но Ханс может быть и редкостным мерзавцем, а вчера он как следует разозлился.

Если время и погода позволяли, Бублански с удовольствием ходил на прогулки – так он мог хоть как-то двигаться. Он жил на улице Катарина Бангата в районе Сёдермальм, что было неподалеку как от редакции «Миллениума», так и от «Милтон секьюрити», где Лисбет Саландер раньше работала. Впрочем, это было близко и от квартиры на Лундагатан, где она жила. До синагоги на Санкт-Паульсгатан тоже было рукой подать. Так что в субботу утром он обошел все эти места.

Жена составила ему компанию на первую часть пути. Они с Агнес

были женаты уже двадцать три года, и все эти годы он оставался верен ей без малейшего отступления.

Они ненадолго зашли в синагогу и поговорили с раввином. Бублански был польским евреем, а семья Агнес – та ее часть, что выжила в Освенциме, – приехала из Венгрии.

После синагоги они пошли порознь: Агнес отправилась в магазин за продуктами, а ее муж продолжил прогулку. Ему хотелось остаться наедине с собой и подумать о нелегком расследовании. Он критически осмыслил все действия, предпринятые начиная с Великого четверга, когда материалы расследования только легли на его стол, – и не смог найти существенных погрешностей.

Одной из ошибок было то, что он сразу же не послал кого-нибудь в редакцию «Миллениума» просмотреть бумаги на письменном столе Дага Свенссона. Когда дошли руки и до этого – что он сделал сам, – то оказалось, что Микаэль Блумквист уже там похозяйничал, и бог знает, что он успел прибрать.

Другой оплошностью было то, что они прозевали покупку автомобиля Лисбет Саландер. Правда, Еркер Хольмберг сообщил, что в машине ничего интересного обнаружено не было. Так что, если не считать промашки с машиной, расследование проводилось с безукоризненной тщательностью.

У киоска на Цинкенсдамм инспектор остановился посмотреть на первую страницу какой-то газеты. Паспортная фотография, теперь уже небольшого формата, была смещена в правый верхний угол, а все внимание было перенесено на простой заголовок:

ПОЛИЦИЯ ВЫЯВИЛА ГРУППИРОВКУ ЛЕСБИЯНОК-САТАНИСТОК

Купив газету, Бублански пролистал ее до разворота, тон которому задавала крупная фотография пятерых девиц подросткового возраста, одетых в черную одежду, кожаные куртки с заклепками, драные джинсы и майки в обтяжку. В руках одной из девушек был флажок с пентаграммой, а другая выставила указательный палец и мизинец. Текст под картинкой гласил:

«Лисбет Саландер была близка с группой death-metal, выступавшей в небольших клубах. В 1996 г. группа приветствовала Церковь Сатаны и стала известна своим хитом «Этикет зла».

Название группы «Персты дьявола» не было указано, а глаза девушек

были закрыты черными прямоугольниками, но поклонники этой рок-группы без труда могли бы узнать ее участниц.

Все, что было размещено на следующем развороте, относилось к Мириам Ву. На большой фотографии она была снята на одном шоу в Бернсе обнаженной по пояс и в русской офицерской фуражке. Фото было сделано снизу, а глаза так же, как и у девушек из «Перстов дьявола», зачернены. В подписи к фото значилось, что ей тридцать один год.

> Подружка Саландер описывает лесбийский БДСМ-секс[28]. Эта женщина тридцати одного года известна в стокгольмских злачных местах. Она не делает тайны из своего интереса к женщинам и предпочитает доминировать над партнершей.

Репортер смог отыскать девушку, названную в статье Сарой, утверждавшую, что тридцатиоднолетняя приставала к ней. Бойфренд Сары был возмущен этими поползновениями. Статья утверждала, что речь идет об элитарной ветви маргинальной части движения геев, засветившейся на «bondage workshop»[29] в рамках последнего гей-фестиваля. Остальная часть текста крутилась вокруг цитаты из высказываний Мириам Ву шестилетней давности, носивших, по-видимому, провокационный характер. Репортер отыскал его в каком-то любительском феминистском журнальчике. Бублански просмотрел текст и выкинул газету в урну.

Потом он задумался о Хансе Фасте и Соне Мудиг. Оба компетентные сотрудники, но с Фасте было непросто – он действовал людям на нервы. Бублански решил, что с ним нужно поговорить, но при этом не хотелось верить, что утечка информации произошла через него.

Подняв взгляд, инспектор понял, что уже вышел на Лундагатан и стоит рядом с подъездом дома, где жила Лисбет Саландер. У него не было цели прогуляться именно сюда. Он просто-напросто плохо понимал, что она за человек.

По уличной лестнице Бублански поднялся на верхнюю часть Лундагатан. Там он постоял, вспоминая рассказ Микаэля Блумквиста о том, как на Лисбет Саландер кто-то напал. К сожалению, и эта информация ничем не помогла следствию. Не было ни заявления в полицию, ни имен нападавших, ни каких-либо примет. Блумквист сказал, что не смог запомнить номерной знак фургона, скрывшегося с места происшествия.

Если происшествие вообще было.

Другими словами, еще один тупик.

Бублански посмотрел на винно-красную «Хонду», все это время так и

простоявшую на одном месте. Вдруг он увидел Микаэля Блумквиста, приближавшегося к подъезду.

Замотанная в простыню, Мириам Ву проснулась поздно днем. Сев в кровати, огляделась в чужой комнате. Она использовала неожиданное внимание журналистов как повод для того, чтобы позвонить подруге и попроситься переночевать. Но в глубине души Мириам сознавала, что это также было бегством – ей было страшно, как бы в дверь не постучала Лисбет Саландер.

Полицейский допрос и газетная шумиха подействовали на нее хуже, чем она думала. Хоть Мириам и решила подождать с выводами, пока у Лисбет не появится возможность объяснить, что же произошло, она начала подозревать, что Лисбет все же виновна.

Мириам покосилась на Викторию Викторссон, или, как ее звали, Дубль-В, тридцатисемилетнюю стопроцентную лесбиянку, спящую на животе и что-то сонно бормочущую. Затем тихонько прошла в ванную и постояла под душем. Выйдя на улицу, купила булочек на завтрак. У кассы в магазинчике, примыкающем к кафе «Синнамон» на Веркстадсгатан, ей на глаза попались первые страницы нескольких газет. Этого хватило для того, чтобы она припустила обратно в квартиру к Дубль-В.

Микаэль Блумквист прошел мимо винно-красной «Хонды» к подъезду Лисбет Саландер, набрал код и исчез за дверью. Две минуты спустя он уже снова вышел на улицу. Никого не оказалось дома? Блумквист пробежал взглядом улицу, замерев в нерешительности. Бублански задумчиво наблюдал за ним.

Беспокойные мысли инспектора крутились вокруг журналиста. Если Блумквист выдумал нападение на Лундгатан, значит, он вел некую игру, которая в худшем случае могла означать, что он каким-то образом причастен к убийствам. Если же он говорил правду – а у инспектора пока что не было причин в этом сомневаться, – значит, в этой драме существует скрытое неизвестное. То есть существует больше актеров, чем о них известно, и что убийства могут оказаться гораздо более сложным случаем, чем просто история о том, как патологически больная девушка пережила вспышку безумия.

Когда Блумквист направился в сторону Цинкенсдамма, Бублански окликнул его. Тот остановился, увидел полицейского и пошел ему навстречу. Они встретились у подножья лестницы.

– Привет, Блумквист. Искали Лисбет Саландер?

– Нет, я искал Мириам Ву.

– Ее нет дома. Кто-то настучал журналистам, что она появилась в городе.

– А у нее было что рассказать?

Бубླански пристально посмотрел на Микаэля Блумквиста. «Калле Блумквист – вот его прозвище», – вспомнил он.

– Пройдетесь со мной? – предложил инспектор. – Я бы выпил чашку кофе.

Они молча прошли мимо Хегамедской церкви. Бубланcки направился в кафе «Лилласюстер» у моста Лильехольмсбру. Там он заказал двойной экспрессо с ложкой холодного молока, а Микаэль взял кофе с молоком. Они сели в зале для курящих.

– Такого паршивого дела у меня давно не было, – сказал Бубланcки. – Я могу его хоть как-то с вами обсуждать, не опасаясь прочесть об этом завтра в «Экспрессен?»

– Я не работаю на «Экспрессен».

– Вы понимаете, что я имею в виду.

– Бубланcки, я не верю, что Лисбет преступница.

– И теперь вы занялись частным расследованием, полагаясь только на себя? Уж не потому ли вас прозвали Калле Блумквист?

Микаэль вдруг улыбнулся.

– А вас, говорят, называют Констебль Бубла?

Бубланcки криво усмехнулся.

– Почему вы думаете, что Саландер невиновна?

– Пусть я ровным счетом ничего не знаю о ее опекуне, но у нее не было абсолютно никаких причин убивать Дага и Мию. В особенности Мию. Лисбет презирает мужчин, ненавидящих женщин, а Миа как раз собиралась разоблачить целую когорту секс-покупателей. То, что делала Миа, – в том же духе, что Лисбет и сама сделала бы. У нее высокая мораль.

– У меня как-то не складывается ее целостный портрет. Умственно отсталая психопатка – или умный аналитик по сбору материала?

– Лисбет – человек особый. Она ужасно асоциальна, но разум у нее в полном порядке. Скажу больше, она, возможно, талантливее вас и меня, вместе взятых.

Бубланcки вздохнул. Отзыв Блумквиста напоминал характеристику, данную Лисбет Мириам Ву.

– В таком случае ее необходимо найти. Не вдаваясь в детали, могу сказать, что у нас есть технические доказательства ее присутствия на месте преступления и что она лично связана с орудием убийства.

Микаэль кивнул.

– По-видимому, это значит, что на нем найдены ее отпечатки пальцев. Но это еще не значит, что стреляла она.

Бублански кивнул.

– Драган Арманский тоже в этом сомневается. Он очень осторожен и потому не высказывается прямо, но он явно ищет подтверждения ее невиновности.

– А вы? Что вы думаете?

– Я – полицейский. Я сначала задерживаю людей, а потом их допрашиваю. В данный момент у Лисбет Саландер мрачная перспектива. Мы приговаривали убийц и при меньшем количестве улик.

– Вы не ответили на мой вопрос.

– Не знаю. Если бы она была невиновна… кто бы тогда мог быть заинтересован в убийстве и ее опекуна, и двух ваших друзей? Как вы думаете?

Микаэль достал пачку сигарет и протянул ее Бублански, но тот покачал головой. Лгать полиции Блумквист не хотел и теперь взвешивал, нужно ли рассказать о своих соображениях относительно человека по имени Зала или о комиссаре тайной полиции Гуннаре Бьёрке.

Но ведь Бублански и его сотрудники тоже имели доступ к материалам Дага Свенссона, содержащим папку с названием «Зала». От них всего-то и требовалось, что прочитать ее содержимое. А вместо этого они перли напролом, как паровой каток, и к тому же выдали средствам массовой информации все интимные детали о Лисбет Саландер.

План действий у него был, но он не знал, куда это его приведет. Он не хотел называть имени Бьёрка, пока не будет уверен в необходимости. И Залаченко. Тут была связь и с Бьюманом, и с Дагом, и с Миа. Проблема была в том, что Бьёрк ничего не рассказал.

– Дайте мне еще покопать, и я выдвину альтернативную теорию.

– Надеюсь, не полицейский след.

– Ну, пока нет. А что сказала Мириам Ву?

– Приблизительно то же, что и вы. У нее с Саландер была связь.

– Меня это не касается, – заметил Микаэль.

– Мириам Ву и Лисбет Саландер общаются три года, но Ву ничего не знала о прошлом Саландер и не знала, где та работает. Верится с трудом, но думаю, она сказала правду.

– Лисбет очень скрытный человек, – подтвердил Микаэль.

Они немного помолчали.

– У вас нет телефонного номера Мириам Ву?

– Есть.

– Можете мне дать?

– Нет.

– Почему?

– Микаэль, это полицейское расследование. Не нужны нам частные сыщики с их дикими теориями.

– У меня еще нет никаких теорий. Но думаю, разгадка кроется в материалах Дага Свенссона.

– Наверное, вы и сами найдете Мириам Ву, если приложите усилия.

– Наверное. Но самый простой способ сделать это – спросить того, у кого номер уже есть.

Бублански вздохнул. Микаэль вдруг почувствовал к нему острую неприязнь.

– А разве полицейские талантливее простых людей, тех, кого вы называете частными сыщиками? – спросил он.

– Не думаю, что это так, но полицейские обладают профессиональной подготовкой, и их работа – расследовать преступления.

– У частных лиц тоже есть своя подготовка, – медленно возражал Микаэль, – а иногда частный сыщик оказывается намного лучше в расследовании, чем настоящий полицейский.

– Вам так кажется.

– Я это знаю. Вспомните дело Джоя Рахмана[30]. Уйма полицейских пять лет просиживала задницы и хлопала глазами, пока ни в чем не повинный Рахман сидел в тюрьме за убийство престарелой женщины. Он бы так и сидел за решеткой, если бы одна учительница не потратила несколько лет на то, чтобы провести серьезное расследование. И она сделала это, не имея доступа к тем ресурсам, которыми располагаете вы. Причем не только представила доказательства его невиновности, но и указала на человека, с большой вероятностью бывшего убийцей.

– Дело Рахмана было вопросом престижа. Прокурор не хотел прислушиваться к фактам.

Микаэль Блумквист пристально взглянул на собеседника.

– Бублански… Я вам вот что скажу. Сейчас, в данный момент, речь тоже идет о престиже. Я утверждаю, что Саландер не убивала Дага и Мию, и я это докажу. Я найду вам другого убийцу, и когда это произойдет, напишу статью, которую вам и вашим сотрудникам будет тошно читать.

По дороге домой на улице Катарина Бангата, размышляя об этом деле, Бублански почувствовал необходимость побыть поближе к Богу, но

направился не в синагогу, а в католическую церковь на Фолькунгсгатан. Он опустился на скамейку в задних рядах и так неподвижно просидел с час. Ему, еврею, вообще говоря, нечего было делать в католической церкви, но здесь царило такое умиротворение, что он регулярно заходил сюда, когда чувствовал необходимость навести порядок в мыслях. Ян Бублански считал, что и католическая церковь – отличное место для размышлений и что Бог не будет в обиде. К тому же между католицизмом и иудаизмом существует разница. В синагогу он шел, когда у него была потребность пообщаться, почувствовать единство с другими. Католики же ходили в церковь, чтобы обрести мир с Богом. Все в церкви побуждало к тишине и предполагало, что посетители обретут здесь покой.

Инспектор размышлял о Лисбет Саландер и Мириам Ву и о том, что пытаются от него скрыть Эрика Бергер и Микаэль Блумквист. Он был уверен, что они скрывают нечто, что им известно о Саландер. Интересно, какой «анализ данных» делала Лисбет для Микаэля Блумквиста. На секунду Бублански допустил мысль, что Саландер работала на Блумквиста незадолго до разоблачения, сделанного им в деле Веннерстрёма, но затем отбросил это предположение. К столь драматическим событиям Лисбет Саландер никак не могла иметь отношения и, скорее всего, не привнесла в это дело хоть что-нибудь значимое, какими бы талантами «аналитика данных» она ни обладала.

Что-то тревожило Бублански. Не нравилась ему железная уверенность Блумквиста в невиновности Саландер. Одно дело, что его, полицейского, переполняют сомнения – такая у него работа. И совсем другое дело, что Микаэль Блумквист, частный сыщик, бросает ему вызов.

Бублански терпеть не мог частных сыщиков. Чаще всего они увлекались какой-нибудь теорией заговора, что приводило к броским заголовкам в газетах, но добавляло полиции кучу абсолютно бесполезной работы.

Нынешнее дело грозило стать самым отвратительным из всех дел об убийствах, которые ему приходилось расследовать. От него ускользнула суть дела. И кроме того, каждое расследование убийства должно следовать цепочке логических звеньев.

Если на Мариаторгет найден умерший от ножевых ран семнадцатилетний парень, значит, надо выяснить, какие банды бритоголовых или группы молодежного сброда болтались часом раньше у станции Сёдра. Всегда есть друзья, знакомые, свидетели и вскоре появляются подозреваемые.

Если в пивной в Шерхольмене сорокадвухлетний мужчина поражен

тремя выстрелами и оказывается, что он был киллером югославской мафии, значит, надо выявить, кто пытается захватить контроль в сфере контрабанды сигарет.

Если двадцатишестилетняя женщина, ведущая вполне обычный образ жизни, найдена задушенной в своей квартире, выясни, кто ее бойфренд или с кем она общалась в пивной накануне вечером.

Бублански прошел уже через столько расследований, что теперь, наверное, мог бы проводить их во сне.

Но ведь хорошее начало было и у нынешнего расследования. Главного подозреваемого нашли уже через несколько часов. Лисбет Саландер была просто «ладно скроена и крепко сшита» на эту роль – безусловно психиатрический случай проявления безудержного и неконтролируемого насилия на протяжении жизни. Практически оставалось только поймать ее, получить признание или, в зависимости от обстоятельств, отослать ее в психлечебницу. Но потом все пошло вкривь и вкось.

Саландер не жила там, где была прописана. Друзьями ее являлись Драган Арманский и Микаэль Блумквист. Состоит в интимных отношениях с пресловутой обезьянкой, любительницей секса с наручниками, о чем завопили как резаные средства массовой информации – и это в ситуации, которая и так по себе головоломная. У нее два с половиной миллиона крон на счете, но работает ли она – неизвестно. Тут еще появляется Блумквист со своей теорией трафикинга и заговора, а уж он-то, знаменитый журналист, имеет достаточно авторитета и политического влияния, чтобы одной удачно размещенной статьей внести в расследование полный хаос.

Мало того, главную подозреваемую не удается найти, хотя это пигалица со своеобразной внешностью и татуировками по всему телу. Скоро уже две недели, как произошли убийства, а о ней все еще ни слуху ни духу.

Гуннар Бьёрк, заместитель начальника Службы безопасности, сидящий на больничном в связи с поврежденным мениском, пережил мучительный день после того, как Микаэль Блумквист покинул порог его дома. Его постоянно мучила тупая боль в спине. Он ходил взад-вперед в своем временном жилище, неспособный успокоиться и взять инициативу в свои руки. Он пытался все осмыслить, но кусочки картины не складывались в единое целое.

Услыхав новость о смерти Нильса Бьюрмана на следующий день после того, как тот был убит, Бьёрк был совершенно ошарашен. Но не слишком удивился, когда основной подозреваемой почти сразу были названа Лисбет

Саландер и на нее была объявлена охота. Он неусыпно следил за всем, что показывалось и говорилось по телевизору, покупая все доступные газеты и внимательно прочитывая от начала до конца.

Лисбет Саландер была психически больна и способна на убийство – в этом он не сомневался ни секунды. У него не было ни малейшей причины сомневаться в ее виновности или ставить под вопрос выводы полицейского расследования. Напротив, его собственное знание Лисбет Саландер свидетельствовало о том, что она психически ненормальная. Бьёрк подумывал, не позвонить ли и не помочь ли следствию добрым советом или хотя бы убедиться, что расследование продвигается как нужно, но потом решил, что все это уже, в общем, его не касается. Это уже была не его «епархия», а опытные специалисты, способные разобраться, и без него имеются. К тому же его звонок мог повлечь нежелательное внимание, которое ему хотелось избежать. Так что Бьёрк просто расслабился и следил за продолжающимся развитием событий с рассеянным вниманием.

Визит же Микаэля Блумквиста полностью лишил его покоя. Бьёрку и в дурном сне не могло пригрезиться, что кровавая баня, учиненная Саландер, могла коснуться его лично: что одной из ее жертв был какой-то шавка-журналист, собиравшийся ославить его на всю Швецию.

Еще в меньшей степени он мог вообразить себе, что в этой истории, как граната с сорванной чекой, возникнет имя Зала, и меньше всего, что это имя станет известно Микаэлю Блумквисту. Все это было столь невероятно, что шло вразрез со здравым смыслом.

Спустя день после визита Микаэля он позвонил своему бывшему шефу, семидесяти восьми лет, живущему в Лахольме. Ему надо было попытаться выведать, что к чему, делая вид, что им движет не что иное, как чистое любопытство и профессиональная озабоченность. Разговор получился довольно короткий.

– Это Бьёрк. Ты, наверное, читал газеты.

– Читал. Опять она всплыла на поверхность.

– И ничуть не изменилась.

– Теперь это не наше дело.

– А ты не думаешь, что…

– Нет, не думаю. Все это было давно и быльем поросло. Нет никакой связи.

– Но ведь именно Бьюрман!.. Полагаю, это не было случайностью, что он стал ее опекуном?

Несколько секунд длилось молчание.

– Нет, никакой случайности. Три года назад это казалось отличной

идеей. Кто мог такое предвидеть?

– А Бьюрману многое было известно?

В трубке вдруг послышались мелкие смешки.

– Ты же хорошо знаешь Бьюрмана. Не то чтобы ума палата.

– Я имею в виду… знал ли он о связи? Может, после него что-то осталось, что приведет к…

– Нет, конечно, нет. Я понимаю, о чем ты спрашиваешь, но беспокоиться не стоит. Саландер всегда была непредсказуема. Мы позаботились о том, чтобы она была поручена Бьюрману, но лишь затем, чтобы ее опекуном стал кто-то, за кем мы могли присматривать. Лучше он, чем какой-то кот в мешке. Если бы она начала болтать языком, он пришел бы к нам. А теперь все решилось как нельзя лучше.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, после всего этого Саландер надолго упекут в психушку.

– Ага.

– Не волнуйся. Сиди себе на больничном тихо и спокойно.

Но именно этому пожеланию начальника Бьёрк был не в силах последовать. Об этом постарался Микаэль Блумквист. Сев за кухонный стол и направив взгляд к Юнгфруфьерду, Гуннар попытался осмыслить свою ситуацию. Угроза нависала с двух сторон.

Микаэль Блумквист собирался ославить его как клиента проституток. Он, Бьёрк, был под дамокловым мечом возможности закончить свою полицейскую карьеру осужденным за нарушение закона о покупке секса.

Но самым серьезным было то, что Микаэль Блумквист охотился на Залаченко. Каким-то образом тот был замешан в нынешней истории, а это могло привести напрямую к нему, Гуннару.

Бьёрк попытался зрительно восстановить встречу с Бьюрманом девять месяцев назад в Старом городе. Адвокат вдруг позвонил ему на работу после обеда и предложил выпить по пиву. Они поболтали о стрельбе из пистолета и всякой всячине, но Бьюрман позвал его специально. Он нуждался в услуге, спросив о Залаченко…

Бьёрк поднялся и подошел к кухонному окну. Он чувствовал слабость в ногах, довольно сильную слабость. О чем тогда спрашивал Бьюрман?..

– Кстати… Я занимаюсь одним делом, в котором возник старый знакомый…

– И кто же это?

– Александр Залаченко. Помнишь такого?

– А как же. Такие не забываются.

– Куда он пропал с тех пор?

Бьюрмана это, вообще говоря, не касалось. Более того, давало повод к тому, чтобы основательно проверить, с какой стати Бьюрман спрашивает… если не только из-за того, что он стал опекуном Лисбет Саландер.

«Он сказал, что ему необходимо старое следственное дело. И я дал его ему».

Бьёрк допустил серьезную ошибку. Он исходил из того, что Бьюрман и так обо всем осведомлен – ничто другое было просто немыслимо. А тот представил все так, будто просто пытается найти обходной путь, минуя бюрократические препоны, где все засекречено, закрыто-перекрыто и волынка тянется месяцами. Особенно в таком деле, как дело Залаченко.

«Я дал ему следственное дело, – вспоминал теперь Бьёрк. – Оно по-прежнему было под грифом «секретно», но ведь объяснения причин, данные Бьюрманом, звучали вполне разумно и естественно, а сам он был не из болтливых. Голова у него была дубовая, но рот на замке… Ну, кому это могло навредить, это ведь было столько лет назад…»

А Бьюрман его надул: сделал вид, что проблема в формальностях и бюрократических проволочках. Чем больше Бьёрк думал о той встрече, тем больше склонялся к мысли, что адвокат тогда продумал каждое слово и был предельно осторожен.

Но что нужно было Бьюрману? И почему Саландер убила его?

Микаэль Блумквист еще четыре раза за субботу навещал квартиру на Лундагатан в надежде встретиться с Мириам Ву, но безрезультатно.

Бо́льшую часть дня он просидел в кафе-кондитерской на Хорнгатан, устроившись со своим ноутбуком и вновь перечитывая электронную почту Дага Свенссона, приходившую на его адрес в «Миллениуме». И опять просматривал папку, названную «Зала». Последние недели перед убийством Даг Свенссон все больше времени проводил в работе над поисками материала о Зале.

Хотелось бы Микаэлю позвонить Дагу и спросить, почему документ, относящийся к Ирине П., хранится в папке «Зала». Единственным разумным предположением, как казалось Микаэлю, было то, что Даг подозревал Залу в убийстве девушки.

В пять часов дня вдруг позвонил Бублански и дал телефоны Мириам Ву. Микаэль не понял, что побудило полицейского передумать, но, получив номер, стал звонить каждые полчаса. К одиннадцати вечера Мириам включила мобильник и ответила на звонок. Разговор получился коротким.

– Добрый вечер, Мириам. Меня зовут Микаэль Блумквист.

– И кто вы такой?

– Я журналист, работаю в журнале «Миллениум».

Мириам Ву со смаком выразила свое отношение к нему:

– А, так вы тот самый Блумквист! А не пошли бы вы к черту, журналистское отродье!..

Затем разговор оборвался, прежде чем Микаэлю был дан шанс объяснить цель звонка. Мысленно проклиная Тони Скалу, он попытался позвонить снова, но Мириам не отвечала. Наконец он послал ей текстовое сообщение:

«Пожалуйста, позвоните мне. Это важно».

Но она не позвонила.

Поздней ночью дома Микаэль выключил компьютер, разделся и лег в постель. На душе у него было уныло, и он пожалел, что рядом нет Эрики Бергер.

Часть 4
Задание: уничтожить
24 марта – 8 апреля

Корень уравнения – это число, подстановка которого вместо неизвестного обращает его в тождество. Тогда говорят, что корень удовлетворяет уравнению. Решить уравнение – значит найти все его корни. Уравнение, справедливое при всех значениях неизвестных, называется тождеством.

Например: $(x + y)^2 = x^2 + 2xy + y^2$.

Глава 21

Великий четверг,
24 марта – понедельник, 4 апреля

Для Лисбет Саландер первая неделя полицейской охоты была начисто лишена драматизма. Она тихо-спокойно пребывала в своей квартире на Фискаргатан в квартале Мосебакке. Ее мобильник был отключен, а SIM-карта вынута. Она не собиралась пользоваться этим мобильником. Все большее и большее изумление у нее вызывали заголовки газетных публикаций в Сети и новости по телевизору.

Источником раздражения была и ее собственная паспортная фотография, сначала появившаяся в Интернете, а затем мелькавшая в заставках телевизионных новостей. Вид у нее был придурковатый.

Вопреки многолетним усилиям не высовываться, Лисбет стала самой одиозной личностью, чаще всего упоминаемой средствами массовой информации. Не без удивления она отметила, что объявление в розыск низкорослой девушки, подозреваемой в тройном убийстве, стало одной из главных новостей года, сравнимых с нашумевшей историей о сектантах из Кнутбю. Комментарии и пояснения в прессе заставляли ее удивленно поднимать брови, но больше всего ее поразило разглашение информации о ее душевном здоровье, что охранялась врачебной тайной, а теперь была доступна любой редакции. Один заголовок вызвал к жизни давно забытое воспоминание:

ЗАДЕРЖАНА В СТАРОМ ГОРОДЕ ЗА РУКОПРИКЛАДСТВО

Один судебный репортер из ТТ превзошел всех своих конкурентов, получив копию судебно-медицинского заключения, написанного после того, как Лисбет была задержана полицией за то, что заехала ногой по физиономии пассажира на станции метро «Гамла стан».

Происшествие в метро Лисбет помнила очень хорошо. Она села на станции «Уденплан», возвращаясь домой (в кавычках, конечно) к приемным родителям в Хегерстене. На станции «Родмансгатан» в вагон зашел незнакомый – с виду трезвый – мужчина и тут же подсел к ней. Позднее она узнала, что его зовут Карл Иверт Блумгрен, что он пятидесятидвухлетний безработный из Евле, раньше игравший в хоккей с

мячом. Хотя вагон был полупустой, он сел рядом с ней и начал приставать. Положив руку ей на колено, завел песню типа «получишь двести крон, если поедешь ко мне». Она все это проигнорировала, и тогда он заупрямился и обозвал ее сукой. Тот факт, что она не ответила на его призывы и пересела на станции «Центральный вокзал», не умерило его пыл.

Когда они подъезжали к остановке «Гамла стан», он обхватил ее руками сзади, просунул руки ей под свитер и зашептал в ухо, что она шлюха. Лисбет Саландер было отнюдь не по нраву, когда ее называл шлюхой незнакомый тип в метро. Ответом был удар локтем в глаз. Затем она схватилась за поручень, подтянулась и заехала ему обоими каблуками в переносицу, что закончилось некоторым кровопусканием.

Когда поезд остановился, Лисбет выскочила из вагона на перрон, но, будучи одетой по последней панковской моде с перекрашенными в синий цвет волосами, была тут же настигнута неким ревнителем порядка, который набросился на нее и прижал к полу, пока не вызвали полицию.

Она посылала проклятия своему полу и телосложению. На здорового мужика никто не осмелился бы навалиться.

Она даже не сделала попытку объяснить, за что заехала Карлу Иверту Блумгрену в физиономию, считая бессмысленным стараться хоть что-нибудь объяснить одетым в униформу представителям власти. Из принципа она не желала отвечать на вопросы психологов, пытавшихся квалифицировать ее душевное состояние. К счастью, несколько пассажиров были свидетелями событий, в том числе одна неугомонная женщина из Хернесанда, оказавшаяся членом парламента от центристской партии. Женщина дала на месте свидетельские показания, что Блумгрен приставал к Саландер, прежде чем получил серьезный отпор. После того как выяснилось, что Блумгрен уже дважды привлекался судом за преступления против нравственности, прокурор закрыл дело. Это, однако, не означало, что социальная служба прекратила свое расследование. Вскоре это закончилось тем, что суд признал ее недееспособной, и это привело к тому, что сначала Хольгеру Пальмгрену, а затем и Нильсу Бьюрману поручили опекунство над ней.

И вот теперь все эти сугубо личные и интимные детали были выставлены в Интернете для всеобщего обозрения. Ее характеристика дополнялась красноречивыми описаниями конфликтов с окружением, начиная с начальной школы, и упоминанием ее пребывания в детской психиатрической клинике в раннем подростковом возрасте.

Публикации в журналах и газетах отличались большим разнообразием диагнозов, поставленных Лисбет Саландер. В одних она описывалась как

психопатка, в других ее квалифицировали как шизофреничку с явно выраженной манией преследования. Все газеты изображали ее как умственно отсталую: она не овладела программой начальной школы и не получила аттестата по окончании девятого класса. В том, что она неуравновешенна и склонна к насилию, общественности не приходилось сомневаться.

Когда средства массовой информации прознали, что Лисбет Саландер знакома с известной лесбиянкой Мириам Ву, страницы газет затопило информацией. Мириам Ву выступала в провоцирующем шоу Бениты Коста во время гей-парада и была сфотографирована до пояса обнаженной, в кожаных брюках на подтяжках и лакированных сапогах на высоких каблуках. Еще она писала статьи в гей-журнал, которые теперь цитировались, и давала интервью в связи с выступлениями в разных шоу. Комбинация возможной серийной убийцы, лесбиянки и любительницы садомазохистского секса была потрясающим стимулом для увеличения тиражей.

Из-за того, что Мириам Ву пропадала всю первую драматическую неделю, стали появляться гипотезы, что и она пала жертвой насилия Саландер или, возможно, была соучастницей преступления. Но эти измышления циркулировали в основном в несерьезном интернет-чате «Эксилен» и не просочились в крупные публикации. Зато в нескольких газетах обсуждалось предположение, что у Лисбет Саландер был повод к убийству, потому что диссертация Миа Бергман касалась секс-мафии, а Саландер, по данным социальной службы, была проституткой.

В конце недели в средства массовой информации просочилась новость, что Саландер связана с группой молодых женщин, заигрывавших с сатанизмом, под названием «Персты дьявола». Это побудило одного журналиста в возрасте, пишущего по вопросам культуры, опубликовать статью о беспринципности молодежи и об опасностях, кроющихся повсюду, от культуры бритоголовых до хип-хопа.

К этому времени общественность уже пресытилась Лисбет Саландер. Если сделать краткую выжимку из всего, что публиковалось, то выходило, что полиция разыскивает психопатку, примкнувшую к группе сатанисток, рекламирующих садомазохистский секс, ненавидящих общество в целом и мужчин в частности. Проведя прошлый год за границей, Лисбет Саландер, возможно, установила и международные связи.

Из всей этой журналистской трескотни лишь одна публикация

чувствительно задела Лисбет. Ее заинтересовал заголовок.

«МЫ БОЯЛИСЬ ЕЕ» «Она грозилась нас убить», – рассказала учительница и одноклассники.

Эти слова принадлежали бывшей учительнице, а ныне художнице по ткани Биргитте Миоос, опубликовавшей заметку о том, как Лисбет Саландер угрожала одноклассникам и как ее боялись даже учителя.

Лисбет в самом деле встречала Миоос, но это была не слишком отрадная встреча.

Закусив губу, она припомнила тот самый случай, когда ей было одиннадцать лет. Лисбет помнила, как Миоос замещала учительницу математики и как она добивалась от Лисбет правильного ответа на вопрос, который та уже дала. Ответ Лисбет не совпадал с тем, что был в задачнике, – и на самом деле, в него затесалась ошибка. Самой Лисбет казалось, что это и дураку ясно, но Миоос никак не могла отвязаться, а Лисбет все меньше хотелось продолжать дискуссию. Наконец она села, плотно сжав губы, а раздраженная Миоос схватила ее за плечо и встряхнула, чтобы привлечь ее внимание. Тогда Лисбет швырнула ей в голову учебник, и в классе начался кавардак. Лисбет плевалась, шипела и отбивалась от одноклассников, пытавшихся ее скрутить.

Статья была помещена на развороте одной из вечерних газет. Рядом, по краям, приводились еще несколько цитат, а один из бывших одноклассников позировал перед входом в их старую школу. Парня звали Давид Густафссон, и теперь он представлялся экономистом-ассистентом. Он утверждал, что ученики боялись Лисбет Саландер, потому что «однажды она грозилась их убить». Лисбет помнила Давида Густафссона как одного из своих самых мерзких обидчиков, здоровяка с IQ как у щуки, не упускавшего случая напакостить ей или надавать пинков в школьном коридоре. Однажды он напал на нее у поворота в спортивный зал, во время перерыва на обед, и она, не задумываясь, дала сдачи. Чисто физически она была ему не соперник, но ее позицией было: лучше смерть, чем капитуляция. Именно этот случай стал поворотным моментом. Вокруг столпились одноклассники, наблюдавшие, как Давид Густафссон снова и снова швыряет на пол Лисбет Саландер. Он явно получал удовольствие, но эта дуреха не соображала, что надо перестать сопротивляться; она даже не заревела и не заныла о пощаде.

Наконец даже одноклассники заскучали. Давид был очевидно сильнее,

а Лисбет – очевидно беспомощнее, так что славы ему это уже не прибавляло, а как закончить драку, которую он затеял, было неясно. Под конец он пару раз врезал ей как следует кулаком, так что разбил ей губу и чуть не вышиб из нее дух. Одноклассники бросили ее, сломанную, скорчившуюся, в углу за спортзалом и, смеясь, убежали.

Лисбет Саландер пошла домой зализывать раны, а через два дня вернулась с битой для игры в лапту. Прямо посреди школьного двора она засадила Давиду по уху. Ошеломленный, он лежал на земле, а она прижала биту к его горлу и прошептала ему в ухо, что убьет его, если он к ней еще раз прикоснется. Когда школьный персонал узнал о происшедшем, Давида проводили к школьной медсестре, а Лисбет – к директору. Затем последовало наказание, запись в журнал и разбирательство социальной службы.

О существовании Миоос и Густафссона Лисбет не вспоминала уже пятнадцать лет, но теперь взяла в уме на заметку: при случае, когда будет время, посмотреть, чем они теперь занимаются.

Суммарный эффект всего написанного в СМИ состоял в том, что Лисбет Саландер стала известна – точнее, печально известна – всему шведскому народу. Вся ее подноготная была запротоколирована, изучена и освещена в прессе до мельчайшей детали, от дерзостей в начальной школе до лечения в детской психиатрической клинике Святого Стефана в Уппсале, где она провела больше двух лет.

Лисбет внимательно послушала телевизионное интервью с главным врачом Петером Телеборьяном. Последний раз она видела его в суде, когда решался вопрос о ее недееспособности. С тех пор прошло восемь лет. На лбу у психиатра пролегли глубокие морщины, и он почесывал поредевшую бородку, озабоченно поглядывая на репортера в студии и объясняя, что он связан врачебной тайной и потому не может обсуждать конкретного пациента. Все, что он мог сказать, это что Лисбет Саландер – сложный случай в психиатрической практике, потребовавший квалифицированной помощи, и что суд вопреки его рекомендациям принял решение учредить над ней опеку, вместо того чтобы обеспечить ее лечением в стационаре. «Позорное решение», – утверждал Телеборьян. Он сокрушался о том, что три человека поплатились жизнью в результате ошибочного решения, и воспользовался возможностью сделать пару укоров в адрес правительства из-за сокращений финансирования психиатрии в последние десятилетия.

Лисбет заметила: ни одна из газет не упомянула, что наиболее часто

применяемым методом общения с пациентами закрытого психиатрического отделения, возглавляемого доктором Телеборьяном, было помещение «неспокойных и неуправляемых пациентов» в комнату, называемую «свободной от возбудителей». Вся обстановка в этой комнате состояла из кровати с ремнями для пристегивания. Научным оправданием этому служил тезис, что беспокойные дети должны быть изолированы от «возбудителей», способных вызвать приступ.

Повзрослев, Лисбет узнала, что у этого метода есть другое название – «sensory deprivation», то есть «лишение ощущений». Подвергать заключенных в тюрьме «лишению ощущений» признано негуманным Женевской конвенцией. Это был довольно часто применяемый метод в экспериментах по промыванию мозгов, к которому прибегали диктаторские режимы. Документы подтверждают, что политические заключенные, признавшиеся во всех мыслимых и немыслимых преступлениях на московских процессах в 30-е годы, подвергались такой процедуре.

Наблюдая за Петером Телеборьяном, вещавшим с экрана телевизора, Лисбет Саландер чувствовала, как ее сердце сжимается в ледышку. «Интересно, он пользуется тем же лосьоном для бритья?» – подумала она. Это его теоретическая база была подведена под курс ее лечения. Лисбет никак не могла понять, чего еще от нее ожидали сверх того, чтобы она прошла курс лечения и осознала свои проступки. Лисбет Саландер очень быстро поняла, что «неспокойный и неуправляемый пациент» – это тот, кто сомневается в правоте и опытности Телеборьяна.

Итак, Лисбет Саландер обнаружила, что методы лечения в психиатрии в XVI веке ничем не отличаются от тех, что использовались на пороге XXI века в больнице Святого Стефана.

Примерно половина ее пребывания там пришлась на «свободную от возбудителей» комнату в положении привязанной к кровати пациентки. Возможно, она поставила своеобразный рекорд.

Телеборьян никогда не домогался ее в сексуальном плане. Он вообще к ней никак не прикасался, разве что по самым нейтральным поводам. Однажды он предупреждающим жестом положил руку ей на плечо, когда она была закреплена ремнями в изоляторе.

Интересно, остались ли до сих пор следы ее зубов над его мизинцем?

Все это превратилось в своего рода поединок, причем у Телеборьяна в руках были все козыри, а ее контрмера состояла в том, чтобы полностью отгородиться от него, игнорируя его присутствие.

В двенадцать лет Лисбет доставили в больницу Святого Стефана две женщины-полицейские. Это произошло через несколько недель после того,

как случилась «Вся Та Жуть». Она помнила происшедшее до мельчайших деталей. Сначала она думала, что все как-то обойдется, пыталась разъяснить свою версию события полицейским, социальным работникам, персоналу больницы, медсестрам, врачам, психологу и даже священнику, предложившему помолиться вместе с ним. Когда они сидели на заднем сиденье полицейского автомобиля и проезжали мимо центра Веннер-Грена на север в сторону Уппсалы, она все еще не знала, куда они едут. Ей никто ничего не объяснил. Тут-то она и начала догадываться, что ничего вообще не обойдется.

Она попыталась объяснить все Петеру Телеборьяну.

Результатом всех ее усилий стала ночь на кровати с ремнями, когда ей исполнилось тринадцать лет.

Из всех, с кем Лисбет Саландер сталкивала жизнь, Телеборьян был садистом, ни с кем не сравнимым по мерзости и отвратительности. Бьюрману он дал бы сто очков вперед. Но Петер Телеборьян скрывался за занавесом из бумаг, заключений, академических званий и психиатрического многословия. Ни один из его поступков невозможно было оспорить или опротестовать.

«Привязывать непослушных девочек ремнями к кровати было его государственным заданием», – подумала Лисбет.

Каждый раз, когда она лежала на спине, затянутая ремнями, а он их слегка подправлял, она читала возбуждение в его глазах. Она все видела, и он знал, что она знает, так что сигнал достигал цели.

В ночь, когда ей исполнилось тринадцать, Лисбет решила никогда больше не говорить ни слова – ни Петеру Телеборьяну, ни какому-нибудь другому психиатру или врачу по мозгам. Это был ее подарок самой себе. И она сдержала обещание. Она знала, что это взбесило Петера Телеборьяна и больше, чем что-либо другое, отразилось на решении еженощно привязывать ее ремнями. Такова была цена, которую она заплатила.

Лисбет научилась полностью владеть собой. С приступами ярости было покончено, и она не швырялась тем, что попадется под руку, когда ее выпускали из изолятора.

Но с врачами она не разговаривала.

Зато вежливо и совершенно открыто говорила с медсестрами, персоналом столовой и уборщицами. Это было замечено. Одна дружелюбная медсестра по имени Каролина, которой Лисбет в какой-то степени доверилась, спросила ее однажды, почему она так себя ведет. Лисбет удивленно на нее взглянула.

– Почему ты не разговариваешь с врачами?

– Потому что они не слушают, что я говорю.

Ответ отнюдь не был спонтанным. Это и было ее единственным способом общаться с врачами. Лисбет знала: все подобные высказывания собираются в ее журнале, и таким образом ее продуманное решение будет задокументировано.

В свой последний год в больнице Святого Стефана Лисбет все реже попадала в изолятор. Теперь это происходило исключительно в тех случаях, когда она досаждала Петеру Телеборьяну, причем считалось, что она делает это всякий раз, когда пересекается с ним. Он неутомимо пытался побороть ее упрямое молчание и тем самым заставить ее признать его существование.

В какой-то момент Телеборьян решил, что Лисбет должна принимать некое психотропное средство, которое затрудняло ее дыхание и мышление, что, в свою очередь, порождало страх. Она отказывалась принимать лекарство, что повлекло решение о принудительном приеме ежедневно по три таблетки.

Ее сопротивление было столь решительным, что персоналу приходилось держать ее силой, принудительно открывать ей рот и заставлять глотать таблетки. Уже в первый раз Лисбет засунула пальцы в рот, и ее вырвало всем обедом на ближайшую санитарку. Тогда прием таблеток стали осуществлять, когда она лежала пристегнутая. Результатом стало то, что Лисбет научилась вызывать рвоту, не засовывая пальцы в рот. Ее энергичный отказ принимать таблетки и перенапряжение персонала в связи с этим привели к тому, что попытки заставить ее были прекращены.

Едва ей исполнилось пятнадцать лет, как ее неожиданно перевезли обратно в Стокгольм и поселили в приемной семье. Переезд стал полной неожиданностью для нее. В это время Телеборьян перестал быть главврачом в больнице Святого Стефана, и Лисбет Саландер считала это единственной причиной ее внезапной выписки. Если бы все решал Телеборьян, лежать бы ей и дальше в изоляторе, пристегнутой ремнями.

А теперь она видела его по телевизору. Интересно, он все еще мечтает заполучить ее к себе в клинику или она стала слишком взрослой, чтобы будить его фантазию? Его нападки на суд, отказавший в ее госпитализации, были эффектны и пробудили негодование у женщины-репортера, берущей интервью, но она уже, очевидно, исчерпала свои вопросы. Против Петера Телеборьяна никто не мог бы выступить. Главного врача больницы Святого Стефана уже не было в живых, а судья, вынесший решение по делу Саландер и теперь ставший чем-то вроде козла отпущения, вышел на пенсию и отказался высказываться перед журналистами.

Но самую вопиющую публикацию Лисбет нашла в Сети – из местной газеты одного из городов в середине Швеции. Она трижды перечитала текст, прежде чем выключить компьютер и зажечь сигарету. Сев на подушку из ИКЕА в оконной нише, Лисбет растерянно скользила взглядом по ночному освещению.

«ОНА БИСЕКСУАЛКА», – СКАЗАЛА О НЕЙ ПОДРУГА ДЕТСТВА

> Двадцатишестилетняя женщина, разыскиваемая по подозрению в трех убийствах, описывается как человек замкнутый, со странностями и трудностями еще в школе. Несмотря на многие попытки привлечь ее в коллектив, она стояла в стороне.
>
> – У нее явно были проблемы с выбором сексуальной ориентации, – вспоминает Юханна, одна из ее немногих школьных подруг. – Довольно рано стало ясно, что она не как все, что она бисексуалка. Мы за нее беспокоились.

Дальше текст воспроизводил несколько эпизодов, которые припомнила Юханна. Лисбет нахмурилась. Сама она не могла вспомнить ни самих эпизодов, ни подружки по имени Юханна. Она вообще не могла припомнить кого-либо, кто мог считаться ее подругой и кто пытался влить ее в школьный коллектив.

Из текста было невозможно понять, когда имели место эти эпизоды, но в школу Лисбет практически перестала ходить с двенадцати лет. Это означало, что ее озабоченная подруга вскрыла ее бисексуальность совсем уж рано.

Каким бы ни был чудовищный поток идиотских текстов, появившихся за прошедшую неделю, интервью с Юханной ранило ее больше всего. Текст был явно сфабрикован. Либо репортер напоролся на патологическую нимфоманку, либо сам все выдумал. Лисбет запомнила фамилию журналиста и мысленно занесла его в список будущих объектов исследования.

Даже самые мягкие по тону и критические по отношению к обществу репортажи с заголовками типа «Общество проявило несостоятельность» или «Она никогда не получала необходимой помощи» не могли смягчить ее

образ законченной преступницы – серийной убийцы, в припадке безумия уничтожившей трех уважаемых людей.

Лисбет читала разные интерпретации собственной жизни не без некоторого любопытства, но заметила, что в публичной осведомленности присутствует очевидный пробел. При всем, казалось бы, неограниченном доступе к самым засекреченным и интимным деталям ее жизни средства массовой информации полностью пропустили то, что связано со «Всей Той Жутью», случившейся с ней незадолго до того, как ей исполнилось тринадцать. Информация о ней покрывала годы от начальной школы до одиннадцатилетия, а затем начиная с пятнадцатилетия, когда ее выпустили из детской психиатрической больницы и поместили в приемную семью.

Похоже, что кто-то, имеющий отношение к полицейскому расследованию, снабжал журналистов информацией, но по какой-то причине, неясной Лисбет Саландер, решил замаскировать период, связанный со «Всей Той Жутью». Это было поразительно. Если бы полиция хотела усилить впечатление от ее склонности к применению грубого насилия, то факты того самого расследования внесли бы самый весомый вклад в ее характеристику, намного превосходя всякие детские шалости на школьном дворе. Ведь именно те факты стали непосредственной причиной ее госпитализации в больницу Святого Стефана в Уппсале.

В пасхальное воскресенье Лисбет решила, что пора разложить по полочкам полицейское расследование. Публикуемая информация помогла ей составить картину участников следственной группы. Она записала, что прокурор Экстрём возглавляет предварительное следствие и обычно ведет пресс-конференции. Но практическое руководство осуществляет инспектор криминальной полиции Ян Бублански – слегка располневший мужчина в мешковатом костюме, обычно сидящий рядом с Экстрёмом на пресс-конференциях.

Через несколько дней она услышала про Соню Мудиг, единственную в группе женщину, обнаружившую труп адвоката Бьюрмана. Еще Лисбет наткнулась на имена Ханса Фасте и Курта Свенссона, но пропустила Еркера Хольмберга, потому что он не фигурировал в репортажах. Для каждого из них она завела свой файл и стала постепенно пополнять их информацией.

Материалы, относящиеся к ходу полицейского расследования, хранились, конечно, в компьютерах участников следственной группы, а их базы данных складывались на сервере полиции. Лисбет знала, что проникновение во внутреннюю сеть полиции сопряжено с

феноменальными трудностями, но все же не является невозможным. Она уже делала это раньше. Работая над одним заданием Драгана Арманского четыре года назад, Лисбет изучила структуру полицейской сети и продумала возможности проникновения в уголовный регистр, чтобы самой туда вторгаться. Но она потерпела полную неудачу при попытке проникновения извне. К тому же полицейская система защиты от хакеров была очень продвинутой, начиненной разными ловушками, которые могли закончиться для взломщика нежелательными хлопотами.

Внутренняя полицейская сеть была создана по всем правилам искусства с собственной подводкой кабелей и с экранированием от внешних подключений и Интернета. Другими словами, здесь требовалось либо задействовать реального полицейского с правом доступа в их сеть, который стал бы выполнять ее поручения, либо действовать так, чтобы внутренняя полицейская сеть считала ее человеком с правом доступа в нее. И вот здесь у полицейских экспертов безопасности зияла огромная дыра. Большое количество участков по всей стране было подключено к полицейской сети, причем некоторые из них, очень маленькие, ночью пустовали и к тому же не были оснащены сигнализацией или охраной. Один из таких участков имелся в Лонгвике под Вестеросом. Он занимал помещение в сто тридцать квадратных метров в здании, где также размещалась библиотека и местное отделение страхования. В дневное время там служат трое полицейских.

Когда Лисбет Саландер занималась поручением Арманского четыре года назад, ей не удалось проникнуть в полицейскую сеть, но она решила на всякий случай потратить немного времени и сил, чтобы заручиться доступом для нужд будущего. Обдумав свои дела, она нанялась уборщицей в Лонгвикскую библиотеку на лето. Кроме орудования швабрами и ведрами, Лисбет успела заскочить в бюро городского планирования и за десять минут ознакомиться с планом помещения во всех деталях. У нее были ключи от здания, но не от полицейского участка. Зато оказалось, что она без труда может влезть туда через окно ванной комнаты на втором этаже, а оно в летнюю жару оставалось на ночь приоткрытым. Полицейский участок охранялся только фирмой «Секьюритас», работник которой объезжал свои объекты на машине несколько раз за ночь. Просто курам на смех.

Понадобилось минут пять, чтобы обнаружить имя пользователя и пароль под оргстеклом, покрывающим письменный стол начальника. Затем почти всю ночь отняло экспериментирование в поисках понимания структуры полицейской сети, выяснения, каким доступом обладал лично

начальник и что было недоступно для местной полиции. В награду ей достались имена пользователей и пароли двух остальных полицейских участка. Одним из них оказалась тридцатидвухлетняя женщина Мария Оттоссон. В ее компьютере обнаружилась информация о том, что она подавала заявление и получила место следователя в отделе по борьбе с мошенничеством в стокгольмской полиции. Об Оттоссон Лисбет получила исчерпывающую информацию, поскольку та оставила свой лэптоп в незапертом ящике письменного стола. В общем, Мария Оттоссон принадлежала к числу полицейских, использующих свой личный компьютер в рабочих целях. Вот повезло-то. Лисбет инсталлировала на него «Асфиксию 1.0» – самую первую версию своей шпионской программы. Она разместила ее в двух местах: в качестве основной, активно интегрированной в «Эксплорер», и в качестве запасной в адресной книге Оттоссон. Расчет Лисбет был таков: даже если Оттоссон купит новый компьютер, она перенесет на него адресную книгу. К тому же есть шанс, что она перенесет ее в тот компьютер, который будет у нее на новом рабочем месте в Стокгольме, куда ей предстояло перебраться через несколько недель.

Лисбет также снабдила своим программным обеспечением стационарные компьютеры полицейских, что позволяло ей, получив их идентификационные данные, проникать и в полицейский регистр. Тут требовалось соблюдать чрезвычайную осторожность, чтобы ее вторжение прошло незамеченным. Например, отдел обеспечения безопасности полиции получал автоматический сигнал тревоги, если кто-то из местных полицейских заходил в сеть в нерабочее время или если число поисковых запросов резко возрастало. Сигнал тревоги также прозвучал бы, если бы Лисбет пыталась получить информацию о расследованиях, к которым местная полиция вряд ли имела отношение.

Весь следующий год Лисбет и ее коллега по хакерству Чума работали над тем, чтобы иметь возможность заходить в полицейскую сеть. Это оказалось сопряжено с такими огромными трудностями, что через некоторое время они отказались от этой деятельности; но за время работы обзавелись почти сотней полицейских идентификаций, которыми могли при случае воспользоваться.

Настоящий прорыв произошел, когда Чуме удалось «хакнуть» домашний компьютер начальника отдела полиции по обеспечению компьютерной безопасности. Оказалось, что это гражданское лицо, экономист по специальности, без особо глубоких знаний компьютеров, но с кучей информации в своем лэптопе. У Лисбет и Чумы таким образом

появилась возможность если и не «хакнуть» полицейскую сеть, то полностью разрушить ее, заразив разными вирусами. Но к такой деятельности у них не было ни малейшего интереса. Они были хакерами, а не подрывниками и хотели получить доступ к действующей сети, а не разрушить ее.

Лисбет Саландер проверила свой список и увидела, что из тех, чью идентификацию она позаимствовала, никто не причастен к расследованию тройного убийства. На слишком многое не приходится рассчитывать. Однако теперь она могла без особых проблем заходить и читать подробности всешведского розыска, включая самые свежие данные о себе. Она обнаружила, что ее видели и пытались схватить в Уппсале, Норрчёпинге, Гётеборге, Мальмё, Хеслехольме и Кальмаре и что ее изображение, сделанное с помощью компьютерной графики и дававшее гораздо лучшее представление о ее внешности, было секретно разослано повсюду.

К счастью, при том повышенном внимании, какое ей уделяли средства массовой информации, существовало всего несколько фотографий Лисбет. Помимо паспортной фотографии четырехлетней давности, использованной и на ее водительских правах, а также фотографии в полицейском регистре, когда ей было восемнадцать (где она была абсолютно не похожа на себя), существовало лишь несколько снимков, взятых из старых школьных альбомов, да еще фотографии, сделанные учительницей во время школьной экскурсии в заповедник Накка, когда ей было двенадцать. На экскурсионных снимках можно было видеть лишь мутноватое пятно фигуры, сидящей в стороне ото всех.

К несчастью, на паспортной фотографии у нее был насупленный взгляд, плотно сжатые губы и голова, чуть выдвинутая вперед. Это подтверждало представление о ней как об умственно отсталой, асоциальной личности, способной на убийство, а средства массовой информации активно мусолили это представление. Хорошо еще, что на этой фотографии она была так не похожа на себя, что узнать ее живьем не смог бы никто.

Лисбет с интересом следила за описаниями личности убитых. Во вторник средствам массовой информации оставалось лишь толочь воду в ступе, и тогда, при дефиците драматических разоблачений об охоте на Лисбет Саландер, они стали сосредотачивать внимание на жертвах. В одной из вечерних газет Даг Свенссон, Миа Бергман и Нильс Бьюрман

описывались в длинной статье, основным лейтмотивом которой было, что три достойных члена общества зверски убиты безо всякой цели.

Нильс Бьюрман вырисовывался как уважаемый, социально ангажированный адвокат, член Гринписа и общества поддержки молодежи. Целая полоса была отдана для высказываний близкого друга и коллеги Бьюрмана по имени Ян Хоканссон, контора которого находилась в том же здании, что и контора Бьюрмана. Хоканссон характеризовал Бьюрмана как защитника прав простого человека, а один служащий опекунского совета свидетельствовал о том, что Бьюрман с искренней преданностью отстаивал интересы Лисбет Саландер.

Кривая улыбка впервые за день появилась на губах Лисбет.

Много внимания уделялось Миа Бергман, женщине-жертве. Ее описывали как милую и чрезвычайно умную молодую женщину, с весьма впечатляющим списком достигнутого и блестящей карьерой впереди. Приводились высказывания о ней друзей, однокурсников, научного руководителя. Обычным вопросом было «Почему?». Публиковались фотографии, сделанные у подъезда ее дома в Эншеде, с цветами и зажженными свечами.

По сравнению с ней Дагу Свенссону отводилось немного места. Его характеризовали как острого и бесстрашного репортера, но главное внимание уделялось его подруге.

К некоторому удивлению Лисбет, до самого Пасхального воскресенья никто, похоже, не прознал, что Даг Свенссон работал над большим репортажем для журнала «Миллениум». И еще более удивительным было то, что в статье ни слова не было о том, над чем же работал Свенссон.

Цитата из Микаэля Блумквиста, появившаяся в интернет-выпуске газеты «Афтонбладет», ей так и не попалась. Только во вторник вечером она прозвучала в телевизионных новостях, и Лисбет обратила внимание на то, что Блумквист дал сбивающую с толка информацию. Он утверждал, что Даг Свенссон работал над репортажем об «информационной безопасности и незаконных вторжениях в компьютеры».

Лисбет Саландер нахмурилась. Она знала, что это неправда, и недоумевала, какую игру в действительности ведет «Миллениум». Затем она поняла, что это было послание ей, и улыбнулась второй за день кривой улыбкой. Подключившись к серверу в Голландии, дважды щелкнула мышкой по иконке, названной «МикБлум/лэптоп», нашла папку «Лисбет Саландер» и документ «Для Салли», лежащий прямо посередине рабочего стола. Кликнув два раза, начала читать.

Она долго сидела, застыв перед письмом Микаэля, раздираемая противоречивыми чувствами. До этого момента Лисбет была одна против всей Швеции; соотношение, красивое в своей простоте. Теперь неожиданно у нее появился союзник, пишущий, что уверен в ее невиновности. И как назло, это единственный мужчина в Швеции, с которым она ни за что не хотела бы встречаться. Лисбет вздохнула. Микаэль Блумквист был, как всегда, чертовски наивным энтузиастом «добрых дел». Сама-то Лисбет Саландер рассталась с наивностью уже лет в десять.

«Невинных вообще нет. Есть лишь разные степени ответственности», – считала она.

Нильс Бьюрман умер, потому что предпочел не играть по тем правилам, которые установила она. Лисбет дала ему шанс, но он все же нанял какого-то гнусного альфа-самца для расправы с ней. Тут ее вины не было.

Но если на сцену вышел Калле Блумквист, это нельзя недооценивать. Он может сгодиться. Микаэль хорошо разгадывал загадки и обладал беспримерным упорством – это она поняла в Хедестаде. Если он во что-нибудь вгрызался, то продолжал свое дело до изнеможения. И он был по-настоящему наивен. В то же время Микаэль мог вращаться в тех кругах, куда ей путь был заказан, – она не могла позволить себе засветиться. Его можно использовать до той поры, когда она тихо-спокойно сможет покинуть страну, что, как ей казалось, она вскоре будет вынуждена сделать.

К сожалению, управлять Микаэлем Блумквистом было невозможно. Он должен сам захотеть что-то сделать и нуждался в моральном оправдании своих действий. Другими словами, он был весьма предсказуем.

Подумав, она создала новый документ под именем «Мику Блуму» и написали всего одно слово:

> Зала.

Это заставит его задуматься.

Лисбет по-прежнему сидела, размышляя, когда заметила, что компьютер Микаэля Блумквиста ожил. Ответа долго ждать не пришлось.

> Лисбет!
>
> Будь ты неладна. Кто этот Зала, черт возьми? Он связующее звено? Ты знаешь, кто убил Дага и Мию? Если «да», скажи мне, и мы сможем освободиться от этого проклятья и вернуться к нормальной жизни.

Микаэль.

Ладно. А теперь пора подцепить его на крючок.

Лисбет создала еще один документ, назвав его «Калле Блумквист». Она знала, что это его разозлит. Потом написала короткое послание:

Ты – журналист. Ищи.

Как и ожидалось, его ответ пришел немедленно. Он просил ее прибегнуть к здравому смыслу и пытался сыграть на ее чувствах. Лисбет улыбнулась и отключилась от его жесткого диска.

Раз уж она втянулась в подглядывания, то решила зайти и на жесткий диск Драгана Арманского. Лисбет вдумчиво прочитала отчет о ней, который он составил на следующий день после Пасхи. Из текста было неясно, для кого он предназначен, но она исходила из единственно разумного предположения, что Арманский сотрудничает с полицией для того, чтобы схватить ее как можно скорее.

Просмотрев его почту, Лисбет не нашла ничего интересного. Она уже была готова отключиться от его жесткого диска, как вдруг наткнулась на электронное письмо от начальника технического отдела «Милтон секьюрити». Арманский оставил ему инструкции по установке камеры скрытого наблюдения в своем кабинете.

– Ух ты!

Проверив дату, она увидела, что письмо Арманского было отправлено в конце января, час спустя после ее визита доброй воли.

Значит, ей придется кое-что отрегулировать в системе скрытого наблюдения, прежде чем она снова окажется в кабинете Арманского.

Глава 22

Вторник, 29 марта – воскресенье, 3 апреля

Во вторник утром Лисбет Саландер зашла в общий регистр всех преступников, составленный Управлением криминальной полиции, и запросила имя Александра Залаченко. В регистре он не числился, что ее не удивило, потому что, по ее сведениям, в Швеции он никогда не привлекался к суду и даже никогда не регистрировался переписью населения.

Она заходила в регистр криминальной полиции, используя идентификацию комиссара Дугласа Шёльда, пятидесяти пяти лет, служащего в полицейском округе Мальмё. От неожиданности вздрогнула, когда ее компьютер вдруг пискнул и одна из иконок в меню замигала, сигнализируя, что ее разыскивают в чат-программе ICQ[31].

Секунду Лисбет колебалась: первым ее побуждением было вырвать провод из штепселя и отсоединиться. Затем она передумала. У Шёльда в компьютере вообще не было программы ICQ. Редко кто из пожилых людей закачивал ICQ себе в компьютер, потому что ее чаще всего использовала молодежь, привычная использовать компьютеры для общения. Значит, кто-то искал ее, а тут выбор был небольшим. Она включила ICQ и написала:

«Чума, чего тебе надо?»

«Оса, тебя нелегко застать. Ты свою почту вообще проверяешь?»

«А ты как на меня вышел?»

«Шёльд, у меня тот же самый список. Я так и подумал, что ты воспользуешься лицом с самой высокой категорией разрешенного доступа».

«Что тебе надо?»

«Кто этот Залаченко, которого ты запрашивала?»

«Не суй свой нос…»

«А что?»

«Отвяжись, Чума».

«Я думал, что это я – социально неполноценный, как ты выражаешься. Но, судя по газетам, я – самый что ни на есть нормальный по сравнению с тобой».

«‘l».

«Палец сама себе показывай. Помощь нужна?»

Лисбет на секунду задумалась. Сначала Блумквист, теперь Чума… Прямо удержу нет от всех, кто бросился ей на выручку. Особенностями Чумы было то, что он весил сто шестьдесят килограммов, жил как отшельник, общался с окружающими исключительно через Интернет; по сравнению с ним Лисбет Саландер была образцом втянутости в социум. Она не ответила, и тогда Чума отстучал следующую строку.

«Ты еще на месте? Тебе нужна помощь, чтобы выбраться за границу?»

«Нет».

«Почему ты стреляла?»

«Отвяжись».

«Ты собираешься еще кого-нибудь застрелить и надо ли мне самому за себя беспокоиться? Я ведь единственный, кто знает, как тебя застукать».

«Занимайся своим делом, тогда можешь не беспокоиться».

«Я и не беспокоюсь. Найдешь меня в «Хотмейле», если что-то надо. Может, оружие? Или новый паспорт?

«Социопат».

«Кто как обзывается, тот так и называется».

Лисбет отключила ICQ, села на диван и сосредоточилась. Через десять минут она снова открыла компьютер и написала Чуме на «Хотмейл»:

Прокурор Рихард Экстрём, руководитель предварительного следствия в моем деле, живет в Тебю. Он женат, имеет двоих детей и подключен дома к Интернету через общественную сеть. Мне бы хотелось получить доступ к его лэптопу или домашнему компьютеру. Мне нужно читать его в реальном времени. В общем, недружелюбное вторжение с копированием жесткого диска.

Она знала, что Чума редко покидает свою квартиру в Сундбюберге, и надеялась, что он уже взрастил молодую поросль и какой-нибудь прыщавый подросток сможет выполнить «оперативную работу». Письмо она не подписала – это было излишне. Ответ уже пришел, когда она через пятнадцать минут снова включила программу ICQ:

«Сколько ты платишь?»

«Десять тысяч на твой счет плюс расходы плюс пять тысяч твоему помощнику».

«Я дам тебе знать».

Ответ от Чумы пришел утром в четверг. Электронное письмо содержало лишь ftp-адрес. Лисбет рот открыла от удивления. Осуществить «вторжение извне», даже при помощи гениальной программы Чумы и специально разработанной дополнительной аппаратуры, было делом кропотливым, означавшим, что малые порции информации закачивались в компьютер килобайт за килобайтом, пока не создавалось новое программное обеспечение. Скорость процесса зависела от того, насколько часто Экстрём пользуется компьютером, а затем требовалось еще несколько дней на то, чтобы скачать всю информацию на дубликат жесткого диска. Сорок восемь часов – это не только ни с чем не сравнимо, но и просто теоретически невозможно. Лисбет была потрясена и подключилась к его ICQ.

«Как тебе удалось?»

«Четверо в семье имеют компьютеры, и, можешь себе представить, у них нет брандмауэра, защита просто на нуле. Достаточно лишь подсоединиться к кабелю и загружать. Мои расходы – шесть тысяч крон. Потянешь столько?»

«Ага. Плюс бонус за скорость».

Поколебавшись, Лисбет перевела на счет Чумы тридцать тысяч через Интернет – она не хотела пугать его завышенными суммами – и, усевшись на стул из ИКЕА модели «рабочий», открыла лэптоп начальника следственной группы Экстрёма. За час она прочитала все рапорты, которые были присланы инспектором Яном Бублански. Лисбет допускала, что рапорты такого рода, согласно уставу, не должны были бы покидать полицейского управления, но Экстрём плевал на эти правила и брал работу домой, подключив компьютер к Интернету, не имея программы защиты от хакеров.

Это вновь подтверждало тот факт, что ни одна система безопасности не способна конкурировать с глупостью пользователей. С помощью компьютера Экстрёма Лисбет получила важную дополнительную информацию.

Сначала она узнала, что Драган Арманский выделил двух своих сотрудников в качестве бесплатной помощи следственной группе

Бублански, что практически означало, что «Милтон секьюрити» оказывает финансовую поддержку в охоте за ней. Их задачей было всеми возможными способами способствовать ее поимке. «Ну, Армански, спасибо. Этого я тебе не забуду», – думала Лисбет. Она помрачнела, увидев, кто были эти сотрудники. Бомана Лисбет воспринимала как мужика без нюансов, но к ней относившегося вполне терпимо. Никлас Эрикссон был продажным ничтожеством, использовавшим свою должность в «Милтон секьюрити» для того, чтобы надувать клиентов.

Лисбет Саландер не была высокоморальным человеком. Она и сама не погнушалась бы обмануть клиентов фирмы, если бы те того заслуживали, но никогда не сделала бы того, что считалось недопустимым при выполнении работы с подпиской о неразглашении.

Вскоре Лисбет обнаружила, что лицом, сливающим информацию в прессу, был сам начальник следственного отдела Экстрём. Это стало очевидно из его электронных писем, в которых он отвечал на вопросы, относящиеся к судебно-медицинскому заключению о Лисбет Саландер, а также о ее отношениях с Мириам Ву.

Третье важное наблюдение Лисбет состояло в том, что группа Бублански не имела никакого понятия о том, где ее искать. Она с интересом ознакомилась с рапортом о принятых мерах и адресах, взятых под нерегулярное наблюдение. Список был коротким. Нечего и говорить, что там был адрес на Лундагатан, но также и адрес Микаэля Блумквиста, старый адрес Мириам Ву на площади Санкт-Эриксплан и адрес «Мельницы», где ее видели. «Черт, как же это я обратила на себя внимание в паре с Мимми? Вот идиотизм», – подумала она.

В пятницу детективы Экстрёма вышли на след группы «Персты дьявола». Тут, конечно, не обойдется без посещений еще ряда адресов. Лисбет нахмурилась. Так, значит, из круга ее знакомых, вероятно, исчезнут и девушки этой группы, хотя она ни разу не виделась с ними по возвращении в Швецию.

Чем больше Лисбет размышляла над всем этим делом, тем больше недоумевала. Прокурор Экстрём снабжал прессу всевозможной информацией, не брезгуя даже низкопробной. Ясно, какую цель он тем самым преследовал: во-первых, так он становился известным, а во-вторых, готовил фундамент к тому дню, когда придет время выдвинуть против нее обвинение.

Но почему он не проболтался о полицейском расследовании 1991 года?

Ведь именно оно стало непосредственной причиной ее принудительной отправки в больницу Святого Стефана. Почему эта история осталась покрыта мраком?

Лисбет зашла в компьютер Экстрёма и битый час просматривала все его документы. Покончив с этим, она закурила. Никаких ссылок на события 1991 года она не обнаружила, что давало повод к странному выводу: он ничего не знал о том расследовании.

Посидев в нерешительности, Лисбет покосилась на свой лэптоп. Вот загадка как раз для «чертова Калле Блумквиста». Она вновь включила компьютер, зашла на его жесткий диск и создала документ «МВ2».

> Прокурор Э. сливает информацию журналистам. Спроси его, почему он ничего не говорит о старом расследовании.

Этого будет достаточно, чтобы Блумквист завелся.

Лисбет терпеливо просидела пару часов, пока Микаэль не включил компьютер. Сначала он занимался своей электронной почтой, а через пятнадцать минут заметил ее документ и пять минут спустя создал документ «Шифровка». На крючок он не клюнул, а вместо этого затянул старую песню на тему, как он хочет узнать, кто убил его друзей.

Конечно, это было вполне естественно. Лисбет чуть оттаяла и ответила «Шифровка 2»:

> Что ты будешь делать, если это я?

Это уже был явно личный вопрос. Он ответил документом «Шифровка 3», ставшим для нее потрясением:

> Лисбет, если у тебя совсем крыша потекла, помочь тебе, наверное, сможет только Петер Телеборьян. Но я не верю, что это ты убила Дага и Мию. Надеюсь и молюсь о том, чтобы мое предчувствие оказалось верным.
>
> Даг и Миа собирались разоблачить мафию в торговле сексом. Моя гипотеза в том, что это каким-то образом послужило мотивом их убийства. Но у меня нет доказательств.
>
> Не знаю, с чего ты встала на дыбы против меня, но я помню, как мы как-то раз говорили о дружбе. Я сказал тогда, что дружба основывается на двух принципах: уважении и доверии. Даже если я тебе противен, ты можешь доверять мне и полагаться на меня.

Я твоих секретов никогда не выдавал, даже того, что произошло с миллиардами Веннерстрёма. Верь мне – я тебе не враг.

М.

Ссылка на Петера Телеборьяна возмутила Лисбет. Потом она поняла, что Микаэль вовсе не собирался сделать ей больно. Он просто понятия не имел, кто такой Петер Телеборьян, и, возможно, видел его только по телевизору, где тот производил впечатление высококлассного специалиста в области детской психологии с международной репутацией.

Но что реально потрясло ее, так это упоминание о миллиардах Веннерстрёма. Как он о них узнал, она не понимала. Лисбет казалось, что она не сделала ни малейшей ошибки и что ни одна живая душа не знает, что она тогда сделала.

Она перечитала письмо несколько раз. Упоминание о дружбе смутило ее. Она не знала, что ей на это ответить.

Наконец она создала документ «Шифровка 4»:

Я подумаю.

Она отключила компьютер и села в оконной нише.

Лисбет вышла из своей квартиры в квартале Мосебакке на девятый день после убийства. Была пятница, одиннадцать вечера. Уже несколько дней как у нее истощился запас пиццы, как и других продуктов; не было ни крошки хлеба, ни кусочка сыра. Последние три дня она пробавлялась овсяными хлопьями, пакет которых купила под влиянием импульса, сказав себе, что пора начинать питаться более полезной пищей. Она обнаружила, что стакан овсянки вместе с горстью изюма и двумя стаканами воды может за одну минуту в микроволновке стать вполне съедобной кашей.

Но потребность в передвижении возникла у нее не только в связи с дефицитом еды. Ей нужно было кое-кого навестить, а это, к сожалению, невозможно сделать, сидя у себя в квартире. Из гардероба Лисбет достала парик блондинки и вооружилась норвежским паспортом на имя Ирене Нессер.

Ирене Нессер реально существовала и внешне была очень похожа на Лисбет Саландер. Три года назад она потеряла паспорт, и тот, стараниями Чумы, попал к Лисбет, а она при необходимости подменяла Ирене Нессер вот уже восемнадцать месяцев.

Лисбет вынула колечки из бровей и ноздрей, а потом нанесла перед зеркалом косметику. Оделась она в темные джинсы, теплую коричневую кофту с золотой вышивкой и повседневные сапожки на каблуке. Еще она прихватила баллончик со слезоточивым газом – у нее их была припасена целая коробка. Достав электрошокер, которым не пользовалась уже год, Лисбет поставила его на зарядку. В нейлоновую сумку она положила смену одежды и поздно вечером вышла из дома. Сначала пошла в «Макдоналдс» на Хорсгатан. Его она выбрала потому, что у нее было меньше шансов наткнуться на бывших коллег из «Милтон секьюрити», ходивших в основном в «Макдоналдсы» поблизости от Шлюза или на площади Медборьярплатс. Она съела бигмак и запила его большим стаканом колы.

Утолив голод, Лисбет села на автобус номер четыре и через мост Вестербрун доехала до площади Санкт-Эриксплан. Затем дошла до площади Уденплан и к полуночи стояла у подъезда адвоката Бьюрмана на Уппландсгатан. Она ожидала, что квартира не находится под наблюдением, но, заметив, что в соседнем окне на том же этаже горит свет, решила пройтись до Ванидисплан.

Часом позже Лисбет вернулась и увидела, что в соседней квартире свет погашен.

К квартире Бьюрмана на четвертом этаже Лисбет поднялась, ступая с мягкостью кошки и не зажигая свет на лестнице. Предусмотрительно прихваченным ножичком срезала липкую ленту, наклеенную полицией, и бесшумно открыла дверь.

Она зажгла свет в прихожей – снаружи он все равно не был виден, – а потом включила крошечный карманный фонарик и стала продвигаться к спальне. Жалюзи были опущены. Проведя лучом света от фонарика по постели, она увидела на ней массу крови и вспомнила, что сама едва не умерла на этой кровати, ощутив вдруг облегчение от того, что Бьюрман наконец-то находится за пределами ее жизни.

На место преступления она явилась, чтобы найти ответы на два вопроса. Во-первых: какова связь между Бьюрманом и Залой. Лисбет была уверена, что такая связь существует, но не могла ее нащупать, изучив компьютер Бьюрмана.

Второй вопрос все время крутился у нее в голове. Во время ночного посещения несколько недель назад Лисбет заметила, что Бьюрман удалил часть материала, относящегося к ней, из папки, где он хранил все материалы о Лисбет Саландер. Недостающие страницы были частью поручения, данного ему управлением опекунского совета, где приводилась

в высшей степени краткая характеристика психического состояния Лисбет Саландер. Вообще говоря, Бьюрман не нуждался в этих страницах, и поэтому вполне возможно, что он просто почистил папку, выбросив ненужное. Но это предположение шло вразрез с тем правилом, что адвокаты не выбрасывают никаких бумаг, относящихся к незаконченному делу. Какой бы ненужной ни была бумага, выбрасывать ее совершенно недопустимо. И тем не менее те страницы отсутствовали в папке – и не попадались ни в каком другом месте на его письменном столе или поблизости.

Она обратила внимание на то, что полиция забрала все папки, касающиеся Лисбет Саландер, и некоторые другие материалы. Потратив примерно два часа на то, чтобы метр за метром обыскать всю квартиру в поисках чего-нибудь незамеченного полицией, она наконец поняла, что ничего такого не осталось.

На кухне Лисбет нашла ящик, где были свалены разные ключи: ключ от машины, парная связка ключа от квартиры и от навесного замка. Она бесшумно поднялась на чердак и попробовала, к какому замку подойдет найденный ключ. Наконец нашла тот отсек на чердаке, который был кладовкой Бьюрмана. Там стояла старая мебель, гардероб с ненужной одеждой, лыжи, аккумулятор от машины, коробка с книгами и другим хламом. Ничего заслуживающего внимания она не нашла, спустилась вниз и с помощью одного из ключей попала в гараж. Отыскала его «Мерседес» и вскоре поняла, что ничего интересного в нем нет.

В его контору Лисбет решила не ходить – там она уже была несколько недель назад в связи с последним ночным визитом в его квартиру и хорошо знала, что он не пользовался конторой уже два года. Ничего, кроме пыли, там не было.

Вернувшись в квартиру, Лисбет села на диван в гостиной и задумалась. Вскоре встала и снова подошла к ящику с ключами на кухне. Теперь она осмотрела все ключи, один за другим. На одной связке болтались ключ от английского замка, от французского замка и еще какой-то ржавый, допотопный. Лисбет сосредоточенно сдвинула брови, потом перевела взгляд на полку рядом с раковиной, где Бьюрман оставил штук двадцать пакетиков с семенами. Вынув один из них, она прочла, что это семена для посадки огородной зелени.

«Значит, у него есть дача или домик в садовом кооперативе. Как же я это упустила?» – подумала она.

Ей хватило трех минут, чтобы найти квитанцию шестилетней давности среди бумаг о всех выплатах Бьюрмана, где указывалось, что он заплатил

строительной фирме за работу, произведенную по прокладыванию подъездной дороги, а еще через минуту нашлись бумаги, относящиеся к страхованию жилого помещения неподалеку от Сталлархольма под Мариефредом.

В пять утра Лисбет остановилась у круглосуточного открытого магазина системы «Севен-илевен» на углу Хантверкаргатан у площади Фридхемсплан. Она накупила порядочное количество упаковок пиццы «Билли Пон», молока, хлеба, сыра и других основных продуктов. Еще она купила утреннюю газету с заголовком, который ее насмешил:

ПОХОЖЕ, РАЗЫСКИВАЕМАЯ ЖЕНЩИНА СБЕЖАЛА ЗА ГРАНИЦУ

По совершенно непонятной для Лисбет причине газета решила не упоминать ее имя. О ней говорили как о «двадцатишестилетней женщине». В статье сообщалось: источник в полиции предполагает, что она, возможно, сбежала за границу и, вероятно, сейчас находится в Берлине. Почему именно в Берлине, оставалось неясно, но, согласно полученным сведениям, ее видели в одном «анархофеминистском клубе» в Крейцберге. Этот клуб описывался как прибежище молодежи, помешанной на всем подряд – от политического терроризма до антиглобализма и сатанизма.

Сев на четвертый автобус, шедший обратно на Сёдермальм, Лисбет вышла на Роченлундсгатан и прогулялась до Мосебакке. Сварив кофе и сделав бутерброды, она улеглась в постель.

Лисбет проснулась, когда время было уже за полдень, с подозрением принюхалась к простыне и поняла, что давно пора поменять постельное белье. Весь субботний вечер она посвятила уборке квартиры: вынесла мусор, собрала старые газеты в два пластиковых мешка и поставила все в кладовке в прихожей. Отправила в стиральную машину сначала белье и майки, а вторым заходом – джинсы. Рассортировав грязную посуду, запустила посудомоечную машину, а под конец протерла полы мокрой шваброй.

К девяти вечера Лисбет вся вспотела. Набрав воды в ванну и не пожалев пены, она вытянулась в ней, закрыла глаза и стала думать. В полночь очнулась, поняв, что заснула, а вода тем временем остыла. Недовольная собой, Лисбет вылезла, вытерлась и легла в постель. Заснула она мгновенно.

Включив ноутбук воскресным утром, Лисбет пришла в бешенство, обнаружив, сколько глупостей написано о Мириам Ву. Как неприятно, как стыдно… Лисбет и думать не могла, что с Мимми так жестоко обойдутся, а ведь вся ее вина заключалась в том, что она была Лисбет… кем? Знакомой? Подругой? Любовницей?

Она и сама не знала, каким словом лучше всего описать свои отношения с Мимми, но, какими бы они ни были, теперь им, по-видимому, пришел конец. Придется ей, видно, вычеркнуть имя Мимми из достаточно короткого списка своих знакомых. После всех этих гадостей в прессе она, должно быть, не захочет больше иметь дело с патологической психопаткой Лисбет Саландер.

Эта мысль привела ее в ярость.

Лисбет взяла на заметку имя Тони Скалы, того журналиста, который запустил весь этот бред. Кроме того, она решила отыскать того пачкуна в полосатом пиджаке, что глумливо потешался в своей статейке в одной вечерней газете, настойчиво употребляя выражение «садомазо-лесбиянка».

Список лиц, которыми Лисбет собиралась при случае заняться, все удлинялся.

Но прежде всего ей нужно найти Залу. Что она будет делать, когда найдет его, Лисбет не знала.

В воскресенье утром, в половине восьмого, Микаэля разбудил телефонный звонок. Сонный, он протянул руку, поднял трубку и услышал голос Эрики Бергер:

– Доброе утро.

– М-м-м, – пробормотал Микаэль.

– Ты один?

– Увы.

– Тогда я советую тебе встать, принять душ и включить кофеварку. Через пятнадцать минут принимай гостя.

– Кого еще?

– Паоло Роберто.

– Боксера? Короля ринга?

– Того самого. Он позвонил мне, и мы с полчаса проболтали.

– С какой стати?

– С какой стати он позвонил именно мне? Ну, мы, в общем, знакомы, здороваемся, когда пересекаемся. Я с ним общалась, когда брала у него длинное интервью в связи с его участием в фильме Хильдебранда, а потом

мы еще несколько раз сталкивались.

– А я и не знал. Но, интересно, зачем ему понадобилось приезжать ко мне?

– Затем, что… черт, пусть лучше сам расскажет.

Микаэль только-только принял душ и натянул брюки, а Паоло Роберто уже звонил в дверной звонок. Открыв дверь, Блумквист предложил гостю присесть у обеденного стола, а сам пошел за свежей рубашкой. Затем появились два двойных экспрессо с чайной ложкой молока, и Паоло Роберто отдал должное качеству напитка.

– Вы хотели со мной поговорить?

– Это была идея Эрики Бергер.

– Ну, хорошо. Слушаю вас.

– Я знаком с Лисбет Саландер.

Микаэль поднял брови.

– Вот как?

– Я тоже немного удивился, когда Эрика Бергер рассказала, что вы с ней знакомы.

– Лучше всего, если вы расскажете по порядку.

– Ладно. Тут вот какое дело. Позавчера я вернулся из Нью-Йорка. Меня не было месяц, и тут я вижу физиономию Лисбет на первых полосах каждого чертова таблоида. В этих чертовых газетенках журналисты просто смешивают ее с дерьмом и ни один черт не сказал о ней ни единого доброго слова.

– В вашем потоке слов поместилось три черта.

Паоло рассмеялся.

– Извините, но меня это все достало. Я позвонил Эрике, чтобы хоть с кем-то поговорить, ведь я вообще не знал, куда толкнуться. А раз уж тот журналист из Эншеде работал на «Миллениум», а я знал Эрику Бергер, то и позвонил ей.

– Так.

– Даже если Саландер слетела с катушек и сделала все то, что утверждает полиция, она заслуживает справедливого обращения. Мы все же живем в правовом государстве, и нельзя судить о человеке, не выслушав его.

– Я с вами согласен, – сказал Микаэль.

– Это я понял со слов Эрики. Когда я позвонил в «Миллениум», то опасался, что вы там тоже охотитесь за ее скальпом, раз журналист Даг Свенссон работал у вас. Но Эрика сказала, что вы считаете ее невиновной.

– Я знаю Лисбет Саландер, и мне трудно поверить в то, что она – повредившаяся умом убийца.

Паоло неожиданно засмеялся.

– Она чертовски странная девица… но человек хороший. Мне она нравится.

– А вы откуда ее знаете?

– Я боксировал с Саландер еще с тех пор, когда ей было семнадцать.

Микаэль Блумквист несколько секунд моргал глазами, прежде чем вновь поднял взгляд на Паоло Роберто. С Лисбет не обойдешься без сюрпризов.

– Ну, как же. Лисбет Саландер боксирует с Паоло Роберто. Вы ведь с ней в одной весовой категории.

– Я не шучу.

– Я вам верю. Лисбет когда-то говорила мне, что ходит на спарринги с парнями в какой-то клуб.

– Я вам хочу рассказать, как это было. Лет десять назад мне довелось стать одним из тренеров юниоров, которые хотели заниматься боксом у кого-то, имеющего имя, и председатель секции юниоров считал, что я буду хорошей приманкой, так что я начал ходить туда по вечерам и спарринговать с парнями.

– Ясно.

– В общем, я проработал там все лето и часть осени. Они рекламировали клуб, где могли, и пытались завлечь молодежь в бокс. К ним тогда пришло много парней лет пятнадцати-шестнадцати, а иногда и постарше. Немало детей иммигрантов. Вместо того чтобы шататься по городу и валять дурака, лучше уж заниматься боксом. Уж я-то знаю это на своем опыте.

– Ясно.

– Так вот однажды, посреди лета, откуда ни возьмись появляется эта тощая девчонка. Вы же знаете, как она выглядит?.. Пришла в клуб и сказала, что хочет научиться боксу.

– Могу себе представить, как это выглядело.

– С полдюжины парней, раза в два больше весом и намного ее крупнее, просто заржали. Да и я тоже гоготал. Ну, не злобно, а просто веселясь. У нас есть и группа для девушек, и я сказал что-то дурацкое, типа того, что коротышки у нас приходят бодаться по четвергам, или как-то так.

– Ну, она-то уже не смеялась.

– Нет. Не смеялась. Только взглянула на меня своими черными

глазами, а потом подвинула к себе кем-то забытые боксерские перчатки. Они были не зашнурованы и слишком велики для нее. Тут мы с парнями опять подняли хохот. Представляете себе?

– Не очень-то приятно.

Паоло Роберто снова засмеялся.

– Раз уж я был тренером, то вышел вперед и сделал вид, что немного побоксирую против нее.

– Ой!

– Вот именно ой, потому что она вдруг как следует заехала мне чуть выше губы.

Он снова улыбнулся.

– Я настраивался немного подурачиться и поэтому был совершенно не готов, а она влепила мне еще два-три раза, прежде чем я успел закрыться. В общем, мускульная сила у нее была на нуле, а удар – вроде касания перышком. Но когда я начал парировать, Лисбет поняла тактику. Боксируя импульсивно, она нанесла мне еще несколько ударов. Тогда я начал отражать удары всерьез и заметил, что быстрота реакции у нее как у ящерицы. Ей бы рост да силу, и у нас получился бы настоящий матч. Понимаете, что я имею в виду?

– Понимаю.

– Тут она снова изменила тактику и засадила мне в пах. Чертовски чувствительный удар.

Микаэль кивнул.

– Тогда я влепил ей в лицо. Ну, то есть не влепил со всей силой, а так только, пихнул. А она возьми да и тресни меня ногой по колену. В общем, цирк, да и только. Я втрое выше и шире ее, так что шансов у нее вообще никаких не было, но она наносила удары, будто это был вопрос жизни и смерти.

– Вы ее раззадорили.

– Это я потом понял, и мне было неловко. Я имею в виду, что мы рекламировали наш клуб, пытались привлечь в него подростков, а когда пришла она и совершенно серьезно попросилась в секцию, ее встретила когорта гогочущих парней. Я бы и сам на стенку полез, если бы со мной так обошлись.

Микаэль снова кивнул.

– На все это ушло лишь несколько минут. Под конец я обхватил ее, уложил на пол и крепко припер, пока она не прекратила брыкаться. У нее, черт возьми, в глазах стояли слезы, и она смотрела на меня с такой злобой, что…

– И тогда вы начали заниматься с ней боксом.

– Когда она остыла, я помог ей подняться и спросил, серьезно ли она решила научиться боксу. Она швырнула в меня перчатки и пошла на выход. Я догнал ее и загородил дорогу, попросил прощения и сказал, что если она всерьез, то я согласен ее учить, пусть приходит завтра к пяти часам.

Он помолчал, глядя куда-то в сторону.

На следующий день у нас занимались девочки, и она пришла. Я поставил ее на ринг с одной девицей, восемнадцатилетней Йенни Карлссон, которая занималась боксом больше года. Проблема заключалась в том, что нам трудно было найти партнершу для Лисбет в той же весовой категории возрастом старше двенадцати лет. Поэтому я дал Йенни инструкции действовать с осторожностью и лишь делать вид, что наносит удары, потому что Саландер еще совсем зеленая.

– Ну и как это получилось?

– Ну, если начистоту… У Йенни оказалась разбита губа уже через десять секунд. Весь раунд Саландер наносила удар за ударом и уходила от ударов Йенни. А ведь это была девчонка, никогда не ступавшая на ринг. Во втором раунде Йенни так завелась, что стала лупить в полную силу, но ни один из ее ударов не достиг цели. Я прямо оцепенел. Мне никогда еще не доводилось видеть даже опытного боксера, который мог бы так быстро двигаться. Я был бы счастлив передвигаться по рингу и со скоростью вдвое ниже.

Микаэль кивнул.

– Проблема с Саландер была в том, что ее удар ни к черту не годился. Я начал ее тренировать в девичьей секции. Она проиграла все матчи, потому что рано или поздно пропускала удар противницы, тогда приходилось прерывать бой и уносить ее в раздевалку, ведь она так злилась, что начинала пинаться ногами, кусаться и рукоприкладствовать.

– Точно, вылитая Лисбет!

– Она никогда не сдавалась. Под конец она уже так достала большинство девчонок, что тренер выгнал ее.

– Вот даже как?

– Да, с ней было невозможно боксировать. У нее была только одна задача, мы называли это «Задание: уничтожить», и состояла она только в одном – растереть противника в пыль, причем ей было безразлично, шла ли речь о матче-разминке или дружеском спарринге. А девчонки часто уходили из клуба со ссадинами от ударов ногами. Тогда-то мне и пришла в голову идея. У меня было как-то непросто с семнадцатилетним парнишкой по имени Самир, родом из Сирии. Он был спокойный боксер, физически

крепкий и с мощным ударом. Чего он не мог, так это двигаться. Стоял как столб все время.

– Ну.

– Я попросил Саландер прийти в клуб в тот вечер, когда я тренировал его. Когда она переоделась, я нацепил на нее шлем, вставил капу и вывел на ринг против него. Сначала Самир отказывался от спарринга с ней, ведь «она же просто девчонка» и тому подобное в мачо-стиле. Тогда я сказал достаточно громко и четко, чтобы все слышали, что никакой это не спарринг и что она, держу пари на 500 крон, побьет его. В свою очередь ей я сказал, что это никакая не тренировка и что Самир будет драться с нею безжалостно. Она посмотрела на меня своим обычным недоверчивым взглядом. Самир все еще стоял разинув рот, когда прозвучал гонг, а Лисбет рванула в атаку и двинула ему по физиономии так, что он сел прямо на задницу. Я ведь тренировал ее уже все лето, и она теперь немного обросла мускулами, да и удар стал покрепче.

– Ну, Самир, конечно, обрадовался…

– Да уж. Об этой тренировке вспоминали потом месяцами – так Лисбет отлупила Самира. Она выиграла по очкам, а будь физически покрепче, могла бы вывести его за рамки. Спустя какое-то время раззадоренный Самир начал боксировать в полную силу. Я страшно боялся, что один из его ударов ее достанет и тогда надо будет вызывать «Скорую». Она наполучала синяков, потому что несколько раз подставила плечо, и он несколько раз смог отбросить ее на канаты, ведь она не могла противостоять силе его удара. Он ни разу даже близко не был к тому, чтобы его прямой удар достиг цели.

– Вот здорово. Жаль, что я не видел.

– После того случая парни в клубе ее зауважали, особенно Самир. Я же начал ставить ее в спарринги с более крупными парнями и бóльшего веса. Она стала моим секретным оружием, и у меня получались отличные тренировки. Я давал им задания, чтобы Лисбет добилась попадания в пять разных точек тела: челюсть, лоб, живот и так далее, а парни должны были защищать эти точки. Боксировать с Лисбет Саландер стало чуть ли не престижно – все равно что драться с шершнем. Мы даже прозвали ее Осой, и она стала для клуба вроде талисмана. Наверное, ей это нравилось, потому что в один прекрасный день Лисбет явилась в клуб с татуировкой осы на шее.

Микаэль улыбнулся. Эту осу он хорошо помнил. Татушка вошла и в перечень ее примет, распространенных полицией.

– И долго это продолжалось?

– Раз в неделю на протяжении трех лет. Я только летом тренировал там полный рабочий день, а потом появлялся урывками. Она ходила на тренировки к Путте Карлссону, нашему тренеру юниоров. Потом Саландер пошла на работу и уже не могла приходить так же часто, как раньше, но до прошлого года появлялась пару раз в месяц и тренировалась. Сам я проводил спарринг с нею по нескольку раз в год. Хорошие были тренировки, попотеть приходилось как следует. Она почти ни с кем никогда не разговаривала. Если она не была занята в спарринге, то могла пару часов прыгать у груши, молотя ее так, будто перед ней смертельный враг.

Глава 23

Воскресенье, 3 апреля – понедельник, 4 апреля

Приготовив два свежих эспрессо, Микаэль, извинившись, закурил сигарету. Паоло Роберто пожал плечами. Блумквист задумчиво рассматривал собеседника.

Паоло Роберто производил впечатление человека прямодушного и охотно говорящего в глаза все, что он думает. Микаэль понял, что он не только прямолинейный, но еще и умный и скромный человек. Ему вспомнилось, что Паоло Роберто пытался сделать и политическую карьеру, став депутатом парламента от социал-демократической партии. Он все больше производил на Микаэля впечатление человека, у которого голова неплохо варит, и журналист поймал себя на мысли, что этот парень ему симпатичен.

– А почему вы решили обратиться ко мне?

– Саландер попала как кур в ощип. Не знаю, чем ей можно помочь, но друг ей был бы нужен.

Микаэль кивнул.

– А почему вы думаете, что она невиновна? – спросил Паоло Роберто.

– Трудно сказать. Лисбет может быть беспощадной, но я просто-напросто не могу поверить в то, что она могла убить Дага и Миа, в особенности Миа. Во-первых, у нее не было мотива…

– Не было известного нам мотива.

– Ладно. Лисбет не задумываясь применила бы силу против того, кто этого заслуживает. Но я не знаю… Я вроде как бросил вызов Бублански, инспектору полиции, ведущему следствие. Мое твердое убеждение состоит в том, что для убийства Дага и Миа существует какая-то причина и что она как-то связана с публикацией, над которой работал Даг.

– Если это так, то Саландер нужен не просто кто-то, дружески к ней расположенный, когда ее схватят. Ей нужна помощь совсем другого типа.

– Я знаю.

Глаза Паоло Роберто блеснули недобрым блеском.

– Если она действительно невиновна, значит, угодила в гущу самого мерзкого юридического скандала в нашей истории. В нее тычут пальцем, как в убийцу, – полиция, средства массовой информации; да и вся остальная грязь, которую в нее кидают…

– Я знаю.

– Так что же делать? Могу я хоть как-то помочь?

Микаэль задумался.

– Наилучшей помощью было бы, если бы мы смогли найти настоящего преступника, и я работаю над этим. Другая важная помощь – найти Лисбет самим, пока кто-нибудь из полицейских не пристрелил ее. Вы ведь знаете, что Лисбет не из тех, кто сдается добровольно.

Паоло Роберто кивнул.

– А как нам ее найти?

– Не знаю. Правда, есть одна вещь, которую вы могли бы сделать, если у вас есть время и желание.

– Моя уехала на всю следующую неделю, а время и желание у меня есть.

– Правда? Я подумал, что раз уж вы боксер, то…

– Ну?

– У Лисбет есть подруга, Мириам Ву, вы про нее, наверное, читали.

– Известная как садомазо-лесбиянка… Да уж, читал.

– У меня есть номер ее мобильника, я пробовал ей дозвониться. Она отключается, как только слышит, что звонит журналист.

– Да, это вполне понятно.

– У меня самого нет времени гоняться за Мириам Ву, но я читал, что она занимается кикбоксингом. И подумал: может быть, если известный боксер ищет контакта с ней, то…

– Понятно. Вы надеетесь, что она выведет нас на Саландер.

– Полицейским она сказала, что не знает, где находится Лисбет, но попробовать сто́ит.

– Давайте ее номер. Я попробую ее найти.

Микаэль снабдил Паоло Роберто номером мобильника и адресом на Лундагатан.

Выходные Гуннар Бьёрк провел, пытаясь проанализировать свою ситуацию. Будущее его висело на волоске, и он должен был продумать, как сыграть теми плохими картами, что были у него на руках.

Во-первых, эта чертова сволочь Микаэль Блумквист. Нужно решить, сто́ит ли пытаться уговорить его помалкивать о… в общем, о том, что Бьёрк нанимал для определенных услуг тех девок. Подобное осуждалось законом, и он не сомневался, что в два счета вылетит с работы, если это откроется. Газеты просто растерзают его на куски. Сотрудник полицейской службы безопасности пользовался услугами несовершеннолетних проституток… Хоть бы эти чертовы шлюхи были не такими молодыми…

Но сидеть сложа руки означало предрешить свою печальную судьбу. У Бьёрка достало ума ничего не сказать Микаэлю Блумквисту. Он все читал по его лицу, следил за его реакцией. Блумквист колебался. Ему необходима информация, но ему пришлось бы за нее заплатить. А ценой будет молчание – это единственный выход.

Зала принес в расследование убийств совершенно новое уравнение.

Даг Свенссон охотился за Залой.

Бьюрман искал Залу.

А комиссар Гуннар Бьёрк был единственным, кто знал о связи Залы с Бьюрманом. Значит, от Залы тянулись нити как к Эншеде, так и к площади Уденплан.

Это создавало еще одну серьезную проблему для благополучия Гуннара Бьёрка. Именно он снабдил Бьюрмана информацией о Залаченко, и сделал это по дружбе, не задумываясь о том, что переданные сведения все еще имеют гриф секретности. Такой пустяк, а может квалифицироваться как служебный проступок.

Мало того, с тех пор, как в пятницу его посетил Микаэль Блумквист, он стал виновен еще в одном проступке. Будучи полицейским, он, получив информацию, имеющую отношение к расследованию убийств, был обязан немедленно передать ее инспектору Бублански или прокурору Экстрёму. Но тем самым он разоблачил бы самого себя. Это стало бы известно общественности – не баловство со шлюхами, а история с Залаченко.

В субботу Бьёрк ненадолго заскочил к себе в кабинет в отделе безопасности полиции в Кунгсхольме. Достав все старые бумаги, касающиеся Залаченко, перечитал весь материал. Все эти рапорты написал он сам, но это было много лет назад. Самая старая из бумаг имела уже почти тридцатилетнюю давность, а последний документ – десятилетнюю.

Залаченко.

Ушлый черт.

Зала.

В своих заметках Гуннар Бьёрк сам ввел это прозвище, но не помнил, чтобы когда-либо пользовался им.

А связь была не подлежащая сомнению: с Эншеде, с Бьюрманом и с Саландер.

Гуннар Бьёрк продолжал размышлять. Он еще не разобрался, как все кусочки головоломки складываются вместе, но вроде понял, зачем Лисбет Саландер поехала в Эншеде. Он мог легко себе представить, что вспышка ярости привела ее к убийству Дага Свенссона и Миа Бергман – либо из-за того, что они отказались с ней сотрудничать, либо потому, что чем-то ее

спровоцировали. У нее был мотив, о котором, возможно, знали только Гуннар Бьёрк да еще два-три человека во всей стране.

«Она же совершенно чокнутая. Вот бы повезло, если бы какой-нибудь полицейский пристрелил ее при задержании. Она-то знает, и если заговорит, раскроется вся история», – думал Гуннар Бьёрк.

Но как тут ни обдумывать, незыблемым оставался один факт: Микаэль Блумквист для него лично был единственным выходом из положения, а это в нынешних обстоятельствах оставалось важнее всего. Бьёрк чувствовал нарастающее отчаяние. Блумквиста надо заставить обращаться с ним как с анонимным источником и помалкивать о его… легкомысленных заблуждениях с теми чертовыми шлюхами. «Ох, вот если бы Саландер прострелила кумпол этому Блумквисту», – мелькнуло у него.

Микаэль взял себе за правило методично подводить итоги своих поисков. Именно этим он занимался примерно с час, после того как ушел Паоло Роберто. У него получался фактически журнал, почти что дневник, где он фиксировал свободно текущие мысли и в то же время воспроизводил все разговоры, встречи и результаты поиска материалов. Микаэль зашифровывал это в компьютере с помощью программы PGP, а копии отсылал Эрике Бергер и Малин Эрикссон, чтобы его коллеги все время были в курсе дела.

Последние недели перед смертью Даг Свенссон сосредоточился на Зале. Это имя прозвучало и в его последнем разговоре с Микаэлем по телефону всего за два часа до убийства. Гуннар Бьёрк утверждал, что кое-что знает о Зале.

Потратив минут пятнадцать, Микаэль подвел итог тому, что раскопал о Бьёрке, и этого оказалось совсем немного.

Шестидесятилетний Бьёрк был не женат, родился в Фалуне, в полиции с двадцати одного года. Начав как патрульный полицейский и получив затем юридическое образование, он попал в тайную полицию лет в двадцать шесть или двадцать семь. Дело было в 1969 или 1970 году, как раз в конце периода, когда службу безопасности возглавлял Пер-Гуннар Винге.

Винге пришлось покинуть свой пост после того, как он в разговоре с губернатором Норрботтена Рагнаром Лассинанти предположил, что премьер-министр Улоф Пальме является русским шпионом. Затем последовало дело Информационного бюро ТВ и другие скандалы, а потом и убийство Пальме. Микаэль Блумквист понятия не имел, какую роль играл Гуннар Бьёрк – если у него вообще была роль в событиях, произошедших на протяжении последних тридцати лет истории тайной полиции.

Карьера Бьёрка между 1970 и 1985 годом оставалась за семью печатями, что и неудивительно для тайной полиции, деятельность которой всегда была засекречена: может, он точил карандаши для своего начальника, а может, был тайным агентом в Китае. Но последнее было маловероятно.

В октябре 1985 года Бьёрк оказался в Вашингтоне и проработал в шведском посольстве два года. С 1988 года он снова служил в тайной полиции в Стокгольме. В 1996 году он приобрел публичный статус, став заместителем начальника отдела по делам иностранцев. Чем именно он там занимался, Микаэль не смог узнать. Однако начиная с 1996 года Бьёрк несколько раз высказывался в средствах массовой информации в связи с высылкой то одного, то другого сомнительного араба. В 1998 году он замелькал всюду в связи с высылкой нескольких иракских дипломатов.

«Какое отношение может все это иметь к Лисбет Саландер и убийству Дага с Миа? Возможно, никакого», – думал Микаэль.

Но Гуннар Бьёрк что-то знал о Зале.

Значит, здесь есть какая-то связь.

Эрика Бергер не рассказывала никому, включая собственного мужа, от которого у нее в принципе не было тайн, что собирается переметнуться к Большому Дракону – «Свенска моргонпостен». В «Миллениуме» у нее оставался один месяц. Эрику переполняла тревога. Ведь оставшиеся дни промелькнут быстро, и она неожиданно подойдет к своему последнему дню на посту главного редактора.

Эрика чувствовала гнетущую тревогу за Микаэля. Сердце ее сжималось, когда она читала его последнее электронное письмо. Она узнавала эти предвестники. Появилось то же упрямство, которое два года назад подстегнуло его к тому, чтобы вцепиться в Хедестад, и та же одержимость, с которой он взял за горло Веннерстрёма. После Великого четверга для него не существовало уже ничего, кроме задачи выяснить, кто убил Дага и Мию, и так или иначе отвести подозрения от Лисбет Саландер.

При всей симпатии к его цели – ведь Даг и Миа были также и ее друзьями – Эрику отталкивала одна черта характера Микаэля. Почуяв кровь, он срывался с цепи.

Уже в тот момент, когда он позвонил ей вчера и рассказал, что бросил вызов Бублански и вступил с ним в поединок, как какой-то одержимый ковбой, она поняла, что охота за Лисбет Саландер полностью поглотит его на все ближайшее время. По опыту она знала, что с ним будет невозможно иметь дело, пока Микаэль не справится с поставленной задачей. Он будет

то упиваться своими успехами, то впадать в депрессию. И брать на себя совершенно неоправданный риск.

А еще – Лисбет Саландер… Эрика видела ее всего один раз и слишком мало знала об этой необычной девушке, чтобы разделить веру Микаэля в то, что она невиновна. А если прав Бубლански? А если она виновна? А если Микаэлю удастся ее отыскать и он окажется перед сумасшедшей, вооруженной огнестрельным оружием?

Ее ничуть не успокоил и разговор с неожиданно появившимся Паоло Роберто. Хорошо, конечно, что Микаэль будет не единственным на стороне Саландер, но этот мачо-боксер не внушал доверия.

А главное, ей нужно подыскать себе преемника, который будет способен возглавить «Миллениум». Теперь это нужно было делать срочно. Эрика подумала, не позвонить ли Кристеру Мальму и не посоветоваться ли с ним, но поняла, что не сможет сказать ему о своем решении, не поговорив сначала с Микаэлем.

Блумквист был первоклассный репортер, но совершенно не подходил на роль главного редактора. В этом отношении Кристер гораздо лучше отвечал требованиям, но Эрика не была уверена, что тот примет предложение. Малин была слишком молода и неуверенна. Моника Нильссон слишком занята своей особой. Хенри Кортес – хороший репортер, но слишком молод и неопытен в руководстве. Лотта Карим отличалась мягкостью характера. Что же касается приглашения человека со стороны, то тут Эрика не была уверена, что Кристер и Микаэль этому обрадуются.

Вот такие заморочки.

Не так ей хотелось бы закончить годы, проработанные в «Миллениуме».

Вечером в воскресенье Лисбет Саландер снова открыла «Асфиксию 1.3» и зашла на зеркальный жесткий диск «МикБум/лэптоп». Убедившись, что в данный момент сам Микаэль не в Сети, она потратила некоторое время на то, чтобы прочитать все новое, что у него появилось за последние два дня.

Просматривая его журнал расследования, Лисбет задумалась, уж не ради нее ли он писал столь подробно, и если это так, что бы это значило. Зная, что она заходит в его компьютер, он, может быть, хотел, чтобы она читала, что он пишет? Интересно, а чего же тогда он *не* пишет? Исходя из того, что Лисбет бывает в его компьютере, он мог манипулировать приводимыми сведениями. Попутно она отметила, что он не слишком

далеко продвинулся, бросив вызов Бублански в вопросе ее невиновности. Уже это вызывало только досаду – Микаэль Блумквист делал заключения, основываясь на эмоциях, а не на фактах. Наивный недотепа.

Однако он нацелился на Залу. «Правильно смекаешь, Калле Блумквист!» – похвалила она. Интересно, стал бы он заниматься Залой, если бы она не подкинула ему это имя?

Затем Лисбет с некоторым удивлением обнаружила, что в дело внезапно вмешался Паоло Роберто. Это была приятная новость, и она улыбнулась. Ей нравился этот задавака – вот уж мачо до кончиков ногтей. Он не стеснялся вмазать ей как следует на ринге – точнее, вмазать, когда вообще попадал в нее.

Прочитав последнее дешифрованное письмо Микаэля Блумквиста Эрике Бергер, она так и подскочила на месте.

Гуннар Бьёрк из полицейской службы безопасности располагает информацией о Зале.

Гуннар Бьёрк был знаком с Бьюрманом.

Взгляд Лисбет стал рассеянным, когда она мысленно представила себе треугольник: Зала, Бьюрман, Бьёрк. Да, в этом есть смысл. Раньше она не смотрела на проблему под этим углом зрения. Голова у Микаэля Блумквиста вроде варит. Но, конечно, он не понимает взаимосвязи. Она и сама ее не понимала, хотя знала о случившемся намного больше. Задумавшись о Бьюрмане, Лисбет поняла, что факт его знакомства с Бьёрком делает его гораздо более значительным игроком, чем она думала раньше.

Лисбет решила, что ей сто́ит наведаться на его дачу в Смодалире.

Затем она зашла на жесткий диск Микаэля и создала новый документ в папке «Лисбет Саландер», назвав его «Угол ринга». Он должен увидеть его, когда в следующий раз подключится к ноутбуку.

1. Держись подальше от Телеборьяна. Это злобное существо.

2. Мириам Ву не имеет к делу ни малейшего отношения.

3. Правильно делаешь, что сосредотачиваешься на Зале. Это ключевая фигура. Но ты не найдешь его ни в одном регистре.

4. Существует какая-то связь между Бьюрманом и Залой. Пока не знаю какая. Я этим занимаюсь. Может быть, Бьёрк.

5. Важное обстоятельство. Существует малоприятное расследование, касающееся меня, датированное февралем 1991 года. Я не знаю его регистрационного номера и не могу его найти. Почему Экстрём не разболтал о нем журналистам? Ответ:

его нет у него в компьютере. Вывод: он о нем ничего не знает. Как такое могло случиться?

Немного подумав, она сделала приписку:

PS. Я не могу считать себя невиновной, но я не стреляла в Дага и Мию и никакого отношения к их убийству не имею. Я виделась с ними в тот вечер, когда произошло убийство, но ушла до того, как все произошло. Спасибо, что ты веришь в меня. Передавай привет Паоло, скажи, что я под впечатлением от его левого хука.

Потом она подумала, что такую информационную наркоманку, как она, до смерти одолевает любопытство. И написала еще одну строку.

PS2. А как ты узнал насчет Веннерстрёма?

Микаэль Блумквист наткнулся на документ Лисбет часа через три. Он раз пять перечитал письмо, строчку за строчкой. Впервые она отчетливо заявила, что не убивала Дага и Мию. Он верил ей – и испытал огромное облегчение. И теперь наконец-то она говорила с ним, хотя, как и всегда, загадками.

Микаэль обратил внимание на то, что она заявляла лишь о непричастности к убийству Дага и Миа, но ничего не сказала о Бьюрмане. «Возможно, – подумал он, – это объясняется тем, что я упомянул лишь имена Дага и Миа в своем письме». Обдумав текст, он создал документ «Угол ринга 2».

Привет, Салли!

Хорошо, что ты наконец сказала, что невиновна.

Я в тебя верил, но трескотня в прессе действовала даже на меня, и меня одолевали сомнения. Я виноват перед тобой – прости. До чего приятно получить это прямо с твоей клавиатуры. Остается только разоблачить настоящего убийцу. Это нам с тобой уже доводилось делать. Все стало бы намного легче, если бы ты не говорила загадками. Ты наверняка читаешь мой дневник расследований, так что примерно знаешь, что я делаю и о чем размышляю. Мне кажется, что Бьёрк что-то знает, и я собираюсь снова поговорить с ним на днях. Может быть, поиски клиентов

проституток – неверный след?

То, что ты написала про полицейское расследование, меня просто поразило. Я поручу моей коллеге Малин поискать его. Тебе ведь было тогда 12–13 лет? О чем там шла речь?

Твое мнение о Телеборьяне я принял во внимание.

М.

PS. В налете на деньги Веннерстрёма ты допустила одну ошибку. Я знал о том, что ты сделала, еще в Сандхамне, во время рождественских праздников, но ни о чем не спрашивал, потому что ты ничего мне не рассказала. Я не хочу писать тебе, в чем была твоя ошибка, пока мы не встретимся за чашкой кофе.

Ответ поступил через три часа.

Про клиентов можешь забыть. Важен только Зала. И еще один верзила-блондин. Но полицейское расследование представляет интерес, потому что кто-то, похоже, хочет его скрыть. Это не может быть случайностью.

Прокурор Экстрём, собравший группу Бублански на утреннее совещание в понедельник утром, был в отвратительном настроении. Уже больше недели они занимались поисками вполне определенной подозреваемой с приметной внешностью, а результатов все еще не было. Настроение Экстрёма не стало лучше, когда Курт Свенссон, дежуривший на выходных, сообщил о последних событиях.

– Вторжение? – с неподдельным изумлением спросил Экстрём.

– В воскресенье вечером поступил звонок от соседа, который случайно обратил внимание на то, что заградительная лента на двери Бьюрмана порвана. Я съездил туда и проверил.

– И что оказалось?

– Ленту разрезали в трех местах либо бритвой, либо перочинным ножиком. Разрезы аккуратные, и их нелегко заметить.

– Ограбление? Есть такие воры, что специализируются на покойниках…

– Ограбления не было. Я всю квартиру проверил. Все ценное на месте: видео и тому подобное. Но ключ от машины Бьюрмана лежал на кухонном столе, на видном месте.

– Ключ от машины? – удивился Экстрём.

– Еркер Хольмберг был в квартире в среду, проверял, не упустили ли мы чего-нибудь. В частности, он посмотрел машину и клянется, что на кухонном столе никакого ключа не было, когда он уходил из квартиры, и что квартиру он снова опечатал лентой.

– А может быть, все-таки забыл ключ на столе? С кем не бывает.

– Тем ключом Хольмберг вообще не пользовался. Он прибегнул к связке ключей Бьюрмана, которую мы изъяли. На ней был дубликат ключей от машины.

Бублански почесал подбородок.

– Значит, это не обычное ограбление?

– Проникновение. Кто-то вторгся в квартиру Бьюрмана и шарил по ней. Произошло это между вечером среды и воскресным вечером, когда сосед заметил, что лента повреждена.

– Иными словами, кто-то что-то искал. Так, Еркер?

– Там ничего не осталось, мы все изъяли.

– Ничего известного нам. И мотив убийства остается все еще неясным. Мы исходили из того, что Саландер психопатка, но даже у психопата должен быть мотив.

– И что же вы предлагаете?

– Не знаю. Кто-то не поленился обыскать квартиру Бьюрмана. Возникают два вопроса. Первый: кто? И второй: зачем? Значит, мы что-то упустили?

На секунду воцарилось молчание.

– Еркер…

Хольмбер тяжко вздохнул.

– Ладно. Я съезжу на квартиру Бьюрмана и прочешу ее снова. С пинцетом.

Лисбет Саландер проснулась в понедельник утром в одиннадцать. Она полежала, нежась еще с полчаса, потом встала, включила кофеварку и приняла душ. Приведя себя в порядок и приготовив пару больших бутербродов, села за компьютер посмотреть, что нового появилось у прокурора Экстрёма, и проглядеть выпуски разных утренних газет в Интернете. Интерес к убийству в Эншеде ощутимо упал. Потом она открыла папку Дага Свенссона с расследованием и внимательно ознакомилась с записями его разговоров с Пером-Оке Сандстрёмом, тем самым потребителем услуг проституток, который бегал на цырлах перед секс-мафией и что-то знал о Зале. Покончив с чтением, Лисбет налила еще

кофе, села в оконной нише и задумалась.

Часам к четырем план созрел.

Ей понадобятся деньги. Всего у нее было три кредитки. Одна – на имя Лисбет Саландер, а значит, практически бесполезная, вторая – на имя Ирене Нессер, но Лисбет избегала ею пользоваться, потому что могли потребовать предъявить паспорт Ирене Нессер, а это было рискованно. Третья была зарегистрирована на «Уосп Энтерпрайс» и обслуживалась счетом, на котором лежало около десяти миллионов крон. По ней можно было делать интернет-переводы. Ею мог пользоваться кто угодно, но личная идентификация при этом все равно требовалась.

Пройдя на кухню, Лисбет открыла коробку из-под печенья и вынула пачку банкнот. У нее было 950 крон наличными – м-да, немного. Но еще там хранилось 1800 американских долларов, лежавших еще с тех пор, как она вернулась в Швецию, и которые можно поменять в любом обменнике «Форекс». Это было уже кое-что.

Нацепив парик Ирене Нессер и одевшись поприличнее, Лисбет взяла с собой смену одежды, косметику и коробку с театральным гримом – и уложила все это в рюкзак. Теперь можно было уходить с Мосебакке и начинать вторую вылазку. Прогулявшись до Фолькунггатан, а затем дальше к Эрстагатан, она заскочила в магазин «Ватски» перед самым его закрытием, купила изоляционную ленту для электропроводов, механический блок с веревкой и якорную веревку восьмиметровой длины.

Обратно она поехала на шестьдесят шестом автобусе. На остановке Медборгарплатс увидела женщину, ожидавшую автобус. Сначала Лисбет не узнала ее, но где-то затылком почуяла сигнал тревоги и, бросив на женщину еще один взгляд, вспомнила, что это Ирен Флемстрем, кассирша из «Милтон секьюрити». У нее была новая, более броская прическа. Лисбет тихо и спокойно вышла из автобуса, пока Флемстрем садилась в него. Она внимательно огляделась, скользя по лицам и проверяя, нет ли знакомых. Затем дошла до станции метро «Сёдра» и села на поезд, идущий в северном направлении.

Инспектор криминальной полиции Соня Мудиг и Эрика Бергер пожали друг другу руки. В буфетной нише, куда они сразу направились за кофе, Соня заметила, что все кружки непарные и снабжены рекламой различных политических партий, профсоюзных организаций и предприятий.

– Кружки с разных предвыборных кампаний и в связи с интервью, – пояснила Эрика, протягивая кружку с логотипом LUF – Либерального

молодежного союза.

Соня Мудиг провела три часа у письменного стола Дага Свенссона. Малин Эрикссон, секретарь редакции, помогала ей ориентироваться в книге и статьях Дага Свенссона, а также в материалах его исследования. Размах работы поразил Соню. Следственная группа считала пропажу компьютера Дага Свенссона невосполнимой утратой, а оказалось, что почти весь материал спокойно лежал все это время в «Миллениуме».

Микаэля Блумквиста не было в редакции, но Эрика дала Соне список бумаг, которые он взял со стола Дага Свенссона. Они относились исключительно к личности источников информации. Под конец Мудиг позвонила Бублански и описала положение дел. В итоге они решили изъять весь материал с письменного стола Дага, включая компьютер, выданный ему «Миллениумом», поскольку все это представляет интерес для следствия. Кроме того, руководитель следственного отдела сможет вернуться к вопросу об изъятии также и материала, отобранного Микаэлем Блумквистом. Соня Мудиг составила протокол изъятия, а Хенри Кортес помог ей отнести все в машину.

В понедельник к вечеру Микаэль совсем пал духом. За всю прошлую неделю он проверил десять имен из всего списка, который Даг Свенссон собирался предать гласности. Всякий раз он встречал обеспокоенного, взволнованного и перепуганного мужчину. Среднегодовой доход каждого составлял около четырех сотен тысяч крон в год. Теперь это была жалкая кучка напуганных мужчин.

Но ни в одном из случаев у Блумквиста не зародилось подозрение, что от него скрывают что-то связанное с убийством Дага Свенссона и Миа Бергман. Напротив, многие из тех, с кем он говорил, считали, что их положение сильно ухудшится в обстановке охоты на ведьм, которая развернется, когда журналисты узнают, что их имена как-то связаны с убийствами.

Микаэль открыл свой ноутбук и посмотрел, нет ли чего-нибудь нового от Лисбет. Нет, ничего. В предыдущем письме она утверждала, что клиенты проституток не представляют интереса и что он попусту тратит время. Микаэль выматерился выражением, которое Эрика Бергер определила бы как «сексистское и новоязовское одновременно». Он проголодался, но готовить еду не хотелось. К тому же Микаэль уже две недели не покупал продукты, если не считать мелкую ерунду из соседнего магазинчика. Надев пиджак, он спустился в греческий ресторанчик на Хорнсгатан и заказал баранину, жаренную на гриле.

Лисбет Саландер сделала пару неприметных кругов вокруг ближайших зданий, а затем зашла в нужный подъезд. Это были низкие панельные дома, вероятно, с плохой изоляцией и вряд ли подходящие для ее целей. Журналист Пер-Оке Сандстрём жил в угловой квартире на третьем, последнем этаже. Лестница шла выше, на чердак, что было вполне приемлемо. Света не было во всех окнах квартиры, что, по-видимому, означало отсутствие ее хозяина.

Прогулявшись несколько кварталов до пиццерии, Лисбет заказала гавайскую пиццу, села в углу и раскрыла вечернюю газету. Было почти девять, когда она купила кофе с молоком в киоске «Пресс-бюро» и вернулась к нужному зданию. Окна в квартире были по-прежнему темными. Лисбет зашла в подъезд, поднялась и села неподалеку от чердака, откуда был виден вход в квартиру Пера-Оке Сандстрёма. Она пила кофе и ждала.

Инспектору криминальной полиции Хансу Фасте повезло: он наконец напал на след двадцативосьмилетней Силлы Нурен, лидера сатанинской группы «Персты дьявола». Этот след отыскался в студии «Рисент трэш рекордс», расположенной в промышленном здании в районе Эльвше, пригороде Стокгольма. Шок, который он испытывал, по своим масштабам был сравним разве что с тем, который пережили португальцы, впервые наткнувшись на индейцев Карибского бассейна.

После нескольких безуспешных попыток узнать что-то у родителей Силлы Нурен Фасте больше повезло с ее студией звукозаписи, где она, по словам сестры, «помогала» в записи альбома группы «Колд вакс» из Борлэнге. Про эту группу Фасте никогда ничего не слышал и почему-то думал, что ее члены – двадцатилетние парни. Уже в коридоре возле студии его накрыла такая волна звука, что у него дух занялся. Понаблюдав за «Колд вакс» через стеклянную стену, он подождал, пока в звуковой волне не наступил просвет.

У Силлы Нурен были длинные, черные как смоль волосы с красными и зелеными прядями и черный как сажа макияж. Это была низкорослая пышка, одетая в короткую кофточку, обнажавшую живот с пирсингом в пупке, и с ремнем с заклепками вокруг бедер. Смотрелась она как героиня какого-нибудь французского фильма ужасов.

Фасте протянул свое удостоверение и попросил разрешения поговорить с нею. Жуя резинку, Силла оглядела его подозрительным взглядом. Наконец она ткнула пальцем в какую-то дверь и повела его в

комнату типа буфетной. При входе Ханс чуть не споткнулся о мешок с мусором, оставленным прямо на дороге. Силла Нурен налила из-под крана воды в пустую бутылку, выпила примерно половину, села за стол и закурила сигарету. На Фасте уставились ярко-голубые глаза. Он вдруг забыл, с чего надо начать.

– Что значит «Рисент трэш рекордс»? – спросил он.

Она недовольно поморщилась.

– Это звукозаписывающая фирма, выпускающая диски новых молодых групп.

– А в чем тут ваша роль?

– Я – техник звукозаписи.

Фасте посмотрел на нее.

– Получили специальное образование?

– Не-а. Сама научилась.

– И с этого можно прожить?

– А почему это вас интересует?

– Да просто спросил. Я думаю, вы читали про Лисбет Саландер последние дни?

Она кивнула.

– У нас есть сведения, что вы с ней знакомы. Это правда?

– Возможно.

– Так правда или нет?

– Зависит от того, что вам надо.

– Мне надо найти объявленную в розыск психичку, совершившую тройное убийство. Я ищу информацию о Лисбет Саландер.

– Я ее не видела с прошлого года.

– Когда вы с ней встретились в последний раз?

– Осенью почти два года назад, в «Мельнице». Она там появлялась, а потом перестала.

– А вы пробовали с ней связаться?

– Звонила ей на мобильник несколько раз, потом телефонный номер отключили.

– А вы не знаете, как ее найти?

– Нет.

– Что такое «Персты дьявола»?

Силла Нурен ухмыльнулась.

– А вы что, газет не читаете?

– Почему это?

– В них ведь написано, что мы – группа сатанисток.

– А это так и есть?

– Как думаете, я похожа на сатанистку?

– А как она выглядит?

– Да уж… Не знаю, где больше кретинов – в полиции или прессе.

– Слушайте, милочка, речь ведь идет о серьезных делах.

– Сатанистки ли мы?

– Хватит трепаться, отвечайте на мои вопросы.

– А какие у вас вопросы?

Зажмурившись, Ханс Фасте вспомнил, как несколько лет назад, в рамках сотрудничества и обмена опытом, он ездил в Грецию. Тамошние полицейские, имея много собственных проблем, обладали большими преимуществами. Начни Силла Нурен валять дурака в Греции, он пригнул бы ее и врезал раза три дубинкой. А Ханс стоял и смотрел на нее.

– Состояла ли Лисбет Саландер в «Перстах дьявола»?

– Не думаю.

– Что вы имеете в виду?

– Лисбет слон на ухо наступил больше, чем кому-либо. Слух у нее был никудышний.

– Слух?

– Ну, трубу от барабана по звуку она еще могла отличить, но дальше этого ее музыкальные способности не шли.

– Но я спросил, состоял ли она в группе «Персты дьявола»?

– Я и ответила на этот вопрос. Чем же еще, черт возьми, занимались «Персты дьявола»?

– Чем же?

– Вы же ведете следствие, читая идиотские газеты.

– Отвечайте на вопрос.

– «Персты дьявола» были рок-группой. В середине девяностых годов у нас была компания девушек, любительниц тяжелого рока, и мы поигрывали для собственного удовольствия. Нам хотелось, чтобы нас заметили, и мы использовали знак пентаграммы и немного симпатии к дьяволу. А потом наша группа распалась, и теперь я – единственная из всех нас, оставшаяся в мире музыки.

– И Саландер не входила в группу?

– Я же сказала.

– Почему же наши источники утверждают, что Саландер была членом группы?

– Потому что ваши источники – такие же мудаки, как журналисты.

– Объясните.

– Нас было пять девушек в ансамбле, и мы потом продолжали иногда встречаться. Раньше собирались раз в неделю в «Мельнице», а теперь – примерно раз в месяц. Но мы в контакте друг с другом.

– А что вы делаете, когда встречаетесь?

– А что люди вообще делают в «Мельнице», как думаете?

Фасте вздохнул.

– Значит, встречаетесь, чтобы тяпнуть?

– Мы обычно пьем пиво, треплемся. А что вы делаете, когда встречаетесь с приятелями?

– А Лисбет Саландер тут с какого боку-припеку?

– Я познакомилась с ней в вечерней школе, когда мне было восемнадцать. Иногда она заглядывала в «Мельницу» и пила с нами пиво.

– Значит, «Персты дьявола» – это не организация?

Силла Нурен посмотрела на него так, будто он с Луны свалился.

– Вы лесбиянки?

– А по морде не дать?

– Отвечайте на вопрос.

– Не ваше дело, кто мы.

– Остыньте и не провоцируйте меня.

– Ну, как же. Полиция заявляет, что Лисбет Саландер убила троих, а ко мне пристает с вопросами о моей сексуальной ориентации… Шли бы вы куда подальше.

– Эй, я ведь и задержать вас могу!

– Интересно, за что? Между прочим, забыла вам сказать, что учусь на юридическом уже три года и что мой отец – Ульф Нурен из адвокатской конторы «Нурен и Кнаппе». Так что увидимся в суде.

– Я думал, вы работаете в музыкальном бизнесе.

– Работаю, для собственного удовольствия. Уж не думаете ли вы, что на это можно прожить?

– Понятия не имею, на что вы живете.

– Сатанизмом и лесбийством я не зарабатываю, если это то, что вы подумали. Но если вы исходите из этого в охоте на Лисбет Саландер, тогда мне ясно, почему вы до сих пор ее не нашли.

– А вы знаете, где она?

Силла Нурен начала крутить верхней частью туловища и водить руками в воздухе перед собой.

– Я чувствую, что она близко… подождите, я настрою телепатическую связь…

– Хватит уже!

– Слушайте, я же сказала, что не слышала о ней уже почти два года. Не имею ни малейшего понятия, где она. Еще чего вам надо?

Соня Мудиг включила компьютер Дага Свенссона и весь вечер просидела, составляя каталог того, что было на жестком диске и на дискетах. Книгой Дага она зачитывалась до одиннадцати вечера.

Соня сделала два заключения. Во-первых, обнаружила, что Даг Свенссон был отличным писателем, к тому же прекрасно знавшим механизм секс-торговли. Вот было бы здорово, если бы он мог прочитать несколько лекций на эту тему в Высшей школе полиции! Его знания были бы отличным подспорьем. Хансу Фасте, например, очень пригодились бы познания Свенссона.

Во-вторых, Соня теперь поняла точку зрения Микаэля Блумквиста, что исследования Дага могли породить мотив его убийства. Обнародование информации о секс-покупателях, которое планировал Свенссон, не просто повредило бы репутации нескольких людей. Это было безжалостное разоблачение. Несколько известных особ, выступавших судьями на процессах по сексуальным правонарушениям или принимавших участие в общественных дебатах, были бы полностью уничтожены. Микаэль Блумквист прав: в книге есть мотив убийства.

И все же, даже если кто-то из секс-покупателей, рисковавших разоблачением, решил убить Дага Свенссона, это никак не было связано с адвокатом Нильсом Бьюрманом. Он вообще не фигурировал в материалах Дага, а это не только решительно ослабляло доводы Микаэля Блумквиста, но и серьезно говорило в пользу гипотезы единственной подозреваемой – Лисбет Саландер.

При всей неясности мотивации убийства Дага Свенссона и Миа Бергман Лисбет имела привязку к месту преступления и орудию убийства. Такие отчетливые технические доказательства было трудно интерпретировать иначе, и они указывали именно на Саландер как на человека, произведшего смертельные выстрелы в квартире в Эншеде.

А тут еще и оружие, непосредственно связанное с убийством адвоката Бьюрмана… В этом деле существовала несомненная личная связь, а возможно, и мотив. Если принять во внимание художество на животе Бьюрмана, можно думать о какой-то форме сексуального насилия или садомазохистских отношений между ним и Лисбет. Сомнительно, чтобы Бьюрман мог добровольно подставить свое тело для такой странной татуировки. Это предполагало либо его наслаждение от такого рода унижения, либо – если это была сама Саландер – что он был поставлен в

беспомощное положение. О том, как все это реально происходило, Мудиг и гадать не хотелось.

Любопытно, что Петер Телеборьян утверждал, что насилие со стороны Лисбет Саландер было всегда направлено против тех, кого она по какой-то причине считала представляющими угрозу, или тех, кто ее обидел.

Соне Мудиг припомнилось сказанное о Лисбет Саландер Телеборьяном. Казалось, что ему искренне хотелось защитить ее; что ему было бы неприятно, если бы его бывшая пациентка пострадала. В то же время расследование существенным образом опиралось на его анализ личности Саландер как социопатки на грани психоза.

Не в рациональном, а в эмоциональном плане теория Микаэля Блумквиста была привлекательнее.

Чуть прикусив губу, Мудиг попыталась представить себе какой-нибудь вариант, отличный от сценария «Лисбет Саландер – единственная убийца». Наконец она взяла авторучку и нерешительно написала строку в блокноте перед собой:

«Два абсолютно разных мотива? Двое убийц? Одно орудие убийства!»

В голове у нее промелькнула какая-то ускользающая мысль, которую ей так и не удалось сформулировать, но записанные вопросы Соня хотела поднять завтра на утреннем заседании Бублански. Необъяснимым образом она вдруг почувствовала, что роль Саландер в качестве единственного убийцы потеряла для нее всякую привлекательность.

Затем Мудиг решила, что на сегодня хватит, выключила компьютер и заперла диски в письменном столе. Надев куртку и погасив настольную лампу, она собиралась запереть дверь своего кабинета, как вдруг услышала звук в конце коридора. Брови ее сдвинулись. Она-то считала, что осталась единственной из всего отдела на работе. Дойдя по коридору до комнаты Ханса Фасте, Соня увидела, что дверь приоткрыта, и услышала, что он разговаривает по телефону.

– Это, конечно, сводит концы с концами, – услышала она его голос.

Постояв в нерешительности, Мудиг собралась с духом и постучала по дверному косяку. Ханс Фасте удивленно уставился на нее. Она приветственно помахал ему рукой.

– Мудиг все еще на работе, – сообщил Фасте по телефону. Он слушал, но не спускал глаз с Сони. – Ладно, я ей передам, – произнес Ханс и положил трубку. – Бубла, – пояснил он. – А ты чего хочешь?

– А что там сводит концы с концами? – спросила она.

Он изучающе взглянул на нее.

– Подслушиваешь за дверью?

– Нет. Твоя дверь была открыта, и ты произнес эти слова, когда я постучала.

Фасте пожал плечами.

– Я позвонил Бубле рассказать, что государственная криминалистическая лаборатория выдала наконец кое-что пригодное.

– Вот оно что.

– У Дага Свенссона был мобильник с симкой компании «Комвик», и они наконец-то составили список его разговоров. Разговор с Микаэлем Блумквистом в двадцать часов двенадцать минут подтверждается. Так что Блумквист действительно был на ужине у своей сестры.

– Хорошо, но не думаю, чтобы Блумквист имел какое-то отношение к убийству.

– Я тоже. Но Даг Свенссон в тот вечер сделал еще один звонок, в двадцать один тридцать четыре. Разговор длился три минуты.

– Ну и что?

– Он звонил адвокату Нильсу Бьюрману, домой. Так что между двумя этими убийствами есть какая-то связь.

Соня Мудиг медленно опустилась в кресло для посетителей.

– Давай, присаживайся, пожалуйста.

Она не отреагировала на эту реплику.

– Так. Как выглядит роспись по времени? Вскоре после восьми Даг Свенссон звонит Микаэлю Блумквисту и договаривается о встрече позже вечером. В половине десятого Свенссон звонит Бьюрману. Под самое закрытие табачного магазинчика Саландер покупает сигареты в Эншеде. В начале двенадцатого Микаэль Блумквист с сестрой приезжают в Эншеде и в двадцать три одиннадцать звонят в городскую дежурную службу.

– Вроде все так, мисс Марпл!

– Но ведь ничего не сходится. По заключению патологоанатома, Бьюрман был застрелен между десятью и одиннадцатью вечера. Саландер в это время находится уже в Эншеде. Мы же исходили из того, что Саландер сначала убила Бьюрмана, а потом – пару в Эншеде.

– Ничего это не значит. Я снова говорил с патологоанатомом. Тело Бьюрмана было обнаружено только на следующий день вечером, почти сутки спустя. Патологоанатом считает, что временной интервал его смерти может сдвигаться на час.

– Но Бьюрман – безусловно, первая жертва, потому что орудие убийства было обнаружено в Эншеде. Это означало бы, что Саландер убила Бьюрмана где-то сразу после двадцати одного часа тридцати четырех минут – и тут же помчалась в Эншеде, чтобы купить сигареты в табачном

магазине. Разве этого времени хватило бы, чтобы доехать от площади Уденплан до Эншеде?

– Ну да, хватило бы. Она ведь не общественным транспортом пользовалась, как мы думали раньше. У нее была машина. Мы с Сонни Боманом недавно проехали тот самый отрезок пути, и нам вполне хватило времени.

– Но затем проходит час, прежде чем она стреляет в Дага Свенссона и Мию Бергман. Что она делала все это время?

– Пила с ними кофе. У нас есть ее отпечатки пальцев на кофейных чашках.

Фасте с триумфальным видом посмотрел на Соню. Она вздохнула и помолчала.

– Ханс, для тебя все это лишь вопрос престижа. Иногда ты ведешь себя как скотина и можешь довести человека до ручки, но я постучалась к тебе попросить прощения за пощечину. Я не имела права.

Он не отрываясь смотрел на нее.

– Если ты считаешь меня скотиной, то я думаю, что ты абсолютно непрофессиональна и что в полиции тебе не место. Во всяком случае, на этом уровне.

У Сони Мудиг на языке крутились разные ответы, но она лишь пожала плечами и поднялась.

– Ладно. Теперь мы знаем, какого мнения придерживаемся друг о друге, – сказала она.

– Да, выяснили. И поверь, тебе тут недолго осталось шататься.

Соня Мудиг закрыла за собой дверь громче, чем собиралась. «Не давай этому ослу разозлить себя», – думала она, спускаясь в гараж за своей машиной. Ханс Фасте самодовольно улыбнулся в сторону закрытой двери.

Только Михаил Блумквист зашел в свою квартиру, как зазвонил его мобильник.

– Привет, это Малин. Говорить можешь?

– Конечно.

– Вчера меня вдруг осенило.

– Давай, рассказывай.

– Я снова перечитала подборку газетных вырезок об охоте на Саландер, которую мы собирали в редакции, и нашла большой разворот, относящийся к истории ее болезни и обстоятельствам жизни в связи с психиатрическим лечением.

– Ну?

– Может быть, это и несущественно, но я удивилась, потому что в ее биографии есть пробел.

– Пробел?

– Ну да. Там приводят массу деталей обо всех неурядицах, в которых она была замешана в школе, – столкновения с учителями, одноклассниками и все в таком роде…

– Помню-помню. Была какая-то учительница, утверждавшая, что боялась Лисбет, когда та училась в средней школе.

– Биргитта Миоос.

– Она самая.

– Есть масса деталей о том периоде, когда Лисбет лежала в детской психиатрической больнице, а потом полно деталей о ее жизни в приемных семьях, о случае в метро и о прочем.

– Ясно. Ну и?..

– Ее забрали в больницу как раз накануне ее тринадцатого дня рождения.

– Да.

– Но ни слова не говорится о том, почему.

Микаэль помолчал.

– Ты хочешь сказать, что…

– Я хочу сказать, что если двенадцатилетнюю девочку госпитализируют в психушку, то этому должно предшествовать что-то вызвавшее эту госпитализацию. А в случае с Лисбет это должна была быть какая-то особенно мощная вспышка, и это не могло не отразиться в ее биографии. А между тем ничего подобного нет.

Микаэль нахмурился.

– Малин, у меня есть сведения из надежного источника, что существует полицейское расследование, касающееся Лисбет, датированное февралем 1991 года, когда ей было двенадцать лет. Это расследование не имеет регистрационного номера. Я как раз хотел попросить тебя разыскать его.

– Если было расследование, то у него, естественно, должен быть регистрационный номер. Иначе это нарушение закона. А ты точно это знаешь?

– Нет, но мой источник утверждает, что расследование не зарегистрировано.

Малин помолчала.

– А у тебя надежный источник?

– Очень даже.

Малин еще помолчала. Оба, она и Микаэль, думали в одном направлении.

– Полицейская служба безопасности, – сказала Малин.

– Бьёрк, – присовокупил Блумквист.

Глава 24

Вторник, 5 апреля

Пер-Оке Сандстрём, внештатный журналист сорока семи лет, вернулся в свою квартиру в Солне после полуночи. Он немного выпил и теперь чувствовал, как у него все время сосет под ложечкой. Весь день прошел в пустом времяпровождении. Он не находил себе места от страха.

Прошло уже две недели с тех пор, как Даг Свенссон был застрелен в Эншеде. Ошалело слушая новости по телевизору в тот вечер, Сандстрём почувствовал облегчение и надежду: Свенссон был мертв, а значит, публикации книги о трафике проституток, в которой тот собирался выставить напоказ Сандстрёма, скорее всего, не будет. «Вот черт, одной лишней шлюхи оказалось достаточно, чтобы попасть в историю», – подумал он.

Его переполняла жгучая ненависть к Дагу Свенссону. Как он упрашивал, умолял, на коленях ползал перед этой скотиной…

На следующее утро после убийства Сандстрём был слишком возбужден от радости, чтобы мыслить здраво. Размышлять всерьез он начал только на следующий день. Поскольку Даг Свенссон работал над книгой, где он, Пер-Оке, характеризовался как насильник с педофильским уклоном, то, возможно, и полиция начнет раскапывать его прегрешения. Господи… Да его же могут заподозрить в убийстве!

Тревога слегка улеглась, когда физиономия Лисбет Саландер стала появляться на первой странице чуть ли не в каждой газете. «Кто, черт побери, эта Лисбет Саландер?» – крутилось у него в голове. Он никогда о ней не слышал. Полиция же определенно считала ее главной подозреваемой, а прокурор уже уверенно высказался о том, что расследование приближается к завершению. По собственному опыту Сандстрём все же знал, что журналисты обычно не выбрасывают собранные материалы и сделанные записи. «Миллениум», этот дерьмовый журнальчик с неоправданной репутацией серьезного… Все они одним миром мазаны: подкапываются под людей, вопят и гадят.

Он не знал, как далеко продвинулась работа над книгой. Он не знал, что им известно, а спросить было некого. Такое чувство, что он находился в вакууме.

Всю прошлую неделю его бросало то в панику, то в эйфорию. Полиция с ним не связывалась. Может быть, все обойдется? Говорят же, что дуракам

везет. Но если облом, то жизнь его кончена.

Вставив ключ в замок и повернув его, он открыл дверь – и тут же услышал шорох за спиной, а затем почувствовал парализующую боль в пояснице.

Гуннар Бьёрк еще не спал, когда раздался телефонный звонок. Одетый в пижаму и халат, он сидел на кухне, не зажигая свет, и думал над своей дилеммой. Никогда раньше за всю свою многолетнюю карьеру у него не было ничего похожего на нынешнюю тяжелую ситуацию.

Сначала Бьёрк не собирался брать трубку. Бросив взгляд на часы, он увидел, что уже половина двенадцатого. Но телефон продолжал звонить, и после десятого сигнала он не устоял. Вдруг что-то важное?

– Это Микаэль Блумквист, – произнес голос на другом конце.

«Какого черта?» – подумал Бьёрк.

– Уже за полночь, и я спал.

– Извините. Просто я подумал, что вам будет интересно то, что я могу вам сказать.

– Что вам нужно?

– Завтра утром в десять я даю пресс-конференцию в связи с убийством Дага Свенссона и Миа Бергман.

У Гуннара Бьёрка перехватило в горле.

– Я собираюсь сообщить о деталях секс-торговли из книги Дага Свенссона, которую он почти закончил. Единственным клиентом, которого я собираюсь назвать по имени, будете вы.

– Вы же обещали дать мне время…

Услышав страх в своем голосе, он осекся.

– Прошло несколько дней, а вы обещали перезвонить мне после выходных. Завтра у нас вторник. Так что либо вы мне все выкладываете, либо я завтра провожу пресс-конференцию.

– Если вы созовете пресс-конференцию, то никогда ничего не узнаете о Зале.

– Возможно. Но тогда это не будет меня касаться. Вам придется вместо меня иметь дело с полицейскими, ведущими расследование, – ну, и, конечно, со всеми журналистами страны.

Возможностей для сделки на условиях Бьёрка не оставалось.

Он согласился встретиться с Микаэлем Блумквистом и сумел сдвинуть день встречи на четверг – еще одна небольшая передышка. Но он был готов.

Итак, пан или пропал.

Сандстрём не знал, сколько времени провел без сознания. Очнувшись, он понял, что лежит на полу в гостиной. Болело все тело, и он не мог пошевелиться. Постепенно он осознал, что руки у него связаны за спиной чем-то вроде изоляционной ленты и ноги перевязаны. Рот тоже был заклеен липкой лентой. В комнате горел свет, а жалюзи были опущены. Было неясно, что произошло.

Пер-Оке расслышал звук, доносившийся вроде из его кабинета. Он замер и прислушался: кто-то выдвигал и задвигал ящики письменного стола. «Неужели ограбление?» – подумал он, слыша, как кто-то роется в его ящиках, как шуршит бумага.

Целую вечность спустя он услышал шаги, попытался повернуть голову, но не смог никого увидеть. Он постарался хранить спокойствие.

Вдруг Пер-Оке почувствовал, как через его голову перекинули веревочную петлю и затянули на шее. С перепугу он чуть не обделался. Подняв взгляд, увидел, как веревка, идущая от петли, поднимается к блоку, закрепленному на крюке, где когда-то висела люстра. Злоумышленник обошел вокруг него и попал в поле зрения. Первой стала видна пара черных сапожек маленького размера.

Кого ожидал увидеть Сандстрём, он и сам не знал, но, подняв глаза, пережил что-то вроде шока. Сначала он не узнал в ней ту психопатку, чья фотография пялилась на вас с первых страниц всех газет, выставленных на витрины, со времени прошедшей Пасхи. Она не была похожа на свою фотографию – теперь коротко стриглась. Одета она была во все черное: черные джинсы, короткую открытую хэбэшную куртку, черную майку и черные перчатки.

Но самым пугающим было ее лицо, покрытое гримом: черная помада на губах, подведенные черным глаза, драматически выделенные черно-зеленым тени на веках и под глазами. Все остальное на лице было закрашено белилами. Кроме того, от левого виска к подбородку все лицо пересекла широкая красная полоса.

Эта гротескная маска придавала ей совершенно безумный вид.

Его мозг отказывался воспринимать увиденное, настолько все было невероятным.

Лисбет Саландер держала в руках конец веревки, за который дернула. Сандстрём почувствовал, как веревка врезалась в горло и на несколько секунд прервала его дыхание. Он старался подтянуть ноги. Ей же, благодаря блоку и талям, почти не приходилось прилагать усилий, чтобы поставить его на ноги. Когда Пер-Оке поднялся перед ней во весь рост, она

перестала тянуть за веревку и намотала ее на трубку, подводящую к батарее отопления, а затем завязала двойным морским узлом.

После этого Саландер исчезла из вида, оставив его одного минут на пятнадцать. Вернувшись, придвинула стул и села напротив него. Он старался избегать ее взгляда с разрисованного лица, но у него это плохо получалось. На стол она положила пистолет. Его пистолет. Она обнаружила его в обувной коробке в гардеробе. «Кольт М1911». Этот не вполне легальный пистолет хранился у него несколько лет. Он как-то купил его по случаю у знакомого, просто ради хохмы, и даже ни разу не попробовал выстрелить. Прямо у него на глазах Саландер вынула магазин, вставила патроны, затем загнала магазин на место и отправила патрон в ствол. Пер-Оке Сандстрём был готов вот-вот лишиться чувств, но заставил себя выдержать ее взгляд.

– Не понимаю, почему мужчины так любят запечатлевать свои извращения, – сказала она.

Это было произнесено спокойным, ледяным тоном. Саландер говорила тихо, но отчетливо, протягивая фотографию, отпечатанную с его жесткого диска.

– Это, вероятно, эстонка Инес Хаммуярви, семнадцати лет, из поселка Риепалу неподалеку от Нарвы. Неплохо развлекся?

Вопрос был чисто риторический – Пер-Оке Сандстрём не мог ответить, его рот был заклеен лентой, а мозг был не в состоянии построить ответ. Фотография изображала… «Господи, зачем я только сохранил фотографии», – мелькнуло в мозгу.

– Ты знаешь, кто я? Кивни.

Пер-Оке кивнул.

– Ты – садистская свинья, подонок и насильник.

Он не шевелился.

– Кивни.

Он кивнул. На глаза его вдруг навернулись слезы.

– Сейчас я тебе объясню правила, – начала она. – На мой взгляд, тебя следовало бы прикончить немедленно. Переживешь ли ты эту ночь, мне безразлично. Тебе ясно?

Он кивнул.

– В нынешней ситуации от тебя вряд ли ускользнуло, что я сумасшедшая, привыкшая убивать людей, в особенности мужчин.

Саландер показала пальцем в сторону вечерних газет, которые он сложил на столе в гостиной.

– Я собираюсь снять клейкую ленту с твоего рта. Если ты закричишь

или даже повысишь голос, я отключу тебя вот этим.

И она подняла электрошокер.

– Эта фурия выстреливает зарядом семьдесят пять тысяч вольт. В следующий раз там будет примерно шестьдесят, потому что один раз я ее использовала и не перезарядила. Тебе ясно?

Он удивленно смотрел на нее.

– Это означает, что твои мышцы перестанут действовать. Через это ты уже прошел у дверей при входе.

Она улыбнулась ему.

– А это значит, что ноги не смогут держать тебя и ты сам себя повесишь. Отключив тебя, я просто встану и уйду отсюда.

Сандстрём кивнул. «Господи, да это же чокнутая убийца!» – подумал он и почувствовал, как слезы снова безудержно полились из его глаз. Он зашмыгал носом.

Она поднялась и сорвала ленту с его рта. Ее мерзкое размалеванное лицо оказалось в сантиметре от него.

– Молчи, – приказал она. – Ни слова. Заговоришь без разрешения – отключу тебя.

Саландер подождала, пока он перестанет шмыгать носом и встретится с ней взглядом.

– У тебя есть только одна возможность пережить эту ночь, – обещала она. – Только одна, двух уже не будет. Я задам тебе несколько вопросов. Если ты на них ответишь, я сохраню тебе жизнь. Кивни, если ты все понял.

Он кивнул.

– Если откажешься отвечать хоть на один вопрос, отключу тебя. Тебе ясно?

Он кивнул.

– Если обманешь или будешь увиливать, отвечая, отключу тебя.

Он кивнул.

– Я с тобой торговаться не собираюсь. Второго шанса у тебя не будет. Либо ты сразу ответишь на мои вопросы, либо умрешь. Ответишь приемлемо, останешься в живых. Проще некуда.

Пер-Оке кивнул. Он ей верил, и выбора у него не было.

– Пожалуйста, – пробормотал он. – Я не хочу умирать.

Саландер строго взглянула на него.

– Только от тебя зависит, жить тебе или умереть. Но ты только что нарушил мое первое правило: не говорить без моего разрешения.

Сандстрём сжал губы и подумал: «Господи, она же совершенно сумасшедшая».

Микаэль Блумквист чувствовал такое напряжение и беспокойство, что просто не знал, куда деваться. В конце концов он надел куртку, шарф и пошел бродить. Без всякой цели прошел сначала мимо станции «Сёдра», затем мимо полукруга здания «Бофилс Боге» и, наконец, оказался в своей редакции на Гетгатан. В рабочем помещении было темно и тихо. Микаэль решил не зажигать свет, но включил кофеварку, сел на подоконник и стал смотреть на Гетгатан, ожидая, пока вода пройдет через фильтр. Ему хотелось разложить свои мысли по полочкам. Расследование убийств Дага Свенссона и Миа Бергман казалось ему разбитым мозаичным панно, где некоторые куски хорошо различимы, а некоторые вообще утрачены. В этом панно был сюжет, едва угадываемый, но неясный для глаза. Слишком много кусков недоставало.

Сомнения мучили его. «Она вовсе не убийца-псих», – напомнил он себе. Она написала, что не убивала Дага и Мию, и он ей верил. Но каким-то непонятным образом Лисбет все же была внутренне связана с тайной убийства.

Микаэль начал немного критически пересматривать свою теорию, на которой настаивал с того момента, как побывал в квартире в Эншеде. Он исходил из казавшейся ему очередной предпосылки, что репортаж Дага Свенссона о трафикинге был единственным мыслимым мотивом убийства Дага и Миа. Теперь Микаэль склонялся к признанию разумности аргументов Бублански, что это не объясняет убийства Бьюрмана.

Саландер писала, что на клиентов проституток можно наплевать, а сосредоточиться надо на Зале. Как это сделать? Что она имела в виду? Что за непростой человек? Неужели нельзя сказать ясно и определенно?

Вернувшись в буфетную, Микаэль налил кофе в кружку с эмблемой «Молодых левых», а потом сел на диван в центре комнаты, положил ноги на кофейный столик и закурил непозволительную сигарету.

Бьёрк – это список клиентов, а Бьюрман – это Саландер. Не случайно и то, что оба – и Бьюрман, и Бьёрк – работали на полицейскую службу безопасности. А тут еще пропавшее дело, относящееся к Лисбет Саландер…

Может быть, существует не один мотив?

Микаэль замер и пытался подхватить эту мысль, посмотреть с другого угла зрения.

Не могла ли сама Лисбет Саландер быть мотивом?

У него крутилась мысль, которую он пока не мог облечь в слова. Это было еще что-то непродуманное; Микаэль даже самому себе не мог пока

объяснить, что имел в виду, предполагая, что сама Лисбет Саландер могла послужить мотивом убийства. У него появилось смутное ощущение, что он что-то нащупал.

Теперь Микаэль понял, что слишком устал, вылил кофе, пошел домой и лег спать. В постели, лежа в темноте, он снова пытался нащупать ту ниточку и пролежал пару часов, пытаясь добраться до того, что же он имел в виду.

Лисбет Саландер зажгла сигарету и удобно откинулась на спинку стула перед ним. Сев нога на ногу, она сосредоточила на нем пристальный взгляд. Такого пронзительного взгляда Пер-Оке Сандстрём еще не встречал. Когда она заговорила, голос ее был по-прежнему негромким.

– В январе 2003 года ты в первый раз был в квартире Инес Хаммуярви в Норсборге. Тогда ей только что исполнилось шестнадцать лет. Зачем ты к ней явился?

Пер-Оке Сандстрём не знал, что ответить. Он не мог объяснить, как все началось и почему он…

Саландер подняла руку с электрошокером.

– Я… не знаю. Я хотел ее – она была такая красивая.

– Красивая? И ты решил, что можешь трахать ее, связав.

– Она не возражала. Клянусь. Она была согласна.

– Ты заплатил ей?

Пер-Оке Сандстрём прикусил язык.

– Нет.

– Почему? Это же была шлюха. А шлюхам обычно платят.

– Она… она была подарком.

– Подарком? – переспросила Саландер голосом, в котором появились угрожающие нотки.

– Предложив ее, со мной расплатились за услугу, которую я оказал одному человеку.

– Пер-Оке, – нравоучительным тоном произнесла Лисбет, – ты ведь не собираешься увильнуть от ответа на вопрос?

– Клянусь. Я отвечу на все вопросы. Я не буду врать.

– Хорошо. Какую услугу и какому человеку?

– Я привез в Швецию анаболические стероиды. Я делал в Эстонии репортаж, поехал с несколькими знакомыми и взял таблетки в машину. Я был вместе с парнем по имени Харри Ранта, хотя его в машине не было.

– Как ты познакомился с Харри Рантой?

– Мы давно знакомы, еще с восьмидесятых годов. Он просто приятель,

с которым можно сходить в пивную.

– И этот Харри Ранта отдал тебе Инес Хаммуярви в… подарок?

– Да… то есть нет. Это было уже позже, здесь, в Стокгольме. Это сделал его брат Атхо Ранта.

– Ты что же, хочешь сказать, что Атхо Ранта постучал к тебе в дверь и спросил, не хочешь ли ты прокатиться в Носборг и потрахаться с Инес?

– Нет… я был… у нас была… вечеринка в… Вот черт, не помню, где она была…

Его вдруг проняла дрожь, и он почувствовал, как подкашиваются колени. Ему пришлось приложить усилие к тому, чтобы удержаться на ногах.

– Отвечай спокойно и продуманно, – сказала Лисбет Саландер. – Я не собираюсь тебя вешать, если тебе нужно собраться с мыслями. Но как только я почувствую, что ты юлишь, тебе сразу конец…

Она подняла брови, и ее лицо вдруг приняло ангельское выражение, если ангельским может быть лицо, скрытое гротескной маской.

Пер-Оке Сандстрём кивнул и сглотнул слюну. Ему хотелось пить, во рту пересохло, и он чувствовал на шее натянутую веревку.

– Не важно, где ты пьянствовал. Как получилось, что Атхо Ранта предложил тебе Инес?

– Мы болтали о… мы… я рассказал, что мне хочется… – и он начал плакать.

– Ты сказал, что хочешь получить одну из его шлюх.

Он кивнул.

– Я был пьян, а он сказал, что ее нужно… нужно…

– Что нужно?

– Атхо сказал, что ее нужно наказать. Что она стала своенравной – не желала делать то, что он хотел.

– А что он от нее хотел?

– Чтобы она зарабатывала для него телом. Он предложил мне, чтобы я… Я был пьян и не соображал, что делаю. Я не хотел… Прости меня.

Она фыркнула.

– Просить прощение нужно не у меня. Значит, ты предложил Атхо помощь в том, чтобы проучить ее, и вы поехали к ней домой.

– Нет, это было не так.

– Расскажи как. Зачем ты поехал с Атхо домой к Инес?

– Поехал, потому что хотел ее, а она была продажная. Инес жила у знакомой Харри Ранты. Не помню, как ее звали. Атхо привязал Инес к кровати, а я… я занимался с ней сексом, пока Атхо смотрел.

– Нет, ты… не сексом занимался, а насилием.

Пер-Оке промолчал.

– А что сказала Инес?

– Ничего.

– Она сопротивлялась?

Он покачал головой.

– Значит, ей нравилось, как пятидесятилетний ублюдок привязал и трахает ее.

– Она была пьяная. Ей было наплевать.

Лисбет мрачно вздохнула.

– Ну, и с тех пор ты продолжал к ней наведываться.

– Она была… Она хотела меня.

– Вранье.

Сандстрём подавленно взглянул на Лисбет Саландер и кивнул.

– Я… я изнасиловал ее, а Харри и Атхо разрешили. Они хотели… хотели ее проучить.

– Ты им заплатил?

Он кивнул.

– Сколько?

– Немного, по дружбе – я ведь помогал с контрабандой.

– Сколько?

– Несколько тысяч за все в целом.

– На одной из фотографий Инес снята здесь, в твоей квартире.

– Харри ее привез. – Он снова зашмыгал носом.

– Значит, за несколько тысяч ты получил в свое распоряжение девушку, с которой мог делать все, что хотел. Сколько раз ты ее насиловал?

– Не помню… несколько.

– Ладно. Кто у них главарь банды?

– Они убьют меня, если я выдам их.

– Это меня не касается. Сейчас я для тебя бо́льшая головная боль, чем братья Ранта.

Саландер подняла руку с электрошокером.

– Атхо, он старший, а Харри – исполнитель.

– А кто еще в банде?

– Я знаю только Харри и Атхо. Подруга Атхо тоже в деле. Есть еще один парень, его зовут… не помню, Пелле какой-то, швед. Кто он такой – не знаю. Он наркоман, и ему дают поручения.

– А подруга Атхо?

– Сильвия, она проститутка.

Лисбет посидела, задумавшись, потом подняла взгляд.

– Кто такой Зала?

Пер-Оке побледнел. «Тот же вопрос, с которым лез Даг Свенссон», – промелькнуло у него. Он молчал так долго, что заметил, как взгляд этой ненормальной стал раздраженным.

– Не знаю, – ответил он. – Я не знаю, кто это.

Лисбет Саландер помрачнела.

– До сих пор ты вел себя прилично. Не напортачь теперь, – сказала она.

– Честное слово. Я не знаю, кто это. Журналист, которого ты убила…

Он замолчал, внезапно решив, что говорить с нею о кровавой оргии в Эншеде, наверное, не стоило.

– Ну?

– Он задавал тот же вопрос. Но я не знаю. Я бы сказал, если знал. Честное слово. Его знает Атхо.

– Ты с ним разговаривал?

– Всего минуту по телефону. Я говорил с кем-то, кого, по его словам, зовут Зала. Точнее, это он со мной говорил.

– О чем?

Пер-Оке заморгал. Капли пота со лба затекали ему в глаза, а сопли свисали до подбородка.

– Я… они опять хотели, чтобы я что-то сделал для них.

– По-моему, ты просто воду в ступе толчешь, – предупредила Лисбет Саландер.

– Они хотели, чтобы я опять поехал в Таллинн и вернулся оттуда на заранее приготовленной машине. С амфетамином. Я не хотел.

– Почему не хотел?

– Я решил, что с меня хватит. Они же гангстеры. Я хотел от них отвязаться. У меня же есть работа, обязанности.

– Хочешь сказать, что был только гангстером-любителем?

– Я вообще не такой, – жалобно промямлил он.

– Неужели? – Голос Саландер был полон такого презрения, что Сандстрём закрыл глаза. – Давай дальше. При чем тут Зала?

– Это был просто ужас.

Пер-Оке умолк, и слезы снова потекли у него по щекам. Он закусил губу так сильно, что из нее пошла кровь.

– Опять толчешь воду в ступе, – холодно напомнила Лисбет.

– Атхо несколько раз убеждал меня. Харри предупреждал, что Атхо начинает злиться на меня, и теперь неизвестно, что мне за это будет.

В конце концов я согласился встретиться с Атхо. Это было в августе, в прошлом году. Мы с Харри поехали в Норсборг…

Он продолжал открывать рот, но голос его пропал. Глаза Лисбет Саландер строго сузились, и Пер-Оке снова обрел голос.

– Атхо был как невменяемый. Он жестокий человек, ты даже не можешь представить себе, какой жестокий. Он сказал, что мне уже поздно соскакивать и что, если я не сделаю то, что он поручит, мне не жить. И еще он собирался мне что-то сказать.

– Да?

– Они заставили меня ехать с ними. Поехали мы в Сёдертелье. Атхо сказал, что мне нужно нацепить на голову капюшон. Это оказался пакет, который он завязал на тесемки. Я был напуган до смерти.

– Значит, ты ехал с пакетом на голове. Что дальше?

– Машина остановилась. Где мы находимся – я не знал.

– Где они нацепили на тебя пакет?

– Подъезжая к Сёдертелье.

– Сколько времени вы после этого ехали?

– Похоже… похоже, минут тридцать. Они сказали мне выходить из машины. Это был какой-то склад.

– И что дальше?

– Харри и Атхо повели меня внутрь, там было светло. Первое, что я увидел, было тело человека на цементном полу. Он был связан и чудовищно избит.

– Кто это был?

– Кеннет Густафссон. Но имя я узнал уже позже, мне они его не называли.

– И что дальше?

– Там был еще один мужчина, такой громила, каких я никогда еще не видел. Непомерного роста и весь из сплошных мускулов.

– А лицо какое?

– Помню – блондин и с виду просто дьявол.

– А имя?

– Имя он не назвал.

– Ладно. Верзила-блондин. Еще кто-нибудь был?

– Да, еще один мужчина, какой-то истрепанный, с конским хвостом.

«Магге Лундин», – решила Лисбет.

– А еще кто?

– Только я, Харри и Атхо.

– Дальше.

– Блондин… тот громила придвинул мне стул, не сказав ни слова. Вообще, говорил только Атхо. Он объяснил, что парень на полу – болтун. Он хотел, чтобы я увидел, что бывает с теми, кто надумал дергаться.

Слезы неудержимо полились из глаз Сандстрёма.

– Опять буксуешь, – напомнила Лисбет.

– Верзила-блондин поднял парня с пола и усадил на другой стул напротив меня, примерно в метре от моего. Я посмотрел ему в глаза. Верзила встал за спиной у того, обхватил руками его шею… и… он…

– Задушил? – пришла на помощь Лисбет.

– Да… то есть нет… он сдавил его. Мне кажется, он сломал ему шею голыми руками. Я слышал, как шея сломалась, и он умер прямо перед моими глазами.

Пер-Оке Сандстрём закачался вместе с веревкой. Слезы лились неудержимо. Никогда раньше он об этом не рассказывал. Лисбет дала ему время прийти в себя.

– А что потом?

– Другой мужчина, тот, что с конским хвостом, врубил бензопилу и отпилил ему голову и кисти рук. Когда с этим было покончено, верзила подошел ко мне и обхватил ладонями мою шею. Я попробовал их оторвать, напрягся изо всех сил, но не мог пошевелить их ни на миллиметр. Он меня не душил… только долго держал руки на моей шее. Тем временем Атхо достал свой мобильник и позвонил. Он говорил по-русски. Потом вдруг сказал, что со мной хочет поговорить Зала, и приблизил трубку к моему уху.

– И что сказал Зала?

– Сказал только, что ожидает от меня исполнения поручения, о котором говорил Атхо. Он спросил, хочу ли я все еще порвать с ними. Я пообещал ему съездить в Таллинн и забрать машину с амфетамином. Что мне еще оставалось делать?

Лисбет молчала, только сумрачно смотрела на обмазанного соплями журналиста с веревкой на шее и что-то обдумывала.

– Опиши его голос.

– Не… не знаю. Обычный такой.

– Низкий или высокий?

– Низкий. Обыденный. Грубый.

– На каком языке вы говорили?

– На шведском.

– Акцент?

– Да… небольшой, но по-шведски говорил хорошо. С Атхо он

разговаривал по-русски.

– Ты понимаешь по-русски?

– Немного. Но не всё. Так, чуть-чуть.

– Что сказал ему Атхо?

– Только то, что наглядный показ завершился. Больше ничего.

– Ты кому-нибудь об этом рассказывал?

– Нет.

– Дагу Свенссону?

– Нет… нет.

– Даг Свенссон был у тебя.

Сандстрём кивнул.

– Не слышу.

– Был.

– Зачем?

– Он знал, что у меня… были проститутки.

– О чем он спрашивал?

– Он хотел знать…

– Ну?

– Про Залу. Он спрашивал о нем. Это было во время его второго прихода.

– Второго?

– Он нашел меня за две недели до своей смерти. Это была наша первая встреча. А потом он опять появился за два дня до того, как ты… как он…

– До того, как я в него стреляла?

– Ну, да.

– И именно тогда он спросил про Залу?

– Да.

– Что же ты ему рассказал?

– Ничего. Я ничего не мог ему рассказать. Только признался, что разговаривал с тем однажды по телефону. Вот и всё. Я ничего не сказал ни о верзиле-блондине, ни о том, что они сделали с Густафссоном.

– Ладно. Повтори буквально, о чем тебя спросил Даг Свенссон.

– Я… он хотел что-нибудь узнать о Зале. Вот и всё.

– И ты ничего не рассказал?

– Ничего важного. Я же ничего не знаю.

Лисбет Саландер помолчала: «Он чего-то недоговаривает, – крутилось у нее в голове. В задумчивости она кусала губу. – Ну, ясное дело».

– Кому ты рассказывал о том, что у тебя был Даг Свенссон?

Сандстрём побледнел.

Лисбет покачала электрошокером.

– Я позвонил Харри Ранте.

– Когда?

Он сглотнул слюну.

– В тот же вечер, когда Даг Свенссон был у меня дома в первый раз.

Саландер еще с полчаса поспрашивала его, но он только повторялся и смог припомнить лишь несколько мелких деталей. Наконец она поднялась и положила руку на веревку.

– Ты, похоже, самое мерзкое ничтожество, какое мне только приходилось видеть. За то, что ты сделал с Инес, тебе полагается смертная казнь. Но я обещала сохранить тебе жизнь, если ты ответишь на мои вопросы, а я всегда держу свое слово.

Она нагнулась и развязала узел. Пер-Оке свалился на пол как подкошенный. Испытанное им облегчение было близко к эйфории. С пола он видел, как Саландер поставила табуретку на его журнальный столик, взобралась на нее и сняла блок. Веревку она смотала и положила в рюкзак. Минут десять пропадала в ванной. Затем послышался звук стекавшей воды. Когда она вернулась, грима на лице не было. Лицо ее было чисто вымыто и выглядело открытым.

– Развяжешься сам.

Она бросила кухонный нож на пол.

Сандстрём слышал, как Саландер долго возится в прихожей. Похоже, она переодевалась. Затем он услышал, как наружную дверь открыли и захлопнули.

Лишь через полчаса ему удалось срезать липкую ленту. Уже сев на диван в гостиной, Пер-Оке заметил, что она прихватила его «Кольт М1911».

К себе на Мосебакке Лисбет Саландер вернулась уже в пять часов утра. Сняв парик Ирене Нессер, легла спать, даже не включив компьютер и не проверив, решил ли Микаэль Блумквист загадку об исчезнувшем полицейском деле.

В девять утра она уже снова была на ногах и затем весь день во вторник разыскивала информацию о братьях Атхо и Харри Ранта.

Немало всякого числилось за Атхо Рантой, из-за чего он попал в криминальный регистр. Он был финский гражданин с эстонскими корнями, приехавший в Швецию в 1971 году. С 1972 по 1978 год работал плотником в строительной фирме «Сконска сементютериет». Его уволили после того, как он был пойман на краже, на стройке, и получил шесть месяцев

заключения. С 1980 по 1982 год работал уже в значительно меньшей строительной фирме. Оттуда его выставили за неоднократное появление на рабочем месте в нетрезвом виде. До конца 80-х годов он занимался тем, что работал швейцаром, техником на предприятии, обслуживающем работу котельных, посудомойщиком и охранником в школе. Отовсюду его увольняли либо за пьянство, либо за драки и потасовки. Работа в качестве школьного охранника завершилась через несколько месяцев после начала, когда одна из учительниц заявила на него, обвиняя в грубых сексуальных преследованиях и запугиваниях.

В 1987 году его приговорили к штрафу и нескольким месяцам тюрьмы за угон машины, вождение в пьяном виде и торговлю краденым. Уже на следующий год он получил штраф за нелегальное владение оружием. В 1990 году его осудили за преступление против нравственности, но в чем оно состояло, в регистре не указывалось. В 1991 году он был обвинен в противозаконных угрозах, но был оправдан. Уже в том же году его присудили к штрафу и условному сроку за контрабанду спиртного. В 1992 году он просидел три месяца за избиение приятельницы, а также за незаконные угрозы сестре этой приятельницы. Несколько лет он сдерживался, а в 1997 году его осудили за торговлю краденым и нанесение грубых побоев. Тогда он получил десять месяцев тюрьмы.

Его младший брат Харри Ранта последовал в Швецию за старшим в 1982 году. В 80-е годы он продолжительное время работал на складе. Данные на него в криминальном регистре показывали три судебных приговора. В 1990 году его осудили за жульничество со страховкой. За этим, в 1992 году, последовали два года тюрьмы за избиение, за сбыт краденого, за воровство, за воровство с отягчающими обстоятельствами и за изнасилование. Приговор был обжалован, и Верховный суд счел возможным снять обвинение в изнасиловании. Но приговор за избиение был оставлен в силе, и Харри Ранта провел в тюрьме шесть месяцев. В 2000-м его снова привлекли к суду по обвинению в незаконных угрозах и изнасиловании. Однако заявление было отозвано, а дело – прекращено.

Лисбет выяснила адреса, по которым значились братья, и обнаружила, что Атхо Ранта живет в Норсборге, а Харри Ранта – в Альбю.

Паоло Роберто был в отчаянии, набирая номер Мириам Ву в пятидесятый раз и снова слыша: «Абонент в данный момент недоступен». Квартиру на Лундагатан он посетил несколько раз, ведь он взял на себя обязательство отыскать ее. Но на звонок в дверь никто не отвечал.

Взглянув на часы, он увидел, что уже девятый час вечера вторника.

Должна же она когда-то явиться домой! Паоло Роберто вполне понимал скрывающуюся Мириам Ву, но ведь пик натиска журналистов уже позади. Он решил побыть какое-то время у ее подъезда на случай, если она появится, – например, чтобы переодеться или за какой-нибудь мелочью, – вместо того чтобы крутиться туда-сюда, как юла. Паоло Роберто наполнил термос кофе и приготовил бутерброды. Прежде чем выйти из дома, он перекрестился перед Мадонной и распятием.

Припарковавшись метров за тридцать от подъезда на Лундагатан, Паоло Роберто подвинул назад кресло водителя и поудобнее устроил ноги. Радио у него было включено на малой громкости, а фотография Мириам Ву, вырезанная из вечерней газеты, была закреплена перед лицом клейкой лентой. Он отметил, что выглядела она отлично. Безразличным взглядом он провожал немногих прохожих. Мириам Ву среди них не было.

Паоло Роберто пробовал звонить ей каждые десять минут, но в девять вечера его мобильник запищал, извещая, что батарейки хватит ненадолго.

Пер-Оке Сандстрём провел вторник в состоянии, близком к апатии. Ночь он провел на диване в гостиной, не в силах встать и перелечь в кровать, неспособный справиться с припадками рыданий, сотрясавших его время от времени. Во вторник утром он дошел до винного отдела в торговом центре Сольны, купил четвертушку сконской водки, вернулся домой на диван и выпил примерно половину.

Лишь после полудня он как-то уяснил себе свое положение и начал продумывать, что ему делать. Век бы их не знать, проклятых братьев Атхо и Харри Ранта вместе с их шлюхами. Он сам удивлялся, каким же нужно было быть дураком, чтобы дать заманить себя в квартиру в Норсборге, где Атхо связал семнадцатилетнюю, напичканную наркотиками Инес Хаммуярви с раздвинутыми ногами и предложил проверить, кто из них двоих более крепкий мужик. Они чередовались, и он, Пер-Оке, оказался победителем, за вечер и ночь оказавшись на высоте в большем числе случаев.

В какой-то момент Инес Хаммуярви пришла в себя и стала протестовать. Это побудило Атхо минут тридцать то избивать ее, то спаивать водкой, отчего она успокоилась, а он предложил Перу-Оке продолжить свои подвиги.

«Шлюха проклятая», – прошептал Сандстрём.

Ну и дурак же он был.

«Миллениум» его не пощадит. Они только и живут такими скандалами.

Эта полоумная Саландер нагнала на него страху.

А что уж тут говорить о блондине-живодере…

В полицию идти он не мог.

Своими силами ему не справиться. Нечего тешить себя иллюзией, что проблема рассосется сама собой.

Оставалась лишь слабая надежда на выход, где можно надеяться заручиться крохами симпатии, а возможно, и каким-то решением. Это и было соломинкой, за которую он ухватится.

Но это единственный способ.

Вечером Сандстрём взял себя в руки и позвонил Харри Ранте на мобильник. Никто не отвечал. Он продолжал попытки дозвониться вплоть до десяти вечера, а потом прекратил. Подумав еще и подбодрившись остатками водки, он позвонил Атхо Ранте. Трубку взяла Сильвия, подруга Атхо, и сказала, что братья уехали отдыхать в Таллинн. Нет, Сильвия не знала, как с ними связаться. Нет, она понятия не имела, когда они собираются вернуться – в Эстонию они уехали на неопределенное время.

По голосу Сильвии чувствовалось, что она этим довольна.

Пер-Оке Сандстрём опустился на диван. Он сам не знал, огорчен он или обрадован тем, что Атхо Ранты не оказалось дома и, значит, он лишен возможности с ним объясниться. Но подспудный смысл этой новости был ему ясен. Братья Ранта по какой-то причине прижали хвосты и решили отдохнуть в Таллинне неопределенное время. Но это не принесло спокойствия Перу-Оке Сандстрёму.

Глава 25

Вторник, 5 апреля – среда, 6 апреля

Сна у Паоло Роберто не было ни в одном глазу, но он так глубоко задумался, что не сразу заметил женщину, появившуюся около одиннадцати часов вечера со стороны Хегалидской церкви. Он уловил ее силуэт в зеркало заднего вида. Когда она проходила мимо уличного фонаря метрах в семидесяти позади его машины, он резко повернул голову и сразу узнал Мириам Ву.

Он подобрался всем телом и подумал, не выскочить ли из машины, но потом решил, что так он может ее напугать. Лучше подождать, когда она подойдет к подъезду.

И только эта мысль промелькнула у него в голове, он увидел, как небольшой темный фургон медленно подъехал со спины Мириам Ву и, поравнявшись с нею, затормозил. Обескураженный Паоло Роберто увидел, как из раздвижной двери фургона выскочил светло-русый, ужасающего вида громила и схватил Мириам Ву. Для девушки это случилось как гром среди ясного неба. Она попыталась вырваться, попятившись, но громила цепко держал ее за запястья.

Изумленный Паоло Роберто видел, как правая нога Мириам Ву описала дугу. «Она же кикбоксер», – промелькнуло у него в мозгу. Затем она лягнула блондина-верзилу в голову. Пинок, похоже, оказался совершенно безрезультатен, а сам верзила поднял здоровенную лапищу и отвесил Мириам Ву пощечину. Звук пощечины был слышен даже Паоло Роберто, хотя он находился в шестидесяти метрах от них. Мириам Ву свалилась как подкошенная. Громила нагнулся, подхватил ее одной рукой и буквально зашвырнул в фургон. Только теперь Паоло Роберто пришел в себя и закрыл рот, раскрывшийся от изумления. Распахнув дверцу машины, он бросился к фургону.

Уже через несколько шагов Паоло Роберто понял бесполезность своего порыва. Он еще не успел разогнаться, а машина, в которую Мириам Ву закинули, как мешок картошки, уже спокойно развернулась в обратном направлении и двинулась в сторону Хёгалидской церкви. Паоло Роберто решительно остановился, бросился назад к машине и вскочил за руль. Он рванул с места, в свою очередь сделал полный разворот и выехал на перекресток. Фургона не было видно. Притормозив, он сначала посмотрел в сторону Хёгалидсгатан, но все же решил попытать счастье, свернув

налево к Хорнсгатан. Туда он подъехал, когда на светофоре был красный свет, но так как движения не было, Паоло Роберто выехал на перекресток и огляделся во всех направлениях. Он увидел лишь свет от задних фонарей машины, свернувшей налево, в сторону Лонгхольмсгатан по направлению к Лильехольмскому мосту.

Неясно, был ли это тот самый фургон, но других машин он не видел и потому до упора нажал на педаль газа. Красный свет на перекрестке у Лонгхольмсгатан остановил его. Шли секунда за секундой, а он был вынужден пропускать машины, шедшие из Кунгсхольмена. Путь впереди освободился, но светофор еще не переключился, а он уже дал полный газ, надеясь, что полиция в этот момент его не видит.

По Лильехольмскому мосту Паоло Роберто пронесся, превышая скорость, и еще быстрее припустил, проезжая через Лильхольм. Он так и не знал, была ли мелькнувшая машина фургоном и не свернула ли она уже на Грендаль или Оршту. Он делал ставку на удачу и только жал на газ. Несясь со скоростью около ста пятидесяти километров в час, обгонял редких, следовавших правилам водителей, подозревая, что один-другой из них записал его регистрационный номер.

С высоты небольшого склона у Бредэнга Паоло Роберто снова увидел фургон, поднажал на газ и с расстояния метров пятидесяти убедился, что это вроде тот самый. Теперь он сбросил скорость до девяноста километров в час и оставался позади метрах в двухстах. Только теперь его дыхание успокоилось.

Оказавшись на полу фургона, Мириам Ву почувствовала, как по шее у нее течет кровь. Она шла из носа. Он разбил ей в кровь нижнюю губу и, возможно, сломал переносицу. Все происшедшее было так неожиданно, словно она получила обухом по голове, да и ее сопротивление было пресечено меньше чем за секунду. Она почувствовала, как машина тронулась с места, прежде чем набросившийся на нее громила успел закрыть раздвижную дверь. При резком повороте машины он чуть не потерял равновесие.

Мириам Ву повернулась на спину и уперлась бедром в пол. Когда верзила-блондин оказался к ней лицом, она ударила его ногой в голову, оставив след от каблука. Такой удар он не мог не почувствовать.

Но он лишь удивленно взглянул на нее и усмехнулся.

«Господи, да это же просто чудовище», – подумала Мириам.

Она снова сделала замах ногой, но он перехватил ее и так сильно вывернул стопу, что она завопила от боли и была вынуждена повернуться

на живот.

Потом он наклонился и шлепнул ее ладонью сбоку по голове. Из глаз у нее посыпались искры. Ощущение было такое, словно по ней треснули кувалдой. Когда блондин сел ей на спину, Мириам попыталась стряхнуть его с себя, но он был такой тяжелый, что ей не удалось пошевелить его ни на миллиметр. Заломив ей руки за спину, он надел на них наручники. Мириам была совершенно беспомощна, и ее вдруг пронзил парализующий страх.

По дороге домой из Тюресё Микаэль Блумквист проезжал «Глобен-арену». Всю вторую половину дня, включая вечер, он убил на встречи с тремя мужчинами из своего списка секс-покупателей. Это не дало никаких результатов. Он общался с панически испуганными людьми, которых уже расспрашивал Даг Свенссон и которые лишь ждали, когда развергнутся небеса. Они упрашивали, умоляли его о пощаде. Всех их он вычеркнул из своего списка подозреваемых в убийстве.

Проезжая по мосту Сканстуль, Микаэль позвонил Эрике Бергер. Она не отвечала. Он попробовал позвонить Малин Эрикссон, но и она не брала трубку. Вот черт, уже поздно, а ему так надо поговорить с кем-нибудь.

Микаэль подумал о Паоло Роберто и набрал его номер спросить, нет ли чего нового относительно Мириам Ву. После пятого гудка ему ответили.

– Паоло у телефона.

– Привет. Это Блумквист. Хотел узнать, как у тебя дела…

– Блумквист, я еду за фррр-нмм с Мириам.

– Не понимаю.

– Фрр-грр-мм.

– Звук пропадает. Тебя не слышно.

Разговор прервался.

Паоло Роберто выругался. Батарейка мобильника выдохлась, а он тем временем проезжал Фитью. Нажав кнопку включения, восстановил телефонную связь и набрал номер службы СОС, но в тот момент, когда ему ответили, мобильник снова вырубился.

«Вот проклятье», – ругнулся он.

У него была заряжалка для мобильника, и ее можно было подключать к розетке на приборной панели автомобиля, но она осталась дома, на комоде в прихожей. Швырнув мобильник на пассажирское сиденье, Паоло Роберто сосредоточился на том, чтобы держать в поле зрения габаритные огни фургона впереди. Ему не хотелось привлекать к себе внимание, и он

увеличил расстояние между ними до нескольких сотен метров.

«Чертов отморозок, напичканный стероидами, схватил девушку прямо у меня под носом, но я до него доберусь», – решил он.

Будь рядом Эрика Бергер, она обозвали бы его мачо-ковбоем. Сам себе он сказал бы: «Ни дна тебе, ни покрышки».

На всякий случай Микаэль Блумвист решил проехать мимо квартиры на Лундагатан. Света в окнах Мириам Ву не было. Он снова попытался дозвониться до Паоло Роберто, но услышал сообщение, что абонент недоступен. Блумквист что-то пробурчал себе под нос и поехал домой. Перекусить он мог только бутербродами и кофе.

Паоло Роберто не ожидал, что дорога займет столько времени. Они проехали Сёдертелье, а затем выехали на шоссе Е20 в сторону Стренгнеса. Сразу за Нюкварном фургон взял налево и продолжал ехать по дорогам сельской местности Сермланда.

Риск привлечь к себе внимание тем самым возрос. Паоло Роберто сбавил скорость, увеличив расстояние до фургона.

В этой местности Паоло не слишком хорошо ориентировался, но его географических познаний хватило на то, чтобы понять – они находятся у западного берега озера Ингерн. Он потерял из виду фургон и прибавил скорости. Выйдя на длинный участок прямой дороги, затормозил.

Фургон пропал. Паоло Роберто проезжал многочисленные ответвления с той дороги, по которой следовал, и упустил фургон.

У Мириам Ву ломило в затылке и жгло лицо от ссадин, но она поборола приступ паники и страха от своей беспомощности. Больше ее не били. Ей удалось сесть, прислонившись спиной к сиденью водителя. Руки, заломленные за спину, были в наручниках, рот заклеен липкой лентой. Одну из ноздрей забила засохшая кровь, и ей было трудно дышать.

Она окинула взглядом верзилу-блондина. Заклеив ей рот, тот не произнес ни слова и полностью игнорировал ее. От ее удара ногой на его лице остался след. Таким ударом можно отправить в нокаут любого, а этот едва обратил внимание. В этом было что-то противоестественное.

Это был крупный мужчина мощного телосложения. Мускулы у него свидетельствовали о многих часах систематических занятий в спортивном зале, но они казались естественными, а не накачанными, как у культуристов. Ладони у него были размером со сковородку – неудивительно, что его пощечина чувствовалась как удар кувалдой.

Фургон подпрыгивал на неровной дороге.

Мириам не представляла себе, куда ее везут. Ей казалось, что они долго ехали по шоссе Е4 в южном направлении, а потом свернули на проселочные дороги.

Мириам поняла, что даже имей она свободные руки, ее противодействие верзиле обречено на неудачу. Она ощущали себя полностью беспомощной.

Малин Эрикссон позвонила Микаэлю Блумквисту в начале двенадцатого, едва тот зашел в квартиру, поставил кофеварку и начал делать бутерброды.

– Извини, что поздно звоню. Я пытаюсь дозвониться тебе на мобильник уже несколько часов, но ты не отвечаешь.

– Прошу прощения, но я его отключил, пока разговаривал с несколькими клиентами проституток.

– Я нашла кое-что интересное, – начала Малин.

– Рассказывай.

– О Бьюрмане. Мы ведь договорились, что я покопаюсь в его прошлом.

– Ну.

– Он пятидесятого года рождения, начал учиться на юридическом в семидесятом году. Защитил диплом в семьдесят шестом году, начал работать в адвокатском бюро «Кланг и Рейне» в семьдесят восьмом и открыл свое собственное в восемьдесят девятом.

– Дальше.

– Всего несколько недель в семьдесят шестом он исполнял обязанности нотариуса в гражданском суде, а сразу после защиты диплома в том же году проработал два года, с семьдесят шестого по семьдесят восьмой, юристом в Главном полицейском управлении.

– Вот оно что.

– Мне удалось выяснить, какие у него были обязанности. Не так-то просто это было сделать. Он занимался делопроизводством юридических дел Службы безопасности Главного полицейского управления, относящихся к иностранцам.

– Да что ты говоришь!

– Другими словами, он, вероятно, работал там одновременно с Бьёрком.

– Проклятый Бьёрк… А ведь ни слова не сказал, что работал вместе с Бьюрманом.

Фургон наверняка где-то поблизости. Паоло Роберто держался от него подальше и потому терял его из виду время от времени. Последний раз он выхватил его из темноты всего за несколько минут до того, как понял, что упустил его. Паоло дал задний ход, заехав на обочину, и развернулся обратно, на север. Он ехал медленно, вглядываясь в ответвления с дороги.

Буквально в ста пятидесяти метрах он вдруг увидел просвет в сплошной стене леса. Это была небольшая лесная дорога, уходящая с противоположной стороны шоссе. Паоло Роберто свернул и проехал по ней метров десять, пока не остановился. Не став даже запирать дверцу, пересек дорогу и перепрыгнул через канаву. Как бы ему сейчас пригодился фонарик! Он продирался сквозь деревья.

Оказалось, что вдоль дороги шла лишь узкая полоса леса, и он быстро вышел на усыпанную мелким гравием площадку. Различил несколько низких темных построек и пошел в их сторону. Внезапно зажглась лампа над воротами для грузовиков в одном из зданий.

Паоло присел на корточки и замер. Секундой позже свет зажегся где-то в глубине здания. Оно напоминало длинное складское помещение с рядом узких, высоко расположенных вдоль фасада окошек. Во дворе громоздилась масса контейнеров, справа виднелся желтый самосвал, а рядом – белый «Вольво». Свет наружной лампы выхватил из темноты очертания фургона, припаркованного метрах в двадцати пяти впереди.

В грузовых воротах, перед которыми он оказался, открылась входная дверь для персонала; из нее вышел блондин с пивным животом, на ходу зажигая сигарету. Вот он повернул голову, и в свете дверного проема Паоло увидел его прическу «конский хвост».

Упираясь одним коленом в землю, Паоло полностью замер. Он был на расстоянии двадцати метров от мужчины, полностью на виду, но огонь от зажигалки лишил того возможности видеть в темноте. Тут оба – и Паоло, и мужчина с «конским хвостом» – услышали звук приглушенных голосов из фургона. Когда «конский хвост» направился к фургону, Паоло медленно лег пластом на землю.

Он услышал шум отодвигаемой двери в фургоне и увидел, как верзила-блондин выпрыгнул наружу, затем нагнулся и вытащил из машины Мириам Ву. Он подхватил ее под мышки и непринужденно удерживал, хотя она брыкалась. Мужчины обменялись парой слов, но Паоло их не слышал. Затем «конский хвост» открыл дверь водителя, сел в кабину, завел мотор и описал короткую дугу во дворе. Свет фар скользнул лучом всего в нескольких метрах от того места, где лежал Паоло. Вскоре фургон исчез на лесной дороге; Паоло слышал лишь затихающий звук мотора.

Верзила занес Мириам Ву на склад. Вскоре Паоло увидел тень, мелькнувшую в окнах наверху и двигавшуюся в глубь здания.

Он осторожно поднялся, одежда его была влажной. Он испытывал смешанные чувства облегчения и тревоги. Облегчения от того, что Мириам Ву была теперь поблизости; и в то же время его переполняла тревога – ведь верзила с такой легкостью подхватил ее, будто нес сумку с продуктами из супермаркета. Это не могло не вызывать и какого-то уважения. Этот человек был огромного роста и непомерной силы.

Здравый смысл подсказывал Паоло Роберто, что не стоит соваться самому, а лучше вызвать полицию, но его мобильник сдох. К тому же у него было очень смутное представление о том, где он сейчас находится, и Паоло не был уверен, что смог бы дать описание пути сюда. Он также понятия не имел, что происходит с Мириам Ву внутри склада.

Медленно обойдя здание, Паоло Роберто удостоверился, что вход в здание только один. Через пару минут он снова стоял перед воротами, принимая решение. Паоло не сомневался, что верзила-блондин – настоящий бандюга. Он избил Мириам Ву и похитил ее. Но Паоло это не слишком испугало: он верил в свои силы и знал, что может как следует врезать кому угодно, если придется драться. Проблема только в том, что неизвестно, вооружен ли громила и есть ли в здании кто-нибудь еще. В последнем Паоло Роберто сомневался. Видимо, там только Мириам Ву и верзила.

Ворота были такие большие, что в них без труда мог въехать самосвал, но была там и обычная дверь для персонала. Открыв ее, Паоло попал в большое складское помещение. Горел свет, и он увидел массу валявшегося старья, старых коробок и просто хлама.

Слезы текли по щекам Мириам Ву. Она плакала не столько от боли, сколько от беспомощности. В дороге верзила полностью ее игнорировал, а когда фургон остановился, содрал с ее рта липкую ленту, подхватил под мышки и без всякого труда отнес в помещение. Там он сбросил ее на цементный пол, не обращая ни малейшего внимания ни на мольбы, ни протесты. Взгляд, которым он ее смерил, был холоден и безжалостен.

До Мириам Ву вдруг дошло, что на этом складе ее ожидает смерть.

Повернувшись к ней спиной, блондин подошел к столу, открыл бутылку минеральной воды и начал пить большими глотками. Он не связывал ей ног, и она стала понемногу подниматься с пола.

Верзила обернулся и усмехнулся. К двери он был ближе, чем она, так что шансов выскочить он ей не оставил. Мириам обреченно опустилась на

колени, но тут же ее взяло зло на саму себя. «Без боя ни за что не сдамся. Только подойди, чертова скотина», – думала она, снова поднимаясь на ноги и стискивая зубы.

Руки у нее по-прежнему были связаны за спиной, и Мириам чувствовала себя неуклюжей и нетвердо стоящей на ногах. Когда он подошел к ней, она развернулась, наметила уязвимое место и нанесла ему молниеносный удар под ребра. Потом, сделав полный оборот, снова ударила, на этот раз метя в пах, но попала в бедро. Тогда, отскочив назад на метр, она поменяла ногу, готовясь к следующему удару. Со связанными руками Мириам не хватало замаха для удара в лицо, но ей удалось нанести ему сильный удар в грудь.

Вытянутой рукой верзила схватил ее за плечо и как следует крутанул, но с такой легкостью, будто она была сделана из бумаги. Всего один раз он ударил ее кулаком – несильно, по почкам. Тем не менее Мириам Ву издала безумный крик, когда парализующая боль дошла до самой диафрагмы. Она вновь свалилась на колени. Блондин залепил ей пощечину, и она рухнула на пол. Подняв ногу, он пнул ее в бок. У нее прервалось дыхание, и она почувствовала, что ребро сломано.

Избиения Паоло Роберто не видел, но услышал, как Мириам Ву вопит от боли. Это был душераздирающий крик, сменившийся полной тишиной. Он повернул голову в ту сторону и стиснул зубы. За стеной была еще одна комната. Паоло бесшумно подошел и, соблюдая осторожность, заглянул в дверной проем. Он увидел, как громила перевернул Мириам Ву на спину и исчез из поля зрения на несколько секунд. Вернулся он с бензопилой, которую поставил на пол рядом с девушкой. Паоло Роберто поднял брови.

– Мне нужен ответ на простой вопрос.

Голос блондина прозвучал неожиданно высоко, как будто он еще не достиг возраста, когда голос ломается. В его речи был слышен какой-то акцент.

– Где Лисбет Саландер?

– Не знаю, – пробормотала Мириам Ву.

– Ответ неправильный. Даю тебе последний шанс, а потом включаю ее.

Он присел на корточки и похлопал по бензопиле.

– Где прячется Лисбет Саландер?

Мириам Ву покачала головой.

Паоло все еще колебался, но когда громила протянул руку к пиле, он решился: сделав три энергичных шага, оказался в комнате и жестким

правым хуком нанес ему удар по почкам.

Если бы Паоло Роберто трусил в ринге, не стать бы ему всемирно известным боксером. За всю свою карьеру он провел тридцать три матча и выиграл в двадцати восьми из них. Нанеся удар, Паоло ожидал увидеть какую-то реакцию. Бывает, что противник валится на пол или хватается за ушибленное место. Но сейчас у него было такое чувство, будто он со всей силы двинул кулаком по бетонной стене. Такого ощущения ему не доводилось испытать за всю свою карьеру на ринге, и он изумленно уставился на стоявшего перед ним колосса.

Тот обернулся и столь же недоуменно воззрился на боксера.

– Может, лучше иметь дело с противником в твоей весовой категории? – спросил Паоло Роберто.

Он напряг мускулы и провел серию ударов правой-левой-правой, целясь в диафрагму противника. Удары были тяжелые, но опять у него появилось чувство, что он барабанит в стену. Единственный эффект заключался в том, что громила отошел на шаг назад, скорее от удивления, чем из-за удара, и вдруг улыбнулся.

– Ты же Паоло Роберто, – произнес он.

Паоло растерянно онемел. Он только что нанес четыре удара, которые, по всем правилам, должны были повлечь ситуацию, когда громила оказывается на полу, а сам он отправляется в свой угол ринга, в то время как рефери начинает счет. Но оказалось, что ни один из его ударов не имел ни малейшего эффекта.

«Господи, это же нереально», – подумал он.

Затем все следовало как в замедленной съемке: он видел, как правый хук блондина летит на него по воздуху. Тот был медлителен, и его удар можно было предвидеть заранее. Паоло уклонился и частично нейтрализовал удар плечом. Но ощущение было такое, будто по нему заехали металлическим прутом.

Паоло Роберто отпрыгнул назад на пару шагов, испытав что-то вроде уважения к противнику.

«Это какая-то аномалия. Никому же не под силу так ударить», – промелькнуло у него в голове.

Паоло чисто автоматически парировал левый хук, подставив предплечье, и вдруг почувствовал сильнейшую боль. Он не успел отразить правый хук, взявшийся неизвестно откуда и угодивший ему в лоб.

Паоло Роберто, как тряпку, выбросило спиной в раскрытую дверь. Он с грохотом свалился на гору деревянных поддонов и стукнулся головой. Тут же почувствовал, как лицо заливает кровь. «Он рассек мне бровь. Придется

зашивать, в который раз», – пришло ему в голову.

В следующее мгновение громила опять возник перед глазами, и Паоло Роберто откатился в сторону. Он был на волосок от нового удара огромного кулака, разящего как кувалда. Быстро отскочил на три-четыре шага и приготовил руки к защите. Он был потрясен.

Громила бросил на него взгляд, полный любопытства, почти удовольствия. Затем тоже принял защитную стойку. «Значит, он боксер», – подумалось Паоло. Они начали медленно описывать круги вокруг друг друга.

В следующие сто восемьдесят секунд между ними состоялся самый странный матч, в каком Паоло Роберто доводилось участвовать. Ни канатов, ни перчаток. Ни судей, ни секундантов. Никакого гонга, который отправлял бы участников по своим углам ринга, никаких пауз, ни воды, ни нюхательной соли, ни полотенца, чтобы утереть кровь, заливающую глаза.

Паоло Роберто вдруг понял, что это матч не на жизнь, а на смерть. Все тренировки, все годы колотьбы по мешку с песком, все спарринги, опыт всех матчей собрались воедино в той энергии, которая зародилась в нем сейчас, а адреналин подскочил так, как никогда раньше в жизни.

Теперь он наносил удары без промедления. Они сыпались градом, и в каждый из них Паоло вкладывал всю свою силу и напрягал все мускулы. Левой, правой, снова левой, а потом неожиданно правой в лицо, уклониться от удара слева, отпрянуть на шаг, сделать выпад правой. Каждый удар Паоло Роберто попадал в цель.

Это был самый важный бой в его жизни, соревнование не кулаков, но и мозгами.

Паоло Роберто смог уклониться от всех ударов, предназначенных ему. Он провел такой четкий правый хук в челюсть противника, что у него возникло подозрение, не сломал ли он одну из фаланг своих пальцев. От такого удара противнику полагалось свалиться как подкошенному. Паоло увидел, что костяшки его пальцев в крови и что на лице громилы появились красные пятна и отеки, но тот, казалось, ничего не замечал.

Паоло отскочил назад и дал себе секундную передышку, оценивая соперника. «Он явно не боксер. Хоть и двигается правильно, его навыки не стоят и гроша. Он только делает вид, что боксирует. Защищаться не умеет. Каждый его удар можно предвидеть. Медлителен во всех движениях», – думал Паоло.

Но в следующий момент громила провел левый хук и попал в бок Паоло. Вот уже второй раз он ударил как следует. Паоло почувствовал

резкую боль во всем теле – его ребро треснуло. Пытаясь попятиться, он споткнулся о какой-то хлам на полу и упал на спину. Громила метнулся к нему, но Паоло Роберто успел откатиться в сторону и, качаясь, встал на ноги.

Снова отступив, он пытался собраться с силами.

Громила уже бросился к нему, и Паоло пришлось защищаться. Он уклонялся, отступал и опять уклонялся. Каждый раз, когда он подставлял плечо под удар, его пронзала боль.

Наступил момент, который каждый боксер с ужасом пережил хоть раз в жизни; чувство, которое может появиться уже в середине матча. Это чувство, что ему не сдюжить, интуиция, которая нашептывает: «Черт возьми, а ведь я проигрываю».

Это решающий момент почти в каждом матче – когда силы внезапно покидают тебя, адреналин впрыскивается с такой силой, что парализует, а призрак добровольной капитуляции бродит вокруг ринга. Это тот самый решительный момент, когда становится ясно, кто любитель, а кто профессионал, кто победитель, а кто побежденный. Мало кто из боксеров, очутившись у края этой пропасти, находит в себе силы повернуть ход матча и обратить неизбежное поражение в победу.

Именно такой момент и наступил сейчас у Паоло Роберто. В голове шумело, в ногах чувствовалась слабость, и он словно наблюдал за сценой со стороны, видя громилу, словно в объектив фотокамеры. В этот момент решалось, пан или пропал.

Паоло Роберто, пятясь, двигался по полукругу – ему требовалось собрать силы и выиграть время. Громила следовал за ним целенаправленно, но медленно, как будто знал, что борьба завершена, просто конец раунда еще не наступил. «Он вроде как боксирует, а в то же время и не боксирует, – думал Паоло. – Он знает, кто я, и хочет доказать, что не хуже. Но сила удара у него просто нечеловеческая, а к моим ударам он вообще нечувствителен».

Мысли мелькали в голове Паоло, пока он пытался оценить ситуацию и решить, какую тактику избрать.

Внезапно всплыл вечер в Мариехамне два года назад. Его карьера профессионального боксера внезапно оборвалась самым грубым образом, когда он встретился – вернее, столкнулся – с аргентинцем Себастьяном Луханом. Паоло нарвался на свой первый в жизни нокаут и провел без сознания пятнадцать секунд.

Он часто потом перебирал в мыслях, в чем тогда просчитался. Ведь он был в то время в отличной форме, абсолютно собравшийся, а Себастьян

Лухан не превосходил его профессионально. Но аргентинец нанес точнейший удар, и весь раунд превратился в штормовую круговерть.

Позднее Паоло видел на видеозаписи, как беспомощно он мялся на ринге, будто неуклюжий утенок Дональд Дак. Нокаут последовал через двадцать три секунды.

Ни сильнее, ни тренированнее, чем он, Себастьян Лухан не был. Разница между ними была столь незначительна, что матч мог бы закончиться и с противоположным результатом.

Позднее Паоло понял, что вся разница между ними была в том, что Себастьян Лухан был более заводной. Когда Паоло вышел на ринг в Мариехамне, он был настроен на победу, но в бой отчаянно не рвался. Вопросом жизни и смерти это для него не было, даже проигрыш он не воспринимал как катастрофу.

Полтора года спустя Паоло Роберто все еще боксировал, но уже не как профессионал. Он участвовал лишь в товарищеских спаррингах. По-прежнему тренировался, не набрал веса и не раздобрел в талии. Он, конечно, уже не был точно настроенным инструментом, как когда-то перед матчем за чемпионский титул, когда тело нарабатывалось месяцами, но он был Паоло Роберто, а не кто угодно. А теперь, в отличие от Мариехамна, нынешний матч на складе значил в буквальном смысле жизнь или смерть.

Паоло Роберто принял решение. Он резко остановился и подпустил громилу вплотную. Сделав обманный финт левой, вложил всю свою силу в правый хук. Удар был мощный и поразил нос и рот противника. Атака оказалась для блондина полной неожиданностью, ведь перед этим Паоло долго отступал. Наконец-то он почувствовал, что его удар не остался без последствий. Затем последовали левый-правый-левый, все три в лицо.

Громила, действуя как в замедленной съемке, сделал выпад правой. Подготовка к удару была заметна заранее, и Паоло уклонился от гигантского кулака. Видя, как громила переносит тяжесть с ноги на ногу, он понял, что готовится удар левой. Но вместо того, чтобы парировать его, Паоло отклонился назад и позволил левому хуку промелькнуть перед своим носом. Его ответом был ошеломляющий удар снизу под ребра.

Когда громила развернулся отразить атаку, Паоло провел левый хук снизу вверх и снова нанес удар в нос.

Он чувствовал, что сейчас делает все верно и полностью контролирует бой. Противник начал пасовать. У него текла кровь из носа, и он уже не ухмылялся.

Но тут громила вдруг замахнулся ногой. Ступня его взлетела и нанесла

удар, полностью неожиданный для Паоло Роберто. Сам он следовал правилам бокса и не ожидал, что его пнут. Казалось, что он получил удар кувалдой по бедру чуть выше колена. «Нет», – пронеслось в его голове. Он отступил, и тут его правая нога подогнулась и снова уткнулась в какой-то хлам.

Громила смотрел на него сверху вниз. Глаза их на секунду встретились. Смысл взгляда сверху не допускал двух толкований: «Матч окончен».

И тут глаза громилы расширились от боли – Мириам Ву ударила его в пах, зайдя сзади.

В теле Мириам Ву болел каждый мускул, но ей все же удалось протащить скованные руки понизу и продернуть их под ногами, так что теперь они были впереди. В ее нынешнем состоянии это был акробатический номер высшего класса.

Боль ощущалась в ребрах, шее, спине, почках; ей было трудно встать на ноги. Все же она доковыляла до двери и не поверила своим глазам: Паоло Роберто – откуда он только взялся – залепил верзиле правым хуком, а затем, после серии ударов в лицо, пинком ноги был свален на пол.

Откуда и как здесь появился Паоло Роберто, не время было думать. Главное, что он был из хороших парней. Первый раз в жизни у нее возникло беспощадное желание изувечить другого человека. Сделав несколько быстрых шагов, Мириам мобилизовала всю свою энергию и напрягла те мускулы, которые еще не были повреждены. Оказавшись сзади верзилы, она засадила ему ногой в пах. На изящный тайский бокс это мало походило, но удар возымел действие.

Мириам Ву одобрительно кивнула сама себе. Мужики могут быть громадными как дом и крепкими как гранит, но яйца у всех на одном и том же месте. И удар был нанесен так метко, что заслуживал занесения в Книгу рекордов Гиннесса.

Впервые верзила был огорошен. Из груди его послышался стон, он схватился руками за пах и упал на колени.

Всего секунду простояв в нерешительности, Мириам поняла, что необходимо продолжение и, если удастся, завершение. Она собиралась засадить ему ногой в лицо, но, к ее удивлению, он поднял руку. Вот уж чего она не ожидала, так это что он очухается так быстро. У нее было такое чувство, будто она пнула ногой ствол дерева. Неожиданно блондин крепко схватил ее за стопу, свалил с ног и начал подтягивать к себе. Мириам видела, как поднимается его сжатый кулак, и стала остервенело вырываться

и брыкаться свободной ногой. Она задела его по уху и в ту же секунду ощутила удар в висок. Казалось, что она со всей силы въехала головой в стену. Из глаз посыпались искры, а потом наступала тьма.

И тут Паоло Роберто стукнул его по затылку той самой доской, о которую споткнулся. Верзила повалился вперед и с грохотом рухнул.

Паоло Роберто огляделся с чувством нереальности происходящего. Верзила-блондин едва шевелился на полу. Мириам Ву, похоже, вышла из игры, на лице ее застыл остекленелый взгляд. Совместными усилиями они выиграли короткую передышку.

Паоло мог едва ступать поврежденной ногой и подозревал, что мышца над коленом порвана. Припадая на ногу, он добрался до Мириам и поставил ее на ноги. Она уже была способна двигаться, но взгляд ее был затуманен. Не говоря ни слова, Паоло закинул ее на плечо и, хромая, пошел к выходу. Правое колено пронзила такая острая боль, что иногда он прыгал на одной ноге.

Каким избавлением дохнуло на него из холодной тьмы! Но времени останавливаться не было. Паоло Роберто пересек двор и вступил в лесную чащу, следуя по тому же пути, каким пришел сюда. Очутившись среди деревьев, он споткнулся о выступ корня и свалился. Мириам Ву застонала, а он услышал, как с грохотом открылась дверь склада.

Исполинский силуэт верзилы-блондина вырисовывался в светлом прямоугольнике дверного проема. Паоло прикрыл ладонью рот Мириам Ву и, нагнувшись, прошептал ей на ухо: «Тихо, молчи».

Среди выступов корней он поискал и нащупал камень размером больше своего кулака. Перекрестился. В первые за всю свою небезгрешную жизнь он был готов, если надо, убить человека. Измотанный и избитый, он знал, что еще одного раунда ему не выдержать. Но никто, даже это чудовище, оплошность природы, не сможет драться с проломленным черепом. Пощупав камень, Паоло почувствовал, что у него овальная форма и острый край.

Верзила-блондин дошел до угла дома, потом описал большую дугу по двору. Остановился он в десяти шагах от того места, где затаил дыхание Паоло. Громила прислушивался, но он не знал, где именно их поглотила ночь. Через несколько минут он, видимо, понял, что эти высматривания ничего не дадут, решительно развернулся и вернулся в здание. Спустя несколько минут он погасил всюду свет, вышел с сумкой и, сев в белый «Вольво», рванул с места и скрылся на лесной дороге. Паоло слушал, пока шум мотора окончательно не исчез вдали. Опустив взгляд, он увидел, как

блестят в темноте глаза девушки.

– Привет, Мириам, – сказал он. – Меня зовут Паоло. Можешь меня не бояться.

– Я знаю, – ответила она слабым голосом.

Паоло обессиленно прислонился к корням дерева, чувствуя, что адреналин в крови упал до нуля.

– Сил нет встать, – сказал он. – А надо. По другую сторону дороги стоит машина, до нее отсюда метров сто пятьдесят.

Верзила-блондин притормозил и остановился на площадке для отдыха чуть восточнее Нюкварна. Он чувствовал себя совершенно разбитым и сбитым с толку, голова была как чужая.

Никогда в жизни до сегодняшнего дня он не выходил из драки побежденным. И отделал его Паоло Роберто… боксер. Похоже на кошмарный сон, какие случаются беспокойными ночами. Он не мог взять в толк, откуда взялся Паоло Роберто. Тот ни с того ни с сего вдруг очутился на складе…

Просто бред какой-то.

Удары Роберто были нечувствительны, что и неудивительно. Но пинок в пах был очень даже ощутим. А от чудовищного удара по голове у него в глазах померкло. Он провел пальцами по затылку и нащупал огромную шишку. Если надавить пальцами, то боль не чувствовалась, но голова кружилась и все ощущалось как в тумане. К немалому удивлению, проведя языком, он почувствовал, что лишился зуба в левой половине верхней челюсти, а во рту был привкус крови. Зажав нос между большим и указательным пальцами и осторожно потянув его вверх, он расслышал какой-то треск в голове и понял, что нос сломан.

Правильно сделал, что взял сумку и покинул склад, пока не приехала полиция. Но допустил серьезную ошибку. По каналу «Дискавери» он видел, как при расследовании полицейские собирали массу улик и следов, анализируя кровь, волоски, ДНК… Не хотелось ему возвращаться на склад, но делать нечего. Придется прибраться. Он развернул машину и отправился назад. На въезде в Нюкварн ему повстречалась машина, но он не придал этому значения.

Поездка обратно в Стокгольм оказалась сущим кошмаром. Кровь заливала глаза, все тело болело, Паоло был изможден. Он вел машину как пьяный, виляя из стороны в сторону. Отерев глаза, осторожно потрогал нос; это причинило сильную боль. Дышать Паоло мог только ртом. Он не

переставал всматриваться, не видно ли белого «Вольво»; ему даже показалось, что оно промелькнуло около Нюкварна.

Когда Паоло выехал на шоссе Е20, вести машину стало легче. Он подумал, не остаться ли в Сёдертелье, но не знал, куда ему следует ехать. Он бросил взгляд на Мириам Ву, лежавшую, как тюфяк, все еще в наручниках и без ремня безопасности на заднем сиденье. Ему пришлось тащить ее до машины, и она заснула сразу, едва оказавшись на сиденье. Паоло не знал, была ли она без чувств из-за травм, или просто отключилась в изнеможении. Поколебавшись, он свернул на шоссе Е4 в сторону Стокгольма.

Микаэль Блумквист проспал не больше часа, когда зазвонил телефон. Скосив глаза на будильник, он увидел, что сейчас начало пятого, и сонно протянул руку к трубке. Звонила Эрика Бергер, и он не сразу понял, что она говорит.

– Паоло Роберто?.. Где он?

– В больнице Сёдера, и там же Мириам Ву. Он пытался тебе дозвониться на мобильник, но ты не отвечал, а домашнего номера у него не было.

– Мобильник я отключил. А что он делает в больнице?

Голос Эрики Бергер звучал терпеливо, но безапелляционно.

– Микаэль, поезжай туда на такси и все выясни. Он совершенно не в себе; говорит про бензопилу, дом в лесу и какого-то верзилу, который не умеет толком боксировать…

Микаэль хлопал глазами и ничего не понимал. Наконец, покачав головой, он потянулся за брюками.

Паоло Роберто лежал на каталке в одних трусах, вид у него был жалкий. Микаэлю пришлось прождать целый час, пока его впустили к пациенту. Нос Паоло был скрыт под фиксирующей повязкой, левый глаз заплыл, а бровь над ним заклеена хирургическим пластырем после того, как ее зашили, наложив пять швов. На ребра был наложен бандаж, по всему телу красовались кровоподтеки и ссадины. На левом колене тоже был бандаж.

Микаэль Блумквист принес Паоло Роберто кофе в бумажном стаканчике, которое он нацедил в автомате в коридоре, и критически оглядел его лицо.

– Выглядите как после автомобильной катастрофы, – сказал он. – Ну, рассказывайте.

Боксер покачал головой.

– Чертов зверюга, – пробормотал он.

– Да что случилось-то?

Паоло Роберто снова покачал головой и посмотрел на свои руки. Костяшки были так разбиты, что он едва мог держать кофейный стаканчик. Их обмотали пластырем. Его жена прохладно относилась к боксу, а теперь и вовсе придет в ярость.

– Я же боксер, – начал он. – Ну, в смысле, когда я был действующим боксером, то не боялся выходить на ринг против кого угодно. Бывало, и мне доставалось, но я мог и врезать, и защититься. Когда я атакую, то стараюсь сделать так, чтобы противник рухнул и почувствовал боль.

– А с тем мужиком было не так?

Паоло Роберто в третий раз покачал головой и начал спокойно и подробно рассказывать, что с ним случилось прошлой ночью.

– Я нанес ему не меньше тридцати ударов, раз четырнадцать-пятнадцать – в голову. Я заехал ему в челюсть четыре раза. Вначале бил несильно – я же не собирался его избивать, а просто думал защищаться. Но под конец я дрался уже изо всех сил. Одним из таких ударов я, должно быть, сломал ему челюсть. Но этот чертов зверюга только отряхнулся и продолжал лезть. Это же, черт возьми, не бывает с нормальными людьми!

– А как он выглядел?

– Как бронированный робот – без преувеличения. Ростом выше двух метров, весит где-то сто тридцать – сто сорок килограммов. Кроме шуток, у него одни мускулы да армированный каркас. Чертов верзила-блондин, даже не чувствующий боли…

– Вы никогда его раньше не видели?

– Никогда. И он не боксер. Хотя, как ни странно, отчасти боксер.

– Что вы хотите этим сказать?

– Он понятия не имел, как надо боксировать. Я провел все свои финты, без труда пробивая его защиту, а он даже понятия не имел, как надо двигаться, чтобы избежать удара. В этом он был ни бельмеса. Но в то же время пытался двигаться как боксер, правильно держал руки и правильно вставал в стойку. Он вроде как ходил на тренировки по боксу, но пропускал мимо ушей все, что говорил тренер.

– Ну, дальше.

– Мне и девушке повезло, что он так медленно двигался. Это и спасло нам жизнь. Он о каждом своем свинге за месяц сигнал подавал, и я мог уклониться или парировать. Но два раза он в меня попал: первый раз в лицо – и вы видите результат его удара, – а второй раз по корпусу, и сломал

мне ребро. Но оба удара были нечеткие. Если бы первый удар был сделан чисто, он бы пробил мне череп.

Паоло Роберто внезапно рассмеялся. Этот смех был выражением триумфа.

– Ты что?

– Я победил. Этот придурок пытался меня убить, но я победил. Мне удалось уложить его. Правда, понадобилась чертова доска, чтобы отправить его в нокаут.

Он посерьезнел.

– Не поддай ему Мириам Ву в пах в нужный момент, еще не известно, как бы это все закончилось.

– Паоло, я страшно рад, что вы победили. Мириам Ву наверняка скажет вам то же самое, когда очнется. Вы не знаете, как у нее дела?

– Выглядит она почти как я. У нее сотрясение мозга, несколько сломанных ребер, перебита переносица и отбиты почки.

Микаэль наклонился и положил руку на колено Паоло Роберто.

– Если вам когда-нибудь понадобится помощь… – начал он.

Тот кивнул и тепло улыбнулся.

– Блумквист, если вам когда-нибудь понадобится помощь…

– Ну?

– …позовите лучше Себастьяна Лухана.

Глава 26

Среда, 6 апреля

Заезжая на парковку больницы Сёдера в семь утра, инспектор полиции Ян Бублански увидел Соню Мудиг. Он был в отвратительном настроении – его разбудил звонок Микаэля Блумквиста. Постепенно он уяснил, что ночью произошло что-то серьезное, и, в свою очередь, поднял с постели Мудиг. Блумквист встретил их в вестибюле и проводил в палату к Паоло Роберто.

Сначала Бублански было трудно сориентироваться во всех деталях, но постепенно он понял, что Мириам Ву похитили, а Паоло Роберто настиг похитителя. Вообще-то, судя по лицу профессионального боксера, было не очень-то понятно, кто кого настиг. Что касается самого Бублански, то ночные происшествия выводили расследование, касавшееся Лисбет Саландер, на совершенно новый уровень сложности. «В этом чертовом деле ничто не идет гладко», – подумал он.

Соня Мудиг первой задала самый естественный вопрос Паоло Роберто:

– Как вы оказались во все это замешаны?

– Мы с Лисбет Саландер друзья.

Бублански и Мудиг недоуменно переглянулись.

– А откуда вы с ней знакомы?

– Мы с ней иногда проводим спарринги на тренировках.

Бублански отвел глаза в сторону, а Соня Мудиг неожиданно и не к месту издала смешок. Да, в этом деле, кажется, все не как у людей, все непросто и накручено. Лишь постепенно они разобрались в основных фактах, имеющих отношение к делу.

– Я хочу кое-что добавить, – сухо заметил Микаэль Блумквист.

Все взгляды обратились на него.

– Первое. Приметы водителя фургона, на котором была похищена Мириам Ву, совпадают с приметами человека, напавшего на Лисбет Саландер в том же месте на Лундагатан. Это крупный блондин с «конским хвостом» и пивным животом. Ясно?

Бублански кивнул.

– Второе. Похищение имело целью заставить Мириам Ву раскрыть, где прячется Лисбет Саландер. Значит, два блондина охотились за Саландер по крайней мере за неделю до убийства. Согласны?

Мудиг кивнула.

– Третье. Если в этой истории замечены еще несколько лиц, то Лисбет Саландер не годится на роль «сумасшедшей одиночки», какой ее изображали.

На эти ни Бубლански, ни Мудиг ничего не сказали.

– Трудно поверить в то, что мужик с «конским хвостом» – член группы лесбиянок-сатанисток.

Мудиг скривила рот.

– Наконец, четвертое. Я думаю, что эта история каким-то образом связана с человеком по имени Зала. Именно на нем сосредоточился Даг Свенссон в последние две недели перед смертью. Сведения об этом есть в его компьютере. Даг Свенссон как-то связывал его с убийством в Сёдертелье проститутки по имени Ирина Петрова. Вскрытие обнаружило, что ей были нанесены тяжелые увечья, причем такие жестокие, что каждое из трех было смертельным. Протокол вскрытия не говорит ничего определенного об орудии убийства. Но характер повреждений очень напоминает те, что получили Мириам Ву и Паоло Роберто. Она могла быть искалечена руками того верзилы-блондина.

– А как же Бьюрман? – спросил Бубलански. – Предположим, что у кого-то была причина заткнуть рот Дагу Свенссону. Но у кого возникла необходимость убивать опекуна Лисбет Саландер?

– Не знаю. Не все куски головоломки нашли свое место, но где-то должна быть связь между Бьюрманом и Залой. Это было бы резонно. Может быть, стоит начать поиски в других направлениях? Если убийца не Лисбет Саландер, значит, это кто-то другой. Мне кажется, эти преступления так или иначе связаны с торговлей сексом. А Саландер скорее умрет, чем сунется во что-то подобное. Я вам уже говорил, что у нее есть свои принципы.

– А в чем же тогда ее роль?

– Не знаю. Может быть, свидетельница. Может быть, враг. А что, если она отправилась в Эншеде предупредить Дага и Мию об опасности? Не забывайте, она мастер собирать и анализировать информацию.

Бубლански запустил все свои ресурсы. Позвонив в полицию Сёдертелье, он дал описание дороги, которым снабдил его Паоло Роберто, и попросил как следует поискать заброшенное складское помещение к юго-востоку от озера Ингерн. Потом позвонил инспектору полиции Еркеру Хольмбергу; тот жил в районе Флемингсберг и потому был ближе всего к Сёдертелье. Его Бублански попросил немедленно подключиться к работе

полиции Сёдертелье и оказать помощь в досмотре места преступления.

Звонок от Еркера Хольмберга поступил уже через час – он только что приехал на место преступления. Полиция Сёдертелье легко нашла то самое складское помещение. Оно и два примыкающих к нему склада поменьше сгорели, и пожарные теперь заканчивали расчищать последствия пожара. О том, что это был поджог, свидетельствовали две брошенные канистры из-под бензина.

Разочарование привело Бублански в неистовство.

«Что это, черт возьми, происходит? Кто этот верзила-блондин? Кто на самом деле Лисбет Саландер? Почему ее никак не найти?» – проносилось у него в голове.

Ситуация не улучшилась, когда на девятичасовое совещание явился прокурор Рихард Экстрём. Бублански доложил об утренних драматических событиях и внес предложение изменить основное направление расследования, поскольку происшедшие необъяснимые события внесли разлад в ход расследования и прежнюю рабочую гипотезу.

Приключения Паоло Роберто бесспорно подтверждали историю, рассказанную Микаэлем Блумквистом о нападении на Лисбет Саландер на Лундагатан. Существенно упала вера в состоятельность гипотезы о том, что убийства были совершены одной психически больной женщиной. Это не означало, что можно было снять подозрения с Лисбет Саландер – сначала нужно найти разумное объяснение ее отпечаткам пальцев на орудии убийств. И все же нужно серьезно продумать возможное наличие других подозреваемых. В таком случае есть только одна гипотеза – высказанное Микаэлем Блумквистом мнение, что убийство имело отношение к намечавшемуся Дагом Свенссоном разоблачению секс-торговли. Затем Бублански сформировал три основные задачи.

На данный момент важнейшей из них становится установление личности рослого блондина и его подельника с «конским хвостом», которые похитили и избили Мириам Ву. У рослого блондина такая приметная внешность, что найти его будет несложно.

Курт Свенссон резонно заметил, что у Лисбет Саландер тоже приметная внешность, но вот уже три недели полиция так и не смогла установить, где же она находится.

Второй задачей следствия станет создание группы, которая сосредоточится на списке клиентов проституток из компьютера Дага Свенссона. Тут предстояло решить сначала чисто технические проблемы. Полиция располагала компьютером Дага Свенссона, выданным ему в «Миллениуме», и компакт-дисками с записями файлов из исчезнувшего

лэптона. Все вместе это составляло материал, собранный за несколько лет и насчитывающий тысячи страниц, на разбор и каталогизацию которых уйдет уйма времени. Группе требовались дополнительные силы. Ее руководителем Бублански сразу назначил Соню Мудиг.

Третья задача состояла в том, чтобы сфокусировать внимание на неизвестном по имени Зала. С этой целью группа должна подать запрос в Особый следственный отдел по борьбе с организованной преступностью, который уже несколько раз сталкивался с этим именем. Это задание получил Ханс Фасте.

Наконец, Курту Свенссону поручалось координировать дальнейшие поиски Лисбет Саландер.

Выступление Бублански заняло шесть минут, зато его обсуждение продолжалось час. Ханс Фасте твердо стоял на позиции неприятия плана Бублански и не пытался это скрыть. Инспектора это удивило. Сам он никогда не симпатизировал Фасте, но считал его толковым работником.

Ханс выразил мнение, что главной целью расследования, независимо от всякой поступающей информации, должна быть Лисбет Саландер. Он считал, что улики против нее столь убедительны, что заниматься поисками других возможных убийц ни к чему.

– Чепуха все это. Мы имеем дело со случаем склонного к насилию, психически больного человека, чье состояние ухудшалось из года в год. Уж не думаете ли вы, что все заключения психиатров и судебно-медицинской экспертизы просто болтовня? Установлена ее связь с местом преступления. Есть данные о том, что она продажная женщина и что на ее банковском счету лежит большая, неизвестно откуда взявшаяся сумма.

– Все это мне известно.

– Она последовательница какого-то лесбийско-сатанинского культа. А эта чертова лесбиянка Силла Нурен знает явно больше, чем говорит.

– Хватит, Фасте, – повысил голос Бублански. – Ты совсем уж зациклился на гомосексуальной теме. Это непрофессионально.

Он сразу пожалел, что высказался так резко перед всей группой, надо было поговорить с Фасте наедине.

Прокурор Экстрём оборвал возмущенный шум голосов. Сначала казалось, что он колебался, но в конце концов принял предложения Бублански, иначе ему пришлось бы отстранить его от руководства расследованием.

– Будем делать так, как задумал Бублански.

Тот покосился в сторону Сонни Бомана и Никласа Эрикссона из «Милтон секьюрити».

– Похоже, вы у нас последние три дня. Надо сделать все возможное. Боман, вы будете помогать Курту Свенссону в поисках Саландера, а вы, Эрикссон, продолжайте работать с Мудиг.

Экстрём подумал секунду и поднял руку в тот момент, когда все начали подниматься со своих мест.

– Хочу сказать напоследок: про Паоло Роберто не распространяться. Журналисты от радости запрыгают, если в расследовании появится имя еще одной знаменитости. В общем, ни слова о нем за пределами этих стен.

Соня Мудиг поймала Бублански сразу после совещания.

– У меня терпение лопнуло с Фасте. Не выдержал, – пожалел тот.

– Знаю, как это, – улыбнулась она. – С компьютером Свенссона я начала работать уже в понедельник.

– Знаю. И что успела?

– У него с дюжину вариантов рукописи, огромный подготовительный материал, и решить, что важно, а что нет, очень трудно. Открыть каждую папку и просмотреть все документы в ней уже займет несколько дней.

– А как же Никлас Эрикссон?

Соня Мудиг замялась, потом повернулась и закрыла дверь в кабинет Бублански.

– Честно говоря… не хотелось бы о нем плохо отзываться, но… толку от него немного.

Бублански нахмурился.

– Давай, выкладывай.

– Не знаю. С Боманом он ни в какое сравнение не идет. Несет всякую чушь, воспринимает Мириам Ву примерно так же, как Ханс Фасте, и вообще не интересуется работой. Точно не поручусь, но с Лисбет Саландер у него как-то непросто.

– А что там?

– Похоже, между ними какая-то кошка пробежала.

Бублански задумчиво кивнул.

– Жалко, что так. Боман нормальный парень, но я вообще не люблю, когда в расследовании принимают участие посторонние.

Соня Мудиг кивнула.

– Что же делать?

– Придется тебе потерпеть его до конца недели. Армански сказал, что отзовет своих сотрудников, если не будет результатов. Принимайся за работу, копай поглубже и рассчитывай лишь на свои собственные силы.

«Раскопки» Сони Мудиг закончились, не начавшись, через сорок пять

минут, потому что она была отстранена от расследования. Неожиданно ее вызвали в кабинет прокурора Экстрёма, где уже сидел Бублански. Лица обоих покрывали красные пятна. Тони Скала, независимый корреспондент, только что сделал достоянием гласности сенсационную новость, что Паоло Роберто спас от похитителя Мириам Ву, лесбиянку со склонностью к мазохистским играм. Текст содержал детали, которые могли быть известны только занятым в расследовании. Было туманно сказано, что полиция обдумывает возможность возбуждения дела против Роберто за нанесение грубых телесных повреждений.

Экстрёму уже пришлось отвечать на несколько телефонных звонков журналистов, пытавшихся уяснить себе роль в этой истории известного боксера. Он был в состоянии крайнего возбуждения и обвинил Соню Мудиг в утечке информации. Та категорически отвергла обвинения, но это было впустую. Экстрём пожелал, чтобы ее немедленно отстранили от следствия. Бублански возмутился и без колебаний принял ее сторону.

– Соня сказала, что не сливала информацию. Мне этого достаточно. Было бы безумием отстранять опытного следователя, уже много проработавшего над делом.

Экстрём заявил о своем открытом недоверии Сони Мудиг. Он уселся за свой стол и замолчал с упрямым выражением лица. Его решение было неоспоримым.

– Мудиг, – наконец сказал он. – Доказать, что вы сливаете информацию, я не могу, но в этом расследовании я не питаю к вам доверия. Вы отстраняетесь, и мое решение вступает в силу с данной минуты. До конца недели вы свободны. В понедельник получите новое задание.

Выбора не оставалось. Мудиг кивнула и пошла к двери. Бублански остановил ее.

– Соня, для протокола. Я ни в грош не ставлю эти обвинения и полностью тебе доверяю, но здесь не я решаю. Зайди ко мне в кабинет, когда соберешься домой.

Мудиг кивнула. Экстрём был явно зол. Лицо Бублански пошло яркими пятнами.

Когда Соня Мудиг вернулась в свой офис, где они с Никласом Эрикссоном занимались компьютером Дага Свенссона, ей хотелось плакать от злости. Эрикссон покосился на нее и заметил, что она расстроена, но ничего не сказал, и она тоже. Сев за свой письменный стол, Соня вперилась взглядом в стенку. В комнате стояла гнетущая тишина.

Наконец Эрикссон извинился и сказал, что ему надо выйти, а потом спросил, не хочет ли она кофе. Она покачала головой.

Едва он вышел, Мудиг поднялась, надела кутку, взяла сумку и пошла к кабинету Бублански. Он предложил ей сесть.

– Соня, я этого так не оставлю, иначе пусть Экстрём и меня отстраняет от расследования. Я не потерплю подобного и найду виновного. А пока ты продолжишь оставаться в следственной группе по моему личному приказу. Ясно?

Она кивнула.

– Ты не пойдешь домой и возьмешь отгул до конца недели, как сказал Экстрём. Я поручаю тебе съездить в редакцию «Миллениума» и снова поговорить с Микаэлем Блумквистом. Попроси его помочь тебе разобраться с материалами на жестком диске Дага Свенссона, у них в «Миллениуме» есть копия. Если нам поможет кто-то уже работавший с материалом, мы сможем сэкономить массу времени на сортировки важного и неважного.

Соня Мудиг почувствовала, что ей легче дышится.

– Я ничего не сказала Никласу Эрикссону, просто ушла.

– Ничего. Я скажу ему, чтобы он присоединился к работе Курта Свенссона. Ты не видела Ханса Фасте?

– Нет, он ушел сразу после нашего заседания.

Бублански вздохнул.

Из больницы Сёдера Микаэль Блумквист вернулся домой около восьми утра. Он чувствовал, как сильно не выспался, а ведь на встречу с Гуннаром Бьёрком после обеда в Смодаларё ему нужно прийти со свежей головой. Он разделся, поставил будильник на половину одиннадцатого и проспал почти два часа. Потом принял душ, побрился и надел свежую рубашку. Когда он вышел на площадь Гулльмарсплан, раздался звонок мобильника. Это была Соня Мудиг, она хотела поговорить. Микаэль объяснил, что направляется по делу и встретиться не может. Когда она объяснила, о чем идет речь, он посоветовал ей связаться с Эрикой Бергер.

Соня Мудиг поехала в редакцию «Миллениума». Застав Эрику Бергер на работе, она подумала, что ей нравится эта уверенная в себе женщина, немного властная, с симпатичными ямочками на щеках и короткой светлой челкой. Чем-то она напоминала постаревшую Лору Палмер из сериала «Твин Пикс». Ей даже пришла в голову вздорная мысль, не лесбиянка ли Бергер, ведь если верить Хансу Фасте, все женщины в этом расследовании имели такого рода сексуальные предпочтения. Но тут она вспомнила, что где-то читала о ее муже, художнике Грегере Бекмане. Эрика выслушала ее просьбу о помощи при разборе материалов на жестком диске Дага

Свенссона.

– В этом я вижу некоторую проблему, – озабоченно произнесла она.

– Объясните, пожалуйста.

– Не подумайте, что мы не хотим найти разгадку убийства или помочь полиции. Тем более что у вас есть весь материал из компьютера Дага Свенссона. Проблема скорее этического плана: журналисты и полиция не слишком удачно сотрудничают.

– Поверьте мне, я почувствовала это на себе сегодня утром, – улыбнулась Соня Мудиг.

– А в чем дело?

– Да ничего особенного. Это мои личные проблемы.

– Ладно. Чтобы средствам массовой информации доверяли, нужно соблюдать четкую дистанцию по отношению к органам власти. Журналисты, которые бегают по полицейским участкам и сотрудничают со следствием, со временем становятся мальчиками на побегушках у полиции.

– Мне доводилось встречаться с такими, – заметила Мудиг. – Но, насколько я знаю, бывает и наоборот: полицейские оказываются на побегушках у газет.

Эрика Бергер рассмеялась.

– Верно. Должна признаться, мы в «Миллениуме» просто не располагаем средствами, чтобы платить подобным журналистам на побегушках. Речь ведь не о том, что вы хотите допросить кого-то из наших сотрудников – на это мы бы пошли без разговоров. Сейчас у нас с вами идет речь о формальной просьбе оказать вам активную помощь в расследовании, предоставить наш журналистский материал в ваше распоряжение.

Соня Мудиг кивнула.

– Здесь существуют две точки зрения. С одной стороны, дело касается убийства одного сотрудника журнала. С этой точки зрения мы поможем вам всем, чем можем. Но с другой стороны, есть кое-что в наших материалах, что мы не можем выдать полиции. Это относится к нашим источникам.

– Здесь я готова проявить гибкость. Я могу обещать вам защиту ваших источников. Они вне моих интересов.

– Дело не в том, искренне ли ваши намерения и доверяем ли мы вам лично. Все дело в том, что мы никогда не выдаем наших источников, ни при каких обстоятельствах.

– Ясно.

– Кроме того, мы в «Миллениуме» ведем свое собственное расследование, что является частью нашей журналистской работы. И в

этом отношении я готова передать полиции собранную информацию, когда она будет пригодна для публикации, – но не раньше.

Эрика Бергер наморщила лоб, задумавшись, и наконец кивнула сама себе.

– Я занята своими делами, а мы сделаем вот так… Вы можете работать с нашей сотрудницей Малин Эрикссон. Она хорошо ориентируется в материале и достаточно опытна, чтобы знать, где проходит граница. Я поручу ей быть вашим провожатым в книге Дага Свенссона, копия которой у вас есть. Задача в том, чтобы составить список лиц, которые могли бы попасть в потенциальные подозреваемые.

Ирене Нессер ни сном ни духом не подозревала о напряженных событиях прошедшей ночи, когда садилась на электричку на станции Сёдер, направляясь в Сёдертелье. На ней была удлиненная кожаная куртка, черные брюки и опрятная вышитая тужурка. Очки она сдвинула на лоб.

В Сёдертелье Нессер нашла автобус, идущий на Стрегнес, и купила билет до Сталлархольмена. Из автобуса она вышла к югу, не доезжая до Сталлархольмена, около одиннадцати. От остановки, где она сошла, не было видно ни одного строения. Мысленно она представляла себе карту места. Озеро Меларен лежало в нескольких километрах на северо-восток, а вокруг располагались как летние домики, так и немногие дома для жилья круглый год. Собственность Нильса Бьюрмана находилась в районе летних дач, километрах в трех от автобусной остановки. Глотнув воды из пластиковой бутылки, Ирене Нессер двинулась в путь. Минут через сорок пять она была на месте.

Она начала с обхода территории и обследования соседей. До ближайшего справа домика было метров сто пятьдесят. Дома никого не было. Слева была ложбина. Она прошла мимо двух дач и постепенно вышла к поселочку. Присутствие людей было заметно по открытому окну и доносившемуся звуку радио. Но это было метрах в трехстах от домика Бьюрмана. Значит, она могла заниматься делом в относительной безопасности.

Ключи от жилища у нее были с собой, и она без труда открыла дверь. Первое, что она сделала, это отворила окно на задней стороне дома, чтобы обеспечить себе ход отступления, если что-нибудь непредвиденное возникнет уже на крыльце. Непредвиденным могло оказаться, если какому-нибудь полицейскому вздумалось бы появиться у входа.

Дачка Бьюрмана, старенькая и довольно маленькая, состояла из большой комнаты, спальни и кухоньки. Водопровод был, но нужник с

выгребной ямой стоял во дворе. Минут двадцать она потратила на осмотр чулана, гардероба и комодов. Ни клочка бумаги, имеющей отношение к Лисбет Саландер или Зале, ей не попалось.

Затем она вышла во двор и осмотрела туалет и дровяной сарай. Ничего примечательного и никаких документов она не нашла. Значит, поездка оказалась бесполезной.

Сев на крыльце, она выпила воды и съела яблоко.

Оставалось закрыть окно. Задержавшись на минуту в прихожей, она заметила алюминиевую стремянку с метр высотой. Зайдя в большую комнату, она внимательно присмотрелась к обшитому досками потолку. Люк на чердак был едва виден между двумя балками. Взяв стремянку и открыв люк, она тут же увидела пять папок формата А4.

Верзила-блондин лишился покоя. Все пошло вкривь и вкось, неприятности следовали одна за другой.

Сандстрём, до смерти перепуганный, позвонил братьям Ранта. Он рассказал, что Даг Свенссон собирается публиковать репортаж, уличающий его в покупке проституток, а заодно и братьев Ранта. В этом ничего страшного не было: что Сандстрёма выставят за ушко да на солнышко, верзилу-блондина никак не волновало, а братья Ранта могли бы просто на некоторое время залечь на дно. Вот почему последние сели на паром «Балтик стар» и отправились на каникулы. Маловероятно, что вся эта болтовня журналиста могла закончиться в суде, но даже в худшем случае им это было не впервой – так сказать, входило в условия работы.

Но то, что Лисбер Саландер сбежала от Магге Лундина, было уму непостижимо. Ведь Саландер просто фитюлька в сравнении с Лундиным, и всех делов-то ему было запихать ее в машину и привезти на склад к югу от Нюкварна.

Потом вдруг Даг Свенссон вторично пришел к Сандстрёму и на этот раз выспрашивал про Залу. Это все сильно меняло. Бьюрман паниковал, Даг Свенссон продолжал копать, и это порождало потенциально опасную ситуацию.

Гангстер, не способный отвечать за последствия, – дилетант. Бьюрман оказался махровым дилетантом. Верзила-блондин не советовал Зале иметь дело с Бьюрманом. Но для Залы имя Лисбет Саландер было просто фатальным. Он ненавидел Саландер и при упоминании о ней терял разум. Назвать ее имя было все равно что нажать в нем на какую-то кнопку.

Надо же было случиться такому совпадению, что верзила-блондин оказался дома у Бьюрмана в тот вечер, когда позвонил Даг Свенссон. Этот

чертов журналист уже заварил кашу с Сандстрёмом и братьями Ранта. Верзила приехал в связи с неудавшимся похищением Лисбет Саландер. Но разговор со Свенссоном спровоцировал у Бьюрмана чудовищную панику. Он совершенно потерял голову и вдруг заявил, что выходит из игры.

Вдобавок ко всему Бьюрман вытащил свой ковбойский пугач и начал ему угрожать. Верзила недоуменно взглянул на Бьюрмана и отобрал револьвер. Он уже надел перчатки перед уходом, поэтому с отпечатками проблем не возникло. У него вообще не оставалось выхода, раз Бьюрман дошел до ручки. Адвокат, конечно, знал Залу и потому был просто балластом.

Блондин и сам толком не знал, зачем заставил Бьюрмана раздеться. Может, просто обозлился на того и хотел эту злость на нем выместить. Едва веря своим глазам, он увидел на животе Бьюрмана татуировку: Я – САДИСТСКАЯ СВИНЬЯ, ПОДОНОК И НАСИЛЬНИК.

Он чуть было не сжалился над Бьюрманом. Это же просто законченный идиот. Но в том деле, где он подвизался, подобные непрошеные чувства исключались из сугубо практических соображений. Он отвел его в спальню, заставил встать на колени и использовал подушку в качестве глушителя.

Минут пять он потратил на то, чтобы обыскать квартиру Бьюрмана в поисках малейшего намека на связь с Залой. Все, что он нашел, был клочок бумажки с телефонным номером его собственного мобильника. Взяв его, он прихватил на всякий случай мобильник Бьюрмана.

Следующей проблемой был Даг Свенссон. Как только станет известно, что Бьюрман убит, журналист, естественно, свяжется с полицией. И тогда выяснится, что Бьюрман был убит через несколько минут после того, как ему позвонил Свенссон и задавал вопросы о Зале. Тут не требовалось быть семи пядей во лбу, чтобы сообразить, что тогда вокруг Залы начнут строить далеко идущие гипотезы.

Верзила-блондин считал себя человеком с умом, но редкий стратегический талант Залы вызывал у него колоссальное уважение.

Вместе они работали уже почти двенадцать лет. Это десятилетие было таким плодотворным, что блондин относился к Зале с почтением, почти как учитель. Он мог часами сидеть и слушать, как тот рассуждал о человеческой натуре, ее слабостях и о том, как использовать их с выгодой для себя.

А теперь их тандем вдруг стал разлаживаться. То там, то сям происходили срывы.

От Бьюрмана блондин прямым ходом поехал в Эншеде и припарковал

белый «Вольво» за два квартала до дома Дага Свенссона. К счастью, дверь в подъезд не закрывалась до конца. Он поднялся и позвонил в дверь квартиры, на которой стояла надпись «Свенссон – Бергман».

Времени на обыск квартиры и поиск бумаг у него не было. Он сделал два выстрела – в квартире была еще женщина. Забрав компьютер Дага Свенссона, стоявший в гостиной на столе, вышел из квартиры, сбежал по лестнице, сел в машину и уехал. Единственной его оплошностью было то, что он выронил оружие, когда спешил по лестнице, зажимая под мышкой компьютер и нашаривая ключи от машины, чтобы сэкономить время. На секунду он замер, но, увидев, что револьвер упал вниз, на лестницу, ведущую в подвал, решил, что у него займет слишком много времени спускаться и подбирать его. Он понимал, что внешность у него заметная и ему важнее всего скрыться, пока его никто не увидел.

Зала отругал его за потерю револьвера, опасаясь возможных последствий. Каково же было их удивление, когда полиция вдруг начала охоту за Лисбет Саландер, и выроненное оружие тем самым обернулось для них редкостной удачей.

Однако это породило совершенно другую проблему. Саландер представляла собой единственное слабое звено. Она знала как Бьюрмана, так и Залу и была в состоянии сложить два и два. Посоветовавшись, они с Залой договорились: Саландер надо отыскать и где-нибудь зарыть. Лучше всего, если бы ее никогда не нашли. И тогда, со временем, расследование положат на полку в архив, где оно будет собирать пыль.

Они рассчитывали, что Мириам Ву выведет их на Саландер. Но тут тоже все пошло вкривь и вкось. Паоло Роберто – вот уж кого они не ждали. Свалился на них, как снег на голову. Журналисты раскопали, что он, оказывается, приятель Лисбет Саландер.

Верзила-блондин терял почву под ногами.

После Нюкварна он направился к дому Магге Лундина в Свавельшё, стоявшему в нескольких сотнях метров от помещения мотоклуба. Не самое лучшее место, чтобы укрыться, но выбора, в сущности, не было. Ему требовалось залечь на дно до той поры, пока не пройдут синяки на лице, а тогда он сможет незаметно исчезнуть из стокгольмской округи. Блондин потрогал сломанную переносицу и пощупал шишку на затылке. Отек уже начал спадать.

Хорошо, что он догадался вернуться и поджечь склад. Прибраться за собой никогда не бывает лишним.

И тут от одной мысли он похолодел.

Бьюрман. Всего один раз они второпях навестили его в начале февраля

на его даче в окрестности Сталлархольмена. У Бьюрмана была папка с бумагами, относящимися к Саландер, которые он тогда перебирал.

«Как, черт возьми, у меня выскочило это из головы? – подумал блондин. – Это ведь может вывести на след Залы».

Он пошел на кухню к Магге Лундину и объяснил, почему тот должен бросить все, мчаться в Сталлархольмен и развести там еще один костер.

Инспектор криминальной полиции Бублански потратил время ланча на то, чтобы привести в порядок свои мысли о расследовании, которое, судя по всему, топталось на месте. Он провел много времени с Куртом Свенссоном и Сонни Боманом, обсуждая шаги по розыску Лисбет Саландер. Поступили новые известия, в частности, из Гётеборга и Норрчёпинга. Сигнал из Гётеборга отмели почти сразу, но норрчёпингский еще давал слабую надежду. Они были в контакте с тамошними коллегами, и те организовали осторожное наблюдение за местом жительства девушки, якобы похожей на Лисбет Саландер.

Инспектор собирался провести дипломатический разговор с Хансом Фасте, но того не было на рабочем месте, а мобильник его не отвечал. Как только закончилось бурное утреннее заседание, Фасте исчез, мрачный как туча.

Затем Бублански предпринял попытку решить проблему Сони Мудиг с начальником следственного отдела Рихардом Экстрёмом. Он детально объяснил свои соображения, по которым считал неразумным отстранять Соню Мудиг от расследования. Экстрём не желал с этим считаться, и Бублански решил подождать до понедельника, а потом вплотную заняться этой идиотской ситуацией. Отношения между руководителем следственной группы и начальником следственного отдела начали расстраиваться.

В самом начале четвертого Бублански вышел в коридор и увидел, как из кабинета Сони Мудиг выходит Никлас Эрикссон. Тот все еще занимался изучением материалов на жестком диске Дага Свенссона, что, по мнению Бублански, было бессмысленным занятием, потому что проходило без участия профессионального полицейского, который мог бы контролировать, не упущено ли что-то важное. Он решил откомандировать Никласа Эрикссона под начало Курта Свенссона до конца рабочей недели.

Не успел Бублански его позвать, как Эрикссон уже исчез в туалете в конце коридора. Ковыряя в ухе, инспектор ступил на порог кабинета Сони Мудиг. Затем взгляд его упал на мобильник Никласа Эрикссона, лежавший на полке рядом с его стулом.

Бублански нерешительно взглянул в конец коридора на закрытую

туалетную дверь. Повинуясь импульсу, он шагнул в комнату, схватил мобильник Эрикссона, сунул его в карман и быстрым шагом вернулся в свой кабинет, плотно прикрыв дверь. Нажав на кнопку, он получил список разговоров.

В 9.57, спустя пять минут после окончания бурного совещания, Никлас Эрикссон позвонил на мобильник, начинавшийся на 070. Бублански снял трубку своего служебного телефона и набрал весь номер. Ответил журналист Тони Скала.

Бублански положил трубку и уставился на мобильник Эрикссона. Затем поднялся со стула с потемневшим от гнева лицом. Он уже направился к двери, когда зазвонил телефон у него на столе. Вернувшись, он рявкнул в трубку:

– Бублански слушает.

– Это Еркер. Я все еще на складе у Нюкварна.

– Ну?

– Пожар потушен, и мы последние два часа занимаемся осмотром места происшествия. Полиция Сёдертелье привезла сюда собаку-ищейку, натасканную на поиск трупов – посмотреть, нет ли под развалинами и головешками трупов.

– И что оказалось?

– Ничего. Но мы сделали перерыв, чтобы собачий нос получил передышку. Проводник собаки говорит, что это нужно делать, потому что на пожарище слишком сильные запахи.

– Ближе к делу не можешь?

– Так вот, собаку отвели от склада и выпустили побегать. Пес навел на труп метрах в семидесяти пяти, в лесу за складом. Мы раскопали это место. Десять минут назад отрыли ногу в мужском ботинке. Останки залегали не слишком глубоко.

– Вот черт. Еркер, ты должен…

– Знаю. Я уже взял на себя руководство по деятельности на месте находки и прекратил дальнейшие раскопки. Мне нужны здесь представители судебной медицины и техники, прежде чем мы продолжим.

– Отлично работаешь, Еркер.

– Но это еще не все. Пять минут назад пес опять подал знак, метрах в восьмидесяти от первого места.

Лисбет сварила кофе на плите Бьюрмана, съела еще одно яблоко и просидела два часа за тщательным, постраничным изучением материалов, собранных Бьюрманом о ней. Они не могли не произвести впечатление. Он

вложил уйму труда в поставленную задачу – систематизировать всю информацию о Лисбет Саландер. Это стало его страстным хобби. Он отыскал материал, о существовании которого даже она понятия не имела.

Дневник Хольгера Пальмгрена Лисбет читала со смешанными чувствами. Это были две тетрадки в черных переплетах. Он начал делать записи, когда ей было пятнадцать лет и она сбежала от своей второй приемной семьи, пожилой пары из Сигтуны. Муж по профессии был социолог, а жена – детская писательница. Лисбет прожила у них двенадцать дней и сразу почувствовала, что они страшно гордятся тем вкладом на благо общество, которое внесли, сжалившись над ней, и что ожидают от нее знаков благодарности. Лисбет решила, что с нее хватит, услышав, как ее непрошеная приемная мамаша громко хвастается перед соседкой и произносит тираду о том, как важно, чтобы кто-нибудь брал на себя заботу о трудных подростках. «Я вам не полигон для работы на благо общества», – хотелось ей крикнуть каждый раз, когда ее приемная мать показывала ее знакомым. На двенадцатый день Лисбет украла сто крон из денег на питание и уехала на автобусе в Уппландс-Весбю, а там пересела на электричку в Стокгольм. Шесть недель спустя полиция нашла ее в Ханинге, у шестидесятилетнего дядечки.

У него было вполне куда ни шло: пища и крыша над головой. И за это он не требовал слишком много – просто любил подглядывать, когда она раздевалась, но никогда к ней не приставал. Лисбет догадывалась, что он подходил под определение «педофил», но с его стороны не было никаких поползновений. Это был замкнутый и некоммуникабельный человек. Позднее, вспоминая о нем, Лисбет испытывала к нему что-то вроде родственных чувств – оба изведали, каково в жизни приходится отщепенцам.

Наконец кто-то из соседей приметил ее и сообщил в полицию. Работница социальной службы потратила немало сил, пытаясь уговорить Лисбет подать на него заявление, обвиняя в сексуальных домогательствах. Лисбет же категорически отрицала за ним что-либо подобное. К тому же ей уже пятнадцать лет, и по закону она сексуально самостоятельна. «К черту вас всех», – думала она. Тут появился Хольгер Пальмгрен и забрал ее под расписку. Похоже, опекун начал записи о ней в дневнике, пытаясь навести порядок в своих собственных сомнениях. Первые размышления были изложены в декабре 1993 года.

Л. все больше и больше кажется мне самым непокладистым подростком из всех, с кем я имел дело. Проблема в том,

правильно ли я делаю, противясь ее возвращению в больницу Святого Стефана. В течение трех месяцев она отвергла две приемные семьи и подвергает себя очевидному риску во время побегов. Мне нужно поскорее решить, не следует ли мне отказаться от этого поручения и потребовать ее передачи в руки настоящих специалистов. Не знаю, как поступить правильно. Сегодня у меня был с ней серьезный разговор.

Лисбет помнила каждое слово во время этого разговора. Дело было накануне сочельника. Хольгер Пальмгрен забрал ее к себе домой и поселил в комнате для гостей. На ужин он приготовил спагетти с мясным соусом, а потом, усадив ее на диване в гостиной, сел в кресло напротив. У Лисбет мелькнула мысль, уж не хочет ли Пальмгрен посмотреть на нее голую, но дело было совсем не в этом – он начал говорить с ней, как со взрослой.

Говорил он, наверное, не меньше двух часов, она же почти все время молчала. Пальмгрен объяснил ей, как обстоят дела. Ей нужно выбирать между возвращением в больницу Святого Стефана и жизнью в приемной семье. Он пообещал, что постарается найти ей по возможности подходящую семью, а от нее потребовал, чтобы она доверилась его выбору. Он принял решение оставить ее у себя на Рождество, чтобы у нее было время подумать о будущем. Выбор целиком и полностью остается за ней, но самое позднее послезавтра он хочет получить от нее определенный ответ. Она должна дать обещание связаться с ним, а не пускаться наутек, если у нее будут проблемы. Затем он отвел ее к кровати, а сам, похоже, сел вносить первые записи в свой дневник, посвященный Лисбет Саландер.

Угроза снова оказаться в больнице Святого Стефана напугала ее больше, чем мог подумать Хольгер Пальмгрен. Рождество прошло хуже некуда. Она подозрительно следила за каждым шагом Пальмгрена. На следующей день после Рождества он даже не начинал приставать к ней и не проявлял желания подсматривать. И даже хуже того: пришел в ярость, когда она, провоцируя его, прошлась голой из комнаты, где спала, в ванную. Он с грохотом захлопнул за ней дверь ванной. Наконец Лисбет дала ему требуемое обещание. Свое слово она сдержала. Ну, более или менее.

Каждая встреча с ней методически фиксировалась Пальмгреном в журнале. Иногда он записывал две-три строчки, иногда заполнял несколько страниц своими размышлениями. Местами она просто поражалась. Пальмгрен был проницательнее, чем она подозревала, и иногда комментировал мелкие детали в связи с ее попытками обмануть его,

которые он видел насквозь.

Следующим Лисбет открыла полицейское расследование 1991 года.

Постепенно все части головоломки вставали на свои места. Казалось, земля уходит у нее из-под ног.

Она прочла судебно-медицинское заключение, подписанное неким доктором Еспером Х. Лидерманом, часто ссылавшимся на доктора Петера Телеборьяна. Лидермановская писанина стала козырной картой прокурора, пытавшегося принудительно поместить ее в психбольницу, когда обсуждалась ее ситуация в восемнадцать лет.

Потом она обнаружила конверт, содержащий переписку между Петером Телеборьяном и Гуннаром Бьёрком. Письма датировались 1991 годом, вскоре после того, как случилась «Вся Та Жуть». Напрямую в письмах ничего не говорилось, но Лисбет вдруг ощутила под собою пропасть. Ей понадобилось несколько минут для того, чтобы осознать последствия прочитанного. Гуннар Бьёрк ссылался на что-то сказанное, очевидно, в устной беседе. Его формулировки были безупречны, но между строк прочитывалось, что было бы просто прекрасно, если бы Лисбет Саландер засадили в психбольницу до конца ее дней.

> *Важно, чтобы девочку держали подальше от нынешних обстоятельств. Я не могу судить о ее психическом состоянии и какого рода лечение ей необходимо, но чем дольше она будет содержаться в условиях принудительной госпитализации, тем меньше риск, что она станет невольным источником проблем в данном вопросе.*

В данном вопросе. Лисбет повторила про себя это выражение.

Петер Телеборьян был ее лечащим врачом в больнице Святого Стефана. Эта переписка не могла быть случайной. Ее тон был личным, а значит, письма не предназначались для посторонних глаз.

Петер Телеборьян был знаком с Гуннаром Бьёрком.

Лисбет Саландер думала, покусывая губы. Она никогда не собирала информацию о психиатре, но знала, что он начинал как судебный медик, а Служба безопасности полиции иногда прибегает к помощи судебных медиков или психиатров в своих расследованиях. Лисбет вдруг поняла, что, начни она копать, связь между этими двумя непременно обнаружилась бы. Где-то в начале карьеры путь Телеборьяна пересекся с путем Бьёрка. А когда последнему понадобилось убрать Лисбет Саландер, он прибегнул к помощи Телеборьяна.

Вот как это было. То, что раньше казалось случайностью, теперь вдруг получило другой смысл.

Лисбет долго сидела, глядя перед собой невидящим взглядом. Невиновных не бывает. Бывают разные степени ответственности. И кто-то нес ответственность за то, что произошло с Лисбет Саландер. Ей определенно придется съездить в Смодаларе. Никто в государственных правоохранительных органах, скорее всего, не имеет ни малейшего желания обсуждать с ней ту тему. Значит, за неимением других сойдет Гуннар Бьёрк.

Лисбет предвкушала этот разговор.

Забирать с собой все папки не было нужды: прочитав раз, она запомнила их содержание на всю жизнь. Однако взяла с собой две тетради с дневниками Хольгера Пальмгрена, полицейское расследование Бьёрка от 1991 года, судебно-медицинское заключение от 1996 года, когда ее признали недееспособной, и переписку Петера Телеборьяна с Гуннаром Бьёрком. Уже этим ее рюкзак был забит под завязку.

Лисбет затворила дверь, но не успела ее запереть, как услыхала звук мотоцикла у себя за спиной. Она обернулась. Прятаться было поздно, и она отдавала себе отчет в том, что у нее нет ни малейшего шанса убежать от двух парней на мотоциклах «Харли-Дэвидсон». Девушка настороженно спустилась с крыльца и встретила их во дворе.

Пройдя по коридору решительным шагом и обнаружив, что Эрикссон до сих пор не вернулся в комнату Сони Мудиг, Бублански заглянул в туалет. Там было пусто. Пойдя дальше, он увидел Эрикссона с пластиковым стаканчиком из кофейного автомата, стоящего в комнате Курта Свенссона и Сонни Бомана.

Никем не замеченный, Бублански ушел, направившись в кабинет Экстрёма этажом выше. Он распахнул дверь, не постучав, и застал Экстрёма посреди телефонного разговора.

– Пошли, – скомандовал он.

– В чем дело? – удивился прокурор.

– Клади трубку и пошли.

У Бублански было такое выражение лица, что Экстрём сделал так, как ему было сказано. В этот момент было легко понять, почему коллеги прозвали инспектора Констебль Бубла. Лицо его выглядело как ярко-красный надувной шарик. Они спустились в комнату Курта Свенссона, где сотрудники группы предавались безмятежному распитию кофе. Бублански

подошел к Эрикссону, крепко схватил его за вихор и с силой повернул лицом к Экстрёму.

– Что вы делаете? С ума сошли?

– Бублански! – испуганно вскричал Экстрём. Вид у него был растерянный.

Курт Свенссон и Сонни Боман вытаращили глаза.

– Это твой? – спросил Бублански, вытаскивая мобильник Эрикссона.

– Отпустите!

– Мобильник твой? – рявкнул Бублански.

– Да, черт возьми. Отпустите!

– Нет уж. Ты задержан.

– Чего?

– Задержан за разглашение секретной информации и за противодействие полицейскому расследованию. – Он развернул Эрикссона лицом к себе. – Или ты можешь дать другое разумное объяснение, почему ты, согласно списку сделанных звонков, звонил журналисту по имени Тони Скала в девять пятьдесят семь утра, сразу после нашего утреннего заседания? А Скала тут же опубликовал информацию, которую мы решили сохранить в секрете.

Магге Лундин глазам своим не поверил, увидев Лисбет Саландер посреди двора у дачи Бьюрмана. Он изучил карту и получил исчерпывающее описание дороги в разговоре с верзилой-блондином. Ему было дано задание ехать в Сталлархольмен и развести там костерок. Он пошел в здание мотоклуба, размещавшееся в заброшенной типографии на окраине Свавельшё, и прихватил с собой Сонни Ниеминена. В воздухе было тепло, стояла прекрасная погода для первого после зимы выезда. Они достали кожаную одежду для мотоциклистов и проделали путь от Свавельшё до района Сталлархольмена в спокойном темпе.

А там стоит Саландер и дожидается их.

Такой подарочек должен огорошить белокурого черта.

Они подкатили мотоциклы и остановились, каждый у своего, в паре метров от Лисбет. Когда моторы остановились, стало совершенно тихо. Магге Лундин не знал, что и сказать. Наконец он снова обрел дар речи.

– Вот и ты, Саландер. А мы-то тебя искали…

Он вдруг улыбнулся. Глаза Лисбет Саландер смотрели на Лундина без всякого выражения. Она заметила, что на челюсти у него еще остался ярко-красный, не до конца заживший шрам в том месте, куда она засадила ему связкой ключей. Она посмотрела на кроны деревьев позади него. Затем

опустила взгляд угрожающе потемневших глаз.

– Неделя у меня была муторная, да и сейчас у меня чертовски дрянное настроение. И знаешь, что еще хуже? Только то, что стоит мне оглянуться, как на пути у меня оказывается толстобрюхая куча дерьма и начинает выпендриваться. Я собираюсь уходить. Подвинься-ка.

Магге Лундин раскрыл рот от изумления. Сначала он подумал, что не расслышал, потом невольно расхохотался. Потешная была ситуация: перед ним стояла тощая девчонка, которая поместилась бы в его нагрудном кармане, и тявкала на двух крепких мужиков в куртках с эмблемой «Свавельшё МК», то есть на опаснейших из опасных, тех, кто скоро станет полноправным членом знаменитого байк-клуба «Ангелы ада»[32]. Да они могли бы порвать ее, как тузик грелку, а она еще дерзит.

Но даже если девчонка совсем сбрендила – что, видимо, так и есть согласно газетным статьям и тому, что он только что слышал во дворе, – то должны же хотя бы их куртки произвести впечатление. А они, похоже, не вызвали в ней никакого уважения. Это было уже непростительно, какой бы благоприятной ни была ситуация. Магге покосился на Сонни Ниеминена.

– Мне кажется, эту шлюху надо отодрать, – сказал он, ставя свой «Харли-Дэвидсон» на опору.

Сделав два медленных шага к Лисбет Саландер, Лундин посмотрел на нее сверху вниз. Она даже не двинулась. Магге покачал головой и мрачно вздохнул, а затем ударил ее наотмашь с той же силой, с какой залепил Микаэлю Блумквисту в ту ночь на Лундагатан.

Он лишь рассек воздух. В тот самый миг, когда его рука должна была садануть ей по лицу, Саландер отступила и оказалась за пределами его досягаемости.

Наклонившись к рулю своего «харлея», Сонни Ниеминен с интересом наблюдал за своим одноклубником. Лундин покраснел и сделал еще два быстрых шага в ее направлении. Саландер опять отступила. Лундин прибавил темпа.

Лисбет резко остановилась и направила ему в лицо струю слезоточивого газа, наполовину опорожнив свой баллончик. Глаза байкера словно ожгло огнем. Носок ее крепкого ботинка с силой взлетел вверх и вдарил ему в пах, преобразовав силу замаха в кинетическую энергию примерно 120 килограммов на квадратный сантиметр. Дыхание Магге Лундина перехватило, и он свалился на колени, оказавшись на высоте, устраивавшей Лисбет несколько больше. Она размахнулась и засадила ему ногой в лицо, как если бы пробивала угловой удар на футбольном поле. Послышался дикий хруст, и Магге Лундин, не издав ни звука, свалился на

землю, как куль с картошкой.

Прошло несколько секунд, прежде чем Сонни Ниеминен сообразил, что на его глазах произошло что-то непостижимое. Он начал опускать подножку своего мотоцикла, промахнулся и вынужден был опустить глаза вниз. Решив не рисковать, начал шарить во внутреннем кармане куртки в поисках пистолета. Уже собираясь расстегнуть молнию, он краем глаза уловил какое-то движение.

Подняв глаза, Сонни увидел Лисбет Саландер, метнувшуюся в его сторону. Она подпрыгнула и со всей силы заехала ему в бедро. Этого было недостаточно, чтобы вывести Ниеминена из игры, но сгодилось, чтобы свалить его вместе с мотоциклом на землю. Его нога чуть было не застряла под падающим байком, и он, спотыкаясь, отпрянул назад, пока не обрел равновесие.

Когда Саландер снова попала в его поле зрения, он увидел, как размахнулась ее рука и в воздухе просвистел камень размером с кулак. Сонни инстинктивно уклонился, и камень пролетел в нескольких сантиметрах от его головы.

Наконец он вытащил пистолет и собирался снять его с предохранителя. Но, подняв взгляд в третий раз, увидел Лисбет Саландер прямо перед собой. В глазах ее читалась такая злоба, что ему впервые стало действительно страшно.

– Спокойной ночи, – сказала Лисбет Саландер, направляя ему в пах электрошокер и выпуская разряд семьдесят пять тысяч вольт. После двадцати секунд действия прижатых к телу электродов Сонни Ниеминен превратился в безвольный овощ.

Раздавшиеся позади звуки заставили Лисбет обернуться и посмотреть на Лундина. Ему удалось с трудом подняться на колени, и он собирался встать на ноги. Она удивленно наблюдала за ним. Магге пытался справиться на ощупь – слезоточивый газ жег глаза, застилая все туманом.

– Убью! – рявкнул вдруг байкер.

Он что-то бормотал и двигался на ощупь, пытаясь поймать Лисбет Саландер. Она задумчиво глядела на него, склонив набок голову.

– Чертова шлюха! – вдруг снова проревел он.

Лисбет Саландер нагнулась и подняла пистолет Сонни Ниеминена. Это был польский Р-83 «Ванад». Открыв магазин, она увидела, что пистолет заряжен патронами типа тех, что в девятимиллиметровом «макарове», как она и предвидела. Дослав патрон в ствол и переступив через Сонни Ниеминена, она подошла к Магге Лундину, прицелилась, держа оружие двумя руками, и выстрелила ему в ступню. Он завыл от боли

и снова повалился на землю.

Лисбет посмотрела на Магге Лундина, раздумывая, не заняться ли ей расспросами о личности того верзилы-блондина, с которым она видела его в кондитерской «Блумберг» и с которым, по словам журналиста Пера-Оке Сандстрёма, они на пару кого-то убили где-то на складе. Да… Лучше бы она подождала пускать в ход пистолет, а сначала задала вопросы.

Вообще говоря, Магге Лундин не производил впечатления человека, способного толково отвечать на вопросы в его нынешнем состоянии. Кроме того, кто-нибудь поблизости мог слышать звук выстрела. Лучше всего ей немедля уматывать отсюда. Как-нибудь позже она сможет разыскать Магге Лундина и расспросить, когда он придет в более спокойное состоянии. Поставив оружие на предохранитель, Лисбет засунула его в карман куртки и подняла рюкзак.

Пройдя метров десять по дороге, ведущей от дачи Нильса Бьюрмана, она остановилась и повернула назад. Медленно обойдя вокруг мотоцикла Магге Лундина, внимательно осмотрела его.

– «Харли-Дэвидсон», – сказала она. – Это же супер.

Глава 27

Среда, 6 апреля

Стояла чудесная весенняя погода, когда Микаэль, сидя за рулем машины Эрики Бергер, ехал по Нюнесвеген на юг. Уже сейчас на черных полях угадывалась зеленоватая поросль. Погода была идеальной для того, чтобы забыть все проблемы, на несколько дней уехать и отдохнуть на даче в Сандхамне.

С Гуннаром Бьёрком он договорился о встрече в час дня, но сейчас было еще слишком рано, и Микаэль остановился в Даларё выпить кофе и посмотреть газеты. Он не готовился к встрече. Бьёрк собирался ему что-то сообщить, и Микаэль был полон решимости покинуть Смодаларё, лишь узнав что-то новое о Зале, что-нибудь способное продвинуть расследование дальше.

Бьёрк встретил его уже во дворе. Держался он бодрее и увереннее, чем два дня назад. «Какой ход он запланировал?» – подумал Микаэль и не стал здороваться с ним за руку.

– Я могу вам дать информацию о Зале, – начал Гуннар Бьёрк, – на определенных условиях.

– Слушаю вас.

– Мое имя не будет упомянуто в репортаже «Миллениума».

– Ладно.

Бьёрк опешил. Блумквист с такой легкостью, без обсуждений, согласился на условие, к долгому торгу вокруг которого Бьёрк уже приготовился. Это был его единственный козырь: информация об убийстве в обмен на анонимность. А Блумквист без рассуждений согласился вычеркнуть то, что готовилось стать сенсацией в газетных статьях.

– Дело серьезное, – недоверчиво произнес Бьёрк, – и я хочу, чтобы это было оформлено письменно.

– Если хотите, можно и письменно, но подобной бумаге грош цена. Вы совершили преступление. Я о нем знаю и в принципе обязан заявить в полицию. Вы располагаете нужными мне сведениями и пользуетесь своим положением, чтобы купить мое молчание. Я обдумал и решил согласиться на сделку. Я готов пойти вам навстречу и дать обещание не упоминать вашего имени в публикации «Миллениума». Либо вы мне доверяете, либо нет.

Бьёрк задумался.

– У меня тоже есть условие, – добавил Микаэль. – Цена моего молчания – ваш всеобъемлющий рассказ о том, что вы знаете. Узнай я, что вы что-то утаили, все наши договоренности аннулируются. Тогда я позабочусь о том, чтобы ваше имя появилось на первой странице каждой шведской газеты, в точности как я сделал в деле Веннерстрёма.

При мысли об этом Бьёрка пробрала дрожь.

– Ладно, – согласился он. – Выбора у меня нет. Вы обещаете, что мое имя не появится в публикации «Миллениума», а я расскажу вам о Зале. И в связи с этим мне необходима защита как источнику информации.

Он протянул руку, и Микаэль пожал ее. Он только что пообещал пособничать в сокрытии преступления, и это было ему отнюдь не по нутру. Но его обещание не писать о Бьёрке касалось только его самого и журнала «Миллениум». Даг Свенссон уже описал всю историю, включая Бьёрка, в своей книге, и книга эта будет опубликована. Микаэль был полон решительности способствовать этому.

Сигнал тревоги поступил в полицейское отделение Стренгнеса в 15.18. Звонок был сделан на коммутатор отделения и шел не из центральной диспетчерской. Владелец дачи по фамилии Эберг, живущий чуть восточнее Сталлархольмена, сообщил, что слышал выстрел и пошел узнать, в чем дело. Он обнаружил двоих мужчин с серьезными повреждениями. Ну, один из них вроде не то чтобы избит, но сильно мучается. Дача принадлежала Нильсу Бьюрману. Да, да – тому самому покойному адвокату Нильсу Бьюрману, о котором так много писалось в газетах.

Загрузка у полицейских Стренгнеса в то утро была очень значительной: они проводили давно запланированную масштабную проверку дорожного движения в коммуне. Не успела эта работа закончиться во второй половине дня, как поступило экстренное сообщение об убийстве пятидесятисемилетней женщины ее сожителем в местечке Финнинге. Почти одновременно с этим в квартире в Стургерде начался пожар, приведший к человеческой жертве. А затем, как будто этого мало, в районе Варьхольмена, по дороге на Енчёпинг, произошло лобовое столкновение двух автомобилей. Сообщение о выстреле поступило через несколько минут после этого, так что бóльшая часть полицейских ресурсов уже была задействована на других заданиях.

По полицейским каналам дежурная знала о событиях, происшедших утром в Нюкварне, и сообразила, что это может иметь отношение к следствию по делу Саландер. Поскольку расследование касалось и Нильса Бьюрмана, она пораскинула мозгами и приняла меры сразу по трем

направлениям. Она откомандировала один из полицейских микроавтобусов – единственный доступный в этот сумасшедший день в Стренгнесе – в Сталлархольмен. Потом позвонила коллегам в Сёдертелье и попросила о помощи. Но там полиция испытывала не меньшее напряжение, так как много сотрудников было занято на раскопках вокруг сгоревшего склада к югу от Нюкварна. Но вполне допустимая взаимосвязь между событиями в Нюкварне и Сталлархольмене заставили дежурную в Сёдертелье направить две полицейские машины в Сталлархольмен, на подмогу патрульным Стренгнеса. И наконец, в-третьих, дежурная в Стренгнесе решила позвонить инспектору криминальной полиции Яну Бублански в Стокгольм. Ей удалось дозвониться ему на мобильник.

В этот момент Бублански был в «Милтон секьюрити». У него был важный разговор с директором Драганом Арманским и двумя сотрудниками: Фрэклундом и Боманом. Никлас Эрикссон отсутствовал.

Реакцией Бублански на звонок был приказ Курту Свенссону срочно отправиться на дачу к Бьюрману, прихватив Ханса Фасте, если того удастся найти. Секунду подумав, Бублански позвонил также Еркеру Хольмбергу. Тот был по-прежнему возле Нюкварна и, следовательно, существенно ближе к месту нового происшествия. У Хольмберга были дополнительные новости.

– Я как раз собирался вам звонить. Мы опознали зарытый труп.

– Не может быть. Так быстро?

– Очень даже может, если покойник сохранил при себе бумажник и пластиковую карточку, удостоверяющую личность.

– И кто же это?

– Личность известная – Кеннет Густафссон, сорока четырех лет, из Эскильстуны. Также известен как Бродяга. Ну как, вспоминаете?

– А как же. Так, значит, Бродяга зарыт под Нюкварном… Давненько я не присматривался, что там сейчас за публика, но в девяностые годы он был там заметной фигурой среди торговцев наркотиками, мелких воришек и наркоманов.

– Он самый. Во всяком случае, если верить удостоверению в бумажнике. Окончательная идентификация трупа будет произведена в ходе судебно-медицинского исследования. Правда, придется собирать пазл – Бродягу расчленили на пять-шесть кусков.

– Хм-м. Паоло Роберто говорил, что блондин, с которым он дрался, угрожал Мириам Ву бензопилой.

– Расчленение, вполне возможно, сделано бензопилой, но это надо уточнить. Сейчас мы начали заниматься раскопками второго захоронения.

Там сейчас ставят палатку.

– Хорошо. Еркер, я знаю, что у тебя был длинный рабочий день, но ты не мог бы поработать и вечером?

– Ладно. Сначала смотаюсь в Сталлархольмен.

Бублански закончил разговор и потер веки.

Микроавтобус с пикетом появился у дачи Бьюрмана в 15.44. На въезде полицейские в прямом смысле слова столкнулись с мужчиной, неловко пытавшимся скрыться с места на «Харли-Дэвидсоне» и с грохотом ткнувшимся прямо в капот полицейских. Столкновение было пустяковым. Выскочив из автобуса, полицейские выяснили, что это Сонни Ниеминен, тридцати семи лет, хорошо им известный, судимый за убийство в середине 90-х годов. Ниеминен был явно не в лучшей форме, и наручники на него надели без труда. При этом оказалось, что задняя сторона его куртки сильно порвана – со спины был вырван большой кусок размером двадцать на двадцать сантиметров. Выглядело это странно, но Сонни Ниеминен отказался объяснить происхождение дыры.

Еще через двести метров они оказались у дачи. Там уже находился пенсионер, бывший рабочий порта по имени Эберг. Тот был занят наложением шины Карлу-Магнусу Лундину, тридцати шести лет, председателю пресловутого лихого мотоклуба «Свавельшё МК».

Начальник пикета, инспектор полиции Нильс-Хенрик Юханссон, вышел из машины, поправил ремень и поглядел на беспомощное создание, валявшееся на земле. Прозвучал классический вопрос полицейского:

– Что здесь произошло?

Бывший портовый рабочий прервал перевязку ноги Лундина и бегло взглянул на Юханссона.

– Это я звонил, – ответил он.

– Вы сообщили о выстреле?

– Я сообщил о выстреле, пошел посмотреть, в чем дело, и нашел этих парней. Вот этого ранили в ногу и как следует отделали. Я думаю, ему нужно вызвать «Скорую». – Эберг покосился в сторону полицейского микроавтобуса. – А, значит, второго вы уже взяли… Когда я пришел, он лежал как тюфяк, но вроде без увечий. Потом все же собрался с силами и надумал смыться.

Еркер Хольмберг, вместе с полицейскими из Сёдертелье, появился у дачи, когда «Скорая» уже уезжала. Ему кратко доложили обстановку. Оба – и Лундин, и Ниеминен – отказались объяснить, зачем они сюда приехали, а Лундин был вообще не в состоянии говорить.

– Итак, два байкера в полном снаряжении, один мотоцикл «Харли-Дэвидсон», огнестрельная рана и никакого оружия. Я правильно понял? – уточнил Хольмберг.

Начальник пикета кивнул. Хольмберг минуту помолчал.

– Надо думать, никто из парней не приехал сюда за спиной другого пассажиром.

– Кажется, у них это считается недостойным мужчины, – заметил Юханссон.

– Тогда тут не хватает еще одного мотоцикла. А раз отсутствует и оружие, можно сделать вывод, что кто-то третий, причастный к делу, скрылся с места происшествия.

– Звучит разумно.

– Тогда тут нарушена логика. Если эти ребята из Свавельшё приехали каждый на своем мотоцикле, то было еще одно средство передвижения, на котором сюда заявился третий участник событий. Но ведь третий не мог отсюда уехать и на своей машине, и на мотоцикле одновременно. А ведь расстояние отсюда до дороги на Стренгнес немалое.

– Если только третий участник не жил на этой даче.

– Хм-м, – промычал Еркер Хольмберг. – Хозяином дома был покойный адвокат Бьюрман, теперь он здесь точно не живет.

– Значит, мог быть и четвертый участник. Он-то, может быть, и уехал в машине.

– Но почему бы не уехать на ней вместе? Ведь не ради же кражи «Харли-Дэвидсона», сколь бы дорогим он ни был, здесь произошла заваруха.

Немного поразмыслив, он попросил начальника пикета выделить двух сотрудников проверить, нет ли где-нибудь на близлежащих лесных дорогах брошенного средства передвижения, а также расспросить соседей, не было ли замечено чего-нибудь необычного.

– Народу здесь немного в это время года, – заметил начальник пикета и обещал сделать все возможное.

Потом Хольмберг открыл так и не запертую дверь в дом. Сразу бросились в глаза оставленные на кухонном столе папки с материалами Бьюрмана, касающимися Лисбет Саландер. Он сел и начал читать.

Еркеру Хольмбергу повезло. Минут через тридцать после того, как он начал обходить соседей в редконаселенных домиках, полицейские натолкнулись на семидесятидвухлетнюю Анну Викторию Ханссон, занимавшуюся в этот славный весенний денек уборкой мусора в саду у

своего дома возле дороги, отходящей в глубь поселка.

– А как же, – подтвердила она, – зрение у меня еще в порядке. Видела невысокого роста девчушку в черной куртке, прошедшую мимо примерно во время ланча. А в три часа проехали двое мотоциклистов – трещали немилосердно. Вскоре мелькнула девчушка, проехав на мотоцикле в обратном направлении. А потом появились полицейские.

Пока Еркер Хольмберг слушал монолог, подъехал Курт Свенссон.

– Что тут произошло? – спросил он.

Хольмберг понуро взглянул на коллегу.

– Даже не знаю, как это все передать, – ответил он.

– Еркер, что ты плетешь? Что Лисбет Саландер появилась у дачи Бьюрмана и в одиночку накостыляла двум главным парням из «Свавельшё МК»? – возмутился Бублански в телефонную трубку.

– Ну, все-таки она тренировалась у Паоло Роберто…

– Чушь, Еркер.

– Тут вот что – у Магнуса Лундина прострелена ступня. Он рискует остаться хромым на всю жизнь. Пуля вышла через пятку.

– Хорошо еще, что не через голову.

– Возможно, этого не понадобилось бы. Участники пикета сообщили, что у Лундина серьезные травмы лица – сломана челюсть и выбиты два зуба. Врач «Скорой помощи» также подозревает сотрясение мозга. Помимо раны в ступне, он жаловался на сильные боли в паху.

– А как там Ниеминен?

– Вроде без повреждений. Но мужчина, сообщивший в полицию, рассказал, что нашел его без сознания. Тот не мог ничего сказать, но быстро очухался и попытался скрыться, как раз когда подъехал местный пикет.

Уже давно Бублански не чувствовал себя таким растерянным.

– Есть еще одна странная деталь… – продолжил Еркер Хольмберг.

– Что еще?

– Даже не знаю, как описать. На кожаной куртке Ниеминена… той, в которой он приехал сюда на мотоцикле…

– Ну?

– Она порвана.

– Ну и что с того, что порвана?

– Из нее выдран кусок. Размером примерно двадцать на двадцать сантиметров. Квадрат на спине. Словно бы вырезан. Как раз там, где изображена эмблема мотоклуба «Свавельшё».

Бублански удивленно поднял брови.

– Зачем это Лисбет Саландер понадобилось вырезать кусок его куртки? В качестве сувенира?

– Понятия не имею. Но я вот подумал… – сказал Еркер Хольмберг.

– Что?

– Магге Лундин – обладатель пивного живота и «конского хвоста», а один из парней, похитивших Мириам Ву, приятельницу Саландер, был блондином с «конским хвостом» и заметным брюшком.

Такого потрясающего чувства Лисбет Саландер не испытывала с тех пор, как несколько лет назад посетила «Грёна Лунд»[33] и не побывала на аттракционе «Свободное падение». Она воспользовалась им три раза и сделала бы это еще раза три, если бы не кончились деньги.

Лисбет обнаружила, что одно дело управлять легким «Кавасаки» с движком в 125 кубиков, который, в сущности, был усиленной версией мопеда, и совершенно другое – держать под контролем «харлей» с двигателем 1450 кубов. Первые триста метров по отвратительной бьюрмановской лесной дороге были хуже американских горок. Пару раз ее чуть не выбросило вперед, как из катапульты, и она лишь в последнюю секунду ухитрялась справиться с мотоциклом. Такое чувство, будто она неслась на обезумевшем лосе.

К тому же шлем то и дело норовил сползти ей на глаза, хотя она и подложила для уплотнения кусок кожи на подкладке, вырезанной из куртки Сонни Ниеминена.

Остановиться и поправить шлем она не решалась – боялась не удержать тяжелый мотоцикл в равновесии. Ноги у нее были коротковаты и не доставали до земли, так что она боялась, что мотоцикл рухнет. А тогда ей уж ни за что его не поднять.

Легче стало, когда пошла гравийная дорога, ведущая в глубь дачного поселка. А свернув чуть позже на дорогу на Стреннес, Лисбет даже осмелилась убрать одну руку с руля и поправить шлем. Затем она поддала газу. Остаток пути до Сёдертелье она преодолела за рекордное время, и довольная улыбка не сходила с ее лица. У въезда в Сёдертелье ей встретились два автомобиля с включенными сиренами.

Разумнее всего, конечно, было кинуть «Харли-Дэвидсон» уже в Сёдертелье и дать Ирене Нессер возможность вернуться в Стокгольм на электричке. Но искушение для Лисбет Саландер было слишком большим. Она выехала на шоссе Е4 и нажала на газ. Девушка старалась не превышать допустимую скорость – ну, хотя бы не сильно превышать, – и

все равно у нее было такое чувство, будто она находится в свободном полете. Только уже в районе Эльшё она съехала с шоссе, добралась до известной ярмарки и умудрилась припарковаться, не повалив своего зверюгу. С грустью бросив мотоцикл, шлем и кусок кожи, вырезанной из куртки Сонни Ниеминена, Лисбет пошла к станции электрички. В пути она сильно замерзла. Проехав одну остановку до станции Сёдра, пошла домой на Мосебакке и улеглась в горячую ванну.

– Его зовут Александр Залаченко, – начал Гуннар Бьёрк, – но на самом деле он не существует. Вы не найдете его в переписи населения.

«Зала. Александр Залаченко. Наконец-то есть имя», – мелькнуло в голове у Микаэля.

– Кто он и как мне его найти?

– Этого человека вы не захотите найти.

– Поверьте, я очень хочу с ним встретиться.

– Сведения, которые я вам сейчас сообщу, имеют гриф секретности. Если обнаружится, что это я вам рассказал, я попаду под трибунал. Это один из самых больших секретов шведской государственной безопасности. Вы должны осознать, как важна для меня, поставщика информации, гарантия анонимности.

– Я вам это обещал.

– Вы достаточно зрелого возраста, чтобы помнить времена холодной войны.

Микаэль кивнул, подумав: «Когда же он наконец перейдет к делу?»

– Александр Залаченко родился в 1940 году в Сталинграде, в тогдашнем Советском Союзе. Ему исполнился год, когда началась операция «Барбаросса» – наступление немцев на Восточном фронте. Родители Залаченко погибли в войну – во всяком случае, Зала так считает. Сам он не знает, что случилось во время войны, и он помнит себя начиная лишь с той поры, когда жил в детском доме на Урале.

Микаэль кивнул, подтверждая, что внимательно слушает.

– Детский дом располагался в гарнизонном городке и опекался военными. Можно сказать, Залаченко приобщился к военному делу очень рано. Детство его пришлось на страшные годы сталинизма. Когда Советы развалились, всплыло много документов, свидетельствовавших о попытках создать кадры специально подготовленных элитных военнослужащих из числа сирот, бывших на воспитании у государства. Одним из таких детей и был Залаченко.

Микаэль снова кивнул.

– Короче говоря, уже в пять лет его отдали в армейскую школу. Он оказался очень способным. В 1955 году, когда ему было пятнадцать лет, его перевели в военную школу в Новосибирске. Там, вместе с двумя тысячами других подростков, он в течение трех лет проходил спецназовскую подготовку, то есть подготовку в элитном формировании.

– Итак, храбрый солдат-ребенок.

– В 1958 году, когда ему исполнилось восемнадцать лет, его направили в Минск, в спецучилище ГРУ. Вы знаете, что такое ГРУ?

– Да.

– Расшифровывается как Главное разведывательное управление. Это военная разведка, подчиняющаяся непосредственно верховному военному командованию. Не следует путать ГРУ с КГБ, гражданской тайной полицией.

– Я знаю.

– В фильмах про Джеймса Бонда КГБ часто изображают как поставщика самых важных шпионов за границей. На самом деле КГБ в основном занимается вопросами внутренней безопасности, лагерями заключенных в Сибири, оппозицией, которую расстреливали в затылок в подвалах Лубянки. Шпионажем и оперативной работой за границей в основном занималось ГРУ.

– Напоминает лекцию по истории. Продолжайте.

– Александру Залаченко было двадцать лет, когда его впервые направили за границу. Его послали на Кубу. Это был его период практики, и он находился в звании, соответствующем нашему прапорщику. Но он был оставлен там на два года и застал Кубинский кризис и высадку десанта в заливе Свиней.

– Ясно.

– В 1963 году он вернулся в Минск и продолжил обучение. Позднее его направляли сначала в Болгарию, потом в Венгрию. В 1965 году он получил звание лейтенанта и свое первое назначение в Западную Европу, в Рим, где оставался двенадцать месяцев. Он впервые работал под прикрытием, то есть как гражданское лицо с фальшивым паспортом и без всяких контактов с посольством.

Микаэль кивнул. Помимо воли, его все больше увлекал рассказ.

– В 1967 году его направили в Лондон, где он организовал ликвидацию перебежчика – сотрудника КГБ. Следующие десять лет сделали его одним из лучших агентов ГРУ. Он принадлежал к подлинной элите преданных политических бойцов. Тренировался с младых ногтей, свободно говорит по крайней мере на шести иностранных языках. Работал под прикрытием в

качестве журналиста, фотографа, специалиста по рекламе, моряка… да кем он только не был. Владел искусством выживания, был экспертом по маскировке и отвлекающим маневрам. Руководил другими агентами, сам организовывал и проводил различные операции. Некоторые из этих операций были заданиями по ликвидации и часто выполнялись в странах третьего мира. Но были также и поручения начальства, связанные с шантажом и запугиванием. В 1969 году ему было присвоено звание капитана, в 1972 году – майора, а в 1975 году – подполковника.

– А как он попал в Швецию?

– Я уже подхожу к этому. С годами в нем развилась расчетливость, он стал время от времени прикарманивать денежки. Много пил, имел много женщин. Все это фиксировалось его начальством, но он оставался на хорошем счету, и такие мелочи ему прощались. В 1976 году он уехал по заданию в Испанию. Не буду входить в детали, но там его застукали, а он смог удрать. Это был провал. Внезапно он впал в немилость, и ему приказали вернуться в Советский Союз. Он не желал подчиниться приказу, чем только усугубил ситуацию. Тогда ГРУ поручило военному атташе в Мадриде встретиться с ним и попытаться его вразумить. Но что-то пошло вкривь и вкось во время этой беседы, и Залаченко убил сотрудника посольства. Теперь у него не было выбора. Он сжег за собой все мосты и решил поспешно скрыться.

– Так.

– Он сбежал из Испании и имитировал след, ведущий в Португалию и закончившийся несчастным случаем с катером. Он также имитировал след, указывающий якобы на бегство в США. На самом деле он выбрал наиболее неправдоподобную страну Европы. Он приехал в Швецию, установил контакт со Службой безопасности и попросил политического убежища. Это было здравомыслящее решение, так как вероятность того, что его будут искать здесь подосланные убийцы из КГБ или ГРУ, ничтожна.

Гуннар Бьёрк замолчал.

– Ну, а дальше?

– А что было делать правительству, если один из лучших советских шпионов вдруг становится перебежчиком и просит политического убежища в Швеции? Это было как раз в то время, когда к власти пришло буржуазное правительство, и это стало самой первой проблемой, которую нам с новоиспеченным премьер-министром надо было как-то решать. Трусливые политики попытались, конечно, поскорее избавиться от Залаченко, но выслать его в Советский Союз было чревато грандиозным скандалом. Его пытались отослать в США или Англию, но Залаченко отказался. Он не

любил США, а Англию считал одной из стран, где советские агенты занимают самые крупные посты в разведывательной службе. В Израиль он ехать не хотел, так как не любил евреев. Вот так он и решил остаться в Швеции.

Все это звучало столь неправдоподобно, что Микаэль подумал, уж не морочит ли ему голову Гуннар Бьёрк.

– Значит, он остался в Швеции.

– Вот именно.

– И об этом так никто и не узнал?

– Много лет это было одной из наиболее строго хранимых государственных тайн нашей страны. Дело в том, что Залаченко приносил нам огромную пользу. С конца семидесятых и до начала восьмидесятых он считался «бриллиантом в короне» среди перебежчиков на международном уровне. Никогда еще ни один оперативный шеф элитного подразделения ГРУ не оказывался перебежчиком.

– Стало быть, он мог продавать информацию?

– Конечно. Он умело сыграл своими картами, дозируя информацию наилучшим для себя образом. Сначала достаточно показаний, чтобы раскрыть советского агента-нелегала в Риме, следующим – связного шпионской сети в Берлине. Сообщил имена наемных убийц, оплаченных им в Анкаре и Афинах. О Швеции у Залаченко было мало сведений, но у него были данные об операциях за границей, которые мы могли выдавать по частям в ответ на соответствующие услуги. Это было просто золотое дно.

– Итак, вы начали с ним работать.

– Мы сделали из него «человека с нуля». Все, что было нужно, это снабдить его новым паспортом и деньгами для начала, дальше он справлялся сам. Именно на это он был натренирован.

Микаэль помолчал, переваривая информацию, потом взглянул на Бьёрка.

– Вы мне солгали в прошлом разговоре.

– Вот как?

– Вы сказали, что впервые встретили Бьюрмана в полицейском стрелковом клубе в восьмидесятые годы. На самом деле ваше знакомство состоялось намного раньше.

Гуннар Бьёрк кивнул.

– Я утаил машинально. Это касается засекреченных сведений, и у меня не было никаких оснований излагать, как я и Бьюрман познакомились. Когда вы спросили о Зале, я связал то и другое.

– Расскажите, как это было.

– Мне было тридцать три, и я работал в Службе безопасности уже три года. Двадцатишестилетний Бьюрман только что окончил университет и поступил к нам в безопасность делопроизводителем по юридическим вопросам. Это было место практиканта. Родом Бьюрман из Карлскруны, и его отец служил в военной разведке.

– Ну и что?

– Мы оба, Бьюрман и я, были совершенно не подготовлены к тому, чтобы заниматься такими личностями, как Залаченко, но тот сам с нами связался в день выборов семьдесят шестого года. В тот самый день в полицейском управлении вообще не было ни души – в воскресный день народ был либо выходной, либо занят на обеспечении безопасности и тому подобном. И Залаченко выбрал тот самый день для того, чтобы явиться в полицейское отделение Нормальма и заявить, что просит политическое убежище и хочет поговорить с кем-нибудь из Службы безопасности. Своего имени он не назвал. Я был дежурным и решил, что речь идет об обычном беженце. Взяв с собой Бьюрмана как юриста-делопроизводителя, я отправился в полицейское отделение Нормальма.

Бьёрк потер веки.

– Он спокойно и деловито рассказал нам, как его зовут, кто он, чем занимается. Бьюрман вел протокол. Вскоре я понял, кто находится передо мной и какая бомба готова взорваться. Я прервал наш разговор, взял с собой Залаченко с Бьюрманом и ушел из полицейского участка от непрошеных глаз и ушей. Не зная, что делать дальше, я снял номер в отеле «Континенталь» напротив Центрального вокзала и поместил его туда. Бьюрману я велел сторожить его, а сам пошел вниз к администратору и от него позвонил своему начальнику… – Бьёрк вдруг засмеялся. – Я часто думал, как глупо мы себя вели, просто как дилетанты. Но так уж получилось.

– А кто был ваш начальник?

– Не имеет значения. Я не стану называть лишних имен.

Микаэль пожал плечами, решив не спорить попусту.

– Мы с моим шефом сразу поняли, что нам выпало секретнейшее дело и что в него должно быть замешано как можно меньше народу. В частности, Бьюрман не должен был иметь к нему хоть какое-то касательство, это дело не соответствовало его уровню. Но поскольку он уже знал эту тайну, то было лучше сохранить его, чем привлекать кого-то другого. Возможно, те же соображения касались и такого молокососа, как я. Всего в Службе безопасности о существовании Залаченко знали семь

человек.

– А сколько всего народу знает об этой истории?

– С семьдесят шестого и до начала девяностых всего примерно двадцать человек в правительстве, высшем военном руководстве и Службе безопасности.

– А после начала девяностых?

Бьёрк пожал плечами.

– Как только Советский Союз распался, Залаченко полностью потерял для нас интерес.

– А что было после того, как он попал в Швецию?

Бьёрк молчал так долго, что Микаэль заволновался.

– Ну, если честно… С Залаченко нам подфартило – все, кто был связан с этим делом, сделали на нем карьеру. Только не думайте, что мы занимались пустяками. Мы работали круглые сутки. Я был назначен его наставником в Швеции, и первые десять лет мы виделись если не каждый день, то по крайней мере пару раз в неделю. Это были самые важные годы, Зала был кладезем свежей информации. Но это также означало присматривать за ним.

– Что вы имеете в виду?

– Залаченко был, видно, в ладу с нечистой силой. Порой он излучал невероятное обаяние, но иногда можно было подумать, что он псих и параноик. Периодически у него случались запои, и он становился агрессивным. Не раз приходилось мне посреди ночи спешить на выручку и вытаскивать его из историй, в которые он влипал.

– К примеру?

– К примеру, он мог пойти в пивную, повздорить там с кем-нибудь и накостылять паре охранников, пытавшихся его успокоить. Невысокого роста, щуплый, он прошел потрясающую подготовку по рукопашному бою и, к сожалению, мог продемонстрировать свои навыки при неподходящих обстоятельствах. Однажды мне пришлось забирать его из полиции под расписку.

– Звучит, как будто он ненормальный. Ведь он тем самым рисковал привлечь к себе внимание. Не слишком-то это профессионально.

– Ну, такой уж он был. Все же в Швеции он не совершил никакого преступления, ни разу не был задержан или арестован. Мы оснастили его шведским паспортом, идентификационной карточкой и шведской фамилией. В пригороде Стокгольма ему предоставили квартиру. Служба безопасности оплачивала его жилье и выдавала зарплату, а он был обязан являться в ее распоряжение по первому требованию. Но мы не могли

запретить ему ходить по пивным или заводить связи с женщинами. Только наводить за ним порядок. Это и было моей служебной обязанностью до 1985 года, когда меня перевели на другую работу, а Залаченко перешел к другому сотруднику.

– А какова роль Бьюрмана?

– Честно говоря, в этом деле он был просто балластом. Звезд с неба он не хватал и оказался, что называется, не тем человеком не в том месте. Бьюрман ведь совершенно случайно попал в историю с Залаченко. Он имел с ним дело лишь на первых порах и потом еще несколько раз, когда возникла надобность в соблюдении определенных юридических формальностей. Мой начальник решил проблему с Бьюрманом.

– Каким образом?

– Самым простым способом. Ему дали работу вне полиции, в адвокатском бюро, занимавшемся, так сказать, смежными вопросами…

– В бюро «Кланг и Рейнс».

Гуннар Бьёрк пристально взглянул на Микаэля и кивнул.

– Хоть Бьюрман и не был семи пядей во лбу, с работой он справлялся хорошо. Многие годы время от времени выполнял задания Службы безопасности, касающиеся незначительных расследований и тому подобного. Выходит, что так или иначе он тоже продвинулся в карьере за счет Залаченко.

– А где сейчас находится Зала?

Бьёрк секунду поколебался.

– Не знаю. После восемьдесят пятого года мои контакты с ним пошли на убыль, и я его вообще не встречал вот уже двенадцать лет. Последнее, что я слышал о нем, это что он покинул Швецию в 1992 году.

– Он, очевидно, вернулся. Его имя всплывало на поверхность в связи с торговлей оружием, наркотиками и трафикингом.

– Я бы ничуть не удивился, – вздохнул Бьёрк. – Но вы же не знаете наверняка, тот ли это Зала, которого вы ищете, или кто-то другой.

– Вероятность того, что могли появиться два Залы, ничтожно мала. Какое у него шведское имя?

Бьёрк пристально взглянул на Микаэля.

– Этого я не собираюсь разглашать.

– Лучше бы вам не хитрить со мной.

– Вы хотели знать, кто такой Зала, и я рассказал вам. Но я не собираюсь снабжать вас последним кусочком в пазле, пока не удостоверюсь, что вы соблюдаете свою часть договоренности.

– Вполне вероятно, что Зала совершил три убийства и что полиция

ищет не того человека. Вы ошибаетесь, если думаете, что я обойдусь без имени Залы.

– Откуда вы знаете, что убийца не Саландер?

– Знаю.

Гуннар Бьёрк иронически улыбнулся, внезапно почувствовав себя намного увереннее.

– Я думаю, что убийца – Зала, – сказал Микаэль.

– Грубая ошибка. Зала ни в кого не стрелял.

– Откуда вы знаете?

– Зале сейчас шестьдесят пять лет, и он инвалид. У него ампутирована ступня, и ему трудно передвигаться. Бегать от квартиры на Уденплан в Эншеде и стрелять в кого-то – задача не для него. Чтобы кого-нибудь убить, ему понадобилось бы вызвать инвалидный транспорт.

Малин Эрикссон вежливо улыбнулась Соне Мудиг.

– Об этом вы должны спросить Микаэля.

– Хорошо.

– Я не могу обсуждать с вами его расследование.

– Но если человек по имени Зала – потенциально подозреваемый в убийстве…

– Об этом надо поговорить с Микаэлем, – повторила Малин. – Я могу помочь вам информацией, касающейся работы Дага Свенссона, но не могу ознакомить вас с материалами нашего расследования.

Сона Мудиг вздохнула.

– Я понимаю вашу позицию. А что вы могли бы рассказать мне о лицах из этого списка?

– Только то, что написал Даг Свенссон, но ничего – об источниках. Однако я могу приоткрыть вам, что Микаэль уже встречался примерно с дюжиной лиц из списка и отверг их. Вероятно, это вам поможет.

Соня Мудиг неуверенно кивнула. «Нет, это не поможет, – рассуждала она про себя. – Полиция все равно должна встретиться с каждым и формально допросить. Один судья, три адвоката, несколько политиков и журналистов… а также коллег-полицейских. Вот завертелась бы карусель! Надо было полиции заняться этим списком сразу после убийства».

Взгляд ее упал на одно имя в списке. Гуннар Бьёрк.

– Против этого имени нет адреса.

– Да.

– А почему?

– Он сотрудник Службы безопасности, и его адрес засекречен. Но

сейчас он на больничном. Дагу Свенссону не удалось его найти.

– А вам удалось? – улыбнулась Мудиг.

– Спросите Микаэля.

Соня размышляла, глядя куда-то поверх стола Дага Свенссона.

– Можно задать вам личный вопрос?

– Пожалуйста.

– Как вы думаете, кто убил ваших друзей и адвоката Бьюрмана?

Малин Эрикссон молчала. Хорошо бы, если Микаэль Блумквист был рядом и отвечал на все эти вопросы. Как-то неприятно беседовать с полицией, даже будучи невиновной. А еще неприятнее было то, что она не имела права рассказать, чего уже добились в своем расследовании сотрудники «Миллениума». Но тут она услышала голос Эрики Бергер у себя за спиной:

– Мы кладем в основу предположение, что убийства произошли с целью предотвратить разоблачения, над которыми работал Даг Свенссон. Но мы не знаем, кто стрелял. Микаэль сконцентрировал внимание на человеке по имени Зала.

Соня обернулась и увидела главного редактора «Миллениума». Эрика Бергер протянула чашки с кофе Малин и Соне. На одной стоял логотип одного из профсоюзов, а на другой – партии христианских демократов. Эрика Бергер приветливо улыбнулась и ушла в свой кабинет.

Она вернулась минуты через три.

– Мудиг, вам только что звонил ваш шеф. У вас выключен мобильник. Свяжитесь с ним.

События возле дачи Бьюрмана повлекли лихорадочную активность ближе к вечеру. По Стокгольму и прилегающим к столице областям было разослано срочное оповещение о том, что Лисбет Саландер наконец-то всплыла на поверхность и что ездит на «Харли-Дэвидсоне», принадлежащем Магге Лундину. Сообщалось также, что необходимо соблюдать осторожность, так как Саландер вооружена и стреляла в человека рядом с дачей в окрестностях Сталлархольмена.

Полиция выставила посты на въезде в Стренгнес и Мариефред, а также на всех подъездах в Сёдертелье. В течение нескольких часов производилась проверка на всех электричках между Сёдертелье и Стокгольмом. Ни одной подходящей низкорослой девушки с «Харли-Дэвидсоном» или без него не обнаружили.

Только ближе к семи вечера полицейский патруль обнаружил искомый мотоцикл неподалеку от «Стокгольмской ярмарки» в Эльвшё, и это

перенесло центр тяжести поисков из Сёдертелье в Стокгольм. Из Эльвшё также сообщалось о находке куска кожаной куртки с логотипом мотоклуба «Свавельшё». Находка заставила инспектора Бублански сдвинуть очки на лоб и угрюмо уставиться в темноту за окном его служебного кабинета в Кунгсхольмене.

Весь день был цепью чего-то невиданного: похищение подруги Саландер, вмешательство Паоло Роберто, затем поджог, закопанные трупы в окрестностях Сёдертелье… И, наконец, полная неразбериха в Сталлархольмене.

Бублански зашел в большую комнату и стал рассматривать карту Стокгольма с окрестностями. Он по порядку переводил взгляд со Сталлархольмена на Нюкван, затем на Свавельшё и, наконец, на Эльвшё – четыре места, по разным причинам ставшие актуальными. Затем посмотрел на Енигеде и вздохнул. У него было безотрадное чувство, что полиция безнадежно отстает от развития событий. Он ровным счетом ничего не понимал. С чем бы ни было связано убийство в Енигеде, оно оказалось намного сложнее, чем думалось вначале.

О событиях в Сталлархольмене Микаэль Блумквист не имел никакого понятия. Он уехал из Смодаларё около трех часов пополудни и по дороге остановился на заправке. Хотелось выпить кофе и как-то подытожить услышанное.

Его переполняло разочарование. Он узнал от Бьёрка массу поразительных деталей, но тот категорически отказался снабдить его последним кусочком пазла – дать шведское имя Залаченко. Такое чувство, что его обманули: история пришла к концу, а разгадки от Бьёрка он не узнал.

– У нас же с вами договор, – настаивал Микаэль.

– И я свою часть договора выполнил – рассказал, кто такой Залаченко. Если вам нужна еще информация, надо заключить новый договор. Я нуждаюсь в гарантиях, что мое имя полностью останется в стороне и меня не коснутся никакие последствия.

– Как я могу вам дать такие гарантии? Я не руковожу полицейским расследованием, а они рано или поздно выйдут на вас.

– Полицейское расследование меня не волнует. Мне нужны гарантии того, что вы никогда не разоблачите меня в связи с проститутками.

Микаэль обратил внимание, что Бьёрк больше озабочен сокрытием своей связи с секс-торговлей, чем выдачей важной государственной тайны. Это в определенном смысле характеризовало его личность.

– Я уже обещал вам, что не напишу ни слова о вас в этой связи.

– Но мне также нужны гарантии, что вы не упомянете меня и в связи с Залаченко.

Таких гарантий Микаэль не собирался давать. Он мог использовать Бьёрка как анонимный источник, когда речь шла о предыстории Залаченко, но не собирался гарантировать ему стопроцентной анонимности. Наконец они договорились обдумать все еще раз, прежде чем вернуться к этому разговору.

Микаэль сидел на бензозаправке и пил кофе из бумажного стаканчика и тут вдруг почувствовал, что, не отдавая отчета, пропускает нечто лежащее у него прямо перед носом, но словно в тумане. Тут его вдруг осенило, что существует еще один человек, который, возможно, мог бы пролить свет на темные места этой истории. Микаэль находился довольно близко от реабилитационного центра в Ерште. Посмотрев на часы, он быстро встал и уехал навестить Хольгера Пальмгрена.

Гуннар Бьёрк чувствовал себя беспокойно. Он был полностью выжат после встречи с Микаэлем Блумквистом. Спина болела, как никогда раньше. Приняв три обезболивающие таблетки, он прилег на диван в гостиной. В голове продолжали вертеться мысли. Поднявшись через час и вскипятив воду, он достал пакетик чая «Липтон», сел за кухонный стол и задумался.

Может ли он полагаться на Микаэля Блумквиста? Все его карты теперь вышли, и он целиком в руках Блумквиста. Но самую важную информацию он придержал: шведское имя Залы и его истинную роль в произошедшем. Это был козырь, который он припрятал у себя в рукаве.

Как его угораздило попасть в переплет? Подумаешь, преступление… Все, что он сделал, так это заплатил нескольким проституткам. Он же холостяк. А та шестнадцатилетняя паршивка даже не думала притворяться, что он ей приятен. Просто смотрела на него с отвращением.

Шлюха чертова. Если бы она не была такой молоденькой… Будь ей хотя бы чуть больше двадцати, ничего страшного не было бы. Журналисты не оставят от него и мокрого места, если что-нибудь просочится. Блумквист тоже испытывает к нему омерзение и даже не пытается это скрыть.

Залаченко.

Обыкновенный сутенер. Что за ирония судьбы… Он трахался с проститутками, нанятыми Залаченко. Хотя сам Залаченко был достаточно умен, чтобы держаться в тени.

Бьюрман и Саландер.

И Блумквист.

Нужен какой-то выход.

Спустя несколько часов размышлений Гуннар пошел в свой кабинет и разыскал лоскут бумаги с телефоном, который откопал во время недавнего визита на работу. Он скрыл от Блумквиста не только это. От отлично знал, где находится Залаченко, хотя не встречался с ним двенадцать лет. Никакого желания делать это снова у него не было.

Но Залаченко – скользкий как угорь и хитрый как бес. Он-то поймет, в чем проблема. Ему бы надо исчезнуть с лица земли, уехать за границу и выйти на пенсию. Настоящий катастрофой был бы его арест. Тогда рухнет все.

Подумав еще, Бьёрк поднял трубку и набрал номер телефона.

– Привет. Это Свен Янссон, – сказал он.

Этим именем для прикрытия Бьёрк уже давным-давно не пользовался, но Залаченко сразу его вспомнил.

Глава 28

Среда, 6 апреля – четверг, 7 апреля

Бублански и Соня Мудиг встретились в кафе «У Вэйна» на Васагатан в восемь вечера и взяли по кофе и бутерброду. Таким мрачным своего шефа Соня никогда еще не видела. Он рассказал обо всем, что произошло за день. Мудиг долго молчала, потом протянула руку и положила на сжатый кулак Бублански. Раньше она никогда до него не дотрагивалась, но жест был чисто дружеским. Он грустно улыбнулся и похлопал ее руку столь же приветливо.

– Должно быть, мне пора на пенсию.

Она сочувственно улыбнулась.

– Это расследование расползается по швам, – продолжил Бублански. – Я рапортовал Экстрёму обо всем, что произошло за день, а он лишь отреагировал репликой: «Действуй на свое усмотрение». Похоже, что он вообще ни на что не способен.

– Не хотелось бы плохо отзываться о начальстве, но, по-моему, мы и без него перебьемся.

Бублански кивнул.

– Теперь ты официально возвращена в следственную группу. Не думаю, чтобы он стал перед тобой извиняться.

Соня пожала плечами.

– У меня такое чувство, что теперь вся следственная группа состоит только из нас с тобой, – сказал Бублански. – Фасте с утра разозлился и как сорвался с работы до ланча, так и не дает о себе знать, даже мобильник отключил. Если он и завтра не появится, придется объявить его в розыск.

– Вот и пусть держится подальше от расследования. А что теперь будет с Никласом Эрикссоном?

– Ничего. Я хотел формально задержать его и предъявить обвинение, но Экстрём решил, что не сто́ит. Мы его вышвырнули, а я съездил и серьезно поговорил с Драганом Арманским. Сотрудничество с «Милтоном» прекращено, а это, к сожалению, означает, что мы потеряли Сонни Бомана. Жаль – он был отличный полицейский.

– А как это все воспринял Арманский?

– Он был ошарашен. Интересно, что…

– Ну?

– Арманский сказал, что Лисбет Саландер всегда терпеть не могла

Эрикссона. Он припомнил, что пару лет назад она сказала, что того надо гнать с работы, даже заявила, что он мерзавец, но отказалась объяснять почему. Арманский, естественно, ее не послушал.

– Ясно.

– Курт до сих пор в Сёдертелье. Они вот-вот будут делать обыск в доме Карла-Магнуса Лундина. А Еркер по уши занят эксгумацией рецидивиста Кеннета Густафссона по кличке Бродяга, собирает его по кусочкам в окрестностях Нюкварна. Как раз перед тем, как я сюда пришел, он позвонил и доложил, что и во второй могиле кто-то есть, судя по одежде – женщина. Видимо, она пролежала еще дольше.

– Прямо-таки лесное кладбище… Похоже, Ян, что эта история пострашнее, чем мы думали вначале. Надеюсь, что в убийствах под Нюкварном мы Саландер не подозревали?

Впервые за последнее время Бублански улыбнулся.

– Ладно. В той истории ей можно дать отвод. Но сейчас она точно вооружена, и именно она стреляла в Лундина.

– Обрати внимание, что она стреляла ему в ступню, а не в голову, хотя в случае Магге Лундина разница между одним и другим небольшая. Но в расследовании убийств в Эншеде мы исходили из того, что убийца – отличный стрелок.

– Соня… тут какая-то несуразица. Магге Лундин и Сонни Ниеминен – два здоровых бугая с длинным списком уголовных преступлений. Лундин, конечно, нагулял жир и сейчас не в лучшей форме, но он опасен. А Ниеминен – грубый зверюга, которого боятся даже здоровые крепкие парни. До меня не доходит, как Саландер, такая маленькая щупленькая девчонка, смогла вытрясти из них душу. У Лундина серьезные повреждения.

– М-м-да.

– Не то чтобы он не заслуживал, чтобы ему всыпали. Просто я не понимаю, как это произошло.

– Спросим у нее, когда найдем. У нас ведь есть формальные заключения, что она склонна к насилию.

– Не могу даже представить себе, что там произошло возле дачи Бьюрмана. Даже Курт Свенссон не отважился бы драться ни с кем из них один на один. А Свенссон вовсе не какой-нибудь размазня.

– Может быть, у нее была какая-то причина всыпать Лундину и Ниеминену?

– Одинокая девчонка рядом с пустующей дачей, а тут двое психопатов и законченных идиотов… Я очень легко могу себе представить такую

причину.

– А может быть, ей кто-то помог? Может, еще кто-то там был?

– Наши криминалисты-техники не нашли никаких следов, подтверждающих это. Саландер заходила на дачу, там есть кофейная чашка с ее отпечатками. А кроме того, существует семидесятидвухлетняя Анна Виктория Ханссон, местная привратница, которая фиксирует всех и вся, кто движется в округе. Она клянется, что мимо промелькнули только Саландер и двое красавцев из «Свавельшё МК».

– А как Саландер попала в дом?

– Открыла ключом. Скорее всего, прихватила из квартиры Бьюрмана. Помнишь…

– …надрезанную ленту на запечатанной двери? Да, наш пострел везде поспел.

Соня Мудиг несколько секунд постучала кончиками пальцев по столу и затем свернула на другую тему:

– А у нас точно установлено, что именно Лундин участвовал в похищении Мириам Ву?

Бублански кивнул.

– Паоло Роберто предложили посмотреть альбом с фотографиями мотоциклистов. Их там было не меньше трех дюжин. Он показал на Лундина сразу, без колебаний. Просто сказал, что именно этого парня видел на складе возле Нюкварна.

– А что сказал Микаэль Блумквист?

– Мне не удалось с ним связаться, он не отвечает на звонки.

– Ясно. Значит, приметы Лундина сходятся с описанием человека, напавшего на Саландер на Лундагатан. Стало быть, мы можем исходить из того, что мотоклуб «Свавельшё» какое-то время охотился за ней. Но почему?

Бублански только руками развел.

– А может быть, Саландер жила на даче у Бьюрмана, пока была в розыске? – задумалась Соня Мудиг.

– Я тоже сначала об этом подумал. Но Еркер сомневается. Он говорит, что в доме, похоже, никто последнее время не жил, и есть свидетельница, видевшая ее поблизости только сегодня.

– Зачем она туда поехала? Не с Лундином же у нее была назначена встреча?

– Вряд ли. Должно быть, она появилась там, чтобы поискать что-то. А единственное, что мы там нашли, – это папки с материалами о Лисбет Саландер, собранными самим Бьюрманом. Это самые разные бумаги,

начиная со старых школьных записей и кончая заключениями из социальной службы и опекунского совета. Но некоторых папок не хватает: они пронумерованы на корешках, и у нас есть только номера 1, 4 и 5.

– Значит, вторая и третья отсутствуют.

– А может быть, были папки и с последующими номерами?

– Возникает вопрос: зачем Саландер искала там информацию о себе самой?

– Тут возможны два ответа. Либо ей хотелось скрыть что-то, о чем Бьюрман знал и скрывал это, либо ей хотелось до чего-то докопаться. Но есть еще один вопрос.

– Ну?

– Зачем Бьюрману понадобилось комплектовать подробное личное дело Саландер и прятать его у себя на даче? Он был ее опекуном, и его обязанностью было следить за ее финансами и тому подобным. Но материал в папках создает впечатление, что он был одержим идеей составить опись ее жизни.

– Бьюрман все больше и больше кажется мне скользким типом. Я подумала о нем, когда просматривала сегодня список секс-клиентов в «Миллениуме». Я даже ждала, уж не наткнусь ли там на его имя.

– Мысль недурна. Ты сама обнаружила у Бьюрмана в компьютере большую коллекцию жесткой порнографии. Об этом надо подумать. Нашла что-нибудь в «Миллениуме»?

– Толком непонятно. Микаэль Блумквист продолжает работать со списком, но, по словам Малин Эрикссон, сотрудницы «Миллениума», ничего интересного не обнаружил. Ян, я должна тебе что-то сказать…

– Что?

– Я уже не верю, что это сделала Саландер. Я имею в виду убийства в Эншеде и возле Уденплана. Когда мы начинали, я, как и все остальные, была в этом полностью убеждена, но теперь я так больше не думаю, хотя и не могу объяснить почему.

Бублански кивнул – он был согласен с Мудиг.

Верзила-блондин неприкаянно ходил взад-вперед в доме Магге Лундина в Свавельшё. Остановившись у кухонного окна, он посмотрел на дорогу. Пора бы им уже вернуться. Его не отпускало тревожное чувство. Что-то не ладилось.

Кроме того, ему не нравилось торчать одному в доме Магге Лундина. Здесь все было чужое. Холодный воздух ощущался везде, вплоть до его комнаты наверху, и во всем доме все время слышались какие-то

неприятные шорохи. Он попытался стряхнуть с себя мерзкое ощущение. Верзила-блондин знал, что это глупо, но не любил оставаться в одиночестве. Людей из плоти и крови он ничуть не боялся, но в пустых деревенских домах ему чудилась какая-то невыразимая жуть. Бесчисленные звуки возбуждали его фантазию. Он не мог избавиться от ощущения, будто что-то темное и злобное подсматривает за ним в дверную щель. Временами ему мерещилось даже чье-то дыхание.

В юности его дразнили за боязнь темноты. Вернее, дразнили, пока он самым решительным образом не всыпал по первое число одногодкам, да и тем приятелям постарше, что развлекались, насмехаясь над ним. Уж навести шорох он хорошо умел.

Но все равно это раздражало – темнота и одиночество. Он ненавидел те живые существа, что обитали во тьме и в одиночестве. Хорошо бы Лундин поскорее вернулся домой. Его присутствие восстановило бы душевное равновесие, даже если бы они ни словом не обмолвились или сидели по разным комнатам. Ему нужны были реальные звуки и движения; он хотел знать, что поблизости есть люди.

Он попытался как-то рассеяться, послушав диски на стереопроигрывателе, а потом стал искать что-нибудь почитать на полках у Лундина. Но интеллектуальные интересы байкера не выдерживали критики, и блондину пришлось удовлетвориться подборками журналов о мотоциклах, мужскими журналами и дешевыми детективами карманного формата такого сорта, какими сам он никогда не увлекался. Одиночество стало переходить в клаустрофобию. Какое-то время он убил на то, чтобы почистить и смазать пистолеты, хранившиеся у него в сумке, и это дело на время успокоило его.

Наконец он понял, что не может больше оставаться в доме. Он походил во дворе, просто чтобы подышать свежим воздухом. Он держался в стороне от соседних домов, но так, чтобы видеть свет из окон, за которыми жили люди. Полностью замерев, он мог слышать далекие звуки музыки.

Решив вернуться в халупу Лундина, он вновь почувствовал страшную тревогу и постоял на ступенях подольше, чтобы унять сердцебиение, затем взял себя в руки и открыл дверь.

В семь вечера он спустился и включил телевизор посмотреть новости по четвертому каналу. Он изумленно слушал сначала заголовки, а потом описание событий у дачи в Сталлархольмене, включая стрельбу. Это было главной новостью дня.

Он помчался наверх в гостевую комнату и затолкал в сумку свои вещи. Двумя минутами позже он уже вышел из дома, сел в белый «Вольво» и

нажал на газ.

Он исчез буквально в последнюю секунду. Всего в паре километров от Свавельшё ему встретились две полицейские машины с включенными мигалками; они ехали в деревню.

С большим трудом Микаэлю Блумквисту удалось наконец встретиться с Хольгером Пальмгреном в шесть вечера в среду. Основная трудность заключалась в том, чтобы уговорить персонал впустить его. Он был так настойчив, что дежурной медсестре пришлось позвонить доктору А. Сиварнандану, жившему, по-видимому, поблизости от больницы. Сиварнандан появился минут через пятнадцать и сам занялся переговорами с настойчивым журналистом. Сначала он категорически возражал. Последние две недели уже несколько журналистов искали возможность повстречаться с Хольгером Пальмгреном и предпринимали невероятные усилия для того, чтобы получить от него комментарии. Сам Хольгер категорически отказывался принимать таких посетителей, и персоналу было дано беспрекословное указание никого не пропускать.

Сиварнандан тоже следил за развитием событий с большим беспокойством. Он был напуган газетными заголовками, посвященными Лисбет Саландер, и обратил внимание на то, что его пациент впал в глубокую депрессию, которая, по мнению Сиварнандана, была вызвана неспособностью Пальмгрена что-либо предпринять. Больной забросил свою реабилитационную программу и целые дни читал газеты и следил за телевизионными репортажами о поисках Лисбет Саландер. А в промежутках сидел у себя в палате и размышлял.

Микаэль упрямо стоял у стола Сиварнандана и объяснял, что ни в коем случае не причинит Хольгеру Пальмгрену никаких неприятностей и что его целью вовсе не являются комментарии для прессы. Он пояснил, что является старым другом разыскиваемой Лисбет Саландер, что не верит в ее виновность и что отчаянно нуждается в информации, которая может пролить свет на некоторые обстоятельства ее прошлого.

Переубедить доктора Сиварнандана было нелегким делом. Микаэлю пришлось сесть и в деталях объяснить свою роль в этой драме. Лишь после получасового разговора Сиварнандан уступил. Он попросил Микаэля подождать, а сам пошел к Хольгеру Пальмгрену спросить, согласен ли тот принять посетителя.

Сиварнандан вернулся спустя десять минут.

– Он согласился принять вас. Если вы ему не понравитесь, он выставит вас вон. Он запрещает брать у него интервью или публиковать

что-нибудь касательно вашей встречи.

– Обещаю не писать ничего о своем посещении.

Хольгер Пальмгрен занимал маленькую комнату, вмещавшую кровать, комод, стол и несколько стульев. Это было седое, тощее огородное пугало с очевидными проблемами координации движений, но он все же поднялся со стула, когда Микаэля впустили в комнату. Руки он не протянул, но указал на один из стульев у небольшого столика. Блумквист сел. Доктор Сиварнандан остался в комнате. Поначалу Микаэлю было трудно понимать бормотание Хольгера Пальмгрена.

– Кто вы такой, чтобы называть себя другом Лисбет Саландер, и что вам надо?

Микаэль откинулся назад и на секунду задумался.

– Хольгер, вы не обязаны мне что-либо говорить, но я прошу вас выслушать меня, прежде чем вышвырнуть меня из комнаты.

Пальмгрен кивнул и поплелся к стулу, чтобы сесть напротив Микаэля.

– Я встретился с Лисбет Саландер примерно два года назад. Я нанял ее для сбора и анализа информации по делу, о котором не могу распространяться. Она приехала ко мне в то место, где я тогда жил, и мы вместе проработали несколько недель.

Он раздумывал, насколько подробно ему надо рассказывать об этом Пальмгрену, и решил держаться как можно ближе к правде.

– За это время произошли два важных события. Во-первых, Лисбет спасла мне жизнь, а во-вторых, мы стали хорошими друзьями. Я ближе узнал ее, и мне она очень понравилась.

Не входя в детали, Микаэль рассказал о своих отношениях с нею и как неожиданно они прервались сразу после Рождества год назад, когда Лисбет уехала за границу.

Затем он рассказал о своей работе в «Миллениуме», о том, как Даг Свенссон и Миа Бергман были убиты, а он сам невольно оказался вовлечен в поиски убийцы.

– Я узнал, что последнее время вам надоедали журналисты и что газеты печатали всякую чушь. Сам я могу заверить вас, что приехал отнюдь не для того, чтобы собирать материал на очередную публикацию. Я здесь ради Лисбет, как ее друг. Я, может быть, один из тех немногих во всей стране, кто целиком и полностью стоит на ее стороне. Я уверен, что она невиновна. Я думаю, что за убийствами стоит человек по имени Залаченко.

Микаэль сделал паузу. Что-то промелькнуло в глазах Пальмгрена при упоминании Залаченко.

– Если вы можете пролить хоть какой-то свет на ее прошлое, то сейчас

самый подходящий момент. Если вы не хотите помочь ей, значит, я попусту трачу время – и тогда я знаю вашу позицию.

Во время этой тирады Хольгер Пальмгрен не издал ни звука. При последних словах что-то опять блеснуло у него в глазах. Но вот он улыбнулся и начал говорить медленно и по возможности отчетливо.

– Вы действительно хотите помочь ей?

Микаэль кивнул.

Хольгер Пальмгрен подался вперед.

– Опишите диван у нее в гостиной.

Микаэль улыбнулся в ответ.

– Когда я бывал у нее, он был старый, потертый и продавленный – в общем, хлам, а не диван, сделанный, наверное, в начале пятидесятых годов. Две диванные подушки с обивкой из коричневого материала с желтым узором потеряли форму; обивка кое-где порвалась, и начинка торчала наружу.

Хольгер Пальмгрен вдруг засмеялся; смех его звучал как кашель. Потом он взглянул на доктора Сиварнандана.

– В квартире он, во всяком случае, был. Доктор, нельзя ли устроить, чтобы я мог угостить гостя кофе?

– Конечно. – Доктор Сиварнандан поднялся и вышел из комнаты. На пороге комнаты он обернулся и кивнул Микаэлю.

– Александр Залаченко, – произнес Хольгер Пальмгрен довольно ясно, как только закрылась дверь.

Глаза Микаэля раскрылись.

– Вы знаете это имя?

Пальмгрен кивнул.

– Лисбет сказала мне, как его зовут. Мне кажется, эту историю пора рассказать… прежде чем я вдруг умру, что не так уж невероятно.

– А как же Лисбет? Откуда она вообще знала о его существовании?

– Он ее отец.

Микаэль не сразу понял, что сказал Хольгер Пальмгрен. Затем до него дошло.

– Да что вы говорите?

– Залаченко приехал сюда в семидесятые годы. Он искал политического убежища. Вся эта история так и осталась для меня неясной. Лисбет всегда была немногословной, а об этом она вообще не хотела говорить.

«В ее свидетельстве о рождении написано, что отец неизвестен», – вспомнил Микаэль.

– Залаченко – отец Лисбет, – повторил он.

– Только раз за все время, пока я ее знал, она рассказала, что произошло. Это было примерно за месяц до удара, который меня хватил. Я помню ее рассказ: Залаченко приехал сюда в середине семидесятых годов, встретил мать Лисбет в семьдесят седьмом, у них была связь, и на свет родились двое детей.

– Двое?

– Лисбет и ее сестра-близняшка Камилла.

– Господи, так, значит, она существует в двух копиях?

– Они совсем разные. Но это другая история. Мать Лисбет звали Агнета София Шёландер. Она встретила Залаченко, когда ей было семнадцать. Не знаю ничего о том, как они познакомились, но, насколько я себе представляю, она была довольно несамостоятельной девушкой, легкой добычей для старшего и более опытного мужчины. Он произвел на нее невероятное впечатление, и она, вероятно, по уши влюбилась в него.

– Могу себе представить.

– Залаченко оказался кем угодно, только не славным парнем. Он был существенно старше ее. Полагаю, что он искал уживчивую женщину, и ничего сверх того.

– Наверное, вы правы.

– Она, конечно, в мечтах рисовала себе надежное будущее с ним, но он ничуть не интересовался женитьбой. Они остались неженатыми, но в семьдесят девятом она поменяла фамилию с Шёландер на Саландер. Возможно, так она хотела отметить, что они единое целое.

– Что вы имеете в виду?

– Зала. Заландер.

– Господи, – произнес Микаэль.

– Я сопоставил все это как раз перед тем, как заболел. Она имела право на эту фамилию, так как ее мать, бабушка Лисбет, действительно была Саландер. Последующие события обнаружили, что Залаченко был неслыханный психопат. Он жутко пил и избивал Агнету. Как мне представляется, рукоприкладство происходило постоянно, пока росли дети. Насколько Лисбет себя помнила, Залаченко появлялся регулярно. Иногда он надолго пропадал, потом вдруг снова появлялся на Лундагатан. И каждый раз было одно и то же. Залаченко заявлялся за сексом и алкоголем, и все заканчивалось разного рода издевательствами над Агнетой Саландер. Лисбет приводила детали, которые показывают, что издевательства были не только физическими. Он был вооружен, озлоблен и демонстрировал склонность к садизму и психическому запугиванию. Насколько я могу

судить об этом, с годами становилось все хуже и хуже. В восьмидесятые годы мать Лисбет жила в постоянном страхе.

– Детей он тоже бил?

– Нет. Дочки его совершенно не интересовали. Он их едва замечал. Мать обычно отправляла их в маленькую комнату, когда приходил Залаченко, и без разрешения они не должны были выходить. Раз-другой он давал тумака Лисбет или ее сестре, в основном когда они мешали или вертелись под ногами. Все его раздражение было обращено против матери.

– Кошмар какой. Бедная Лисбет…

Хольгер Пальмгрен кивнул.

– Все это Лисбет поведала мне примерно за месяц до того, как я пережил удар. Впервые тогда она говорила открыто о том, что произошло. А я как раз решил положить конец всем этим бредням насчет признания ее недееспособной и прочего. Лисбет не глупее нас с вами, и я стал готовиться к подаче заявления в гражданский суд о новом рассмотрении ее дела. А тут вдруг удар у меня… и когда я пришел в себя, то оказался здесь.

Он развел руками. В дверь постучала медсестра и подала кофе. Пальмгрен молчал, пока она не вышла, потом продолжил:

– Есть в этом деле неясные для меня моменты. Агнета Саландер десятки раз была вынуждена обращаться в больницу. Я читал ее медицинский журнал. Было абсолютно ясно, что она стала жертвой грубого физического насилия, и социальные службы должны были бы обратить на нее внимание. Но этого ни разу не произошло. Лисбет и Камилла находились под присмотром дежурных социальной службы в то время, когда их матери оказывали медицинскую помощь. Но как только ее выписывали и она возвращалась домой, все повторялось вновь. Единственным объяснением может быть только то, что вся система социального обеспечения была недееспособной, а Агнета оказалась столь запугана, что могла только и делать, что ждать своего мучителя. Затем что-то произошло. Лисбет называет это «Вся Та Жуть».

– А что случилось?

– Залаченко не появлялся несколько месяцев. Лисбет исполнилось двенадцать лет. Она уже стала тешить себя надеждой, что он исчез навсегда. Куда там! Однажды он вернулся. Сначала Агнета заперла обеих девочек в маленькой комнате, затем занялась сексом с Залаченко. Потом он начал ее избивать. Для него было удовольствием мучить ее. Но на этот раз взаперти были уже не маленькие детки… Реагировали они по-разному. Камилла панически боялась, что кто-нибудь может узнать, что происходит у них дома. Она отторгала из себя то, что знала, и делала вид, что не

замечает, как маму избивают. Когда побои заканчивались, Камилла подходила и обнимала папу, делая вид, что все хорошо.

– Таким способом она защищалась.

– Конечно. Но Лисбет была другого склада. На этот раз она прекратила истязания. Зайдя на кухню, она взяла нож и засадила ему в плечо. Она успела вонзить лезвие пять раз, прежде чем он смог отобрать нож и двинуть ей кулаком. Хоть раны и не были глубокие, кровь из него текла, как из зарезанной свиньи, и он еле унес ноги.

– Очень в духе Лисбет.

Пальмгрен вдруг рассмеялся.

– Еще бы: не задевай Лисбет Саландер за живое! Ее позиция по отношению к окружающему миру была такой: если ей грозят оружием, она возьмет оружие еще мощнее. Вот почему я так страшно боюсь за нее – при всем том, что сейчас происходит.

– Это и была «Вся Та Жуть»?

– Нет-нет. Затем последовало нечто, чему у меня просто нет объяснений. Порезы у Залаченко были такие серьезные, что он должен был обратиться к врачам, а это повлекло бы полицейское расследование.

– Но?

– Но, насколько мне известно, ничего подобного не произошло. Лисбет рассказала, что приходил какой-то мужчина и разговаривал с Агнетой. О чем был разговор, она не знает. А потом мама сказала Лисбет, что папа все простил.

– Простил?

– Да, так она выразилась.

Тут Микаэль понял: «Это был Бьёрк или кто-нибудь из его сотрудников. Речь шла о том, чтобы «прибрать» за Залаченко. Вот скотина», – подумал он и поморщился.

– Что? – спросил Пальмгрен.

– Думаю, я знаю, что произошло. И кое-кто понесет за это ответственность. Продолжайте, пожалуйста.

– Залаченко не появлялся несколько месяцев. Лисбет ждала и готовилась к его приходу. Она время от времени прогуливала уроки в школе и охраняла маму – страшно боялась, что Залаченко изуродует ее. Лисбет было двенадцать лет, а она чувствовала ответственность за мать, которая не осмеливалась обращаться в полицию и не могла порвать с Залаченко, а может быть, просто не понимала, насколько все серьезно. В тот день, когда он появился снова, Лисбет была в школе. Она пришла домой, как раз когда он выходил из квартиры. Он ничего не сказал, только расхохотался ей в

лицо. Зайдя, она обнаружила мать лежащей на полу в кухне без сознания.

– Но Залаченко не притрагивался к Лисбет?

– Нет. Она бросилась за ним и догнала, когда он уже сел в машину и опустил стекло, вероятно собираясь что-то сказать. Лисбет приготовилась заблаговременно. Она бросила в машину пакет из-под молока, наполненный бензином, а затем и зажженную спичку.

– Боже мой…

– Эта была уже вторая попытка убить своего отца. На этот раз дело не осталось без последствий. Машина на Лундагатан, а в ней человек, горящий как факел, не могли не привлечь внимания.

– Все же он остался в живых.

– Досталось ему как следует, в особенности тяжелыми были ожоги – следы от них остались у него на лице и других местах. Кроме того, ему пришлось ампутировать ступню. А Лисбет забрали в детское отделение психиатрии больницы Святого Стефана.

Хотя Лисбет Саландер знала весь материал, найденный на даче у Бьюрмана, от корки до корки, она снова все перечитала. Потом села на подоконник, открыла портсигар, подаренный Мириам Ву, закурила сигарету и устремила взгляд в сторону Юргордена. Она узнала некоторые подробности своей жизни, о которых раньше не подозревала.

Многие кусочки головоломки легли на нужные места, и она внутренне похолодела. Больше всего ее интерес возбудило полицейское расследование, о котором составил рапорт Гуннар Бьёрк в феврале 1991 года. Лисбет не могла бы с уверенностью сказать, кто из череды взрослых, задававших ей вопросы, был Бьёрк, но сейчас ей казалось, что он всплыл в ее памяти. Тогда он представился, назвавшись Свеном Янссоном. Она хорошо помнила каждую черту его лица, каждое сказанное им слово, каждый жест во время тех трех встреч, что у них были.

Тогда началась такая суматоха…

Залаченко в машине загорелся, как факел. Ему удалось распахнуть дверцу и вывалиться на землю, но одной ногой он застрял в ремне безопасности среди треска пламени. Примчалась пожарная машина и погасила огонь. Появилась машина «Скорой помощи», и Лисбет пыталась уговорить их оказать помощь маме, бросив Залаченко. Но они лишь оттолкнули ее. Прибыла полиция, и отыскались свидетели, указавшие на нее. Лисбет пыталась объяснить, что произошло, но никто не собирался ее слушать, потом она вдруг оказалась на заднем сиденье полицейской машины, а в это время тянулись минута за минутой, и прошел почти час,

пока полиция наконец зашла в их квартиру и нашла ее маму.

Агнета София Саландер была без сознания. У нее были черепно-мозговые травмы. В результате побоев у нее произошло первое из длинной серии последующих кровоизлияний в мозг. Здоровой она уже никогда не будет.

Теперь вдруг Лисбет поняла, почему никто не читал рапорт о полицейском расследовании: ни Хольгер Пальмгрен, которому не удалось его получить, ни адвокат Рихард Экстрём, который сейчас охотился за ней. Этот рапорт не был составлен обычной полицией. Он был составлен скотиной из Службы безопасности и проштампован печатями, уведомлявшими, что расследование является секретом государственной важности.

Александр Залаченко работал на Службу безопасности.

Это было не расследование, а укрывательство. Залаченко был важнее Агнеты Саландер. Его нельзя было дезавуировать и обличить. Залаченко просто не существовал.

«Проблему создавал не Залаченко, их создавала Лисбет Саландер – сумасбродная девчонка, грозившая раскрыть одну из важнейших государственных тайн», – пронеслось у нее в голове.

Об этой тайне она даже не подозревала. Как же все тогда было? Залаченко встретил ее мать вскоре по приезде в Швецию и назвался своим настоящим именем. Тогда у него еще не было ни имени для прикрытия, ни шведских документов. Это объясняло, почему все эти годы Лисбет никогда не удавалось найти его ни в одном из официальных регистров. Она знала его настоящее имя, а не то, которым его снабдило шведское государство.

Теперь Лисбет многое поняла. Если бы Залаченко привлекли к суду за нанесение увечий, адвокат Агнеты Саландер мог бы начать копаться в его данных: «Где вы работаете, господин Залаченко? Как вас на самом деле зовут?»

Если бы вместо больницы Лисбет оказалась под надзором социальных служб, те, возможно, начали бы разбираться в происшествии. Для уголовного преследования она была слишком молода, но если бы поджогом занялись как следует, во всех деталях, возникли бы те же вопросы о Залаченко. Лисбет так и видела перед собой огромные заголовки в газетах. Поэтому расследование поручили доверенному лицу. А потом снабдили рапорт грифом секретности и похоронили так глубоко, чтобы никто не мог докопаться. Значит, и Лисбет Саландер надо было похоронить так основательно, чтобы ее никто не нашел.

Гуннар Бьёрк.

Больница Святого Стефана.

Петер Телеборьян.

То, что теперь прояснилось, привело ее в ярость.

«Дорогое государство… мне есть что тебе сказать, если, конечно, я когда-нибудь найду, с кем поговорить».

Она мимоходом подумала, как бы весело было министру социального обеспечения, если бы ему в служебный кабинет засадили бутылку с коктейлем Молотова. Но при дефиците наличия лиц, несших ответственность за эту историю, хватило бы и Петера Телеборьяна. Она сделала в памяти зарубку: всерьез разобраться с ним, когда покончит с делами.

Однако еще не все концы сходились с концами. Залаченко вдруг снова, после стольких лет, выплыл на поверхность. Был риск, что его разоблачит Даг Свенссон. «Два выстрела. Даг Свенссон и Миа Бергман, – крутилось у нее в голове, – да еще оружие с моими отпечатками».

Залаченко – или тот, кого он послал для устранения Дага и Миа, – не мог, конечно, знать, что она нашла револьвер в коробке в столе у Бьюрмана и держала его в руках. Это была просто игра случая. Но ей с самого начала казалось очевидным существование связи между Бьюрманом и Залой.

И все-таки что-то пока не сходилось. Лисбет размышляла, пытаясь сложить кусочки головоломки то так, то эдак.

Напрашивался один разумный вывод.

Бьюрман.

Бьюрман занимался расследованием о ней. Он понял связь между ней и Залаченко, и он обратился к нему.

У нее была пленка с записью насилия Бьюрмана над ней. Это был дамоклов меч, нависший над Бьюрманом. Он, может быть, рассчитывал, что Залаченко вынудит Лисбет открыть, где находится пленка.

Она спрыгнула с подоконника, выдвинула ящик письменного стола и вытащила компакт-диск, помеченный ею «Бьюрман». Она даже не засунула его в футляр и ни разу не посмотрела после премьерного показа Бьюрману два года назад. Подержала его в руке, словно взвешивая, и убрала назад в ящик.

Дурак набитый этот Бьюрман. Сидел бы и не рыпался, и она оставила бы его в покое, если бы он добился отмены ее недееспособности. Вот Залаченко никогда не оставил бы его в покое, и Бьюрман до конца своих дней оставался бы собачонкой при нем. Чего он, между прочим, вполне заслуживал.

У Залаченко есть определенная сеть. Некоторые ее нити тянутся к

мотоклубу «Свавельшё».

Верзила-блондин.

Вот кто ключевая фигура.

Она должна найти его и заставить раскрыть, где находится Залаченко.

Лисбет закурила следующую сигарету и посмотрела на крепость у Шеппсхольмена, затем перевела взгляд на американские горки, возвышавшиеся в «Грёна Лунд». Вдруг она заговорила вслух, имитируя голос, услышанный в фильме ужасов, который некогда показывали по телевизору:

– Па-аа-поч-ка-а-а, я пришла за тобо-о-ой.

Если бы ее сейчас кто-нибудь услышал, то решил бы, что она совсем спятила.

В половине восьмого она включила телевизор – послушать, что новенького в охоте на Лисбет Саландер. То, что она услышала, потрясло ее, как никогда.

Бублански дозвонился Фасте по мобильнику в начале девятого вечера. Никакого обмена любезностями не последовало. Бублански решил не спрашивать, где тот был все это время, а лишь холодно проинформировал его о происшедшем за день.

Фасте был ошеломлен.

Ему так все опротивело, что он сделал то, чего никогда себе раньше не позволял в служебное время. С досады он ушел с работы, вскоре выключил мобильник и уселся в пивной на Центральном вокзале. Обе кружки пива он выпил, кипя от злости. Потом поехал домой, принял душ и лег спать. Ему было необходимо выспаться.

Проснулся он как раз к выпуску новостей «Раппорт» в семь тридцать. От перечня главных событий дня у него глаза на лоб полезли. В Нюкварне обнаружено захоронение. Лисбет Саландер стреляла в председателя «Свавельшё МК». Рейды полиции в южных предместьях Стокгольма. Петля затягивалась.

Он включил мобильник. И тут почти сразу позвонил этот паразит Бублански и проинформировал, что следственная группа уже официально ищет другого возможного преступника и что Фасте должен сменить Еркера Хольмберга для обследования места преступления близ Нюкварна. Дело Саландер завершается, а Фасте посылают подбирать окурки в лесу. Саландер будут ловить другие.

«С какого тут бока-припека «Свавельшё МК»? – подумал он. – И не было ли в рассуждениях этой чертовой Мудиг чего-то здравого?»

Нет, просто невозможно.

Наверняка это Саландер.

Как он хотел бы ее арестовать! Ханс так сильно этого хотел, что сжал мобильник до боли в пальцах.

Хольгер Пальмгрен спокойно наблюдал, как Микаэль Блумквист ходит туда-сюда вдоль окна его маленькой палаты. Время близилось к половине восьмого вечера, и они проговорили, не прерываясь, почти час. Наконец Пальмгрен постучал по столу, чтобы привлечь внимание Микаэля.

– Садитесь, а то подметки скоро протрете, – сказал он.

Микаэль сел.

– Все эти тайны, – начал он. – Я никак не мог связать концы с концами, пока вы не рассказали мне про Залаченко. Все, что я знал о Лисбет раньше, это разные заключения, где было написано, что она психически неполноценная.

– Петер Телеборьян. Вероятно, у него был какой-то договор с Бьёрком, и они сотрудничали.

Микаэль задумчиво кивнул. Как бы то ни было, Петер Телеборьян должен стать объектом журналистского расследования.

– Лисбет сказала, что мне надо держаться от него подальше, что он воплощенное зло.

Хольгер Пальмгрен пристально взглянул на него.

– Когда она это сказала?

Микаэль помедлил, затем улыбнулся и посмотрел на Пальмгрена.

– Секреты… К черту их. Я с нею в контакте, пока она скрывается. Через компьютер. Она лишь кидала мне короткие малопонятные послания, но все время направляла в нужную сторону.

Хольгер Пальмгрен вздохнул.

– И вы, разумеется, не рассказали об этом полиции?

– Нет. В целом.

– Будем считать, что вы и мне ничего не говорили. Да, с компьютерами она в ладах.

«Вы даже не представляете себе насколько», – подумал Блумквист.

– Я сильно доверяю ее способности приземляться на все четыре лапы. Ей бывает нелегко, но она выкарабкивается.

«Не то чтобы совсем нелегко. Украв почти три миллиарда крон, она вряд ли голодает. У нее, как у Пеппи Длиннычулок, есть сундук с золотом», – подумал Микаэль.

– Мне только не совсем понятно, – продолжил он, – почему все эти

годы вы никак не реагировали?

Хольгер Пальмгрен снова вздохнул и помрачнел.

– Я потерпел неудачу. Став ее опекуном, я получил еще одного трудного подростка в ряду других, у которых также были проблемы. Я получил это поручение от Стефана Броденшё, тогдашнего главы социального ведомства. Лисбет содержалась в больнице Святого Стефана, и в первый год я ее вообще не видел. Пару раз я говорил с Телеборьяном, и он рассказал мне, что она психически больна и получает наилучший уход и лечение. Я ему, естественно, поверил. Но я еще встречался с Юнасом Берингером, возглавлявшим клинику в то время. Не думаю, что он имел какое-то отношение к этой истории. По моей просьбе он написал о ней заключение, и мы с ним договорились сделать попытку вернуть ее в общество с помощью приемной семьи. Ей было тогда пятнадцать лет.

– И вы оказывали ей поддержку многие годы.

– Недостаточную. Я грудью за нее стоял после эпизода в метро. К тому времени я уже хорошо знал ее, и мне нравился этот подросток. У нее был стержень. Я воспротивился ее принудительной госпитализации, но не обошлось без компромисса – ее признали недееспособной, а меня назначили ее опекуном.

– Не думаю, что Бьёрн бегал и нажимал на судей в принятии решения. Это привлекло бы излишнее внимание. Он хотел изолировать ее, рассчитывал на ее очернение через психиатрические заключения, в частности, подписанные Телеборьяном. Он надеялся, что суд примет решение, продиктованное логикой. Но победила ваша линия.

– Я вообще не считал, что она нуждается в опеке. Но положа руку на сердце должен признать, что не лез из кожи вон, чтобы отменить это решение суда. Мне следовало действовать настойчивее и не затягивая. Но я так привязался к Лисбет… что все время откладывал. Да и других дел было много. А потом я заболел.

Микаэль кивнул.

– Не думаю, что вам приходится себя винить. Вы были одним из немногих, кто все эти годы стоял на ее стороне.

– К сожалению, все это время я не знал, что надо действовать не откладывая. Лисбет была под моей опекой, но она ни слова не сказала мне о Залаченко. Прошло несколько лет после ее выхода из больницы Святого Стефана, прежде чем Лисбет дала знать, что доверяет мне. Только после суда я почувствовал, что она постепенно начинает общаться со мной больше, чем требовали формальности.

– А как получилось, что она начала рассказывать о Залаченко?

– Мне кажется, несмотря ни на что, она действительно доверяла мне. К тому же я несколько раз начинал поднимать вопрос об отмене постановления о ее недееспособности. Лисбет долго думала, а через несколько месяцев позвонила мне и попросила встретиться. Она тогда приняла решение – и, кроме того, рассказала историю про Залаченко и выложила свою точку зрения на все это.

– Ясно.

– Тогда вы, наверное, понимаете, что мне потребовалось время на то, чтобы все это переварить. Я занялся раскопками, но имени Залаченко ни в одном регистре Швеции не нашел. Временами мне казалось, уж не сочинила ли она все это.

– Когда у вас случился удар, ее опекуном стал Бьюрман. Скорее всего, это не случайно.

– Конечно, нет. Не знаю, сможем ли мы когда-нибудь это доказать, но думаю, что если копнем поглубже, то найдем… того, кто занял место Бьёрка и теперь прибирает за Залаченко.

– Я прекрасно понимаю, почему Лисбет решительно отказывалась говорить с психологами или представителями органов власти, – заметил Микаэль. – Каждый раз после контакта с ними ее положение становилось только хуже. Она пыталась объяснить, что с ней произошло, дюжине взрослых, и никто не захотел слушать. Она в одиночку пыталась спасти свою мать, ее жизнь, защитить от психопата. Наконец она сделала единственное, что могла. А вместо того, чтобы услышать «правильно сделала», «молодец», она оказалась в психбольнице.

– Тут не все так просто. Надеюсь, вы понимаете, что с Лисбет не все в порядке, – резко заметил Пальмгрен.

– Что вы имеете в виду?

– Вы ведь знаете, что у нее не все было гладко в детстве, в школе.

– Конечно, знаю, об этом писали во всех газетах. Если бы я рос в таких условиях, как она, у меня бы тоже не было гладко в школе.

– Ее проблемы выходят далеко за пределы тех, что связаны с ее семьей. Я прочел все заключения психиатров о ней и не нашел ни в одном из них диагноза. Но, думаю, вы не будете возражать, что Лисбет Саландер не такая, как обычные люди. Вы с нею в шахматы не играли?

– Нет.

– У нее фотографическая память.

– Это я знаю; заметил, когда мы работали вместе.

– Ладно. Она любит загадки. Однажды она была у меня в гостях на Рождество, и я попросил ее решить несколько заданий на интеллект,

определяющих IQ. Это были тесты такого рода, когда показывают, скажем, пять похожих фигур и надо решить, как должна выглядеть шестая.

– Ну и что?

– Я сам тоже пробовал пройти этот тест и одолел примерно половину заданий. Корпел над этим пару вечеров. А она только взглянула на лист бумаги и тут же дала правильные ответы на все вопросы.

– Ладно, согласен, – сказал Микаэль. – Лисбет – необычная девушка.

– Ей страшно трудно строить отношения с другими людьми. Может быть, тут какая-то форма синдрома Аспергера или чего-то в этом роде. Если почитать описание клинической картины у пациентов с диагнозом «синдром Аспергера», то сразу заметно большое сходство с Лисбет. Но в то же время есть и много отличий.

Он помолчал.

– Для тех, кто ее не задевает и относится к ней с уважением, она совершенно не опасна.

Микаэль кивнул.

– Но она, безусловно, способна к насилию, – тихим голосом добавил Пальмгрен. – Если ее спровоцировать или чем-то угрожать, она может ответить, применив грубую силу.

Микаэль вновь кивнул.

– Что же нам делать теперь – вот вопрос, – сказал Хольгер Пальмгрен.

– Искать Залаченко, – ответил Микаэль.

В этот момент в дверь постучали. Это был доктор Сиварнандан.

– Надеюсь, не помешал? Если вас интересует Лисбет Саландер, можете включить телевизор и посмотреть программу новостей «Раппорт».

Глава 29

Среда, 6 апреля – четверг, 7 апреля

Лисбет Саландер трясло от негодования. Утром она тихо-спокойно съездила на дачу Бьюрмана. Компьютер она не включала со вчерашнего вечера, а весь день была слишком занята, чтобы послушать новости. При всей готовности к тому, что заваруха в Сталлархольмене вызовет крупные заголовки в печати, она совершенно не ожидала урагана, обрушившегося на нее в новостях по телевизору.

Мириам Ву лежала в больнице Сёдера, истерзанная верзилой-блондином, похитившим ее у дома на Лундагатан. Врачи находили ее состояние серьезным.

Ее спас Паоло Роберто. Как он оказался на складе у Ньюкварна – уму непостижимо. При выходе из больницы на него накинулись журналисты, но он отказался отвечать на вопросы. Глядя на его лицо, можно было подумать, что он провел десять раундов со связанными за спиной руками.

Обнаружены останки двух человек, зарытых в лесу близ того места, куда отвезли Мириам Ву. Вечером поступило сообщение о третьем месте, которое полиция наметила к раскопкам. Возможно, в округе есть еще захоронения.

Потом – об охоте на Лисбет Саландер.

Сеть вокруг нее затягивается. Сегодня днем она попала в оцепление полиции в дачном поселке неподалеку от Сталлархольмена. Она была вооружена и опасна. Она стреляла в одного из «Ангелов ада», а может быть, и в двух. Перестрелка имела место около дачи Нильса Бьюрмана. Ближе к вечеру, по мнению полиции, ей удалось найти лазейку в сети и покинуть место происшествия.

Начальник следственного отдела Рихард Экстрём созвал пресс-конференцию. Ответы оказались уклончивыми. Нет, он не может ответить на вопрос, связана ли Лисбет Саландер с «Ангелами ада». Нет, он не может подтвердить сведения, что Лисбет Саландер видели у складского помещения возле Нюкварна. Нет, отсутствуют указания на то, что речь идет о разборках в преступной среде. Нет, не установлено, что Лисбет Саландер была убийцей-одиночкой в Эншеде. По словам Экстрёма, полиция никогда не утверждала, что она убийца, а лишь объявила ее в розыск, чтобы допросить в связи с убийствами.

Лисбет Саландер сдвинула брови. В полицейском расследовании явно

произошли изменения.

Она подключилась к Сети и сначала почитала газетные публикации, а потом переключилась на жесткие диски прокурора Экстрёма, Драгана Арманского и Микаэля Блумквиста.

Электронная почта Экстрёма содержала ряд интересных поступлений, в частности, личное письмо от инспектора Яна Бублански, отосланное в 17.22. Письмо было коротким и содержало резкую критику методов ведения следствия, практикуемых Экстрёмом. Письмо заканчивалось своего рода ультиматумом, включавшим следующие пункты:

а) немедленно вернуть в состав группы криминального инспектора Соню Мудиг;

б) сосредоточить усилия расследования на поисках других подозреваемых в убийствах в Эншеде;

с) начать интенсивные расследования вокруг неизвестного лица по имени Зала.

Кроме того, Бублански писал:

> Обвинения против Лисбет Саландер основываются на единственной весомой улике – отпечатках ее пальцев на орудии убийства. Как вы хорошо понимаете, это служит доказательством того, что она держала его в руках, но не того, что она из него стреляла вообще и убила в частности.
>
> В настоящее время нам известно, что в этой драме есть и другие участники и что полиция Сёдертелье обнаружила два трупа, зарытые в лесу, а также отметила еще одно место, предназначенное для обследования. Складским помещением владеет двоюродный брат Карла-Магнуса Лундина. Совершенно очевидно, что Лисбет Саландер, как бы ни была она склонна к насилию и каков бы ни был ее психологический профиль, вряд ли в этом замешана.

В конце послания Бублански заявлял, что, если его требования не будут удовлетворены, он будет вынужден просить отстранить его от расследования, а это он не собирается делать по-тихому. Ответ Экстрёма предлагал Бублански действовать на свое усмотрение.

Совершенно поразительная информация обнаружилась на жестком диске Драгана Арманского. Короткий обмен электронными письмами между ним и отделом по зарплате «Милтона» выявил тот факт, что Никлас Эрикссон уволен без предупреждения. Бухгалтерии надлежало выплатить

ему выходное пособие и трехмесячную зарплату в качестве возмещения за увольнение. Электронное письмо вахтерам содержало приказ при появлении Эрикссона препроводить его к его рабочему месту, чтобы он забрал свои личные вещи, а затем покинул помещение. В технический отдел было послано распоряжение аннулировать пропуск Эрикссона.

Но самым интересным был короткий обмен письмами между Драганом Арманским и адвокатом Франком Алениусом, работающим в «Милтон секьюрити». Арманский спрашивал, как лучше всего организовать юридическую защиту Лисбет Саландер, когда ее схватят. Алениус сначала ответил, что у «Милтона» нет оснований для того, чтобы участвовать в деле бывшей сотрудницы, совершившей убийство, – при таких обстоятельствах такое участие сказалось бы на фирме негативно. Арманский возмущенно возразил, что утверждение о Лисбет Саландер как об убийце до сих пор представляет собой открытый вопрос и что речь идет о бывшей сотруднице, в невиновности которой лично он убежден.

Лисбет открыла жесткий диск Микаэля Блумквиста и увидела, что он ничего не написал и последний раз пользовался компьютером вчера утром. Новостей не было.

Сонни Боман положил папку на столе для совещаний в кабинете Драгана Арманского и грузно опустился на стул. Фрэклунд взял папку, раскрыл ее и начал читать. Драган Арманский стоял у окна и смотрел на Старый город.

– Вот последние материалы, что я могу предоставить. С сегодняшнего дня я исключен из следственной группы, – сказал Боман.

– Это не твоя вина, – заверил его Фрэклунд.

– Да, не твоя, – подтвердил Арманский и тоже подсел к ним. Весь материал, накопленный Боманом за две недели, был сейчас сложен пачкой на столе для совещаний. – Ты, Сонни, хорошо поработал. Я говорил с Бублански. Он даже жалеет, что потерял тебя, но у него не было другого выхода из-за Эрикссона.

– Ладно. Я заметил, что в «Милтоне» мне гораздо лучше, чем в полиции на Кунгсхольмене.

– Можешь подытожить?

– Попытаюсь. Если считать, что нашей целью был поиск Лисбет Саландер, то тут мы потерпели полную неудачу. Расследование было довольно хаотичным, каждый в группе старался тянуть одеяло на себя, а Бублански был, вероятно, не способен держать все под контролем.

– Ханс Фасте?

– Мерзкий тип. Но проблема не только в Фасте и хаотичном расследовании. Бублански заботился о том, чтобы все запланированные мероприятия доводились до конца. Проблема в том, что Саландер сумела прекрасно замести за собой следы.

– Но твоя работа не сводилась только к тому, чтобы поймать Саландер, – перебил Арманский.

– Именно. И я рад, что мы не рассказали Никласу Эрикссону о моей второй задаче, поставленной, когда мы начали, – служить вашим шпионом, «кротом» в чужом лагере, и следить за тем, чтобы Саландер не оказалась невинно пострадавшей.

– И что ты об этом думаешь теперь?

– Когда мы начинали, я был безоговорочно уверен, что она виновна. Сегодня я уже не знаю, что и думать – так много новых противоречивых сообщений поступило…

– Ну, и?..

– Теперь я ее не считал бы главной подозреваемой. Я все больше и больше склоняюсь в сторону предположений, сделанных Микаэлем Блумквистом.

– То есть нужно искать других подозреваемых. Придется начать расследование заново, – подытожил Армански и разлил кофе по чашкам участников совещания.

До чего же противный вечер выдался сегодня у Лисбет Саландер! Она вдруг представила себе тот момент, когда бросила пакет с бензином в окно машины Залаченко. С того дня у нее прекратились ночные кошмары и ее как-то внутренне отпустило. С годами у нее возникали новые проблемы, но все они касались ее лично, и она оказалась в состоянии с ними разобраться. Теперь проблема касалась Мимми.

Та лежала в ужасном состоянии в больнице Сёдера. Мимми была совершенно ни в чем не виновата, не имела никакого отношения к делам Лисбет, и ее единственная вина состояла в том, что она знала Лисбет Саландер.

Лисбет проклинала себя – это была ее вина. Она сохранила в тайне свой собственный адрес и позаботилась о том, чтобы всесторонне обезопасить себя. А Мимми она заманила в квартиру, адрес которой знали все.

Все равно как если бы она сама ее избила.

Она так расстроилась, что на глазах ее показались слезы. Но ведь Лисбет Саландер никогда не плачет. И она вытерла слезы.

В половине одиннадцатого беспокойство достигло таких пределов, что Лисбет не могла оставаться в квартире. Надев верхнюю одежду, она вышла в ночной город, вдоль маленьких улочек дошла до Ринвеген и подошла ко входу в больницу Сёдер. Она хотела идти к Мимми в палату, разбудить ее и успокоить, что все будет хорошо. Но тут вдруг у Цинкена появился полицейский автомобиль с мигалкой, и Лисбет свернула в переулок, пока ее не заметили.

К полуночи она была уже дома на Мосебакке. Чувствуя, что промерзла, разделась и легла в свою икеевскую кровать, но заснуть не могла. В час ночи она вылезла из постели и не одеваясь пошла по неосвещенной квартире. Оказавшись в гостевой комнате, где она поставила кровать и комод и куда ни разу не заходила, села на пол, прислонившись к стенке, и уставилась в темноту.

«У Лисбет Саландер есть комната для гостей. Просто курам на смех», – подумала она.

Она просидела до двух часов ночи, пока не замерзла до дрожи, а потом заплакала. Она не могла припомнить, чтобы такое с нею раньше случалось.

К половине третьего утра Лисбет Саландер уже приняла душ и оделась. Включив кофеварку и приготовив бутерброды, она села за компьютер, зашла на жесткий диск Микаэля Блумквиста и опять удивилась, что в дневнике его расследований нет ничего нового, но решила, что в эту ночь не будет ломать над этим голову.

Тогда она открыла папку «Лисбет Саландер» и сразу нашла новый документ, названный «Лисбет – ВАЖНО». Информация о документе сообщала, что он был создан в 00.52. Кликнув дважды, она прочла послание.

> Лисбет, немедленно свяжись со мной. Эта история намного хуже, чем я мог себе представить. Я знаю, кто такой Залаченко, и мне кажется, я знаю, что произошло. Я говорил с Хольгером Пальмгреном, понял роль Телеборьяна, а также причину, по которой им было важно засадить тебя в детскую психбольницу. Думаю, что знаю, кто убил Дага и Мию, и знаю почему. Но мне не хватает нескольких важных деталей. Роль Бьюрмана мне не ясна. ПОЗВОНИ МНЕ. СВЯЖИСЬ СО МНОЙ НЕМЕДЛЕННО. МЫ МОЖЕМ НАЙТИ ВЫХОД. Микаэль.

Лисбет дважды прочитала письмо. Прилежный Калле Блумквист.

Братец Умник[34]. Треклятый умник. Он все еще думает, что можно НАЙТИ ВЫХОД.

Он хочет для нее хорошего. Хочет помочь.

Он еще не понял, что жизнь ее кончена, что бы там ни было.

Ее жизнь кончилась, когда ей не исполнилось и тринадцати лет.

Так что выход только один.

Лисбет создала новый документ и попробовала написать ответное письмо Микаэлю, но мысли метались в ее голове, и ей так много нужно было ему сказать.

Лисбет Саландер влюбилась. Какая глупая шутка.

Он никогда об этом не узнает. Она никогда не доставит ему удовольствия насладиться ее чувствами.

Она уничтожила документ и посмотрела на пустой экран. Все же ее полного молчания Микаэль не заслуживал. Он всегда преданно стоял в ее углу ринга, как стойкий оловянный солдатик. Создав новый документ, она написала лишь одну строку:

Спасибо за то, что ты был моим другом.

Сначала ей нужно было принять решение о транспортном средстве. Ей нужна была машина. Взять винно-красную «Хонду» на Лундагатан было заманчиво, но категорически исключено. В лэптопе прокурора Экстрёма не было сведений, что кто-то из следователей обратил внимание на покупку ею машины. Возможно, это объясняется тем, что она купила ее совсем недавно и не успела отправить бумаги о регистрации и страховке. Но был риск: Мимми могла проболтаться об автомобиле, когда ее допрашивали в полиции. Вдобавок Лисбет знала, что Лундагатан находится под эпизодическим наблюдением.

Полиция знала, что у нее есть мотоцикл, но извлекать его из подвала на Лундагатан было еще опаснее. К тому же после нынешней почти летней жары обещали переменную облачность, а разъезжать по скользким от дождя дорогам на байке не хотелось.

Был, конечно, вариант взять машину в прокат на имя Ирене Нессер, но это сопряжено с риском. Всегда есть опасность, что ее кто-нибудь узнает, и тогда имя Ирене Нессер нельзя будет использовать. Это было бы катастрофой, потому что данный вариант служил запасным выходом, чтобы покинуть страну.

Тут Лисбет криво усмехнулась. Была вообще-то еще одна возможность. Она открыла компьютер и зашла на сервер «Милтон

секьюрити», а потом вышла на автопарк фирмы, которым ведала секретарша в приемной. Фирме принадлежали девяносто пять машин, большинство из которых использовались охраной и были выкрашены в цвета фирмы. Многие из них содержались в разных гаражах, разбросанных по всему городу. Но были и несколько обычных машин, используемых при надобности в служебных целях. Эти машины стояли в гараже главной конторы «Милтона» возле Шлюза, то есть практически за углом.

Лисбет просмотрела файлы персонала и выбрала сотрудника фирмы Маркуса Колландера, только что ушедшего в отпуск на две недели. Она оставил телефонный номер своей гостиницы на Канарских островах. Она поменяла название отеля и переставила цифры в телефонном номере, по которому с ним можно связаться. Затем вписала, что последним рабочим поручением Колландеру было сдать один из обычных автомобилей в ремонтную мастерскую с целью починить сцепление, которое заедало. Она выбрала «Тойоту Короллу» с автоматической коробкой передач, которой раньше уже пользовалась, и сделала запись, что машина будет возвращена через неделю.

Под конец Лисбет зашла в систему и внесла изменения в программы тех камер наблюдения, мимо которых ей предстояло проходить. Между 04.30 и 05.00 они должны были теперь показывать повтор записи предыдущего получаса, но с измененными показателями времени.

К четырем часам рюкзак был упакован. В нем лежали две смены одежды, два баллончика со слезоточивым газом и заряженный электрошокер. Посмотрев на оба пистолета, которые у нее теперь были, Лисбет отвергла «Кольт М1911», принадлежавший Сандстрёму, и выбрала польский Р-83 «Ванад» Сонни Ниеминена, в котором недоставало одного патрона. Он был меньше размером и удобнее ложился в руку. Его она положила в карман куртки.

Лисбет заперла свой ноутбук на штатный замок, но оставила его лежать на письменном столе. Содержимое жесткого диска она поместила в кодированном виде в Сеть, а затем стерла оригинал с помощью программы, которую написала сама и которая гарантировала, что никто, включая ее саму, не может восстановить его. Она решила, что ноутбук ей не понадобится и таскать его с собой было бы обременительно. Вместо этого она взяла с собой ручной «Палм Тангстен».

Лисбет обвела взглядом свой кабинет. У нее было чувство, что она больше не вернется в квартиру на Мосебакке, и она подумала, что оставляет после себя секреты, которые стоило бы уничтожить. Но, бросив

взгляд на наручные часы, поняла, что время не ждет. Огляделась в последний раз и погасила настольную лампу.

Дойдя до «Милтон секьюрити», Лисбет прошла внутрь через гараж и поднялась на лифте к офисам административного персонала. В пустых коридорах не было ни души, и она без проблем достала ключ от автомобиля из незапертого настенного шкафчика.

Через полминуты она уже была в гараже. Отключила сигнализацию «короллы», швырнула рюкзак на пассажирское сиденье и отрегулировала сиденье водителя и зеркало заднего вида. Гаражная дверь открылась с помощью ее старой электронной карточки.

Было почти половина пятого, когда Лисбет выехала с Сёдер Мэларстранд у моста Вестербру. Начинало светать.

Микаэль Блумквист проснулся в половине седьмого утра. Он не ставил будильник, но проспал всего три часа. Встал, включил компьютер и открыл папку «Лисбет Саландер». Ее ответ тут же возник перед глазами.

Спасибо за то, что ты был моим другом.

По спине у него пробежал холодок – не на такой ответ он рассчитывал. Эти слова звучали как прощальные: «Лисбет Саландер наперекор всему свету». Микаэль зашел на кухню, включил кофеварку и пошел в ванную. Натягивая потертые джинсы, он подумал, что за последние недели не мог даже найти время постирать и теперь у него не оставалось ни одной чистой рубашки. Тогда Блумквист надел винно-красный студенческий свитер, а поверх – старый пиджак.

Он намазывал масло на хлеб в кухне, когда взгляд его отметил блеск металла на поверхности стола между микроволновкой и стеной. Он нахмурился и, взяв вилку, подтянул к себе связку ключей.

Это были ключи Лисбет Саландер. Он нашел их после нападения на нее на Лундагатан и положил на микроволновку вместе с ее сумочкой. И они, похоже, свалились вниз. Вот он и забыл передать их Соне Мудиг, когда та приходила забрать сумку.

Микаэль внимательно рассматривал ключи, три больших и три маленьких. Большие были от подъезда, квартиры и французского замка. Это явно ключи от ее квартиры. Но не от жилища на Лундагатан. Где же все-таки она живет?

Теперь Блумквист пригляделся к маленьким ключам. Один был от ее «Кавасаки». Другой напоминал стандартный ключ от ячейки в камере

хранения. На третьем стоял вытравленный номер 24914. Тут до него дошло: «Это же от почтовой ячейки. У Лисбет Саландер есть почтовая ячейка».

Он открыл телефонный справочник посмотреть список почтовых контор Сёдермальма. Лисбет жила на Лундагатан. Ринген был далековат. Может быть, Хорнсгатан? Или же Росенлундсгатан?

Микаэль выключил кофеварку, решил плюнуть на завтрак и направил «БМВ» Эрики Бергер к Росенлундсгатан. Ключ не годился. Он поехал дальше, к почтовому отделению на Хорнсгатан. К ячейке 24914 ключ подошел прекрасно. Открыв ее, Микаэль обнаружил двадцать два почтовых отправления и запихал их все в наружный карман компьютерной сумки.

Проехав дальше по Хорнсгатан, он припарковался у местного кинотеатра и пошел завтракать в кафе «Копакабана» на набережной Берсунда. Пока ждал свой заказ – кофе с молоком, – начал просматривать все конверты один за другим. Оказалось, что они все посланы в компанию «Уосп Энтерпрайзис». При этом девять писем пришло из Швейцарии, восемь – с Каймановых островов, одно – с острова в Ла-Манше и четыре – из Гибралтара. Не мучаясь угрызениями совести, Микаэль стал вскрывать конверты. В двадцати одном из них находились банковские выписки и отчеты по разным счетам и фондам. Блумквест отметил, что у Лисбет Саландер денег куры не клюют.

Двадцать второй конверт оказался толще. Адрес был написан от руки, а конверт украшал логотип «Бучанан Хаус», размещавшегося на набережной Квинсуэй в Гибралтаре. Наверху письма имелась шапка, сообщавшая, что отправителем является Джереми С. Мак-Миллан, поверенный. У него был красивый почерк и хороший английский.

Джереми С. Мак-Миллан,
поверенный

Дорогая мисс Саландер,

Этим письмом уведомляю Вас, что окончательная выплата при покупке Вашей собственности произведена двадцатого января. Согласно договоренности, я посылаю Вам копии всех необходимых в этой связи документов и сохраню оригиналы у себя. Полагаю, это Вас удовлетворит.

Позвольте выразить надежду, что у Вас все благополучно. Мне доставил большое удовольствие Ваш неожиданный визит прошлым летом; должен признать, что Ваше появление произвело освежающее действие. Всегда буду рад при

необходимости оказать Вам помощь.

Искренне Ваш

ДСМ

Письмо было отправлено двадцать четвертого января. Лисбет Саландер явно проверяла свою почту не слишком часто. Прилагаемой документацией оказался договор о покупке квартиры по адресу Фискаргатан, дом 9, в районе Мосебакке.

В следующий миг Микаэль чуть не захлебнулся глотком кофе. Стоимость покупки была двадцать пять миллионов крон. Оплата производилась двумя поступлениями с интервалом двенадцать месяцев.

Лисбет Саландер увидела, как темноволосый, крепкого телосложения мужчина открывает боковую дверь фирмы «Автоэкспорт» в Эскильстуне. Она объединяла гараж, ремонтную мастерскую и прокат автомобилей – типичная фирма, каких много. На часах было без десяти минут семь, и объявление на главном входе, написанное от руки, гласило, что они открываются в семь тридцать. Перейдя улицу, Лисбет открыла боковую дверь и вошла в салон. Мужчина услышал шаги и обернулся.

– Рефик Альба? – спросила она.

– Да. А кто вы? Мы еще не открылись.

Лисбет подняла «Ванад» Сонни Ниеминена и, держа двумя руками, направила ствол в лицо мужчины.

– У меня нет ни времени, ни желания для болтовни. Мне нужно посмотреть ваш список учета сданных в аренду автомобилей. Прямо сейчас. Даю десять секунд.

Сорокадвухлетний Рефик Альба был курдом из Дьярбакира и оружия повидал немало. Он стоял как парализованный, но быстро понял, что раз уж к нему в контору явилась какая-то психичка с пистолетом в руках, то обсуждать что-либо не приходится.

– В компьютере, – сказал он.

– Включите.

Он послушался.

– А что за той дверью? – спросила Лисбет, пока компьютер загружался.

– Просто раздевалка.

– Откройте дверь.

Там висело несколько комбинезонов.

– Хорошо. Зайдите в раздевалку, тогда я вам ничего плохого не сделаю.

Рефик подчинился без возражений.

– Теперь достаньте свой мобильник, положите на пол и подтолкните ко мне.

Он сделал все, как ему было сказано.

– Прекрасно. Закройте дверь.

Это был старый компьютер, с Windows 95 и жестким диском на двести восемьдесят мегабайт. Спустя целую вечность открылся документ, составленный в программе «Эксел», со списком машин, выданных в прокат. Лисбет обнаружила, что белый «Вольво», которым пользовался верзила-блондин, сдавался в прокат дважды: первый раз на две недели в январе и второй – с первого марта. Машина еще не была возвращена, но предоплата за неделю при долговременной аренде внесена.

Арендатора звали Рональд Нидерман.

Пробежав глазами папки на полке над компьютером, Лисбет увидела ту, на корешке которой стояла надпись «Удостоверения личности». Вынув папку с полки, она полистала ее и нашла Рональда Нидермана. Беря машину в прокат в январе, он предъявил паспорт, и Рефик Альба просто снял копию первой страницы. С фотографии смотрел верзила-блондин. Это был паспорт немца тридцати пяти лет, уроженца Гамбурга. Тот факт, что Рефик Альба снял копию с документа, говорил о том, что Рональд Нидерман был просто клиентом, а не знакомым, кому ненадолго дали машину.

На полях внизу были записаны номер мобильника и адрес почтового ящика в Гётеборге.

Лисбет поставила папку обратно и выключила компьютер. Оглядевшись, увидела резиновый клин на полу у входной двери. Подобрав, она подошла к раздевалке и постучала ручкой пистолета по двери.

– Вы меня слышите?

– Да.

– Вы знаете, кто я?

Молчание в ответ.

«Ну, не слепой же он, чтобы не узнать меня», – подумала она.

– Ясно. Вы меня узнали. Боитесь?

– Да.

– Не бойтесь, господин Альба. Я вас не трону. У меня почти все готово. Извините за беспокойство.

– Э-э… хорошо.

– Воздуху вам хватает?

– Да… А что вам вообще надо?

– Я хотела проверить, не брала ли здесь машину одна женщина два года назад, – соврала она. – Но я ее не нашла, хотя вы в этом не виноваты. Я сейчас уйду.

– Хорошо.

– Я засуну резиновый клин под дверь раздевалки. Дверь достаточно слабая, и вы сможете выбраться, просто это займет немного времени. В полицию звонить не стоит. Меня вы больше никогда не увидите. Сегодня можете открыть салон как обычно и даже считать, что ничего не произошло.

Вероятность того, что он не позвонит в полицию, была мизерной, но ведь не мешало намекнуть ему и на другую возможность. Пусть подумает. Покинув салон, Лисбет пошла к «Тойоте Королле», стоявшей за углом, и быстро изменила внешность на Ирене Нессер.

Как жаль, что ей не удалось найти настоящий адрес верзилы-блондина, возможно, где-то в пределах большого Стокгольма. Вместо этого у нее был только почтовый ящик на другой стороне Швеции. Но это была единственная ниточка в ее распоряжении. «Так. Значит, в Гётеборг», – решила Лисбет.

Она добралась до съезда на шоссе Е20 и двинулась по нему на запад, в сторону Арбоги. Ткнула в кнопку радио, но новости только что закончились, и началась реклама. Потом она послушала Дэвида Боуи, певшего «…putting out fire with gasoline»[35]. Сама Лисбет не знала ни кто поет, ни что это за песня, но слова она восприняла как пророческие.

Глава 30

Четверг, 7 апреля

Микаэль Блумквист посмотрел на подъезд дома по Фискагатан, 9 в районе Мосебакке. Это был вход в один из самых престижных и с виду безыскусных домов Стокгольма. Он вставил ключ в замок, и тот идеально подошел. Доска объявлений в подъезде не содержала полезной информации. Похоже, что бо́льшую часть дома занимали служебные квартиры различных учреждений, но были и обычные, частные квартиры. Имя Лисбет Саландер отсутствовало в списке жильцов подъезда на доске объявлений, что ничуть не удивило Блумквиста, но мысль о том, что здесь она устроила себе укромное местечко, казалась невероятной.

Он шел наверх, этаж за этажом, и читал таблички на дверях. Ни одна из них не привлекла его особого внимания, пока он не поднялся на последний этаж и не прочел на двери «В. Кюлла».

Микаэль хлопнул себя ладонью по лбу и непроизвольно улыбнулся. Скорее всего, имя на двери не было задумано как шутка лично над ним, а появилось просто как ироничная причуда. Ну где же, как не здесь, было искать ему, «суперсыщику Калле Блумквисту», герою Астрид Линдгрен, жилище «Вилла Вилекюлли», где обитала Пеппи Длинныйчулок?

Нажав на звонок, он подождал с минуту, потом достал ключи и открыл сначала французский замок, а потом обычный.

В тот момент, когда открылась дверь, завыла сирена сигнализации.

Мобильник Лисбет Саландер подал сигнал, когда она миновала Глансхаммар неподалеку от Эребру, проезжая по шоссе Е20. Она тут же притормозила и заехала в карман у обочины. Вынув свой «Палм» из куртки, подсоединила его к мобильнику.

Пятнадцать секунд назад кто-то открыл дверь ее квартиры. Сигнализация не была в ведении какой-либо охранной фирмы, а предназначалась для того, чтобы предупредить ее саму, если кто-то вломится к ней. Через тридцать секунд сирена должна замолчать, а непрошеный гость получит огорчительный сюрприз в виде красящей бомбы, установленной рядом с дверью и замаскированной под электросчетчиком. Мстительно улыбнувшись, она начала обратный счет секундам.

Микаэль озадаченно смотрел на дисплей сигнализации у двери. Как назло, он и не подумал, что в квартире может быть сигнализация. Он видел, как на дисплее секундомер вел отсчет времени. Сигнализация в «Миллениуме» отключалась через тридцать секунд, если в нее не ввести правильный код из четырех цифр, и тогда незамедлительно появлялась пара крепких парней из охранной фирмы.

Первой мыслью было закрыть дверь и быстро сбежать оттуда. Но Микаэль стоял как примерзший.

«Четыре цифры. Случайно правильный код не наберешь», – думал он.

25–24–23–22…

– Окаянная Пеппи Длинный…

19–18

– Каким же ты пользуешься кодом?

15–14–13…

Блумквист чувствовал растущую панику.

10–9–8…

Подняв руку, он с отчаянием набрал единственный номер, который пришел ему в голову: 9277. Это были цифры, соответствующие буквам WASP на кнопочной панели.

К несказанному удивлению Микаэля, отсчет остановился на шестой секунде. Сирена издала заключительный писк, дисплей обнулился, и зажглась зеленая лампочка.

У Лисбет Саландер глаза полезли на лоб. Она подумала, что ей все это померещилось. Потрясла карманный компьютер, что, конечно, было полной бессмыслицей. Обратный отсчет остановился за шесть секунд до взрыва красящей бомбы, и в следующий момент дисплей обнулился.

«Как же так?» – подумала Лисбет.

Неужели это возможно? Кто же это? Полиция? Нет. Зала? Отпадает.

Она набрала соответствующий номер на мобильнике и стала ждать, когда подключится камера наблюдения и начнет посылать ей на мобильник изображение низкого разрешения. Камера была спрятана в коробочку, выглядевшую как те, что используют для пожарной сигнализации, и размещенную на потолке в прихожей. Каждую секунду она делала снимки. Лисбет открутила последовательность обратно, до нуля, то есть до того момента, когда открылась дверь и сработала сигнализация. Ее лицо медленно расплывалось в лукавой улыбке, пока она наблюдала, как Микаэль Блумквист в течение почти полминуты дрыгался в безмолвной пантомиме, как, наконец, не набрал код и затем не привалился к дверному

косяку с таким выражением лица, будто только что избежал инфаркта.

«Чертов Калле Блумквист выследил меня», – поняла Лисбет.

Он подобрал ключи, которые она выронила на Лундагатан. «Хитрюга, он помнил, что WASP был моим псевдонимом в Сети», – подумала она. Раз он нашел квартиру, значит, знает и то, что ее владельцем является предприятие «Уосп энтерпрайзис».

Пока она наблюдала за Микаэлем, он уже успел уйти из прихожей и исчезнуть из поля зрения объектива камеры.

«Вот черт. Как же я так опростоволосилась и оказалась предсказуемой? И зачем же я оставила все… Теперь Блумквист сунет свой нос во все мои тайны», – подумала Лисбет.

Но, подумав еще немного, она решила, что теперь это уже не имеет значения. Главное – она стерла всё с жесткого диска. Может быть, это даже к лучшему, что именно Микаэль Блумквист нашел ее укрытие. В конце концов, он и так уже знал о ней больше тайн, чем кто-либо другой. Братец Умник сделает все как надо. Ее он не выдаст – она ему доверяла. Лисбет завела двигатель и в задумчивости продолжила двигаться к Гётеборгу.

Приехав на работу в половине девятого, Малин Эрикссон нагнала Паоло Роберто, поднимавшегося по лестнице в редакцию «Миллениума». Она его сразу узнала, представилась и впустила в редакцию. Он заметно хромал. По запаху кофе можно было догадаться, что Эрика Бергер уже на рабочем месте.

– Здравствуйте. Спасибо, что сразу согласились меня принять, – обратился Паоло к Эрике.

Она окинула взглядом его лицо, разукрашенное немалым количеством синяков и шишек, затем приблизилась, поцеловала в щеку и посочувствовала:

– Выглядите хуже некуда.

– Ничего, нос ломать мне не впервой. А где у вас Блумквист?

– Бегает где-то, изображает сыщика, ищет связующие звенья… Как обычно, пообщаться с ним, когда надо, почти невозможно. Если не считать странного письма, присланного ночью по электронной почте, от него ни слова не слышно со вчерашнего утра. Спасибо огромное, что вы… Словом, спасибо. – Эрика кивком указала на его лицо.

Паоло Роберто засмеялся.

– Может быть, кофе? Вы сказали, что у вас есть что рассказать. Малин, подсаживайся.

Они устроились в удобных креслах в кабинете Эрики.

– Рассказать я хотел про того блондина, с которым дрался. Микаэлю я уже говорил, что боксер из того верзилы, как из меня балерина. Но, странное дело, в защитную стойку он вставал правильно, да и кружил так, словно двигается на ринге. В общем, чувствовалось, что какую-то подготовку он имеет.

– Микаэль упомянул об этом вчера по телефону, – сказала Малин.

– Я никак не мог отделаться от этого ощущения и вчера, придя к вечеру домой, сел за компьютер и послал письма в боксерские клубы чуть не по всей Европе. Я описал, что произошло, и обрисовал этого парня как можно подробнее.

– Ну и как?

– Кажется, подфартило.

Паоло положил на стол перед Эрикой и Малин снимок, присланный по факсу. Похоже, он был сделан в боксерском зале во время тренировки. Двое боксеров слушали инструкции немолодого располневшего мужчины в кожаном шлеме и тренировочном костюме. Еще с полдюжины мужчин сгрудились вокруг ринга. На заднем плане можно было различить крупного мужчину с коробкой в руках. Бритая голова делала его похожим на скинхеда. Именно он был обведен кружочком.

– Этому снимку семнадцать лет. Парень на заднем плане – Рональд Нидерман. Там ему восемнадцать лет, значит, сейчас ему около тридцати пяти. Все это согласуется с описанием верзилы, похитившего Мириам Ву. На сто процентов не могу гарантировать, что это он, ведь снимок старый и качество ужасное. Но мне кажется, сходство огромное.

– А откуда вам прислали снимок?

– Из клуба «Динамик» в Гамбурге. Тренер – ветеран по имени Ханс Мюнстер.

– Вот оно что.

– Рональд Нидерман выступал за этот клуб всего один год в конце восьмидесятых годов. Точнее, пытался выступать за клуб. Письмо я получил сегодня утром, а потом позвонил и поговорил с Мюнстером, прежде чем идти к вам. Короче говоря… Мюнстер рассказал, что Рональд Нидерман родом из Гамбурга, в восьмидесятых годах связался с бандой скинхедов. Его брат, на несколько лет старше, – очень способный боксер. Он-то и привел его в клуб. У Нидермана-великана жуткая сила, и физически он чуть ли не уникален. Мюнстер сказал, что никогда раньше не сталкивался с кем-либо, у кого бы был такой мощный удар, даже среди элиты боксеров. Они как-то раз замерили силу его удара, и им не хватило шкалы.

– Значит, он мог бы сделать карьеру боксера? – спросила Эрика.

Паоло Роберто покачал головой.

– Мюнстер рассказал, что тот совершенно не годился для ринга. Тому было несколько причин. Во-первых, он был просто необучаем: стоял как вкопанный и махал руками как попало. Во-вторых, он был фантастически неуклюж; то же самое можно сказать о парне, с которым я дрался в Нюкварне. Но самая большая проблема состояла в том, что он не умел соизмерять свою собственную силу. Время от времени он наносил своим противникам страшные травмы, даже во время обычных тренировочных боев. Результатом были сломанные носы, разбитые челюсти и масса всякого другого, совершенно необязательного. Они просто не могли держать его в клубе.

– Хоть и мог боксировать, а все же не получалось, – сказала Малин.

– Именно. Но непосредственная причина его удаления была чисто медицинская.

– Что же это такое?

– Этому парню было невозможно причинить боль. Сколько бы ему ни доставалось в ринге, он только отряхивался и снова лез в бой. Оказалось, что у него редчайшая болезнь, называется congenital analgesia.

– Congenital… что?

– Analgesia. Я уточнил. Это наследственное генетическое отклонение, при котором передающая субстанция в нервных синапсах не функционирует как надо. Он не чувствует боли.

– Господи. Так для боксера это баснословная удача!

– Ничего подобного. Это, можно сказать, смертельно опасно. Большинство людей, страдающих нечувствительностью к боли, умирают сравнительно рано, в двадцать – двадцать пять лет. Боль – это сигнализация организма, сообщающая нам о том, что с нами что-то неладно. Если вы положите ладонь на раскаленную плиту, то почувствуете боль и быстро уберете руку. А при этой болезни вы ничего не заметите, пока не запахнет жареным.

Малин и Эрика переглянулись.

– Так это кроме шуток?

– Абсолютно. Рональд Нидерман не способен ничего чувствовать, как будто находится круглые сутки под местным наркозом. Он выживает потому, что этот недостаток компенсируется другим генетическим даром. У него поразительные физические данные и чрезвычайно крепкий костяк, что делает его практически неуязвимым. Его природная сила чуть ли не уникальна. И у него отличная заживляемость ран.

– Как я погляжу, матч у вас был интересный…

– Еще бы. Не хотелось бы такое повторить. Единственное, что возымело хоть какое-то действие, был удар в пах, который ему нанесла Мириам Ву. На секунду Нидерман даже свалился на колени… Может быть, это произошло потому, что с ударом в такую область связана определенная моторика. Боли он наверняка и тут не почувствовал. Уверяю вас, если бы она мне так засадила, я бы упал замертво.

– Но как вам все же удалось его победить?

– Люди с такой болезнью, как у него, получают травмы наравне со всеми остальными. Пусть этот Нидерман сделан хоть из бетона, но когда я саданул его доской по голове, он упал на пол. Возможно, получил сотрясение мозга.

Эрика бросила взгляд на Малин.

– Пойду позвоню Микаэлю, – сказала та.

Блумквист услышал звонок мобильника, но был так возбужден, что взял трубку лишь на пятый сигнал.

– Это Малин. Похоже, что Паоло Роберто узнал, кто этот верзила-блондин.

– Хорошо, – рассеянно ответил Микаэль.

– Ты сейчас где?

– Трудно объяснить.

– Голос у тебя немного странный.

– Извини, что ты сказала?

Малин коротко пересказала информацию, полученную от Паоло Роберто.

– Отлично. Попробуй теперь поискать его в разных регистрах. Мне кажется, дело не терпит отлагательств. Звони мне на мобильник.

И Блумквист закончил разговор не попрощавшись, что несколько озадачило Малин.

В этот момент Микаэль стоял у окна и поражался виду, открывавшемуся на Старый город и дальше на Сальтшё. Он был ошеломлен, почти растерян. Начав осмотр квартиры Лисбет Саландер, Блумквист увидел сначала кухню, вход в которую располагался справа. Затем шли гостиная, кабинет, спальня и небольшая комната для гостей. Похоже, ее еще ни разу не использовали: матрас так и лежал в пластиковой упаковке, простыни не постелены. Вся мебель была новой, прямо из магазина «ИКЕА».

Но не это поражало.

Микаэля потрясло то, что Лисбет Саландер купила бывшую квартиру известного промышленника Перси Барневика стоимостью двадцать пять миллионов и площадью триста пятьдесят квадратных метров.

Он бродил по пустынным коридорам и залам, словно предназначенным для того, чтобы их населили привидения, с наборным паркетом из разных сортов дерева и обоями «Триша Гильд», такими, о которых Эрика Бергер говорила, восторженно закатывая глаза. В центре квартиры была великолепная светлая гостиная с камином, по-видимому ни разу не разжигавшимся Лисбет Саландер. С огромного балкона открывался ни с чем не сравнимый вид. В квартире имелись комната для стирки, сауна, гимнастический зал, кладовка и ванная комната с ванной королевских размеров. Был и винный погреб, но почти пустой, если не считать единственную – неоткупоренную – бутылку портвейна «Кинта до Наваль» урожая 1976 года. Лисбет Саландер с бокалом портвейна в руке – такое Микаэлю было трудно себе представить. Приложенная к бутылке карточка объясняла, что это подарок маклера в связи с новосельем.

Кухня была напичкана всеми мыслимыми приспособлениями, включая блестевшую чистотой газовую плиту с духовкой, марки «Корради Шато 120», о которой Микаэль никогда не слыхал и на которой Лисбет Саландер, скорее всего, кипятила чайник.

Зато на кофеварку для приготовления эспрессо, стоявшую отдельно, он посмотрел с особым уважением. Это была кофемашина марки «Jura Impressa X7» в комплекте с охладителем молока. Похоже, что кофеваркой тоже не пользовались и она стояла на кухне с момента въезда Лисбет в квартиру. Микаэль знал, что для любителей эспрессо «Jura» все равно что «Роллс-Ройс» для автомобилистов: аппарат профессионалов для дома ценой почти семьдесят тысяч крон. Его собственная кофемашина, намного скромнее, была куплена за три с половиной тысячи крон в магазине «Джон Волл». Ее он считал одной из своих самых экстравагантных покупок для дома.

В холодильнике хранились открытый пакет молока, сыр, сливочное масло, икра и полбанки соленых огурцов. В кухонном шкафу Микаэль обнаружил четыре полупустые баночки с витаминами, чай в пакетиках, кофе для обычной второсортной кофеварки, стоявшей поблизости, два батона и пакет сухарей. На кухонном столе Блумквист увидел корзину с яблоками. В морозилке лежали полуфабрикатные рыбная запеканка и пирог с ветчиной. Вот и все продукты, что Микаэль нашел в квартире. В мусорном ведре под раковиной рядом с плитой для гурманов он увидел

несколько картонок из-под пиццы «Билли Пен».

Сплошные противоречия. Украв несколько миллиардов, Лисбет обзавелась квартирой, в которой хватило бы места королевскому двору, но она обставила и использовала лишь три комнаты, а остальные восемнадцать пустовали.

Микаэль закончил обход квартиры в кабинете. Он не увидел в квартире ни цветка, ни картин или постеров на стенах, ни ковров, ни безделушек. Во всей квартире не нашлось ни вазочки, ни подсвечника, ни еще какой-нибудь ерундовины, купленной, чтобы создать в доме уют или просто из сентиментальных соображений.

Сердце у Микаэля сжалось. Как бы хотелось ему сейчас найти Лисбет Саландер и прижать к себе!

Но, если бы он попробовал так сделать, она, возможно, укусила бы его в ответ.

«Проклятый Залаченко», – подумал Микаэль.

Он сел за ее письменный стол и открыл папку с расследованием Бьёрка, сделанным в 1991 году. Все подряд не читал, многое пробежал глазами и попытался подвести итог прочитанному.

Затем Блумквист открыл ее ноутбук с семнадцатидюймовым экраном, жестким диском на двести гигабайт и оперативной памятью на один гигабайт. Компьютер был пуст. Лисбет все вычистила, и это было не к добру.

Выдвигая ящики ее письменного стола, Микаэль тут же нашел девятимиллиметровый «Кольт M1911» и полный магазин с семью патронами. Это был пистолет, позаимствованный Лисбет Саландер у журналиста Пера-Оке Сандстрёма. Микаэль ничего об этом не знал, он еще не дошел до буквы С в списке клиентов проституток.

Вслед за тем он обнаружил компакт-диск, надписанный «Бьюрман».

Засунув его в свой ноутбук, Микаэль с ужасом увидел содержимое записи. Каким шоком для него было видеть, что Лисбет Саландер избивают, насилуют, чуть не убивают! Фильм, безусловно, снимали скрытой камерой. Блумквист не стал смотреть его от начала до конца, а перескакивал от куска к куску, и каждый следующий был не лучше предыдущего.

Бьюрман.

Опекун Лисбет Саландер насиловал ее, и она зафиксировала это до мельчайших подробностей. Электронная датировка на видеозаписи показывала, что дело происходило два года назад, то есть еще до того, как

Микаэль познакомился с нею. Несколько кусочков пазла легли на место.

Знакомство Бьёрка и Бьюрмана с Залаченко – 70-е годы.

Залаченко и Лисбер Саландер с ее коктейлем Молотова в пакете из-под молока – начало 90-х годов.

Потом снова Бьюрман, ее опекун после Хольгера Пальмгрена. Круг замкнулся. Адвокат набросился на опекаемую, думая, что она – психически больная и беззащитная девушка, но Лисбет Саландер отнюдь не была беззащитной. Это была та самая девушка, что в двенадцать лет бросила вызов профессиональному убийце, бежавшему от ГРУ, и сделала его инвалидом на всю жизнь.

Лисбет Саландер была женщиной, ненавидевшей мужчин, которые ненавидят женщин.

Микаэль вернулся мыслями к тому времени, когда познакомился с нею в Хедестаде. Должно быть, это произошло несколько месяцев спустя после того, как она была изнасилована. Он не мог припомнить ни одного слова, которое служило бы намеком на случившееся. Лисбет вообще очень мало раскрывалась. Микаэль даже представить себе не мог, что она сделала с Бьюрманом, но она не убивала его, это точно. «Поразительно», – подумал он. А то быть бы Бьюрману убитым уже два года назад. Так или иначе, она его контролировала, но с какой целью, Микаэль не понимал. И тут до него дошло, что же было инструментом ее контроля: то самое, что лежало сейчас перед ним на столе, – компакт-диск. Пока запись была у Лисбет, Бьюрман оставался ее беспомощным рабом. И потому он обратился к тому, кого числил своим союзником, – Залаченко. К ее злейшему врагу. Ее отцу.

Последовала цепь событий: сначала был застрелен Бьюрман, а потом – Даг Свенсон и Миа Бергман.

Но почему? Что превратило Дага Свенссона в источник угрозы?

И тут вдруг Микаэль понял, что, должно быть, произошло в Эншеде.

Случайно он увидел клочок бумаги на полу под подоконником. Лисбет распечатала одну страницу, потом скомкала ее и метнула в окно. Расправив бумагу, Микаэль увидел, что это страница из интернет-выпуска газеты «Афтонбладет» о похищении Мириам Ву.

Микаэль не знал, какую роль сыграла Мириам в ключевых событиях, если сыграла ее вообще, но она была одной из немногих друзей Лисбет. А может, и единственный. Лисбет отдала ей свою старую квартиру, а та теперь лежит с травмами в больнице.

Нидерман и Залаченко.

Лисбет, наверное, с ума сходит от ненависти к ним: сначала мать,

теперь Мириам Ву.

Ей бросили вызов.

Теперь она начала преследование.

Во время ланча Драгану Арманскому позвонили из реабилитационного центра в Ерште. Он ожидал, что Хольгер Пальмгрен позвонит намного раньше, и сам не хотел звонить ему первым: боялся говорить, что Лисбет Саландер, без сомнения, виновна. Теперь он уже, во всяком случае, мог бы сказать, что есть серьезные сомнения в ее виновности.

– Далеко вы продвинулись? – спросил Пальмгрен, не утруждая себя вводными любезностями.

– В чем? – спросил Арманский.

– В вашем расследовании относительно Саландер.

– А с чего вы решили, что я веду такое расследование?

– Не тратьте попусту мое время.

Арманский вздохнул.

– Будь по-вашему.

– Я хочу, чтобы вы ко мне приехали, – попросил Хольгер Пальмгрен.

– Хорошо. Я могу заехать на выходных.

– Это не годится. Я хочу, чтобы вы приехали сегодня вечером. Нам нужно о многом поговорить.

На кухне у Лисбет Микаэль сварил кофе и сделал бутерброды. В нем еще теплилась надежда, что он вдруг услышит, как бренчат ее ключи, открывая дверь. Но надежда эта была призрачной. Стертый жесткий диск в ее компьютере свидетельствовал о том, что она покинула свое прибежище навсегда. Слишком поздно он нашел ее адрес.

Было уже половина третьего, а Микаэль все еще сидел за письменным столом Лисбет. Псевдозаключение Бьёрка о расследовании он прочел уже три раза. По форме оно выглядело как личный отчет непоименованному начальнику. Бьёрк давал простые рекомендации: найти прирученного психиатра, который мог бы на пару лет засадить Саландер в детскую психушку. Девчонка, как ни крути, психически ненормальная, о чем свидетельствует все ее поведение.

В ближайшем будущем Бьёрку и Телеборьяну надо будет уделить пристальное внимание. У Микаэля руки чесались заняться ими. Но тут запищал мобильник, прервав ход его мыслей.

– Привет. Это опять я, Малин. Я, кажется, что-то нашла.

– Что?

– В переписи населения Швеции Рональда Нидермана нет. Его также нет в телефонном каталоге, налоговом регистре, регистре водителей автомобилей и тому подобном.

– Ну?

– Слушай! В 1998 году в патентном бюро зарегистрировано акционерное общество, называется «КАБ импорт АО», у которого есть почтовый ящик в Гётеборге. Они занимаются импортом электроники. Председатель правления – Карл Аксель Бодин, то есть КАБ, он сорок первого года рождения.

– Ну и что?

– Слушай дальше. Правление состоит из ревизора, который сидит также еще в дюжине акционерных обществ, где тоже занимается бухгалтерией. Типа подставное лицо для работы с мелкими компаниями. Короче, оказывается, это предприятие практически ничем не занято с момента его регистрации.

– Так.

– А третий член правления – человек по имени Р. Нидерман. Есть его год рождения, но больше о нем – ничего. У него нет шведского номера идентификации. Он родился 18 февраля 1970 года и числится представителем фирмы на немецком рынке.

– Отлично, Малин. Просто здорово. А есть какой-нибудь адрес, кроме почтового ящика?

– Нет, но я проследила за Карлом Акселем Бодином. Как налогоплательщик, он зарегистрирован в Западной Швеции, и его адресом является почтовый ящик 612 в Госсеберге. Я проверила и выяснила, что это деревенская усадьба возле Носсебру к северо-востоку от Гётеборга.

– А что про него известно?

– Два года назад он задекларировал доход в двести шестьдесят тысяч крон. Наш друг в полиции посмотрел полицейский регистр. Его в нем нет. У него есть лицензия на оружие: крупнокалиберное охотничье ружье и дробовик. В его распоряжении две машины: «Форд» и «Сааб», обе старые. Долгов за ним не зарегистрировано, он не женат и квалифицируется как землевладелец.

– Ничем не примечательный человек, к которому у закона нет претензий…

Микаэль задумался. Ему нужно было на что-то решиться.

– Слушай, Микаэль, тебе несколько раз звонил Драган Арманский из «Милтон секьюрити».

– Ладно. Спасибо, Малин. Я тебе перезвоню.

– Микаэль… ты там в порядке?

– Нет, не в порядке. Позже позвоню.

Блумквист понимал, что в данном случае не прав. Как дисциплинированный член общества, он должен был бы позвонить сейчас инспектору Бублански. Но, поступив так, Микаэль должен был бы либо рассказать всю правду о Лисбет Саландер, либо застрять где-то между полуправдой и недомолвками. Однако это была не самая серьезная проблема.

Лисбет Саландер занялась охотой на Нидермана и Залаченко. Как далеко она в этом продвинулась, Микаэль не знал. Но если они с Малин уже вышли на информацию о почтовом ящике 612 в Госсеберге, то и Лисбет Саландер могла это сделать. Значит, велик шанс, что она по дороге в Госсебергу, – это наиболее естественно.

Если бы Микаэль позвонил в полицию и рассказал, где прячется Нидерман, он был бы вынужден также сообщить, что и Лисбет Саландер, вероятно, на пути туда. Ее разыскивали по подозрению в трех убийствах и в связи с выстрелом в Сталлархольмене. Это значит, что для того, чтобы схватить ее, будет задействован спецназ или что-то в этом роде.

А Лисбет Саландер без борьбы не сдается.

Микаэль достал бумагу, ручку и написал список того, что не мог или не хотел сообщать полиции.

Первым пунктом он написал «адрес».

Лисбет потратила много усилий на то, чтобы устроить себе тайное укрытие. Здесь была ее жизнь, ее тайны, и он не хотел ее выдавать.

Затем Микаэль написал «Бьюрман» со знаком вопроса.

Он бросил взгляд на компакт-диск перед собой. Бьюрман насиловал Лисбет, чуть не убил ее, по-свински злоупотребив своей ролью опекуна. В этом не было сомнения. Такую скотину, как он, нужно выводить на чистую воду. Но тут возникала этическая проблема. Лисбет не заявляла о нем в полицию. Захочет ли она, чтобы ее имя опять трепали журналисты в связи с расследованием, в котором самые интимные детали «сливаются» уже через несколько часов после их появления? Такого она ему никогда не простила бы. Компакт-диск был вещественным доказательством, и кадры из него великолепно подошли бы для таблоидов.

Подумав, Микаэль принял решение: Лисбет сама должна сделать выбор в отношении того, как ей поступить. Но если ему удалось докопаться до ее квартиры, то и полиция рано или поздно ее обнаружит. Поэтому Микаэль положил диск в футляр и убрал к себе в сумку.

Следующим он написал «рапорт о расследовании Бьёрка». Этот рапорт

от 1991 года имел гриф секретности. Именно он проливал свет на все происшедшее. В нем фигурировал Залаченко, объяснялась роль Бьёрка. В дополнение к списку секс-клиентов из компьютера Дага Свенссона, это гарантировало Бьёрку несколько мучительных часов на допросах у Бублански. Благодаря его переписке с Петером Телеборьяном последний тоже оказывался весь в грязи.

Папка приведет в полицию в Госсебергу… но у него будет хотя бы несколько часов форы.

Наконец Микаэль запустил у себя в компьютере программу «Ворд» и записал по пунктам основные факты, почерпнутые за последние сутки из бесед с Бьёрком и Пальмгреном, а также из материала, найденного у Лисбет. Эта работа заняла у него почти час. Он скинул этот документ на тот же компакт-диск, на котором уже были результаты его собственного расследования.

Блумквист задумался, не позвонить ли Драгану Арманскому, но решил этого не делать. У него и так столько информации – только успевай ею пользоваться.

Микаэль заехал в редакцию «Миллениума» и закрылся с Эрикой Бергер в ее кабинете.

– Его зовут Залаченко, – начал он с порога. – Это бывший советский наемный убийца из их разведслужбы. В 1976 году он стал перебежчиком, получил право жительства в Швеции и зарплату от Службы безопасности. После развала Советского Союза он, как и многие другие, стал стопроцентным бандитом, занимаясь оружием, наркотиками и трафикингом.

Эрика Бергер положила ручку на стол.

– Ясно. Почему-то меня ничуть не удивляет, что здесь замешан КГБ.

– Не КГБ, а ГРУ – военная разведка.

– Да, это серьезно.

Микаэль кивнул.

– Ты хочешь сказать, что это он убил Дага и Мию?

– Не он лично. Он послал другого, Рональда Нидермана. Информацию о нем раскопала Малин.

– И ты можешь это доказать?

– Более или менее… да, кое-что… только догадки. Бьюрман был убит, потому что попросил Залаченко покончить с Лисбет.

Затем Микаэль рассказал, что нашел видеозапись в письменном столе Лисбет.

– Залаченко – ее отец. Бьюрман был в штате Службы безопасности в середине семидесятых годов и оказался одним из тех, кто опекал Залаченко, когда тот переметнулся. Затем он стал адвокатом и негодяем, каких мало. Кроме того, он оказывал услуги узкому кругу сотрудников Службы безопасности. Не удивлюсь, если у них существует узкая обособленная группа, время от времени встречающаяся где-нибудь в сауне, чтобы обсуждать, как править миром и держать в тайне существование Залаченко. Мне думается, остальные в Службе безопасности даже не слышали о таком парне. А Лисбет угрожала эту тайну выдать, и тогда ее засадили в детскую психушку.

– Это просто невозможно!

– Еще как возможно. Тут сыграли роль многие обстоятельства, а Лисбет не была слишком уживчивой – ни тогда, ни сейчас. С двенадцати лет она уже представляла угрозу для государственной безопасности.

Он кратко изложил ее историю.

– Во все эти детали еще надо вникнуть, – заметила Эрика. – А Даг и Миа…

– Убиты потому, что Даг обнаружил связь между Бьюрманом и Залаченко.

– Что же делать теперь? Это ведь надо рассказать полиции?

– Частично, но не все. На всякий случай я записал самую важную информацию на вот этот диск. Лисбет уже преследует Залаченко. Попробую ее найти. То, что на этом диске, никому не должно быть известно.

– Микаэль… мне это не по душе. Мы не должны утаивать информацию, важную для расследования убийств.

– Утаивать мы ничего не будем. Я собираюсь позвонить Бублански. Но думаю, что Лисбет уже на пути в Госсебергу. Она объявлена в розыск по подозрению в тройном убийстве, и если мы позвоним в полицию, они направят за ней спецназ, вооруженный и экипированный по полной программе. Велик риск, что она окажет сопротивление, и тогда жди наихудшего.

Он умолк и невесело ухмыльнулся.

– Так или иначе, полиция не должна ничего знать, чтобы спецназ не понес слишком больших потерь. Сначала я должен найти ее.

Казалось, Эрика колебалась.

– Я не собираюсь раскрывать полиции тайны Лисбет. Пусть Бублански сам до них доискивается. А к тебе у меня есть просьба. В этой папке лежит рапорт Бьёрка о расследовании 1991 года и часть переписки Бьёрка с

Телеборьяном. Я хочу, чтобы ты скопировала их и передала Бублански или Мудиг. А сам я через двадцать минут отправляюсь в Гётеборг.

– Микаэль…

– Знаю. Но в этом поединке я хочу держать сторону Лисбет – от начала до конца.

Бергер поджала губы и промолчала, а затем кивнула. Микаэль пошел к двери.

– Будь осторожен! – крикнула ему вслед Эрика, но он уже исчез.

Она подумала, что надо бы ей было поехать с ним. Это был бы единственный достойный шаг для нее. Но она до сих пор так и не рассказала ему, что собирается покинуть «Миллениум» и все, что было, для нее уже в прошлом. Прихватив папку, Эрика пошла к копировальной машине.

Почтовый ящик находился в отделении связи, располагавшемся в торговом центре. Лисбет Гётеборг не знала, как и куда ехать, не представляла, но все же почтовое отделение нашла. Сама она расположилась в кафе, откуда почтовый ящик был виден ей в щель между оконным стеклом и рекламным щитом новой шведской почтовой системы: «Почтовые услуги через кассиршу в магазине».

Ирене Нессер обходилась меньшим количеством косметики, чем Лисбет Саландер. На шее у нее висели какие-то дурацкие бусы, и она читала том «Преступления и наказания», купленный в книжном магазинчике в соседнем квартале. Этому занятию она предавалась неспешно, время от времени переворачивая страницы. Она приступила к наблюдению во время ланча и не представляла себе, когда ящик обычно опустошают, происходит ли это ежедневно или раз в две недели, не забрали ли корреспонденцию уже сегодня утром, или за ней еще придут. Но в ее распоряжении это был единственный след. Теперь она пила кофе с молоком и ждала.

Лисбет чуть было не задремала с открытыми глазами, как вдруг заметила, что дверцу ящика открывают. Она покосилась на часы: без четверти два. Как говорится, «дуракам везет».

Она быстро встала и подошла к окну, сквозь которое увидела, как мужчина в черной кожаной куртке выходит из закутка с почтовыми ящиками. Она догнала его уже на улице. Это был худощавый молодой человек лет двадцати. Зайдя за угол, он открыл дверцу стоявшего там «Рено». Запомнив номер машины, Лисбет бросилась к «Королле», оставленной ею в сотне метров на той же улице. Она практически нагнала

его, когда он свернул на улицу Линнегатан, и продолжала ехать за ним по главной улице города в сторону Нордстана.

Микаэль Блумквист успел на поезд Х2000, отправлявшийся в 17.10, в последний момент. Билет он купил уже в вагоне у кондуктора, заплатив кредитной карточкой, потом сел в пустом вагоне-ресторане и заказал поздний ланч.

Микаэль чувствовал, как от тревоги у него сосет под ложечкой: он беспокоился, что уже поздно. Он хотел бы надеяться, что Лисбет Саландер ему позвонит, но знал, что этого не произойдет.

Она попыталась убить Залаченко в 1991 году – и вот теперь, после стольких лет, он решил нанести ответный удар.

Хольгер Пальмгрен сделал правильный анализ ее характера. У Лисбет Саландер накопился немалый практический опыт, подсказывавший ей, что к властям нет смысла обращаться за помощью.

Микаэль бросил взгляд на свою компьютерную сумку. Он прихватил с собой «кольт», который нашел в письменном столе Лисбет. Он и сам не знал, зачем его взял, но чутье подсказывало ему, что оставлять оружие в ее квартире не стоит. Сейчас Микаэль подумал, что это решение не вполне логично.

Когда поезд въехал на мост Орштабру, Блумквист набрал телефон Бублански на мобильнике.

– Что вам нужно? – недовольно спросил инспектор.

– Положить конец, – ответил Микаэль.

– Чему?

– Всей этой истории. Хотите узнать, кто убил Дага с Миа и Бьюрмана?

– Если у вас есть информация, то хочу.

– Убийцу зовут Рональд Нидерман. Это тот самый верзила-блондин, что дрался с Паоло Роберто. Он немецкий гражданин тридцати пяти лет, подвизавшийся работать на мерзавца по имени Александр Залаченко, известного как Зала.

Бублански помолчал, а потом громко вздохнул. Микаэлю было слышно, как он перевернул лист бумаги и щелкнул шариковой ручкой.

– Вы в этом уверены?

– Да.

– Ладно. И где находятся Нидерман и этот Залаченко?

– Я еще не знаю. Но как только выясню, извещу. Вскоре к вам придет Эрика Бергер, принесет рапорт полицейского расследования 1991 года. Как только снимет копию. Там вы найдете важную информацию о Залаченко и

Лисбет Саландер.

– Что вы имеете в виду?

– Залаченко – отец Лисбет. Он перебежчик, русский наемный убийца времен холодной войны.

– Русский наемный убийца? – вторил как эхо Бублански с сомнением в голосе.

– Некая группировка из Службы безопасности прикрывала его – и покрывала, когда он совершал преступления.

Микаэль слышал, как Бублански подвинул стул и уселся.

– Я думаю, будет лучше, если вы явитесь и дадите официальные показания.

– Извините. Мне некогда.

– Что?

– Я сейчас не в Стокгольме, но дам о себе знать, как только найду Залаченко.

– Блумквист… Не надо вам ничего мне доказывать. Я и сам сомневаюсь, что это всё совершила Саландер.

– Хотелось бы напомнить, что я всего лишь простой частный сыщик, ничего не смыслящий в полицейской работе.

Микаэль сознавал, что это ребячество, но оборвал разговор, не договорив, и позвонил Аннике Джаннини.

– Привет, сестренка.

– Привет. Что нового?

– Много чего. Мне завтра, вероятно, понадобится хороший адвокат.

Анника вздохнула.

– А что ты натворил?

– Пока – ничего особенного, но меня могут задержать в связи с противодействием полицейскому расследованию или чем-то похожим, противоправным. Но я звоню тебе не поэтому. Ты все равно не сможешь представлять мои интересы.

– Это почему же?

– Потому что я хочу, чтобы ты взяла на себя обязанности адвоката Лисбет Саландер, а ты не сможешь защищать и ее, и меня.

Микаэль кратко изложил, о чем идет речь. Анника хранила суровое молчание.

– И у тебя есть документы, подтверждающие?.. – спросила наконец она.

– Да, есть.

– Мне нужно подумать. Лисбет потребуется адвокат по уголовным

делам…

– Ты превосходно подойдешь.

– Микаэль…

– Слушай, сестренка, это не ты недавно дулась как мышь на крупу, когда я нуждался в помощи и не позвал тебя?

Когда они закончили разговор, Микаэль задумался, потом снова взялся за мобильник и позвонил Хольгеру Пальмгрену. Особой причины для этого у него не было, но он считал, что старика на излечении все равно надо проинформировать, что он, Микаэль, идет по следу и надеется, что вся эта история сможет завершиться в ближайшие часы.

Однако была и еще одна проблема: Лисбет Саландер тоже шла по следу.

Лисбет протянула руку, чтобы вытащить яблоко из рюкзака, не отрывая взгляда от усадьбы. Она лежала плашмя на краю лесочка, подстелив под себя коврик из «Короллы». Девушка переоделась в зеленые непродуваемые брюки с карманами на бедрах, толстый свитер и непромокаемую куртку на утепленной подкладке.

Госсеберга лежала метрах в четырехстах от шоссе и состояла из двух строений. Главная усадьба стояла примерно в ста двадцати метрах от нее. Это был простой белый деревянный дом в два этажа с пристройкой. Вторым был скотный двор, метрах в семидесяти от жилья. Сквозь дверь скотного двора виднелся капот светлого автомобиля. Возможно, белый «Вольво», но расстояние не позволяло сказать наверняка.

По правую руку, между нею и домом, раскинулось глинистое поле, простиравшееся метров на двести и спускавшееся к небольшому озерцу. Подъездная дорога пересекала поле и исчезала в перелеске на пути к шоссе. На въезде стоял еще один дом, с виду необитаемый, окна его были плотно занавешены. К северу от этого домика виднелся лесок, полностью заслоняющий его от ближайших соседей – кучки домов, метрах в шестистах оттуда. Значит, усадьба перед ней относительно изолирована.

Лисбет находилась неподалеку от озера Антен. Местность была холмистая, пашни перемежались поселочками и небольшими перелесками. Выехав из Гётеборга по шоссе Е20, Лисбет следовала за черным «Рено», свернув сначала на запад, по направлению к Солленбрунну и Алингсосу. Проехав минут сорок, машина вдруг свернула на лесную дорогу с указателем на Госсебергу. Лисбет оставила машину в лесочке за каким-то сараем метрах в ста к северу от поворота и пошла дальше пешком.

Она никогда не слышала о Госсеберге, но, похоже, это название

относилось к жилому дому и скотному двору перед нею. По дороге она прошла мимо почтового ящика. На нем стояло «ПЯ 192 – К.А. Бодин». Это имя ей ничего не говорило.

Обойдя дом по большому полукругу, Лисбет тщательно выбрала себе место для наблюдения. Вечернее солнце было у нее за спиной. С тех пор как она появилась здесь в половине четвертого, ничего не происходило. В четыре часа из дома вышел водитель «Рено». В дверях он обменялся парой слов с кем-то, кого она не могла видеть, затем уехал и больше не возвращался. В остальном никакого движения не наблюдалось. Лисбет терпеливо ждала, во все глаза наблюдая за домом через маленький бинокль «Минолта» с восьмикратным увеличением.

Микаэль Блумквист раздраженно барабанил пальцами по столику в вагоне-ресторане. Состав X2000 стоял в Катринехольме уже почти час из-за какой-то таинственной поломки вагона, которую, согласно радио в поезде, должны были вот-вот исправить. Последовало извинение за задержку.

Микаэль нервно вздохнул и сходил за добавкой кофе. Лишь спустя пятнадцать минут поезд, дернувшись, тронулся. Он посмотрел на часы. Было восемь.

Лучше бы полетел самолетом или взял в аренду машину.

Ощущение, что он опоздал, все усиливалось.

Около шести вечера зажглась лампа в одной из комнат нижнего этажа, а вскоре – и наружный фонарь. Внутри дома, справа от входа – там, где, как казалось Лисбет, была кухня, – двигались тени, но лиц ей не удавалось раглядеть.

Вдруг открылась наружная дверь, и на пороге показался верзила-блондин по имени Рональд Нидерман. Он был в темных брюках и свитере, сидящем в обтяжку и подчеркивающем его мускулы. Лисбет кивнула сама себе, получив наконец подтверждение, что приехала в нужное место. В который раз она отметила, что Нидерман действительно здоров как буйвол. И все же, как и другие, он был из плоти и крови, как бы тяжело ни досталось от него Паоло Роберто и Мириам Ву. Нидерман прошелся вокруг дома и зашел на скотный двор, где стояла машина. Пробыв там несколько минут, он появился, держа в руках борсетку, и вернулся в дом.

Но уже через несколько минут Нидерман снова вышел. Вместе с ним был худощавый пожилой мужчина невысокого роста, прихрамывающий и опиравшийся на локтевой костыль. Было слишком темно, чтобы разглядеть черты его лица, но Лисбет почувствовала, как по спине пробежал холодок.

«Па-а-а-поч-ка-а, я зде-е-сь».

Она наблюдала, как Залаченко с Нидерманом прогуливались по подъездной дороге. Затем остановились у пристройки для дров, и Нидерман выбрал несколько поленьев. Затем они зашли обратно в дом и закрыли дверь.

После их ухода Лисбет полежала еще несколько минут, потом опустила бинокль, отползла метров десять и спряталась за деревьями. Открыла рюкзак, вынула термос, налила черный кофе, закинула в рот кусочек сахара и начала его сосать. Затем съела бутерброд с сыром, завернутый в пластиковую пленку, купленный сегодня на заправке по дороге из Гётеборга, и задумалась.

Покончив с едой, она достала из рюкзака польский Р-83 «Ванад», принадлежавший Сонни Ниеминену. Вынув магазин, проверила, не заблокировано ли спусковое устройство или затвор, и сделала холостой выстрел. В магазине было шесть патронов калибра 9 миллиметров. Должно хватить. Лисбет вставила магазин обратно и дослала патрон в ствол, затем поставила пистолет на предохранитель и убрала в правый карман куртки.

Лисбет начала подкрадываться к дому кружным путем со стороны леса. Пройдя примерно сто пятьдесят метров, она вдруг застыла.

На полях своего экземпляра «Арифметики» Пьер Ферма написал каракулями: «Я нашел поистине чудесное доказательство, но эти поля слишком узки, чтобы его вместить».

Место квадрата занял куб, $x^3 + y^3 = z^3$, и математики потратили сотни лет, чтобы найти ответ на загадку Ферма. Эндрю Уайлс трудился над поисками решения этой загадки десять лет.

И тут Лисбет неожиданно поняла. Решение было ошеломляюще просто: игра цифр, становившихся в ряд и вдруг занявших место в простой формуле, наверняка воспринимавшейся как ребус.

У Ферма не было компьютера, а решение Эндрю Уайлса строилось на математике, которой не существовало во времена, когда Ферма сформулировал свою теорему. Ферма не мог бы предъявить такое доказательство, которое придумал Эндрю Уайлс. Решение Ферма, естественно, было совсем другим.

Лисбет была просто сражена и вынуждена была присесть на пень. Сосредоточив взгляд перед собой, она проверяла уравнение.

«Значит, вот что он имел в виду… А математики так мучились», – подумала Лисбет.

Потом она тихо прыснула от смеха: «У философа было бы больше

шансов решить эту загадку».

Хотелось бы ей познакомиться с Ферма.

Вот уж дерзкая бестия.

Вскоре Лисбет поднялась и начала подбираться лесом. Подойдя поближе, она остановилась, когда от дома ее отделял только скотный двор.

Глава 31

Четверг, 7 апреля

Лисбет Саландер проникла в помещение скотного двора через дверь-заслонку от деревянного сточного желоба. Никакой скотины там не было. Осмотревшись, она не увидела ничего, кроме трех автомобилей: белого «Вольво» из салона «Автоэксперт», старого «Форда» и чуть более нового «Сааба». Потом в глубине она рассмотрела покрытую ржавчиной борону и другие орудия, когда-то использовавшиеся в хозяйстве.

Стоя в темном помещении сарая, Лисбет следила за домом. Снаружи было темно, а во всех комнатах первого этажа горел свет. Она не видела там какого-либо движения, но ей казалось, что она заметила отблески телеэкрана. Взглянув на часы, увидела: 19.30. Значит, идет программа новостей «Раппорт».

Ее озадачил тот факт, что Залаченко решил поселиться в столь безлюдном месте. Это было не похоже на человека, которого она знала много лет назад. Вот уж не думала, что найдет его в сельской местности на крестьянском дворе в маленьком белом домике, а не в какой-нибудь пригородной вилле или на курорте за границей… Видно, за свою жизнь он нажил себе больше врагов, чем Лисбет Саландер. Ей казалось странным, что это место выглядит столь незащищенным. Возможно, в доме есть оружие.

После долгих сомнений она выскользнула со скотного двора наружу, в сумерки, легкими прыжками перебежала через двор и остановилась, прислонясь спиной к фасаду дома. До нее донеслись приглушенные звуки музыки. Стараясь ступать бесшумно, Лисбет обошла вокруг дома, пытаясь заглянуть в окна, но они находились слишком высоко для ее роста.

Вообще-то, эта диспозиция ей интуитивно не нравилась. Все первую половину жизни Лисбет прожила в постоянном страхе перед человеком, находившимся сейчас в доме. Вторая половина ее жизни, после неудачной попытки убить этого человека, прошла в ожидании того, когда она снова пересечется с ним. На этот раз ошибиться было нельзя. Каким бы старым калекой ни выглядел Залаченко, он был профессиональным убийцей, пережившим не один поединок.

Да еще придется принять во внимание Рональда Нидермана.

Лучше всего было бы застигнуть Залаченко снаружи, где-нибудь на дворе, где он был бы беззащитен. Никакого желания разговаривать с ним у

Лисбет не было, и вообще она отдала бы предпочтение винтовке с оптическим прицелом. Но винтовки не было, и Лисбет видела его только в течение тех коротких минут, когда Зала выходил к дровяному складу. Не похоже, чтобы он вдруг надумал выйти на вечернюю прогулку. Поэтому, если она хочет дождаться лучшего случая, придется ей ночевать в лесу. Спального мешка у нее с собой не было, а ведь, хотя вечер стоял теплый, ночь наверняка будет холодной. Теперь, когда он находился от нее в двух шагах, Лисбет боялась дать ему возможность снова ускользнуть. Она помнила о Мириам Ву и своей маме.

Лисбет закусила нижнюю губу. Надо как-то проникнуть в дом, хотя это худший из вариантов. Конечно, можно постучать в дверь и выстрелить в тот момент, когда ей откроет один из них, а потом уже войти в дом и отыскать второго. Но значит, тот уже будет предупрежден – и, скорее всего, вооружен. «Анализ последствий. Какие еще есть возможности?» – проносилось у нее в голове.

Вдруг Лисбет увидела силуэт профиля Нидермана, прошедшего мимо окна всего в нескольких метрах от нее. Он смотрел через плечо, разговаривая с кем-то в комнате.

Оба находились в комнате слева от входа.

Лисбет решилась. Вынув пистолет из кармана, сняла его с предохранителя и беззвучно поднялась на крыльцо. Она держала пистолет в левой руке, а правой не спеша нажимала на ручку входной двери. Та оказалась не заперта. Лисбет сдвинула брови и замешкалась. Странно: в двери было два замка – и оба открыты. Залаченко не должен был оставлять дверь незапертой. По ее шее побежали мурашки.

Тут что-то не так.

В прихожей царил полный мрак. Справа угадывалась лестница наверх. Можно было различить две двери: одна находилась прямо по курсу, другая – слева. Сквозь щель над дверью виднелась полоска света. Лисбет прислушивалась, неподвижно застыв. Вдруг из комнаты слева послышался голос и звук отодвигаемого стула.

Она сделала два решительных шага, рванула дверь и направила пистолет на… пустую комнату.

Лисбет различила шорох одежды у себя за спиной и мгновенно, как змея, обернулась. В тот самый момент, когда она попыталась прицелиться, громадная лапища Рональда Нидермана обхватила ее горло железным обручем; другой рукой он вцепился в ее руку, державшую оружие. Сомкнув пальцы на шее девушки, гигант приподнял ее вверх, как куклу.

Секунду Лисбет молотила ногами в воздухе, потом развернулась и нацелилась Нидерману в пах. Промахнувшись, она заехала ему по бедру. У нее было такое чувство, что она ударила ногой в ствол дерева. Он сдавил ей горло, в глазах у нее потемнело, и она выронила оружие.

«Черт возьми!» – пронеслось в ее голове.

Затем Рональд Нидерман отбросил ее в комнату. Лисбет с грохотом приземлилась на диван и скатилась на пол. Она чувствовала, как кровь приливает к голове, и, качаясь, поднялась на ноги. Заметив на столе тяжелую треугольную пепельницу из стекла, тут же схватила ее и размахнулась. Но Нидерману удалось перехватить ее замах. Сунув свободную руку в левый наружный карман брюк, Лисбет вытащила электрошокер, обернулась и направила его Нидерману в пах.

Лисбет почувствовала сильный удар тока, дошедший до нее через руку, которую все еще сжимал Нидерман. Она ожидала, что верзила упадет на пол от боли, а он лишь недоуменно посмотрел на нее сверху вниз. Глаза Лисбет Саландер удивленно округлились. Было ясно, что он испытал что-то неприятное, но полностью игнорировал боль. «Это какая-то патология», – подумала она.

Нидерман нагнулся, забрал у нее электрошокер и посмотрел на него все с тем же недоуменным выражением лица. Затем ударил ее ладонью по щеке. Было такое чувство, что ей врезали дубиной. Лисбет рухнула на пол перед диваном. Подняв голову, она встретилась взглядом с Рональдом Нидерманом. Тот с любопытством смотрел на нее, как будто прикидывал, что она теперь выкинет, – вроде кота, готовящегося поиграть со своей жертвой.

Уловив какое-то движение в проеме двери, ведущей в другую комнату, Лисбет повернула голову.

Он медленно вошел, опираясь на локтевой костыль, из-под штанины виднелся протез. Его левая рука заканчивалась искалеченным обрубком, на котором не хватало нескольких пальцев. Подняв взгляд, Лисбет рассмотрела его лицо. Вся левая половина, усеянная шрамами от ожогов, была словно сшита из лоскутов. От уха остался лишь небольшой огрызок, бровей не было. На голове лысина. Лисбет помнила его мужчиной атлетического сложения с темными вьющимися волосами. Теперь же он словно иссох, рост его был около 165 сантиметров.

– Здравствуй, папа, – еле слышно произнесла она.

Александр Залаченко безразлично взглянул на нее.

Рональд Нидерман зажег верхний свет. Он проверил, нет ли на ней больше оружия, похлопав по ее одежде, поставил на предохранитель ее Р-83 «Ванад» и вынул магазин. Залаченко, еле волоча ноги, прошел мимо, сел в кресло и включил телевизор пультом управления.

Взгляд Лисбет упал на телеэкран. Залаченко нажал на кнопку, и она вдруг увидела мерцающую зеленую картинку той части имения, что была за скотным двором, потом часть подъездной дороги. «Камера ночного наблюдения. Они знали, что я подъехала», – подумала она.

– Я уж думал, ты не решишься сунуть сюда свой нос, – произнес Залаченко. – Мы следили за тобой с четырех часов. Ты привела в действие почти все посты сигнализации в усадьбе.

– Детекторы движения, – сказала Лисбет.

– Два из них на подъездной дороге и четыре – на вырубке за лугом. Свой наблюдательный пункт ты устроила как раз там, где у нас установлена точка сигнализации. Ведь оттуда усадьба видна лучше всего. Чаще всего вблизи от нас оказывается лось, косуля, а иногда любители собирать ягоды. Но кто-то крадущийся с оружием в руках – большая редкость.

Он помолчал секунду.

– Уж не думала же ты, что Залаченко будет сидеть в сельской хибаре полностью беззащитным?

Лисбет потерла шею и сделала попытку встать.

– Сиди, где сидишь, – резко скомандовал Залаченко.

Нидерман покончил с изучением ее пистолета и теперь спокойно смотрел на нее. Затем приподнял одну бровь и осклабился. Лисбет пришло на память расколошмаченное лицо Паоло Роберто, которое она видела по телевизору, и девушка решила, что лучше ей остаться на полу. Она перевела дыхание и прислонилась к дивану.

Залаченко протянул в сторону Нидермана здоровую правую руку, и тот, вынув свое оружие из кармана и передернув затвор, передал его. Лисбет успела заметить, что это был «ЗИГ-Зауэр», штатное оружие полицейских. Залаченко кивнул. Не говоря ни слова, Нидерман повернулся, надел куртку и вышел. Лисбет слышала, как наружная дверь открылась и закрылась.

– Только без глупостей. Попробуешь встать – сразу получишь пулю.

Лисбет расслабила мышцы. Он успеет всадить в нее две, а может, и три пули, прежде чем она доберется до него. Боеприпасы у него, скорее всего, такого типа, что она умрет от потери крови за несколько минут.

– Ну и видок у тебя, – заметил Залаченко, тыча пальцем в колечко у

нее в брови. – Как у записной шлюхи.

Лисбет пристально взглянула на него.

– Но глаза у тебя в меня, – сказал он.

– Больно? – спросила она, кивнув на протез.

Залаченко пристально посмотрел на нее.

– Нет. Уже не больно.

Лисбет кивнула.

– Ты ведь спишь и видишь, как бы убить меня.

Она ничего не ответила, а он вдруг засмеялся.

– Я о тебе много думал. Вспоминал почти столько раз, сколько видел себя в зеркале.

– Надо было оставить маму в покое.

Залаченко ухмыльнулся.

– Шлюхой она была, твоя мать.

Глаза Лисбет почернели.

– Никакая она не шлюха. Работала кассиршей в продуктовом магазине и пыталась свести концы с концами.

Залаченко вновь захохотал.

– Можешь думать о ней что хочешь, но я-то знаю, что она шлюха. Она позаботилась о том, чтобы поскорее забеременеть, а потом пыталась уговорить меня жениться на ней. Еще чего – жениться на шлюхе…

Лисбет ничего не сказала. Она следила за дулом пистолета и надеялась, что Зала хоть на секунду ослабит бдительность.

– Пакет с горючим – это ты хитро придумала. Я тебя возненавидел. Но постепенно это перестало иметь значение. Ты не стоила моей энергии. Если бы ты оставила все как есть, плевал бы я на прошлое.

– Глупости. Тебя нанял Бьюрман разделаться со мной.

– Ну, это другое дело. Это просто сделка. Ему нужен был видеофильм, хранящийся у тебя, а я немного подрабатываю подобными сделками.

– И ты думал, что я отдам тебе диск?

– Да, деточка, уверен, что отдала бы. Ты и понятия не имеешь, какими покладистыми становятся люди, когда их о чем-то просит Рональд Нидерман. Тем более если он использует для своих целей бензопилу и отпилит одну из твоих ступней. В моем случае это было бы почти как «око за око», только «ступня за ступню».

Лисбет представила себе Мириам Ву в руках Рональда Нидермана на складе под Нюкварном.

Залаченко ложно истолковал выражение ее лица.

– Можешь не беспокоиться – мы тебя распиливать не собираемся. – Он

посмотрел на нее. – Это правда, что Бьюрман тебя изнасиловал?

Она не ответила.

– Фу, ну и вкус же у него… Я читал где-то в газете, что ты вроде паршивая лесбиянка. Меня бы это не удивило. Подозреваю, что на тебя ни один парень не польстится.

Лисбет по-прежнему молчала.

– Надо бы попросить Нидермана трахнуть тебя. Похоже, ты в этом нуждаешься. – Залаченко подумал. – Хотя нет, Нидерман не трахается с бабами. Но не потому, что он гомик. Просто ему не нужен секс.

– Тогда придется тебе – со мной, – дерзко произнесла Лисбет.

«Ну, давай, подойди. Сделай ошибку», – стучало у нее в голове.

– Нет уж, я не извращенец.

Они помолчали.

– Мой напарник скоро вернется. Ему только нужно отвести подальше твою машину да еще кое-что сделать. А где твоя сестра?

Лисбет пожала плечами.

– Отвечай, когда я спрашиваю.

– Не знаю и, честно говоря, знать не хочу.

– Сестринская любовь? Камилла всегда головой думала, а ты – задницей.

Лисбет ничего не сказала.

– Все же, должен сказать, видеть тебя вблизи доставляет мне удовольствие.

– Слушай, Залаченко, ну и зануда же ты. Скажи лучше, это Нидерман застрелил Бьюрмана? – спросила она.

– Ну, ясное дело. Рональд Нидерман – образцовый солдат. Он не только исполняет приказы, но и действует по собственной инициативе, если дело того требует.

– Где ты его откопал?

Залаченко посмотрел на дочь, и лицо его приняло какое-то странное выражение. Он открыл рот, будто собирался что-то сказать, потом передумал, замолчал и, покосившись на дверь, неожиданно улыбнулся.

– Значит, до этого ты не дошла, – сказал он. – А Бьюрман говорил, что у тебя талант к поиску и анализу материала.

Потом Залаченко захохотал.

– Мы начали общаться в Испании в начале девяностых, когда я поправлялся после твоего зажигательного пакета. Ему было тогда двадцать два года, и он стал моими руками и ногами. Он не нанят… он мой партнер. У нас процветающий бизнес.

– Трафикинг.

Залаченко пожал плечами.

– Можно сказать, мы занимаемся всем понемногу. Реклама предприятия не выставлена на обозрение, она на заднем плане. Но неужели ты действительно не поняла, кто такой Рональд Нидерман?

Лисбет продолжала молчать. Она не понимала, к чему он клонит.

– Он твой сводный брат, – пояснил Залаченко.

– Нет, – едва выдохнув, произнесла Лисбет.

Он вновь захохотал. Но ствол пистолета по-прежнему был направлен на нее.

– Он – результат небольшой шалости, которую я себе позволил, выполняя задание в Германии в 1970 году.

– И ты сделал из своего сына убийцу?

– Нет, я просто помог ему воплотить в жизнь свой потенциал. У него были способности убивать задолго до того, как я занялся его образованием. И он продолжит семейный бизнес, когда меня не станет.

– А он знает, что я его сводная сестра?

– Конечно. Но если ты рассчитываешь воззвать к его родственным чувствам, то лучше забудь об этом. Я – его семья, а ты – просто силуэт на горизонте. Могу присовокупить, что он не единственный твой сводный родственник. У тебя есть еще четыре сводных брата и три сестры в разных странах. Один из этих братьев – законченный идиот, но у другого есть способности. Он возглавляет отделение нашего бизнеса в Таллинне. Но Рональд – единственный из моих отпрысков, кто унаследовал залаченковские гены.

– А сводным сестрицам, наверное, не нашлось места в семейном бизнесе?

Он недоуменно взглянул на нее.

– Залаченко… ты просто обыкновенный негодяй, ненавидящий женщин. Почему вы убили Бьюрмана?

– Потому, что он был идиотом. Он ушам своим не поверил, когда узнал, что ты моя дочь. К тому же Бьюрман был одним из немногих, кто знал мою предысторию. Должен сказать, что вначале заволновался, когда он неожиданно связался с нами, но потом все обошлось как нельзя лучше. Он умер, а вина пала на тебя.

– Но зачем вы его убили? – повторила вопрос Лисбет.

– Собственно говоря, это не планировалось. Я считал, что у нас с ним впереди многолетнее сотрудничество. Иметь открытую дверь в Службе безопасности всегда полезно, даже если эту дверь открывает идиот. Но тот

журналист в Эншеде как-то узнал о его связи со мной и позвонил ему в тот самый момент, когда Рональд был у него в квартире. Бьюрман ударился в панику и стал совершенно неуправляем. Пришлось Рональду принимать решение прямо на месте. И он все правильно сделал.

Сердце Лисбет сжалось от боли, когда ее отец подтвердил то, что она и сама понимала разумом. «Даг Свенссон нащупал какую-то связь», – стучало у нее в голове. Тогда она говорила с Дагом и Миа больше часа. Бергман ей тут же понравилась, а Свенссон – так себе. Он слишком напоминал ей Микаэля Блумквиста – такой же неисправимый борец за улучшение мира, считавший, что книгами можно чего-то добиться. Но она верила в искренность его намерений.

В общем, визит к Дагу и Миа оказался пустой тратой времени. Они не могли сказать, в каком направлении стоит искать Залаченко. Даг Свенссон только напал на его имя и начал поиски, но не знал, кто это.

Сама Лисбет во время визита допустила роковую ошибку.

Она знала, что между Бьюрманом и Залаченко наверняка существует какая-то связь, поэтому стала задавать вопросы о Бьюрмане, пытаясь узнать, не приходилось ли Дагу Свенссону где-нибудь встречать это имя. Оказалось, что нет, но чутье у него было отменное. Он тут же перенес упор на имя Бьюрмана и забросал ее вопросами.

Хотя Лисбет сообщила Свенссону не слишком много нового, он почувствовал, что она играет какую-то роль в этой драме. В то же время Даг понял, что и у него есть информация, нужная ей. Они условились встретиться снова и продолжить обсуждение после праздников. Затем Лисбет Саландер поехала домой и легла спать, а когда проснулась наутро, то узнала из передачи новостей, что два человека были убиты в квартире в Эншеде.

Она сообщила Дагу лишь одну полезную вещь – довела до его сведения имя Нильса Бьюрмана. Должно быть, Даг Свенссон поднял трубку и позвонил адвокату, едва она вышла из квартиры.

Именно Лисбет была связующим звеном. Если бы она не явилась к Дагу Свенссону, они с Миа были бы до сих пор живы.

Залаченко рассмеялся.

– Ты и представить себе не можешь, как мы поразились, когда полиция начала охоту на тебя в связи с убийством.

Лисбет закусила нижнюю губу. Залаченко пристально взглянул на нее.

– Как ты нашла меня? – спросил он.

Она пожала плечами.

– Лисбет, Рональд скоро вернется. Я могу попросить его ломать тебе кости, пока ты не начнешь говорить. Избавь нас от этих хлопот.

– Через почтовый ящик. Я выяснила, в каком салоне Нидерман взял машину в аренду, а через это – почтовый ящик. А потом дождалась момента, когда тот прыщавый подонок явился забирать почту.

– А, так просто… Спасибо. Это мне надо запомнить.

Лисбет задумалась. Дуло пистолета было по-прежнему нацелено ей в грудь.

– Ты действительно веришь, что выкрутишься и на этот раз? – спросила Лисбет. – Ты допустил слишком много ошибок, полиция тебя раскроет.

– Я знаю. Вчера звонил Бьёрк и рассказал, что один журналист из «Миллениума» разнюхал всю мою историю, так что теперь это вопрос времени. Возможно, придется принять меры против этого журналиста.

– Список будет длинный, – возразила Лисбет. – Там, в одном только «Миллениуме», Микаэль Блумквист, потом главный редактор Эрика Бергер, секретарь редакции и несколько служащих. А еще Драган Арманский и несколько сотрудников «Милтон секьюрити». Не забудь Бублански и полицейских из следственной группы. Скольких же ты собираешься убить, чтобы выскользнуть? Тебя раскроют.

Залаченко опять рассмеялся.

– Ну и что? Я ни в кого не стрелял, против меня нет ни малейшей улики. Пусть раскрывают, кого хотят. Будь уверена, в этом доме они могут делать сколько угодно обысков, но не найдут ничегошеньки, что могло бы привязать меня к какой-либо преступной деятельности. Это ребята из Службы безопасности, а не я, засадили тебя в психушку, и они вряд ли пошевелятся, чтобы выложить все нужные бумаги.

– А Нидерман? – напомнила Лисбет.

– Уже завтра утром Рональд отправится в отпуск за границу, подождет, пока все не успокоится. – Залаченко злорадно посмотрел на Лисбет. – Ты так и останешься главной подозреваемой в убийстве. Если ты тихо исчезнешь, для всех будет только лучше.

Рональд Нидерман отсутствовал примерно пятьдесят минут. Когда он вернулся, на нем были сапоги.

Лисбет Саландер исподтишка пригляделась к человеку, бывшему, по словам отца, ее сводным братом. Какого-либо намека на сходство она вообще не заметила. Нидерман был ее полной противоположностью. К тому же у нее появилось явное ощущение, что с Рональдом что-то не в

порядке. Телосложение, мягкие черты лица и голос, так и оставшийся подростковым до ломки, – все это свидетельствовало о каком-то генетическом недостатке. Он оказался совершенно нечувствителен к удару током от электрошокера, и ладони у него были невероятной величины. Ничто у Рональда Нидермана не казалось нормальным.

«Сколько же генетических сбоев наблюдается в роду Залаченко?» – подумала Лисбет.

– Готово? – спросил Зала.

Нидерман кивнул и протянул руку за своим «ЗИГ-Зауэром».

– Я тоже пойду, – сказал Залаченко.

Нидерман засомневался:

– Туда порядочно идти.

– Нет, я пойду. Принеси мою куртку.

Нидерман пожал плечами и сделал то, что его просили. Затем он проверил свой пистолет, пока Залаченко одевался, для чего ненадолго вышел в смежную комнату. Лисбет присматривалась к тому, как Нидерман навинчивал самодельный глушитель.

– Ну, пошли, – сказал Залаченко, стоя в дверях комнаты.

Нидерман нагнулся и поставил Лисбет на ноги. Она встретилась с ним взглядом и сказала:

– Тебя я тоже убью.

– Самоуверенности у тебя хватает, – заметил ее отец.

Нидерман мило улыбнулся ей и подтолкнул к входной двери, а затем и за порог. Он крепко держал девушку, обхватив ее пальцами за шею, которые без труда сомкнулись вокруг нее, и направлял Лисбет к лесу, к северу от скотного двора.

Шли они медленно, и Нидерман то и дело останавливался, поджидая Залаченко. У них были мощные фонарики. Когда они зашли в лес, Нидерман отпустил шею Лисбет и теперь шел за ней следом, держа дуло пистолета в метре от ее спины.

Они шли едва различимой тропинкой примерно четыреста метров. Лисбет пару раз споткнулась, и оба раза ее ставили на ноги.

– Здесь сверни направо, – сказал Нидерман.

Пройдя еще метров десять, они вышли на поляну. Лисбет увидела свежевыкопанную яму. Луч фонарика Нидермана осветил лопату, воткнутую в холм песка. Теперь до нее дошло, какое поручение выполнял великан. Он пихнул Лисбет к яме, от этого она покачнулась и упала на четвереньки, а пальцы ее ушли глубоко в песок. Она встала и безразлично посмотрела на него. Залаченко еще не подошел, и Нидерман спокойно ждал

его, ни на секунду не отводя пистолета от Лисбет.

Залаченко запыхался. Прошло не меньше минуты, прежде чем он заговорил:

– Что-то надо бы сказать, но не думаю, что для тебя у меня остались какие-то слова.

– Ладно, – согласилась Лисбет. – Мне тоже, в общем-то, нечего сказать тебе.

Она криво ухмыльнулась.

– Тогда покончим с этим побыстрее, – сказал Залаченко.

– Я довольна, что моим последним делом в жизни стало накрыть тебя здесь, – сказала Лисбет. – Полиция постучится к тебе уже этой ночью.

– Чушь. Я так и знал, что ты станешь блефовать. Ты заявилась сюда, чтобы убить меня, вот и все. И ни с кем ты об этом не говорила.

Лисбет Саландер улыбнулась еще шире, и улыбка ее была полна злорадством.

– Я хочу кое-что показать тебе, папа.

Она медленно запустила руку в левый набедренный карман брюк и вынула какой-то четырехугольный предмет. Рональд Нидерман следил за всеми ее движениями.

– Каждое слово, сказанное тобой за последний час, ушло на интернет-радио.

Она держала в ладони свой наладонник «Палм Тангстен Т3».

На лбу Залаченко образовались морщины, особенно на том месте, где должны были быть брови.

– Дай-ка посмотреть, – попросил он и протянул здоровую руку.

Лисбет кинула ему маленький компьютер. Он поймал его в воздухе и сказал:

– Глупости. Это же обычный «Палмтоп».

Когда Рональд Нидерман нагнулся и приблизил лицо к ее компьютеру, Лисбет бросила ему горсть песка прямо в глаза. Песок его тут же ослепил, он машинально нажал на спусковой крючок; глухо прозвучал выстрел. Но Лисбет уже отпрыгнула в сторону на два шага, и пуля просвистела в воздухе, там, где она только что стояла.

Схватив лопату, девушка размахнулась и ударила ее острым краем по ладони, державшей пистолет. Сильный удар пришелся на костяшки пальцев блондина, он разжал их; «ЗИГ-Зауэр» отлетел куда-то далеко в сторону и упал в кустах. Лисбет видела, как из глубокой раны над суставом мизинца брызнула кровь.

«Он ведь должен вопить от боли», – мелькнуло у нее в голове.

Нидерман пытался что-то нащупать перед собой залитой кровью ладонью, а другой рукой обреченно тер глаза. Единственным шансом Лисбет выиграть этот поединок был молниеносный мощный удар. Но в физической силе она ему безнадежно проигрывала. Чтобы убежать в лес, ей требовалось по меньшей мере секунд пять. Тогда она снова сильно размахнулась лопатой, попытавшись повернуть рукоять так, чтобы угодить в него лезвием, но из-за неверной стойки плашмя врезала лопатой по его лицу.

Нидерман пробубнил что-то, когда его переносица треснула второй раз за последние несколько дней. Из-за песка он все еще почти не видел, но, махая правой рукой, сумел отпихнуть от себя Лисбет Саландер. Она опрокинулась назад и, зацепившись за корень, упала. Мгновенно оправившись, вскочила на ноги. Нидерман был пока обезврежен.

«Я выдержу», – решила Лисбет.

Она уже сделала два шага к зарослям, как вдруг краем глаза заметила, что Александр Залаченко поднимает руку.

«Старый хрыч тоже с пистолетом», – мелькнуло в ее голове, точно плетью ударило.

Она отскочила в сторону в тот самый момент, как прозвучал выстрел. Пуля попала во внешнюю сторону бедра, и Лисбет потеряла равновесие.

Боли она не почувствовала.

Вторая пуля вошла в спину, застряв под левой лопаткой. Острая парализующая боль пронзила все ее тело.

Лисбет упала на колени, на несколько секунд потеряв способность двигаться. Она знала, что Залаченко позади, метрах в шести от нее. Собрав все свои силы и упрямство, поднялась с земли и, качаясь, шагнула к спасительному укрытию кустов.

У Залаченко хватило времени прицелиться.

Третья пуля попала в голову, в двух сантиметрах от края левого уха. Она пробила черепную коробку, образовав сетку радиальных трещин в черепе. Свинцовый шарик проник ей в голову, застряв в массе серого вещества сантиметрах в четырех под корой больших полушарий.

Это описание местоположения пули, выраженное в медицинских терминах, было отвлеченной теорией для Лисбет Саландер. В практическом же отношении немедленным последствием стал обширный травматический эффект. Последним ощущением Лисбет стал огненно-красный шок, перешедший в белый свет.

Затем полная тьма.

Щелк.

Залаченко силился сделать еще один выстрел, но руки у него тряслись так сильно, что он не мог прицелиться. «Она чуть было не выкрутилась», – подумал он. Наконец Зала понял, что она уже мертва, и опустил оружие. Его пробирала дрожь от притока адреналина. Он посмотрел на свое оружие – а ведь он хотел оставить его дома, но потом все же сходил, забрал его и сунул в карман куртки, как будто это был его талисман. «Ну она и монстр, – решил он. – Два взрослых мужика, и один из них не кто-нибудь, а Рональд Нидерман со своим «Зауэром». А эта чертова девка чуть не смылась от нас», – размышлял он.

Бросив взгляд на тело дочери, Залаченко увидел в свете карманного фонаря, что она похожа на окровавленную тряпичную куклу. Он поставил пистолет на предохранитель и подошел к Рональду Нидерману, беспомощно стоявшему, пока глаза его заливали слезы, а из ладони и носа хлестала кровь. После матча за чемпионский титул с Паоло Роберто его нос еще не зажил, и теперь удар лопатой вызвал обширное повреждение.

– Наверное, у меня опять сломалась переносица, – заметил он.

– Идиот, – отреагировал Залаченко. – Она же чуть не удрала.

Нидерман без устали тер глаза. Боли не было, но слезы текли обильно, и он почти ничего не видел.

– Встань прямо, черт возьми! – рявкнул Залаченко, презрительно покачав головой. – Что бы ты делал без меня…

Нидерман обреченно моргал. Залаченко, хромая, подошел к телу дочери, схватил за шиворот, приподнял тело и поволок к могиле, которой служила выкопанная яма. Места было мало, чтобы Лисбет поместилась в рост. Зала поднял тело так, что ноги были над ямой, и сбросил его вниз как мешок картошки. Она свалилась вниз, оказавшись в позе зародыша с поджатыми ногами.

– Закапывай; пора уже домой, наконец, – скомандовал Залаченко.

Засыпать землю обратно отняло у полуслепого Рональда Нидермана некоторое время. Излишки оставшейся земли он энергично раскидал вокруг.

Наблюдая за работой Нидермана, Залаченко закурил сигарету. Его все еще била дрожь, но адреналин уже начал падать. Он вдруг почувствовал облегчение от того, что ее нет. Ему еще помнился ее взгляд, брошенный на него, когда она много лет назад метнула в него пакет с горючим.

Было уже девять вечера, когда Залаченко, оглядевшись вокруг, одобрительно кивнул. «ЗИГ-Зауэр» Нидермана им посчастливилось найти в кустах. Они вернулись домой. Залаченко ощущал глубокое удовлетворение.

Он занялся ладонью Нидермана. Рана, нанесенная лопатой, оказалась глубокой, и Залаченко был вынужден достать иголку с ниткой, чтобы зашить ее. Этим искусством он овладел еще в военном училище в Новосибирске, когда был пятнадцатилетним мальчишкой. Вот чего не требовалось, так это обезболивания. Но рана могла оказаться столь серьезной, что Нидерману придется обращаться в больницу. Залаченко наложил на его палец шину и забинтовал.

Покончив со всем этим, он открыл бутылку пива, пока Нидерман лил воду, промывая в ванной глаза.

Глава 32

Четверг, 7 апреля

Микаэль Блумквист приехал на центральный вокзал Гётеборга в самом начале десятого. Поезд наверстал часть потерянного времени, но все же прибыл с опозданием. Последний час Микаэль занимался тем, что звонил в разные фирмы, сдающие машины в аренду. Сначала он думал взять машину в Алингсосе, сойдя там с поезда, но оказалось, что это невозможно столь поздно вечером. Тогда он плюнул на это и заказал «Фольксваген» через службу бронирования отеля в Гётеборге. Машину он сможет забрать на площади Ернторг. У Микаэля не было ни малейшего желания пользоваться гётеборгским общественным транспортом с такой сложной системой проездных билетов, что в ней можно разобраться, если ты по меньшей мере инженер в ракетостроении. Он взял такси.

Когда Блумквист наконец получил арендованную машину, оказалось, что в ней нет дорожной карты. Он заехал на заправку, работавшую по вечерам, и купил ее там. Прикинув, что ему нужно, купил также карманный фонарик, бутылку минеральной воды и стакан кофе, помещавшийся в подставку возле приборной панели. На часах было уже половина одиннадцатого, когда Микаэль проезжал Партилле на север от Гётеборга. Он держал курс на Алингсос.

В половине десятого мимо могилы Лисбет Саландер пробежал лис. Он остановился и настороженно осмотрелся по сторонам. Инстинкт подсказывал ему, что здесь что-то зарыто, но он посчитал, что до зарытого так трудно добраться, что не стоит и раскапывать. Можно поискать и другую, более доступную добычу.

Где-то поблизости неосторожно зашуршал какой-то ночной зверек. Лис прислушался, а затем сделал осторожный шаг. Но прежде чем продолжить охоту, он поднял заднюю лапу и пометил место, а затем заскулил.

Бублански обычно не звонил по служебным делам поздно вечером, но на этот раз не смог сдержаться. Он позвонил Соне Мудиг.

– Извини, что звоню так поздно. Еще не спала?

– Нет, ничего.

– Я только что дочитал рапорт о расследовании 1991 года.

– Я тебя вполне понимаю – от этого чтения трудно оторваться.

– Соня… как ты думаешь, что происходит?

– Мне кажется, что Гуннар Бьёрк, весьма приметное имя в списке клиентов проституток, засадил Лисбет Саландер в дурдом, когда та пыталась защитить себя и мать от чудовища-убийцы, работавшего на Службу безопасности. Ему помог в этом Петер Телеборьян, на экспертизу которого мы в значительной степени полагались при оценке ее психического здоровья.

– Но это же полностью меняет наше представление о ней.

– И многое объясняет.

– Соня, ты не можешь заехать за мной завтра в восемь утра?

– Могу, конечно.

– Мы поедем в Смодаларё и поговорим с Гуннаром Бьёрком. Я уточнил: он на больничном в связи с ревматизмом.

– Я от этой встречи многого ожидаю.

– Мне кажется, нам придется полностью пересмотреть наше представление о Лисбет Саландер.

Грегер Бекман покосился на жену. Эрика Бергер стояла у окна гостиной и смотрела вдаль, на воду, с мобильником в руках. Грегер знал, что она ждала звонка от Микаэля Блумквиста. Вид у нее был такой несчастный, что он подошел и обнял ее.

– Блумквист уже большой мальчик, – заметил он. – Если ты так беспокоишься, позвони лучше в полицию.

Эрика вздохнула.

– Это стоило сделать уже несколько часов назад. Но не это беспокоит меня больше всего.

– А мне можно об этом узнать? – спросил Грегер.

Она кивнула.

– Ну, так расскажи.

– Я от тебя скрывала. И от Микаэля. И ото всех остальных в редакции.

– Скрывала?

Эрика повернулась лицом к мужу и рассказала, что получила место главного редактора в «Свенска моргонпостен». Грегер удивленно поднял брови.

– Не понимаю, почему ты молчала, – сказал он. – Это же потрясающе. Поздравляю.

– Просто я чувствую себя предательницей, вот почему.

– Микаэль поймет. Всем нам приходится делать следующий шаг, когда

настанет время. Теперь этот час пробил и для тебя!

– Я знаю.

– Так ты решила окончательно?

– Решила. Но у меня смелости не хватило рассказать об этом кому-либо. И вообще, у меня такое чувство, что я оставляю их посреди страшного хаоса.

Грегер обнял свою жену.

Драган Арманский потер глаза и взглянул в темноту за окнами реабилитационного центра в Эрште.

– Надо бы позвонить Бублански, – предложил он.

– Не надо, – возразил Хольгер Пальмгрен. – Ни Бублански, ни кто-либо другой, наделенный властью, никогда и пальцем для нее не пошевелили. Пусть сама справляется.

Арманский изучающе посмотрел на бывшего опекуна Лисбет Саландер. Очевидные улучшения в состоянии Пальмгрена, произошедшие со времени его последнего посещения в Рождество, поразили Драгана. Он все еще невнятно бормотал, но глаза его были полны жизни. Кроме того, он проявлял темперамент, которого раньше за ним не замечалось. Весь вечер Пальмгрен в деталях рассказывал Арманскому ту же историю, какую раньше изложил Блумквисту, и Арманский ужаснулся.

– Она опять попытается убить своего отца.

– Вполне возможно, – спокойно констатировал Пальмгрен.

– Или же Залаченко убьет ее.

– Это тоже возможно.

– А мы будем сидеть и ждать?

– Драган, вы прекрасный человек. Но вы не несете ответственности за то, что сделает или не сделает Лисбет Саландер, выживет она или умрет.

Пальмгрен развел руками. К нему вдруг вернулась способность координации движений, которую он давно утратил. Такое впечатление, что тягостные события последних недель укрепили его ослабевшие силы.

– Я никогда не испытывал симпатии к людям, для которых закон не писан. Но, с другой стороны, никогда не встречал человека, у которого было бы столько серьезных оснований брать судьбу в свои руки. Не хочу прослыть циником… но то, что произойдет сегодня, должно произойти, хотим мы этого или нет. Так распорядились небеса, уже с тех пор, как она родилась. А нам с вами остается лишь решать, как мы отнесемся к Лисбет, если она вернется живой.

Арманский недовольно вздохнул и покосился на старого адвоката.

– А если ближайшие десять лет она проведет за решеткой в Хинсеберге[36], значит, таков ее выбор. А я так и останусь ее другом.

– Вот уж не подозревал, что у вас такой либертарианский подход к людям[37].

– Я тоже не подозревал – раньше, – сказал Хольгер Пальмгрен.

Мириам Ву лежала, уставившись в потолок. Горел ночник, слышалась тихая музыка по радио. Исполняли «On a Slow Boat to China»[38]. Вчера она очнулась в больнице, впервые после того, как ее привез сюда Паоло Роберто. Она то спала, то просыпалась, исполненная тревоги, то снова засыпала – безо всякого распорядка. Врачи утверждали, что у нее сотрясение мозга. Как бы то ни было, она нуждалась в покое. Ведь, кроме того, у нее был сломаны нос и три ребра, а по всему телу болели раны. Левая бровь так распухла, что глаз мог видеть лишь в узкую щелочку. Боль чувствовалась каждый раз, когда Мириам пыталась повернуться. Даже сделать вдох, и то было больно. Из-за боли в шее ей на всякий случай надели ортопедический воротник. Но доктора заверили ее, что она полностью поправится.

Проснувшись ближе к вечеру, Мириам обнаружила сидящего у кровати Паоло Роберто. Он подмигнул ей и спросил, как она себя чувствует, а она внутренне ужаснулась: «Неужели я выгляжу так же кошмарно, как и он?»

У нее была масса вопросов, и Паоло все ей объяснил. Как ни странно, то, что он друг Лисбет Саландер, выглядело совершенно естественно. Парень был явно с гонором. Лисбет нравились такие, с гонором, но тщеславных она не выносила. Различие было микроскопическим, но Паоло Роберто относился к первому типу.

Теперь он объяснил, как вдруг очутился на складе под Нюкварном. Мириам просто поразилась, как он не раздумывая бросился преследовать черный фургон. Ей стало не по себе от известия, что полиция занимается раскопками трупов в окрестности склада.

– Спасибо, – сказала Мириам. – Ты спас мне жизнь.

Он покачал головой и помолчал какое-то время.

– Я пытался объяснить Блумквисту. Не думаю, что он понял. Ты, наверное, поймешь лучше, ведь ты сама занималась боксом.

Мириам поняла, что он имел в виду. Если ты не был тогда на складе около Нюкварна, то никогда не сможешь понять, что значит драться с чудовищем, не чувствующим боли. Она знала, сколь беспомощной была.

В конце Мириам просто держала его за забинтованную руку, не говоря ни слова. Что еще можно было сказать? Когда она снова проснулась, его уже не было. «Вот хорошо было бы, если бы Лисбет Саландер дала о себе знать», – подумала она.

Ведь это за ней охотился Нидерман.

Мириам Ву так боялась, что он ее настигнет.

«Нечем дышать», – чувствовала Лисбет Саландер. Сколько прошло времени – она не понимала, но знала, что застрелена, и понимала – скорее чувством, чем разумом, – что зарыта. Левая рука вообще не действовала. Если чуть шевельнуть каким-нибудь мускулом, в плечо сразу отдавались волны боли и она оказывалась в мутно-безвольном состоянии. «Мне необходим воздух», – мелькало в ее голове, раскалывавшейся от пульсирующей боли, какой ей раньше не приходилось испытывать.

Правой рукой, оказавшейся под лицом, Лисбет, не отдавая себе отчета, начала отгребать землю от носа и рта. Почва, полная песка, была очень рассыпчатая. Наконец ей удалось высвободить маленькую, величиной с крошечный кулачок, дырку перед лицом.

Кто знает, сколько она пролежала в могиле? Все же Лисбет понимала, что положение ее смертельно опасно. И тут у нее сложилась отчетливая мысль:

«Он похоронил меня заживо».

Сознание этого привело ее в панику. Ей было нечем дышать. Она не могла пошевельнуться. Тонна земли придавила ее, словно доисторическая порода.

Лисбет попробовала пошевелить ногой, но смогла лишь едва напрячь мускулы. Затем сделала ошибочную попытку – надавила головой, чтобы приподняться, – и сразу же была поражена болью, ударившей в виски, как электрический разряд. «Только бы не стошнило», – подумала она и вновь впала в забытье.

Снова придя в сознание, Лисбет начала проверять, какие части ее тела в рабочем состоянии. Единственной такой частью была правая рука, лежавшая перед лицом. «Мне необходим воздух», – думала Лисбет. Воздух был прямо над ней, но вне могилы.

Потом Саландер начала потихоньку рыть. Пошевелив локтем, высвободила немного места для движения. Надавливая внешней стороной ладони, она отодвигала землю, расширяя пространство перед лицом. «Я должна выкопаться», – решила она.

Наконец Лисбет поняла, что между животом и ногами есть немного

пустого пространства. Это и был почти весь тот уже использованный воздух, что поддерживал в ней жизнь. Она начала изо всех своих сил крутить верхней частью тела из стороны в сторону и наконец почувствовала, как земля осыпается под ней. Давление на грудь немного ослабло. Лисбет уже могла двигать рукой на сантиметр туда-сюда.

Минута шла за минутой. А она не прекращала работу в полубессознательном состоянии. Отгребала песчаную почву с лица и горсть за горстью вдавливала ее в пустое пространство под животом. Постепенно она смогла настолько высвободить руку, что ей удалось счистить землю с макушки. Сантиметр за сантиметром Лисбет очистила всю голову. Наткнувшись на что-то твердое, она вдруг поняла, что у нее в руке оказался обломок корня или палочка. Она рыла все дальше и дальше вверх. Земля по-прежнему была рыхлой и не слишком плотной.

Времени было начало одиннадцатого, когда лис вновь пробегал мимо могилы Лисбет Саландер по дороге к себе в логово. Он уже съел полевую мышку и был вполне этим доволен, как вдруг учуял чье-то присутствие. Он застыл на месте и навострил уши. Его усы и нос чуть подрагивали.

Вдруг из-под земли высунулись пальцы Лисбет Саландер. Будь на месте лиса человек, которому довелось такое увидеть, он, вероятно, среагировал бы так же, как лис, то есть припустил оттуда со всех ног.

Лисбет почувствовала, как холодный воздух обдал ее руку. Она могла дышать.

У нее ушло еще не меньше получаса на то, чтобы высвободиться из могилы, но память не сохранила, как это получилось. Лисбет недоумевала, что ее левая рука совсем не работает, и продолжала машинально отгребать землю с песком правой рукой.

Ей так нужно было что-нибудь, чем можно копать, но с ходу она не сообразила, что у нее в нагрудном кармане лежит портсигар, подаренный Мириам Ву. Вспомнив о нем, Лисбет просунула руку в отверстие кармана, достала его и, открыв, начала загребать им, как совком. Горсть за горстью она зачерпывала рыхлую землю и откидывала ее, работая запястьем. Вдруг почувствовала, что правое плечо больше не зажато и его удается высвободить из-под земли. Продолжая отбрасывать песок и землю, Лисбет смогла поднять опущенную голову. Наконец правая рука и голова появились над поверхностью. Когда она высвободила верхнюю часть тела, то смогла начать выползать, сантиметр за сантиметром, пока земля наконец не отпустила и ее ноги.

Не открывая глаз, Лисбет поползла прочь от могилы и не

останавливалась, пока ее плечо не уперлось в ствол дерева. Она медленно развернулась так, чтобы спиной упираться в дерево, и отерла глаза тыльной стороной ладони, прежде чем раздвинуть веки. Вокруг была беспросветная тьма. Несмотря на леденящий воздух, Лисбет вспотела. Тупая боль ощущалась в голове, левом плече и бедре, но у нее не было сил об этом думать. Минут десять она просто посидела, стараясь отдышаться. Затем ей стало ясно, что тут оставаться нельзя.

В результате мучительных усилий ей удалось встать на ноги, хотя голова кружилась.

Почувствовав подступающую тошноту, Лисбет нагнулась вперед, и ее вырвало.

Потом она стала брести, не имея понятия, в какую сторону идет. Левая нога плохо ее слушалась, Лисбет без конца спотыкалась и падала на колени. И каждый раз голову пронзала чудовищная боль.

Сколько времени она так шла, ей было неизвестно, но вдруг краем глаза Лисбет увидела свет. Она сменила направление и поплелась дальше. Только дойдя до пристройки на краю двора, поняла, что пришла прямо к дому Залаченко. Она остановилась, качаясь, как пьяная.

«Фотоэлементы размещены на подъездной дороге и на вырубке. А я пришла с другой стороны. Значит, они меня не засекли», – подумала она.

Но и от этой мысли Лисбет пришла в растерянность. Не в той она форме, чтобы затевать новый раунд битвы с Нидерманом и Залаченко. Она смотрела на белый дом перед нею.

«Дерево… Пожар…» Лисбет уже представляла себе канистру с бензином и спичку.

Развернувшись лицом к пристройке, она с трудом заковыляла к ней. Дверь оказалась закрыта на засов, и ей удалось открыть его, поднажав снизу правым плечом. Засов со стуком свалился на землю, и Лисбет открыла дверь. Она сделала шаг в темноту и огляделась. Это был деревянный сарай. Бензина там не было.

Звук упавшей задвижки на двери пристройки заставил Александра Залаченко приподнять брови. Он подошел к кухонному окну и, отодвинув занавеску, вгляделся в темноту. Глаза его смогли что-то различить лишь через несколько секунд. Ветер усилился, и прогноз погоды обещал шквальные ветры на выходных. Вдруг он заметил, что дверь в дровяной сарай открыта.

Вместе с Нидерманом они уже сходили в сарай и принесли дров. Да и это дело не имело другой цели, кроме как дать Лисбет Саландер что-то

вроде подтверждения, что она явилась по правильному адресу, и выманить ее.

Неужели Нидерман забыл заложить засов? Каким непростительно небрежным он иногда бывает… Залаченко покосился на дверь гостиной – там, на диване, уснул Нидерман. Подумав сначала, не разбудить ли его, он все же решил дать ему поспать и сам поднялся со стула.

Придется Лисбет идти искать бензин на скотный двор, где стоят машины. Она привалилась к колоде для колки дров – ей нужно было отдышаться. Не прошло и минуты, как она услышала стук протеза Залаченко у двери в дровяной сарай.

К северу от Соллебрунна, возле Мельбю, из-за темноты Микаэль ошибся на дороге. Вместо того чтобы свернуть на Носсебру, он поехал дальше на север и заметил свою ошибку, лишь когда добрался до Трёчёрна. Он остановился и поглядел в дорожный атлас. Затем, выругавшись, развернулся и поехал на юг, в сторону Носсебру.

Лисбет Саландер схватила правой рукой топор с дровяной колоды за секунду до того, как Александр Залаченко зашел в дровяной сарай. Занести топор над головой у нее не было сил, но она, зажав его одной рукой, замахнулась по дуге снизу вверх, развернувшись при этом всем корпусом и перенеся упор на здоровую ногу.

В тот момент, когда Залаченко протянул руку к выключателю, лезвие топора ударило его с правой стороны лица, рассекло щеку и вонзилось на несколько миллиметров в лобную кость. Он не успел осознать, что произошло, как его мозг зафиксировал боль, и Зала издал безумный крик.

Рональд Нидерман проснулся, рывком приподнялся с дивана и сел, недоумевая. Верзила услышал вой, в первый момент показавшийся ему звериным. Он доносился со двора. Тут Нидерман понял, что вопит Залаченко, и мгновенно вскочил на ноги.

Лисбет Саландер разогнулась и снова замахнулась топором, но тело оказалось неподвластно ей. Она намечала размахнуться повыше и обрушить топор на голову отца, но силы ее были уже на исходе, и она попала совсем не туда, куда метила, а под коленку. Топор же был столь тяжелым, что его лезвие вонзилось очень глубоко; топор застрял, вырвавшись из рук Лисбет. Залаченко ничком упал на пол, непрерывно вопя.

Лисбет наклонилась, чтобы снова схватить топор, но голова ее пошла кругом, и ей пришлось сесть. Протянув руку, она ощупала карманы его куртки. В правом все еще лежал пистолет, и она попыталась сфокусировать на нем взгляд, хотя пол под ней словно качался.

Браунинг калибра .22.

Пустяковая детская игрушка.

Вот почему она еще жива. Будь это пуля из «ЗИГ-Зауэра» Нидермана или пистолета калибром покрупнее, лежать бы ей сейчас со здоровенной дырой в черепе.

В тот момент, как ее посетила эта мысль, Лисбет услышала шаги проснувшегося Нидермана. Заполнив телом весь дверной проем сарая, он застыл, уставившись на развернувшуюся перед ним сцену выпученными, ничего не понимающими глазами. Залаченко орал как резаный. Лицо его покрывала кровавая маска. Из-под колена торчал застрявший топор. Рядом, на полу, сидела окровавленная, покрытая грязью Лисбет Саландер. Вид у нее был как в фильмах ужасов, которых Нидерман с избытком насмотрелся за много лет.

Как бы нечувствителен к боли ни был Рональд Нидерман и как бы ни был он схож фигурой с бронированным роботом, одну вещь на свете он не выносил – темноту. Сколько он себя помнил, темнота всегда таила для него угрозу. В ней ему мерещились какие-то существа, и там его всегда подстерегал неописуемый ужас. И вот теперь этот ужас материализовался.

Девчонка на полу была покойницей. Сомнений в этом не было – он сам ее зарыл. Значит, существо на полу было не девчонкой, а исчадием потустороннего мира, которое не побороть ни человеческой силой, ни оружием. Превращение из человека в монстра уже началось. Ее кожа выглядела как чешуйчатый панцирь у ящерицы. Оскаленные зубы выглядели как острые клыки, готовые вонзиться в плоть жертвы. Тонкий змеиный язык высовывался, облизывая рот. На окровавленных ладонях виднелись длиннющие, острые как бритвы когти. Глаза ее горели словно угли. Рональду слышалось ее глухое урчание; ему виделось, как она напрягла мускулы, прежде чем броситься и вцепиться ему в глотку.

Он вдруг отчетливо разглядел позади нее хвост, извивавшийся и угрожающе забивший по полу.

Затем она подняла пистолет и выстрелила. Пуля просвистела так близко от уха Нидермана, что он почувствовал струю воздуха. Ему казалось, что из ее рта, навстречу ему, вырвался язык пламени.

Это было уже слишком.

С него хватит.

Нидерман развернулся и бросился прочь во весь дух. Она сделала следующий выстрел, но пуля прошла совсем мимо цели. Это, однако, прибавило верзиле скорости – у него словно выросли крылья. Он перемахнул, подобно лосю, через забор и исчез в темноте, убежав по полю в сторону шоссе. Он бежал, объятый безумным ужасом.

Лисбет Саландер пораженно смотрела ему вслед, пока он не исчез из виду.

Она добралась до двери и выглянула в темноту, но уже не видела его. Залаченко уже не орал, но по-прежнему лежал на полу, постанывая в шоке. Проверив пистолет, Лисбет увидела, что остался один патрон. Прикидывая, не выпустить ли его в башку Залаченко, она вспомнила, что где-то в темноте еще шастает Нидерман и поэтому последний патрон лучше сохранить. Напади он на ее, одной пули двадцать второго калибра для него будет недостаточно, но все же это лучше, чем ничего.

Лисбет с усилием встала, выбралась из сарая и прикрыла за собой дверь. Поставить на место засов отняло у нее минут пять. Она доплелась через двор до дома и нашла телефонный аппарат на кухне. Набрала номер, которым не пользовалась два года. Дома его не было. Включился автоответчик.

– Здравствуйте. Вы позвонили Микаэлю Блумквисту. К сожалению, сейчас я не могу ответить на ваш звонок. Оставьте ваше имя и телефонный номер. Я перезвоню вам, как только смогу. Пи-и-п…

– Ми-г-каль, – начала она и услышала, что ее голос звучит, как будто во рту у нее каша. Она сглотнула слюну. – Микаэль, это Саландер.

Дальше она не знала, что сказать, и медленно положила трубку.

«ЗИГ-Зауэр» Нидермана лежал разобранный для чистки на кухонном столе прямо перед ней, рядом с «Ванадом» Сонни Ниеминена. Лисбет бросила залаченковский браунинг на пол и, подойдя к столу, взяла в руки «Ванад», чтобы проверить его магазин. Тут же она нашла свой ручной компьютер и засунула его себе в карман. Подобравшись к мойке, налила в немытую кофейную чашку ледяной воды. После четвертой чашки подняла взгляд и вдруг увидела свое лицо в старом зеркале для бритья, закрепленном на стене. От испуга Лисбет чуть было не нажала на спусковой крючок.

Увиденное скорее напоминало зверя, чем человека. На нее смотрела сумасшедшая с искаженным лицом и перекошенным ртом. Ее полностью покрывала грязь. Лицо и шея были залеплены коростой из крови и глины.

Теперь до нее дошло, кого Рональд Нидерман увидел в деревянном сарае.

Подойдя поближе к зеркалу, Лисбет вдруг осознала, что ее левая нога волочится по полу. Она чувствовала резкую боль в бедре, куда попала первая из пуль Залаченко. Вторая вошла в плечо и парализовала левую руку. Та очень болела.

Но хуже всего была боль в голове, от которой ее качало. Лисбет медленно подняла правую руку и пощупала затылок. Наконец пальцы нащупали кратер входного отверстия.

Потрогав дыру в черепе, Лисбет с ужасом вдруг осознала, что касается собственного мозга и что она столь серьезно ранена, что умирает или вот-вот должна была умереть. Чего Лисбет не могла понять, так это как она вообще еще стояла на ногах.

Тут ее одолела всепоглощающая усталость. Не зная толком, то ли с ней случится обморок, то ли на нее накатил сон, она добралась до кухонного диванчика и осторожно улеглась, положив на подушку правую, не задетую, сторону головы.

Ей нужно было полежать, собраться с силами, но заснуть было рискованно, потому что в ночи бродит Нидерман. Рано или поздно он должен вернуться. Рано или поздно Залаченко ухитрится выбраться из сарая и нагрянет в дом. Но у нее не было больше сил оставаться на ногах. Ее знобило. Последнее, что она сделала, это сняла пистолет с предохранителя.

Рональд Нидерман нерешительно стоял на шоссе между Соллебрунном и Носсебру. Вокруг была тьма, ни души. Он начал трезво обдумывать ситуацию, и ему стало стыдно за свое бегство. Как это случилось, гигант не мог понять, но он пришел к рациональному выводу, что Саландер, должно быть, выжила. «Как-то ей посчастливилось выкопаться из могилы», – решил он.

Залаченко нуждается в нем. Значит, надо вернуться в дом и свернуть ей шею.

В то же время у Рональда Нидермана было такое чувство, что игра проиграна. Это чувство зародилось у него уже давно. Все пошло вкривь и вкось с той минуты, как им позвонил Бьюрман. Залаченко будто подменили, едва он услышал имя Лисбет Саландер. Все принципы осторожности и умеренности, которые он столько лет проповедовал, вдруг прекратили действовать.

Нидерман колебался.

Залаченко требовалась медицинская помощь.

Если она еще не убила его.

Это создавало проблемы.

Он кусал нижнюю губу.

Они с отцом были партнерами много лет. И годы эти были успешными. У Рональда были отложены деньги, и он знал, где Залаченко прячет свои. У него были средства и опыт для того, чтобы продолжать бизнес дальше. Самым разумным сейчас было выйти из игры и залечь. Уж если что Залаченко и сумел вбить ему в голову, так это необходимость уходить без всяких сантиментов, если ситуация не поддается контролю. Это было основным правилом выживания: «Пальцем не пошевельну ради проигранного дела».

Ничего сверхъестественного в Саландер не было. Она была источником неприятностей, тем, что называют «bad news». И она была его сводной сестрой.

Он ее недооценил.

Рональд Нидерман разрывался между двумя желаниями. Одним было вернуться назад и свернуть ей шею. Другим – продолжить бегство отсюда.

Паспорт и кошелек лежали у него в заднем кармане брюк. Он не хотел возвращаться. Ничего он там, в усадьбе, не забыл.

Ну, разве что машину.

Нидерман все еще стоял в нерешительности, как увидел свет фар приближающегося автомобиля. Он повернул голову. Может быть, удастся раздобыть себе средство передвижения другим способом. Все, в чем он нуждался, была машина, чтобы добраться до Гётеборга.

Впервые в жизни – во всяком случае, с тех пор, как она вышла из раннего детства, – Лисбет Саландер была не в состоянии справиться с ситуацией. Сколько раз за свою жизнь ей приходилось ввязываться в драки, переносить побои, становиться объектом как государственной принудительной госпитализации, так и частного издевательства… На ее долю выпало больше пинков по телу и душевных издевательств, чем обычно доставалось другим.

Но каждый раз она могла взбунтоваться. Она отказалась отвечать на вопросы Телеборьяна, а когда подвергалась физическому насилию, могла выскользнуть и спрятаться.

Со сломанной переносицей можно жить.

Но как жить с дыркой в черепе?

На этот раз Лисбет не могла дотащиться до своей кровати дома, накрыться одеялом с головой и проспать два дня, а затем встать и

вернуться к повседневности, будто ничего не произошло.

Сейчас она была столь серьезна ранена, что не могла своими силами выбраться. Ее поразила такая усталость, что она не могла управлять своим телом.

«Мне бы немного поспать», – подумала Лисбет. И тут она с уверенностью поняла, что стоит ей расслабиться и закрыть глаза, как она, скорее всего, никогда их больше не откроет. Даже придя к этому выводу, она решила, что ей уже все равно. Больше того, это показалось ей очень привлекательным: «Отдохнуть. И никогда не просыпаться».

Ее последняя мысль относилась к Мириам Ву: «Прости меня, Мимми!»

Закрывая глаза, она все еще держала в руке пистолет Сонни Ниеминена со снятым предохранителем.

Свет фар машины Микаэля Блумквиста высветил фигуру Рональда Нидермана издалека. Эту фигуру он узнал сразу. Да и как ее было не узнать: верзила-блондин был ростом двести пять сантиметров и сложен как робот. Нидерман размахивал руками. Микаэль притушил фары и затормозил. Сунув руку во внешний карман компьютерной сумки, он вынул «Кольт M1911», найденный на письменном столе у Лисбет Саландер, остановился метров за пять до Нидермана, заглушил мотор и открыл дверцу.

– Спасибо, что остановились, – сказал тот, задыхаясь после бега. – Я попал в… автомобильную аварию. Не подбросите меня до города?

Голос у него был до странности высокий.

– Конечно, я позабочусь, чтобы вы попали в город, – сказал Микаэль Блумквист, направляя оружие на Нидермана. – Лечь на землю!

«Неужели моим неприятностям этой ночью не будет конца?» – подумал Рональд Нидерман, недоуменно глядя на Микаэля.

Он ни на йоту не боялся ни пистолета, ни мужчины, державшего его. Уважение он питал только к самому оружию. Среди оружия и насилия он жил всю свою жизнь. Он исходил из того, что человек, направляющий на него пистолет, полон отчаянной решимости и готов его использовать. Сощурившись, он попытался разобраться, что за человек держит пистолет, но из-за света фар видел только темное существо. «Может, полицейский? Но он не говорил тоном полицейского. И к тому же полицейские обычно называют свое имя и звание. Во всяком случае, так обычно делают в кино», – думал Рональд.

Надо было трезво оценить свои возможности. Он знал, что если

пойдет напролом, то захватит оружие. Но мужчина с пистолетом казался хладнокровным и находился в укрытии за дверью машины. В него всадят одну, а то и две пули. Если двигаться быстро, то мужчина может промахнуться или попасть в какой-нибудь маловажный орган. Но даже живому, но раненному, ему будет трудно, а может быть, и невозможно продолжать побег. Уж лучше подождать более удобного случая.

– Лежать! Немедленно! – гаркнул Микаэль, отвел дуло на несколько сантиметров в сторону и выстрелил в обочину. – Следующий выстрел будет в коленную чашечку! – громким и четким голосом командира произнес он.

Рональд Нидерман опустился на колени, ослепленный светом фар.

– Вы кто такой? – спросил он.

Микаэль протянул руку к дверному кармашку и достал карманный фонарик, купленный на заправке. Направив луч света в лицо Нидерману, он скомандовал:

– Руки за спину. Ноги врозь.

Он ждал, пока Нидерман нехотя последует приказаниям.

– Я знаю, кто ты. Начнешь делать глупости, выстрелю без предупреждения. Пистолет нацелен на легкое пониже лопатки. Ты, может, и одолел бы меня, но тебе это будет дорого стоить.

Положив фонарик на землю, он снял с себя ремень и сделал петлю таким способом, как его учили в стрелковой части в Кируне, когда он проходил обязательную военную службу двадцать лет назад. Встав между ног верзилы-блондина, накинул петлю на руки, которые тот держал за спиной, а затем затянул петлю повыше локтей. Так великан Нидерман оказался практически беспомощным.

А что же делать теперь? В темноте на местном шоссе они были совершенно одни. Паоло Роберто не преувеличивал, описывая Нидермана. Это была громадина, просто великан. Вопрос в том, почему этот великан несся откуда-то посреди ночи, как будто уносил ноги от самого дьявола…

– Я ищу Лисбет Саландер. Ты, я думаю, ее видел.

Нидерман хранил молчание.

– Где Лисбет Саландер? – снова спросил Микаэль.

Нидерман бросил на него недоуменный взгляд. Он не мог понять, что это за проклятая ночь, когда все идет насмарку.

Микаэль пожал плечами, вернулся к машине, открыл багажник и достал буксирный трос. Нельзя же было оставить связанного Нидермана посреди дороги. Он огляделся и метрах в тридцати заметил выхваченный светом фар дорожный знак на столбе: «Осторожно, лоси».

– Поднимайся.

Приставив дуло пистолета к затылку Нидермана, Микаэль направил его к дорожному указателю. Подойдя к обочине, приказал Нидерману сесть спиной к столбу. Тот замешкался.

– Тут все просто, – сказал Микаэль. – Ты убил Дага Свенссона и Миа Бергман, моих друзей. Отпускать тебя я не собираюсь. Теперь выбирай: либо будешь сидеть привязанным к столбу, либо я прострелю тебе коленную чашечку.

Нидерман опустился на землю. Микаэль закрепил буксирный трос, пропустив его вокруг шеи гиганта, и зафиксировал голову. Остальные восемнадцать метров ушли у него на то, чтобы обмотать верзилу вокруг груди и торса. Небольшой кусок он специально оставил, чтобы пропустить под мышками и завязать несколько настоящих морских узлов.

Закончив, Микаэль снова спросил о Лисбет Саландер и, не получив ответа, пожал плечами и оставил Нидермана. Только вернувшись к машине, он почувствовал, как подскочил адреналин от сознания того, что он только что сделал. Лицо Миа Бергман будто всплыло у него перед глазами.

Микаэль закурил сигарету и откупорил бутылку минеральной воды. Потом посмотрел на чуть видное в темноте существо у дорожного знака. Сев за руль и сверившись с картой, он увидел, что до поворота на подъездную дорогу к усадьбе Карла Акселя Бодина остался всего километр. Он включил зажигание и проехал мимо Нидермана.

Миновав поворот на подъездную дорогу, снабженную указателем «Госсеберга», Микаэль проехал еще метров сто на север и остановил машину у сарая на лесной дороге. Он взял с собой пистолет и включил фонарик. Обратив внимание на свежие следы колес, оставшихся в глинистой почве, понял, что недавно здесь стояла другая машина, но не стал углубляться в размышления об этом, вернулся к подъездной дороге на Госсебергу и посветил на почтовый ящик. Там стояло «ПЯ 192 – К. А. Бодин». Микаэль пошел к усадьбе.

Была уже почти полночь, когда Блумквист увидел свет в доме Бодина. Он остановился и прислушался. Простояв несколько минут, понял, что ничего, кроме обычных ночных звуков, не слышно. Вместо того чтобы продолжить идти до конца по подъездной дороге, он пошел краем луга и приблизился к жилищу со стороны скотного двора. На дворе остановился, когда до дома оставалось еще метров тридцать. Он был весь настороже. Бегство Нидермана до самого шоссе говорило о том, что здесь что-то произошло.

На полпути до дома Микаэль услышал какой-то звук, быстро

развернулся и встал на колено, выставив вперед пистолет. Спустя несколько секунд он понял, что звук исходит из пристройки к дому. Звук напоминал стоны. Он быстро пересек двор, остановился у пристройки, затем заглянул за угол и увидел, что внутри горит лампа.

Микаэль прислушался. В пристройке кто-то двигался. Подняв засов и приоткрыв дверь, Блумквист увидел полные ужаса глаза на залитом кровью лице, а на полу – топор.

– Что же это такое? – пробормотал он.

И тут заметил протез.

Залаченко.

Здесь точно побывала Лисбет Саландер.

Что тут произошло, Микаэль не мог себе представить. Быстро закрыв дверь, он снова заложил засов.

Залаченко лежал в дровяном сарае, Нидерман был примотан к столбу у шоссе на Соллебрунн, а Микаэль бежал через двор к дому. Вполне возможно, что есть третий, неизвестный ему человек, представлявший опасность, но дом казался безлюдным, почти нежилым. Опустив дуло пистолета, Блумквист осторожно открыл наружную дверь. Из темной прихожей ему был виден прямоугольник света из кухни. Единственный звук, который он различал, был звук тикающих настенных часов. Подойдя к двери в кухню, Микаэль тут же заметил Лисбет Саландер, лежащую на диване.

На секунду он буквально окаменел, увидев ее истерзанное тело. В руке, свисавшей с края дивана, она держала пистолет. Микаэль медленно приблизился к ней и опустился на колени. Вспомнив, как он нашел Дага и Мию, Блумквист на секунду подумал, уж не мертва ли Лисбет. Затем он уловил еле заметное движение ее грудной клетки и различил слабое хриплое дыхание.

Протянув руку, он начал потихоньку высвобождать пистолет из ее ладони. Но вдруг ее пальцы напряглись и крепче сжали рукоять. Глаза ее открылись узкими щелками, и она несколько долгих секунд смотрела на него мутным взглядом. Затем он услышал, как она неразборчиво бормочет что-то тихим голосом, и он с трудом разобрал слова:

– Чертов Калле Блумквист.

Лисбет снова закрыла глаза и выпустила пистолет. Положив оружие на пол, Микаэль достал мобильник и набрал номер спасательной службы СОС.

---

notes

Сноски

1

Стилпан (стилпэн) – стиль карибской музыки, основанный на применении стальных барабанов (*англ.* steelpan – стальная сковородка).

2

Сферическая астрономия – раздел астрометрии, разрабатывающий математические методы определения видимых положений и движений небесных тел с помощью различных систем координат, а также теорию закономерных изменений координат светил со временем.

3

Оса (*англ.*).

4

Растафарианство – специфическое религиозное движение, в недрах которого в 1960-х гг. зародилось музыкальное направление регги; песня «No Woman No Cry» – знаменитый хит Боба Марли, основного представителя данного стиля.

5

«Предприятие Осы» (*англ.*).

6

Plague (*англ.*) – чума.

7

Избавь меня от нее (*англ.*).

8

Багги – открытая машина типа вездехода, внедорожник для езды по песку.

9

PGP – сокращение от Pretty Good Pruvacy, т. е. «достаточно надежная конфиденциальность».

10

Сеть супермаркетов.

11

Калле Блумквист – мальчик-сыщик, персонаж произведений Астрид Линдгрен, в честь которого Микаэль (полное имя Карл Микаэль) Блумквист еще в молодости получил такое прозвище за склонность к детективным историям.

12

Плохие парни (*англ.*).

13

Знаменитая марка ирландского виски.

14

«Из России с любовью» (*англ.*).

15

Трафик – в криминологии так называется постоянный канал поставки нелегальных товаров.

16

«Вы имеете право хранить молчание» (*англ.*).

17

Босс всех боссов (*ит.*).

18

Книгоиздатель Эббе Карлссон оказался в центре крупного политического скандала, когда по его инициативе расследовался курдский след в убийстве Улофа Пальме.

19

В действительности такого оружия не существует. Автор, скорее всего, имеет в виду револьвер Colt Anaconda – либо калибра .44 (под патрон .44 Magnum), либо калибра .45 (под патрон .45 Colt).

20

Шведская автоматическая винтовка «АК-4», производящаяся на основе немецкой винтовки «HK G3»; не ассоциировать с автоматом Калашникова.

21

Каролина Клюфт – известная шведская спортсменка, олимпийская чемпионка 2004 года в семиборье.

22

Договор найма с руководителями компании, предусматривающий выплату им крупной компенсации в случае изменения контроля над компанией и/или увольнения.

23

Улоф Пальме (1927–1986) – премьер-министр Швеции (с 1969-го по 1986-й), был застрелен наемным убийцей из револьвера «Смит-энд-Вессон .357 магнум».

24

Осмо Валло, 40-летний наркоман, умер при задержании в 1995 г., будучи в нетрезвом состоянии и под воздействием наркотиков, лежа в полицейской машине со связанными за спиной руками. По данным полиции, смерть произошла вследствие инфаркта, по противоречивым данным врачей – вследствие применения к задержанному насилия.

25

Маттиас Флинк – прапорщик шведской армии, в 1994 г. расстрелял в г. Фалуне семь человек.

26

Цветок (*шв.*).

27

Михайло Михайлович, нанесший смертельные ранения А. Линд в 2003 г., был признан невменяемым; в частности, он сообщил, что слышал некие голоса, требовавшие от него зарезать Линд.

28

БДСМ – психосексуальная субкультура, основанная на эротическом обмене властью и иных формах сексуальных отношений, затрагивающих ролевые игры в господство и подчинение.

29

Семинар по садо-мазо (*англ.*).

30

Рахман Джой – выходец из Бангладеш, в 1994 г. был приговорен к десятилетнему заключению за убийство, в 2002 г. оправдан.

31

Аббревиатура фразы «I seek you» – «Я ищу тебя».

32

«Ангелы ада» (*англ.* Hell's Angels) – знаменитый мотоклуб, возникший в 1950-х гг. в Калифорнии, США, один из крупнейших в мире. Имеет множество филиалов по всему миру.

33

Парк развлечений в Стогкольме.

34

Братец Умник (*шв.* Bror Duktik) – первоначально имя одного из трех поросят диснеевского фильма. Братец Умник стало нарицательным названием всезнайки, который всех поучает.

35

Заливать огонь бензином (*англ.*).

36

Хинсеберг – женская тюрьма в Швеции.

37

Либертарианство – политическая философия, в основе которой лежит запрет на «агрессивное насилие».

38

Песня американского композитора Фрэнка Лессера.